

п. 5373

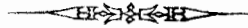
АКАДЕМИЯ НАУК ССР

06
4

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

IV

А К А Д Е М И Я П А У К С С С Р

У Ч Е Н Ы Е З А П И С К И
И Н С Т И Т У Т А
С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

Т о м I V

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1954

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР •

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА БИОФИЗИКИ
АНДАНКА НАУК СССР

СТАТЪИ

Л. Б. Валев

БОЛГАРИЯ В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА УКРЕПЛЕНИЕ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СТРОЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

8 мая 1945 г. фашистская Германия, разгромленная доблестной Советской Армией, безоговорочно капитулировала. Обращаясь в связи с этим к советскому народу, товарищ Сталин заявил: „Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией... Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития“¹.

Болгарский народ на последнем этапе второй мировой войны принял активное участие в разгроме германского фашизма. После победоносного окончания Великой Отечественной войны первоочередной задачей народно-демократической власти в Болгарии стала борьба за справедливый мирный договор, за сохранение национального суверенитета и территориальной целостности страны, за восстановление ограбленного фашистами и разоренного войной народного хозяйства. Эти задачи болгарским трудящимся и прежде всего возглавлявшей их Болгарской рабочей партией (коммунистов) приходилось разрешать в обстановке продолжавшейся и все более усиливавшейся ожесточенной борьбы с внутренней и внешней реакцией.

По своему содержанию этот период был периодом становления диктатуры пролетариата, углубления народно-демократической революции и перехода к осуществлению в стране революционных социалистических преобразований. В этот период в обстановке обостряющейся классовой борьбы происходит процесс дальнейших изменений в расстановке и соотношении классовых сил. В ходе народно-демократической революции все более укреплялся союз рабочего класса с полупролетарскими и непролетарскими трудящимися массами города и деревни, в первую очередь с бедняцким и середняцким крестьянством, при ведущей роли в этом союзе пролетариата и под руководством Болгарской рабочей партии (коммунистов). Вместе с тем, по мере укрепления и развития народной демократии по пути к социализму,

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, Госполитиздат, М., 1949, стр. 193—194.

отсеивались временные попутчики. Городская и сельская буржуазия, а также часть мелкобуржуазных элементов становились на путь все более ожесточенной борьбы против дальнейших демократических преобразований, переходили в лагерь врагов народной власти. Лагерь реакции в Болгарии все более активизировал свою контрреволюционную, подрывную деятельность, стремясь восстановить в стране капиталистический строй.

„Переход от капитализма к коммунизму, — писал Ленин, — есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта надежда превращается в попытки реставрации. И после первого серьезного поражения, свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросятся в бой за возвращение отнятого «рая»... А за эксплуататорами-капиталистами тянется широкая масса мелкой буржуазии, про которую десятки лет исторического опыта всех стран свидетельствуют, что она шатается и колеблется, сегодня идет за пролетариатом, завтра пугается трудностей переворота, впадает в панику от первого поражения или полупоражения рабочих, нервничает, мечется, хныкает, перебегает из лагеря в лагерь...“¹.

Болгарская буржуазия в борьбе против народно-демократической власти опиралась на поддержку американско-английского империализма, пытавшегося уничтожить революционные завоевания трудящихся масс Болгарии, а также на экономические позиции, которые она еще сохраняла в своих руках в промышленности и сельском хозяйстве, и скрытых агентов, притаившихся под видом специалистов в различных звеньях государственного аппарата. Получив сильный удар в результате разоблачения и разгрома геметовщины, болгарская реакция приступила к перестройке своих рядов, к реорганизации своих сил, перешла к более гибким и коварным методам легальной и нелегальной борьбы против народно-демократической власти. Политическим руководителем и организатором сил реакции внутри страны стала антинародная клика Петкова — Лулчева, пытавшаяся выдать себя за „демократическую оппозицию“.

На протяжении 1945—1947 гг. происходит ожесточенная классовая борьба между выступающей как политически организованная сила буржуазной реакцией и руководимым Рабочей партией (коммунистов) болгарским рабочим классом в союзе с остальными трудящимися массами. В этой борьбе процесс становления диктатуры пролетариата все более ускорялся. „Диктатура пролетариата, — указывал В. И. Ленин, — есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой *удесятерено* ее свержением“². Далее он отмечал, что „диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества“³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 233.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 7.

³ Там же, стр. 27.

Народно-демократическая власть шла на временные тактические уступки, которые вызывались в первую очередь внешнеполитическими соображениями (необходимо учесть, что мирный договор с Болгарией не был подписан вплоть до февраля 1947 г.), и относилась до поры до времени сравнительно терпимо к легальной деятельности оппозиции с тем, чтобы разоблачить перед народными массами ее истинное, реакционное лицо и оторвать от нее обманутые ею мелкобуржуазные слои населения. По мере укрепления диктатуры пролетариата все отчетливее проявлялись неразрывно связанные между собой три основные ее стороны: подавление сопротивления и попыток реставрации со стороны свергнутых эксплуататоров, борьба за окончательный отрыв трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии, за упрочение союза с этими массами и проведение ряда революционных преобразований в политической, экономической и культурной жизни страны, призванных обеспечить ее развитие по пути к социализму.

Проведение в жизнь действительно революционных преобразований в Болгарии было возможно лишь в результате того, что народно-демократическое государство получало постоянную, активную и многостороннюю поддержку со стороны могучей Советской социалистической державы. Политическая, дипломатическая и экономическая помощь, оказываемая Советским Союзом болгарским трудящимся, явилась решающим условием и надежной гарантией успешного развития народно-демократического режима и упрочения диктатуры пролетариата.

Большое значение при этом имело то обстоятельство, что вплоть до декабря 1947 года на болгарской территории находились части Советской Армии, которые своим присутствием сковывали действия внутренней и внешней реакции и не позволили ей разжечь в стране гражданскую войну.

Учась на богатом опыте строительства социализма в СССР, пользуясь мудрыми разъяснениями и советами товарища Сталина, болгарские коммунисты уверенно и смело осуществляли руководство народно-демократическим государством.

1. ВЫБОРЫ 18 НОЯБРЯ 1945 г. И НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ 1945—1946 гг.

Правительство Отечественного фронта, чтобы упрочить внутреннее и международное положение страны и закрепить демократические завоевания 9 сентября, в соответствии с рекомендацией 1-го конгресса Отечественного фронта, после окончания войны приняло решение провести выборы в Народное собрание. 6 июня 1945 г. был обнародован закон о выборах в Народное собрание 26-го созыва.

Новый избирательный закон внес коренные изменения в избирательную систему. Он установил, что в Народное собрание имеют право избирать и быть избранными все болгарские граждане, независимо от национальности, пола, имущественного положения и т. д. Правительство Отечественного фронта впервые предоставило военнослужащим полные гражданские и политические права, разрушив этим искусственную преграду, воздвигнутую монархо-фашизмом между армией и народом. Оно также привлекло к активной политической жизни женщин и обеспечило все права национальным меньшинствам. Снизил возрастной ценз с 21 до 19 лет для активного и с 30 до 23 лет для пассивного избирательного права, правительство Отечественного фронта

вовлекло в активную политическую жизнь болгарскую молодежь. В отличие от избирательного закона 1937 г., по которому голосование было обязательным и неучастие в выборах каралось штрафом, новый закон устанавливал полную свободу и добровольность участия в выборах. Новый избирательный закон предусматривал принцип пропорционального представительства, отвечающий соотношению политических сил в стране. В соответствии с численностью населения общее количество депутатов было определено в 276 человек (вместо 160 по закону 1937 г.). Право выдвигать кандидатов, по новому избирательному закону, получили: 1) политические партии, зарегистрированные в качестве юридических лиц, причем к выдвижению кандидатов допускались как отдельные партии, так и объединенные группы партий; 2) областные комитеты Отечественного фронта и 3) любая группа, состоящая не менее чем из 10 грамотных избирателей соответствующего избирательного округа.

Выборы в Народное собрание были первоначально назначены на 26 августа 1945 г. 13 июля была опубликована избирательная платформа Отечественного фронта. В этой платформе Национальный комитет Отечественного фронта выдвигал следующие задачи: обеспечить болгарскому народу достойное место в семье свободлюбивых народов, заключить почетный мирный договор, а также содействовать установлению прочного мира на Балканах и во всем мире и вечной дружбы с освободителем болгарского народа — Советским Союзом. В избирательной платформе Отечественного фронта были четко сформулированы задачи обеспечения личной безопасности граждан, составления болгарского законодательства в духе программы Отечественного фронта для дальнейшего прогресса и полной демократизации страны, подчеркивалась необходимость борьбы с проявлениями фашистской и расистской идеологии и со всякого рода шовинизмом, установления равных прав и обязанностей для всех национальных меньшинств, обеспечения свободы слова, собраний, организаций и печати для народа и т. д.

В избирательной платформе Отечественного фронта излагались задачи восстановления хозяйства и развития производительных сил, борьбы со спекуляцией и черной биржей, установления правильного соотношения между ценами на сельскохозяйственные продукты и промышленные товары, механизации сельского хозяйства и поощрения кооперативной обработки земли путем снабжения села сельскохозяйственными машинами и т. д.

Большое внимание избирательная платформа Отечественного фронта уделяла также вопросам народного просвещения, здравоохранения, правосудия, финансов, социальной политики.

По поводу этой демократической, прогрессивной избирательной платформы Отечественного фронта Георгий Димитров говорил: „Эта платформа отвечает жизненным, реальным интересам нашего народа. Она отвечает интересам и рабочих, и крестьян, и народной интеллигенции, и служащих, и нашей народной армии, и нашей героической молодежи. Эта платформа вполне осуществима, ибо она пользуется активной поддержкой огромного, подавляющего большинства народа. Она не содержит никаких пустых демагогических обещаний, как это было в платформах прежних лжедемократических и фашистских правителей.

Избирательная платформа Отечественного фронта является единственно возможной в настоящих условиях, действительно полезной для народа платформой¹.

Организации Отечественного фронта и в первую очередь коммунисты провели широкую разъяснительную кампанию в связи с выборами и мобилизовали трудящихся на выполнение важнейших мероприятий народно-демократического правительства и производственных задач.

Реакция же использовала избирательную кампанию для нового усиления своей антинародной, подрывной деятельности. Ее опорой в стране служили фашистские и реакционные силы: капиталисты, спекулянты, кулачество. Болгарская реакция возлагала большие надежды на поддержку американо-английских империалистических кругов. Накануне выборов она развернула бешеную кампанию, пытаясь всячески подорвать авторитет БРП(к) и Отечественного фронта, разъединить силы народа и повернуть вспять политическое развитие страны. Орудием реакции в этой антинародной деятельности явилась выступившая к тому времени уже открыто против народно-демократической власти оппозиция в лице раскольников из Земледельческого союза (во главе с Николой Петковым) и из социал-демократической партии (во главе с Григором Чешмеджиевым, а после его смерти — Костой Лулчевым и Крыстю Пастуховым). 26 июля 1945 г. бывший тогда еще министром без портфеля Никола Петков обратился к премьер-министру Кимону Георгиеву, регентам, Союзной контрольной комиссии, английской и американской миссиям с письмом, в котором он потребовал отсрочки выборов и проведения их под контролем союзных держав. В тот же день болгарское правительство осудило и отвергло попытку реакционера-министра вызвать иностранное вмешательство во внутренние дела Болгарии. Получив решительный отпор, Петков через несколько дней вышел из состава правительства и открыто приступил к сколачиванию оппозиционного блока, направив все усилия на подрыв и раскол Отечественного фронта.

Одновременно с этим оппозиция начала лихорадочно готовиться к выборам. В противовес Отечественному фронту она выдвинула свои списки кандидатов в Народное собрание.

В своей программе оппозиционеры стремились добиться лишения избирательных прав военнослужащих и молодежи; они настаивали на предоставлении полной свободы фашистским элементам и т. п. Эта программа воплотила в себе ненависть реакционеров к БРП(к) и своим острием была направлена на раскол Отечественного фронта.

Не имея поддержки в народе, оппозиционеры стали усиленно добиваться вмешательства иностранных империалистов. 13 августа американский политический представитель в Болгарии Барнс вручил регентам и премьер-министру ноту государственного секретаря США Бирнса, в которой было указано, что если выборы не будут отсрочены, то они не будут признаны американским правительством.

14 августа лидеры оппозиции Петков, Чешмеджиев, Стоянов и др. вручили регентам и премьер-министру письмо, в котором заявляли, что снимают свои кандидатуры, так как выборы якобы опорочены. 17 августа министры-оппозиционеры Петко Стоянов, Григор Чешмеджиев, Асен Павлов и Ангел Держански вышли в отставку.

¹ Георги Димитров. Речи, доклады, статьи., т. III, София, 1947, стр. 97.

В противовес агрессивной политике давления на болгарское правительство и вмешательства во внутренние дела Болгарии, проводимой американско-английскими империалистами, Советский Союз решительно поддержал болгарский народ, оказав ему в этот трудный для него момент большую моральную и международно-политическую помощь. 14 августа заместитель председателя Союзной контрольной комиссии в Болгарии генерал-полковник Бирюзов по поручению Советского правительства обратился к премьер-министру Болгарии Кимону Георгиеву с заявлением о том, что Советское правительство решило восстановить с Болгарией дипломатические отношения и предложило обменяться посланниками. В заявлении говорилось, что правительство СССР решило восстановить с Болгарией дипломатические отношения ввиду того, что Болгария, начиная с 9 сентября 1944 г., активно участвовала на стороне Объединенных наций в войне против Германии и что болгарский народ своей борьбой внес вклад в дело разгрома Германии, а также считаясь с тем, что Болгария лояльно выполняет обязательства, возложенные на нее соглашением о перемирии¹.

По случаю восстановления дипломатических отношений Советского Союза с Болгарией в городах и селах страны состоялись многочисленные митинги и собрания, на которых болгарский народ выразил свою большую радость и признательность Советскому Союзу.

Американско-английские империалисты, продолжая свою политику поддержки врагов болгарского народа, встали на путь отрицания факта выполнения Болгарией своих обязательств по перемирию. Этим они пытались „обосновать“ свое вмешательство во внутренние дела страны.

21 и 24 августа английское и американское правительства направили болгарскому совету министров новые ноты. В этих нотах содержались новые угрозы о том, что если выборы не будут отсрочены, США и Англия не признают болгарское народно-демократическое правительство и не подпишут мирный договор с Болгарией.

На заседании болгарского совета министров 24 августа было решено, чтобы облегчить заключение мирного договора, а также установление дипломатических отношений с США и Англией, перенести выборы, если на это будет дано согласие Союзной контрольной комиссии. Заместитель председателя Союзной контрольной комиссии генерал-полковник Бирюзов в ответ на ноту болгарского правительства сообщил, что Союзная контрольная комиссия считает возможным рекомендовать болгарскому правительству отсрочить на короткий срок выборы в Народное собрание. 25 августа выборы были отсрочены.

После того как правительство приняло решение об отсрочке выборов, оппозиция еще более активизировала свою подрывную деятельность. Оппозиционные элементы стали оформляться организационно. Возобновила деятельность Демократическая партия Николы Мушанова и Александра Гиргинова; вокруг нее стали также группироваться реакционеры из бывших партий народняков и либералов и скрытые фашисты. 24 сентября 1945 г. вышел первый номер печатного органа Демократической партии — газеты „Знаме“. Последняя с первого же номера повела клеветническую кампанию против БРП(к) и Отечественного фронта.

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. III, М., 1947, стр. 381.

Раскольники во главе с Николой Петковым, исключенные из Земледельческого союза, организовали второй „Земледельческий союз“ и с 25 сентября начали выпускать газету „Народно земеделско знаме“, или, как презрительно стал называть ее болгарский народ, „Зеленое знамя“. 10 ноября эта группа беспринципных политиков объединилась на основе общей борьбы против Отечественного фронта с другой реакционной группой, руководимой Димитром Гичевым, бывшим министром без портфеля в кабинете Муравиева¹. Таким образом, объединившись с Гичевым, Никола Петков фактически открыто объявил себя противником дела народного восстания 9 сентября. Отнюдь не случайно в „Зеленом знамени“ одновременно были помещены сообщение об объединении групп Петкова и Гичева и приветственное письмо оппозиции от бежавшего в США врага болгарского народа Гемето.

Правые элементы из социал-демократической партии во главе с Григором Чешмеджиевым вышли из ее рядов и также оформились в отдельную партию. 16 ноября они начали издавать провокационную газетку „Свободен народ“.

Реакционные группы, вышедшие из Земледельческого союза и социал-демократической партии, видя, что Отечественный фронт пользуется большим авторитетом в массах, заявили, будто они „искренние сторонники Отечественного фронта“, которому якобы изменили БРП(к) и другие входящие в него партии, и стали называть себя „оппозицией Отечественного фронта“. Мушанов же и его партия открыто объявили себя противниками Отечественного фронта. По сути дела и те, и другие являлись не чем иным, как агентурой внутренней реакции и американско-английского империализма.

Стремясь расколоть Отечественный фронт и опорочить народно-демократическое правительство, оппозиционеры прибегали к фальсификации и наглой клевете, выступали против народной милиции, трудовых земледельческих кооперативов, внутренней и внешней политики, проводимой Отечественным фронтом, пытались вызвать недовольство в стране. В своих действиях они возлагали большие надежды на вмешательство американско-английских империалистов во внутренние дела Болгарии.

Добиваясь отсрочки выборов, реакционные круги рассчитывали, что им удастся вызвать распад Отечественного фронта, разъединить болгарский народ и самим пробраться к власти. Однако их расчеты провалились. Под руководством болгарских коммунистов на защиту завоеваний 9 сентября против реакционных, антинародных действий оппозиции поднялись все демократические силы страны. Национальный комитет Отечественного фронта и другие массовые демократические организации выступили с декларациями, в которых они заявили о своей верности Отечественному фронту и выразили свою уверенность в неизбежной победе Отечественного фронта на предстоящих выборах. В опубликованной 29 августа декларации ЦК БРП(к) говорилось:

¹ Д. Гичев — один из реакционных руководителей правого крыла Земледельческого союза. В период создания Отечественного фронта он выступил против подготовки и проведения вооруженного восстания. Гичев в начале 1945 года был осужден Народным судом по делу болгарских военных преступников, но впоследствии помилован.

„ЦК БРП(к) одобряет решение правительства временно отложить выборы. ЦК рассматривает это решение как продиктованную высшими интересами страны уступку в интересах скорейшего заключения мирного договора с державами-победительницами и в интересах поддержания с ними дружественных отношений и связей.

ЦК БРП(к) заявляет, что временная отсрочка выборов не означает срыва победы Отечественного фронта на выборах, независимо от сроков их проведения... Временная отсрочка выборов не означает и не может означать отступления от исторического дела 9 сентября, против которого нагло ополчается не искорененная до конца фашистская реакция... В ответ на наступление реакции ЦК БРП(к) призывает весь болгарский народ — рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигенцию, военных, патриотически мыслящих промышленников и торговцев, всех, кому действительно дороги Родина, ее свобода и независимость, еще теснее сплотиться вокруг Отечественного фронта, вокруг правительства... С точки зрения национальных интересов нашей страны для нее нет иного пути, кроме пути Отечественного фронта, и всякая попытка вернуть нашу страну вспять, к мрачному и проклятому фашистскому прошлому, должна во что бы то ни стало получить решительный отпор...“¹.

Болгарский народ был глубоко возмущен антинародными действиями оппозиции и вмешательством американско-английских империалистов во внутренние дела Болгарии. Широкие массы трудящихся на многолюдных митингах и демонстрациях вновь выразили свою преданность правительству Отечественного фронта и делу 9 сентября.

Болгарское правительство после отсрочки выборов внесло некоторые изменения и дополнения в новый избирательный закон, обеспечившие равные условия в избирательной борьбе для всех узаконенных политических партий, причем в качестве таковых были признаны и оппозиционные группы. Этим у реакционной оппозиции и у ее иностранных империалистических хозяев отнималась возможность спекулировать на демагогических утверждениях, будто бы в Болгарии отсутствует свобода выборов. Трудящиеся же массы получили возможность еще глубже разобраться в реакционной сущности оппозиции и наглядно распознать ее настоящее вражеское лицо. С этой же целью, а также для того, чтобы объединить все демократические силы страны и оторвать от оппозиции честных граждан, обманутых ее демагогическими лозунгами, Национальный комитет Отечественного фронта 6 сентября предложил представителям вышедших из Отечественного фронта оппозиционных групп изложить свои требования и совместно попытаться найти приемлемую базу для преодоления разногласий между ними и Отечественным фронтом и для возвращения их в ряды Отечественного фронта. Однако представители оппозиции, как и следовало ожидать, отклонили это предложение, чем еще ярче выявили свою реакционную сущность. Они потребовали отставки правительства, лишения коммунистов портфелей министров внутренних дел и юстиции, дальнейшей отсрочки выборов, отмены закона о защите народной власти, направленного против фашистов, и др. Оппозиция представила также свои „поправки“ к избирательному закону. В частности, она потребовала повысить возрастной ценз для активного избирательного права с 19 лет до

¹ „Работническо дело“, 29 августа 1945 г.

21 года и пассивного — с 23 до 30 лет, лишить избирательных прав военнослужащих и милиционеров, аннулировать § 105 избирательного закона, дающий право Народному собранию лишать депутата мандата в том случае, если он изменил программе, во имя которой он был избран, и т. п.

Правительство решительно отвергло реакционные требования оппозиции. Тогда она заявила, что будет бойкотировать выборы, и вновь обратилась за „содействием“ к иностранным державам, потребовала иностранного вмешательства во внутренние дела Болгарии.

Болгарское правительство назначило новый срок выборов на 18 ноября и возобновило предвыборную кампанию.

Болгарский народ с неописуемым восторгом встретил возвращение в Болгарию 6 ноября 1945 г. своего вождя Георгия Димитрова и бурно приветствовал его выступления, в частности его речь на грандиозном предвыборном митинге в Софии 15 ноября. В этом своем выступлении Георгий Димитров указывал:

„Ярким выражением антинародной и антиболгарской сущности оппозиции обеих крайних групп — Мушанова и Петкова — является то обстоятельство, что все свои надежды на приход к власти она возлагает исключительно на иностранное вмешательство в наши внутренние болгарские дела. Об ее антинародной сущности также свидетельствует та тактика бойкота, к которой она прибегает в отношении законодательных выборов, имеющих задачей упрочить внутреннее и международное положение страны.

Отказываясь участвовать в выборах, лишённые какой бы то ни было положительной полезной для народа программы, оппозиционеры идут по пути провокаций, диверсионных и террористических актов, хозяйственного саботажа, стремясь вызвать смущение и беспорядки в стране. Это — не серьезная политическая оппозиция, а сборище политических честолюбцев, карьеристов, адвокатов реакции, алчущих и жаждущих власти“¹.

Предвыборные митинги и собрания, организованные БРП(к) и Отечественным фронтом, превращались в массовые демонстрации народа, готового защищать завоеванную свободу и солидарного с правительством Отечественного фронта. Оппозиция также пыталась организовывать собрания своих сторонников и призвала народ бойкотировать выборы. Однако в то время как митинги Отечественного фронта собирали тысячи и десятки тысяч участников, митинги оппозиции представляли собой жалкое зрелище. Предвыборная борьба ясно показала, что оппозиция не имеет корней в народных массах.

Накануне выборов американско-английский империализм предпринял новую попытку вмешательства в болгарские дела с целью заставить болгарское правительство снова отсрочить выборы. 16 ноября американский политический представитель в Болгарии Барнс посетил премьера Георгиева и от имени государственного секретаря США вручил ему ноту, в которой подтверждалась занятая правительством США позиция непризнания представительного характера болгарского правительства и заявлялось, что в силу этого дипломатические отношения между обеими странами восстановлены быть не могут. В этой ноте выражалось

¹ Георги Димитров. Речи, доклады, статьи, т. III, стр. 105.

также сомнение в возможности свободного волеизъявления народа на предстоящих выборах.

Правительство Отечественного фронта вручило 17 ноября Барнсу подробный ответ на американскую ноту. В этом ответе болгарское правительство напоминало о том, что принятыми им после 26 августа мерами и отсрочкой выборов на 3 месяца оно предоставило оппозиционным партиям все возможности для свободного и организованного участия в выборах. Вместе с тем оно решительно отклонило новую попытку американских империалистов нарушить суверенные права болгарского народа путем вмешательства в его внутренние дела.

На выборах 18 ноября 1945 г. болгарский трудовой народ продемонстрировал свою политическую зрелость и сознательность.

Реакционеры, выступившие под флагом оппозиции, призывали избирателей не принимать участия в выборах, пускали в ход интриги, клевету, ложь, обман и провокацию, пытались их сорвать и опорочить. Даже 17 ноября вечером, накануне выборов, оппозиция распространяла по городам и селам листовки, в которых призывала избирателей бойкотировать выборы. Оппозиционеры и на этот раз пытались запугать избирателей иностранным вмешательством. В течение всей предвыборной кампании они продолжали муссировать слух об отсрочке выборов. Провокаторы из лагеря оппозиции даже стали распространять слух о том, что в день выборов на Болгарию якобы будут сброшены... атомные бомбы. Наконец, когда стало ясно, что выборы состоятся, оппозиционеры через своих агентов стали призывать недостаточно осведомленных избирателей голосовать белыми бюллетенями, утверждая, что это и есть форма голосования за Отечественный фронт.

Однако „психическая атака“ оппозиции окончилась полным провалом. Об этом свидетельствуют результаты выборов 18 ноября. Всего по стране из 4 501 035 избирателей в голосовании приняло участие 3 853 097 человек, или 85,6% общего числа избирателей. Из них за руководимый коммунистами Отечественный фронт голосовало 3 376 772 избирателя, или 88,18% общего числа участвовавших в голосовании. Политическая история Болгарии до этого не знала такого массового участия избирателей в выборах.

На выборах 18 ноября Отечественный фронт одержал блестящую победу: все 276 депутатов оказались кандидатами единого списка Отечественного фронта. Партийный состав избранного Народного собрания (распределение мандатов списка Отечественного фронта среди отдельных его партий было произведено по заранее согласованной пропорции) был следующий: 94 коммуниста, 94 земледельца, 45 членов Народного союза „Звено“, 31 социал-демократ, 11 радикалов¹ и 1 беспартийный. Председателем Народного собрания был избран коммунист Васил Коларов.

В результате выборов в Народное собрание выросла не только популярность правительства Отечественного фронта внутри страны, но

¹ 20 сентября 1945 г. между организационным комитетом радикальной партии (пользовавшейся некоторым влиянием среди мелкой буржуазии и части чиновничества) во главе с проф. Стояном Костурковым, с одной стороны, и Национальным комитетом Отечественного фронта и руководящими органами четырех партий Отечественного фронта — с другой, было достигнуто соглашение о вступлении радикальной партии в Отечественный фронт. 29 сентября 1945 г. лидер партии Стоян Костурков вошел в правительство Отечественного фронта в качестве министра просвещения.

намного увеличился также и его международный престиж. В день открытия Народного собрания, 15 декабря, состоялись массовые демонстрации трудящихся по всей стране в знак поддержки народно-демократического правительства и доверия к нему и вновь избранным депутатам.

При открытии первой сессии Народного собрания от имени регентского совета была произнесена тронная речь, которая коренным образом отличалась от тронных речей бывших антинародных правителей. В ней подчеркивалось, что Болгария вступила на новый путь развития, что ее правительство будет проводить миролюбивую внешнюю политику, добиваться повышения материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечения свободного, демократического развития страны. В тронной речи перечислялись важнейшие законопроекты, внесенные на рассмотрение Народного собрания, а также указывалось на необходимость принятия закона о созыве Великого народного собрания.

В прениях по ответу на тронную речь и в этом ответе депутаты Народного собрания подчеркнули, что они энергично поддержат правительство, опирающееся на демократические и передовые силы болгарского народа, объединенные в Отечественный фронт, в его борьбе за создание процветающей народно-демократической Болгарии.

Первая сессия Народного собрания проходила в условиях сложной внутриполитической и внешнеполитической обстановки.

Пользуясь тем, что еще не был подписан мирный договор с Болгарией, американско-английские империалисты и их агентура внутри страны чинили большие трудности народно-демократической власти, используя любой предлог для выступлений против правительства Отечественного фронта.

Однако благодаря могучей поддержке демократических сил болгарского народа великим Советским Союзом Англия и США были вынуждены фактически признать новое положение вещей, что было подтверждено в решениях Московского совещания трех министров иностранных дел (декабрь 1945 г.). Московское совещание, принимая Отечественный фронт как основную гарантию демократического развития Болгарии, установило, что „Советское правительство берет на себя миссию дать дружественный совет болгарскому правительству в отношении желательности включения в формируемое теперь болгарское правительство Отечественного фронта дополнительно двух представителей других демократических групп, которые: а) действительно представляют группы партий, не участвующих в правительстве, и б) действительно подходящи и будут лояльно работать вместе с правительством“¹.

Правительство Отечественного фронта приняло этот совет. 4 января 1946 г. оно обратилось к оппозиционным группам Николы Петкова и Косты Лулчева с предложением выдвинуть из их среды кандидатов, которые должны войти в правительство и которые, согласно решениям Московского совещания, должны лояльно сотрудничать с правительством. При этом было указано, что при дополнительном включении двух министров в правительство вопрос о реконструкции правительства или вообще об изменении курса внешней и внутренней политики, ясно сформулированной в тронной речи, не будет ставиться.

Представители оппозиционных групп — Никола Петков и Коста Лулчев, — потеряв всякое чувство реальности, вообразили, будто они

¹ „Известия Советов депутатов трудящихся СССР“, 28 декабря 1945 г.

могут диктовать правительству Отечественного фронта свои условия. Они потребовали реорганизации правительства, роспуска Народного собрания и проведения новых выборов, стали на позицию непризнания внешней и внутренней политики правительства, отрицания правомочности избранного Народного собрания решать вопрос о созыве Великого народного собрания, отрицания правомочности правительства решать вопрос о том, являются ли кандидаты, которые могут быть указаны, подходящими и достойными лояльно сотрудничать с правительством Отечественного фронта. Поскольку эти требования представителей оппозиционных групп находились в явном противоречии с решениями Московского совещания, правительство Отечественного фронта, естественно, отказалось рассматривать их.

Прибывший в Софию 9 января 1946 г. по поручению Советского правительства заместитель Народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинский имел несколько бесед с членами болгарского правительства, а также с Лудчевым и Петковым. Правительство Отечественного фронта вновь подтвердило свою полную готовность провести в жизнь решение Московского совещания, оппозиционеры же, наоборот, продолжали настаивать на своих требованиях, отвергнув, таким образом, решение министров иностранных дел трех держав о Болгарии. Этим главари оппозиции еще раз показали свою реакционность и враждебность к народно-демократической власти и оторванность от болгарского народа.

В январе—марте 1946 г. оппозиционеры несколько раз обращались к американско-английским империалистам, вновь прося о их вмешательстве во внутренние дела Болгарии. Эти предательские действия были встречены глубоким негодованием со стороны широких масс болгарских трудящихся, которые выражали свое возмущение на многочисленных митингах и собраниях по всей стране. В связи с очередной кляузой, отправленной оппозиционерами 24 января 1946 г. в адрес Союзной контрольной комиссии и отвергнутой ею, газета „Отечествен фронт“, выражая настроения болгарских трудящихся, писала: „Между отказом оппозиции принять мудрое Московское решение относительно Болгарии, ее террористическими актами за последние недели и новым позорным махзаром (кляузой) существует тесная связь. Это — линия отрицания оппозицией всего демократического дела Отечественного фронта, демократического развития Болгарии... Такую оппозицию, не лояльную, а глубоко враждебную народу, такую оппозицию, которая забыла свою родину и честь, болгарский народ с презрением отвергает“¹.

После того как была разоблачена перед болгарским народом предательская, реакционная, антидемократическая сущность оппозиции в вопросе формирования нового правительства, а также выявлен прямой саботаж ею решений Московского совещания трех министров иностранных дел, было решено приступить к созданию нового правительства без участия представителей оппозиции².

¹ „Отечествен фронт“, 1 февраля 1946 г.

² Советский Союз полностью поддержал демократические силы болгарского народа и в этом вопросе. 29 марта 1946 г. чрезвычайный и полномочный посланник СССР в Болгарии С. П. Кирсанов посетил премьер-министра Кимова Георгиева и сделал ему следующее устное заявление: „Советский Союз считает, что условия, выдвинутые оппозицией для участия в правительстве, идут вразрез с решением Московского совещания трех министров иностранных дел и поэтому являются неприемлемыми. Советское правительство считает правильными условия, предъявленные Кимовом Георгиевым в переговорах с оппозицией“ („Правда“, 4 апреля 1946 г.).

31 марта 1946 г. было образовано новое правительство Отечественного фронта во главе с Кимоном Георгиевым.

За год с небольшим существования народно-демократической власти, до избрания Народного собрания, правительство Отечественного фронта приняло около 540 декретов, отвечавших насущным нуждам демократического развития страны. Важнейшими из них были декреты о предании народному суду военных преступников, о защите народной власти, об устройстве местной администрации, о выпуске займа свободы, о трудовых кооперативных сельскохозяйственных хозяйствах, об учреждении Высшего экономического совета и др.

Вновь избранное Народное собрание одобрило все эти декреты, придав им силу законов, а также приняло ряд новых законов, упрочивших завоевания народа и заложивших основу экономического развития страны.

8 марта 1946 г. Народное собрание приняло закон о конфискации имущества, приобретенного путем спекуляции и иными незаконными средствами¹.

По приговору Народного суда в начале 1945 г. было конфисковано имущество всех осужденных военных преступников. Однако, как указывал в своем выступлении в Народном собрании 12 февраля 1946 г. Васил Коларов, ошибкой правительства Отечественного фронта было то, что тогда „не было проявлено достаточно энергии и настойчивости, чтобы провести одновременно конфискацию имущества и тех, кто ускользнул от рук Народного суда, но не менее содействовал проведению прогерманского антинародного курса и извлек из него скандальные выгоды“. Это были военные поставщики и комиссионеры от фирм и без фирм; предприниматели, проводившие работу согласно планам гитлеровского генерального штаба и нажившие огромные богатства; высокопоставленные сановники, торговавшие свободой, честью и будущим болгарского народа; крупные экспортеры и импортеры, заключавшие скандальные сделки и грабившие народ, бессовестные спекулянты, организаторы черной биржи и пр. „Они осмелели потому, — говорил В. Коларов, — что остались до сих пор ненаказанными и снова оживили черную биржу, образовав социальную и финансовую базу оппозиции против Отечественного фронта“².

Отсюда совершенно ясно большое значение закона о конфискации имущества, приобретенного путем спекуляции и иными незаконными средствами.

Оппозиция подняла бешеный вой против этого закона. Орган антинародной Демократической партии газета „Знаме“ назвала его „чудовищным“, уверяя, что он вызовет „полное хозяйственное расстройство, апатию и страх“, что в результате его осуществления возникнет „продовольственный кризис“, наступит „хаос хозяйственной жизни“, что „у частной инициативы опустятся руки“ и т. п. Оппозиционеры не останавливались перед прямым извращением текста закона, пытались запугать обывателей утверждениями, будто конфискации подлежит

¹ См. „Държавен вестник“ № 78, 5 апреля 1946 г. (Небольшие дополнения и изменения закона см. в „Държавен вестник“ № 191, 22 августа 1946 г. и № 226, 3 октября 1946 г.).

² Стенографски дневници на XXVI Обикновено народно събрание. Първа редовна сесия, Ссфия, 1947, кн. II, стр. 232.

2 Ученые записки, т. IV

любое имущество и будто под общий знаменатель преступников будет поставлен весь болгарский народ.

Совершенно иначе встретили принятие закона о конфискации незаконно нажитых имуществ болгарские трудящиеся. В редакции газет Отечественного фронта непрерывным потоком стали поступать резолюции массовых народных митингов и собраний, прошедших по всей стране и выразивших одобрение и удовлетворение принятием закона. Комитеты Отечественного фронта приняли активное участие в разоблачении лиц, разбогатевших на спекуляции, и сыграли большую роль в обеспечении наиболее полного и действительного осуществления закона.

Законом о Государственном институте страхования¹, принятым Народным собранием 29 мая 1946 г., была введена государственная монополия на страхование. Согласно этому закону, вступившему в силу 27 июня 1946 г., были национализированы все существовавшие в стране болгарские и иностранные страховые общества и предприятия, которые перешли к вновь созданному Государственному институту страхования.

Закон о трудовых нормах², принятый 2 июня 1946 г., сыграл большую роль в деле развертывания творческих сил болгарских рабочих и содействовал увеличению промышленного производства. В результате введения на производстве системы трудовых норм и прогрессивной оплаты за выпущенную сверх нормы продукцию наряду с увеличением производительности труда значительно вырос заработок рабочих. Так, например, заработок рабочих бумажной промышленности повысился в 1946 г. в результате перевыполнения норм в среднем на 8—10%. На предприятиях металлообрабатывающей промышленности после введения трудовых норм рабочие стали зарабатывать дополнительно на 20% больше обычной месячной зарплаты. Подобные результаты были достигнуты и в текстильной, угледобывающей и прочих отраслях промышленности.

Закон о создании организации „Отдых и культура“³ предусматривал проведение ряда мероприятий по обеспечению отдыха и культурного роста трудящихся.

К числу социально-экономических законов, принятых Народным собранием в 1946 г., следует отнести также законы об охране труда, о развитии кооперативного движения и другие.

В утвержденном Народным собранием 17 марта 1946 г. законе о государственном бюджете на 1946 г.⁴ нашло яркое выражение новое направление в социально-экономической и государственной жизни Болгарии. Значительно были увеличены расходы на хозяйственное и культурное строительство. Так, в 1946 г. 45% всех расходов (20 млрд. левов) предназначались на хозяйственное строительство, здравоохранение, социальные и культурные нужды, между тем как в 1944 г. для этой цели было предусмотрено всего 6 млрд. левов (25%). Существенные изменения произошли и в приходной части бюджета. Хотя косвенные налоги все еще превышали прямые (19 600 млн. левов против 11 150 млн. левов), но в процентном отношении их доля зна-

¹ „Държавен вестник“ № 143, 27 июня 1946 г.

² Там же, № 140, 24 июня 1946 г.

³ Там же, № 105, 13 мая 1946 г.

⁴ Там же, № 65, 21 марта 1946 г.

чительно снизилась по сравнению с бюджетом 1944 г., когда соотношение косвенных и прямых налогов составляло 4:1. Доходы от государственных предприятий и других объектов государственного сектора по бюджету 1946 г. составляли 6403 млн. левов, или 14% всех доходов (в 1945 г. они составляли 2453 млн.). Рост доходов за счет государственного сектора хозяйства свидетельствовал об укреплении экономической базы народно-демократической власти и усилении роли государства в хозяйственной жизни страны. Важно также отметить, что в 1946 г. впервые за много лет удалось избежать дефицита в государственном бюджете.

Еще во время прений в Народном собрании по вопросу о бюджете депутаты высказались за ускорение проведения прогрессивно-подходного обложения. В частности, председатель Народного собрания В. Коларов говорил в упоминавшейся выше речи: „Мы запоздали с проведением закона о прогрессивно-подходном налоге... Мы не можем больше медлить с проведением этой налоговой реформы. Мы настаиваем перед правительством, чтобы оно как можно скорее представало перед Народным собранием с хорошим проектом такой реформы“.

Закон о налоге на общий доход¹ был принят 27 сентября 1946 г. и вошел в силу с 1 января 1947 г. В законе перечислялись лица, предприятия и учреждения, подлежащие обложению прогрессивно-подходным налогом. Не подлежали обложению крестьяне, владеющие участком земли до 3 га (они составляли 43% всех сельских хозяйств Болгарии), пенсионеры, просветительные, культурные, спортивные и профессиональные общества, партийные организации и некоторые другие категории лиц и учреждений. Необлагаемый минимум при исчислении налога определялся от 36 тыс. левов в год для одинокого налогоплательщика до 70 тыс. левов, в зависимости от численности иждивенцев. В законе приводились таблицы по обложению налогом различных категорий населения. Так, рабочие и служащие платили от 7% с годового дохода менее 60 тыс. левов до 50%, если годовой доход превышал 960 тыс. левов; сельские хозяева и ремесленники платили от 8% с годового дохода до 50 тыс. левов до 60%, если годовой доход превышал 1500 тыс. левов. Лица свободных профессий платили 12%, если их годовой доход не превышал 50 тыс. левов, и 64%, если он был выше 1500 тыс. левов. Торговцы и промышленники уплачивали налог в размере 15%, если их годовой доход не превышал 100 тыс. левов, и 68%, если он превышал 1500 тыс. левов.

С учреждений, предприятий, обществ налог взимался в размере 18%, если годовой доход не превышал 100 тыс. левов, и в размере 74%, если он превосходил 1500 тыс. левов.

Доходы от налога распределялись следующим образом: государство получало 87%, общины — 10%, хозяйственные палаты — 1,5%, фонд читален — 0,5% и фонд противопожарной защиты — 1%.

Законом о прогрессивно-подходном налоге народно-демократическое государство добилось справедливого распределения налогового бремени, возложив основную его тяжесть на эксплуататорские слои населения.

Одним из наиболее важных мероприятий в области экономики было принятие Народным собранием 12 марта 1946 г. закона о трудовой

¹ „Държавен вестник“ № 234, 12 октября 1946 г.

земельной собственности (аграрной реформе). Этот закон явился решительным шагом по пути осуществления программы Отечественного фронта в области сельского хозяйства и сыграл большую роль в упрочении народной демократии, укреплении союза рабочих и трудящихся крестьян. «Закон о трудовой земельной собственности, — говорится в первом его параграфе, — имеет целью: а) определение размера земельного участка, которым может владеть каждый болгарский гражданин и который необходим ему для обеспечения лучшего существования; б) создание государственного поземельного фонда в целях выделения земельных участков для удовлетворения нуждающихся в земле крестьян; в) создание жизнеспособных трудовых земледельческих хозяйств на основе трудового принципа: „земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает“, а именно: 1) трудовых частных земледельческих хозяйств, в которые хозяин и члены его семьи вкладывали бы свой труд, и 2) трудовых кооперативных земледельческих хозяйств, в которые члены кооперации, вместе с членами своих семей, вкладывали бы свой труд; г) переселение жителей из находящихся под охраной и строго охраняемых лесных районов, почва которых подвержена смыву, из районов плотно населенных и с низкой продуктивностью — в другие районы, где условия землепользования дают большие возможности для обеспечения и улучшения их пропитания»¹.

Исходя из основного принципа передела земли, закон устанавливал земельный максимум. Максимальный размер участка пахотной земли для семьи (до 4 человек), которая непосредственно ее обрабатывает, ограничивался на всей территории страны 20 га, а в Добричской (ныне Толбухинской), Балчикской, Дуловской, Генерал-Тошевской и Тервелской околиях (Южная Добруджа) — 30 га. Максимальный же размер земельных участков для лиц, основным занятием которых не является земледелие, ограничивался 3 га на семью по всей Болгарии и 5 га на семью в районах Южной Добруджи. Такая разница в размере земельного максимума в Южной Добрудже и остальных районах Болгарии объяснялась рядом причин и прежде всего тем, что в Добрудже исторически несколько по-иному сложились аграрные отношения. Земельные владения в Южной Добрудже были в среднем значительно больших размеров, чем в остальной Болгарии².

Размеры государственных, общинных, монастырских и церковных земель, а также земель промышленных предприятий, культурных учреждений и других организаций устанавливались специальным решением поземельного совета при дирекции земель с последующим утверждением совета министров.

Все частные, общественные, монастырские, церковные и прочие земли, превышающие установленный законом максимум, отчуждались в пользу государства и передавались в государственный земельный фонд. В этот фонд были включены также все земли военных преступников и врагов болгарского народа, конфискованные по суду, а также и все земельные участки, полученные в результате мелиоративных и прочих работ, все пустоши и все площади, принадлежащие государству и другим учреждениям и предприятиям, не используемые для каких-либо хозяйственных нужд.

¹ „Държавен вестник“ № 81, 9 апреля 1946 г.

² По переписи 1946 года в Южной Добрудже средний размер земельных владений составлял 8,2 га, а на остальной территории Болгарии — 4,5 га.

Государство уплачивало тем владельцам земли, у которых изымался излишек земельной площади, определенную сумму (в виде облигаций) за отчуждаемую землю. При этом со стоимости частных земель в пользу государственного земельного фонда делалась определенная скидка. Система расчетов между государством и землевладельцем была построена на такой основе, что относительно наибольшее возмещение за отчуждаемую землю предоставлялось менее крупным собственникам. Если земельный собственник, у которого отчуждалось от 5 до 10 га земли, получал от государства почти полную ее стоимость (90%), то крупный землевладелец, у которого изымалось 150 га, получал лишь половину ее стоимости.

Вторая фаза аграрной реформы заключалась в распределении отчужденной земли, поступившей в государственный земельный фонд.

Для правильного распределения земли создавался так называемый средний тип трудового земледельческого хозяйства, размер которого устанавливался общинной комиссией по определению трудовой земельной собственности в зависимости от хозяйственной специфики района, качества земли и размера среднего земельного владения в данном населенном пункте. Однако этот средний тип частного трудового земледельческого хозяйства не мог превышать 8 га пахотной земли в Южной Добрудже и 5 га во всех остальных районах Болгарии.

При распределении земли из государственного земельного фонда наделялись в первую очередь пострадавшие от войны и фашистского террора инвалиды, вдовы и сироты погибших антифашистов, бывшие партизаны, безземельные и малоземельные крестьяне, многодетные крестьянские семьи, воспитанники сельскохозяйственных училищ.

Наделенные землей должны были платить за предоставленную им землю по оценкам, на основании которых она была причислена к земельному фонду, причем при вступлении во владение землей вносилось 5% ее стоимости, а остальная сумма должна была выплачиваться в течение 20 лет равными годовыми беспроцентными взносами. При этом предоставлялась большая скидка инвалидам, вдовам, сиротам и другим категориям лиц, пострадавшим от войны (на 50%), а также членам трудовых кооперативных земледельческих хозяйств (на 40%).

Всего по аграрной реформе подлежало перераспределению около 230 тыс. га земли, которая должна была быть получена в результате отчуждения 50 тыс. га у 3100 частных лиц и 180 тыс. га у 1900 различных учреждений, обществ и организаций. Земли, подлежавшие перераспределению, были сосредоточены, главным образом, в северной и, в особенности, в северо-восточной части страны. Так, в Южной Добрудже, где аграрная реформа была осуществлена быстрее, чем в других областях, уже к концу октября 1946 г. у 1224 крупных землевладельцев было отчуждено и передано в государственный земельный фонд 33 451 га земли¹. К концу 1947 г. во всей стране было отчуждено и причислено к государственному земельному фонду 153 тыс. га пахотной земли. Основная часть этой земли была распределена между 126 733 безземельными и малоземельными крестьянскими хозяйствами (в среднем по 1 га на хозяйство) и 212 общественными скотоводческими фермами². К концу августа 1948 г. государственный

¹ „Отечествен фронт“, 23 октября 1946 г.

² Там же, 5 октября 1948 г.

земельный фонд получил еще 58 тыс. га земли и распределил дополнительно 8333 га. К тому же времени были созданы крупные образцовые государственные земледельческие хозяйства (по несколько сот гектаров в каждом), которые получили 70 405 га земли¹. Часть земли была выделена кооперативам, общинам и другим организациям.

В соответствии с законом об аграрной реформе несколько тысяч крестьянских семей было переселено из районов с низкой производительностью (Родопские горы и Стара Планина), где ощущался острый недостаток в земле, в менее заселенные и более плодородные районы Дунайской равнины и Южной Добруджи.

Однако осуществление закона о трудовой земельной собственности из-за малочисленности имевшихся в стране крупных хозяйств и отсутствия необходимого количества земли, которая могла быть перераспределена, лишь частично удовлетворило существовавший в стране земельный голод. В условиях сохранения мелкого, раздробленного землевладения, при котором отсутствует возможность применять современные сельскохозяйственные машины и достижения агротехники, болгарское сельское хозяйство не было в состоянии выйти из тяжелого положения, в котором оно находилось. Это положение могло быть ликвидировано лишь путем перехода к коллективной обработке объединенных земельных участков.

Чтобы увеличить производительность крестьянских хозяйств путем перевода их на машинную обработку земли, закон о трудовой земельной собственности, так же как и принятый годом раньше закон о трудовых кооперативных земледельческих хозяйствах, поощрял вступление крестьян в сельскохозяйственные кооперативы, которым был предоставлен ряд преимуществ и льгот. Беднейшая часть болгарского крестьянства понимала необходимость такого объединения и вступала в трудовые кооперативные земледельческие хозяйства. К концу 1946 г. были уже созданы 444 трудовых кооперативных земледельческих хозяйства, объединивших более 47 тыс. крестьянских семей и владевших 169 тыс. га земли. В помощь им были созданы 22 машинно-тракторные станции. В конце 1945 г. и в 1946 г. Советский Союз прислал Болгарии свыше 200 тракторов, которые были переданы этим МТС. В 1946 г. государство отпустило трудовым кооперативным земледельческим хозяйствам в виде безвозмездной ссуды 471 млн. левов.

В трудовых кооперативных земледельческих хозяйствах сохранялась частная собственность на землю, но земля обрабатывалась коллективно. При распределении дохода между членами кооперативного хозяйства учитывалось как количество земли, вложенной каждым членом, так и количество вложенного им труда.

Лица, получившие землю из государственного земельного фонда, обязывались, согласно статье 42 закона о трудовой земельной собственности, не отчуждать или обременять обязательствами как вновь предоставляемые им участки, так и имевшуюся у них ранее землю. Это касалось и вступивших в трудовые кооперативные земледельческие хозяйства и единоличников.

Эта мобилизация земли, хотя и охватившая в рассматриваемый здесь период сравнительно небольшую часть земельного фонда страны, имела большое принципиальное и практическое значение и явилась

¹ „Отечествен фронт“, 5 октября 1948 г.

одной из переходных подготовительных мер к будущей национализации, без которой невозможно построение социализма в деревне. В последние годы в этом направлении был принят ряд новых законов и проведены еще более важные мероприятия. Основные линии этой политики БРП(к) и народно-демократического государства, осуществляющего диктатуру пролетариата, были четко изложены в заключительном слове Георгия Димитрова на V съезде БРП(к) в 1948 г. „Мы рассчитываем, — говорил Георгий Димитров, — что путем постепенного привлечения бедняков и середняков в трудовые кооперативные земледельческие хозяйства, с развитием машинно-тракторных станций, а также путем запрещения сдачи земли в аренду, ограничения и впоследствии запрещения купли и продажи земли, уменьшения и впоследствии уничтожения ренты по решению самих кооперированных крестьян, когда условия это позволят, — практически вопрос о национализации земли будет разрешен, причем вся земля останется в вечном пользовании трудящихся крестьян“¹.

Несмотря на неизбежные организационные трудности и тяжелый ущерб, нанесенный болгарскому сельскому хозяйству засухой 1945 и 1946 гг., трудовые кооперативные земледельческие хозяйства уже в те годы наглядно показали преимущества коллективной обработки земли. В большинстве из них урожайность и доходность оказались намного выше, чем у частных хозяйств тех же районов.

Наряду с аграрной реформой правительство Отечественного фронта и Народное собрание провели ряд других мероприятий по укреплению и развитию сельского хозяйства страны и улучшению положения крестьян. В результате снижения цен на некоторые промышленные товары при сохранении на прежнем уровне цен на сельскохозяйственные продукты были уничтожены „ножницы“ между этими ценами. Улучшилось снабжение сельского населения промышленными товарами. Значительная часть крестьян была освобождена от уплаты подоходного налога. Специальным законом были предоставлены пенсии по старости, наряду с крестьянами-мужчинами, которые пользовались ими ранее, также и крестьянкам². Улучшилось медицинское обслуживание сельского населения, и была расширена сеть сельских школ и библиотек. В 1946 г. было организовано свыше 21 тыс. городских культурно-трудовых бригад в помощь деревне, в составе которых приняло участие 2,5 млн. человек. Выехав в деревню, они проделали бесплатно работу стоимостью свыше 1,5 млрд. левов.

Благодаря усилиям народно-демократической власти и болгарских трудящихся и особенно благодаря братской и бескорыстной помощи Советского Союза, вновь предоставившего Болгарии значительное количество зерна и другого продовольствия, стало возможным, несмотря на тяжелые последствия засухи, предотвратить голод в стране.

Наряду с законами, направленными на упрочение экономических позиций народно-демократического государства и прогрессивное развитие социально-экономической жизни страны, Народное собрание приняло также ряд законов, направленных на подавление врагов народа.

¹ „Работническо дело“, 26 декабря 1948 г.

² „Държавен вестник“ № 129, 11 июня 1946 г.

К числу этих законов принадлежит прежде всего закон о защите народной власти,¹ принятый еще в начале марта 1945 г. правительством Отечественного фронта в качестве декрета и дополненный и одобренный Народным собранием 19 апреля 1946 г. Согласно этому закону, лица, создающие внутри страны или за ее пределами организацию или группу (или руководящие ею), ставящую себе целью свержение, подрыв или ослабление народно-демократической власти путем переворота, бунта, мятежа, террористических действий или опасных для общества преступлений, подлежали наказанию тюремным заключением или смертью. Члены такой организации или группы карались тюремным заключением на срок не менее 5 лет. Закон предусматривал также суровые наказания и для лиц, распространяющих ложные слухи и клевету на народную власть, для саботажников и лиц, совершающих другие подобные преступления.

Если старый текст закона о защите народной власти (1945 г.) был направлен, в основном, против преступников, действующих в организациях с открыто фашистской идеологией, но был недостаточно действенным против реакционных элементов, замышляющих перевороты и организующих террористические акты, прикрываясь маской „демократии“ и скрываясь под флагом оппозиционных групп, то новые изменения, внесенные в закон, восполняли этот пробел. В закон было внесено также важное дополнение, направленное против злоупотребления свободой слова, печати и иной пропагандой.

В тот же день Народным собранием было принято дополнение к закону о печати от 24 декабря 1921 г. К последнему был добавлен § 8а, который гласил: „Если какое-либо периодическое или ежедневное издание проводит тенденции, могущие нанести вред государственным интересам, вызвать опасные для общественного порядка и спокойствия настроения или ухудшить отношения Болгарии с иностранными государствами, принимаются следующие меры: а) на это обращается надлежащее внимание издателей и редакторов такого издания; б) им делается соответствующее предупреждение; в) выпуск издания запрещается на 10 дней; г) выпуск издания запрещается на срок более 10 дней, или оно закрывается навсегда“².

Комментируя принятие этих законов, газета „Отечествен фронт“ писала: „За последнее время злоупотребления в печати стали почти повседневным явлением. В то же время, поощряемые безответственными статьями и лживой информацией, злонамеренные лица или группы самым наглым образом распространяют ложные слухи, чем вносят расстройство в наши ряды и подрывают основы нашего демократического государства. Служа целям внутренней и внешней реакции, эти газеты, лица и группы самым циничным образом клеветуют на руководящих политических деятелей Болгарии, отдавших все свои силы и жизнь борьбе против фашизма и реакции. Они клеветуют на наших великих освободителей — русских и на все дружественные Болгарии народы, которые навсегда порвали с фашистским рабством и с которыми наш народ хочет жить в вечном мире и братской дружбе. Болгарский народ требует, чтобы все вредители и злостные элементы получили

¹ „Държавен вестник“ № 97, 30 апреля 1946 г.

² Там же.

по заслугам. Оба закона должны пресечь всякие попытки злоупотреблять свободой¹.

Оба эти закона сослужили большую службу болгарскому народу, охраняя народную демократию от посягательств со стороны реакционных и фашиствующих элементов, которых всячески поддерживал и структурировал американско-английский империализм. По закону о защите народной власти были привлечены к ответственности и наказаны участники ряда реакционных заговоров и организаций. За провокационные и клеветнические статьи оппозиционные газеты „Народно земеделско знаме“, „Свободен народ“ и „Знаме“ неоднократно подвергались санкциям по закону о печати. На основании доклада министра информации Совет министров принял решение с 25 декабря 1946 г. запретить навсегда оппозиционную газету „Знаме“ за систематическую публикацию тенденциозных сообщений и статей, имеющих целью ухудшить отношения между болгарским народом и другими славянскими народами и подорвать сотрудничество великих держав².

Большую роль в борьбе против реакции и за искоренение остатков фашизма в болгарской армии сыграл закон о руководстве армией и контроле над ней³, принятый Народным собранием 2 июля 1946 г. В частности, § 4 этого закона точно определял, какие лица не могут служить в болгарской армии⁴. Для проведения в жизнь § 4 закона была создана, по предложению Георгия Димитрова, правительственная комиссия, на основании работы которой, по решению Совета министров, из армии было уволено около 1800 реакционных офицеров. Чистка болгарской армии оздоровила ряды командного состава и повысила боеспособность и демократический дух армии. В ходе чистки выяснилось, что военный министр Дамян Велчев, оказавшийся, как впоследствии обнаружилось, врагом народа, открыто взял на себя роль защитника фашиствующих офицеров. Политическая физиономия Велчева стала выглядеть еще более неприглядно после разоблачения его связей с внутренними и внешними врагами болгарского народа. В конце сентября 1946 г. Дамян Велчев был вынужден уйти в отставку с поста военного министра.

Одновременно с чисткой армии продолжалась чистка государственного аппарата и учреждений от пробравшихся туда фашистов и реакционеров.

8 августа 1946 г. Народное собрание приняло закон о трудовой мобилизации лиц, не занимающихся общественно-полезным трудом⁵.

¹ „Отечествен фронт“, 19 апреля 1946 г.

² До этого газета „Знаме“ запрещалась несколько раз; 4 июня 1946 г. она была запрещена на 2 месяца с предупреждением, что будет закрыта навсегда, если не сделает соответствующего вывода.

³ Държавен вестник, № 153, 9 июля 1946 г.

⁴ Этот параграф гласил: „Не могут служить в армии лица с фашистскими, реакторскими и антидемократическими взглядами, а также офицеры, унтер-офицеры, технические начальники и военные чиновники, принимавшие непосредственное участие в убийствах и истязаниях антифашистов, в сожжении жилищ и построек народных партизан и их помощников или отдававшие подобные приказы.“

Не могут служить в армии лица, осужденные по закону о предании Народному суду виновников вовлечения Болгарии в мировую войну против союзных наций и злодеяний, связанных с ней, хотя бы они были помилованы или приговор им был отменен кассационным судом ввиду того, что они были на фронте“.

⁵ „Държавен вестник“ № 198, 30 августа 1946 г.

Этот закон предусматривал, что все работоспособные болгарские подданные обоого пола от 16 до 45 лет (мужчины — до 50 лет), уклоняющиеся от работы, мобилизуются для выполнения общественно-полезного труда. При Министерстве внутренних дел было создано специальное управление, в задачу которого входило проведение этого закона в жизнь. Этот закон также был направлен на оздоровление общественной жизни и против реакционеров, проводивших разлагающую работу.

Законы Народного собрания и мероприятия правительства Отечественного фронта, направленные на защиту народно-демократической власти от посягательств поднимавшей голову реакции и на обеспечение демократического порядка и законности в стране, нашли самую активную поддержку со стороны болгарских трудящихся. Они служили в руках народно-демократического государства надежным инструментом подавления свергнутых эксплуататорских классов, ожесточенно сопротивляющихся и борющихся за восстановление своего утраченного господства.

Проведение в жизнь всех указанных выше законов и мероприятий правительства, принимавшихся по инициативе руководящей силы Отечественного фронта — Рабочей партии (коммунистов), в значительной мере содействовало упрочению народно-демократического режима в стране.

Для Болгарии этот период характеризовался, прежде всего, переходом на рельсы мирного строительства и упорной работой болгарского народа по восстановлению экономики страны, в чем неоценимую помощь оказывал ему Советский Союз. Значительно возросли роль и значение руководящей силы режима народной демократии — Рабочей партии (коммунистов).

За время существования народно-демократической власти совершенно изменилось отношение трудящихся к производству. Ярким выражением этого нового отношения явились развернувшиеся в стране трудовое соревнование, ударничество, движение культурно-трудовых бригад в помощь деревне и сельских бригад в помощь городу, встречные обязательства на производстве и установление сознательной трудовой дисциплины.

Несмотря на то, что экономическое положение страны все еще оставалось тяжелым, были достигнуты первые значительные результаты в деле улучшения материального и культурно-бытового положения трудящихся.

2. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ БОЛГАРИИ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И ВЫБОРЫ В ВЕЛИКОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ.

Крупным историческим событием в жизни болгарского народа явилось проведение плебисцита по вопросу о форме правления и выборы в учредительное Великое народное собрание.

Еще 25 декабря 1945 г., открывая в Народном собрании прения по ответу на тронную речь регентов, Георгий Димитров указывал на необходимость созыва Великого народного собрания, которое должно принять новую конституцию, соответствующую происшедшим коренным сдвигам в экономической, социально-политической и культурной жизни болгарского народа. Одновременно с этим он выдвинул в качестве одной из ближайших задач упразднение института монархии,

который всегда был объединяющим центром реакции. Депутаты Народного собрания в своих выступлениях и в принятом ими ответе на тронную речь регентов единодушно поддержали эти предложения Георгия Димитрова.

Во исполнение программы Отечественного фронта и основываясь на пожеланиях трудящихся масс, Национальный комитет Отечественного фронта 19 июля 1946 г. выступил с проектом закона о проведении 8 сентября того же года народного опроса (референдума) о форме правления, а через 7 недель после этого, 27 октября, — выборов в Великое народное собрание.

22 июля 1946 г. проект закона о народном опросе и о проведении выборов в Великое народное собрание был одобрен Советом министров. Четыре дня спустя закон единогласно был принят Народным собранием.

Выступая 25 июля 1946 г. в Народном собрании с декларацией от имени парламентской группы БРП(к) в связи с принятием этого закона, Георгий Димитров дал характеристику Народной республики, за которую коммунисты призывали голосовать болгарский народ:

„Речь идет не только о том, чтобы объявить Болгарию республикой, но и о том, чтобы гарантировать народный и демократический характер этой республики. Мы не за всякую республику. Наш народ хочет не республики вообще, а действительно Народной республики — такой республики, которая дала бы необходимые материальные, политические, культурные и моральные гарантии против возврата назад, к черному и позорному прошлому; такой Народной республики, которая обеспечила бы демократическое развитие нашей страны вперед и все вперед; такой Народной республики, в которой не будет места хищническому, спекулятивному и паразитическому капиталу; в которой не будет места тунеядцам, спекулянтам, грабителям и угнетателям народа. Болгарский народ хочет такой Народной республики, которая бы окончательно закрепила то положение, что в нашей стране труд будет решающим общественно-хозяйственным фактором, что земля будет принадлежать тем, кто ее обрабатывает, что все подземные и наземные природные богатства будут общенародным достоянием; что женщина будет иметь равные права с мужчиной, а молодежь — широкий простор для развития и общественной деятельности. Наш трудовой народ хочет такой Народной республики, в которой будет осуществлен принцип: кто способен работать, но не хочет работать, не желает выполнять общественно-полезный труд, тот не должен есть, не должен пользоваться народными материальными и культурными благами“¹.

В принятом законе о референдуме по вопросу о ликвидации монархии и провозглашении Народной республики и о созыве Великого народного собрания² говорилось, что 26-е Обыкновенное народное собрание предлагает ликвидировать монархическую форму правления и объявить Болгарию Народной республикой, лишив царя Симеона II и Саксен-Кобург-Готскую династию всех личных и имущественных прав, преимуществ и титулов, связанных с болгарским престолом. Для этой цели правительство уполномочивалось провести 8 сентября 1946 г.

¹ Георгий Димитров. Речи, доклады, статьи, т. III, стр. 329.

² „Държавен вестник“ № 174, 2 августа 1946 г.

референдум. Закон устанавливал, что народно-республиканская форма правления будет считаться одобренной, если более половины избирателей проголосуют за Народную республику. Во втором разделе закона говорилось о проведении 27 октября 1946 г. выборов в Великое народное собрание по норме: 1 депутат от 15 тыс. жителей и излагались основные принципы будущей конституции, в которой должны быть закреплены происшедшие в стране глубокие демократические преобразования.

Сообщение о предстоящем народном опросе и созыве Великого народного собрания было встречено болгарскими трудящимися с энтузиазмом. На состоявшихся многочисленных собраниях и митингах они продемонстрировали свою твердую решимость идти неуклонно по пути, указанному Рабочей партией (коммунистов) и руководимым ею Отечественным фронтом. В своем обращении по радио к болгарскому народу 7 сентября 1946 г., накануне референдума, Георгий Димитров следующим образом охарактеризовал кампанию по подготовке референдума:

„Кампания по подготовке референдума дала возможность нашему народу критически оценить путь, пройденный им в течение пяти десятилетий, и ясно представить себе преступления монархии и ее пособников. В результате этой кампании наш народ имел возможность совершенно ясно понять, почему Болгария вместо того, чтобы на мирной конференции участвовать теперь наравне с объединенными нациями-победительницами в строительстве послевоенного мира, вынуждена, как бывший сателлит Германии, вести тяжелую борьбу за право на свое национальное существование и в защиту своих законных элементарных интересов и требований. Более чем когда-либо ранее, сейчас он видит, что виновником этого является предательская, антинародная политика монархии и монархически настроенной, грабительской части болгарской буржуазии. Эта кампания также полностью раскрыла перед народом подлое лицемерие болгарской реакции, которая, не имея смелости открыто выступить в защиту монархии, пытается всеми средствами — клеветой и интригами — дискредитировать референдум. В то же время старые и прожженные царедворцы поспешили надеться в республиканскую одежду.

Но особое значение кампании, — подчеркивал Г. Димитров, — заключается в том, что она явилась большой политической школой для широких народных масс, особенно для сотен тысяч женщин и молодежи. И это, несомненно, является хорошей подготовкой к выборам в Великое народное собрание, которое должно выработать конституцию нашей родины⁴¹.

8 сентября 1946 г. болгарский народ при небывалой активности избирателей (голосовали 91,7% от общего числа избирателей) почти единодушно высказался за свержение монархии. За Народную республику высказались 92,7% участвовавших в голосовании, а за монархию — всего 4,2% (около 3% бюллетеней были признаны недействительными). Характерно, что даже руководители оппозиционных групп, которые до самого последнего момента выступали против движения за Народную республику, накануне референдума были вынуждены на словах высказаться в пользу республики. Этим они фактически признали свое поражение.

⁴¹ Георгий Димитров. Речи, доклады, статьи, т. III, стр. 368—369.

15 сентября 1946 г. Народное собрание в торжественной обстановке провозгласило установление Народной республики.

Победа 8 сентября явилась большим шагом вперед на пути оформления и упрочения Народной республики Болгарии. Другим решительным шагом на этом пути было избрание учредительного Великого народного собрания.

Закон о выборах в Великое народное собрание был принят 2 августа 1946 г., т. е. почти за три месяца до голосования. Система, по которой проводились эти выборы, была основана на избирательном законе, одобренном в июне 1945 г.; в закон были внесены лишь небольшие изменения и дополнения, отражавшие его дальнейшую демократизацию. Кроме того, были введены бюллетени различных цветов для разных партий. Это значительно облегчало избирателям, особенно неграмотным и малограмотным, распознавание бюллетеней различных партий и обеспечивало справедливое распределение мандатов между партиями внутри общего списка Отечественного фронта в соответствии с их силой и влиянием в стране.

Партии Отечественного фронта постановили участвовать в выборах общими кандидатскими списками, отпечатанными на бюллетенях различных цветов. Оппозиционные группы земледельцев — петковцев, социал-демократов — лулчевцев и так называемых „независимых интеллигентов“, возглавляемых П. Стояновым, официально заявили, что они будут участвовать в выборах как объединенная организация. Отдельным списком участвовала Демократическая партия. Распределение мандатов проводилось по пропорциональной системе.

29 сентября в болгарской печати был опубликован текст соглашения между партиями Отечественного фронта о проведении совместной избирательной кампании. Участники соглашения обязывались всеми силами укреплять единство Отечественного фронта, представляющего собой союз антифашистских, демократических и прогрессивных сил болгарского народа. Они выступили на выборах с общей платформой, существенной частью которой было содержание совместно выработанного и принятого проекта конституции Народной республики.

Буржуазно-кулацкая оппозиция в лице петковых, лулчевых, мушановых и других выступила с яростными нападениями на этот проект. Оппозиционеры требовали сохранения старой, отжившей свой век конституции 1879 г., выгодной только реакции. Они стремились сделать ее своим знаменем, сплотив вокруг нее все монархические, профашистские, реакционные, антинародные элементы. Несмотря на различие оттенков, все оппозиционные партии являлись в одинаковой степени врагами Народной республики. Оппозиционные группировки с первых же дней предвыборной борьбы пустили в ход фальшивки и провокации, стремясь всячески дискредитировать народно-демократическую власть. Поддержанные иностранными реакционными кругами, а также внутренней реакцией, они развернули разнузданную демагогию, используя стоявшие перед страной трудности внутреннего и внешнего порядка; они пытались запугать избирателей лживой выдумкой, что в случае, если они отдадут свои голоса партиям Отечественного фронта, Болгарии придется принять тяжелые условия мирного договора, страна должна будет выплачивать огромные репарации и потеряет часть своей территории. Болгарские избиратели оказали решительный отпор этим врагам народа, врагам независимости страны.

На выборах в Великое народное собрание 27 октября 1946 г. Отечественный фронт одержал блестящую победу. Итоги выборов показали соотношение общественно-политических сил страны и наглядно продемонстрировали, за кем идет большинство болгарского народа. Из 4 266 614 человек, принявших участие в голосовании (что составляло 92,6% всех избирателей), за партии Отечественного фронта высказались 2 981 189 человек, т. е. около 70% голосовавших. Вместе с тем итоги выборов вновь подтвердили, что основной, руководящей и направляющей политической силой в Болгарии является Рабочая партия (коммунистов), получившая свыше 50% общего количества голосов или около 76% голосов, поданных за Отечественный фронт. Наряду с этим необходимо отметить, что союзники БРП(к) по Отечественному фронту получили сравнительно небольшое число голосов, значительно меньше, чем они ожидали.

Эта неудача союзников БРП(к), как подчеркивал после выборов Георгий Димитров, объяснялась тем фактом, что как во время избирательной кампании, так и до нее эти партии не отмежевались решительно от оппозиции, не вели достаточной борьбы с ее злостной демагогией, толковавшей о мнимой „коммунистической диктатуре“ и т. п. В глазах многих избирателей эти партии мало чем отличались от оппозиции, и избиратели, подпавшие под влияние демагогии оппозиционеров, предпочитали голосовать за оппозиционных кандидатов.

Оппозиционные группы на выборах собрали немногим более одной четверти всех голосов. В состоявшейся 29 октября 1946 г. беседе с иностранными журналистами в связи с результатами выборов Георгий Димитров дал следующую политическую характеристику избирателям, голосовавшим за оппозицию: „Во-первых, это крупные капиталисты, спекулянты, реакционеры, профашисты, сообщники немцев в ограблении Болгарии, которые любой ценой стоят за прошлое, за возврат назад, и, во-вторых, это люди со слабыми нервами“. „За оппозицию голосовала также, — подчеркивал Г. Димитров, — часть избирателей, недовольная продовольственными затруднениями и ограничениями. Не будет преувеличением, если мы скажем, что по меньшей мере половина голосов, полученных оппозицией, была плодом недовольства и личных огорчений. У оппозиции, которая в течение года будет иметь в Великом народном собрании сотню депутатов, в сущности через несколько месяцев в городах и селах будет вдвое меньше избирателей в результате постепенного улучшения материального положения в стране и вследствие исправления допущенных ошибок“¹.

Соотношение сил в Великом народном собрании было следующим: из общего количества 465 депутатских мандатов 366 получили партии Отечественного фронта, в том числе коммунисты получили 275 мандатов, земледельцы — 69, социал-демократы — 9, Народный союз „Звено“ — 8, радикалы — 4 и независимые — 1. Из 99 мандатов, полученных оппозицией, 89 получила группа Петкова, 9 — группа Лулчева и 1 — независимый. Председателем Великого народного собрания и временным президентом республики был избран Васил Коларов.

¹ Георгий Димитров. Речи, доклады, статьи, т. III, стр. 439—441.

Подводя итоги выборов в целом, Георгий Димитров писал 29 октября 1946 г.: „Выборы в Великое народное собрание открывают перед Отечеством новые возможности в деле развертывания его плодотворной деятельности. Эти возможности будут во многом способствовать дальнейшему, еще большему сплочению демократических и прогрессивных сил нашего народа. Правда, присутствие в Великом народном собрании группы саботажников народного дела создаст некоторые дополнительные трудности для Отечественного фронта, но вместе с тем это присутствие усилит бдительность нашего народа и его верных и преданных представителей внутри и вне Великого народного собрания, во стократ увеличит их энергию и их решимость устранить все препятствия на пути к возрождению нашей нации и к обеспечению народного благополучия“¹.

22 ноября 1946 г. было сформировано новое правительство Отечественного фронта во главе с вождем болгарского народа Георгием Димитровым. Руководящая роль рабочего класса и его авангарда — Рабочей партии (коммунистов) — нашла в нем свое яркое выражение. В состав правительства вошли 10 коммунистов, 5 представителей Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), два социал-демократа, два представителя Народного союза „Звено“ и один независимый. Председатель Совета министров имел 4 заместителей — по одному от каждой партии. Как заявил Георгий Димитров, распределение министерских портфелей между партиями Отечественного фронта было произведено не на основе численности их представителей в Великом народном собрании, а исходя из необходимости укрепления Отечественного фронта и обеспечения работоспособности правительства. Что касается оппозиции, — сказал Г. Димитров, — то ее вожаки, „продолжая свою прежнюю подрывную политику, не проявили никакого желания сотрудничать в строительстве нашей молодой республики, и, видимо, поэтому они не сделали ни председательству республики, ни премьер-министру, которому было поручено составить новый кабинет, никаких предложений о сотрудничестве с Отечественным фронтом или об участии в управлении страной“².

Великое народное собрание открылось 7 ноября 1946 г. и сразу же приступило к подготовительной работе для разрешения основной своей задачи — принятия новой конституции. С 12 по 19 ноября 1946 г. был выработан свод правил внутреннего распорядка, глава вторая которого была посвящена процедуре выработки и принятия новой конституции. В нем еще раз подчеркивалось, что новая конституция должна быть выработана при самом активном участии широких кругов болгарского народа. В соответствии с § 10 свода правил для составления проекта конституции Великим народным собранием на заседании 21 ноября 1946 г. была избрана конституционная комиссия в составе 55 человек. В нее вошли по принципу пропорциональности представители всех фракций Великого собрания. БРП(к), имевшая абсолютное большинство депутатов, была представлена в этой комиссии 30 членами во главе с премьер-министром Г. Димитровым и председателем Великого народного собрания В. Коларовым. 19 декабря 1946 г., на своем первом заседании, комиссия распределила обязанности и разбилась на

¹ Георгий Димитров в. Речи, доклады, статьи, т. III, стр. 431—432.

² Там же, стр. 456.

4 секции для работы над разделами: „Общественно-экономическое устройство“, „Верховные органы государственной власти“, „Органы государственного управления“ и „Основные права и обязанности граждан“. Председателем конституционной комиссии был избран министр просвещения коммунист Минчо Нейчев.

В период работы конституционной комиссии Великое народное собрание не прекращало своей законодательной деятельности. Оно обсудило программную декларацию нового правительства и выразило ему доверие, обсудило и приняло резолюцию в адрес Совета министров иностранных дел в связи с рассмотрением вопроса о мирном договоре с Болгарией, а также приняло ряд важных законов: закон о двухлетнем народнохозяйственном плане (1 апреля 1947 г.), закон о государственном бюджете на 1947 г. (9 апреля 1947 г.) и др. Этот период отмечен такими важными событиями, как подписание мирного договора в Париже (10 февраля 1947 г.), проведение денежной реформы (март 1947 г.), заключение ряда торговых договоров и культурных соглашений с другими государствами и др.

3. АНТИНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕАКЦИОННОЙ ОППОЗИЦИИ И ЕЕ РАЗГРОМ. ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ.

Выборы в Великое народное собрание продемонстрировали блестящую победу Отечественного фронта, руководимого БРП(к), и морально-политическое поражение оппозиции. Однако это поражение оппозиции отнюдь не означало прекращения ее антинародной деятельности. Используя трибуну Великого народного собрания, свою печать и другие легальные и нелегальные средства, оппозиционеры развернули разнузданную кампанию против БРП(к), против Отечественного фронта, против народно-демократического правительства, его внутренней и внешней политики.

Оппозиционеры начали свою деятельность в Великом народном собрании с клеветнических утверждений о его „непредставительности“ и „неправомочности“. С первого же дня они стали систематически тормозить его работу, постоянно провоцируя депутатов большинства и часто устраивая возмутительные сцены. Вся деятельность оппозиции в Великом народном собрании была направлена против революционных мероприятий народно-демократического правительства. Она беспринципно стала оспаривать и отклонять любое предложение и мероприятие, исходящее от партий Отечественного фронта. Оппозиционные депутаты выступили против правил внутреннего распорядка, обеспечивающих оперативность работы Великого народного собрания, и пытались превратить последнее в говорильню. Они яростно выступили против введения открытого поименного голосования статей новой конституции и требовали решения вопросов двумя третями голосов. Оппозиции это нужно было для того, чтобы, играя на непоследовательности некоторых депутатов от Народного союза „Звено“ и БЗНС, попытаться оторвать от большинства хоть несколько десятков голосов и тогда, располагая (вместе со своими 99) 156 голосами против 309, получить возможность срывать любое предложение партий и правительства Отечественного фронта.

Особенно наглядно оппозиция выявила свое антинародное лицо во время прений в связи с программной декларацией нового прави-

тельства, провозглашенной 28 ноября 1946 г. в Великом народном собрании премьер-министром Георгием Димитровым. В программной декларации указывалось, что объявлением Народной республики и победой Отечественного фронта на выборах Болгария вступила в новый этап своего развития. Основы народной демократии заложены прочно. Правительство решило с еще большей твердостью осуществлять программу Отечественного фронта, неуклонно борясь за уничтожение остатков фашизма и обуздание реакции. В декларации подчеркивалось, что правительство будет предпринимать необходимые меры по укреплению народной милиции и народной армии, окажет всемерную поддержку развитию народной культуры, смело будет выдвигать во всех сферах деятельности молодежь и женщин, проведет отделение церкви от государства.

В области международных отношений, — указал Г. М. Димитров, — новое правительство будет продолжать проверенную жизнью внешнюю политику Отечественного фронта, краеугольным камнем которой является искренняя и последовательная дружба с освободителем Болгарии — великим Советским Союзом. Вместе с тем Народная республика Болгария будет проводить политику дружбы с соседними народами и приложит все усилия для нормализации своих отношений с США и Великобританией и укрепления связей со всеми демократическими странами.

В декларации указывалось, что в области экономики правительство считает важнейшими задачами быстрее восстановление и развитие всех отраслей народного хозяйства, подъем жизненного уровня трудящихся, оздоровление финансовой системы, укрепление планового начала в развитии экономики, обеспечение быстрее индустриализации страны. Правительство будет всеми средствами добиваться развития механизации и повышения продуктивности сельского хозяйства, поощряя и поддерживая трудовые кооперативные сельскохозяйственные хозяйства. Устраняя из народного хозяйства спекулянтов и паразитический капитал, правительство ставит своей задачей согласование частной инициативы с укреплением государственного и кооперативного секторов народного хозяйства¹.

Эта декларация народно-демократического правительства была одобрена и горячо поддержана болгарскими трудящимися и большинством депутатов Великого народного собрания.

Не так отнеслась к ней оппозиция. Выступившие во время прений руководители последней — Никола Петков, Коста Лулчев, Петко Стоянов и др. — пустили в ход весь арсенал враждебной демагогической пропаганды, с которой они уже более года подвизались на страницах оппозиционной печати. В речи, произнесенной в Великом народном собрании 3 декабря 1946 г., Никола Петков выразил отрицательное отношение оппозиции к мероприятиям правительства Отечественного фронта, к проекту народно-республиканской конституции, к основам народной демократии. В этой речи нашел свое наиболее полное выражение враждебный характер политики оппозиции, лишенной какой бы то ни было положительной программы и направленной в первую очередь на раскол союза болгарских рабочих и крестьян. Петков

¹ Георгий Димитров. Речь, доклады, статьи, т. III, стр. 461—475.

3 Ученые записки, т. IV

снова повторил клевету оппозиционной печати о мнимом терроре во время выборов, о „насильственном кооперировании“ крестьянской земли, о якобы неправильном применении закона о трудовой земельной собственности. По существу Петков высказался против аграрной реформы вообще, считая, что она означает „несоблюдение принципа частной собственности“. От имени своей группы Петков выразил неодобрение декларации правительства, целиком отвергнув его внутреннюю, экономическую и культурную политику, выступил против чистки государственного аппарата от фашистских и реакционных элементов.

Петков лицемерно клялся в своем якобы дружественном отношении к СССР, хотя в своей газете ежедневно публиковал грязную клевету на советский народ и с особым рвением перепечатывал антисоветские речи и заявления американско-английских поджигателей войны. Он утверждал, будто оппозиция стоит за дружбу со славянскими народами и соседями Болгарии. Однако, выражая „симпатии“ к польскому народу, Петков приветствовал не его истинных представителей, а агента американско-английского империализма, врага польского народа Миколайчика; говоря о румынском народе, он изъяснялся в любви к реакционной национал-царанистской партии Маниу. Голословно обвиняя руководителей БРП(к) и других партий Отечественного фронта и правительства в том, будто они ведут кампанию против Англии и Америки, Петков вместе с тем выступил как ярый приверженец англо-американской реакции.

Показательным было поведение оппозиции при голосовании резолюции о болгарских национальных требованиях в связи с заседаниями Совета министров иностранных дел в Париже и нападками греческих монархо-фашистов на Болгарию. Оппозиционные депутаты не могли, не рискуя окончательно потерять свое влияние среди обманутых ими слоев населения, голосовать против предложенной правительством резолюции, однако оговорились, что голосование за резолюцию не означает одобрения ими внешней политики правительства.

Когда по инициативе депутатов большинства был вынесен на обсуждение законопроект об оказании единовременной помощи 500 матерям и женам погибших партизан, оппозиция выступила против утверждения этого законопроекта. Антинародная политика оппозиции вызвала возмущение и негодование среди широких слоев трудящихся.

Оппозиционеры развернули яростную кампанию против принятия и реализации двухлетнего народнохозяйственного плана, демагогически заявляя, что он будто бы нереален и направлен против интересов мелких и средних сельских хозяев, усиленно распространяя ложь, что народнохозяйственный план будто бы ставит своей целью „превратить землю и средства производства в государственную собственность, отнять частную собственность у 80% болгарского народа“ и т. п. Реакционная газета Петкова „Народно земеделско знаме“, играя на собственнических инстинктах отсталой части крестьянства, возражала против превращения отсталой земледельческой Болгарии в передовую индустриально-аграрную страну. „Что означает, — писала она, — строительство водохранилищ, доменных печей, электростанций, как не попытку уничтожить мелкую и среднюю крестьянскую собственность!“

Оппозиция пыталась использовать также в своих антинародных целях угрозу новой засухи, нависшую над Болгарией в 1946 и 1947 гг. На селе в роли активных агентов оппозиции выступали реакционно настроенные священники. Используя суеверие и низкий культурный уровень отдельных слоев народа, они с церковных амвонов стали убеждать крестьян в том, что Отечественный фронт негоден богу и поэтому Болгария третий год подряд подвергается засухе. Одновременно агенты оппозиции призывали крестьян укрывать продовольствие и не продавать его государству. Оппозиционеры, выполняя директивы Петкова и Лулчева, совершили ряд провокаций и террористических нападений. Во многих селах (например, в районах Ямбола, Сливена, Пловдива и др.) петковцы толкали крестьян на захват кооперативных земель и скота.

Кампания клеветы и провокаций оппозиционеров в Великом народном собрании усиливалась с каждым днем. Разоблачая антинародную деятельность оппозиции, премьер-министр Георгий Димитров заявил:

„Вы, оппозиция, стремитесь разжечь гражданскую войну в Болгарии. В своих газетах вы открыто призываете к сопротивлению, к свержению нынешнего режима, и за это вы ответите“.

Отвечая на лицемерную реплику Петкова об условиях сотрудничества, Г. Димитров сказал:

„Я несколько раз здесь говорил вам об этих условиях. Первое условие: не устраивайте обструкции в Великом народном собрании, не посылайте хулиганов и клеветников на трибуну. Второе условие: прекратите в вашей прессе травлю народной власти и строительства народно-демократической Болгарии. Третье условие: перестаньте заниматься конспирацией и дайте указания своим людям участвовать в строительных бригадах, в общенародных кампаниях, в осуществлении хозяйственного плана, в строительстве нашей страны, ее мощи, силы и счастливого будущего. Вот вам условия, но вы не выполняете ни одного из них. Наоборот, работаете против плана, разрушаете его. Лулчев и вы (Петков. — Л. В.) даете клеветническую информацию иностранным представителям. Я имею копию вашего доклада, г-н Лулчев. В нем вы говорите: «Рассчитываем только на вашу помощь извне, потому что наши силы малы»“.

Провокационное поведение оппозиционных депутатов в Великом народном собрании являлось лишь одной стороной их вражеской деятельности. Одновременно с кампанией клеветы и провокаций оппозиционеры продолжали свою подпольную деятельность, направленную на насильственное свержение народно-демократической власти. Процессы ряда раскрытых на протяжении 1946—1947 гг. подпольных фашистских организаций показали связь последних с представителями оппозиции, через которых они получали инструкции, деньги и оружие.

Основным организатором антинародной борьбы в этот период являлась оппозиционная группа Николы Петкова. Используя наличие полной свободы для политической деятельности, Петков развернул через печать, собрания и другими способами широкую пропаганду, направленную против народно-демократического государства и его правительства, стремясь объединить под своим руководством все реакционные и профашистские силы. Его печатный орган „Народно земеделско

знаме“ превратился в трибуну этих реакционных сил. Там печатались статьи, содержащие ложные сведения о положении в армии и имеющие своей целью понизить ее боеспособность и дисциплину, подорвать авторитет военного командования. Петков, обещая командные посты в армии и в государственном управлении, сумел направить на подрывную деятельность определенный круг реакционно настроенных офицеров. С их помощью он создает в армии организации и группы с фашистской идеологией, ставившие своей целью осуществление вооруженного переворота для свержения правительства Отечественного фронта. Под непосредственным идеологическим и организационным руководством Петкова возникают или возобновляют свою деятельность такие фашистские заговорщические организации, как „Военный союз“, „Нейтральный офицер“, „Царь Крум“, „Царь Симеон“ и др., а македонские реакционеры из банды Ивана Михайлова организуют террористические группы, которые снабжаются оружием из-за границы.

Все эти реакционные подпольные организации, руководимые кликой Петкова и являвшиеся агентурой американско-английского империализма, были раскрыты органами безопасности правительства Отечественного фронта, и их участники в 1946 г. предстали перед судом.

Во время процесса над одним из лидеров оппозиционного крыла социал-демократической партии Крстю Пастуховым (июнь 1946 г.), происходившего параллельно с процессом бежавшего за границу Гемето, была разоблачена подрывная заговорщическая роль и этого крыла оппозиции.

Как было доказано на процессе, в своей антинародной борьбе Пастухов направлял основные свои удары против народно-демократической армии. Деятельность Пастухова способствовала оживлению реакционных элементов внутри страны. На процессе была раскрыта связь между пастуховцами и упомянутой выше военной фашистской нелегальной организацией „Царь Крум“, ставившей своей задачей осуществление государственного переворота, уничтожение народно-демократической власти и восстановление в стране режима монархо-фашистской диктатуры. Вместе с тем процесс Пастухова показал, что в борьбе против народной власти реакционные силы все более сближаются и объединяются. В защиту старого обанкротившегося реакционера „социалиста“ Пастухова выступила вся оппозиция, начиная с Петкова и кончая Мушановым¹.

По мере усиления роли США, как застрельщика и руководителя международной реакции, соответствующая эволюция происходила и в политике болгарской оппозиции, ранее ориентировавшейся главным образом на Англию. Оппозиционные газеты все чаще стали помещать статьи, в которых проводилась идея необходимости изменить болгарскую внешнюю политику и капитулировать перед „новым международ-

¹ Факт общности борьбы всех оппозиционных групп против народно-демократической власти был подтвержден позже и самим Петковым, писавшим в августе 1947 г., после суда над ним: „Эта деятельность поддерживалась и полностью одобрялась такими политическими организациями, как Демократическая партия Николая Мушанова и Народная партия Атанаса Бурова. Эта деятельность проводилась совместно с социал-демократической партией Косты Лулчева, с которой мы организовали объединенную оппозицию“ (см.: Le procès Nicolas Petkov. Procès-verbaux des séances judiciaires, Sofia, 1947, p. 491).

ным фактором“, появившимся на Балканском полуострове в лице американского империализма. Болгарская реакция воспользовалась предоставлением американского займа монархо-фашистской Греции и реакционной Турции и провозглашением „новой“, открыто агрессивной, политики США для того, чтобы попытаться запугать болгарский народ.

Одновременно реакционная оппозиция всячески стремилась оклеветать Советский Союз, притупить любовь и симпатии болгарского народа к своему освободителю и защитнику.

Оппозиция не пропускала ни одного случая для использования в своих антинародных целях реакционных предложений, вносившихся американско-английскими империалистами и их сподручными на международных конференциях. Так, в августе 1946 г. оппозиционные газеты с провокационной целью жирным шрифтом напечатали сообщения о том, что австралийский министр иностранных дел собирается выступить с предложением о включении в подготовлявшиеся мирные договоры раздела о „международном суде защиты прав человека в побежденных странах“. С особым усердием оппозиционная печать подчеркивала при этом, что, согласно упомянутому предложению, этот „суд“ должен был получить право выносить приговоры отдельным лицам, государственным учреждениям, а также и самим государствам. В функции этого „международного суда“ должны были входить просмотр всех приговоров, выносимых судами побежденных стран, принятие жалоб от отдельных лиц, групп и организаций и наблюдение за осуществлением „основных прав и свобод“ в странах бывших сателлитов. Болгарская реакция подняла на щит это австралийское предложение, направленное, в частности, против национального суверенитета болгарского народа, и развернула новую клеветническую кампанию против народно-демократического правительства. Болгарский народ и печать Отечественного фронта встретили это новое доказательство предательства национальных интересов страны со стороны оппозиции с глубоким возмущением.

Большую помощь реакционной оппозиции оказывала действовавшая в глубокой конспирации гнусная банда врагов народа, возглавлявшаяся Трайчо Костовым. На процессе Трайчо Костова и его сообщников в 1949 г. было доказано, что наряду с конечными целями заговора этой банды, направленного к свержению существующего в стране демократического строя, Костовым, в соответствии с полученными от английской разведки указаниями, были определены и ближайшие задачи вражеской работы. Одна из этих задач заключалась в поддержке оппозиции народно-демократическому правительству и всех реакционных враждебных сил в стране. В приведенных в обвинительном акте Главной прокуратуры Народной республики Болгарии по делу Трайчо Костова и его сообщников показаниях обвиняемого Павлова по этому вопросу говорилось следующее: „Бейли (руководитель английской разведки на Балканах) уведомил Костова о том, что англичане стремятся создать внушительную оппозицию в правительстве с тем, чтобы опереться на нее и добиться раскола в Отечественном фронте. Оппозиция, возглавляемая Петковым, проводила активную антинародную деятельность и при поддержке англичан и американцев добилась отсрочки выборов, которые должны были состояться в августе 1945 г. В стране создалось напряженное политическое

положение, но Костов, стоявший во главе БКП, не стремился его разрядить, так как и сам действовал в интересах англичан.

И после выборов в Великое народное собрание Костов проводил по отношению к оппозиции ту же линию сглаживания расхождений, официально мотивируя свою точку зрения тем, что не надо лишний раз дразнить англо-американцев, но в действительности он стремился предоставить оппозиции возможность развиваться и укрепляться...¹

Однако ставка на оппозицию была бита в результате проведения ЦК БРП(к) и правительством Г. Димитрова твердого курса на разгром врагов народной власти. Значительную роль в разоблачении истинных целей и намерений оппозиции сыграли процессы фашистско-террористических организаций, раскрытых органами государственной безопасности. Как уже указывалось выше, процессы показали, что все эти организации были связаны с оппозицией и что в ряде случаев члены оппозиционных партий входили в террористические группы. Под влиянием этих разоблачений все большее число введенных ранее в заблуждение оппозиционерами честных людей стало порывать с оппозицией.

В результате неустанной работы болгарских коммунистов по разоблачению реакционной сущности оппозиции последняя к лету 1947 г. оказалась изолированной от народных масс. Для Петкова и его клики стало ясно, что легальным путем им никогда не удастся прийти к власти. Тогда они стали форсировать организацию вооруженного переворота с целью свержения народно-демократического правительства, рассчитывая на поддержку извне.

Данные, вскрытые на нескольких процессах, показали, что нити всех реакционных заговоров исходили из одного центра — клики Николы Петкова и его американско-английских хозяев. Петков был арестован. Следствие по делу Николы Петкова и его сообщников — полковников Марко Иванова и Бориса Георгова, майора Атанаса хаджи Атанасова и Димитра Иванова — самым неопровержимым образом установило, что Петков и его подручные подготавливали вооруженный государственный переворот, приурочивая его к моменту англо-американской интервенции в Болгарии, которую они ожидали, или же ко времени эвакуации советских войск из Болгарии. Петков побуждал ряд лиц развешивать террористическую, подрывную и шпионскую деятельность против народно-демократической власти и всячески добивался иностранного вмешательства во внутренние дела страны. 16 августа 1947 г. Софийский областной суд на основании закона о защите народной власти приговорил Петкова, как вдохновителя и организатора заговора против свободы и независимости Болгарской народной республики, к смертной казни. Его сообщники были приговорены к строгому тюремному заключению на срок от 5 до 15 лет.

Реакционеры всего мира поспешили взять под свою защиту Николу Петкова, а после его казни подняли злобный вой, обрушив потоки клеветы и лжи против Народной республики Болгарии. Болгарский же народ встретил приговор Петкову с большим удовлетворением, оказав полную поддержку своему народно-демократическому правительству и БРП(к).

27 августа Великое народное собрание большинством голосов приняло закон о запрещении оппозиционной группы Земледельческого

¹ Судебный процесс Трайчо Костова и его группы, София, 1949, стр. 50—51.

союза Николы Петкова и его парламентской фракции. „Оппозиционная группа Земледельческого союза Петкова, — говорилось в мотивировке к закону, — ее отделения и секции превратились в организованный центр, вокруг которого группируются фашистские и реставраторские силы в стране... Чтобы пресечь в корне попытки ослабить дисциплину и дух армии, ослабить ее боеспособность, чтобы искоренить попытки использовать вооруженную народную силу для осуществления переворота против народной власти, чтобы прекратить навсегда попытки подорвать наш государственный суверенитет путем систематических преступлений, необходимо запретить Земледельческий союз Николы Петкова, его отделение — Молодежный земледельческий союз и все другие его отделения и секции, а также и парламентскую группу союза, аннулировав депутатские мандаты ее членов“¹.

Разгромом оппозиции Петкова был нанесен сильный удар болгарской реакции и поддерживавшим ее англо-американским империалистам. Вместе с тем он содействовал еще большему сплочению болгарских трудящихся масс вокруг рабочего класса и его руководителя — БРП(к), дальнейшему укреплению их морально-политического единства.

4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ БОЛГАРИИ.

Крупным успехом молодого народно-демократического государства явилось подписание мирного договора, подтвердившего национальную независимость и государственный суверенитет Болгарии и сделавшего ее равноправной с другими демократическими государствами. Этим успехом болгарский народ всецело обязан своему освободителю — великому Советскому Союзу, отстаившему его жизненные интересы от покушений со стороны американско-английского империализма.

Еще в декабре 1945 г. на совещании министров иностранных дел Советского Союза, США и Великобритании в Москве было достигнуто соглашение о подготовке мирных договоров с бывшими сателлитами гитлеровской Германии, в том числе и с Болгарией. В этом соглашении, в частности, устанавливалось, что условия мирных договоров с Румынией, Болгарией и Венгрией будут выработаны министрами иностранных дел упомянутых трех держав. После окончания подготовки всех проектов, не позже 1 мая 1946 г., предполагался созыв конференции для обсуждения мирных договоров. Конференция должна была состоять из пяти членов Совета министров иностранных дел, а также из всех членов Объединенных наций, „активно участвовавших в войне против вражеских государств в Европе своими существенными военными контингентами“². После окончания работы конференции и рассмотрения ее рекомендаций государства, подписавшие условия перемирия с соответствующими бывшими вражескими странами, должны были составить окончательные тексты мирных договоров.

¹ „Правда“, 28 августа 1947 г.

² Таким образом, в конференции должны были принять (и действительно приняли) участие члены Совета министров иностранных дел — СССР, США, Великобритания, Китай, Франция, а также Австралия, Бельгия, БССР, Бразилия, Греция, Голландия, Индия, Канада, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, УССР, Чехословакия, Эфиопия, Югославия, Южно-Африканский союз, хотя и не все из них активно участвовали в войне „существенными военными контингентами“.

Такова была процедура подготовки мирных договоров¹.

Переговоры, начавшиеся в Лондоне во второй половине 1945 г., продолжались в течение 1946 г. в Париже, прошли через стадию мирной конференции 21 государства и завершились в середине декабря 1946 г. в Нью-Йорке. Касаясь характера переговоров, „Правда“ писала в передовой статье в связи с опубликованием текстов мирных договоров: „В ходе этих переговоров сказались две тенденции послевоенного периода: в них получила отражение борьба между поборниками и противниками демократического мира.

Известно, что на Парижской мирной конференции англо-саксонские державы пытались оказать давление на определенную часть конференции, в том числе — на советскую делегацию. Ради такой попытки американские и английские представители пошли на срыв совместных постановлений о порядке ведения конференции, предварительно согласованных между представителями четырех держав в Совете министров иностранных дел. С помощью механического большинства, сколоченного на конференции, предполагалось навязать Советскому Союзу и ряду других государств неприемлемые для них решения. Поскольку делегаты Соединенных Штатов и Великобритании не искали на Парижской конференции согласованных решений, а пробовали действовать методом диктата, их усилия были заранее обречены на неудачу. Те рекомендации конференции, которые были приняты механическим большинством, без учета мнения советской делегации, оказались нежизнеспособными. Те, кто добились принятия этих рекомендаций при помощи механического голосования, сами вынуждены были отказаться от некоторых из этих постановлений в силу их одиозности и необоснованности“².

Американо-английский блок на мирной конференции в Париже пытался навязать демократической Болгарии тяжелый и несправедливый мирный договор. Этот империалистический блок стремился создать вокруг народно-демократической Болгарии атмосферу недружелюбия и вражды. А. Я. Вышинский в речи на Парижской мирной конференции 11 октября 1946 г. указывал, что болгарское правительство третируется правительствами США и Великобритании как неравноправное и чуть ли не как поднадзорное; из пяти государств, бывших союзников гитлеровской Германии, с которыми Объединенные нации готовились заключить мирные договоры и восстановить мир, только Болгария находилась на положении испытываемой — ни у США, ни у Великобритании еще не были восстановлены дипломатические отношения с Болгарией³.

Используя греческих монархо-фашистов, американо-английские империалисты стремились добиться отторжения части болгарской территории и наложения на Болгарию непомерно тяжелых репарационных обязательств.

Отклонив законные права Болгарии на Западную Фракию, которая несправедливо была у нее отнята после первой мировой войны, несмотря на обязательство союзных держав гарантировать ей свобод-

¹ См. „Правда“, 26 декабря 1945 г. — „О подготовке мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией“.

² Там же, 16 февраля 1947 г.

³ Там же, 13 октября 1946 г.

ный выход к Эгейскому морю¹, американо-английский блок поддержал требование монархо-фашистской Греции, согласно которому к последней должна была дополнительно отойти, под видом „исправления границ“, чуть ли не четверть болгарской территории. Согласно этому греческому домогательству, болгарская граница должна была отстоять всего лишь на 35 километров от Пловдива, второго по своему значению города Болгарии, и не более чем на 95 километров от столицы Болгарии — Софии. Греческие территориальные претензии в отношении Болгарии были отвергнуты Парижским совещанием Совета министров, и в мирный договор с Болгарией был внесен пункт о том, что болгаро-греческая граница остается неизменной. Однако Парижская мирная конференция большинством в 12 голосов отказалась включить этот пункт в текст договора, явно поощряя этим захватнические притязания греческих империалистов.

Благодаря усилиям Советского Союза эти несправедливые домогательства греческих монархо-фашистов, за спиной которых стояли американо-английские империалисты, были отклонены. На весь мир прозвучали веские слова главы советской делегации В. М. Молотова, сказанные им на пленарном заседании Парижской мирной конференции 14 октября 1946 г.: „...не может быть сомнения в том, что Совет министров иностранных дел вновь одобрит своё прежнее решение о стабильности болгаро-греческой границы, что явится осуждением искусственной комбинации в 12 голосов, воздержавшихся на пленуме конференции. Политическая игра с голосованием по вопросу о болгаро-греческой границе отнюдь не будет одобрена и общественным мнением демократических стран. Просчёт, сделанный в этой политической игре, очевиден. Вот почему мы с уверенностью говорим болгарам — нашим друзьям: «Болгары, будьте спокойны, ваша граница останется непоколебимой»“².

Усилиями делегации Советского Союза, которую поддержали делегации стран народной демократии, были отражены и попытки американо-английского блока подчинить себе с помощью договора экономику Болгарии путем включения статьи, проводящей принцип „равных возможностей“ для участия иностранного, т. е. прежде всего американского промышленного и финансового капитала в народном хозяйстве страны. Греческие монархо-фашисты, за спиной которых стояли американо-английские империалисты, потребовали от Болгарии взятую с потолка астрономическую цифру репараций в 985 469 993 доллара. В своем выступлении 11 октября 1946 г. на Парижской мирной конференции А. Я. Вышинский высмеял эти домогательства греческих монархо-фашистов и их американо-английских хозяев. Остановившись на несуразных греческих требованиях, тов. Вышинский привел в качестве иллюстрации следующий перечень якобы понесенных Грецией убытков, на основании которого греческая делегация выступила со своими фантастическими претензиями к Болгарии о репарациях:

¹ Как известно, это обязательство союзных держав было записано в Нейском мирном договоре 1919 г. Однако международный контроль, который был установлен над Западной Фракией после первой мировой войны, в мае 1920 г. был ликвидирован, а Западная Фракия по решению конференции в Сан-Ремо была передана Греции. Это было затем подтверждено Севрским договором.

² В. М. Молотов. Вопросы внешней политики, М., 1948, стр. 229—230.

«Первое — „ухудшение сети железных дорог вследствие перегрузки“. Болгария должна заплатить за это не менее и не более как один миллиард 398 с лишним миллионов драхм. По курсу 118 драхм = 1 доллару. Извольте рассчитать, сколько это выйдет миллионов долларов.

Второе — один каток, который взяла болгарская армия, ведомый одной лошастью. (Смех.) Так в греческом документе и сказано.

Далее читаем — еще 8 катков, ведомых волами. (Смех.) И за все это Цалдарис требует с Болгарии еще 1 398 500 000 драхм.

Далее идут не менее интересные вещи: снижение ценности домов, как сказано в записке греческой делегации, происшедшее... от „других причин“, кроме разрушений. Очевидно, имеются в виду повреждения, например, от проливного дождя. (Смех.) И это оценивается еще в один миллиард пятьсот миллионов драхм.

Вот еще статья — „разница в зарплате, выданной греческим рабочим и болгарам“ — девять миллиардов драхм.

Вот еще ущерб „из-за бездеятельности торговли“ — 2 миллиарда драхм. Ущерб „из-за бездеятельности промышленности“ — около 1 миллиарда драхм.

Но позвольте спросить, а сколько будет насчитываться в счет репараций с Болгарии за безрезультатность деятельности греческой делегации на этой конференции? Я думаю, что это выразится в солидную сумму, исчисляемую тоже миллиардами драхм. Разве все это не достойно юмористического журнала?»¹

В результате усилий Советского Союза Совет министров иностранных дел в Нью-Йорке урезал греческие требования, определив болгарские репарации в пользу Греции в 45 млн. долларов.

Были отвергнуты также и другие несправедливые требования империалистов к народно-демократической Болгарии.

Болгарское правительство прилагало большие усилия, чтобы разъяснить мировой демократической общественности новое положение Болгарии как прочного звена мира и демократии на Балканах. В нескольких меморандумах, представленных Совету министров иностранных дел, оно документально обосновало свою точку зрения по основным вопросам мирного договора, защищая законные требования болгарского народа. Глава болгарской правительственной делегации в Париже Васил Коларов в своей хорошо аргументированной речи в комиссии по политическим и территориальным вопросам для Болгарии 3 сентября 1946 г., а также в других выступлениях, решительно отверг греческие притязания на болгарскую территорию и обосновал исторические, экономические и этнические права Болгарии на Западную Фракию. Усилия народно-демократического правительства Болгарии, направленные на сохранение территориальной целостности и национальной независимости страны, поддержанные Советским Союзом и народно-демократическими странами, в конце концов увенчались успехом. В своей речи в Великом народном собрании 5 декабря 1946 г. Васил Коларов с полным правом мог заявить: „Вопреки злым пророчествам пифий из оппозиционного лагеря, внешняя политика Отечественного фронта увенчалась крупным успехом. Границы Болгарии

¹ „Правда“. 13 октября 1946 г.

обеспечены, ее территория нетронута, несмотря на яростный вой грекеских шовинистов. . . Болгарское правительство своей политикой сумело обеспечить себе на мирной конференции самую энергичную поддержку славянских народов, сумело привлечь на сторону болгарского народа широкие слои демократической общественности Запада“.

10 февраля 1947 г. в Париже был подписан мирный договор с Болгарией. Мирный договор подтвердил национальную независимость и государственный суверенитет Болгарии, сделал ее равноправной с другими демократическими государствами. Правда, вопреки очевидным фактам, за Болгарией не было признано право совоюющей стороны, не были удовлетворены ее законные требования на действительный территориальный выход к Эгейскому морю и на возвращение отнятой у нее после первой мировой войны без всякого основания Западной Фракии. Тяжелое репарационное бремя, наложенное на Болгарию, также не основывалось на принципе справедливости, ибо не учитывался вклад болгарского народа и болгарской народной армии в дело борьбы с фашизмом. Все же, благодаря усилиям Советского Союза, условия мирного договора были значительно облегчены. Они были наиболее благоприятными при существовавших тогда условиях и представляли собой наилучшее, что могло быть достигнуто.

В преамбуле мирного договора констатируется, что Болгария, прекратив военные действия против Объединенных наций, порвала отношения с Германией и, заключив 28 октября 1944 г. перемирие с СССР, Великобританией и США, действовавшими от имени всех Объединенных наций, находившихся в состоянии войны с Болгарией, приняла активное участие в войне против Германии.

Статья первая договора устанавливает, что границы Болгарии будут такими, какими они существовали на 1 января 1941 г.

Часть II договора посвящена политическим постановлениям. Среди них особенно заслуживают быть отмеченными статьи 3 и 4, констатирующие, что Болгария, в соответствии с Соглашением о перемирии, провела мероприятия по освобождению лиц, содержащихся в заключении в связи с их деятельностью в пользу Объединенных наций или ввиду их расового происхождения; по отмене дискриминационного законодательства и вытекающих из него ограничений; по роспуску всех находившихся на болгарской территории организаций фашистского типа, — и обязывающие Болгарию закончить проведение этих мероприятий, а также и впредь не допускать существования и деятельности фашистских организаций, преследующих цель лишения народа его демократических прав.

Статья 5 обязывала Болгарию принять все необходимые меры, чтобы обеспечить задержание и выдачу для суда над ними лиц, обвиняемых в том, что они совершили военные преступления и преступления против человечности, а также граждан других стран, которые обвиняются в нарушении законов их стран изменой или сотрудничеством с врагом во время войны.

Часть III договора (статьи 9—19) посвящена военным, военноморским и военно-воздушным постановлениям. В соответствии со статьей 9 вооруженные силы Болгарии значительно ограничивались.

В части IV (статья 20) предусматривался вывод союзных войск из Болгарии в срок не более чем в 90 дней со дня вступления в силу мирного договора.

Часть V посвящена репарациям и реституциям. В VI (последней) части содержатся экономические постановления, регулирующие экономические взаимоотношения Болгарии с другими государствами¹.

Эти условия мирного договора, обеспечившие Болгарии возможность свободного и самостоятельного политического и экономического развития, были получены только благодаря Советскому Союзу, оградившему болгарский народ от колониальных домогательств американо-английских империалистов.

Касаясь этой решающей роли Советского Союза, теоретический орган болгарской компартии журнал „Ново време“ писал: „В Лондоне, Париже и Нью-Йорке, в течение 15 месяцев, СССР продолжил и упрочил совершенное 9 сентября 1944 г. второе освобождение Болгарии, упорно и твердо отбивая атаки англо-американских империалистов против Болгарии, не допуская, чтобы их грабительские домогательства получили силу международного акта путем закрепления их в мирном договоре с Болгарией. СССР добился таких окончательных статей договора, в которых выбиты зубы империалистической реакции, т. е. устранены те ее первоначальные предложения, которыми она упорно стремилась урезать политическую и экономическую независимость Болгарии с тем, чтобы втянуть ее в сферу американских монополий... Так советская дипломатия упрочила освободительное дело Советской Армии. Так была обеспечена база, на основе которой суверенный болгарский народ — полный хозяин своего дома — строит свою республику“².

31 января 1947 г. Совет министров Народной республики Болгарии, рассмотрев принятые в связи с предстоящим подписанием мирного договора меры, поручил правительственной делегации, выехавшей в Париж, вручить министрам иностранных дел Молотову, Бевину, Маршаллу и Бидо специальное обращение, в котором было изложено отношение болгарского правительства к мирному договору. В обращении указывалось, что болгарское правительство рассматривает предстоящее подписание мирного договора как крупный успех дела мира и международного сотрудничества. Вместе с тем, однако, болгарское правительство выражало глубокое огорчение по поводу того, что Болгария не признана совоюющей стороной, что не удовлетворены ее законные претензии на действительный выход к Эгейскому морю и на возвращение отнятой у нее без всякого основания Западной Фракии. В обращении указывалось также на несправедливость наложенного на Болгарию репарационного бремени, которое, по мнению болгарского правительства, не соответствует убыткам, причиненным болгарскими оккупационными властями, особенно в отношении Греции, и на несправедливое лишение Болгарии права взыскать с Германии ее долги, существовавшие с 1 сентября 1939 г. В заключение болгарское правительство выражало надежду на то, что многие из этих несправедливостей и несообразностей могут быть с течением времени исправлены соответствующими соглашениями между заинтересованными сторонами³.

6 февраля было опубликовано обращение Национального комитета Отечественного фронта к болгарскому народу, в котором указывалось,

¹ См. „Мирный договор с Болгарией“, Госполитиздат, 1947.

² „Ново време“ № 3, 1948.

³ „Свободная Болгария“, 6 февраля 1947 г.

что предстоящее подписание мирного договора является крупным успехом народно-демократического правительства. Отвергая недобросовестные попытки оппозиции возложить ответственность за тяготы и несправедливости мирного договора на Отечественный фронт и его правительство, Национальный комитет высказывал большую признательность СССР и другим демократическим странам за их усилия облегчить условия договора с Болгарией. В заключительной части обращения Национальный комитет Отечественного фронта призывал болгарский народ к напряженной работе, чтобы преодолеть тяжесть мирного договора.

24 февраля 1947 г. в речи на Софийской областной конференции БРП(к) Георгий Димитров подвел итоги борьбы за справедливый мирный договор и наметил новые задачи развития народно-демократической Болгарии.

„Главной заботой Отечественного фронта, правительства, народа и особенно нашей партии, — заявил он, — до сих пор была забота о том, чтобы урегулировать, наконец, международное положение нашей страны. . . Один этап завершен. Теперь Отечественный фронт, правительство и специально наша партия концентрируют свое внимание на хозяйственном восстановлении страны, на использовании в этом отношении всех природных, материальных и людских ресурсов нашей нации“¹.

После заключения мирного договора народно-демократическая Болгария при дружественной поддержке Советского Союза вышла на международную арену как вполне суверенное государство.

Исторически сложившиеся братские связи болгарского народа с великим русским народом и другими народами Советского Союза были окончательно скреплены подписанием 18 марта 1948 г. в Москве Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Народной республикой Болгарией.

„Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Президиум Великого Народного Собрания Народной Республики Болгарии, — говорится в договоре, — в целях дальнейшего развития и укрепления дружественных отношений между СССР и Болгарией, уверенные в том, что укрепление дружбы между Советским Союзом и Болгарией отвечает жизненным интересам народов обоих государств и будет наилучшим образом содействовать их экономическому развитию, исполненные желания сотрудничать между собой в интересах всеобщего мира и безопасности в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций, решили с этой целью заключить настоящий Договор...“².

Согласно договору, СССР и Болгария обязались предпринимать совместно все зависящие от них меры к устранению любой угрозы возобновления агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме, а также заявил о своем намерении участвовать в духе самого искреннего сотрудничества во всех международных действиях, имеющих целью обеспечение мира и безопасности (статья 1).

¹ Георгий Димитров. Речи, доклады, статьи, т. III, стр. 524—525.

² „Правда“, 19 марта 1948 г.

„В случае, если одна из Высоких Договаривающихся сторон, — говорится в статье 2 договора, — будет вовлечена в военные действия с Германией, которая попыталась бы возобновить свою агрессивную политику, или с любым другим государством, которое непосредственно или в какой-либо иной форме объединилось бы с Германией в политике агрессии, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет вовлеченной в военные действия Договаривающейся Стороне военную и всякую иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами“¹.

В статьях 4 и 5 обе стороны заявляли, что они будут консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим интересы обеих стран, а также будут развивать и укреплять экономические и культурные связи между своими государствами в духе дружбы и сотрудничества, следуя принципам взаимного уважения к их независимости и суверенитету и невмешательства во внутренние дела другого государства.

Заключение советско-болгарского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, основанного на принципах уважения государственной независимости и национального суверенитета, явилось ярким выражением и крупнейшим триумфом нерушимой дружбы между обоими братскими народами и залогом дальнейшего развития Народной республики Болгарии. Как отмечал Георгий Димитров, этот договор вновь подтвердил правоту и справедливость советской внешней политики, усилия которой направлены к укреплению международного мира, демократии и безопасности народов, к усилению фронта мира, возглавляемого великим Советским Союзом. Перед отъездом из Москвы после подписания договора товарищ Димитров произнес слова, которые прозвучали как клятва всего болгарского народа. „Мы уезжаем, — сказал он, — с чувством горячей благодарности к советскому народу, его Правительству, Генералиссимусу Иосифу Виссарионовичу Сталину, его славному соратнику Вячеславу Михайловичу Молотову, которых болгарский народ с полным основанием и гордостью считает своими лучшими друзьями.

Зная хорошо наш народ, я могу заверить советских братьев в том, что он останется до конца верным другом. Что бы ни случилось в будущем, болгарский народ никогда не подведет своего старшего брата — освободителя“².

На протяжении 1947—1948 гг. народно-демократическая Болгария заключила договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с другими странами народной демократии — Албанией, Румынией, Чехословакией, Польшей и Венгрией. Эти договоры, построенные на ленинско-сталинских принципах внешней политики, также представляют собой крупный вклад в дело упрочения мира и безопасности в Европе и во всем мире.

Народно-демократическое правительство Болгарии, отражая чувства и желание болгарского народа, с первых дней своего существования стремилось к укреплению братских дружественных отношений с народами соседней Югославии, к справедливому разрешению территориальных и других вопросов, служивших на протяжении многих десятилетий

¹ „Правда“, 19 марта 1948 г.

² Там же, 25 марта 1948 г.

поводом для разжигания великодержавных националистических настроений и вражды между южными славянами. Основным из этих вопросов был вопрос о Македонии. Отношение БРП(к) и правительства Отечественного фронта к этому вопросу было изложено с предельной ясностью Георгием Димитровым, который еще в конце 1945 г., выступая с речью в Народном собрании, заявил: „Внешняя политика Отечественного фронта — подлинно национальная болгарская политика. Она исходит из действительно национальных интересов Болгарии. Она учитывает горький опыт прошлого, когда иностранные империалисты и их балканские агенты из среды правящих клик использовали македонский вопрос для противопоставления болгар сербам и сербов болгарам. Отечественный фронт считает, что мы должны сделать все необходимое, чтобы Македония раз и навсегда перестала быть яблоком раздора на Балканах и стала связующим звеном между болгарами и сербами... Не дележ Македонии, не борьба за ее захват, а уважение воли македонцев“¹.

Исходя из этих принципов, БРП(к) и руководимое ею правительство Отечественного фронта прилагали все усилия для достижения тесного сближения между Болгарией и Югославией, имея в виду, что в дальнейшем может быть поставлен вопрос о создании федерации южных славян. „Такая федерация, — говорил товарищ Димитров на V съезде партии, — опирающаяся на дружбу с Советским Союзом и братское сотрудничество с другими народно-демократическими республиками, была бы в состоянии успешно защищать свободу и независимость наших народов и обеспечивала бы их правильное развитие по пути к социализму. В рамках такой федерации нашли бы свое правильное разрешение и полученные в наследство от старого буржуазно-монархического режима неразрешенные вопросы объединения македонцев Пиринского края с Народной республикой Македонией, а также и возвращение Народной республике Болгарии чисто болгарских Западных окраин, захваченных Югославией короля Александра после первой мировой войны“².

Очень скоро, однако, стало ясно, что клика Тито стремится использовать эту популярную среди народов Югославии и Болгарии идею федерации южных славян в целях порабощения народно-демократической Болгарии, лишения ее независимости путем подчинения и присоединения к титовской югославской федерации, с отрывом от социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом. Поскольку этот план не мог быть осуществлен немедленно, преступная банда Тито решала в качестве первого шага добиваться отторжения от Болгарии Пиринского края. Внутри Болгарии, по указке своих иностранных хозяев, над осуществлением этого плана работала тесно связанная с титовцами предательская банда Трайчо Костова³.

¹ Георги Димитров. Речь, доклады, статьи, т. III, стр. 165—166.

² Георги Димитров. Политический отчет, сделанный на V съезде БРП(к). София, 1948, стр. 90

³ На состоявшемся в 1949 г. судебном процессе Трайчо Костова и его группы подсудимый Стефанов по этому вопросу дал следующие показания: „Костов уведомил меня о своих переговорах с Карделем, прибывшим в Софию в конце 1944 г., и Джиласом, прибывшим в качестве югославского делегата на Всеславянский съезд в начале 1945 г.

Как заявил Костов, он уговорился с югославскими руководителями поддерживать их предложение о немедленном создании федерации и о вступлении в нее Болгарии,

1 августа 1947 г. в Бледе (Словения) между правительственными делегациями Болгарии и Югославии был подписан протокол о мерах, которые должны были быть предприняты в целях тесного политического, экономического и культурного сотрудничества обеих стран. Подписывая этот протокол, предатель Тито отнюдь не собиравшийся лояльно выполнять его условия, а имел определенные цели использовать его для подрывной деятельности против Народной республики Болгарии. С такой же целью 27 ноября 1947 г. в Евксинограде им был подписан и болгаро-югославский „договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи“.

Используя содержащиеся в Бледском соглашении пункты о культурном сотрудничестве, титовцы стали засылать в Пиринский край под видом учителей и других деятелей культуры своих шпионов и диверсантов, которые занялись там безудержной титовской пропагандой и подготовкой насильственного присоединения этого края к Югославии¹. Весной 1948 г. титовцы открыто выдвинули на первый план требование превращения Пиринского края в автономную область, имея в виду его присоединение к Югославии.

В марте 1948 г. титовец Колишевский в своей речи на съезде так называемого „народного фронта“ в Скопле выдвинул наглое требование о немедленном присоединении Пиринского края к Вардарской Македонии. Это провокационное требование титовцев получило резкий отпор со стороны ЦК БРП(к).

Неоценимой помощью болгарскому народу в его борьбе против губительных для него захватнических происков югославских националистов и агентов американско-английского империализма явилось проведенное по инициативе и под руководством ВКП(б) разоблачение истин-

имея в виду, что в рамках федерации, возглавляемой Тито, будет удобнее осуществить отрыв обеих стран от СССР с целью усиления их политических и экономических связей с западными державами.

Проект договора о присоединении Болгарии к ФНРЮ, составленный еще в начале января 1945 г., не был подписан по не зависящим от Костова причинам, хотя с ним и имелась договоренность о создании федерации. . .“ (Судебный процесс Трайчо Костова и его группы, София, 1949, стр. 28—29).

¹ На V съезде БРП(к) Георгий Димитров говорил: „После соглашения в Бледе, чтобы облегчить процесс сближения и будущего объединения македонских областей обеих стран, наша партия согласилась, чтобы был введен как обязательный предмет официальный македонский язык во всех школах Пиринского края, и допустила в качестве преподавателей большое число македонских учителей из Скопле, а также и македонских продавцов книг для распространения книг на македонском языке. Это было доказательством того, что наша партия отнеслась с самой большой симпатией к объединению македонского народа.“

Но наша партия была обманута в своей доброй воле белградскими и скопленскими руководителями. Большинство присланных из Скопле учителей и продавцов книг, очевидно по директиве своих югославских руководителей, превратилось в агентов югославской и антиболгарской шовинистической пропаганды, а позднее, после измены группы Тито Советскому Союзу и единому антиимпериалистическому лагерю, и в открытую антисоветскую агентуру.

То, что агенты Колишевского творили в Пиринском крае, было только отражением того, что происходило и происходит в самой Народной республике Македонии. Под предлогом борьбы против великоболгарского шовинизма, с помощью государственного аппарата и всех других общественно-политических и культурных организаций тут велась и ведется систематическая кампания против всего болгарского, против болгарского народа, против его культуры, против режима народной демократии, против Отечественного фронта и особенно против нашей партии“ (Георгий Димитров. Политический отчет, сделанный на V съезде БРП(к), стр. 94).

ного фашистского облика титовской банды шпионов и провокаторов. Принятая во второй половине июня 1948 г. резолюция второго совещания Информационного бюро коммунистических партий о положении в КПЮ окончательно сорвала маску с лица подлых титовских агентов американо-английского империализма, изменивших делу социализма и перешедших в лагерь империалистических агрессоров и поджигателей новой войны.

5. ПРИНЯТИЕ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Тырновская конституция, формально сохранявшаяся в Болгарии до декабря 1947 г., в новых условиях народно-демократической власти, в условиях все более крепнущей диктатуры пролетариата представляла уже явный анахронизм.

После 9 сентября 1944 г. произошли радикальные изменения в соотношении классовых сил страны. Коренным образом изменился характер государственной власти. Из орудия притеснения и ограбления трудящихся масс в интересах эксплуататорского меньшинства она превратилась в орудие господства трудящихся и подавления сопротивления эксплуататоров. Новые законодательные акты, принятые Обыкновенным и Великим народными собраниями на протяжении 1945—1947 гг., хотя формально и не отвергали Тырновскую конституцию, фактически находились в явном противоречии с ней, подрывали самые основы, на которых она базировалась.

В этих условиях Тырновская конституция являлась тормозом на пути демократического развития страны, все настоятельнее становилась необходимость ее отмены и замены ее новой, народно-демократической конституцией. Этим и занялось Великое народное собрание.

Как уже было сказано выше, в порядке выполнения своей основной задачи Великое народное собрание избрало из своего состава специальную конституционную комиссию, на которую была возложена разработка проекта нового основного закона страны. За пять месяцев своей деятельности конституционная комиссия проделала большую работу. В качестве основы она приняла проект, выдвинутый Отечественным фронтом, выработанный при руководящем участии БРП(к), в котором нашли свое воплощение идеи Сталинской Конституции.

В период работы конституционной комиссии в ее адрес непрерывным потоком поступало огромное количество предложений рабочих-крестьян и трудовой интеллигенции, свидетельствовавших об исключительно большом интересе к ее работе со стороны широких слоев болгарской общественности. Особенно много предложений поступало по второй главе проекта („Общественно-экономическое устройство“).

15 мая 1947 г. конституционная комиссия закончила свою работу принятием окончательного текста проекта новой конституции и текста мотивов к нему. В мотивах к проекту конституции комиссия указывала на причины отмены Тырновской конституции, на ее непригодность служить основой для нового, демократического порядка и на исторические предпосылки, вызвавшие к жизни проект новой конституции¹.

¹ См. „Отечествен фронт“, 17 мая 1947 г.

4 Ученые записки, т. IV

7 мая 1947 г. Великое народное собрание после месячного перерыва возобновило свои заседания и приступило 20 мая к обсуждению проекта конституции, предложенного конституционной комиссией.

Разработка и обсуждение проекта народно-демократической конституции происходили в обстановке острой классово-борьбы, в обстановке обструкций и враждебных выступлений, проводившихся оппозиционными депутатами в Великом народном собрании, а вне его стен — оппозиционной прессой и агитаторами реакции.

Буржуазно-кулацкая реакция в лице оппозиции показала и здесь свое антинародное лицо. Вначале на заседаниях пленума и отдельных секций конституционной комиссии оппозиционные представители выдвигали реакционные предложения, несовместимые с суверенитетом народа. В дальнейшем их тактика изменилась, и они вообще перестали принимать участие в работе комиссии. На заседаниях Великого народного собрания в течение длительного периода времени представители оппозиционных групп Петкова и Лулчева обрушивались с беспринципной критикой против проекта конституции Отечественного фронта, не выдвигая своего собственного проекта. На протяжении ряда месяцев Петков и его подручные в своей печати яростно цеплялись за самые реакционные положения Тырновской конституции. Лишь 29 мая 1947 г. Никола Петков огласил в Великом народном собрании свой проект, в основу которого были положены те же реакционные статьи Тырновской конституции, а также положения, заимствованные из американской и других антидемократических конституций.

В своем проекте Петков всячески отстаивал принцип так называемого „разделения властей“, фактически низводящий власть народа к пустой фикции. Функции наделенного диктаторскими правами президента республики ничем не должны были отличаться от функций царя по прежней, Тырновской конституции. Согласно проекту Петкова, этот некоронованный монарх мог по своему усмотрению назначать и увольнять премьер-министра и остальных министров. Кроме того, президенту республики предоставлялось право по докладу совета министров самовольно распускать Народное собрание, если оно ему не понравится. Президент республики становился и верховным командующим армией. Законы должны были приниматься Народным собранием в трех чтениях и утверждаться президентом республики. Последний получал право отклонять тот или другой закон.

Основная тенденция проекта Петкова, пытавшегося утвердить всесильного президента в противовес Народному собранию, отражала стремление реакции, финансового капитала восстановить свое господство над болгарскими трудящимися, была направлена против свободы и независимости болгарского народа.

То же самое можно сказать и о статьях проекта Петкова, касавшихся общественно-экономического устройства страны. Объявив частную собственность священной и неприкосновенной, Петков в своем проекте полностью отрицал общенародную, государственную собственность на средства производства, а также право народно-демократического государства заниматься руководством хозяйственной деятельностью страны. Петков выступил против всякого контроля государства над внутренней и внешней торговлей, зная, что отмена этого контроля не могла бы не привести к господству частного спекулятив-

ного капитала во внутренней и внешней торговле страны и к подчинению болгарского народного хозяйства иностранному капиталу. Ясно, что при таком положении не могло бы быть и речи о плановом развитии болгарской экономики. Это признал и сам Петков, заявивший, что общий хозяйственный план не может быть введен „как обычный конституционный принцип, а лишь в виде исключения при экономических затруднениях“¹. Неудивительно поэтому, что проект Петкова отвергал такие учрежденные после 9 сентября 1944 г. новые министерства, как министерство электрификации, вод и природных богатств, министерство промышленности и ремесел и др.

Петков ревностно защищал неограниченную свободу действий депутата, выступая, таким образом, против принципа ответственности депутата перед народом, и решительно высказывался против права отзыва депутатов их избирателями в случае измены программе, во имя проведения которой они были избраны. Его проект вводил общее ограничение избирательных прав, не допуская голосования избирателей за пределами их местожительства и ограничивая избирательные права молодежи.

Таким образом, проект конституции, представленный оппозиционной группой Николы Петкова, отражал стремление реакции свести на нет демократические завоевания болгарского народа и повернуть колесо истории вспять, к фашистскому прошлому, когда в стране господствовал иностранный финансовый капитал и его агентура в лице местных крупных поставщиков и капиталистов. Проект Петкова представлял собой политическую программу реставрации господства капитализма в Болгарии.

Еще до обнародования проекта Петкова появился не менее реакционный проект так называемой Демократической партии, опубликованный 21 октября 1946 г. в органе „демократов“ — газете „Знаме“. В основу этого проекта также были положены консервативные и реакционные статьи Тырновской конституции. По поводу его газета „Рабочническо дело“ 25 октября 1946 г. писала: „Любопытно отметить, какой ералаш внесли в свой проект ревностные защитники принципа разделения властей! Так, например, президента — шефа и представителя исполнительной власти — они наделили полномочиями законодательной власти, так что без его разрешения не может собираться Народное собрание. Президент вместе со своими министрами может распускать Народное собрание. Законы, принятые Народным собранием, но не одобренные президентом, не имеют силы. Президент, конечно, вмешивается и в судебную власть, имеет право помилования и пр.“.

Авторы этого проекта — „демократы“ Мушанов и Гиргинов — лишали активного избирательного права молодежь до 21 года и пассивного — до 25 лет; отрицали право народа контролировать деятельность своих избранников и требовать, чтобы они считывались в своей работе; выступали против политического просвещения в армии, против кооперирования, ограничивали свободу совести и вероисповедания (церковь не отделялась от государства, депутаты, верующие и неверующие, обязывались приносить клятву „во имя единого бога“) и т. д.

¹ Стенографски дневници на Великото народно събрание, 20 мая 1947 г., стр. 52.

Несколько позже появился проект конституции, представленный так называемой „Лигой защиты прав человека и гражданина“, разработанный бывшим регентом проф. Венелином Ганевым, который впоследствии был разоблачен как сообщник Петкова и К^о. Ганев помещил в органе Народного союза „Звено“ газете „Изгрев“ несколько статей, в которых пытался обосновать свои взгляды на новую конституцию¹. Его проект исходил из так называемого принципа „разделения властей“ и наделения президента республики чрезмерно большими полномочиями. Назначая премьер-министра и отдельных министров, президент мог пренебрегать мнением Народного собрания. „Парламентский контроль, — писал Ганев, — не должен доходить до полного подчинения исполнительной власти — власти законодательной; необходимо сохранить более полное, более подвижное, более гибкое равновесие“².

Далее Ганев неоднократно подчеркивал, что Народное собрание не должно быть высшим органом государственной власти и представителем народного суверенитета, а лишь одним из таких органов наряду с президентом республики и советом министров. По его мнению, эти органы должны взаимно нейтрализовать друг друга и находиться „в соотношении координации“. Ясно, что проект Ганева тесно смыкался с реакционными проектами Петкова и „демократов“, сводя на-нет суверенитет народа.

Ряд видных буржуазных юристов, как проф. Баламезов, Юруков и другие, не причислявших себя официально к оппозиции, но по своим взглядам стоявших близко к ней, также выступили в печати со своими конституционными проектами.

Так, Баламезов в своих „Заметках о проекте новой конституции“³ выдвинул ряд предложений, в корне расходившихся с проектом Отечественного фронта и непосредственно примыкавших к проектам оппозиции. Ссылаясь на проект новой конституции, опубликованный им еще в 1936 г., он высказался в пользу двухпалатной парламентской системы. Баламезов предложил установить возрастной избирательный ценз в 23 года, допуская снижение этого возраста до 21 года лишь для вступивших в брак, имеющих высшее или специальное образование или владеющих культурным, торговым или промышленным предприятием или учреждением. Баламезов резко выступил против права отзыва депутатов.

С подобными же высказываниями выступил и лидер правого крыла Народного союза „Звено“ Васил Юруков. Описывая свои впечатления от поездки в Копенгаген на межпарламентскую конференцию, он сравнивал политический строй Дании с политическим строем Болгарии и приходил к выводу, что в Болгарии „имеется кое-что гнилое, требующее исправления“⁴. Гнилое, по мнению Юрукова, заключается в том, что в Болгарии нет сената, и этой гнили не станет, если будет учрежден сенат. Свою точку зрения Юруков обосновывал цитатой из Г. Икономова⁵, который в период созыва

¹ См. „Мотиви към проектоконституцията на България“ („Изгрев“, 10, 11 и 12 января 1947 г.).

² „Изгрев“, 10 января 1947 г.

³ „Изгрев“, 12, 13, 14 и 15 марта 1947 г.

⁴ „Изгрев“ 5 июня 1946 г.

⁵ Г. Икономов требовал введения в конституцию имущественного и образовательного ценза, а также учреждения второй палаты — сената, который поддерживал бы равновесие между Народным собранием и князем.

Учредительного собрания 1879 г. стоял во главе консерваторов и поддерживал их попытки нанести удар развитию демократических принципов и традиций болгарского народа. В другой статье, помещенной в газете „Изгрев“ 28 мая 1946 г., Юруков выступил с плохо замаскированной защитой крупного спекулятивного капитала, заявляя, что Болгария Отечественного фронта должна отказаться от своей строительной программы и увеличения налогов на крупные прибыли.

Однако эти и им подобные высказывания тонули в море прогрессивных предложений широкой болгарской общественности. Болгарские трудящиеся приняли самое активное участие в обсуждении проекта конституции Отечественного фронта, принимали на своих многочисленных собраниях и конференциях резолюции одобрения основных принципов этого проекта и вносили свои предложения в целях улучшения и дополнения отдельных пунктов. За время подготовительной работы конституционная комиссия получила большое количество предложений и наказов к проекту конституции. Комиссию посетило множество делегаций, внесших свои предложения устно. Вся работа комиссии получала отражение на страницах ежедневной печати. Таким образом, она находилась в непосредственном и живом контакте с народом. В результате кропотливой и упорной работы над улучшением первоначального текста проекта конституции к нему был сделан ряд изменений и поправок, которые, однако, не затронули основных принципов проекта.

4 декабря 1947 г. Великое народное собрание, выражая волю широких слоев болгарского трудового народа, решительно отбросило реакционные предложения и приняло текст новой, народно-демократической конституции. Димитровская конституция юридически закрепила победу принципов народной демократии и диктатуры пролетариата и открыла перспективу дальнейшего развития Народной республики Болгарии по пути социализма.

Каждая статья новой конституции отражает величайшие завоевания болгарского народа. „Болгария, — говорится в первой ее статье, — является Народной республикой с представительным управлением, созданной и утвержденной в результате героической борьбы болгарского народа против монархо-фашистской диктатуры и победоносного народного восстания 9 сентября 1944 года“.

Логическим выводом из этого положения является вторая статья конституции, в которой ясно и четко сказано, что „вся власть в Народной республике Болгарии исходит от народа и принадлежит народу“. Она осуществляется через свободно избранные представительные органы и путем опроса народа. Все представительные органы государственной власти избираются гражданами на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании.

Дальнейшие статьи первой главы конституции устанавливают, что правом голоса и правом быть избранными пользуются все граждане Народной республики, которым исполнилось 18 лет, без различия пола, национальности, расовой принадлежности, вероисповедания, образования, рода занятий, общественного положения и имущественного состояния, за исключением лиц, признанных умалишенными и лиц лишенных по приговору суда гражданских и политических прав. Военнослужащие в рядах народной армии пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами. Народ не только избирает,

но и контролирует своих депутатов. Избранники народа ответственны перед своими избирателями, которые могут отозвать их в любое время. Этот нашедший отражение в новой болгарской конституции принцип Сталинской Конституции о праве отзыва депутатов в случае несоблюдения ими программы, во имя которой они были избраны, является гарантией того, что депутаты будут верными представителями народа, осуществляющими его волю и стоящими на страже его интересов.

Большое значение для характеристики Димитровской конституции имеет ее вторая глава, в которой изложены основные принципы нового общественно-экономического устройства Народной республики. Эта глава явилась предметом оживленного обсуждения как в конституционной комиссии, так и в Великом народном собрании, в различных общественных организациях, среди широких слоев населения. В результате обсуждений в ее первоначальный текст был внесен ряд редакционных поправок и изменений с тем, чтобы полнее отразить уже достигнутые сдвиги в общественно-экономическом устройстве страны.

Статья 6 определяет категории собственности на средства производства: „Средства производства в Народной республике Болгарии принадлежат государству (всенародное достояние), кооперативным организациям или частным физическим или юридическим лицам“.

Объекты государственной собственности определены в статье 7: „Все рудные и другие природные богатства, находящиеся в недрах земли, леса, воды, в том числе минеральные и лечебные, природные источники энергии, железнодорожный и воздушный транспорт, почта, телеграф, телефон и радиовещание являются государственной, т. е. общенародной собственностью“. Следующая статья устанавливает, что общенародная собственность является главной опорой государства в развитии народного хозяйства и пользуется особым покровительством.

Частная собственность и ее наследование, так же как и частная инициатива в хозяйственной жизни, допускаются. Однако народно-демократическая конституция не рассматривает частную собственность как фетиш, независимо от ее происхождения и характера. „Никто не может использовать право собственности во вред общественным интересам“ (статья 10, 3-й абзац). Частные монопольные организации и объединения, как-то: картели, тресты и концерны — запрещаются (статья 10, 4-й абзац). Государство может полностью или частично национализировать определенные отрасли или отдельные предприятия промышленности, торговли, транспорта и кредита. Возмещение определяется законом о национализации (статья 10, 6-й абзац).

В тесной связи с этим находится и статья 13, предоставляющая государству право направлять и контролировать внутреннюю и внешнюю торговлю страны, а также утверждающая за государством право вводить свою монополию на производство и торговлю предметами, имеющими существенное значение для народного хозяйства и удовлетворения нужд населения.

Таким образом, одним из важнейших моментов в вопросе о собственности, согласно новой конституции, является вытеснение частной капиталистической собственности из важнейших позиций хозяйственной жизни, лишение ее возможности обособляться в монополистические объединения, которые могли бы играть решающую роль в экономике и политике страны, и вместе с тем непрерывное увеличение

роли государственного сектора, являющегося в условиях народной демократии сектором социалистическим.

Однако, как уже указывалось, трудовой частной собственности, не имеющей характера крупной капиталистической, монополистической, спекулятивной и паразитической собственности, обеспечивается неприкосновенность и защита. Это имеет особенно важное значение для трудового землевладения. В цитированной выше статье 10, предусматривающей возможность проведения национализации в промышленности, транспорте, кредите и других отраслях хозяйства, не говорится о национализации земли.

Статья 11 закрепляет принцип трудового землевладения: „Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает“. Крупное землевладение в частных руках не допускается. Вместе с тем поощряются трудовые кооперативные сельскохозяйственные хозяйства, им обеспечиваются помощь государства и его особое покровительство. Эта же статья устанавливает, что государство может организовывать государственные сельскохозяйственные хозяйства.

Ограждая крестьянина от капиталистической эксплуатации, народно-демократическое государство дает ему полную возможность „как можно дольше подумать на своем клочке земли“ о преимуществах ведения коллективного хозяйства. По предложению существовавших к тому времени кооперативных объединений и кооператоров, в конституцию была включена статья 9, специально устанавливавшая, что государство оказывает содействие кооперативным объединениям и поощряет их. В ряде других статей конституции кооперации также уделяется большое внимание.

Исключительно большое значение имеет статья 12, которая гласит: „Государство, посредством государственного народнохозяйственного плана, направляет государственную, кооперативную и частную деятельность в целях наиболее целесообразного развития народного хозяйства и подъема благосостояния народа. При разработке и проведении государственного народнохозяйственного плана государство пользуется активным сотрудничеством профессиональных, хозяйственных и общественных организаций и учреждений“. Введение планового принципа во всем народном хозяйстве явилось новой отличительной чертой народной демократии от старой, буржуазной демократии, в условиях которой развитие производительных сил предоставлено случайной игре стихийных законов капиталистической экономики. Это новое направление в болгарской экономике нашло свое яркое отражение в принятом 1 апреля 1947 г. Великим народным собранием двухлетним народнохозяйственным плане.

Особо важное значение в народно-республиканской конституции придается труду. Статья 14 гласит: „Труд признается основным общественно-экономическим фактором, и государство всесторонне заботится о нем. Государство оказывает непосредственную помощь трудящимся — рабочим, крестьянам, кустарям, людям умственного труда — путем своей общей экономической и социальной политики, дешевого кредита, налоговой системы и кооперирования. В целях всестороннего улучшения жизни трудящихся государство поощряет их общественные организации, творческую инициативу и самостоятельность“.

Главы III, IV и V конституции посвящены органам государственной власти и государственного управления.

Статья 15 конституции народно-демократической Болгарии подчеркивает, что „Народное собрание является верховным органом государственной власти во всей ее полноте, поскольку отдельные функции, в силу конституции, не входят в компетенции других, подчиненных ему органов государственной власти и государственного управления“. Народное собрание является единственным законодательным органом республики (статья 16). Народное собрание избирает свой Президиум, образует правительство Народной республики, вносит изменения в конституцию, утверждает государственный народно-хозяйственный план и государственный бюджет, решает вопросы о налогах, о национализации хозяйственных предприятий и о введении государственных монополий, вопросы, связанные с изменением территории Народной республики, вопросы войны и мира и др. (статья 17). Народное собрание избирается на четыре года. Оно состоит из народных представителей, избранных народом по норме: один депутат от 30 тыс. жителей.

Народное собрание избирает свой Президиум в составе председателя, двух заместителей, секретаря и пятнадцати членов (статья 33). Президиум отвечает перед Народным собранием за свою деятельность и в период между сессиями Народного собрания является высшим государственным органом. Президиум Народного собрания публикует законы, принятые Народным собранием, издает указы, учреждает ордена и награждает ими, устанавливает почетные звания и присваивает их, представляет Народную республику в ее международных отношениях, ратифицирует и денонсирует международные договоры, заключенные правительством, назначает и сменяет высший командный состав вооруженных сил Народной республики и т. д. (статья 35).

Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти республики является правительство (Совет министров). Правительство состоит из председателя Совета министров, его заместителей, председателя Государственной плановой комиссии, председателя Комиссии государственного контроля, министров и председателя Комитета по делам науки, искусства и культуры. Правительство несет ответственность за свою деятельность и отчетывается в ней перед Народным собранием. В период между сессиями Народного собрания правительство несет ответственность перед Президиумом Народного собрания и отчетывается перед ним. Правительство осуществляет руководство государственным управлением, принимает меры по осуществлению государственного народнохозяйственного плана и государственного бюджета, а также по обеспечению общественного порядка, по защите государственных интересов и по охране прав граждан; оно осуществляет общее руководство внешней политикой Народной республики Болгарии и общее руководство народной обороной, а также наблюдает за исполнением законов и различных административных актов.

Местным органам государственной власти посвящены статьи 47—55. Первая из этих статей устанавливает, что территория Народной республики делится на общины и околии (уезды). В этой же статье говорится, что особым законом могут быть созданы и более крупные административные единицы¹. Органами государственной власти на

¹ До принятия новой конституции Болгария территориально делилась на общины, околии и области. По новой конституции, как видно из статьи 47, прежнее областное деление было упразднено. 17 сентября 1949 г. Великое народное собрание, на осно-

местах являются местные народные советы, избираемые местным населением сроком на три года. Местные органы государственной власти руководят проведением всех экономических, социальных и культурных мероприятий местного значения в соответствии с законами страны. Они разрабатывают местный хозяйственный план и бюджет в пределах государственного народнохозяйственного плана и государственного бюджета и руководят их осуществлением. Они заботятся о правильном управлении государственным имуществом и хозяйственными предприятиями на своей территории; обеспечивают сохранение общественного порядка, соблюдение законов и защиту прав граждан; руководят деятельностью подчиненных им исполнительных и распорядительных органов (статья 49).

Исполнительными и распорядительными органами народных советов являются местные (общинные, околийские и окружные) управы, состоящие из председателя, его заместителей, секретаря и членов (статья 51).

При осуществлении своих задач народные советы опираются на инициативу и широкое участие народных масс и на их политические, профессиональные, массовые и другие организации. Не менее одного раза в год народные советы отчитываются перед избирателями о своей деятельности (статья 52).

Глава VI конституции посвящена народным судам и прокурорскому надзору. Суды применяют законы точно и одинаково в отношении всех граждан. Суды независимы: они подчиняются только закону. Они выносят свои решения и приговоры от имени народа (статья 56). В судопроизводстве участвуют и судебные заседатели. Судьи всех степеней, как и судебные заседатели, являются выборными, за исключением специально указанных законом случаев. Закон определяет, какие судьи и судебные заседатели избираются непосредственно гражданами по правилам всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании и какие — местными народными советами или Народным собранием, а также и срок, на который они избираются (статья 58). Высший судебный надзор над судами всех видов и степеней осуществляется Верховным судом Народной республики, члены которого избираются Народным собранием сроком на 5 лет (статья 61). Таким образом, кладется конец прежней антидемократической системе, при которой судьи назначались царским указом.

Организация прокуратуры и ее функции также строятся на новой основе. Ее задача — осуществление высшего надзора за точным исполнением законов. Конституция специально подчеркивает, что Главный прокурор Народной республики должен в особенности следить за тем, чтобы преследовались и наказывались преступления, затрагивающие общегосударственные, национальные и экономические интересы Народной республики, равно как преступления и действия, наносящие ущерб независимости и государственному суверенитету страны (статья 62).

вании статьи 47 конституции, приняло закон о разделении территории республики на округа, как административные единицы, более крупные, чем околии. Указом Президиума Великого народного собрания было создано 14 округов, каждый из которых включает по несколько околий, а София была выделена в отдельную административную единицу, непосредственно подчиненную центральным органам государственной власти и управления. 25 декабря 1950 г. Первое народное собрание приняло закон, согласно которому число округов было сокращено до 12 (см. „Държавен вестник“ № 219, 22 сентября 1949 г., и № 224, 28 сентября 1949 г.; „Известия на Президиума на Народното събрание“, № 1, 2 января 1951 г.).

Главный прокурор республики избирается Народным собранием сроком на пять лет и подчиняется только ему. Все остальные прокуроры назначаются и увольняются Главным прокурором.

Глава VII определяет взаимоотношения между органами государственной власти и органами государственного управления. Президиум Народного собрания имеет право отменять все постановления и распоряжения Совета министров, которые не соответствуют конституции и законам. Совет министров имеет право отменять все постановления и распоряжения каждого своего члена, которые не соответствуют конституции, законам, постановлениям и распоряжениям правительства. Президиум Народного собрания и вышестоящие местные народные советы имеют право отменять противозаконные и неправильные акты нижестоящих народных советов (статьи 65 и 66) и т. д.

Глава VIII новой конституции определяет основные права и обязанности граждан.

В своем докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов о проекте конституции Союза ССР товарищ Сталин, характеризуя буржуазные конституции, говорил: „Буржуазные конституции обычно ограничиваются фиксированием формальных прав граждан, не заботясь об условиях осуществления этих прав, о возможности их осуществления, о средствах их осуществления. Говорят о равенстве граждан, но забывают, что не может быть действительного равенства между хозяином и рабочим, между помещиком и крестьянином, если у первых имеется богатство и политический вес в обществе, а вторые лишены и того и другого, если первые являются эксплуататорами, а вторые эксплуатируемыми. Или еще: говорят о свободе слова, собраний и печати, но забывают, что все эти свободы могут превратиться для рабочего класса в звук пустой, если он лишен возможности иметь в своем распоряжении подходящие помещения для собраний, хорошие типографии, достаточное количество печатной бумаги и т. д.“¹.

Именно такой была прежняя, Тырновская конституция Болгарии, ограничивавшаяся абстрактным и формальным провозглашением различных „равенств“, „прав“ и „свобод“ и являвшаяся в действительности фивоговым листком, прикрывавшим диктатуру кучки эксплуататоров и фактическое бесправие болгарского народа.

Товарищ Сталин в упомянутой речи о проекте новой конституции СССР указывал: „Особенность проекта новой Конституции состоит в том, что он не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав. Он не просто провозглашает равенство прав граждан, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта ликвидации режима эксплуатации, факта освобождения граждан от всякой эксплуатации. Он не просто провозглашает право на труд, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта отсутствия кризисов в советском обществе, факта уничтожения безработицы. Он не просто провозглашает демократические свободы, но и обеспечивает их в законодательном порядке известными материальными средствами. Понятно поэтому, что демократизм проекта новой Конституции является не «обычным» и «общепризнанным» демократизмом вообще, а демократизмом **социалистическим**“².

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 517.

² Там же, стр. 518.

Сталинская Конституция — это Конституция страны победившего социализма, это „исторический документ, трактующий... о фактах победы социализма в СССР, о фактах освобождения трудящихся СССР от капиталистического рабства, о фактах победы в СССР развернутой, до конца последовательной демократии“¹.

Установленный в Болгарии режим народной демократии — это режим строящегося социализма. В соответствии с этим Димитровская конституция Болгарии отражает завоевания болгарских трудящихся, открывающие возможность построения социализма в стране. „Конечно, — указывал в своей речи в Великом народном собрании секретарь ЦК БРП(к) Вылко Червенков, — до тех пор, пока значительная часть средств производства все еще находится в руках частного капитала, трудящиеся не избавятся от эксплуатации, и гарантия их прав не может быть полной, как она полна в Советском Союзе, где существует социалистический способ производства. Но народная демократия как раз тем и отличается от буржуазной демократии, что она проводит политику ограничения капиталистической эксплуатации, подчиняет интересы капитала общественным интересам, последовательно проводит мероприятия и реформы в пользу трудящихся, оказывает им помощь, превращает важные отрасли производства в общенародную собственность и т. д.“².

Еще в период принятия Димитровской конституции находившиеся в руках трудящихся политическая власть и экономические высоты давали возможность в значительной степени ослаблять влияние эксплуататоров, ставивших на чашу весов всю свою не уничтоженную еще тогда экономическую мощь с тем, чтобы оказывать влияние на политическую жизнь страны.

Народная демократия не только предоставила трудящимся формальные права, но она всеми имеющимися в ее распоряжении средствами стремится обеспечить их осуществление.

Граждане Народной республики Болгарии равны перед законом независимо от их национальности, происхождения, вероисповедания или имущественного состояния. Проповедь расовой, национальной или религиозной ненависти карается законом (статья 71).

Провозглашая равноправие женщин с мужчинами во всех областях общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни, статья 72 новой болгарской конституции предусматривает конкретные мероприятия, обеспечивающие это равенство (равное право на труд, равная плата за равный труд, равное право на отдых, на социальное обеспечение, пенсию и образование). Эта же статья устанавливает, что женщина-мать пользуется особой защитой в трудовом отношении. Государство проявляет особую заботу о матери и ребенке.

Право на труд (статья 73) обеспечивается тем, что государство планирует народное хозяйство, систематически и непрерывно развивает производительные силы и организует работы общественного значения. Труд оплачивается в зависимости от количества и качества выполненной работы. „Труд является долгом и делом чести каждого работоспособного гражданина“, — гласит статья 73.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 533.

² „Отечествен фронт“, 28 мая 1947 г.

Право на отдых обеспечивается за каждым трудящимся. Конституция предусматривает предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска и создание широкой сети домов отдыха, клубов и т. д.

Статья 75 устанавливает, что граждане имеют право на пенсию, помощь и пособия в случае болезни, несчастного случая, инвалидности, безработицы и старости. Это право государство осуществляет путем общественного страхования и доступной медицинской помощи.

Димитровская конституция предусматривает особые заботы государства об общественном, культурном и физическом воспитании и здоровье молодежи. Образование является светским, оно проникнуто демократическим и прогрессивным духом. Национальные меньшинства имеют право учиться на своем родном языке и развивать свою национальную культуру. Начальное образование обязательно и бесплатно. Школы являются государственными.

Гражданам обеспечивается свобода совести и вероисповедания. Личные и политические свободы и права, как свобода и неприкосновенность личности (статья 82), неприкосновенность жилища (статья 85), тайна переписки (статья 86), право объединения в общества, союзы и организации, если они не направлены против государственного и демократического общественного порядка Народной республики (статья 87), свобода печати, слова, собраний, митингов и демонстраций (статья 88), право подавать просьбы, жалобы и петиции (статья 89) обеспечиваются на деле в демократическом духе.

Вместе с тем народно-демократическая конституция накладывает на граждан определенные обязанности. Защита родины является высшим долгом и делом чести каждого гражданина (статья 90). Военная служба обязательна для всех граждан (статья 91). Граждане обязаны соблюдать конституцию и точно и добросовестно выполнять законы страны (статья 92), охранять всенародное достоиние и всей своей деятельностью помогать укреплению экономической, культурной и оборонной мощи родины (статья 93). Налоговые обязанности граждан распределяются в соответствии с их материальной обеспеченностью (статья 94).

Глава IX конституции определяет герб, печать, флаг и столицу Народной республики. На гербе, в центре которого изображен болгарский лев, обрамленный с двух сторон колосьями, золотыми цифрами написана историческая для болгарского народа дата 9 сентября 1944 г. Над левом вместо прежней царской короны Кобургов — красная пятиконечная звезда. Трехцветный флаг болгарского государства (белый, зеленый и красный цвета, расположенные горизонтально) сохраняется. В левом верхнем углу на белом поле изображен герб Народной республики Болгарии. Столицей Народной республики Болгарии является город София (статьи 95—98).

На всем облике и содержании конституции Народной республики Болгарии, как видно из ее текста, чувствуется благотворное и могучее влияние Сталинской Конституции — документа, свидетельствующего „о том, что то, что осуществлено в СССР, вполне может быть осуществлено и в других странах“¹. Однако народно-демократическая конституция Болгарии не является и не могла быть простой копией Сталинской Конституции. В то время как Сталинская Конституция является основным законом страны победившего социализма, — Дими-

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 533.

тровская конституция отражает общественно-экономическое устройство государства переходного периода от капитализма к социализму.

Принятие Димитровской конституции ознаменовало собой важный шаг вперед в деле укрепления народно-демократического строя в Болгарии.

„Новая конституция, — говорил Георгий Димитров, — закрепляет принципы народной демократии и расчищает путь для общественного развития нашей страны, что приведет к окончательному уничтожению всех остатков капиталистической эксплуататорской системы, т. е. к полной ликвидации эксплуатации человека человеком“¹.

9 декабря, в соответствии с новой конституцией, Великое народное собрание приняло присягу депутатов и избрало свои Президиум и бюро. Выступивший в конце заседания премьер-министр Г. М. Димитров заявил, что новая конституция предусматривает серьезное переустройство государственного управления Болгарии и что необходимо произвести перемену в составе правительства. В соответствии с этим Г. М. Димитров предложил отставку кабинета. Приняв отставку, Великое народное собрание поручило Димитрову сформировать новое правительство. В состав нового правительства Димитрова, утвержденного Великим народным собранием 11 декабря 1947 г., вошли 14 коммунистов, 5 членов БЗНС, 2 члена Народного союза „Звено“ и 2 социал-демократа.

6. ДВУХЛЕТНИЙ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПЛАН; НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И БАНКОВ; КОНЕЦ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА

К началу 1947 г. болгарские трудящиеся во главе с рабочим классом под руководством Рабочей партии (коммунистов) добились существенных успехов в деле преодоления последствий фашистского господства и войны в экономике страны.

Эти успехи были обеспечены и достигнуты прежде всего благодаря тому, что в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства, как и во всех других областях своего прогрессивного развития, болгарский народ опирался на братскую поддержку и бескорыстную помощь великого Советского Союза. „Без поддержки Советского Союза, — писал Георгий Димитров, — Болгария была бы растерзана и попала бы в лапы других, не менее наглых, агрессивных и коварных империалистов, чем гитлеровские разбойники. Без искренней помощи советского народа наш народ умирал бы с голоду в тяжелые годы засухи. Наше хозяйство находилось бы и поныне в состоянии упадка и разорения“².

В первые же месяцы после установления власти Отечественного фронта в болгарские порты стали прибывать пароходы с советскими товарами и сырьем, крайне необходимыми для разоренного болгарского хозяйства. В марте 1945 г. между СССР и народно-демократической Болгарией было подписано первое торговое соглашение, которое сыграло огромную роль в предотвращении нависшей над страной хозяйственной катастрофы. Полученные из Советского Союза черные и цветные металлы, хлопок, нефтепродукты, химикалии и другие

¹ „Рабочническо дело“, 16 апреля 1949 г.

² „За прочный мир, за народную демократию!“, 1 ноября 1948 г.

ценные материалы и сырье обеспечили восстановление и бесперебойную работу болгарской промышленности и транспорта, снабжение сельского хозяйства необходимыми сельскохозяйственными машинами и другими товарами. В апреле 1946 г. было заключено новое торговое соглашение, в соответствии с которым количество поставляемых Советским Союзом Болгарии товаров было намного увеличено, а цены на них значительно снижены. Помимо большого количества сырья болгарское народное хозяйство получило из СССР сотни грузовиков, тракторов и других машин. Советский Союз, предоставив Болгарии значительное количество зерна, помог болгарскому народу избежать голода, угрожавшего ему вследствие постигшей страну засухи.

Все более возрастающая экономическая помощь Советского Союза не только содействовала быстрому и успешному восстановлению болгарской экономики, но и дала возможность уже в тот период начать строительство первых новых объектов социалистического сектора промышленности и железнодорожного транспорта. Опираясь на эту братскую помощь, народно-демократическая власть Отечественного фронта сумела мобилизовать массы на трудовые подвиги, а также принять ряд решительных мер по ограничению и ослаблению социально-экономической базы реакции.

Одним из этих мероприятий, как мы уже видели, явилась конфискация предприятий военных преступников, а также имущества, приобретенного путем спекуляции и другими незаконными способами. Важное значение имело введение государственной монополии на производство спиртных напитков, табака и на страховое дело. В результате аграрной реформы была подорвана экономическая мощь крупных земельных собственников; было начато кооперирование болгарской деревни. На протяжении 1945—1946 гг. было положено начало планового регулирования не только промышленного, но и сельскохозяйственного производства. Значительно возросла роль кооперации. В декабре 1946 г. существовавшие до этого 15 кооперативных союзов всех отраслей производства объединились в единый Центральный кооперативный союз, охвативший около полутора миллионов членов. В руках кооперации сосредоточилось около 50% всего товарооборота страны. С целью ограничения частноторгового капитала были созданы крупные государственные, общинные и кооперативные торговые предприятия, такие, как „Народный магазин“, „Хоремаг“¹ и др. Народно-демократическая власть установила государственную монополию внешней торговли, для осуществления которой были созданы подчиненные Министерству внешней торговли внешнеторговые объединения „Металлоимпорт“, „Химимпорт“, „Яйцеекспорт“, „Текстильэкспорт“ и др.

Значительных успехов добилось народно-демократическое государство в укреплении финансов страны. Основное налоговое бремя было перенесено с плеч трудящихся на плечи крупных собственников. В результате проведенной в марте 1947 г. денежной реформы, выразившейся в обмене старых кредитных билетов и трехпроцентных государственных казначейских бон на новые, количество находившихся в обращении денежных знаков уменьшилось почти втрое — с 68,5 млрд. левов до 24 млрд. левов. Денежные капиталы, находившиеся до этого

¹ „Хоремаг“ — общинное предприятие, объединяющее: гостиницы, рестораны и магазины.

в руках спекулянтов и других нетрудовых элементов, оказались под контролем государства. Законом о единовременном налоге, принятом в начале апреля 1947 г., значительная часть крупных сумм и имущества была изъята у их собственников и передана в распоряжение государства.

Денежная реформа и связанные с ней мероприятия явились не только эффективной мерой в деле ликвидации черной биржи, окончательной стабилизации болгарской валюты и дальнейшего сужения позиций капитализма в экономике страны, но и открыли широкие возможности для планирования обращения, кредита и эмиссионных операций, основанного на общем хозяйственном плане. Эти мероприятия явились новым большим шагом по пути вытеснения стихийности в хозяйственной жизни страны, имели большое политическое и народно-хозяйственное значение.

Уже в первый период своего существования народно-демократическое государство оказывало плановое регулирующее воздействие на развитие болгарской экономики, всемерно используя при этом свои командные позиции в борьбе за восстановление народного хозяйства и укрепление социалистического сектора в нем за счет ослабления позиций частнокапиталистического сектора. Несмотря на вредительскую деятельность вражеской группы Трайчо Костова, Народная республика Болгария уже в тот период добилась значительных успехов в области экономики. Достигнутые к 1947 г. успехи в этом направлении создали первые предпосылки для перехода к введению единого всеобъемлющего перспективного общегосударственного плана.

1 апреля 1947 г. Великое народное собрание приняло разработанный по инициативе Рабочей партии (коммунистов) закон о двухлетнем народнохозяйственном плане на 1947—1948 гг.

В качестве исходной точки двухлетнего плана принимался уровень промышленного и сельскохозяйственного производства 1946 г., составлявший 85,9% довоенного уровня 1939 г. При этом промышленное производство, составлявшее 26% общего национального производства, в 1946 г. было на уровне 91% по сравнению с 1939 г. В сельском хозяйстве, претерпевшем две последовательные засухи 1945 и 1946 гг., в наихудшем положении находилось животноводство, составлявшее в 1946 г. 55,8% уровня 1939 г.

Основными задачами двухлетнего плана были преодоление хозяйственных затруднений, унаследованных от фашизма и войны и углубленных двумя последовательными засухами, достижение и превышение довоенного уровня производства в земледелии, в промышленности и других отраслях народного хозяйства. Двухлетний план должен был заложить первые основы индустриализации и электрификации страны, содействовать преобразованию сельского хозяйства и значительно увеличить роль общественного, т. е. социалистического, сектора в производстве и обмене.

Трудящиеся Болгарии восприняли двухлетний народнохозяйственный план как боевую программу, отвечающую их жизненным интересам. Шахтеры каменноугольного бассейна Перника, рабочие фабрик Софии, Варны, Пловдива, Русе, Габрово, Плевена, Сливена и других промышленных центров за короткий срок увеличили производительность труда. По всей стране развернулось строительство новых промышленных предприятий, железнодорожных линий и шоссе, водохранилищ,

оросительных каналов и электростанций. В 1947 г. были сданы в эксплуатацию такие важные объекты, как шоссе через горный перевал Хаинбоаз, железнодорожная линия Перник (позже Димитрово) — Волюяк, первая очередь цементного завода „Вулкан“ в Димитровграде.

Ход выполнения плана первого года двухлетки (1947 г.) наглядно показал преимущества социалистического сектора хозяйства, явившегося основой хозяйственного плана. Вместе с тем со всей очевидностью выявилось, что частная собственность на значительную часть промышленных предприятий, даже при наличии государственного и рабочего контроля, тормозит плановое развитие болгарской промышленности и ее дальнейший рост.

Исходя из задач развития страны по пути к социализму, руководимое Георгием Димитровым народно-демократическое правительство подготовило и в конце 1947 г. осуществило национализацию промышленности и банков, означавшую ликвидацию капиталистического сектора в промышленности и кредитно-банковской системе. 23 декабря 1947 г. Великое народное собрание единодушно приняло закон о национализации частных промышленных и горнорудных предприятий¹. В законе перечислялись основные отрасли промышленности, все частные предприятия которых национализируются и переходят в собственность государства. Согласно закону, государство выплачивало собственникам национализированных предприятий возмещение государственными процентными облигациями. Размер возмещения определялся на основе оценки предприятия согласно закону о единовременном налоге на имущество за вычетом прогрессивно увеличивающихся сумм по шкале, утвержденной правительством. Собственникам национализированных предприятий, активно сотрудничавшим с гитлеровской армией или фашистской болгарской полицией, а также иностранным агентам и шпионам и уличенным в деятельности по восстановлению фашистской диктатуры после 9 сентября 1944 г., возмещение не предоставлялось.

Управляющие, директора, бухгалтеры и технические кадры национализированных предприятий были объявлены хозяйственно-мобилизованными и, как правило, обязывались в течение шести месяцев работать в качестве специалистов.

Чтобы обеспечить нормальную работу национализированных предприятий и оградить их от хищения и саботажа, были назначены специальные уполномоченные по их приемке, а также временные коменданты предприятий. Для обеспечения конкретного и делового руководства государственными национализированными промышленными предприятиями, а также в целях правильного и рентабельного их использования и, в особенности, для подготовки и проведения их технической реконструкции и рационализации, было создано 20 государственных промышленных объединений по соответствующим отраслям промышленности.

В тесной связи с законом о национализации промышленности находился принятый 26 декабря 1947 г. Великим народным собранием закон о национализации и реорганизации банков², согласно которому все частные акционерные банки были национализированы и слиты с Болгарским народным банком. Была установлена государственная моно-

¹ См. „Държавен вестник“ № 302, 27 декабря 1947 г.

² Там же.

поля на банковское дело, которое стало осуществляться Болгарским народным банком, а в области долгосрочного кредитования — Болгарским инвестиционным банком.

В последующие месяцы была полностью осуществлена государственная монополия внутренней оптовой торговли, проведена национализация крупной городской недвижимой собственности, лесов. В принудительном порядке был выкуплен у частных владельцев крупный сельскохозяйственный инвентарь. Таким образом, решающая часть средств производства и обмена стала общественной собственностью.

Проведение национализации ознаменовало собой громадный шаг вперед в деле укрепления народно-демократической власти, в деле ликвидации экономической мощи буржуазии и построения планового социалистического хозяйства в стране. „Национализация промышленности, — говорил Георгий Димитров, — является самым важным революционным мероприятием в экономике, окончательно утвердившим плановое развитие нашей страны по пути к социализму“¹.

Если в 1947 г., до национализации, на долю государственного сектора приходилось всего 6% производственной мощности промышленных предприятий, то после национализации, в 1948 г., эта доля выросла до 93%. Государственные и кооперативные предприятия давали в 1948 г. уже 97% общего промышленного производства страны. Из 5552 национализированных предприятий 2011 были переданы в распоряжение Министерства промышленности и ремесел (в результате проведенных затем реконструкции и укрупнения они были сведены к концу 1948 г. в 813 предприятий), а свыше 3 тыс. более мелких предприятий поступили в ведение народных советов. Во внутреннем товарообороте в 1948 г. доля социалистического (государственного и кооперативного) сектора возросла до 70%.

Национализацией промышленности и банков завершается целый исторический этап в развитии народно-демократической Болгарии по пути к социализму. Национализация явилась переломным моментом в укреплении господствующего положения рабочего класса, в окончательном упрочении диктатуры пролетариата. Вместе с тем она сыграла большую роль в деле окончательного слома старого государственного аппарата и замены его государственным аппаратом социалистического типа. На протяжении 1948 г. происходит решительная перестройка работы государственных органов, создание новых организационных форм отдельных министерств, перед которыми встала задача руководства и планирования социалистической экономики.

„Народно-демократические революционные преобразования в нашей стране после 9 сентября 1944 г., решающим пунктом которых была национализация капиталистических предприятий, банков и шахт, — говорил В. Червенков, — по существу сыграли ту же самую роль, какую в России сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция. . .“².

После национализации промышленности и банков социалистические производственные отношения стали господствующими в этой части народного хозяйства. Болгарские рабочие почувствовали себя настоящими хозяевами своего труда и с удвоенной энергией взялись за

¹ Пети конгрес на БКП. Стенографски протоколи, част 1, стр. 150.

² „Работническо дело“, 17 декември 1949 г.

5 Ученые записки, т. IV

выполнение двухлетнего народнохозяйственного плана, за укрепление экономической мощи и независимости своей Народной республики.

Новые директора национализированных предприятий, вышедшие из среды народа, стали не только руководителями предприятий, но и организаторами новых, социалистических методов работы на них.

Несмотря на то, что многие предприятия находились в процессе реорганизации и реконструкции, не только удалось избежать временного снижения уровня производства, но уже в первом квартале 1948 г. промышленное производство в стране увеличилось на 25% по сравнению с соответствующим периодом 1947 г. За этот же квартал болгарские рабочие намного превзошли намеченный по плану процент увеличения производительности труда: железнодорожники — на 20%, текстильщики — на 15%, рабочие резиновой промышленности — на 40% и т. д. Большим стимулом для разветвления движения ударников, рационализаторов, новаторов производства и изобретателей служили трудовые подвиги советских рабочих, применявших методы высокой производительности труда. Начатое по примеру советских текстильщиц болгарской ударницей-текстильщицей М. Тодоровой движение многостаночного обслуживания стало охватывать все большее количество рабочих и работниц. Побывавший в 1947 г. в Болгарии советский шахтер-стахановец Борискин поделился своим производственным опытом с шахтерами болгарского каменноугольного бассейна Перника и помог им ввести у себя высокопроизводительную многозабойную систему добычи угля. Первым из болгарских шахтеров применил эту систему ударник государственной шахты „Поповдол“ Александр Русинов. 21 августа 1947 г. он вырубил и отгрузил 27,5 тонны угля при норме 3 тонны. На следующий день шахтер Димитр Стойнев добыл и отгрузил 35,5 тонны. Их примеру последовали десятки других ударников. Инициатива шахтеров „Поповдола“ была подхвачена рабочими других шахт. В шахте „Темелко Ненков“ ударники Иван Великов и Йордан Христов добыли и отгрузили 89 тонн угля, выполнив за один день 18 производственных норм.

Внедрение новых методов труда получило особенно широкое распространение и дало высокие результаты во время предмайского соревнования 1948 г., проходившего с большим подъемом.

В первых рядах ударников встала болгарская молодежь. Трудовой энтузиазм болгарской молодежи породил новую форму патриотического движения. По всей стране возникли молодежные трудовые строительные бригады, которые в короткий срок охватили десятки тысяч школьников, студентов, молодых рабочих и служащих, использовавших свои летние каникулы и отпуска для непосредственного участия в работе на стройках республики. В 1948 г. 250 тыс. членов молодежных трудовых бригад работали на строительстве нового индустриального центра страны — Димитровграда, на строительстве больших водохранилищ, электростанций, каналов и других строительных объектов общегосударственного значения.

Несмотря на повторившуюся в 1947 г. засуху, болгарский народ, опираясь на помощь и поддержку Советского Союза, используя богатейший опыт СССР, добился значительных успехов в восстановлении и развитии народного хозяйства, выполнив двухлетний народнохозяйственный план. План промышленного производства в 1948 г. был выполнен с превышением на 6%, что дало возможность покрыть имевшее

место некоторое недовыполнение плана 1947 г. Объем промышленного производства в 1948 г. возрос на 38,5% по сравнению с 1947 г. и превысил довоенный уровень на 71,5%¹.

В результате выполнения двухлетнего народнохозяйственного плана изменилось соотношение между промышленным и сельскохозяйственным производством в стране. Если в 1939 г. это соотношение составляло 27:73, то в 1948 г. оно составило уже 30:70².

Если конец 1947 г. — начало 1948 г. ознаменовали собой переломный момент в развитии болгарской промышленности, из которой были почти полностью вытеснены капиталистические элементы, то далеко не так обстояло дело с отсталым и раздробленным сельским хозяйством.

Правда, и здесь в период проведения двухлетнего плана произошли важные изменения в сторону укрепления общественного сектора хозяйства. Количество государственных земельных хозяйств увеличилось с 56 в 1947 г. до 86 в 1948 г., а обрабатываемая ими земля — с 20 700 до 77 500 га. Число МТС возросло с 30 в 1947 г. до 71 в 1948 г. В конце 1947 г. существовало 537 трудовых кооперативных земельных хозяйств, объединявших 48,5 тыс. крестьянских хозяйств с 179 тыс. га земли, а в конце 1948 г. их было уже 1100 и они объединяли 76 тыс. хозяйств, располагавших 300 тыс. га земли. Но это составляло всего-навсего 7% всех крестьянских хозяйств Болгарии и лишь 6,1% всей обрабатываемой земли. Кооперирование сельского хозяйства проходило в обстановке обостряющейся классовой борьбы. Капиталистические элементы деревни оказывали яростное сопротивление перестройке сельского хозяйства на социалистический лад.

Плановое регулирование массы раздробленных крестьянских хозяйств представляло большие трудности. Однако уже в тот период народно-демократическое государство, опираясь на налоговую политику, систему контракций, дифференцирование закупочных цен на сельскохозяйственные продукты и ряд других мер, проводило свое плановое воздействие на развитие сельского хозяйства. Этими мероприятиями оно подготовляло необходимые условия для массового социалистического переустройства сельского хозяйства на основе сплошной коллективизации.

Особенно большую помощь народно-демократическое правительство оказывало уже созданным трудовым кооперативным земельным хозяйствам

¹ „Работническо дело“, 6 сентября 1949 г. По данным государственной плановой комиссии Народной республики Болгарии, по отдельным отраслям промышленности производство 1948 г. в процентном отношении к производству 1947 и 1939 гг. выразилось в следующих цифрах: добыча каменного угля — 106% (к 1947 г.) и 196% (к 1939 г.), медных и свинцово-цинковых руд — 122% (к 1947 г.) и 4200% (к 1939 г.); производство электроэнергии — 112% (к 1947 г.) и 207% (к 1939 г.); электромоторов — 5600% (к 1947 г., — до этого года в Болгарии производства электромоторов не было); плоского стекла — 145% (к 1947 г.) и 135% (к 1939 г.); шерстяных тканей — 112% (к 1947 г.) и 132% (к 1939 г.); хлопчатобумажных тканей — 122% (к 1947 г.) и 180% (к 1939 г.); мукомольной промышленности — 117% (к 1947 г.) и 148% (к 1939 г.); производство сахара — 357% (к 1947 г.) и 242% (к 1939 г.); растительных консервов — 372% (к 1947 г.) и 95% (к 1939 г.) и т. д. Замечателен факт, что общая продукция промышленности, приходящаяся на одного рабочего, в 1948 г. превысила продукцию 1939 и 1947 гг. на 18 и 26% („Свободная Болгария“, 22 февраля 1949 г.). За 1947—48 гг. продукция тяжелой промышленности увеличилась на 123%, а легкой — на 155%.

² „Работническо дело“, 6 сентября 1949 г.

хозяйствам. В 1948 г. оно отпустило кооперативным хозяйствам более 1 млрд. левов денежных субсидий. Кроме того, на производство и ввоз сельскохозяйственных машин государство израсходовало 1664 млн. левов. Оно снабжало трудовые кооперативные сельскохозяйственные хозяйства сортавыми семенами и минеральными удобрениями, способствовало введению в кооперативах передовой агротехники¹.

По закону о национализации промышленности у кулаков было отобрано 1500 мельниц, 400 маслобоен, 675 мастерских по расчесыванию шерсти, 250 предприятий по выработке прохладительных напитков и другие предприятия. Большая часть из них была передана в распоряжение местных советов и трудовых кооперативных сельскохозяйственных хозяйств. 18 февраля 1948 г. Великое народное собрание приняло закон о выкупе у частных владельцев крупного сельскохозяйственного инвентаря². По этому закону было изъято у кулаков и передано в распоряжение МТС и трудовых кооперативных сельскохозяйственных хозяйств более 3300 тракторов, 3700 молотилок, 750 сноповязалок и большое количество других сельскохозяйственных машин и орудий. Важную роль в деле ограничения кулачества сыграл принятый 10 декабря 1948 г. Великим народным собранием закон о запрещении использования при найме земли и скота. В этом законе, в частности, говорится: „Аренда обрабатываемых земель допускается лишь за деньги. Нанимателями могут быть лишь трудовые кооперативные сельскохозяйственные хозяйства, государственные сельскохозяйственные хозяйства, безземельные или малоземельные крестьяне, которые обладают участками земли меньших размеров, чем установленный для данной местности средний размер сельскохозяйственного надела, или крестьяне, располагающие количеством земли, превышающим средний надел, но при условии, что они будут обрабатывать землю сами и с помощью членов своей семьи“³.

Проведение всех этих мероприятий существенным образом сузило экономическую базу кулаков, отняв у них ряд важнейших средств эксплуатации чужого труда. Укреплением и расширением социалистического сектора в сельском хозяйстве и оказанием помощи бедняцкому и середняцкому крестьянству народно-демократическое государство содействовало дальнейшему упрочению союза рабочего класса с трудовым крестьянством и изоляции кулачества.

Вопреки саботажу и отчаянному сопротивлению эксплуататорских элементов деревни, а также несмотря на неблагоприятные климатические условия, приведшие к новой засухе, в 1948 г. были достигнуты существенные успехи в выполнении народнохозяйственного плана и в области сельского хозяйства, хотя по некоторым важным сельскохозяйственным культурам и в особенности по животноводству довоенный уровень еще не был достигнут. Показательно, что уже в этот период урожай основных культур в кооперативном секторе сельского хозяйства был на 20—30% выше урожая единоличных хозяйств. Производственные успехи сельскохозяйственных кооперативов наглядно показывали болгарским крестьянам преимущества коллективного труда.

Необходимо все же отметить, что успехи болгарского сельского хозяйства могли бы быть более значительными, если бы БРП(к) и

¹ „Правда“, 20 июня 1949 г.

² „Държавен вестник“ № 48, 28 февраля 1948 г.

³ „Държавен вестник“ № 304, 27 декабря 1948 г.

народно-демократическое правительство не допустили серьезных ошибок в отношении середняка, выразившихся в „затягивании гаек“¹. Лишь с середины 1949 года было по-настоящему приступлено к проведению курса на предоставление крестьянам права свободной продажи сельскохозяйственных продуктов после выполнения государственных поставок, что значительно повысило заинтересованность крестьянства в развитии сельскохозяйственного производства.

В результате выполнения двухлетнего народнохозяйственного плана значительно увеличился выпуск промышленной продукции и производство предметов широкого потребления для удовлетворения растущих нужд населения страны. Количество общей промышленной и сельскохозяйственной продукции, приходящейся на одного человека, в 1948 г. повысилось на 14% по сравнению с 1939 г. и на 39% по сравнению с 1947 г. Фонд заработной платы в 1948 г. по сравнению с 1944 г. увеличился на 118%.

Достигнутыми успехами в выполнении двухлетнего плана, расширении и укреплении экономической (а следовательно, и политической) базы народно-демократического строя болгарский народ был обязан в первую очередь бескорыстной и постоянной помощи, оказывавшейся ему во все возрастающих масштабах великим Советским Союзом. В соответствии с болгаро-советским торговым соглашением 1947 г. количество поставленных Болгарии советских товаров значительно выросло. Болгарское народное хозяйство получило в два раза больше, чем в 1946 г., тракторов и на 40% больше промышленного оборудования. Учитывая, что Болгария не могла сразу заплатить за все эти необходимые ей материалы, Советский Союз предоставил ей долгосрочный товарный кредит. 23 августа 1947 г. СССР предоставил Болгарии инвестиционный кредит, который дал возможность народной власти начать строительство самого большого на Балканском полуострове завода искусственных удобрений, новых электростанций и других крупных объектов. Советское правительство направило в Болгарию советских инженеров и специалистов, которые оказали ценную помощь при строительстве, монтаже и пуске в строй новых промышленных объектов. Еще более мощным толчком в развитии болгарской экономики послужило подписание в 1948 г. второго соглашения, согласно которому Болгария получила инвестиционный кредит, вдвое превышающий кредит 1947 г. Началась доставка советского оборудования для свинцово-цинкового, содового, двух авторемонтных заводов и других строящихся крупных промышленных объектов. 1 апреля 1948 г. было подписано соглашение об оказании Болгарии научно-технической помощи советских специалистов. В июле 1948 г. Советское правительство предоставило новые значительные льготы Болгарии, которые помогли ускорить дальнейшее развитие ее экономики. Эти льготы включали: сокращение наполовину (с 9 до 4,5 млн. америк. долларов) суммы, которую Болгария должна выплатить Советскому Союзу за

¹ „Мы должны признать, что слишком затянули гайку в наших отношениях с середняком, — говорил тов. Вълко Червенков на июньском пленуме ЦКБКП в 1949 г. — Мы фактически применяем методы, которые напоминают систему „военного коммунизма“. Необходимо ослабить гайку и перейти к таким методам, которые бы укрепили у сельского производителя, в первую очередь у середняка, личную заинтересованность в поднятии и развитии производства“ (Вълко Червенков — По пътя на Георги Димитров. София, 1950, стр. 144).

бывшие германские активы, являющиеся на основании мирного договора собственностью Советского Союза; отказ правительства СССР от своих претензий к Болгарии на сумму 2970 млн. левов за ущерб, причиненный бывшим германским активам в Болгарии за период, когда эти активы находились в распоряжении болгарских правительственных органов, а также передачу болгарскому правительству за половинную стоимость двух электростанций, торговых, транспортных и других бывших немецких предприятий и имущества, принадлежавших Советскому Союзу в Болгарии. Эти значительные льготы явились новым проявлением дружбы и помощи, которую Советский Союз оказывает народно-демократической Болгарии.

Неоценимой помощью и светлым маяком для болгарских трудящихся служат пример и опыт социалистического строительства Советского Союза. „Болгарский народ, строящий под руководством рабочего класса и его коммунистического авангарда свою новую жизнь, — подчеркивал Георгий Димитров, — учится с благодарностью у героического советского народа, у великой большевистской партии, как бороться и побеждать своих врагов, как преодолевать все и всяческие трудности и опасности в своей стране. Он глубоко убежден в том, что чем больше и лучше использует богатейший опыт борьбы за построение социалистического общества в Советском Союзе, тем скорее и успешнее построит свободную, культурную и счастливую жизнь“¹. Болгарские коммунисты, возглавившие строительство народно-демократической Болгарии, постоянно учатся на опыте великой Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), пользуются постоянной помощью и советами гениального Сталина.

В проведении революционных преобразований в экономике народно-демократической Болгарии, важнейшим проявлением которых явилась национализация промышленности и банков, нашло яркое подтверждение указание И. В. Сталина об активной роли надстройки в истории общества. „Надстройка, — указывает товарищ Сталин, — порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы.

Иначе и не может быть. Надстройка для того и создается базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой. Стоит только отказаться надстройке от этой её служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиции активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одинакового отношения к классам, чтобы она потеряла своё качество и перестала быть надстройкой“².

Утвердившееся в Болгарии государство народной демократии, успешно осуществляющее функции диктатуры пролетариата, представ-

¹ „За прочный мир, за народную демократию!“, 1 ноября 1948 г.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 7.

ляет собой именно такую надстройку, призванную активно помогать и действительно помогающую оформиться и укрепиться новому экономическому строю, помогающую ему ликвидировать экономический базис капитализма и эксплуататорские классы. В народно-демократическом государстве „... ярко выступает громадная роль новых общественных идей, новых политических учреждений, новой политической власти, призванных упразднить силой старые производственные отношения“¹.

Следует отметить, что БРП(к), являющаяся руководящей силой народно-демократического государства, допустила известное замедление в использовании всех возможностей активной преобразующей деятельности народно-демократической власти в развитии страны по пути к социализму. Это замедление темпов выразилось прежде всего в запоздании с разгромом реакционной буржуазной оппозиции, с проведением чистки всего государственного аппарата от реакционных элементов, а также в запоздании с осуществлением ряда решительных мероприятий, затрагивающих экономическую базу капиталистической реакции, — в первую очередь с проведением национализации капиталистических предприятий и банков. Оно выразилось также в замедлении выработки и проведения новой линии партии по отношению к различным слоям крестьянства, ориентации партии и болгарских трудящихся на неизбежное обострение классово-борьбы.

Причины этого замедления темпов были вскрыты и подвергнуты глубокому марксистскому анализу Георгием Димитровым, выступившим на состоявшемся в июле 1948 г. 16-м пленуме ЦК БРП(к) с докладом о выводах, которые БРП(к) должна была сделать в связи с разоблачением националистических, антимарксистских и антисоветских позиций клики Тито в Югославии. 16-й пленум ЦК БРП(к), основываясь на проведенной под руководством и по инициативе ЦК ВКП(б) глубоко принципиальной критике извращений марксизма со стороны титовских выродков, а также на резолюции июньского совещания Информбюро коммунистических партий о положении в КПЮ, подверг серьезной переоценке и смелой большевистской критике и самокритике работу БРП(к) и ее руководства.

„У нашей партии в лице ее руководства, — указывал Георгий Димитров в своем докладе на 16-м пленуме ЦК, — не было достаточно ясного представления о перспективах и темпах нашего развития после 9 сентября 1944 г., она не была вооружена выдержанным до конца марксистским анализом совершенного 9 сентября общественного перелома и происходящих из различных этапов развития революционно-преобразовательного процесса задач партии. Наше партийное руководство запоздало с внесением необходимой с точки зрения марксизма-ленинизма ясности по вопросу о характере так называемой эры Отечественного фронта, т. е. о путях и особенностях нашего движения к социализму в условиях народной демократии... Фактом является то, что и позже, когда война была уже закончена, когда наша страна получила мирный договор и ее независимость была обеспечена, наша партия допустила замедление в деле разгрома реакционной оппозиции, продолжала говорить о возможности сочетания интересов капиталистических элементов с интересами рабочего класса при создавшихся в нашей стране условиях“.

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 125.

Выступая на январском пленуме ЦК болгарской компартии (1950 г.) с докладом об основных уроках раскрытия банды Трайчо Костова и борьбы за ее разгром, генеральный секретарь ЦК БКП(б) Вьлко Червенков отмечал, что основной причиной допущенных партией ошибок являлось непонимание необходимости пролетарской диктатуры в переходный период от капитализма к социализму. „Нужно признать,— говорил товарищ Червенков,— что после 9 сентября 1944 г. среди нас еще долгое время имело место и тяготело над всей нашей практической деятельностью представление об особом, чуть ли не самобытном пути развития нашей страны, который в один прекрасный день приведет нас к социализму. Это представление исходило из того предположения, что после 9 сентября классовая борьба будет все больше и больше затухать, что мы, в отличие от Советского Союза, могли бы перейти к социализму без пролетарской диктатуры, безболезненно, так сказать, органически, в силу простого количественного и постепенного нарастания наших успехов“¹.

Великая партия большевиков, товарищ Сталин помогли болгарским коммунистам разобраться в обстановке и исправить допущенные ошибки. „К нашему счастью,— говорил Георгий Димитров,— партия, несмотря на известное замедление и недостаточно развернутое теоретическое обоснование, смогла поставить и обеспечить на деле разрешение новых задач, продиктованных обстановкой... Мы всегда будем благодарны за ту неоценимую и своевременную помощь, которую получаем от великой большевистской партии и прежде всего лично от товарища Сталина советами и разъяснениями по вопросам политики нашей партии, как руководящей силы народной демократии, помощь, позволившую нам быстро исправить допущенные ошибки“².

7. ПЯТЫЙ СЪЕЗД БОЛГАРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

На протяжении первых трех лет после 9 сентября 1944 г. роль Болгарской рабочей партии (коммунистов) как руководителя и организатора строительства народно-демократической республики значительно выросла. Все более укреплялись ее связи с народными массами, рос ее авторитет. Занимая руководящие посты в государственной, общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни страны, болгарские коммунисты сумели сплотить вокруг себя здоровые демократические силы болгарского народа, разоблачить, изолировать и разгромить открытую агентуру внутренней и внешней реакции, повести массы на борьбу за восстановление и развитие народного хозяйства.

Партия значительно окрепла в организационном отношении. Руководство партии во главе с Георгием Димитровым развернуло большую работу по идеологическому воспитанию партийных кадров, по поднятию внутрипартийной политико-воспитательной работы.

Ярким проявлением все более крепнувшего морально-политического единства болгарских трудящихся явилось проведенное в начале февраля 1948 г. по инициативе и под руководством БРП(к) преобразование Отечественного фронта в единую общественно-политическую организацию болгарского народа с общим уставом и общей обновленной

¹ Вьлко Червенков. По пътя на Георги Димитров. София, 1950, стр. 339.

² Пети конгрес на БКП. Стенографски протоколи, част I, стр. 149—150.

программой, в которой были сформулированы новые задачи строительства социализма.

Отечественный фронт и до этого не был простой коалицией партий. С самого начала он представлял собой народное движение под руководством коммунистов, но в его комитетах вплоть до 1948 г. были элементы коалиции, от которых он постепенно освобождался в ходе своего развития. Эти элементы коалиции выражались, в частности, в том, что комитеты Отечественного фронта не избирались, а образовывались на паритетных началах из представителей от каждой из входящих в него партий и общественных организаций. До второго конгресса Отечественного фронта не было индивидуального членства, обязательной дисциплины для всех партий и общественных организаций, входивших в него, не было и выборных руководящих органов.

Однако, как указывал в своем докладе на втором конгрессе Отечественного фронта его основатель Георгий Димитров, осуществление новых грандиозных задач было немислимо без еще более тесного объединения и сплочения народных сил, без еще большей сознательности в деятельности трудящихся Народной республики, без единого и авторитетного руководства возрастающей активностью трудящихся городов и деревень. Вот почему встала задача реорганизации Отечественного фронта в единую народную общественно-политическую организацию с обязательной дисциплиной для всех его членов, с единой общей программой и выборными руководящими органами.

Для разрешения этой задачи в начале февраля 1948 г. был созван второй национальный конгресс Отечественного фронта. Устав Отечественного фронта¹, принятый конгрессом, определяет, что Отечественный фронт является массовой общественно-политической опорой народно-демократической власти. Его основой является союз рабочего класса с трудящимися крестьянами, ремесленниками и прогрессивной интеллигенцией. Согласно уставу, Отечественный фронт строится как единая общественно-политическая организация болгарского народа на демократических началах. Членом ее может быть каждый, без различия партийной принадлежности, национальности, веры и социального положения, признающий устав и программу Отечественного фронта и работающий в одной из его организаций. В составе Отечественного фронта оставались все входившие в него партии. Члены этих партий были обязаны состоять индивидуальными членами местных организаций Отечественного фронта. Массовые общественные организации — Всеобщий рабочий профессиональный союз, Всеобщий земледельческий профессиональный союз, Всеобщий профессиональный союз ремесленников, Союз народной молодежи², Болгарский народный женский союз

¹ См.: Програма, устав и правилник за приложение устава на Единната народна общественно-политическа организация Отечественен фронт, София, 1948.

² Союз народной молодежи был создан на учредительном конгрессе болгарской демократической молодежи 21—22 декабря 1947 г., после принятия решений съездов Рабочего союза молодежи и Земледельческого союза молодежи, а также руководящих органов Союза социалистической молодежи, Молодежного народного союза „Звено“ и Союза радикальной молодежи об объединении всей болгарской демократической молодежи в единую народную молодежную организацию. Созданию единого Союза демократической молодежи во многом способствовало разоблачение агентуры реакционной оппозиции среди молодежи, а также деятельность созданных в мае 1946 г. по предложению коммунистов комитетов демократической молодежи, сыгравших особенно большую роль в деле развития и укрепления молодежного единства.

и Союз борцов против фашизма — вошли в Отечественный фронт в качестве его коллективных членов. Члены массовых общественных организаций, не состоящие членами какой-либо из политических партий Отечественного фронта, могут быть индивидуальными членами Отечественного фронта. Решения Отечественного фронта обязательны как для индивидуальных членов, так и для политических партий и массовых организаций, участвующих в нем.

Отечественный фронт строится на началах демократического централизма. В городах и селах он имеет местные организации, которые выбирают свое руководство — местные комитеты — и являются органами мобилизации широких народных масс для поддержки всех мероприятий народно-демократической власти и органами общественного контроля над деятельностью государственной власти на местах.

В новой программе Отечественного фронта, выработанной его вторым национальным конгрессом на основе проекта, предложенного Рабочей партией (коммунистов), поставлены такие задачи, как воспитание народных масс в духе народно-демократической конституции и свободолюбивых традиций народа; строительство экономических и общественно-политических основ народной демократии; повышение материального благосостояния трудящихся; обеспечение национальной независимости, государственного суверенитета и территориальной целостности Народной республики; поднятие обороноспособности страны. Программа Отечественного фронта предусматривает проведение национальной внешней политики, основанной на принципах прочного демократического мира, дружбы и сотрудничества со всеми свободолюбивыми и демократическими народами, причем искренняя и нерушимая дружба с Советским Союзом является краеугольным камнем этой политики.

Для успешного руководства осуществлением новой программы конгресс избрал Национальный совет Отечественного фронта из числа наиболее достойных представителей болгарских трудящихся. Председателем Национального совета был избран основатель Отечественного фронта и вождь болгарского народа Георгий Димитров.

Реорганизация Отечественного фронта на основе решений его второго конгресса, а также принятие новой программы содействовали дальнейшему росту его популярности среди трудящихся масс Болгарии. Болгарский народ встретил это событие с огромным воодушевлением и новыми трудовыми подвигами. Всего месяц спустя после конгресса по всей стране было создано более 5300 местных организаций Отечественного фронта с 730 тыс. членов, а к концу июня 1948 г. было уже 7050 организаций, в которые входило около 1 млн. членов.

Реорганизация Отечественного фронта в значительной степени способствовала активизации его работы, как подлинно народной общественно-политической организации, охватывающей широкие массы болгарских трудящихся и вовлекающей их под руководством БРП(к) в строительство основ социализма в стране. Она явилась выражением дальнейшего укрепления морально-политического единства демократических сил болгарского народа, единства, нашедшего свое воплощение прежде всего в укреплении союза рабочих и трудящихся крестьян как основы народно-демократической власти. Вместе с тем эта реорганизация способствовала более успешному и широкому осуществлению руководящей роли рабочего класса, облегчив распространение его влияния и руководства на громадные массы народа.

Большим успехом болгарских коммунистов явилось осуществленное в мае—августе 1948 г. слияние социал-демократической партии с БРП(к)¹, положившее конец последним элементам разъединения в среде рабочего класса. Это слияние, проведенное после очищения социал-демократической партии от вражеских элементов и на основе ленинско-сталинских идеологических и организационных принципов, содействовало еще большему укреплению диктатуры рабочего класса и росту авторитета и силы его коммунистического авангарда.

В новой послевоенной обстановке обострения общего кризиса капитализма и усиления агрессивной активности империалистической реакции, БРП(к), так же как и другие коммунистические партии, особенно сильно ощущала потребность в обмене опытом и координации своих действий с тем, чтобы успешнее организовать борьбу против происков иностранных империалистов и подрывной деятельности их агентуры внутри страны. Для этой цели на состоявшемся в Польше в конце сентября 1947 г. первом совещании представителей некоторых коммунистических партий было создано Информационное бюро, в которое вошли и представители от БРП(к).

В сделанном на указанном совещании докладе А. А. Жданова о международном положении и в принятой совещанием декларации по этому вопросу был дан глубокий марксистский анализ тех существенных изменений, которые произошли в международной обстановке в итоге второй мировой войны и в послевоенный период. Совещание подчеркнуло, что в мире образовались два противоположных лагеря — лагерь империалистический и антидемократический во главе с США, имеющий своей основной целью установление мирового господства американского империализма и разгром демократии, и лагерь антиимпериалистический и демократический, возглавляемый СССР, имеющий своей основной целью подрыв империализма, укрепление демократии и ликвидацию остатков фашизма. Раскрыв преступные замыслы империалистов, совещание поставило перед коммунистическими партиями задачу возглавить сопротивление планам империалистической экспансии, объединить

¹ В подписанном 13 мая 1948 г. представителями центральных комитетов БРП(к) и БРСДП протоколе о слиянии обеих партий, между прочим, говорилось, что „представители Центральных комитетов обеих партий, обсудив вопрос об условиях, при которых может быть достигнуто окончательное завершение единства рабочего движения в Болгарии... единодушно пришли к следующему соглашению:

1. БРСДП сливается с БРП(к).

2. Основой для этого слияния может быть только:

а) полное признание марксистско-ленинской науки как руководства к действию рабочего класса и строительства социализма в нашей стране, признание программы и устава БРП(к), строгое соблюдение ее дисциплины;

б) решительное осуждение и критика вредной для рабочего класса и для дела социализма теории и практики „широкого социализма“, проводившегося им классового сотрудничества в интересах буржуазии и фашизма;

в) признание необходимости постоянной борьбы против правых „социалистов“ — агентов империализма.

3. Уполномоченные представители ЦК БРП(к) и Объединительного комитета БРСДП в месячный срок должны определить, кто из членов БРСДП не отвечает указанным выше условиям слияния БРСДП и БРП(к) и, следовательно, не может быть включен в состав БРП(к). Для проведения этой работы в околиях общая комиссия назначает подчиненные ей околийские комиссии в составе представителей обеих организаций, которые представляют свои предложения на решение на общую комиссию...“ („Работническо дело“, 22 мая 1948 г.). Официальное провозглашение слияния БРП(к) и БРСДП состоялось 11 августа 1948 г. на торжественном заседании в Софии (см. „Работническо дело“, 12 августа 1948 г.).

вокруг себя все демократические силы народа и бороться за создание единого всемирного фронта борьбы против империализма, за мир и демократию.

Неоценимую помощь в работе БРП(к), так же как и в работе других коммунистических партий, оказала резолюция Информационного бюро коммунистических партий о положении в коммунистической партии Югославии, принятая на состоявшемся во второй половине июня 1948 г. в Румынии втором совещании Информбюро и имеющая не только большое теоретическое, но и огромное практическое значение.

В этой резолюции было разоблачено предательство титовской клики, порвавшей с марксистской теорией классовой борьбы, с интернационалистскими традициями и ставшей на путь национализма, на путь откола от единого социалистического фронта и разоружения трудящихся Югославии перед лицом их внутренних и внешних врагов. Вместе с тем резолюция Информбюро, исходя из огромного опыта ВКП(б) и строительства социализма в СССР, дала конкретные указания, каким путем должен осуществиться переход к социализму, как развиваются в переходный период классовые силы и классовая борьба и как должна осуществляться руководящая роль рабочего класса. В этом документе давалась разработка основных моментов стратегии и тактики коммунистических партий стран народной демократии в борьбе за строительство социализма.

Болгарская рабочая партия (коммунистов) целиком и полностью одобрила резолюцию Информбюро и извлекла из нее необходимые уроки, сделав ряд практических выводов в своей работе. 27 июня 1948 г. под председательством Георгия Димитрова состоялся расширенный пленум ЦК БРП(к), поручивший политбюро ЦК партии немедленно организовать среди коммунистов и беспартийных трудящихся масс разъяснительную работу о совещании Информбюро. Одновременно пленум поручил политбюро созвать в ближайшее время заседание ЦК для обсуждения основных выводов, вытекающих из резолюции Информбюро, и извлечения уроков для БРП(к).

Таким заседанием исключительной важности, сыгравшим большую роль в оживлении партийной работы и исправлении некоторых допущенных партией ошибок, явился состоявшийся 12—13 июля 1948 г. 16-й пленум ЦК БРП(к). На пленуме с докладом о выводах, которые БРП(к) должна была сделать в связи с проведенной ЦК ВКП(б) и Информбюро критикой националистических, антимарксистских и антисоветских позиций банды Тито, выступил Георгий Димитров.

Как в докладе товарища Димитрова, так и в развернувшихся после него прениях и в принятой резолюции работа партии и ее руководства была подвергнута серьезному анализу и смелой большевистской критике и самокритике в свете уроков, вытекающих из разоблачения титовской клики.

16-й пленум ЦК подчеркнул, что „для нашей партии и ее ЦК руководящая роль СССР и ВКП(б) в борьбе против фашизма, за мир, демократию и социализм всегда была бесспорной истиной. У нас не было никакого сомнения и никакого колебания в отношении единого фронта Болгарии с СССР, странами народной демократии и демократическим движением в империалистических странах“¹. Он указал, что БРП(к)

¹ „Работническо дело“, 15 июля 1948 г.

всегда с благодарностью старалась использовать критику и братские советы ЦК ВКП(б) для исправления допущенных ошибок и слабостей; это всегда имело огромную пользу как для партии, так и для всей страны. Пленум отметил, что руководящая роль рабочего класса и его коммунистического авангарда всегда была для болгарских коммунистов несомненной истиной, и поэтому они работали над укреплением этой роли; что болгарские коммунисты не прятали партию за Отечественным фронтом, не ограничивали ее организационное и общественно-политическое проявление.

Вместе с тем пленум ЦК подчеркнул, что во внутривнутрипартийной работе имел место ряд недостатков, которые вредно отразились на руководящей роли партии. Резолюция пленума констатировала, что внутрипартийная демократия не находится еще на должной высоте; что критика и самокритика еще не стала основной движущей силой в партийной работе; что в работе партии все еще имеет место метод командования. На пленуме было выявлено наличие в течение длительного времени после 9 сентября 1944 г. неправильных, непригодных методов работы ЦК партии, отсутствие необходимой коллегиальности в работе, в связи с чем ЦК и его политбюро не были всецело полновластными руководителями общественно-политической и экономической жизни страны.

Пленум указал на отставание партии на идеологическом фронте. Это отставание привело к выдвиганию ряда ошибочных идеологических формулировок по важным вопросам партийной линии. К ним относятся формулировки о „затухании“ классовой борьбы после 9 сентября, об особом, чуть ли не „самобытном“ пути перехода Болгарии к социализму без пролетарской диктатуры, о гармоническом сочетании трех секторов народного хозяйства — государственного, кооперативного и частного и т. п. В своем докладе на 16-м пленуме ЦК Георгий Димитров осудил и раскритиковал это представление как вредное и опасное, ведущее к притуплению революционной бдительности и пагубно отражающееся на подготовке партии к обостряющейся классовой борьбе.

16-й пленум ЦК в связи с этим принял ряд важных решений, направленных на устранение указанных недостатков, на развитие внутрипартийной демократии и коллективизма, развертывание широкой большевистской критики и самокритики, на укрепление роли партии в целом как руководящей и самой активной силы народной демократии.

Пленум постановил с еще большей энергией воспитывать коммунистов и весь болгарский народ в духе преданности единому фронту Болгарии с СССР, бороться с проявлениями буржуазного национализма и великоболгарского шовинизма, изучать и еще шире использовать опыт ВКП(б) и мудрые советы великого Сталина.

Пленум ЦК принял также решение о созыве съезда партии для рассмотрения и разрешения важнейших вопросов жизни партии и развития Народной республики.

Пятый съезд Болгарской коммунистической партии¹ (18 — 25 декабря 1948 г.), происходивший в обстановке большого патриотического и производственного подъема болгарских трудящихся, сыграл историческую роль в жизни партии и всего народа. Он подвел итоги пройденного пути, наметил основные задачи социалистического строительства,

¹ Решением пятого съезда старое название партии было восстановлено, и БРП(к) вновь стала называться Болгарской коммунистической партией

вооружил партию организационным и идеологическим оружием, необходимым для успешного руководства строительством социализма.

Съезд, стоя, бурными аплодисментами встретил появление на трибуне секретаря ЦК ВКП(б) тов. М. А. Суслова, передавшего съезду приветствие ЦК ВКП(б), в котором говорилось: „Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза горячо приветствует съезд Болгарской рабочей партии (коммунистов) — передовой отряд рабочего класса и всех трудящихся страны...“

Трудящиеся Болгарии имеют в лице Болгарской рабочей партии (коммунистов) испытанного организатора и опытного руководителя, сочетающего борьбу за интересы своего отечества с верностью принципам пролетарского интернационализма. Вооруженная марксистско-ленинской революционной теорией, Болгарская рабочая партия ведет народные массы Болгарии по пути экономического и культурного подъема, по пути к социализму.

Сердечно желаем Болгарской рабочей партии дальнейших успехов в борьбе за мир и безопасность страны, за процветание народно-демократической республики, за построение основ социализма в Болгарии, за укрепление дружественных связей с демократическими антиимпериалистическими странами¹.

С обстоятельным политическим отчетом ЦК партии на съезде выступил вождь партии Георгий Димитров.

В первой части своего доклада Г. М. Димитров подробно осветил основные этапы развития партии, которая в продолжение трех десятилетий, особенно после сентябрьского восстания 1923 г., преодолевая небольшевистские пережитки, борясь против разных ликвидаторских — правых и левых — течений и групп в своей среде и в рабочем движении, участь у большевистской партии и приобретая все более богатый собственный опыт, развилась, преобразовалась и утвердилась как марксистско-ленинская партия — организованный, передовой и сознательный отряд рабочего класса.

Подчеркнув, что народное восстание 9 сентября, победившее при решающей помощи Советской Армии, открыло путь к построению социализма в Болгарии, Г. М. Димитров сделал следующий обобщающий вывод из опыта развития Болгарской народной республики: „И болгарский опыт подтвердил ленинско-сталинское положение о том, что в обстановке загнивающего капитализма, безнадежного органического кризиса буржуазной демократии, порождающей фашизм, невозможно осуществить никаких серьезных и прочных демократических преобразований, нельзя идти вперед, не посягая на основы капитализма, не делая шагов по пути к социализму, что являлось для нашей страны тем более возможным благодаря братской помощи могучего социалистического государства в лице Советского Союза“.

Остановившись на глубоких преобразованиях и изменениях в соотношении классовых и политических сил страны, тов. Димитров подчеркнул, что активная поддержка и помощь Советского Союза сделали возможной постановку вопроса о переходе к построению основ социализма в Болгарии как насущной жизненной и практической задаче.

Исключительно большое значение имеет та часть доклада Г. М. Димитрова, в которой он, основываясь на марксистско-ленинской

¹ „Правда“, 20 декабря 1948 г.

теории и непосредственных указаниях товарища Сталина, дал глубокую теоретическую разработку ряда важных принципиальных вопросов переходного периода от капитализма к социализму в странах народной демократии — о характере, роли и перспективах народной демократии и народно-демократического государства.

Прежде всего тов. Димитров указывает на четыре важнейшие особенности, которыми определяется характер народно-демократического государства, возникшего в результате исторической победы Советского Союза во второй мировой войне и борьбы народных масс под руководством рабочего класса за национальную свободу и независимость:

„а) Народно-демократическое государство представляет собой власть трудящихся, огромного большинства народа при руководящей роли рабочего класса. . .

б) Народно-демократическое государство является государством переходного периода, призванным обеспечить развитие страны по пути к социализму. . .

в) Народно-демократическое государство создается в сотрудничестве и дружбе с Советским Союзом, со страной социализма. . .

г) Народно-демократическое государство принадлежит к демократическому, антиимпериалистическому лагерю¹.

Теория марксизма-ленинизма, а также практика строительства первого в мире социалистического государства учат, что переход от капитализма к социализму нельзя осуществить без диктатуры пролетариата. Исходя из ленинско-сталинских положений об основных закономерностях переходного периода, а также из уже имевшегося опыта развития народной демократии, Георгий Димитров подчеркнул в своем докладе, что режим народной демократии служит делу ликвидации капиталистических элементов и организации социалистического строительства, т. е. с успехом выполняет функции диктатуры пролетариата. „В обстановке военного разгрома фашистских государств-агрессоров, в условиях резкого обострения общего кризиса капитализма, огромного усиления могущества Советского Союза и при наличии тесного сотрудничества с СССР и народно-демократическими государствами, — говорил Г. М. Димитров, — для нашей страны, как и для других стран народной демократии, открылась возможность осуществить переход от капитализма к социализму без создания советского режима, посредством режима народной демократии, при условии, что этот режим укрепляется и развивается, опираясь на поддержку СССР и народно-демократических стран.

Воплощая господство трудящихся при руководстве рабочего класса, режим народной демократии может и должен в данной исторической обстановке, как уже показал опыт, с успехом выполнять функции диктатуры пролетариата для ликвидации капиталистических элементов и организации социалистического хозяйства. Он, режим народной демократии, может сломить сопротивление свергнутых капиталистов и крупных землевладельцев, подавить и ликвидировать их попытки восстановить власть капитала. Он может организовать строительство промышленности на началах общественной собственности и планового

¹ Пети конгрес на Българската комунистическа партия 18—25/XII 1948. Стенографски протоколи, част I, София, 1949, стр. 153—154.

хозяйства. Режим народной демократии будет также в состоянии преодолеть неустойчивость городской мелкой буржуазии и среднего крестьянства; преодолеть капиталистические элементы в деревне и сплотить основные массы трудящихся вокруг рабочего класса на решительную борьбу за переход к социализму¹.

Вместе с тем Г. М. Димитров указал, что при проведении линии, направленной к вытеснению из народного хозяйства капиталистических элементов, режим народной демократии не останется неизменным. Он будет совершенствоваться как режим социалистической демократии. Г. М. Димитров подчеркнул, что на данном этапе основной задачей народной демократии является работа по созданию необходимых условий для построения социализма, по созданию экономических и культурных основ будущего социалистического общества в стране. Из этой общей задачи вытекают следующие наиболее важные отдельные задачи:

а) постоянное укрепление руководящих позиций рабочего класса во главе с коммунистической партией во всех областях государственной, экономической, общественно-политической и культурной жизни;

б) укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства под руководством рабочего класса;

в) ускоренное развитие общественного сектора народного хозяйства, в частности крупной промышленности;

г) подготовка условий для ликвидации капиталистических эксплуататорских элементов в сельском хозяйстве путем последовательной политики их ограничения, а вслед за тем выкорчевывания и ликвидации;

д) всестороннее развитие производственной кооперации среди основных масс крестьянства, оказание государственной помощи мелким и средним крестьянам, повышая их заинтересованность в союзе с рабочим классом, убеждая их на жизненных примерах в преимуществе коллективного ведения хозяйства и воспитывая их в духе непримиримости к капиталистическим элементам.

Заканчивая характеристику режима народной демократии и народно-демократического государства, Георгий Димитров подчеркнул, что они решительные враги национализма, воспитывают трудящихся в духе пролетарского интернационализма и преданности своей родине, т. е. в духе подлинного патриотизма.

„Воспитание в духе пролетарского интернационализма и преданности своей родине, — сказал Георгий Димитров, — означает прежде всего развитие и укрепление сознания решающей важности крепко сплоченного единого фронта стран народной демократии и великого Советского Союза для борьбы против наступления агрессивных сил международной реакции и империализма. Все будущее нашего народа зависит, с одной стороны, от могущества Советского Союза, в дружбе с которым мы кровно заинтересованы, а с другой стороны, от готовности и способности нашего народа в случае капиталистической агрессии выполнить достойно свой долг в общей борьбе“².

Данная Георгием Димитровым характеристика основных проблем народно-демократического режима, внесшая необходимую ясность

¹ Пети конгрес на Българската комунистическа партия 18—25/XII 1948. Стенографски протоколи, част 1, София, 1949, стр. 155.

² Там же, стр. 157

в вопрос о путях и методах строительства социализма в странах народной демократии, в частности в Болгарии, вооружила партию и болгарских трудящихся ясной перспективой предстоящего развития и явилась значительным вкладом в дело преодоления отставания партии в разработке теоретических вопросов, связанных с борьбой за строительство социализма в стране.

В последующей части своего доклада товарищ Димитров дал подробный анализ международной обстановки и внешней политики народно-демократической Болгарии. Г. М. Димитров указал, что клика Тито изменила лагерь демократии и социализма и перешла в лагерь империализма. Измена клики Тито, сказал Г. М. Димитров, нашла свое выражение и в отношении ее к вопросу о федерации южных славян и македонскому вопросу. Фактически эта разбойничья банда стоит сегодня на позициях великосербских шовинистов, которые стремились к гегемонии на Балканах и к присоединению Македонии к Сербии и Югославии. Тов. Димитров выразил уверенность болгарских коммунистов в том, что в будущем, после освобождения от ига фашистской клики Тито, македонский народ, как и другие народы, населяющие Югославию, осуществит свое национальное единство и обеспечит свое будущее, как свободная и равноправная нация, опираясь на дружбу с Советским Союзом и братское сотрудничество с другими народно-демократическими республиками.

Тов. Димитров подробно осветил вопрос о партии, как решающей и руководящей силе. Он указал, что партия пришла к своему 5-му съезду с 8053 первичными партийными организациями, насчитывающими 464 тыс. членов. Если к этой цифре прибавить членов партии в армии и в системе трудовой повинности, а также вступивших в партию бывших членов БРСДП после ее слияния с БРП(к), число членов партии достигнет 496 тысяч. Под общепризнанным идейно-политическим руководством партии работают массовые организации: Отечественный фронт, Всеобщий рабочий профессиональный союз, Болгарский народный женский союз, Всеобщий земледельческий профессиональный союз и т. д.

Остановившись на задачах партии, Георгий Димитров особо подчеркнул необходимость очищения партийных организаций от вражеских, карьеристских и случайных элементов, вошедших в ее ряды, регулирования социального состава партии, развития внутривластной демократии, здоровой критики и самокритики, организации более широкого марксистско-ленинского просвещения всех членов и кандидатов партии.

Важное место в работе 5-го съезда БКП занял доклад Вилко Червенкова о марксистско-ленинском просвещении и борьбе на идеологическом фронте, представляющий собой программу освоения членами партии марксистско-ленинской теории. В своем докладе В. Червенков подчеркнул необходимость широкого внедрения марксизма-ленинизма в болгарскую науку и культуру.

Сделав глубокий анализ работы партии на идеологическом фронте в период с 9 сентября 1944 г. и вплоть до 5-го съезда, ее политической агитации и культурно-просветительной работы среди масс, тов. Червенков особо подчеркнул важность теоретической разработки всех практических вопросов, связанных с политикой партии и развитием страны по пути к социализму. Указав на имевшее место отставание партии на теоретическом фронте, тов. Червенков решительно вскрыл

причину этого отставания. „Она кроется в нашей недостаточной теоретической марксистско-ленинской зрелости, — говорил В. Червенков, — в недостаточном нашем умении правильно применять великое учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина к нашей действительности. И отсюда следует единственный правильный вывод: надо осознать эту нашу слабость, дать себе отчет в ней и учиться, учиться и еще учиться у Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, особенно у товарища Сталина, на всемирно-историческом опыте ВКП(б), умножать свои знания, но, прежде всего, овладевать марксистско-ленинским методом, марксистско-ленинским учением, изучать изменения в соотношении общественных сил, направление и характер развития и делать необходимые правильные выводы для политики нашей партии“¹.

В последней части своего доклада тов. Червенков подробно остановился на борьбе партии на идеологическом фронте, подчеркнув, что наступление на капиталистические элементы в экономике страны должно сопровождаться организованным и умелым наступлением против капитализма и влияния империализма и на идеологическом фронте. „Основная задача нашей партии на идеологическом фронте в настоящий исторический момент, — сказал Вылко Червенков, — состоит в том, чтобы организовать и провести последовательно, настойчиво, без колебания решительное преодоление капиталистической идеологии во всех ее разновидностях и, опираясь на блестящий подъем советской социалистической науки и культуры, учась и руководствуясь ею, обеспечить — вместе с преобразованием нашей страны в страну социалистическую — полное господство творческой и боевой марксистско-ленинской идеологии во всех областях науки, искусства и культуры в нашей стране“².

Среди решений 5-го съезда следует особо отметить решение о выработке новой программы партии, а также принятие нового устава, находящегося в полном соответствии с организационными принципами большевизма и направленного на еще большее укрепление рядов партии.

Большое историческое значение имело рассмотрение 5-м съездом вопроса о принятии пятилетнего народнохозяйственного плана, в котором поставлены основные задачи построения экономических и культурных основ социализма в Болгарии. Этому вопросу была посвящена значительная часть доклада тов. Г. М. Димитрова и специальный доклад тов. Терпешева, а также выступления ряда делегатов съезда. Излагая успехи и перспективы хозяйственного и культурного строительства в стране, тов. Димитров наметил конкретные задачи в этой области. В первой пятилетке, сказал он, мы можем поставить перед собой задачу заложить основы социализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Разрешить эту задачу предстоит именно первому пятилетнему государственному народнохозяйственному плану. На его основе в следующие 2—3 пятилетки будет сооружено само здание социализма, будет создано социалистическое общество.

Пятый съезд Болгарской коммунистической партии и его решения оказали огромное влияние на ход дальнейшего развития партии и всей страны по пути к социализму. Остановившись на историческом значении 5-го съезда БКП, Вылко Червенков говорил в своем докладе на Софийском

¹ Пети конгрес на Българската комунистическа партия. Стенографски протоколи, част 1, стр. 279.

² Там же, стр. 281.

партийном активе 5 января 1949 г.: „Впервые она (партия) созывает свой съезд, будучи партией правящей, общепризнанным вождем и руководителем судеб страны. При этом съезд происходит в момент решающего поворота в истории страны, в момент перелома в ее развитии от капитализма к социализму, когда уже созданы все главные предпосылки для приступа к планомерному строительству экономических и культурных основ социалистического общества в нашей стране. Пятый съезд Болгарской коммунистической партии является отправным пунктом для этого строительства.

В историю нашей страны Пятый съезд Болгарской коммунистической партии войдет как съезд всесторонне и ясно обоснованной генеральной линии борьбы за построение социалистического общества в Болгарии, всеобъемлющей практической программы для этой цели. Съезд вооружил коммунистическую партию, как передовой боевой и организованный отряд рабочего класса, Отечественный фронт, всех трудящихся точным знанием конкретных путей, методов и средств социалистического преобразования нашей страны, всем необходимым для успеха этого преобразования идейно-политическим, тактическим и организационным оружием¹.

5-й съезд БКП явился вместе с тем яркой демонстрацией все более растущего морально-политического единства болгарских трудящихся, их сплоченности вокруг своего руководителя — коммунистической партии, преданности и любви к великому Советскому Союзу и ВКП(б), к гениальному вождю и учителю трудящихся всех стран — И. В. Сталину.

¹ Вълко Червенков. По пътя на Георги Димитров, София, 1950, стр. 70.

И. Н. Мельникова

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ ЧЕШСКОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗИИ В ЗАКАРПАТСКОЙ УКРАИНЕ В 1919—1920 гг.

Парижская мирная конференция 1919 г. приняла решение включить Закарпатскую Украину в состав Чехословакии. Это решение было принято империалистами Антанты вопреки воле закарпато-украинских трудящихся масс, стремившихся к воссоединению с Советской Украиной. Империалисты Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции оказали помощь чешской буржуазии в насильственном захвате Закарпатской Украины, рассчитывая на то, что Чехословакия станет государством версальской системы, соучастницей нового империалистического порядка в Европе и предоставит им возможность использовать Закарпатскую Украину в качестве важного стратегического плацдарма в осуществлении разбойничьих империалистических планов, замышлявшихся против Советской России.

Политика буржуазного чехословацкого правительства, проводившаяся на Закарпатской Украине в первые два года после ее включения в состав Чехословацкой республики, имела своей целью задушить революционное движение в этой области, развивавшееся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, и создать здесь экономические и политические предпосылки для утверждения господства чешской империалистической буржуазии. Не предоставив Подкарпатской Руси (как стала официально называться Закарпатская Украина) обещанного автономного устройства, чехословацкое правительство, с помощью империалистов Антанты, установило на Закарпатье жестокий режим военной диктатуры, направленный против революционных трудящихся масс. В составе чешских оккупационных войск, являвшихся опорой этого режима, были и французские части, оставленные здесь западными державами в помощь чешской империалистической буржуазии. Военным диктатором в чине „верховного командующего Карпато-Русской территории“ был объявлен французский генерал Эннок, командовавший контрреволюционными интервенционистскими войсками, задушившими венгерскую пролетарскую революцию. Для организации гражданской администрации Министерством внутренних дел Чехословакии был послан в Закарпатье целый чиновничий аппарат, составив-

ший „Гражданское управление Подкарпатской Руси“, также подчиненное штабу генерала Эннокка. В обстановке усиливающегося революционного движения на Закарпатской Украине чехословацкое правительство на долгое время сохранило режим военной диктатуры, отменив его только в 1923 г., накануне проведения на Закарпатье первых выборов в чехословацкий парламент.

Территория Подкарпатской Руси была разделена на 4 административно-территориальные единицы — жупы: Ужгородскую, Мукачевскую, Береговскую и Марамарошскую. Часть восточных районов оставалась оккупированной румынскими войсками и была очищена от румын только в июле 1920 г. С уходом румын из Марамарош-Солотвино туда было переведено жупное управление Марамарошской жупы из Великого Бычкова. В 1921 г. было произведено новое административное деление и образованы 3 жупы вместо прежних четырех — с центрами в Ужгороде, Мукачеве и Великом Севлюше¹. Для организации местного управления в каждую жупу было направлено большое число чиновников и жандармов.

В ноябре 1919 г. Министерским советом Чехословакии был утвержден „Генеральный статут для организации и администрации Подкарпатской Руси“, объявленный первым государственно-правовым актом, направленным якобы на осуществление автономного устройства этой области, предусмотренного Сен-Жерменским договором. В действительности чехословацкое правительство, издав „Генеральный статут“, нарушило этим даже те обязательства по отношению к Закарпатской Украине, которые оно приняло на себя по Сен-Жерменскому договору. Вместо губернатора управление краем, получившим официальное название „Подкарпатская Русь“, вручалось временному администратору — чеху. В качестве совещательного органа для решения вопросов языковых, религиозных, школьных и местного управления учреждалась „Автономная директория“ из 5 членов, президентом которой назначен был агент американского империализма, адвокат крупнейшей американской автомобильной компании „Дженерал-моторс“ Жаткович, привезенный из Вашингтона специальной миссией президента Соединенных Штатов Америки. „Генеральный статут“ объявлял официальным языком Подкарпатской Руси так называемый „простонародный язык“ — дикий жаргон, изобретенный местными буржуазными националистами Волошиным и Панькевичем, мало похожий на украинский язык, — родной для подавляющего большинства населения Закарпатья. Это было грубым нарушением принципа невмешательства в языковые дела, являющиеся компетенцией будущего автономного сейма. Чехословацкое правительство рассчитывало, что от такого искусственного, чуждого народу языка легче будет перейти к прямой чехизации украинского населения Закарпатья.

Изданием „Генерального статута“ чехословацкое правительство хотело обмануть широкие народные массы обещаниями национальной автономии и этим отвлечь их от участия в революционном движении. С учреждением „Автономной директории“ буржуазное чехословацкое

¹ „Deset let Československe republiky“, Praha, 1928, s. 337; Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 38, л. 11.

правительство вступало в сделку с местной закарпатской буржуазией, услугами которой оно широко пользовалось с самого начала осуществления своего плана насильственного захвата Закарпатской Украины. Чешскими властями при участии руководителей контрреволюционной „Центральной русской народной рады“ были проведены подготовительные мероприятия к объявлению „Генерального статута“ в соответствии со специальной инструкцией, присланной из Министерства внутренних дел. При этом главное внимание было обращено на то, чтобы предупредить выступления трудящихся против чешского оккупационного режима. Председатель „Центральной русской народной рады“ матерый предатель закарпато-украинского народа А. Волошин, представивший на рассмотрение военного диктатора проект предполагаемого торжества по случаю объявления „Генерального статута“, просил при этом генерала Эннок распорядиться о присылке в Ужгород достаточного числа полицейских „для предупреждения беспорядков“¹. 16 ноября в управлении Ужгородской жупы Эннок от имени чехословацкого правительства объявил „Генеральный статут“. В тот же вечер в гостинице „Корона“ был устроен банкет, на котором высшие офицеры чешского войска и чешские чиновники, а также главари „Центральной русской народной рады“, представители закарпатской буржуазии и реакционного униатского духовенства прославляли „демократизм“ президента Масарика. Предварительно составленная программа „торжеств“ даже намечала проведение парада войск, но в самый последний момент министр внутренних дел специальной телеграммой отменил его, чтобы не демонстрировать военную оккупацию². „Генеральный статут“ был опубликован в манифесте, изданном 18 ноября за подписями главнокомандующего генерала Эннока и администратора Подкарпатской Руси Брайхи. В прокламациях, расклеенных во всех населенных пунктах Закарпатья, объявлялось, что чехословацкое правительство, издавая „Генеральный статут“, имеет целью „наведение порядка и основание новой государственной и автономной администрации“³.

Состав „Автономной директории“ был определен чехословацким правительством по представлению Эннока и Брайхи. „Директорами“ были назначены видные представители закарпато-украинской буржуазии и реакционного униатского духовенства — Ю. Брацайко, А. Волошин, Э. Торонский и Ю. Гаджега. Несколько позднее состав директории был пополнен 6. австро-венгерским офицером майором Пузой⁴. 17 декабря Брайха по поручению Министерства внутренних дел принял от директории присягу в верности чехословацкому правительству, а на следующий день, 18 декабря, генерал Эннок передал Жатковичу определенные для него „полномочия“. С этого дня и начала свое ничтожное существование „Автономная директория“, оплачиваемая чехословацким правительством и нужная чешской буржуазии лишь для того, чтобы с ее помощью и под ее прикрытием задуть революционное движение трудящихся масс Закарпатья и заложить основы политического и экономического порабощения Подкарпатской Руси.

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 13, л. 77.

² Там же, ф. 29, ед. хр. 15, л. 77.

³ Там же, ф. 29, ед. хр. 15, л. 75.

⁴ Там же, ф. 29, ед. хр. 7, л. 1.

В своей политической программе, принятой на заседании дирекции 22 декабря 1919 г., президент дирекции Жаткович прежде всего заявил о намерении действовать согласно инструкциям, полученным от его заокеанских хозяев¹. Документы, разоблачающие преступную деятельность прибывшей на Закарпатье в 1919 г. специальной миссии США, свидетельствуют о том, что хозяева Жатковича — американские империалисты — имели намерение превратить Закарпатскую Украину в свою европейскую колонию. Провозглашая Подкарпатскую Русь „автономным организмом в Чехословацкой республике“, дирекция требовала от чехословацкого правительства осуществления автономии, освобождения из-под румынской оккупации восточных районов, содействия экономическому и культурному развитию края, основания краевого автономного банка и краевого ведомства промышленности и торговли. Чтобы снизить популярность и доверие среди широких народных масс, дирекция, спекулируя лозунгом борьбы за национальную автономию, включила в свою программу и такие требования социально-экономического характера, как требования отмены сохранившихся еще в деревне полуфеодалных повинностей — коблины и роковины, проведения земельной реформы, упорядочения денежного обращения, помощи инвалидам и сиротам войны, улучшения жизненных условий рабочих². Все эти требования имели чисто демагогический характер, так как в своей основе политическая программа дирекции отражала экономические и политические интересы местной закарпато-украинской буржуазии, стремившейся с помощью чехословацкого правительства установить свое господство над трудящимися массами Закарпатья. Именно в этом плане и намерена была дирекция развивать свою деятельность, вообразив, что она может осуществить руководство всеми сторонами экономической и политической жизни области. „Директора“ поспешили разделить между собой портфели: Бращайко были поручены торговые дела, Пузе — внутренние, Торонскому — финансы, Волошину — школьные и культурные, Гаджеге — церковные.

Однако всем этим „широким“ планам не суждено было осуществиться. Дирекция не получила никаких прав. Более того, ей не было предоставлено даже помещения для канцелярии, и заседала она, переходя с места на место. Выносимые ею решения никем не принимались во внимание: президент республики пересылал их генералу Энноку и администратору Брайхе на заключение, а те неизменно отвечали одно и то же, какого бы вопроса решение ни касалось: „дирекция не имеет на это полномочий“. Так было с протестом против назначения жупанов Ужгородской и Бережской жуп и требованием, чтобы каждое назначение чиновников производилось с ведома дирекции; так было с попыткой дирекции контролировать финансовые издержки, заносимые в баланс Подкарпатской Руси, и участвовать в учреждении цензуры, равно как и со всеми остальными постановлениями, выносившимися дирекцией. Генерал Эннок ответил грубым отказом даже на просьбу дирекции о присылке копий правительственных распоряжений о назначении чиновников в администрацию Подкарпатской Руси, так же как и на просьбу о присылке копий правительственных распоряжений

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 105, л. 81.

² Там же, ф. 29, ед. хр. 105, лл. 81, 82.

о положении и правах самой директории¹. Дело дошло и до прямых конфликтов между директорией и чешскими властями, поводом для которых было стремление директории играть хотя бы определенную ей „Генеральным статутом“ роль совещательного органа в управлении Подкарпатской Русью, а с другой стороны, полное игнорирование этого стремления военным диктатором Энником и администратором Брайхой. Но вскоре директория перестала думать об осуществлении своей „широкой“ политической программы, так торжественно провозглашенной в первые дни своего существования. Все обещания добиваться земельной реформы, политических свобод, улучшения жизненного уровня трудящихся ею были забыты. Она начала действовать заодно с чешскими оккупационными властями, помогая им устанавливать так называемый „демократический режим“ на Закарпатье, несший политическое и экономическое порабощение трудящимся массам.

Рабочие и крестьяне очень скоро убедились в буржуазной контрреволюционной сущности директории, получившей ежемесячно жалование в 21 тыс. крон от чехословацкого правительства. Даже те слои населения, главным образом, крестьянство и городская мелкая буржуазия, которые сначала были введены в заблуждение демагогическими обещаниями директории об осуществлении автономии и проведении социальных реформ, теряли к ней всякое доверие. Чтобы хоть скольконбудь поддержать свой авторитет в народе, члены директории прибегали к подкупам, предлагая по 50 крон в день „агитаторам“, соглашавшимся вести среди рабочих и крестьян агитацию в пользу директории². Но подобная агитация не имела никакого успеха. Трудящиеся справедливо считали директорию антинародным органом, не желавшим и неспособным действовать в интересах народных масс.

Директория еще пыталась укрепить свое положение, требуя от чехословацкого правительства расширения своих прав и полномочий. Но требования эти в Праге во внимание не принимались, так как директория, не имевшая никакой поддержки населения Закарпатья, становилась ненужной чехословацкому правительству. Полностью обнаружив свой контрреволюционный антинародный характер, директория не могла больше быть ширмой для чешского оккупационного режима, и чехословацкое правительство решило покончить с этим убудочным „автономным“ органом. В апреле 1920 г. была принята „отставка“ директории. На основании утвержденной в феврале 1920 г. конституции Чехословацкой республики, параграфом 3-м которой определялось правовое положение Подкарпатской Руси в составе ЧСР со ссылкой на статьи 10—13 Сен-Жерменского договора, 26 апреля было издано правительственное распоряжение № 356 „Об изменении Генерального статута Подкарпатской Руси“³. Согласно этому распоряжению, во главе Подкарпатской Руси был поставлен временный губернатор, назначаемый президентом, при нем — вице-губернатор и губерниальная рада, часть членов которой выбиралась, часть назначалась правительством. В компетенцию губернатора входило представление Подкарпатской Руси в сношениях с правительством, руководство заседаниями губерниальной рады, назначение по представлениям, подписанным вице-

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 33, лл. 7—26.

² Газ. „Русская земля“ № 2, 11 января 1920 г.

³ „Zbirka zákonů a nařizování československého“, r. 1920, s. 913—914.

губернатором, референтов гражданского управления, церковных служащих и чиновников местных административных органов, исключая должности выборные, не подлежащие замещению распоряжением президента и правительства. Губернатор ставил свою подпись под распоряжениями Гражданского управления, издаваемыми для всей Подкарпатской Руси. Гражданское управление попрежнему оставалось органом, осуществлявшим управление Подкарпатской Русью. Его рефераты (отделы) — политический, полицейский, финансовый, земледельческий, экономический, социальной опеки, почт и телеграфа, санитарный, общественных работ — были отделениями соответствующих чехословацких министерств и им подчинялись¹. Чешский чиновник, возглавлявший Гражданское управление, назначался на должность вице-губернатора. Располагая большим чиновничьим аппаратом и жандармерией, наделенный властью, данной ему чехословацким правительством, вице-губернатор был фактическим главой управления Подкарпатской Русью и по своему положению не зависел от губернатора. Он мог опротестовать любое действие, любое решение губернатора, и тогда конфликт должен был рассматриваться правительством. По усмотрению вице-губернатора чешские чиновники — референты Гражданского управления могли участвовать в заседаниях губерниальной рады, при этом трое из них — представители политического, финансового и культурного рефератов — с правом решающего голоса². Замена „временной дирекции“ „временным губернатором“ была все той же игрой в подготовку „автономии“, которую затеяло правительство Чехословакии для того, чтобы легче было прибрать к рукам Закарпатскую Украину, подкупив верхушку местной буржуазии посулами автономии и обманув обещаниями „демократических свобод“ широкие народные массы.

Трудящиеся Закарпатской Украины сразу разгадали эти планы чехословацкого правительства, имевшие своей целью дальнейшее укрепление на Закарпатье чешского оккупационного режима. Скоро стало известно, что губернатором Подкарпатской Руси назначен все тот же Жаткович, верный слуга американского империализма и чешской реакционной буржуазии, торжественно поклявшийся своим хозяевам при вступлении на пост губернатора, что главной задачей его деятельности будет „борьба с большевизмом“, уничтожение революционного движения на Закарпатье. Назначение Жатковича вызвало общее возмущение в широких слоях населения, в первую очередь среди рабочих, справедливо считавших его самым отъявленным реакционером. В адрес президента Масарика и министра внутренних дел в большом количестве поступали телеграммы протеста, требующие отмены назначения Жатковича³.

Но чехословацкое правительство не имело намерения менять свое распоряжение: чешских империалистов устраивала фигура Жатковича прежде всего потому, что за его спиной стояли хозяева из-за океана — американские империалисты и сам Вильсон. 11 июня в Ужгород прибыл вице-губернатор Эренфельд для принятия от Брайхи руководства Гражданским управлением и подготовки к приезду Жатковича, как об этом сообщала на следующий день после его прибытия пражская

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 84, л. 4.

² „Zbírka zákonů a nařízení státu československého“, т. 1920, s. 913—914.

³ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 15, л. 129.

газета „Narodni listy“¹. Это сообщение, перепечатанное в местных газетах, вызвало большое волнение на Подкарпатской Руси. В связи с этим от президиума Министерского совета последовал выговор отделу печати и предупреждение, чтобы впредь, учитывая политическую обстановку на Подкарпатской Руси, все официальные сообщения политического характера, касающиеся этой области, публиковались только с его разрешения².

Познакомившись с создавшейся ситуацией, Эренфельд счел нужным принять срочные меры к тому, чтобы ослабить противодействие Жатковичу. Оппозиционность различных буржуазных политических группировок преодолеть было не трудно. Самой сильной из них была группа Бескида, называвшая себя „великорусской партией“ и выступавшая против Жатковича из узко партийных соображений, в интересах укрепления своего собственного положения. Бескид, равно как и лидеры других местных буржуазных политических партий, которые в то время стали возникать на Закарпатье, сам не прочь был занять место Жатковича. Получив от Эренфельда заверение, что губернаторство Жатковича не приведет к монопольному положению возглавляемой им политической группы и что чехословацкое правительство будет поддерживать образование и деятельность различных буржуазных партий на Закарпатье, Бескид дал обещание, что его партия не будет устраивать открытых демонстраций против Жатковича, хотя и не поддержит его³.

Предпринятые Эренфельдом попытки договориться с руководителями социал-демократической партии успеха не имели. Эренфельд питал некоторые надежды на то, что ему удастся использовать правые, оппортунистические элементы, расколоть ряды рабочих. При этом Эренфельд рассчитывал, что осуществить этот план ему поможет опыт предательской деятельности, приобретенный им в рядах правой, оппортунистической части чешской социал-демократии, заклеившей себя прямым союзом с чешской буржуазией. Однако на Закарпатье преобладающее влияние в рабочих массах имело левое, революционное крыло социал-демократов, организовавшееся в Интернациональную социалистическую партию Подкарпатской Руси, которая и отвергла соглашение с Эренфельдом. Совещание доверенных лиц социал-демократической партии, состоявшееся в Ужгороде, приняло решение провести во всей области всеобщую забастовку протеста против назначения Жатковича.

„Социал-демократическая партия упорно продолжает протестовать против приезда губернатора Жатковича, — телеграфировал Эренфельд этому 18 июня в Прагу, — и заявляет, что будет всеми средствами этому препятствовать... Широкие полицейские меры к завтрашнему прибытию Жатковича приняты“⁴. Это сообщение вызвало большую тревогу чехословацкого правительства. Эренфельду приказано было усилить полицейские мероприятия и ежедневно телеграфировать в Прагу президенту и министру внутренних дел о политической ситуации на Закарпатье.

Забастовка началась 18 июня в 5 часов вечера. В Ужгороде прекратили работу все предприятия, закрылись магазины, гостиницы,

¹ „Narodni listy“ № 161, 13 января 1920 г.

² Закарпатский облгосархив, ф. 29., ед. хр. 15, л. 55.

³ Там же, ф. 29, ед. хр. 53, л. 6

⁴ Там же, ф. 29, ед. хр. 53, л. 11.

вечером город погрузился во тьму, так как не работала электростанция. Сообщения об организованном начале забастовки поступали из Мукачева, Перечина и других пунктов Закарпатья. Забастовали также батраки крупных имений¹. За одну ночь рабочие-печатники мукачевской типографии набрали и отпечатали сотни экземпляров обращения „Комитета рабочих и батраков“, призывавшего трудящихся Подкарпатского края принять участие во всеобщей забастовке, требовать повышения заработной платы, освобождения политических заключенных, свободы слова и собраний. Текст воззвания печатался на одном листе на 5 языках: украинском, венгерском, еврейском, чешском и словацком. Утром 19 июня, когда ожидался приезд Жатковича, уже бастовали рабочие всего края. На стенах многих домов в Ужгороде появились надписи „Долой Жатковича!“, с изображением виселицы. Эренфельду пришлось выслать отряд полицейских для их уничтожения. В 11 часов Жаткович под охраной броневиков с чешскими legionерами въехал в свою губернаторскую резиденцию. Вечером в том же зале гостиной „Корона“, где полгода назад французский генерал Эннок объявлял „Генеральный статут“, чествовали Жатковича уже в чине губернатора. На торжестве присутствовал заменивший Эннока новый „командующий генерал Подкарпатской Руси“ Пари, ранее отличившийся в проведении колониальной политики французских империалистов в Марокко и получивший в связи с этим имя „марокканского Наполеона“. Зал освещался свечами, так как бастовали рабочие электростанции; вместо бастующих официантов за столом прислуживали полицейские. Полупьяный Жаткович произнес речь на английском языке, обещая поставить в Ужгороде „статуу свободы, равную нью-йоркской“.

Страшно обеспокоенный той враждебностью, которой встретило его население Подкарпатской Руси, Жаткович в тот же день поздно вечером принял представителей социал-демократической партии, пытаясь договориться с ними о прекращении забастовки. Двухчасовые переговоры не привели ни к каким результатам². И только на третий день, когда Жаткович, вновь приняв представителей социал-демократической партии, дал обещание удовлетворить требования бастующих: повысить заработную плату, освободить из тюрьмы всех политзаключенных и разрешить издание рабочих газет на украинском и венгерском языках, социал-демократическая делегация согласилась поставить на обсуждение социал-демократического совещания вопрос о прекращении стачки. Решение об этом принято было на совещании, состоявшемся в Ужгороде 21 июня. Только через четыре дня, 25 июня, вице-губернатор Эренфельд мог отправить министру внутренних дел телеграмму о полном прекращении забастовки и „установлении спокойствия“³. Так встречали трудящиеся Закарпатской Украины назначенного им в губернаторы Жатковича. Сам Жаткович вынужден был признать, что он „получил свой пост губернатора при очень тяжелых обстоятельствах“⁴.

Всеобщая забастовка трудящихся Закарпатья, продолжавшаяся почти неделю, была грозным предупреждением не только новому губернатору, но и буржуазному чехословацкому правительству и

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 53, л. 13.

² Там же, ф. 29, ед. хр. 53, л. 15.

³ Там же, ф. 29, ед. хр. 53, л. 21.

⁴ „Expose dr. G. J. Zatkoviča“, s. 33.

стоявшим за его спиной американским, французским и английским империалистам, содействовавшим чешской буржуазии в установлении империалистического господства на Закарпатской Украине.

Исполнение обязанностей губернатора Жаткович начал с опубликования манифеста к населению Подкарпатской Руси, в котором прежде всего требовал „строжайшей лойяльности“ к правительству Чехословакии. В манифесте содержались общие декларативные заявления о том, что население Подкарпатья получит „либеральные демократические порядки“, „социальную, политическую, культурную и национальную свободу“ при условии, если будет руководствоваться словами „славного президента Масарика“. Далее в манифесте подчеркивалось, что для достижения всех этих благ нужна „революционная эволюция, а не насильственная социальная революция“¹. Манифест не обещал никаких существенных перемен в оккупационном режиме, установленном чехословацким правительством на Закарпатской Украине с первых дней ее включения в состав ЧСР.

Трудящиеся массы Закарпатья уже хорошо знали действительную цену тому „демократизму“, под прикрытием которого чешская буржуазия стремилась упрочить свое господство на закарпато-украинской земле.

Для установления „демократических порядков“ чехословацкое правительство оставило на Закарпатской Украине оккупационное войско, наводило ее жандармами, полицейскими агентами и целой армией чиновников. Чиновничий аппарат вырос здесь по сравнению с довоенным временем в 5—6 раз. Число жандармов и полицейских увеличилось в 10 раз². Все органы местной администрации, начиная от канцелярии „Гражданского управления“ и кончая сельскими учреждениями, были заполнены чешскими чиновниками. На службу было принято также много русских белоэмигрантов, денкинцев, петлюровцев и прочего контрреволюционного сброда. Из местных служащих были оставлены лишь те, которые могли засвидетельствовать свою полную преданность чехословацкому буржуазному режиму. Закон „О временном управлении политическими делами в области Подкарпатской Руси“, принятый 27 июля 1920 г., давал Министерству внутренних дел исключительное право назначения чиновников и обязывал всех местных служащих, ранее занимавших какие-либо должности в органах управления, не более чем в двухмесячный срок подать просьбу об оставлении их в должности и ждать решения Министерства внутренних дел³.

Одним из средств успешного проведения своей колонизаторской политики на Закарпатской Украине чехословацкое правительство считало чехизацию местного населения. Подготовительным шагом в проведении этого мероприятия было провозглашение „Генеральным статутом“ официальности „простонародного языка“. Но так как в природе такого языка не существовало, правительство обратилось за помощью в Чешскую Академию наук. От французского генерала Эннока, осуществившего в это время верховную власть на Закарпатья, было получено предложение учредить при Академии комиссию, которая

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, газ. „Наука“, № 25, 4 июля 1920 г.

² Г. Волков. Угнетенная Прикарпатская Русь, журн. „Крестьянский Интернационал“, № 3—5, 1926, стр. 116.

³ „Zbirka zákonů a nařízení států československého“, r. 1920, s. 1220—1221.

составила бы „литературный язык для Подкарпатской Руси так, чтобы было удовлетворено постановление статута“; при этом прямо указывалось, что по расчетам чехословацкого правительства такой язык должен быть создан „для противодействия украинской ирреденте“ (т. е. для противодействия стремлению населения Закарпатья к воссоединению с Украиной. — *И. М.*). Надо отдать справедливость чешским ученым, которые не нашли возможным поддержать план создания для населения Закарпатья особого искусственного языка. В решении Чешской Академии наук говорилось: „Создавать искусственно новый литературный язык для населения Карпатской Руси было бы делом не только весьма затруднительным, но с точки зрения нашей славянской политики нежелательным. Особый литературный язык для Подкарпатской Руси навряд ли нужен более, чем для отдельных племен чехословацкого народа. Ввиду того, что местное русинское наречие на Подкарпатской Руси, о котором говорит статут, есть бесспорно наречие малорусское (т. е. украинское. — *И. М.*), литературным языком тамошнего населения нужно признать литературный язык малорусский. Опасение, что якобы этим получила бы поддержку на Подкарпатской Руси украинская ирредента, не обосновано. Скорее питалась бы она искусственной изоляцией (обособлением) населения этой области от народного тела, прирожденной составной частью которого она является“¹.

Предоставив новоявленному „ученому-филологу“ униатскому попу Волошину и его „ассистентам“ продолжать свои „изыскания“ по созданию „простонародного языка“, чехословацкое правительство не захотело себя связывать больше этой ничемной затеей и 6 марта 1920 г. издало так называемый „языковой закон“, объявив государственным языком на Подкарпатской Руси чешский язык, с ничего не значащей оговоркой, что окончательное решение языкового вопроса остается за „автономным сеймом“. Этим законом открывался полный простор для чехизации. Чешский язык был введен во всех административных и общественных учреждениях. В большом количестве стали открываться чешские школы, даже в районах, где совершенно отсутствовало чешское население.

Под знаменем „демократии“ совершалось не только политическое порабощение Закарпатской Украины, но и экономический грабёж края. Первые мероприятия экономического порядка, проводимые чехословацким правительством на Закарпатье, нисколько не улучшили тяжелого экономического положения края, не облегчили крайне тяжелых жизненных условий широких народных масс.

Мировая империалистическая война оставила разрушительные следы в экономике Закарпатской Украины. Промышленность, и ранее развитая очень слабо, переживала тяжелое кризисное состояние. Все наиболее крупные предприятия до войны являлись собственностью государства или частного иностранного капитала: химическими заводами в Великом Бычкове, Перечине, Сваляве владели акционерные общества, находившиеся в Вене и Будапеште, металлургические заводы в Кобылецкой Поляне принадлежали австрийскому капиталисту Иосифу Братману, государ-

¹ Закарпатский облгосархив. Ответ Министерства школ и народного просвещения Верховному командованию Карпатской Руси в Ужгороде на № 934 от 16 ноября 1919 г.

ственной собственностью были лесобрабатывающая промышленность и солотвинские соляные рудники¹. В годы войны все предприятия, не связанные непосредственно с производством военного снаряжения и другими потребностями военного времени, пришли в упадок из-за отсутствия рабочих рук, сырья, разрушения транспортных средств, сокращения сбыта.

Чехословацкое правительство, начиная свое хозяйничанье на Закарпатской Украине, естественно, должно было обратить внимание и на состояние местной промышленности. Но прежде чем приняться за ее восстановление, чехословацкое правительство определило будущее место промышленности Закарпатья в экономике Чехословакии, исходя при этом из интересов чешской промышленной и финансовой буржуазии. Закарпатской Украине сразу была отведена роль аграрного, сырьевого придатка к собственно чешским промышленным областям, а это ставило развитие закарпатской промышленности в полную зависимость от высокоразвитой чешской промышленности. Буржуазное чехословацкое правительство думало не об экономическом подъеме Закарпатья и улучшении жизненных условий населения этого края, а о том, как наиболее выгодно для чешского капитала использовать богатства Закарпатской Украины.

За иностранным — австрийским и венгерским — капиталом были сохранены, в основном, прежние позиции в закарпатской промышленности. Акционерные общества Вены и Будапешта остались владельцами химических, металлургических и деревообделочных заводов. Предприятия, принадлежавшие австро-венгерскому правительству, перешли в собственность чехословацкого правительства.

Промышленность Закарпатья возрождалась очень медленно. Ряд предприятий, как стекольные заводы в Требушанах и Нижне-Верецке, государственный завод по производству бочек в Анталовцах, а также предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов в 1919—1920 гг. совсем не возобновляли работу. Почти все это время стоял крупный химический завод „Bantlin-Chemische Industrie“ в Перечине с его филиалами в Черноголовой и Туре Быстрой². Предприятия, пущенные в ход, работали с перебоями. Общая экономическая разруха, недостаток сырья, нарушение прежних торговых рыночных связей и потеря для лесной и химической промышленности, работавшей преимущественно на экспорт, венгерского, румынского и германского рынков, высокие железнодорожные тарифы при общей ограниченности транспортных средств на Закарпатье — все эти причины неумолимо вели к кризису³, который и разразился в 1921—1922 гг.

Неизбежным следствием такого состояния промышленности был рост безработицы. Чехословацкое правительство ничего не делало для того, чтобы дать работу голодающим пролетариям города и деревни, хотя оно и обещало строить на Закарпатской Украине новые фабрики, мосты и шоссейные дороги. Референт социальной опеки „Гражданского управления Подкарпатской Руси“, которому по дол-

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 38; „Чехословацкая республика. Обзор духовной, политической, экономической и общественной жизни“, Прага, 1924; „Podkarpatská Rus“, Praha, 1923; „Господарство Чехословакии“, Прага, 1923.

² Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 38, лл. 93, 101; там же, ед. хр. 25, л. 29.

³ „Podkarpatská Rus“, Praha, 1923, s. 84—85.

жности положено было заботиться об обеспечении работой массы голодающих, считал, что одним из основных способов сокращения безработицы на Закарпатской Украине должна быть отправка рабочих в Германию¹. Этот способ широко использовало чехословацкое правительство. Даже пражская газета „Večerník prava lidu“ в статье, посвященной положению на Закарпатье, писала, что „целые большие толпы народа тянутся по дорогам в Германию на заработки“.

Для Закарпатской Украины, в течение долгого времени бывшей самой отсталой аграрной областью Австро-Венгрии, хищнически эксплуатируемой немецкими и мадьярскими помещиками и буржуазией, одной из самых неотложных нужд было решение земельного вопроса. Данные венгерской статистики, относящиеся к 1919 г., следующим образом характеризуют распределение земли на Закарпатье. Из всей земельной площади в 1 267 263 га принадлежало:

государству	362 197 га	(29%)
помещикам	374 628 „	(31%) ²
седам, урбариям	231 213 „	(20%) ³
крестьянам в числе 400 тыс. .	269 213 „	(20%) ³

Таким образом, 130 крупных землевладельцев имели столько же земли, сколько 400 тыс. крестьян. В среднем на крестьянина приходилось 0,67 га земли, 70% крестьян были безземельными, малоземельными, имевшими наделы не более 2 га⁴. При этом крестьянские земли всегда были малоплодородными, чаще всего расположенными на горных склонах. Громадные земельные владения сосредоточивала в своих руках небольшая группа земельных магнатов — немецких и мадьярских графов и баронов. Самый крупный из них — австрийский граф Шенборн-Бухгейм имел более 100 тыс. га земли.

При страшном земельном голоде положение закарпатских крестьян отягощалось еще сохранением некоторых крепостнических форм эксплуатации. Одним из таких пережитков была феодальная повинность в пользу церкви, так называемая „коблина“ (передача церкви части крестьянского урожая, по „коблику“ со двора) и „роковина“ (работа крестьян на землях духовенства по 3—10 дней в году). К этим же остаткам крепостничества относились кабальные условия, на которых работали крестьяне в помещичьих имениях за $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ долю в урожае, часто снижавшуюся при окончательном расчете до $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{6}$ доли. Крестьяне не могли пользоваться лесами и пастбищами, принадлежавшими помещикам, не могли даже поить скот в протоках на их земле. Нередки были и случаи применения телесных наказаний в панских имениях, как на это жаловались, например, в 1920 г. крестьяне с. Великие Лучки, работавшие на кабальных условиях в имении Шенборна⁵. Страшное обеднение крестьянства влекло за собой отсталость сельскохозяйственной техники и способов обработки земли

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 92, л. 11.

² В том числе 130 помещикам с владениями свыше 150 га 260 115 га (20%).

³ Закарпатский облгосархив. Статистические материалы венгерской переписи, 1919 г.

⁴ „Rudé právo“ № 186, 8 августа 1924.

⁵ V. Melmuka. Pozemková reforma v Podkarpatské Rusi, Užhorod, 1921, s. 9—10; Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 13, л. 1—3.

в крестьянских хозяйствах. Последние получали очень низкие урожаи. Хлеба, собираемого на Закарпатье, не хватало до нового урожая; ежегодно для удовлетворения минимальных нужд населения надо было ввозить несколько тысяч вагонов продовольствия. Ввиду всего этого необходимость неотложного проведения земельной реформы ощущалась на Закарпатской Украине, пожалуй, острее, чем в любой другой части Чехословацкой республики. Это признавали и представители буржуазно-помещичьего чехословацкого правительства, побывавшие на Закарпатье. Чешский чиновник Достал, которому летом 1919 г. поручено было ознакомиться с экономической и политической обстановкой на Закарпатской Украине и представить правительству свои предложения об организации управления Подкарпатской Русью, в своем отчете об этой поездке прежде всего указывал на крайнюю необходимость в немедленном проведении здесь земельной реформы. „От разрешения этой жизненно важной для Закарпатья проблемы, — сообщал Достал, — зависит дальнейшее развитие отношений между этим краем и Чехословацкой республикой“¹. Несколькими месяцами позднее посланный Министерским советом на Закарпатье правительственный чиновник Гайндл в информации о своей поездке по области сообщал, что крестьяне повсеместно требуют раздела земли. „Нужда в земле у русского человека очень велика, — писал Гайндл, — и укрепление наших позиций в Подкарпатской Руси будет зависеть от того, удастся ли нам удовлетворить здесь как продовольственный, так и земельный голод“².

Закарпатское крестьянство надеялось, что проведение земельной реформы будет первым делом чехословацкого правительства на Закарпатской Украине, тем более, что по этому поводу населению Закарпатья давались самые широкие обещания в первые месяцы присоединения к Чехословакии. Однако надежды оказались напрасными. Трудовые крестьянские массы Закарпатской Украины ничего не получили от той аграрной реформы, которую буржуазное чехословацкое правительство начало проводить в 1919 г., опасаясь революционного взрыва в стране. Реформой правительство хотело оттолкнуть крестьянство от пролетариата и привлечь его на свою сторону. 16 апреля 1919 г. был издан закон об ограничении крупного землевладения. Согласно этому закону, подлежали отчуждению земельные владения свыше 150 га пахотной земли и 250 га всей площади, включая лесные массивы. Дальнейшая судьба крупного владения, на которое налагался запрет, решалась специально учрежденным ведомством — Земельной службой. При особых обстоятельствах владельцам разрешалось оставлять до 500 га. За конфискованные участки им полагалась большая выкуп, часто превышающий стоимость земли. Реформа носила ярко выраженный буржуазный характер. Она имела своей целью не удовлетворение земельного голода крестьянских масс, а такое перераспределение земельных фондов, при котором за счет немецкого и венгерского землевладения были бы увеличены крупное чешское землевладение и фонд государственной земельной собственности. Увеличивая размеры государственных земельных фондов, чехословацкое правительство имело в виду использовать их для укрепления эконо-

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 13, л. 1—3.

² Там же, ф. 29, ед. хр. 13, л. 22.

мических и политических позиций чешской буржуазии как в центральной части республики, так и на ее национальных окраинах.

Для проведения земельной реформы на Закарпатской Украине в ноябре 1919 г. в Ужгороде была учреждена „Окружная канцелярия государственной земельной службы для Подкарпатской Руси“¹. По составленным ею статистическим данным конфискации подлежали земельные владения общим размером в 460 тыс. кадастровых югров (1 югр = 0,57 га)². Основная часть этих земель переходила в ведение Министерства земледелия. Леса становились собственностью государства, пашни и прочие угодья раздавались чешским помещикам и колонистам. Вдоль венгерской границы на лучших плодородных землях основывались чешские помещичьи и кулацкие „образцовые хозяйства“, которые должны были стать опорой чехословацкого правительства в проведении колонизаторской политики на Закарпатской Украине. Только небольшая часть конфискованных земель предназначалась для удовлетворения земельного голода местного крестьянства, и то пока что лишь в виде временной аренды. В течение полутора лет (1919—1920 гг.) выделено было в аренду всего 15 тыс. кадастровых югров, что не составляло и 8⁰/₁₀ подлежащих конфискации владений³. Некоторыми мероприятиями в области аренды пока что и ограничивалось проведение земельной реформы; при этом не были установлены максимальные арендные цены и сохранялась кабальная для крестьян форма аренды за часть урожая⁴. Участки, выделенные для продажи, попадали в руки ростовщиков и зажиточной крестьянской верхушки. Цены, устанавливаемые на них, были недоступны для заданного нуждой безземельного и малоземельного крестьянина. Если такому крестьянину удавалось собрать часть денег и получить участок, то уплата остальной суммы и приобретение инвентаря опутывали его долгами на всю жизнь⁵.

14 апреля 1920 г. чехословацкое правительство издало закон об отмене на Подкарпатской Руси коблины и роковины и замене этих повинностей денежными платежами⁶. Однако никакого реального значения этот закон не имел, так как способ упразднения этих полуфеодалных повинностей и установление „справедливого вознаграждения“ за них служителям церкви должен был определить „сейм Подкарпатской Руси“, который, как известно, не созывался в течение и последующих 18 лет. Пока что решение вопроса представлялось „волею обеих сторон“ (церкви и обязанным коблиной и роковиной крестьянам), а это значило, что крестьяне были обязаны по-старому нести феодальные повинности в пользу церкви. Обманутые и на этот раз, крестьянские массы Закарпатской Украины требовали немедленного проведения такой аграрной реформы, которая коренным образом изменила бы аграрные отношения и удовлетворила бы их нужду в земле. Однако реформа, проводимая буржуазным чехословацким правительством, как и всякая аграрная буржуазная реформа, естественно, не могла дать крестьянам землю. В тех случаях, когда крестьяне

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 38, л. 173.

² V. Melnicka. Pozemková reforma v Podkarpatské Rusi, s. 6.

³ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 38, л. 173.

⁴ Там же, ф. 29, ед. хр. 131, л. 129.

⁵ Там же, ф. 29, ед. хр. 39, л. 67.

⁶ „Zbirka zákonů a nařízení států českoslovenckého“, r. 1920, s. 622.

пытались сами разделить помещичьи земли, чехословацкое правительство со своими отрядами жандармов и легионеров становилось на защиту помещиков. Так, например, когда жители с. Долгого и соседних сел Задна, Суха, Кусница и Лисицево выгнали свой скот на пастбище, принадлежавшее мадьярскому помещику Шандору Телеки, против крестьян, „посягнувших на собственность владельца“, были высланы жандармы и регулярное войско. Дело дошло до кровопролития¹. Вице-губернатор Эренфельд предупреждал местные органы власти: „При проведении реформы надо стараться, чтобы все осуществлялось таким способом, который не нанес бы вреда нынешним владельцам. Особенно следует заботиться о том, чтобы во всех мероприятиях были сохранены спокойствие и порядок. Против всяких насильственных действий будут приняты самые строгие меры“². На одном из заседаний „Гражданского управления“ Эренфельд прямо требовал использовать войска и жандармерию во всех случаях, когда крестьяне „в результате агитации большевиков“ совершают „преступные действия“, посягая на собственность помещиков³. При проведении аграрной реформы на Закарпатской Украине чехословацкое правительство несколько не думало о земельной нужде крестьянства, а заботилось лишь об укреплении своих собственных позиций в насильственно захваченной области, об удовлетворении интересов чешского капитала. Об этом наиболее ярко свидетельствует решение вопроса о судьбе шенборновских владений. Австрийский граф Шенборн-Бухгейм был самым крупным земельным магнатом на Закарпатской Украине. Ему принадлежало 237 тыс. кадастровых югров земли, 58 тыс. югров из которых были хозяйственные угодья, 184 тыс. югров — леса. Владения Шенборна составляли на Закарпатье более половины всего земельного фонда, подлежащего конфискации по закону 16 апреля 1919 г. Пытаясь сохранить свои владения, Шенборн предложил чехословацкому правительству проект „индустриализации“ его имений чешским промышленным банком при участии швейцарского и голландского капиталов⁴. Чехословацкому правительству весьма понравились нарисованные Шенборном перспективы экономического ограбления Закарпатской Украины, обещавшие баснословные прибыли. Но так как у чешской буржуазии своих капиталов на это колоссальное предприятие нехватало, то она пошла на сделку с иностранными банками, открыв им дорогу для хищнической эксплуатации Закарпатской Украины. Таким образом, десятки тысяч закарпато-украинских крестьян были лишены всякой надежды на получение земли за счет шенборновских владений. Они попрежнему были вынуждены вести свое хозяйство на мизерных участках земли.

Буржуазно-помещичье правительство Чехословакии проводило аграрную реформу в своих классовых интересах, сохраняя безземелье и малоземелье широких крестьянских масс. В связи с этим попрежнему катастрофически тяжелым было продовольственное положение на Закарпатской Украине, остававшейся краем нужды и голода. Чехословацкое правительство пыталось провести некоторые мероприятия по

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 102, л. 98; ед. хр. 145, л. 134.

² Там же, ф. 29, 1921 г., док. № 7839.

³ Там же, ф. 29, ед. хр. 92, л. 12.

⁴ Там же, ф. 29, ед. хр. 92, л. 10—13.

снабжению населения Подкарпатской Руси путем организации так называемой „государственной продовольственной помощи“. В конце 1919 г. при Гражданском управлении было образовано отделение по снабжению, преобразованное в „Земское экономическое ведомство Подкарпатской Руси“, подчиненное Министерству снабжения¹. Ввиду невозможности покрыть потребность Подкарпатской Руси в продовольствии за счет внутренних ресурсов государства, правительство поручило министерскому советнику Франкенбергеру, поставленному во главе „Земского экономического ведомства“, организовать широкую закупку продовольствия за границей, главным образом в Румынии. В Ужгороде были созданы „Земское зерновое ведомство“ („Obilní ustav“) и еще масса всяких учреждений и обществ по закупке продовольствия за границей, его распределению и т. д.² На Закарпатье появилось дополнительно более сотни чиновников по снабжению (главным образом, специалистов по всяким спекулятивным сделкам), которые наживались за счет голодающего закарпатского населения. Так называемая „государственная продовольственная помощь“ явилась новым способом ограбления трудящихся масс. Франкенбергер вызвал из Братиславы некоего Лауфера, который основал „Компанию по ввозу“, производившую все закупки продовольствия для Подкарпатской Руси за границей и получавшую за эти операции 10% стоимости закупленного товара. За короткое время эта „компания“ сколотила себе немалые капиталы, заработав миллионы чешских крон на закупке кукурузы, маргарина и т. д.³ О том, каким образом вырастали эти миллионы, можно наглядно судить хотя бы по следующим фактам. Кукурузная мука, закупленная в Румынии по 4 кроны за 1 килограмм, продавалась в Великом Бычкове в порядке „государственной продовольственной помощи“ по 14 крон за 1 килограмм; таким образом, спекулянты из „зернового ведомства“ зарабатывали на каждом килограмме кукурузы 10 крон, или 100 тыс. крон на вагоне. Чтобы сохранить эти прибыли, чешские власти строго запрещали крестьянам самим отправляться на румынскую сторону за продовольствием⁴. В Перечинском округе население получало муку из дикого каштана и то только при условии принудительной покупки червивого гороха. Многие чешские чиновники сделали „государственную продовольственную помощь“ источником личной наживы. Так, окружной начальник из Росвигова Эдмунд Пак осенью 1920 г. собрал с населения около 2 млн. рублей на закупку в Румынии продовольствия и зерна для посева. Зерно было закуплено только в конце весны 1921 г., к тому же вместо обещанных пшеницы и ржи крестьяне получили ячмень и кукурузу. На этой афере Пак лично заработал около полу-миллиона крон⁵. Продовольственное положение на Закарпатской Украине крайне ухудшилось в связи с изданием чехословацким правительством в июне 1920 г. указа о том, что все „излишки зерна и других продуктов питания будут находиться под контролем государства“.

¹ „Zbirka zákonů a nařízení států československého“, r. 1920, s. 838.

² Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 38, л. 167.

³ Газ. „České slovo“ № 55, 6 марта 1921 г.

⁴ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 21, л. 57.

⁵ „Правда“, орган Социалистической партии Подкарпатской Руси, № 11, 10 мая 1920 г.

⁶ Газ. „Venkov“, 19 апреля 1921 г.

Следствием этого было полное запрещение торговли продуктами питания и реквизиции¹.

Крайне тяжело отразилось на жизненных условиях населения Закарпатской Украины еще одно мероприятие экономического порядка, проведенное чехословацким правительством в 1920 г., — обмен венгерских денежных знаков на чешские кроны на очень невыгодных для населения условиях (в соотношении 1:10). Народные массы в городах и селах Закарпатья всеми силами противились этому несправедливому действию правительства. В некоторых районах они выступали очень решительно, встречая забастовками и демонстрациями протеста чиновников финансового ведомства, прибывавших для проведения обмена. Поэтому чешские власти вынуждены были приостанавливать операции по обмену и ставить перед „Гражданским управлением“ вопрос об изменении соотношения денежных знаков².

Рассмотренные нами факты приводят к выводу, что мероприятия экономического порядка, проведенные чехословацким правительством на Закарпатской Украине в 1919—1920 гг., еще более усугубили ее тяжелое экономическое положение и влекли за собой дальнейшее ухудшение жизненного уровня трудящихся масс. Оккупационный режим, установленный буржуазным чехословацким правительством в 1919—1920 гг. на Закарпатской Украине, характеризовался откровенной колонизаторской политикой, экономическим грабежом, незаконием и своеволием чешских военных и гражданских властей, грубым полицейским террором, прямым насилием над гражданскими правами местного населения. На бессмысленность и опасность продолжения подобного произвола указывал чехословацкому правительству даже лидер входившей в правительственную коалицию народно-социалистической партии, сенатор В. Клофач, который в своей интерпелляции по поводу злоупотреблений „Гражданского управления Подкарпатской Руси“ писал: „Органы власти проводят политику, которая очень подходит для того, чтобы окончательно скомпрометировать Чехословацкую республику в глазах местного русского населения. Только прекращение этой бессмысленной правительственной политики может предупредить беду, которая грозит республике“³.

Чехословацкое правительство старалось использовать сложную внутреннюю политическую обстановку на Закарпатской Украине в своих целях, намеренно разжигая национальную и религиозную борьбу среди местного населения и содействуя образованию большого числа политических партий — украинских, русских, венгерских, еврейских. Кроме того, с 1920 г. здесь начали создаваться филиалы чешских партий — аграрной, народно-социалистической, национально-демократической и др. Закарпатские крестьяне говорили: „Не имеем хлеба, но партий имеем достаточно“. Такая раздробленность в политической жизни Закарпатья нужна была чешской буржуазии для того, чтобы ослабить демократические силы, бороться с революционным и национально-освободительным движением трудящихся масс, представлявшим большую угрозу ее империалистическим планам на Закарпатской Украине.

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 21, л. 3.

² Там же, ф. 29, ед. хр. 40, л. 67.

³ Там же, ф. 29, ед. хр. 101, л. 99; газ. „Česke slovo“, 3 июля 1921 г.

Трудящиеся массы не примирились с насильственным включением Закарпатской Украины в состав буржуазной Чехословакии. Протестуя против военно-оккупационного режима, установленного на Закарпатье чешской буржуазией, при прямом содействии местной закарпатской буржуазии, рабочие и крестьяне продолжали борьбу за свое социальное и национальное освобождение, за воссоединение с Советской Украиной. Революционное движение на Закарпатской Украине усиливалось, несмотря на жестокий полицейский террор, установленный империалистами после подавления Венгерской социалистической революции. Часть активных участников революционного движения в Венгрии, спасаясь от белого террора Хорти, перешла на Закарпатье и здесь включилась в революционную борьбу, помогая левой части местных социал-демократических организаций собирать свои силы и готовить трудящихся к новым революционным боям¹. В марте 1920 г. разрозненные социалистические группы Закарпатья объединились в Международную (Интернациональную) социалистическую партию Подкарпатской Руси. На первом конгрессе партии, состоявшемся в Ужгороде 21 марта, был принят временный устав, избран Краевой комитет, принято решение об издании партийных органов — газет „Правда“ и „Munkas Ujsag“ („Рабочая газета“) на украинском и венгерском языках².

В Интернациональной социалистической партии Подкарпатской Руси сразу преобладающее влияние получила левая, коммунистическая часть, направившая работу партии по революционному пути, указанному III Интернационалом. Поэтому партия быстро завоевывала авторитет в рабочих массах и увеличивала свои ряды. Уже в первый месяц существования она имела 16 местных организаций и насчитывала 15 тыс. членов³. Как уже отмечалось выше, по призыву Социалистической партии в июне 1920 г. пролетариат Подкарпатской Руси объявил всеобщую политическую забастовку протеста против назначения губернатором Жатковича. Мы уже видели, что попытка правого социал-демократа вице-губернатора Эренфельда сорвать забастовку с помощью испытанных приемов социал-предательства не имела успеха. В этой трехдневной политической стачке рабочие Ужгорода, Мукачева, Перечина, Великого Севлюша, Берегова, Свалявы, Великого Бычкова, Долгого, Фриदेशева, Кобылецкой Поляны, Анталовец — химики, деревообделочники, солекопы, лесорубы, табачники, металлурги, печатники, стекольщики, виноделы — показали свою боевую пролетарскую солидарность, решимость бороться за свои социальные и национальные права против диктатуры чешской буржуазии⁴.

Эта первая в истории пролетариата Закарпатской Украины всеобщая политическая забастовка имела большое значение для дальнейшего развития рабочего движения на Закарпатье и роста влияния

¹ После слияния венгерской коммунистической партии с социал-демократической в 1919 г. на Закарпатье также были созданы единые социалистические группы, в которых коммунисты составляли левую, революционную часть.

² „Календарь «Правды» на 1921 рок“, изд. Международной социалистической партии Подкарпатской Руси, Ужгород, 1920, стр. 77.

³ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 39 (1920 г., № 5995); „Календарь «Правды» на 1921 рок“, изд. Международной социалистической партии Подкарпатской Руси, Ужгород, 1920, стр. 77.

⁴ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 53, л. 13; Г. Піддубний. Чехословаччина, 1931, стр. 205.

Интернациональной социалистической партии. Чтобы ослабить ее авторитет в рабочих массах, чехословацкое правительство оказало содействие ЦК Чешской социал-демократической партии в образовании на Закарпатской Украине „Русской социал-демократической партии“. Ее организатором был социал-предатель Пуза, получавший денежные субсидии от пражского правительства для раскольнической оппортунистической деятельности среди пролетариата. Но эта партия очень скоро обнаружила себя как прямая агентура чешской буржуазии и не пользовалась никаким доверием среди рабочих. На рабочих собраниях выносились резолюции, клеймившие ее угодничеством перед буржуазией и предательство классовых интересов пролетариата. Так, рабочие-химики фабрики „Клотильда“ в Великом Бычкове в своем решении заявили: „Протестуем против наемников, платных агентов буржуазии, которые под маской социализма („Русская социал-демократическая партия“) и другими способами, своей чернотой агитацией баламутят рабочее движение... Протестуем против наемной агитации, которая хочет раздробить силу и солидарность народа только для того, чтобы наполнить карманы капиталистам и лить воду на их мельницу. Заявляем, что мы примем решительные меры против этих изменников рабочих“¹. „Русская социал-демократическая партия“ изолировала себя от рабочих масс, в то время как ряды Интернациональной социалистической партии, организовавшей пролетариат на борьбу против господства буржуазии, непрерывно росли.

Важным событием в развитии революционного движения на Закарпатской Украине был социалистический съезд, организованный Интернациональной социалистической партией совместно с левой, революционной частью социал-демократической партии Словакии, который происходил в Кошицах 29—30 июня 1920 г. Делегаты съезда, представлявшие социалистические организации Закарпатской Украины и Восточной Словакии, подавляющим большинством голосов присоединились к III Интернационалу. Съезд определил главной задачей социалистических организаций создание рабочих и крестьянских советов, организацию трудящихся масс на революционную борьбу. Вместе с тем съезд заклеймил предательство правых социал-демократов, открыто перешедших на службу буржуазии, реакционную политику чехословацкого правительства социал-демократа Тусара, предавшего интересы пролетариата.

Выступившие на съезде делегаты Закарпатской Украины разоблачали хваленый масариковский „демократизм“, под прикрытием которого чешская буржуазия установила свою диктатуру на Закарпатье, и заявляли, что закарпатский пролетариат полон решимости продолжать борьбу против реакции и белого террора, если придется, — то и с оружием в руках. Они говорили о том, с каким волнующим напряжением трудящиеся Закарпатской Украины следят за событиями на советско-польском фронте, как горячо приветствуют они начавшееся наступление советских войск против белополяков. Крестьянин с Верховины показал делегатам съезда кусок черного, непригодного для пищи хлеба, которым кормит их чехословацкое правительство. Далее он заявил, что, как ни ужасно нынешнее положение верховинских крестьян, они „полны веры в будущее, так как можно уже в Верховине

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 106, л. 125.

услышать канонаду победно наступающих русских братьев“. Делегаты съезда говорили о необходимости объединения пролетариата всей Чехословакии для общей революционной борьбы против господства буржуазии. Съезд закрылся пением „Интернационала“¹.

После Кошицкого съезда Интернациональная социалистическая партия усилила свою революционную деятельность. В городах и селах проходили массовые собрания трудящихся, на которых агитаторы партии разъясняли рабочим и крестьянам, что единственным путем, которым трудящиеся могут добиться своего освобождения, является путь революционной, классовой борьбы против буржуазии. В промышленных районах Закарпатья — Перечине, Великом Бычкове, Солотвине и других пунктах — создаются Рабочие советы, которые принимают на себя руководство борьбой пролетариата против предпринимателей за введение в действие трудового законодательства и улучшение жизненных условий рабочих. В ряде мест советы не ограничиваются рамками этих задач, а деятельно готовят пролетариат к решительной борьбе с буржуазией. Так, Рабочий совет в Перечине потребовал от властей выдачи оружия для вооружения рабочих². Ячейки Интернациональной социалистической партии оказывали свое коммунистическое влияние на развитие профсоюзного движения, противодействуя реформистскому направлению, старавшемуся примирить рабочих с предпринимателями. Коммунистические красные профсоюзы на Закарпатье были созданы среди рабочих-химиков в Великом Бычкове, металлургов — в Кобылецкой Поляне, стекольщиков — в Требуше и т. д.³.

Интернациональная социалистическая партия развивала свою революционную деятельность и среди трудящегося крестьянства, раскрывая ему глаза на тот подлый обман, который буржуазное чехословацкое правительство скрывало за своими законами об аграрной реформе, о „демократическом“ разделе земли, и разъясняя, что трудовое крестьянство может получить землю лишь революционным путем, забрав ее у помещиков силой. „Демократический“ раздел не думает об убогом крестьянском люде, не принесет освобождения, а продолжит рабство, — читали крестьяне в статье „Как разделить землю“, напечатанной в органе Интернациональной социалистической партии газете „Правда“. — Крестьяне нуждаются не в „демократическом“, а в революционном разделе. Революционным путем нужно дать землю бедному народу так, как это сделали рабочие и крестьяне на свободной земле, в Советской России, — без выкупа, без денег, бесплатно⁴. Указание на путь, которым решен земельный вопрос в интересах трудового крестьянства в Советской России, оказывало огромное революционизирующее влияние на трудящиеся массы закарпатского села, усиливало его революционную борьбу за землю.

Особой силы революционное движение на Закарпатской Украине достигает летом и осенью 1920 г. под влиянием событий на советско-польском фронте.

Разбойничье нападение панской Польши на Советскую Россию весной 1920 г. было подготовлено империалистами Антанты, ими

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 40, лл. 35, 38—48.

² Там же, ф. 29, ед. хр. 63, л. 29.

³ Там же, ед. хр. 106, лл. 122—123.

⁴ Газ. „Правда“, орган Интернациональной социалистической партии Подкарпатской Руси, 5 июня 1920 г.

вдохновлялось и поддерживалось. Товарищ Сталин в статье „Новый поход Антанты на Россию“, написанной в мае 1920 г., разоблачал поджигателей войны, стоявших за спиной белополяков: „Не подлежит сомнению, что поход панской Польши против рабоче-крестьянской России есть, по существу, поход Антанты... Дело, прежде всего, в том, что без поддержки Антанты Польша не могла бы организовать своего нападения на Россию, что Франция, прежде всего, а потом и Англия с Америкой всячески поддерживают наступление Польши оружием, обмундированием, деньгами, инструкторами“¹.

Буржуазное чехословацкое правительство, являясь по существу вассалом империалистической Франции, приняло деятельное участие в подготовке белопольской авантюры, согласившись взять на себя часть снабжения польской армии. При этом транспортировка военных грузов в значительной мере должна была производиться через территорию Закарпатской Украины. Учитывая это, империалисты с начала 1920 г. начали готовить на Закарпатье свой стратегический плацдарм, используя для этого режим военной диктатуры, осуществляемый под начальством генерала французского генерального штаба Пари. В Ужгород прибыли американская и английская военные миссии, увеличена была численность французского оккупационного войска, под руководством французских инженеров ремонтировались железнодорожные линии и строились шоссеыные дороги. Значение всех этих приготовлений стало ясным, как только были получены вести о нападении панской Польши на Советскую Россию. Этот разбойничий акт польских панов, организованный Антантой с целью уничтожить Советское государство, был с возмущением встречен международным пролетариатом. „В то время как империалисты пытались задушить Советскую республику интервенцией и блокадой, рабочие этих империалистических стран были на стороне Советов и помогали им“².

Вместе с трудящимися всей Чехословакии пролетариат Закарпатской Украины заявил свой решительный протест против империалистической политики чехословацкого правительства, мешая этим осуществлению его преступных планов. Интернациональная социалистическая партия Подкарпатской Руси обратилась к рабочим края с воззванием, заканчивавшимся словами: „Не перевозите оружия для врагов Советской России!“ Рабочие-железнодорожники, следуя этому призыву, срывали перевозки снаряжения, боеприпасов и других военных грузов, идущих через Закарпатье в Галицию: отцепляли вагоны с военными материалами, разрушали железнодорожную колею, взрывали мосты. Часто вооруженные отряды нападали на воинские эшелоны, следовавшие под охраной чешских и французских солдат. Особенно трудно стало империалистам переправлять оружие через Закарпатье тогда, когда польское наступление было приостановлено, и Красная Армия, преследуя белополяков, вступила на западноукраинские земли.

В. И. Ленин указывал на то, что успешное наступление Красной Армии существенно изменило международную политическую ситуацию: „... наше продвижение к Варшаве оказало столь могучее воздействие на Западную Европу и всю мировую ситуацию, что совершенно

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 319.

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 235.

нарушило соотношение борющихся внутренних и внешних политических сил¹. Успехи Красной Армии в борьбе с белополяками, свидетельствовавшие о новом провале интервенционистских планов Антанты против Советской России, оказали огромное влияние на развитие революционного движения в капиталистических странах.

На Закарпатской Украине это влияние сказалось с особой силой, так как подавляющая часть ее населения связывала с успехами Красной Армии и укреплением советской власти на Украине надежды на осуществление своего стремления к воссоединению с Советской Украиной.

Волнующие вести о победном наступлении Красной Армии в Галиции вызвали у трудящихся Закарпатской Украины радость и усилили революционное движение. В июле—августе 1920 г. в городах и селах Закарпатья Интернациональной социалистической партией проводились массовые политические митинги, на которых рабочие и крестьяне, узнавая о ходе военных событий на советско-польском фронте, приветствовали победное наступление Красной Армии и выражали надежду, что войска Советской России перейдут через Карпаты и принесут освобождение трудящимся Закарпатской Украины².

Трудящееся население Закарпатской Украины открыто проявляло свою ненависть к чешским оккупантам. Окружные полицейские власти сообщали своему начальству в Ужгород, что они бессильны воспрепятствовать распространению большевистской агитации и запретить политические собрания, на которых произносятся „антигосударственные речи“³. В промышленных центрах Закарпатья — Великом Бычкове, Перечине, Долгом, Сваляве, Анталовцах, Солотвине — рабочие усилили свою борьбу против предпринимателей и готовились к вооруженному восстанию. Полицейские власти из Перечина, где расположены были крупные предприятия — химический завод по производству ацетона и несколько государственных лесопилок, — сообщали об активной деятельности Рабочего совета, вооружавшего пролетариат, и общей угрожающей обстановке: „В результате большевистской агитации рабочие в Перечине и его окрестностях так фанатически настроены, что достаточно незначительного повода и дело дойдет до насилия“⁴. В Сваляве рабочие не допустили, чтобы венгерская фирма „Сольва“, ссылаясь на затруднения с экспортом, приостановила работу деревообделочного завода. Опасаясь организованного рабочего выступления и учитывая общую политическую ситуацию в Сваляве, начальник жандармской службы Свалявского округа писал в Ужгород: „Имея в виду события в Галиции, необходимо, чтобы работа на всех предприятиях продолжалась и тем самым предупреждались выступления пролетариата, и без того расположенного к большевизму“⁵. Тревожные сообщения поступали в Гражданское управление Подкарпатской Руси из Анталовец. 28 августа здесь забастовали рабочие государственного лесопильного завода в знак протеста против увольнения чешского коммуниста Иосифа Гануша, который, по донесениям полицейских

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 250.

² Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 27, ч. 1, ед. хр. 48.

³ Там же, ф. 29, ед. хр. 27, ч. 1, лл. 81, 83.

⁴ Там же, ф. 29, ед. хр. 63, л. 29.

⁵ Там же, ф. 29, ед. хр. 27, ч. 1, лл. 157—158.

агентов, „действовал среди рабочих, подготавливая переворот“. В результате двухдневной забастовки чешская администрация вынуждена была восстановить Гануша на работе.

В полицейском донесении сообщалось, что рабочие лесопилки связаны с крестьянами окрестных сел и вместе с ними готовятся к восстанию, чтобы взять в свои руки фабрики и земли¹.

Летом 1920 г. на Закарпатье происходили массовые выступления и сельскохозяйственного пролетариата. В июле объявили стачку наемные работники в имении Бозош, требуя повышения заработной платы. Тогда же выступили сельскохозяйственные рабочие в поместьях Шенборна². Революционное движение охватывало и все более широкие массы трудящегося крестьянства. Во многих селах создавались организации Интернациональной социалистической партии (села Великая Березна, Великие Лучки, Страбишев, Горонд и др.)³, особенно сильно было ее влияние в восточных пограничных районах. Из Свалявы начальник жандармской службы сообщал в Гражданское управление: „Сельское население Свалявского округа легко поддается коммунистической агитации, особенно в связи с тяжелым продовольственным положением, что весьма опасно вблизи границы“⁴. Крестьяне все решительнее становились на революционный путь решения земельного вопроса. Участились факты захвата помещичьих земель и государственных лесов. В Мукачевской и Ужгородской жупах крестьяне делили шенборновские владения⁵, в окрестностях с. Долгого занимали полонины (пастбища) мадьярского помещика Телеки⁶, безземельные крестьяне с. Терешуль корчевали государственный лес для пашни⁷, крестьяне с. Грушева изгнали государственных лесничих и завели свое лесное управление, используя часть угодий под пашню и пастбища⁸, и т. д. Повсеместно крестьяне сопротивлялись проведению реквизиций, описи имущества, введению чехословацких денежных знаков. В Гражданское управление поступали от местных властей сообщения, что предписания о реквизициях вызывают волнения в селах. „Крестьянство заявляет, что ничего не даст,— сообщал жупан Бережской жупы.— Ситуация становится чем дальше, тем сложнее, и можно ожидать, что дело дойдет до беспорядков“⁹. Крестьяне изгоняли чешских чиновников и жандармов, как это, например, имело место в с. Великих Лучках, Маносе-Яносе и т. д.¹⁰, в связи с чем военное командование приняло меры к усилению воинских гарнизонов и жандармских постов. В августе 1920 г. во время крестьянских волнений в Бережской жупе воинский гарнизон Берегова был усилен на 300 легионеров¹¹.

Успешное наступление Красной Армии в Галиции вызвало на Закарпатской Украине новый подъем движения за воссоединение

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 63, л. 43.

² Там же, ед. хр. 40, л. 20; ед. хр. 27, ч. 1, л. 22.

³ Там же, ф. 29, ед. хр. 27, ч. 1, лл. 157—158.

⁴ Там же, ед. хр. 130, л. 044—045.

⁵ Там же, ед. хр. 92, л. 12.

⁶ Там же, ед. хр. 145, л. 34.

⁷ Там же, ед. хр. 97, л. 93.

⁸ Там же, ед. хр. 97, л. 60.

⁹ Там же, ед. хр. 27, ч. 1, лл. 176—177

¹⁰ Там же, ед. хр. 27, ч. 1, л. 63.

¹¹ Там же.

с Советской Украиной. Закарпато-украинские рабочие и крестьяне ждали, что Красная Армия, разгромив белополяков и освободив Западную Украину, перейдет через Карпаты и подаст им руку помощи. Пролетариат Закарпатья готовился вооруженным восстанием поддержать приход Красной Армии. Красную Армию особенно ожидало трудящееся население пограничных районов, с радостью прислушивавшееся к грому советских пушек, доносившемуся из-за Карпат. Как и в 1918—1919 гг., центром движения за воссоединение с Советской Украиной был Хустский округ. Сообщая об усилении здесь агитации за соединение с Украиной, чешские власти доносили в Ужгород, что население районов, лежащих вдоль галицийской границы, „ожидает прихода русских большевиков“¹. Группы крестьян из пограничных сел старались пробраться через польскую границу и идти навстречу наступающей Красной Армии.

Революционное и национально-освободительное движение, развивавшееся на Закарпатской Украине летом 1920 г., представляло большую угрозу господству чешской буржуазии на Закарпатье. Этого не могло не видеть чехословацкое правительство, сильно обеспокоенное создавшимся положением. Министр внутренних дел телеграфировал вице-губернатору Эренфельду: „В Министерство внутренних дел дошли тревожные слухи о ситуации в Подкарпатской Руси, вызванной военными событиями на русско-польском фронте... Министерство внутренних дел требует тщательного выяснения внутренней обстановки, в частности на южной и северной границе, а также требует, чтобы каждый день министру внутренних дел посылались сообщения об общей ситуации“².

Для борьбы с революционным движением французский генерал Пари усиливает военно-диктаторские и полицейские меры. 28 августа было объявлено о введении на Подкарпатской Руси военного положения. Категорически запрещались всякие политические собрания, особенно собрания рабочих организаций, ношение оружия, свободное передвижение в пограничных районах³. Объявление военного положения было использовано для репрессий против активных деятелей Интернациональной социалистической партии, руководителей Рабочих советов и красных профсоюзов. Полицейские органы составляли списки „подозрительных лиц“, пользуясь которыми они начали производить аресты.

Пролетариат Закарпатской Украины ответил на этот террор усилением революционного движения. Несмотря на жестокие полицейские меры, Интернациональная социалистическая партия продолжала работу в массах, пользуясь все большим доверием среди рабочих и трудящихся крестьян. 1 сентября 1920 г., когда жандармы разогнали рабочее собрание в Великом Бычкове и арестовали ораторов-коммунистов, направив их под конвоем в Береговскую тюрьму, рабочие крупнейшего в Закарпатье промышленного предприятия — химического завода „Клотильда“ — объявили политическую забастовку протеста. К этой забастовке присоединились рабочие других предприятий Великого Бычкова, а также горняки соляных рудников Солотвино, приславшие

¹ Закарпатский облгосархив, ед. хр. 131, л. 12; ед. хр. 27, ч. 1, л. 97.

² Там же, ф. 29, ед. хр. 28, лл. 44—45.

³ Там же, ед. хр. 76, л. 84.

своих делегатов в Великий Бычков для участия в рабочей демонстрации.

Командование оккупационными войсками направило для „восстановления порядка“ в Великий Бычков и Солотвино воинские части и жандармерию¹. С помощью войска была подавлена также и забастовка рабочих-виноделов в Великом Севлюше. Владельцы виноградников благодарили чешские власти за „энергично принятые меры“².

8 сентября генерал Пари предупредил Гражданское управление, командиров воинских частей и военную полицию о том, что на Подкарпатской Руси готовится „большевистское восстание“, которое намечается „одновременно с восстанием в Восточной Галиции“³. Пари подписал приказ о создании подвижных оперативных отрядов в 40—50 человек для борьбы с „большевистскими бандами“. Такие вооруженные отряды должны были действовать под командованием полицейских, хорошо знающих обстановку в тех районах, где обнаруживалась „большевистская опасность“⁴.

Известно, что предательство Троцкого сорвало успехи Красной Армии и помешало освобождению западноукраинских земель. В 1920 г. Красная Армия не дошла до Карпат и не могла оказать помощь трудящимся Закарпатской Украины; без этой поддержки западноукраинские рабочие и крестьяне не могли решить задачу своего социального и национального освобождения.

Заключительным этапом революционного движения на Закарпатской Украине в 1920 г. была декабрьская всеобщая политическая забастовка, выражавшая революционную солидарность рабочих Закарпатья с чешским пролетариатом, вступившим в открытую схватку с буржуазией.

Декабрь 1920 г. был определенной гранью, завершившей образование буржуазной Чехословацкой республики. Чехословацкая республика родилась в 1918 г. из революционного движения масс чешского и словацкого народов, борющихся под влиянием великого примера Великой Октябрьской социалистической революции за свою национальную независимость, за демократическое государство. В авангарде народных масс был пролетариат, вступивший в борьбу с буржуазией, которая стремилась к установлению своего классового господства. Исход этой борьбы должен был решить, по какому пути далее пойдет развитие Чехословацкого государства — по пути создания социалистической республики или по пути капиталистическому. В условиях резкого обострения классовой борьбы, поднимающегося революционного движения буржуазно-помещичье чехословацкое правительство, стремясь оторвать от пролетариата мелкобуржуазные слои населения, считало неизбежным принять некоторые из требований, выдвинутых трудящимися массами, и прибегнуть к социальному законодательству. Так, оно было вынуждено издать законы о 8-часовом рабочем дне, охране труда, государственной помощи безработным. Однако эти законы были лишь социальной демагогией, которой широко пользовалась чешская контрреволюционная буржуазия в борьбе с революционным дви-

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 63, л. 42; ед. хр. 132, л. 21.

² Там же, ед. хр. 28, л. 59.

³ Там же, ед. хр. 63, л. 52.

⁴ Там же, ед. хр. 27, ч. 1, л. 172.

жением. Под прикрытием этих законов и других „демократических“ реформ буржуазия готовила скрытые силы, чтобы обрушиться на пролетариат, сломить революционное движение и утвердить капиталистический режим.

Большую услугу ей в этом оказали правые социал-демократы, которые, получив в руки государственную власть, добровольно передали ее буржуазии и предали классовые интересы пролетариата. Чешская буржуазия выгодно использовала вхождение социал-демократов в правительство для упрочения своего господства.

Против этой предательской, оппортунистической политики правых социал-демократов все решительнее выступала левая, революционная часть социал-демократии („марксистская левая“), требовавшая осуществления революционной программы социализации, создания социалистической Чехословацкой республики. К осени 1920 г., в обстановке усиливающегося революционного подъема в стране, „марксистская левая“ составляла уже подавляющее большинство социал-демократической партии. Правые социал-демократы, удаленные на XIII съезде Социал-демократической партии (сентябрь 1920 г.) из органов партийного руководства, открыто встали на путь дезорганизации рабочего движения. Их раскольническая деятельность способствовала осуществлению контрреволюционных замыслов чешской буржуазии, которая с помощью иностранных империалистов готовилась к решительному наступлению против пролетариата, боровшегося под руководством „марксистской левой“ за социалистическую республику. Это наступление было рассчитано на разгром революционных сил и упрочение господства буржуазии.

Буржуазно-помещичье чехословацкое правительство решило жестоким террором задуть революционное движение в стране. Объявляя вне закона рабочие стачки, разгоняя советы, стреляя в демонстрации трудящихся, крайне реакционное правительство Яна Черного объявило войну пролетариату, мстя ему за страх, пережитый буржуазией Чехословакии во время победоносного наступления Красной Армии на Варшаву. Чтобы обезглавить рабочее революционное движение, буржуазия, с помощью правых социал-демократов, направила удар против левой, революционной части социал-демократии. 9 декабря отряды полицейских захватили в Праге помещение „марксистской левой“ (Народный дом) и типографию газеты „Руде право“¹.

Пражский пролетариат, возмущенный наглým полицейским произволом, 10 декабря вышел на улицы столицы демонстрировать свой протест против реакционной политики правительства Черного.

По приказу министра внутренних дел против рабочих были высланы войска. Перед парламентом, у Народного дома, на Вацлавской площади и в других районах Праги завязались уличные бои, легионеры стреляли в демонстрантов, полицейские избивали их резиновыми дубинками. В этот день пражские мостовые были обильно политы рабочей кровью².

¹ V. K o p e c k ý. Třicet let Československé Republiky (Referat na aktivu funkcionářů KSČ 24/IX 1948 r. v Praze), Praha, 1948, s. 13; „20 let Klementa Gottvalda v čele KSČ, sl. „Fakta a cifry“, IV roč., № 1—2, s. 6.

² B. P a v l i k, J. B i l y. Rok 1920 a únorové udalosti 1948, „Nova mysl“, č. II, № 2, s. 119.

В ответ на эти контрреволюционные действия буржуазии 11 декабря 1920 г. „марксистская левая“ призвала пролетариат ко всеобщей забастовке. Политическая забастовка протеста охватила всю Чехословакию. Массовые выступления рабочих сопровождались захватом предприятий, разгромом буржуазных органов власти. Взамен старых органов власти возникали новые — Рабочие советы, которые брали власть на местах в свои руки. Особенно сильный размах приобрела стачка в Кладненском районе, где власть целиком перешла в руки созданных рабочими революционных комитетов. Чешский пролетариат установил свою власть также в Брно и Ославажском угольном районе. Войско, высланное против ославажских шахтеров, перешло на сторону бастующих. Революционное выступление в этом районе было подавлено только с приходом 24-го пехотного полка под командованием немецкого полковника Спонара. В ряде промышленных районов пролетариат сражался на баррикадах с правительственными войсками. С выступлениями промышленных рабочих тесно сливались революционные выступления крестьян и батраков, захватывавших помещичьи имения. Декабрьская стачка была решающим сражением в борьбе чешского пролетариата с буржуазией в период образования республики (1918—1920 гг.). Руководители стачки потребовали от правительства признания осуществленной пролетариатом революционным путем конфискации предприятий и поместий, всеобщей амнистии для участников движения, формирования нового правительства¹.

Выступление чешского пролетариата, начатое уличными боями в Праге, было поддержано рабочими всей Чехословакии. Свою солидарность с революционными чешскими рабочими показал и пролетариат Закарпатской Украины. Революционный подъем летних месяцев 1920 г. хорошо подготовил его к декабрьскому выступлению. Несмотря на введение военного положения и жестокий полицейский террор, чешским оккупационным властям не удалось сломить боевой дух трудящихся Закарпатья. 14 декабря 1920 г. в Ужгороде состоялось собрание актива Интернациональной социалистической партии, на котором присутствовало 300 человек. Заслушав сообщение о начавшемся сражении чешского пролетариата с буржуазией, собрание приняло решение объявить на Закарпатской Украине всеобщую политическую забастовку в знак солидарности с революционным чешским пролетариатом. Собрание закончилось пением „Интернационала“².

На следующий день появились листовки с обращением Интернациональной социалистической партии к трудящимся:

„Рабочие! Работницы! Земледельцы! Товарищи! Братья воины! В Праге зимние улицы поливаются рабочей кровью. Кровь наших чешских рабочих братьев течет ручьями. Чешская, немецкая, мадьярская, словацкая буржуазия на последнюю решительную борьбу вынуждают пролетариат. Правые социал-демократические предводители Тусар, Немец и К°, слуги и наемники капиталистов и грабителей грозят, что придушат чехословацкий пролетариат, чтобы потом спокойно могли вас и детей ваших гнать на бойню за французские интересы — против русских наших братьев...“

¹ В. Pavlik, J. Bily. Указ. соч., s. 119.

² Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 109, л. 11.

Ограбить, обобрать хотят они чешских рабочих, запретить их печать, — отнять кровью приобретенную свободу. В Праге пролетариат баррикадной борьбой защищает свои интересы. В Кладно чешские горнорабочие, воодушевленные святой памятью гуситских времен, вооружаются и не только прекращают работу на капиталистов, но и твердыми военными рядами спешат на помощь пражскому пролетариату.

В Пилзне, Райхенберге, Комотаве, Бриксе, Моравской Остраве, в Брно рабочие также поднялись на борьбу.

В Словакии и Подкарпатской Руси пролетариат до сих пор стоял с оружием, приставленным к ноге. Но и для Подкарпатской Руси настал час действия.

На всей Подкарпатской Руси в четверг в 12 часов объявим всеобщую забастовку.

Требуем:

1. Удаление несущей смерть рабочему люду бюрократии, продажных политиканов Мичуры и Жатковича.

2. Немедленное освобождение арестованных наших товарищей. Отмена военной диктатуры и военного чрезвычайного положения.

3. Обмен денег во всей Подкарпатской Руси в соответствии один к одному.

4. Коренное улучшение общего продовольственного положения.

5. Выплата пособия инвалидам и безработным.

6. Конфискация земли у крупных земельных собственников.

7. Общее тридцатипроцентное повышение зарплаты и одновременная выплата за 14 дней, как помощь перед рождеством.

Товарищи! Рабочие, земледельцы, братья воины! К этой борьбе нас вынудили. Если хотят, да будет борьба! Нам нечего терять!

С революционным приветом Социалистическая партия Подкарпатской Руси¹.

Призывая пролетариат Закарпатья поддержать революционную борьбу чешских рабочих, Социалистическая партия Подкарпатской Руси в своем обращении к трудящимся края ставила перед ними и непосредственные задачи борьбы против чешского военного оккупационного режима, а также предательской политики продажной клики местной закарпатской буржуазии. По призыву Социалистической партии пролетариат Закарпатской Украины 16 декабря начал всеобщую политическую забастовку. Вице-губернатор Эренфельд телеграфировал президенту и министру внутренних дел о том, что „в Подкарпатской Руси началась забастовка из симпатии к III Интернационалу в Праге“².

Забастовка началась одновременно в городах и промышленных районах Закарпатья. В Ужгороде была проведена однодневная стачка. Бастующие вышли на улицы. Военное командование и Гражданское управление двинули против них броневики, улицы и площади были заняты войском и полицией. На площади Масарика произошло столкновение рабочих с легионерами. После ареста полицейскими властями комитета Интернациональной социалистической партии, в корчме на площади Масарика с разрешения вице-губернатора собрались социал-

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 109, л. 108.

² Там же, ф. 29, ед. хр. 109, л. 11.

демократы из „русской социал-демократической партии“ (50 человек), которые сделали попытку расколоть солидарность рабочих и сорвать забастовку. Однако, как и было намечено, забастовка продолжалась до середины дня 17 декабря. Более продолжительная забастовка в Ужгороде была невозможна из-за того, что вице-губернатор Эренфельд договорился с генералом Пари о приведении в боевую готовность воинской бригады и вызвал в Ужгород большие воинские силы¹.

Серьезные военные приготовления были произведены и Мукачеве. Военные отряды заняли общественные учреждения и электростанцию. Несмотря на то, что улицы были запружены легионерами и полицейскими, 16 декабря в 12 часов дня около 600 бастующих рабочих с красными знаменами собрались на митинг у дома местного комитета Социалистической партии. Бастующие прошли по улицам города к табачной фабрике. „Критическое положение создалось на улице Кошута Лайоша, — сообщалось в донесении жупного управления. — Масса рабочих — около 600 человек, — в том числе женщины и дети стояли живой стеной перед штыками солдатских ружей“².

Одним из центров забастовки был промышленный Перечинский округ. 16 декабря прекратили работу рабочие химического завода Бантлинова и его филиалов в Туре Быстрой, Туре Ремете и Черноголове. Общее число бастовавших на этом предприятии превышало 2 тыс. человек. Рабочие оказали сопротивление аресту комитета Социалистической партии. Работа на предприятиях Перечина была возобновлена только 20 декабря, после прихода в округ усиленных отрядов легионеров и жандармерии³.

В Сваляве забастовка началась 17 декабря. Сигналом к началу забастовки послужил гудок фабрики сухой дистилляции дерева. Рабочие — деревообделочники и химики — собрались на демонстрацию со своими семьями. Для участия в демонстрации специальным поездом прибыли лесорубы из Поляны (около 350 человек). Общее число участников демонстрации достигало 1300 человек. Когда демонстранты с красными флагами и пением „Интернационала“ направились от фабричного поселка к городу, чешские легионеры и жандармы преградили им путь ружейным огнем. Толпу демонстрантов разгоняли прикладами и полицейскими дубинками. Из рабочих рядов в солдат и жандармов летели камни и палки. Забастовка кончилась на следующий день, 18 декабря⁴. Организованно прошла стачка в Солотвино, где в течение трех дней (16—18 декабря) бастовали 800 рабочих-горняков соляных рудников⁵. Забастовка проходила и на других предприятиях — в Великом Бычкове, Севлюше, Великой Березне и т. д.⁶.

Политическую забастовку пролетариата поддержало и трудящееся крестьянство. Из Берегова сообщали о голодных демонстрациях в Бережской жупе „в связи с коммунистической бурей в Праге“⁷.

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 109, лл. 15, 26.

² Там же, ф. 29, ед. хр. 109, лл. 8, 48—49.

³ Там же, ед. хр. 109, лл. 6, 31.

⁴ Там же, ед. хр. 109, лл. 39—44.

⁵ Там же.

⁶ Газ. „Карпатська Правда“ № 5, 2 февраля 1930 г.

⁷ Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 109, л. 79.

В Севялюшском округе крестьяне конфисковали склады с продовольствием и раздавали его населению, вступали в стычки с жандармами¹. Сильные революционные крестьянские волнения имели место в Хустском округе, что было поводом для роспуска в Хусте местной организации Социалистической партии и конфискации полицейскими властями партийного архива².

Своим декабрьским выступлением пролетариат Закарпатской Украины включился в общий пролетарский революционный фронт Чехословакии, связал себя узами боевой классовой солидарности с чешскими и словацкими рабочими.

Битва между пролетариатом и буржуазией, происходившая в Чехословакии в декабре 1920 г., закончилась поражением рабочих. „Марксистская левая“, переживавшая этап формирования и становления, не была еще подлинно революционной, большевистской партией, не имела революционного плана действий³. Не имея большевистского руководства, пролетариат сражался недостаточно решительно и организованно. Чешская буржуазия обрушила против революционного пролетариата все силы государственного аппарата — армию, полицию, жандармерию, а также использовала помощь западных империалистов, державших свои войсковые соединения в Чехословакии. Контрреволюционное чехословацкое правительство при подавлении революционного движения в стране опиралась на правооппортунистическую часть социал-демократии, открыто перешедшую в лагерь контрреволюции.

Декабрьские события 1920 г. явились громадным уроком для чехословацкого рабочего класса. Прямым результатом этих событий было революционирование пролетариата и образование в 1921 г. Чехословацкой коммунистической партии.

Изложенная нами картина революционного движения на Закарпатской Украине в 1919—1920 гг. свидетельствует о том, что трудящиеся массы Закарпатья, несмотря на установленный чешской империалистической буржуазией, с помощью империалистов Антанты, жестокий оккупационный режим, продолжали вести борьбу за свое социальное и национальное освобождение, против господства чешской и местной закарпатской буржуазии. Но эта борьба не была достаточно организованной, так как пролетариат не имел своей подлинно революционной партии. Интернациональная социалистическая партия Подкарпатской Руси образовалась из слияния разрозненных социалистических групп, и хотя ее подавляющая часть решительно встала на революционный путь, сразу признав принципы III Интернационала, однако в партии были еще значительные оппортунистические, колеблющиеся элементы, мешавшие развитию революционной борьбы. Социалистическая партия не имела еще достаточного революционного опыта, ее руководящие кадры не владели искусством революционного руководства массами, не ориентировались в достаточной мере в той сложной политической обстановке на Закарпатье, с учетом которой должны были определяться конкретные задачи революционной и национально-освободительной борьбы трудящихся масс.

¹ Газ. „Карпатська Правда“ № 5, 2 февраля 1930 г.

² Закарпатский облгосархив, ф. 29, ед. хр. 105, л. 72.

³ В. Pavlik, J. Bilý. Указ. соч., ss. 119—120.

Вскоре после декабрьских событий 1920 г. Интернациональная социалистическая партия Подкарпатской Руси объединилась с словацкими коммунистами и приняла название Коммунистической партии. Влившись затем в Коммунистическую партию Чехословакии, она составила ее краевую организацию на Закарпатской Украине. С образованием Коммунистической партии Чехословакии стало более организованным и революционным движение на Закарпатье, так как в лице Коммунистической партии трудящиеся массы Закарпатской Украины имели теперь вождя и организатора революционной и национально-освободительной борьбы.

Ю. А. Писарев

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В СЕРБО-ХОРВАТО-СЛОВЕНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 1918—1923 гг. И АГРАРНАЯ РЕФОРМА 1919 г.

В 1918—1923 гг. во вновь созданном Сербо-хорвато-словенском государстве происходил мощный революционный подъем, вызванный Великой Октябрьской социалистической революцией в России. В революционное движение пришли широкие слои народа — пролетариат и крестьянство. Крестьянское движение было особенно сильным в Хорватии, Македонии и других национальных районах Королевства СХС (сербов, хорватов и словенцев), где крестьянство активно участвовало в национально-освободительном движении, являясь его основной армией.

Товарищ Сталин в своем выступлении в югославской комиссии ИККИ в 1925 г. отмечал глубоко народный характер национального движения в Сербо-хорвато-словенском государстве, указывал на огромные потенциальные силы, коренящиеся в движении хорватов и других народов, борющихся за свою национальную независимость¹.

Ныне в Югославии снова разворачивается борьба рабочего класса и трудящегося крестьянства против буржуазно-реставраторской шпионской клики Тито, ликвидировавшей все завоевания народа и установившей в стране кровавый фашистско-полицейский режим.

В титовской Югославии возрождены худшие времена капиталистического рабства. Крестьянство изнывает от эксплуатации кулака, сельского ростовщика, торговца, от непосильных налогов и поборов титовского фашистского государства. В стране еще сильнее, чем при Карагеоргиевичах, проводится политика национального угнетения и порабощения, преследования болгар, албанцев, венгров, македонцев, румын, политика жесточайшего подавления национальной свободы. Югославия превращена в сплошной концентрационный лагерь. В тюрьмы брошены десятки тысяч патриотов, в стране установлен самый разнузданный фашистско-полицейский режим.

Но ни кровавым террором, ни наглой демагогией клики американо-английского агента Тито не сломла духа и воли югославского народа, сопротивление которого фашистским насильникам растет.

¹ См. И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 72.

„...Фашистская идеология, фашистская внутренняя, так же как и предательская внешняя политика клики Тито, целиком подчиненные иностранным империалистическим кругам, создали пропасть между шпионско-фашистской кликой Тито — Ранковича и коренными интересами свободолюбивых народов Югославии. Поэтому антинародная и предательская деятельность клики Тито встречает все большее сопротивление как со стороны коммунистов, сохранивших верность марксизму-ленинизму, так и среди рабочего класса и трудового крестьянства Югославии“¹.

Растут и крепнут силы народного сопротивления титовскому кровавому режиму. Нередко выступления народных масс против изменнической клики Тито происходят в тех же местах, где в 1918—1923 гг. в Сербо-хорватословенском государстве разворачивались напряженные классовые битвы².

Изучение истории революционного движения в Сербо-хорватословенском государстве в 1918—1923 гг. и его уроков — специальная и чрезвычайно важная тема. Она будет предметом исследования в следующей работе, подготавливаемой для „Ученых записок Института славяноведения“. В данной статье речь идет об анализе аграрных отношений, или, точнее, об антифеодальном типе аграрного вопроса в Королевстве СХС в 1918—1923 гг. Без такого анализа не может быть понято крестьянское движение в Сербо-хорватословенском государстве в эти годы — его причины и его история.

Исследование аграрного вопроса в Королевстве СХС имеет тем большее значение, что в исторической литературе в этом отношении ощущается серьезнейший пробел. Достаточно познакомиться с историографией вопроса, чтобы убедиться в этом.

* * *

Литература по истории аграрных отношений в южнославянских землях и аграрной реформе 1919 г. бедна. По этому вопросу (в особенности об аграрной реформе) имеется ряд работ буржуазных авторов, однако научная ценность этих работ столь низка, что можно со всей определенностью говорить о неудовлетворительном исследовании этой важной проблемы.

Для такого вывода имеются все основания.

Ни одна из работ, посвященных аграрному вопросу, не вскрывает существа проблемы, не говорит о классовой природе аграрных отношений, об исторической причине консервации остатков старого, феодального способа производства. Ни один буржуазный автор не дает и — в силу своей классовой принадлежности и несостоятельности буржуазной методологии — не может дать ответа на эти вопросы. Авторы этих исследований стараются тенденциозно осветить, а подчас и полностью извратить, фальсифицировать историю.

Наиболее серьезными исследованиями аграрных отношений в Сербо-хорватословенском государстве являются работы Недельковича

¹ Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 г., Госполитиздат, 1949, стр. 27.

² „Правда“, 11 октября 1951 г.

„История баштины в Новой Сербии с XVIII в. до 1931 г.“, Декаррича „Аграрный вопрос в Далмации“ и Хрибара „Колонат или тежаштина“¹.

Монография Недельковича охватывает большой исторический период — с конца XVIII в. до 1931 г., т. е. период разложения феодализма, зарождения и становления в его недрах нового, капиталистического производства. В книге ставятся важные вопросы: о происхождении и создании института спахий, о феодализме, о церковных и монастырских землях (вакуф), о различных формах баштинской (земельной) собственности, о правовых отношениях свободных крестьян и кметов, о турецком земельном законодательстве и т. д.

Все это выделяет книгу Недельковича из других работ. Однако даже и эта монография не выходит за рамки обычных буржуазных исследований. Ей присущи все пороки буржуазной исторической науки. Работа Недельковича не вскрывает классовой природы аграрных отношений, не показывает глубочайших противоречий между старым, феодальным способом производства и новыми, капиталистическими производительными силами.

В монографии неправильно истолковываются феодальные отношения. Неделькович при определении феодализма исходит не из научных положений о феодальном способе производства как особой общественно-экономической формации, а из формально-юридической стороны дела. Он показывает не самые феодальные отношения, а только ту специфику, которая имела место в Оттоманской империи. Подчеркивая и сильно преувеличивая различие феодальных отношений в османской Турции и в западноевропейских государствах и противопоставляя турецкого помещика — ага и бега — феодалу Западной Европы, Неделькович приходит к антинаучному выводу о том, что в Турецкой империи вообще якобы не было феодальных отношений.

„Ни по своему характеру (droits seigneuriaux), ни по своей эволюции и хозяйственному, экономическому значению, — пишет Неделькович², — тимар не может быть назван феодалом. И начало возникновения, и развитие, и разложение тимара — все это доказывает, что спахия не есть западноевропейский феодал“³.

Это утверждение логически приводит Недельковича к защите кровавого турецкого режима.

„Крестьяне, — пишет он, — после оккупации страны турками попали в лучшие условия, чем те, в которых они находились раньше“⁴.

Имеются в монографии Недельковича и другие псевдонаучные утверждения, критика которых, однако, далеко увела бы нас от нашей темы, так как работа Недельковича в основном посвящена

¹ Неделькович. Историја баштинске својине у Новој Србији од краја 18 века до 1931, Београд, 1936; Dr. Dekariš. Die Agrarfrage Dalmatiens, Split, 1928; Hribar. Kolonat ili težastina, Zagreb, 1923.

² Неделькович. Указ. соч., стр. 57.

³ Значительно более правильной точки зрения придерживаются Михаил Командинич („Аграрно-правни односи у Новој Србији“, Б—д, 1914), который признает, что аграрные отношения в Оттоманской империи были аналогичны феодальным отношениям в Западной Европе, и Хаммер (Joseph von Hammer. Des osmanischen Reichs Staatsverfassung, Wien, 1915), который прямо называет эти отношения феодальными.

⁴ Неделькович. Указ. соч., стр. 57.

изучению аграрного вопроса в XVI—XVIII вв., а анализу аграрных отношений после первой мировой войны отведено лишь несколько страниц.

Еще меньше, чем Неделькович, новейшим временем занимаются исследователи вопроса о колонате Хрибар, который в своей книге „Колонат или тежаштина“¹ доводит изучение колоната только до 1910—1914 гг., немецкие историки д-р Шуллерн, Паппафава, Грюнберг, Трухелька, итальянец Медини и др.²

Книга Декарича „Аграрный вопрос в Далмации“³, напротив, посвящена новейшему времени. В ней говорится об аграрных отношениях после мировой войны и аграрной реформе 1919—1925 гг.

Однако в этой книге в корне неверно оцениваются аграрные отношения и сильно преувеличивается значение буржуазно-помещичьей аграрной реформы. Работа Декарича представляет собой апологию крепостнических аграрных отношений. Проводившуюся же аграрную реформу он называет „вполне удачной“ и даже приравнивает ее по своему значению к аграрной революции. „Можно смело утверждать, — писал он, — что аграрный вопрос был разрешен революционным путем... Принцип частного землепользования не играл при этом никакой роли“⁴. „Кмет, — указывал далее Декарич, — был полностью бесплатно (?! — Ю. П.) освобожден от своих прежних обязанностей“⁵.

Декарич ничего не говорит при этом ни об огромных выкупных платежах, которые получили помещики, ни о том, что упоминаемые им „прежние обязанности“ не были уничтожены и после принятия закона об аграрной реформе и просуществовали в Далмации до 1931 г.; он не упоминает, наконец, о том, что даже и после закона 1931 г. колонат фактически не был ликвидирован и что в отношениях между помещиком и крестьянином почти ничего не изменилось. Декарич, как представитель буржуазии, затушевывает классовый характер аграрной реформы, которая соответствовала интересам господствующего класса.

То же самое можно сказать и обо всех остальных работах буржуазных исследователей по аграрной реформе — монографиях сербских историков Шечерова, Брука, Цветковича, Зоричича, Билимовича, Мирковича, Никосавича и Деметровича, немецких буржуазных авторов И. Матля, Холльмана, Франже, Трухелька, Фритчера и Фейфалика, французских историков Ившича и Сребрено-Долински, о работах словенца Альбина Препелюха, хорвата Габича и других.

В этих работах превозносится буржуазно-помещичья аграрная реформа 1919—1925 гг. и затушевывается ее кулацкое, буржуазное классовое содержание. В одних работах (Матль, Препелюх, Фейфалик, Никосавич) это превознесение проводится совершенно открыто, в других — более завуалированно (Шечеров, Брук, Деметрович).

¹ Hribar. Kolonat ili težaština. Kmetški odnosi in Primorju, Zagreb, 1923.

² Dr. Schullern. Das Kolonat in Görz und Gradischka, in Istrien, in Dalmatien und in Tirol, 1908; Medini. O postanku i rasvitku kmetških i težaških odnosa u Dalmatiji, Zara, 1920.

³ Dekariš. Указ. соч., стр. 39.

⁴ Там же, стр. 43.

⁵ Там же.

Буржуазные исследователи, обрушиваясь на аграрную революцию, указывают, что аграрная реформа является единственно возможным путем разрешения аграрного вопроса в стране.

„Аграрная реформа, — пишет Никосавич, — объясняется не националистическими или классовыми задачами, а общественно-социальными мотивами. . . Она и является не чем иным, как осуществлением этих социальных идеалов“¹.

Аграрная реформа, утверждает другой исследователь аграрных отношений, словенец Альбин Препелух, — это „наша самая великая социальная проблема“².

Но как объяснить полный провал этой „самой великой социальной проблемы“? Как объяснить тот факт, что с аграрной реформой так ничего и не получилось, что ни одно из широкообещательных обещаний короля и буржуазного правительства не было выполнено и что колонизационно-переселенческая политика, по вынужденному признанию одного из буржуазных исследователей аграрных отношений, Стояновича, представляла собой „не только неудавшуюся политику, но и свежую рану и позор в истории социальных реформ?“³

Для „объяснения“ этого факта буржуазные историки выдвинули ряд „объективных причин“, среди которых называют и такие „причины“, как „отсутствие специалистов“, „нераспорядительность местных властей“, „коррупция чиновничьего аппарата министерства аграрной реформы“ и, наконец, „несознательность крестьянства“, которое поднимало восстания против насильственного раздела общинной земли и передачи ее в руки сербских кулаков-переселенцев.

Типичным для буржуазных авторов объяснением причин провала аграрной реформы является „объяснение“ Никосавича. „Аграрная реформа, — говорит он, — проводилась так медленно и окончилась столь неудачно потому, что имелись огромные трудности, вызванные отсутствием у правительства средств в связи с послевоенной разрухой и дезорганизацией экономики“⁴.

„Одна из причин сильной задержки осуществления закона, — продолжает Никосавич, — заключалась во внутрипарламентской и межпартийной борьбе“⁵.

Заявляя „об отсутствии средств“, Никосавич умалчивает при этом о том, что все кредиты и ассигнования, выделенные на проведение аграрной реформы, попали в руки кулачества и государственного чиновничьего аппарата. Ссылаясь на „внутрипарламентскую борьбу“, Никосавич не вскрывает существа этой борьбы, заключавшейся в том, что партии помещиков и крупной буржуазии — мусульманская помещичья партия „джемейет“, словенская католическая партия, сербские радикалы и др. — преднамеренно саботировали, срывали проведение даже такой половинчатой и куцой аграрной реформы, какой была аграрная реформа 1919 г.

¹ Nikosavič. Die Agrarverfassung und der landwirtschaftliche Kredit Jugoslawiens, Berlin, 1925, S. 26—27.

² Albin Prepeluh. Naš veliki socialni problem (Agrarna reforma), Ljubljana, 1933.

³ Цитировано по Матлю (J. Matl. Die Agrarreform in Jugoslawien, Berlin, 1927, S. 131—132).

⁴ Nikosavič. Указ. соч., стр. 28—29.

⁵ Там же.

Говоря об экономических трудностях и разрухе, Никосавич не выявляет причин тяжелого экономического положения, замалчивает тот факт, что и эта разруха и эти трудности были вызваны не только одними последствиями войны, но что они были вызваны также специальной политикой буржуазии, пытавшейся рукой голода задушить революционное движение рабочего класса и трудящегося крестьянства и потому срывавшей всякое восстановление разрушенной войной экономики.

Точно такие же „объяснения“ дают буржуазные исследователи аграрных отношений и по вопросу о проведении колонизационно-переселенческой националистической политики сербской буржуазии, направленной на порабощение и угнетение национальных окраин, и по вопросу о капиталистической кооперации, являющейся удобным средством эксплуатации широких масс кооперативных пайщиков, и по всем остальным вопросам.

Буржуазные авторы работ о кооперативном движении в Королевстве СХС — Аврамович, Попович, Трчек, Штиблер, Кауримски, Ф. Хадьяк, Байкич и др.¹ — апологетизируют капиталистическую кооперацию, рассматривают ее наряду с аграрной реформой, как единственный путь к разрешению всех социальных проблем мирным, „законным“ путем.

Наиболее солидной монографией о кооперации является книга Аврамовича „Тридцать лет кооперативной работы“, в которой автор — один из основателей первых кооперативов и неизменный председатель Центрального правления „Единого кооперативного объединения Королевства СХС“ — рассказывает о тридцатилетней истории кооперативного движения в Сербии.

В этой книге приводится ряд интересных сведений о кооперации в Сербо-хорвато-словенском государстве, о ее структуре, ее деятельности, уставе, количестве членов кооперативов и т. д. Эти данные, при критическом к ним подходе, могут быть использованы в качестве справочного материала.

Однако в общем значение этой книги невелико. Изучение кооперативного движения и его форм у Аврамовича очень неглубокое, по большей части даже поверхностное. Автор ограничивается описательной стороной дела и не дает сколько-нибудь серьезного анализа кооперативного движения в Сербии-хорватии-словенском государстве. Так же, как и другие буржуазные авторы, и даже, может быть, больше их, Аврамович сильно идеализирует кооперацию и переоценивает ее роль.

О кооперации в Королевстве СХС написаны также книги И. Поповича „Наше сельское хозяйство“, Ф. Хадьяка „Кооперация“ и работы Трчека, Штиблера, Кауримски, Байкича и др. Все эти книги, имея те же недостатки, что и монография Аврамовича, не обладают, однако, ее достоинствами и значительно уступают ей с точки зрения привлечения фактического материала.

¹ М. Аврамовић. Тридесет година задружног рада, Београд, 1924. Поповић. Наша пољска привреда и везина производа у времењу решавања аграрног питања, Сарајево, 1924; F. Hadjak. Zadrugarstvo, Zagreb, 1924; F. Trček. Opis Zadrugništva, Ljubljana, 1931; F. Kaurimski. Jugoslawien in wirtschaftlichen Beleuchtung, 1919; Д-р Бајкић. Сельчки кредит, Б—д, 1928.

Часть работ по аграрным отношениям, кооперации, заселению, земельной реформе и т. д. отражает требования крупных помещиков, которые не хотели даже частично поступиться незначительной долей своих огромных земельных владений и выступали яркими противниками любых аграрных преобразований.

Вот, например, что писал немецкий исследователь аграрных отношений в Сербо-хорвато-словенском государстве Хольман, сам прусский юнкер, которому близки и понятны интересы помещиков Королевства СХС.

„Кметские отношения имели известный положительный смысл... Помещики жили часто даже хуже (?! — Ю. П.) кметов и зимой целиком зависели (?!) от них“¹.

В другой работе Хольман писал: „... Аграрная реформа привела к разделу крупных имений, что содействовало лишь ухудшению сельского хозяйства, ибо мелкое землепользование значительно менее рентабельно, чем крупное“².

Почти то же самое говорит и другой представитель помещичьих кругов — Фейфельик, который выступил против отмены кметчины, колоната и других видов крепостнических отношений и возражал против отчуждения части земель у крупных феодалов. В своей книге „Новый путь к разрешению боснийского аграрного вопроса“³ Фейфельик приводит многочисленные математические выкладки для доказательства невозможности и неразумности раздробления помещичьих латифундий.

Разрешение аграрного вопроса, по мнению Фейфельика, надо искать не в отмене кметчины и других видов крепостничества, а в „освоении новых земель“⁴. Стремясь сохранить помещичьи землевладения, Фейфельик выдвинул план „урегулирования“ аграрных отношений таким образом, чтобы кмет платил помещику „только“ $\frac{1}{3}$ урожая, а помещик за это представлял бы кмета в суде и пр.⁵.

Еще дальше Фейфельика пошли авторы коллективного „труда“ „Аграрная реформа в Хорватии, Словении и Воеводине“⁶ — группа реакционных профессоров Загребского университета, тесно связанная с помещиками и католической церковью. В этой книге вообще отрицается необходимость какого-либо изменения аграрных отношений и выдвигается требование немедленной отмены закона об аграрной реформе. В книге протаскивается мальтузианская теория о перенаселении и пропагандируется идея „расширения земельной площади“ государства за счет соседних стран.

Таковыми же реакционными, националистическими являются и многие другие работы по истории аграрных отношений — книги Н. Мирковича, Балички, Маринковича, Уилкинсона и других авторов, не имеющих ничего общего с исторической наукой.

¹ Hollmann. Die Bauernbefreiung und Agrarreform in Bosnien und der Herzegowina, „Berichte über Landwirtschaft“, Berlin, 1929, S. 417—418.

² Hollmann. Agrarverfassung und Landwirtschaft Jugoslawiens, Berlin, 1931, S. 39.

³ Feifelik. Ein neuer Weg zur Lösung der bosnischen Agrarfrage, Wien, 1916, S. 85.

⁴ Там же, стр. 85.

⁵ Там же, стр. 4.

⁶ Аграрна реформа у Хрватској, Словенији и Војводини, Загреб, 1920.

* * *

Прежде чем перейти к анализу аграрных отношений в Сербо-хорватско-словенском государстве, следует остановиться на источниках, на основании которых производилось исследование.

Первым и основным источником для изучения социально-экономических отношений в деревне является статистика. К сожалению, использование статистики Сербо-хорватско-словенского государства¹ — дело весьма трудное из-за крайне неудовлетворительного ее состояния.

Во-первых, нет единых статистических данных по всему государству в целом². Имеются лишь разрозненные данные по отдельным областям страны: по Хорватии, Словении, Сербии и Воеводине. По Черногории, Македонии и Коссовой Метохии статистических данных нет совсем. Что касается Боснии и Герцеговины, то здесь данные так противоречивы (официальных данных нет, и они лишь приводятся отдельными исследователями), что нередко приходилось отказываться от их использования.

Большинство данных составлено на основе государственных переписей конца XIX в. и являются устаревшими³. Статистические данные отражают состояние сельского хозяйства разных областей не за один и тот же год, а в разное время: для Сербии — за 1897 и 1902 гг., для Хорватии и Словении — за 1895 г., для Боснии и Герцеговины — за 1910 г. и для Воеводины — за 1918 г.

Эта разновременность усугубляется еще и разнохарактерностью статистических данных. Так, например, для Боснии и Герцеговины имеются данные о количестве кметов, полукметов и свободных крестьян, а также о процентном соотношении этих трех категорий сельского населения, но нет данных о земельной площади. По Воеводине, наоборот, есть данные о земельной площади, которой владеют те или другие категории крестьян, но нет данных о количестве крестьян, принадлежащих к различным категориям.

Полнее, чем по другим районам, представлены статистические данные по Хорватии и Словении, входивших ранее в состав Австро-Венгрии, где статистика была поставлена лучше, чем в Сербии, в которой общегосударственное статистическое управление было создано только в 1921 г. По Хорватии и Словении имеются данные как о коли-

¹ Основные статистические сборники по Сербо-хорватско-словенскому государству (в том числе и статистика Австро-Венгрии):

- а) Статистички годиšnjak, Београд, 1933, 1935, 1936, 1937, 1939.
- б) Jugoslovenski privredni godišnjak, Zagreb — Beograd, 1936;
- в) Annuaire économique Jugoslave, Beograd — Zagreb, 1936;
- г) La jugoslavia ekonomika, Beograd, 1932;
- д) I. L a k a t o š. Jugoslavija u svetlu statistike, Zagreb, 1919;
- е) I. L a k a t o š. Narodna statistika, Zagreb, 1914;
- ж) Пољопривредна годишња статистика, Б—д, 1936 и 1937;
- з) С. Ш е ч е р о в. Статистика Југословенских земаља, Б—д, 1919;
- и) M e l i k. Zemljepisni statistički in gospodarski pregled, Ljubljana, 1924;
- к) R u s. Glavni statistički podatci o državi SHS, Ljubljana, 1920.

² Общие данные имеются только за 1936 г. (см. Kraljevina Jugoslavija. Statistički Godišnjak, В—д, 1939).

³ Первая всеобщая перепись в Королевстве СХС была проведена только в 1921 г. (см. Defenitivni rezultati popisa stanovništva od 31/I 1921). Однако эта перепись касалась, главным образом, вопросов размещения населения, его плотности, возрастного и прочих делений и не учитывала классового состава населения.

честве крестьян различных категорий, так и о количестве принадлежавшей им земли.

Однако статистические данные даже и по этим областям являются недостаточными. Они не дают ответа на такие важные вопросы, как вопрос о распределении живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря, о найме рабочей силы, о состоянии домашней кустарной промышленности, о крестьянских отходах в города на приработки и т. д. Вследствие этого все указанные выше вопросы не могли быть освещены в работе, и проблема развития капитализма в деревне оказалась поставленной лишь в общем плане. Из-за отсутствия источников не был изучен и вопрос об аграрных отношениях в Черногории.

Определение классовой дифференциации было произведено только по одному показателю — по данным о распределении земельной площади. Других данных по этому вопросу привлечь не удалось. Впрочем, для выполнения поставленной в статье задачи — создания общей картины аграрного строя Сербо-хорвато-словенского государства — достаточно привлечения сведений о количестве земли у тех или иных категорий крестьян, так как они являются все же основными показателями классовой дифференциации деревни, в особенности если речь идет о такой, сравнительно слабо развитой в капиталистическом отношении стране, как Сербо-хорвато-словенское королевство.

„Земля есть, несомненно, главное средство производства в сельском хозяйстве, — указывает В. И. Ленин, — по количеству земли всего вернее можно судить поэтому о размерах хозяйства, а следовательно, и о типе его, т. е., например, о том, идет ли речь о мелком, среднем, крупном, капиталистическом или не употребляющем наемного труда хозяйстве“¹.

При определении классовой дифференциации в деревне на основе статистических данных ни в коем случае нельзя забывать указание В. И. Ленина о классовом характере буржуазной статистики², о том, что правящие эксплуататорские классы пытаются при помощи тенденциозной статистики приукрасить истинное положение дел и создать ложную картину, в более смягченных красках изображающую мрачную капиталистическую действительность.

Вот, например, статистические сборники за 1933, 1935, 1936 и 1937 гг. Какие основные данные приводятся в этих сборниках? Как правило, данные касаются трех вопросов: населения, земельных площадей и сельскохозяйственных культур. В этом отношении данные довольно подробны. В сборниках говорится о размещении населения, его плотности, его перемещениях, о составе населения по возрасту и полу, о вероисповеданиях, профессиях и пр., о различных видах сельскохозяйственных площадей и культур и т. д. Не говорится только об одном, о самом главном: о классовом составе населения. Вместо классов выделяются профессии, вместо научного определения классовой дифференциации деревни производится искусственное, антинаучное деление на „глав семей“, „самодетальное и несамодетальное“ население³.

Единственным статистическим сборником, в котором частично освещается вопрос о крестьянской дифференциации, является

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 394—395.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 116—117, а также т. 18, стр. 474—475.

³ Kraljevina Jugoslavija. Defenetivni rezultati popisa stanovništva, књ. IV, Sarajevo, 1910, р. VII.

„Statistički godišnjak“ за 1936 г.¹, но в нем приводятся данные лишь о классификации крестьянских хозяйств по земельной площади и об аренде земли. Ни о сельскохозяйственном инвентаре, ни о найме рабочей силы сведений нет.

Некоторые данные о сельскохозяйственном инвентаре приводятся в другом статистическом сборнике — „Наша народна привреда и национални приход“². Но и здесь говорится не о распределении сельскохозяйственного инвентаря по крестьянским дворам, а о процентном соотношении применения сельскохозяйственных машин и ручного труда при обработке земли в отдельных областях Сербо-хорвато-словенского государства.

Статистический сборник „Jugoslovenski privredni godišnjak“ за 1936 г.³ ограничивается сообщением сведений о земледелии, скотоводстве и пр. с точки зрения их производства, а статистический сборник за 1933 г.⁴ — приведением материалов об отдельных отраслях сельского хозяйства с точки зрения их количественного соотношения.

Такие же, в основном, сведения содержатся и в остальных статистических сборниках⁵. Эти сведения в лучшем случае могут заинтересовать скорее экономиста и даже географа, чем историка.

Другим источником по исследованию аграрного вопроса в Сербо-хорвато-словенском государстве является аграрное законодательство. Оно весьма обширно. В 1919—1923 гг. одним только Министерством аграрной реформы почти ежемесячно принималось какое-нибудь постановление или вырабатывалась какая-нибудь новая инструкция. То же самое делало и другое министерство — земледелия и вод, чиновничьи штаты которого были не менее раздутыми, чем штаты Министерства аграрной реформы, и вся деятельность которого также сводилась к одному только изданию правил и инструкций.

„Количество принятых в нашем государстве аграрных законов обратно пропорционально их результатам“ — не без иронии писал буржуазный исследователь аграрных отношений Славко Шечеров⁶.

Аграрное законодательство было направлено на защиту помещицкой и кулацкой собственности на землю, и каждый новый закон, каждая новая инструкция представляли собой новый шаг в сторону усиления буржуазной собственности и дальнейшего отхода от той урезанной

¹ Kraljevina Jugoslavija, Statistički godišnjak, B—d, 1936.

² Наша народна привреда и национални приход, Сарајево, 1927, стр. 47.

³ Jugoslovenski privredni godišnjak za 1936, B—d, 1936.

⁴ Kraljevina Jugoslavija. Статистички годишњак 1933, B—d, 1935.

⁵ Статистические сборники:

1. Министерство пољопривреде. „Пољопривредна годишња статистика за 1936 годину“.

2. Министерство шума и рудника. „Šume u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca“, B—d, 1926 (данные за 1925 г.).

3. Дирекција поморског саобраћаја у Сплиту. „Statistika morskog ribarstva u 1936 godinu“.

4. Glavni statistički podaci o državi Srba, Hrvata i Slovenaca. Prema stanju od 1910 odnosno 1914 godine, Ljubljana, 1920.

5. Serb, croat and slovene national committee of the international chamber of commerce. Economic Jugoslavia, Belgrade, 1927 (сведения о различных видах сельскохозяйственных культур).

6. La jugoslavia economica, B—d, 1932 (те же сведения).

7. Socijalno-ekonomski institut v Ljubljani. Gospodarska struktura slovenije v luči poklicne statistike in delovskega zavarovanja, Ljubljana, 1939.

⁶ Шечеров. Из нашеј аграрној политике, B—d, 1930, стр. 110.

аграрной реформы, закон о проведении которой, под давлением революционного движения крестьянства, был принят в 1919 г.

В данной статье рассматривается не все аграрное законодательство, а берутся и подвергаются критическому анализу только самые основные положения об аграрной реформе. Эти основные положения были сформулированы в „Предварительных распоряжениях“ от 25 февраля 1919 г.¹, в законах о частичной экспроприации земли крупных поместий, о четырехлетней аренде, о ликвидации кметчины и беглукских отношений в Боснии и Герцеговине, в законе о колонизации и др.²

Важным, но далеко не полным источником являются анкетные данные, собранные в течение ряда лет в различных районах Сербо-хорвато-словенского государства прогрессивными организациями интеллигенции и кооперативными союзами.

Эти анкеты, хотя и не раскрывают до конца всех ужасов капиталистической эксплуатации деревенской бедноты, содержат все же яркий конкретный материал, наглядно свидетельствующий о страшном обнищании крестьянства, убогости его быта, поголовной безграмотности, беспросветной бедности и темноте крестьянских масс. Особенно богатый материал собран в анкетах „Единого кооперативного союза“ 1914³, 1918, 1921, 1924 и 1931 гг.⁴ и в анкете прогрессивной организации далматинской интеллигенции в 1906 г.⁵

В числе источников следует отметить специальные информационные бюллетени Министерства земледелия и вод⁶, содержащие сведения о состоянии сельского хозяйства и отдельных его отраслей, а также так называемые кооперативные документы — кооперативный устав, инструкции и постановления „Единого кооперативного союза“ по различным вопросам, документальные материалы государственных кредитных учреждений⁷, министерств аграрной реформы, земледелия и вод, торговли и промышленности и т. д.

¹ Предходне одредбе за припрему аграрне реформе. „Аграрни зборник“, Б—д, 1924, стр. 66—74.

² Закон о provedbi delimične експроприације земљишта великих поседа за јавне интереси, колонизацију и изградњу радничких и чиновничких станова од 4/VI 1924, св. 57, стр. 83—92.

Закон о издавању земљишта великих поседа у четворогодишњи закуп од 20/V 1924 (там же).

Уредба о поступању са беглуким земљама у Босњи и Херцеговини од 12/V 1921 (там же, стр. 119—125).

Уредба о финансијској ликвидацији аграрних односи у Босњи и Херцеговини од 12/V 1921 (там же, стр. 132—140).

Закон о насељавању јужних нових крајева од 20/V 1922 (там же, стр. 141—156). Все эти законы анализируются в разделе „Буржуазно-помещичья аграрная реформа 1919—1925 гг.“.

³ См. „Zadružni Glasnik“ № 7, 1921.

⁴ Там же, № 8—12.

⁵ Spomenica težaка splitskih с Kr. vladi о popadanju poljodelstva i težačkog staleža u Splitu i о načinu, kako да se poljodelstvo obnovi, а težaštvo podigne, Split, 1909.

⁶ Информациони бюлетен Министарства пољпривереда и вода, Б—д, 1921—1926.

⁷ Кооперативный устав и другие документы о кооперации опубликованы в органе „Единого кооперативного союза“ Королевства СХС — „Задружни гласник“ за 1919—1925 гг. (№ 2—3, 1921; 3—4, 7—8, 10—12, 1922 и др.).

Много ценных документальных материалов о кооперации приводится в специальных приложениях к кооперативному журналу „Земљоредничка задруга“, Б., 1923—1924, и в „Zadružni zbornik“, L., 1937. Материал статистического характера по кооперации содержится в сборнике „Конгрес српских земљоредничких задруга 1925“, Б., 1927, а также в „Glavni zadružni savez Kraljevini Jugoslaviji. Statistički godišnjak“, Б—д, 1929.

Эти документы помогают вскрыть классовую политику буржуазии в кооперативном и кредитном вопросе, выяснить, что кооперация в капиталистическом обществе служит средством обогащения буржуазии и удобной формой эксплуатации крестьянства.

Из материалов справочно-статистического характера можно указать также на материалы, публиковавшиеся в ежегодном „Альманахе“¹. Выходивший в Загребе на хорватском языке „Альманах“ содержит обширный цифровой материал о сельскохозяйственных площадях, количестве населения, отдельных отраслях народного хозяйства, а также данные об использовании земли в крупных поместьях, о процентном соотношении земельных площадей помещичьих и крестьянских хозяйств и т. д.

В „Архиве юридических и общественных наук“² — журнале, издававшемся Белградским университетом, помещались отдельные ценные материалы об аграрных отношениях, аграрных проектах, положении крестьянства и пр., а также некоторые документы по аграрному вопросу.

Отдельные разрозненные и далеко не полные данные были почерпнуты в органе „Единого кооперативного союза“ — „Кооперативном журнале“³, а также в органе Министерства земледелия и вод⁴ и журнале Загребского областного музея⁵.

Таково состояние источников и историографии вопроса об аграрных отношениях в Сербо-хорвато-словенском государстве. Отсутствие специальных монографий по этой проблеме в советской литературе и неудовлетворительное ее освещение в работах иностранных авторов ставит перед советскими историками новейшего времени, занимающимися историей балканских стран, задачу изучения аграрных отношений в Сербо-хорвато-словенском государстве, стране, где подавляющее большинство населения — 86% — проживало в деревне и занималось сельским хозяйством, где оставались неликвидированными сильнейшие остатки феодализма и где вопрос об аграрной революции ставился в порядок дня самим ходом исторического развития.

1. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕРБО-ХОРВАТО-СЛОВЕНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Аграрные отношения в Сербо-хорвато-словенском государстве отличались чрезвычайной сложностью. В 1918 г. в одно государство объединились 8 областей с неодинаковым уровнем общественно-экономического развития, с различным строем аграрных отношений. В состав Королевства сербов, хорватов и словенцев вошли Черногория, где сохранялся полупатриархальный уклад и преобладало отсталое, экстенсивное земледелие, и Словения, где капитализм уже давно — в XIX в. — проник в сельское хозяйство, разрушив сельскую общину и подчинив земледелие интересам рынка и капиталистической промышленности. В единое государство вошли мелкокрестьянская Сербия и крупнопоместная Хорватия, страна парцельного землевладения с силь-

¹ Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca, Almanah 1924—1926, Zagreb, 1924—1926.

² „Архив за правне и друштvene наука“, Б—д, 1920—1923.

³ „Zadružni Glasnik“, Beograd—Zagreb, 1919—1924.

⁴ „Гласник Министарства пољопривреда и вода“, Б—д, 1921—1925.

⁵ „Гласник Загребског земаљског музеја, Zagreb“, 1923—1924.

нейшими пережитками феодального колоната — Далмация и область крупных капитализированных помещичьих латифундий, обслуживаемых армией разорившихся сельскохозяйственных рабочих, — Воеводина. В Королевство сербов, хорватов и словенцев были включены также Босния, Герцеговина и Македония, долгое время находившиеся под властью турецкой феодальной империи, что наложило свой отпечаток на аграрные отношения.

Такая разнохарактерность аграрных отношений делает возможным их изучение (в рамках данной работы) только в плане выявления общих закономерностей, освещения общей картины аграрного строя, исследования его наиболее характерных особенностей.

„... Главная задача научного исследования аграрного вопроса, — говорит В. И. Ленин, — ... состояла именно в создании общей картины всего современного аграрного строя в его развитии“¹.

Руководящим и определяющим при анализе классовой природы колоната, кметчины, чифчийства и других видов феодальных отношений, сохранившихся в Сербо-хорвато-словенском государстве и являющихся сильнейшим тормозом, препятствующим развитию новых капиталистических производительных сил, может служить та характеристика существа аграрных отношений, которая была дана В. И. Лениным в его статьях „Новая глава всемирной истории“ и „Социальное значение сербско-болгарских побед“.

В первой статье, опубликованной в 1912 г., В. И. Ленин писал:

„В восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия) — до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей“².

В другой статье, посвященной непосредственно балканским странам и, в частности, Македонии, В. И. Ленин подробно охарактеризовал и само существо этих отношений.

„Македония, — писал он, — как и все балканские страны, сильно отстала экономически. Там еще уцелели сильнейшие остатки крепостного права, средневековой зависимости крестьян от помещиков-феодалов. К таким остаткам принадлежит крестьянский оброк помещику (денежный или продуктами), затем испольщина (обычно крестьянин в Македонии отдает помещику, при испольщине, треть урожая, меньше чем в России) и т. п.“³.

Товарищ Сталин в своем выступлении на пленуме ЦК ВКП(б) 5 июня 1928 г. „О программе Коминтерна“ указал на наличие сильнейших пережитков феодализма в странах Восточной и Юго-Восточной Европы.

„Кроме стран капиталистически развитых, — говорил товарищ Сталин, — ... существуют еще страны, капиталистически мало развитые, с феодальными пережитками, со специальным аграрным вопросом антифеодального типа (Польша, Румыния и т. д.)...“⁴.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 143.

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 340.

³ Там же, стр. 368.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 155.

Товарищ Сталин подчеркивал необходимость изучения аграрного вопроса, вопроса о крестьянском движении, о союзе пролетариата и крестьянства в этих странах, „...где мелкая буржуазия, особенно крестьянство, обязательно скажет своё веское слово в случае революционного взрыва...“¹.

Анализ аграрных отношений в Сербо-хорвато-словенском государстве следует начать с Боснии-Герцеговины, Далмации и Македонии², в которых всего сильнее и в наиболее нетронutom виде сохранились остатки феодализма и на примере которых можно всего нагляднее проиллюстрировать приведенную выше ленинскую характеристику существа аграрного вопроса в Королевстве СХС.

а) Кметчина Боснии и Герцеговины

В Боснии и Герцеговине³ в изучаемый период наиболее распространенным видом аграрных отношений была так называемая кметчина, получившая свое название от слова „кмет“, или зависимый крестьянин⁴, который за право пользования участком помещичьей земли расплачивался частью собранного урожая („хак“), или деньгами („кесим“), а иногда и своим трудом (так называемый „кулук“)⁵.

На протяжении всей истории боснийский крестьянин боролся за другое право, — за право на землю, поднимая восстания против захвативших Боснию и Герцеговину турецких порабощенных (восстания в Крайне и Пасавине в 50-х годах XIX в., мощное восстание 1875 г. в Боснии и др.). Но аграрный вопрос так и оставался неразрешенным.

Не разрешила его и оккупировавшая в 1879 г. Боснию и Герцеговину Австро-Венгрия, где не только не были отменены существовавшие во времена турецкого ига феодальные отношения, но упрочено и узаконено тяжелое, несправное положение кметов⁶.

Приехавшие в Боснию и Герцеговину немецкие и австрийские помещики захватили в свои руки лучшие земли, леса и воды, принадлежавшие ранее турецкому двору.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 155.

² Аграрные отношения в этих трех областях Королевства СХС менее всего изучены в исторической литературе, вследствие чего в данной статье их освещению отведено наибольшее место.

³ По переписи 1895 г. в Боснии и Герцеговине насчитывалось 1 568 092 жителя. Плотность населения — 31 человек на 1 кв. км; 88,34% всего населения, или 1 385 291 человек, занималось сельским хозяйством.

⁴ В Сербии, где с турецким феодализмом было покончено в первой половине XIX в., кметом назывался свободный крестьянин и даже староста деревни.

⁵ „Хак“, „кесим“, „кулук“ — отуреченные арабские слова, означающие вид налога.

⁶ Австрийское правительство оставило в силе турецкий закон от 31 августа 1859 г., который сам был лишь кодификацией существовавших до него отношений. В законе 1859 г. были произведены незначительные изменения, которые, однако, еще более ухудшили положение крестьян. Так, если по закону 1859 г. кметы должны были отдавать государству $\frac{1}{10}$ часть урожая, а помещику — $\frac{1}{3}$ часть (после вычета десятины) и для оплаты существовало 4 срока в году, то после австро-венгерской оккупации была оставлена и десятина, и третины. Но десятина начала взиматься уже деньгами, а третины стали брать без вычета семян, который производился раньше, и не в 4 срока, а в 1 срок: с сентября по ноябрь ежегодно.

(См. „Известия министерства иностранных дел“, Г. Кутепова: „Босния-Герцеговина“, Пгр., 1915, кн. VI, стр. 154. Dr. Nemessek. Der wirtschaftliche Aufschwung Bosniens und der Herzegowina, Wien, 1909, S. 6—8.)

В интересах мусульманских помещиков — агов и бегов, на которых опирались австрийские оккупанты в захваченной ими стране, австрийское правительство ввело земельные кадастровые книги, которые по сути дела закрепляли за помещиком кметские земли на имя помещика.

В 1883 г. был принят закон, запрещающий кметам без дозволения помещиков производить раздел участков земли, предоставленных кметам в пользование. Другим законом кмет был лишен неписанного права первенства при покупке продаваемой помещиком земли. Наконец, кмету было запрещено проведение ремонта и строительства домов без разрешения помещика, что ставило его в еще большую зависимость от землевладельца, а помещика освобождало от необходимости давать строительный материал, делать затраты, связанные с ремонтом, и т. д.¹

Основываясь на записях в кадастровых земельных книгах, помещики начали сгонять кметов с занимаемой ими земли².

В 1909—1910 гг. значительно усилился контроль помещика над кметом. С этого времени кмет уже не мог сам убирать хлеб на поле. При нем обязательно присутствовал уполномоченный помещика.

В ответ на усиление эксплуатации крестьян австрийскими и турецкими помещиками в Боснии и Герцеговине вспыхнуло мощное восстание. Оно началось летом 1910 г. в Босанской Краине и Посавине и вскоре перебросилось на соседние районы. По всей стране запылали помещичьи усадьбы. Впервые в восстании приняли участие крестьяне всех вероисповеданий³.

Чтобы предотвратить дальнейшее распространение крестьянского движения, австрийское правительство разработало законопроект „О свободном (факультативном) выкупе от кметской зависимости“. 3 апреля 1911 г. законопроект был принят боснийским Собором (ландтагом).

„Ликвидация кметских отношений в Боснии и Герцеговине, — говорилось в § 1 закона, — возможна только на основании добровольных (выделено мной. — Ю. П.) соглашений между землевладельцем и кметами“⁴.

Этот закон, ничего не давая кметам, был выгоден помещикам и кулакам. Помещики получали значительную сумму денег. Кулачество, накопившее деньги за счет эксплуатации бедноты, получило возможность приобрести землю⁵. Согласно закону, государство отпускало

¹ „Архив за правне и друштvene науке“, кн. II (XIX), ч. V, стр. 42—45.

² Формальным основанием для захвата помещиками кметской земли была запись в кадастровых книгах земельного участка за целой семейной общиной — „задругой“, из которой, в силу развития товарно-денежных отношений, усилилось выделение крестьян. Новые держатели земли не имели этих записей, что использовалось помещиком, забиравшим землю себе. Суд целиком поддерживал помещика. Австрийские власти создали так называемые „паритетные суды“, состоящие из 5 человек: правительственного полицейского чиновника, 2 представителей от помещиков, и 2 от крестьян (кулаков). Через такие суды помещик мог провести любое выгодное ему решение. (Журнал „Борба“, орган СДП, 1910, 1 и 16 декабря.)

³ В. Скарић, Нури Хаћућ и Стојаиовић. Босна-Херцеговина под аустро-угорском управом, Б—д, 6/г, стр. 141—142.

⁴ Karl Grünberg. Die Agrarverfassung und das Grundentlassungsproblem in Bosnien und der Herzegowina. Leipzig, 1911, S. 77.

⁵ О том, что приобретать землю могли только кулаки, говорят следующие данные выкупных операций за 1912 г. В 1912 г. из выкупившихся от кметской зависимости крестьян только у 2,5% размер наделов не превышал 2 га. В то же время основную массу (61,1%) крестьян, приобретших землю и выкупившихся из кметской зависимости, составляли зажиточные крестьяне, имеющие в пользовании более 5 га пахотной земли.

кредиты для выкупа от кметской зависимости только состоятельным хозяевам¹.

Выкупиться от кметской зависимости могли очень немногие. С 1911 по 1914 г. уплатили выкуп только 5832 кмета². Буржуазный исследователь аграрных отношений в Боснии и Герцеговине Карл Грюнберг подсчитал, что при таких темпах выкупа кметские отношения должны просуществовать до 2025 года³.

За время войны 1914—1918 гг. выкуп кметов прекратился вовсе, и к моменту образования Сербо-хорвато-словенского государства вопрос о ликвидации кметчины встал с новой силой.

Буржуазные исследователи не дают ответа на вопрос о классовой природе кметчины. Большая часть из них вообще занимается изучением кметских отношений только периода средневековья и не доводит это изучение до нового времени, а те немногие (Новак, Шмидт, Трухелька и др.), кто все же затрагивает в своих работах конец XIX в. — начало XX в., ограничиваются в лучшем случае лишь описательной стороной дела. Но и те и другие тенденциозно извращают факты, затушевывают беспощадную крепостническую эксплуатацию крестьян помещиками, приукрашивают действительность.

Так, например, буржуазный словенский ученый Л. Новак в своей работе „Кметству слични односи у Босни и Херцеговини“ ничего не говорит о крепостничестве, об эксплуатации и пр. Наоборот, Новак утверждает, что кметы якобы являлись „собственниками земли“ и что кметчина была будто бы „не крепостным состоянием, а чем-то промежуточным“⁴.

Той же самой точки зрения придерживались и немецкий буржуазный исследователь Фердинанд Шмидт, и Трухелька, и Антон Нанги⁵.

Все буржуазные авторы утверждают, что кметчина представляет собой отношения, покоящиеся на договорных началах, при которых якобы имеется две „равных“ договаривающихся стороны: помещик, передающий крестьянину в пользование землю, и крестьянин, расплачивающийся за полученную землю своим трудом или частью урожая. Подобные отношения одни буржуазные исследователи называют частноправовыми (Фердинанд Шмидт), другие, наоборот, — общественно-правовыми (Новак), третьи — „наследственным арендаторством“ (д-р Немечек⁶, Г. Н. Кутепова⁷), но никто из них не квалифицирует эти отношения как крепостничество.

В статье „Крепостное хозяйство в деревне“, написанной в апреле 1914 г., В. И. Ленин, разоблачая либералов, пытавшихся отрицать остатки крепостничества в русской деревне, указывал: „Крепостни-

¹ На основании § 8 закона о добровольном выкупе от кметской зависимости ссуды выдавались только под залог недвижимой собственности. Кредит погашался полугодовыми платежами в течение 30—50 лет с 10% ростом (Dr. Karl Grünberg. Указ. соч., стр. 67).

² Dr. Sering. Die agrarischen Umwälzungen, S. 285.

³ K. Grünberg. Указ. соч., стр. 80.

⁴ См. „Архив за правне и друштвене науке“, Београд, 1921, кн. II (XIX), бр. 5.

⁵ F. Schmidt. Bosna-Herzegowina, Leipzig, 1914, S. 305; Truhelka. Die geschichtliche Grundlage der bosnischen Agrarfrage, Sarajewo, 1911, S. 59; Anton Nangi. Die Moslimes, Sarajewo, 1907, S. 49.

⁶ Dr. Nemecsek. Der wirtschaftliche Aufschwung Bosniens und der Herzegowina, Wien, 1909, S. 8.

⁷ Г. Н. Кутепова. Босна-Герцеговина. Политический и статистический очерк, „Известия министерства иностранных дел“, Пгр., 1915, кн. VI, стр. 154.

чество еще живо. Ибо, когда полунищий крестьянин работает на помещика своим убогим скотом и орудиями, будучи закабален выдачей денег взаймы, или арендой земли, то это и есть экономическая сущность крепостного хозяйства¹. „Испольщина, — писал далее В. И. Ленин, — обработка земли из половины урожая или уборка сенокосов из третьей копны („на третвяк“) представляет собой тоже прямое переживание крепостничества“².

Это ленинское положение целиком относится к Боснии и Герцеговине, где добрая половина крестьян находилась в личной зависимости от землевладельца, получая у него участок за половину или 1/3 урожая³.

Согласно статистическим данным, в Боснии и Герцеговине в 1910 г. 46% крестьян были кметами (частичные и полные кметы, табл. 1)⁴.

Таблица 1

Категория населения	Количество человек	%
Помещики с кметами	40 460	2,92
Помещики без кметов	16 182	1,17
Свободные крестьяне	634 789	45,22
Частичные кметы	205 744	14,8
Кметы	444 920	32,11
Прочее население, занятое в сельском хозяйстве	43 351	3,78
Всего	1385 446	100

Наряду с кметчиной в Боснии и Герцеговине существовали и так называемые беглукские отношения, т. е. отношения помещика и крестьян, обрабатывающих ту землю, которая находилась в личном пользовании помещика.

В Боснии и Герцеговине помещичьи земельные владения делились на две части: на беглук и кметские земли⁵. Последние, как мы видели,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 220.

² Там же, стр. 221.

³ В 1910—1914 гг. в Боснии и Герцеговине кметы и полукметы (т. е. те, кто, имея свой небольшой участок земли, являлись в то же время кметами) составляли 46,96% сельского населения (650 664 человека).

⁴ „Народна Енциклопедија СХС“, т. 1, стр. 8.

⁵ Беглукский участок образовался либо путем захвата (узурпации), т. е. изгнания помещиком кметов с занимаемых ими участков и присвоения крестьянских пашен, либо вследствие того, что помещик не отдал опустевших или выморочных кметских участков новым кметам, либо, наконец, по большей части беглукский участок ведет свое происхождение от дотурецкого баштинского и проиярского права. Буржуазный исследователь аграрных отношений в Боснии и Герцеговине Коснер („Босна и Херцеговина“, Экономски фрагменти и контуре, Цюрих, VIII, 1926, стр. 53) приводит данные, свидетельствующие об увеличении количества беглуков после австро-венгерской оккупации. В селе Польяницы (срез Босански Нови), например, перед австрийской оккупацией под беглуком было всего 16 дунумов, а в 1918 г. — уже 9500 дунумов (950 га), в Сринициме (срез Градачац) — соответственно 500 и 5000 дунумов и т. д. От кмета отнималась наиболее плодородная земля и превращалась в беглук. Аналогичные данные приводит и другой буржуазный исследователь — Стоянович (Шест година нашеј аграрној реформе. „Југословенска Нива“, Загреб, 1925, књ. II, стр. 310).

передавались для „держания“ кметам, которые выплачивали за это определенную сумму помещикам. Беглукские же земли помещик оставлял для себя. Однако он не обрабатывал этот участок лично, а нанимал окрестных крестьян — „половников“, „приорацев“, „четвертаров“, „прихватников“ и т. д., которые находились в еще худшем положении, чем кметы¹.

Между кметом и беглучаром (крестьянином, работающим на участке помещика) имелось некоторое отличие. Во-первых, это отличие заключалось в формальной стороне дела: беглукские отношения, в отличие от кметчины, не были утверждены никаким законом и строились исключительно на основе договора между помещиком и крестьянами. Во-вторых, беглучар не был пожизненным держателем помещичьей земли и мог быть согнан с нее в любое время, за исключением периода жатвы. В-третьих, беглучар нес, как правило, еще большие повинности, чем кмет. Помимо части урожая, он должен был давать помещику масло, яйца, шерсть, овец, несколько кур и т. д.²

Наконец, было и еще одно отличие беглучара от кмета, не имеющее, правда, существенного значения: помещик, заключая договор с целой кметской семьей (кметы жили семейными общинами — так называемое *kmetovskomjesto*)³, не делал этого по отношению к беглучарам, которые нанимались большею частью в индивидуальном порядке.

Таким образом, беглучар, выполняя те же обязательства, что и кмет, находился в еще более бесправном положении, чем последний.

Имелись в Боснии и Герцеговине еще и так называемые „полукметы“ и „закупы“. Полукметы, являясь собственниками крохотных участков земли, вместе с тем арендовали на кабальных условиях землю у помещиков.

Крестьяне-закупы работали у помещика на определенных, заранее договоренных условиях, по которым устанавливались вперед и вид, и размер оплаты⁴.

Почти половина боснийского и герцеговинского сельского населения — 45,82% — относилась к категории так называемых свободных крестьян⁵. Однако эта „свобода“ для большинства крестьян являлась лишь формальной, так как по существу „свободные“ крестьяне — бедняки и середняки, вследствие своего крайне тяжелого материального положения и беспросветного, полуголодного существования, были вынуждены идти в кабалу либо к помещику, либо к лесопромышлен-

¹ При „четвертарстве“ крестьяне отдавали помещику $\frac{1}{4}$ часть урожая винограда и $\frac{1}{3}$ часть урожая зерновых; „прихватничество“, — когда крестьяне, „прихватившие“ часть кметской земли, работали также на беглуке; „придржничество“, „наемничество“ и т. д. — когда беглучары нанимались только на время пахоты („поорачи“) или сева („посејавачи“). Наиболее распространено „четвертарство“ было в Герцеговине, „прихватничество“, „придржничество“ и т. д. — в Тешанском, Травничском и Зеничском срезях (Босния).

² „Архив за правне и друштvene науке“, књ. II (XIX), број 5, стр. 49—51.

³ Dembitz. Agrarpolitische Massnahmen und Versuche der jugoslawischen Regierung. Novi Sad, 1933, S. 19.

⁴ Подробнее о закупе и закупничестве см. раздел, посвященный Македонии, где закупничество было распространено больше, чем в Боснии и Герцеговине.

⁵ По данным за 1910 г. (более поздних данных нет).

нику, владельцу рудников и шахт, продавая за бесценок свою рабочую силу.

Подавляющая масса „свободных“ крестьян — 76,8% от всего сельского населения — имела небольшие участки земли, не превышающие 5 га,¹ а 51,5% этого количества были владельцами еще меньших земельных участков, не превышающих 2 га.

Согласно статистическим данным за тот же 1906 г. основные земельные фонды, сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот были сосредоточены в руках немногочисленного, но экономически сильного кулачества (9,4% сельского населения).

К 1906 г. (более поздних данных нет) боснийская деревня дифференцировалась (табл. 2)².

Кулак в Боснии и Герцеговине являлся, как правило, одновременно и сельским ростовщиком, жестоко эксплуатировавшим крестьянина, который продавал свою рабочую силу за бесценок.

Сельское ростовщичество в Боснии и Герцеговине проявлялось в самых жестоких формах. Так, например, в Купрезе, Шуйцах, Дуванском Поле и Посушье крестьяне брали в долг зерно на следующих кабальных условиях: за 1 квинтал кукурузы крестьяне возвращали 1 квинтал пшеницы и 1 квинтал сена. В случае, если в долг брались деньги, крестьяне должны были, помимо одолженной суммы, отдать ростовщику с каждых 200 взятых в долг динаров 1 овцу и ягненка³. В Бугайанском Поле Дуванского котара крестьяне, кроме выплаты денежного долга, были обязаны еще и отработать определенное количество дней на займодавца. Ростовщический процент здесь достигал 25, а в окрестностях Мрконичграда — 30—35 в месяц⁴.

Особенно сильно крестьянская задолженность возросла после оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией и перехода от

Таблица 2

Категория крестьянских хозяйств (га)	% хозяйства
Менее 2	51,5
От 2 до 5	25,4
От 5 до 10	13,7
Свыше 10	9,4

¹ Следует иметь в виду, что большая часть Боснии и Герцеговины относится к так называемым „пассивным районам“, т. е. районам с каменистой, малоплодородной почвой и засушливым, неблагоприятным для сельского хозяйства климатом. Население Боснии и Герцеговины остро нуждается в привозном хлебе.

² „Народна Енциклопедија СХС“, т. I, стр. 8.

³ Vičanić. *Kako živi narod, život и pasivnim krajevima*, Zagreb, 1936, стр. 75—76.

⁴ Задолженность крестьян по некоторым котарам Боснии и Герцеговины в 1932 г.

Задолженность	Банья Лука	Бугайно	Дувно	Ливно	Мостар	Провор	Столац
% крестьянских хозяйств, имеющих долги . . .	32	57	38	65	36	50	42
Средний долг на 1 хозяйство (в кронах)	3728	3965	6400	7586	7488	2857	7907
Средний долг на 1 га обработыв. поверхности (в динарах)	804	950	2367	1680	5045	1330	5895

(См. Vičanić. Указ. соч., стр. 76—77)

натуральных повинностей к денежной¹. Общая сумма ипотечного долга к 1905 г. достигла 77 420 000 крон (30 968 268 руб. по курсу 1905 г.) при общей стоимости недвижимого имущества в 438 млн. крон (175 млн. руб.), так что эта задолженность равнялась приблизительно 18% стоимости всех недвижимых имуществ².

В засушливых безводных районах кулачество наживалось за счет продажи втридорога питьевой воды, которая привозилась издалека на лошадях зажиточных крестьян.

„Во многих деревнях засушливых районов Боснии, Лики и Загорья, — рассказывает посетивший этот район буржуазный исследователь аграрных отношений в Боснии, Бичанич, — питьевая вода ценилась чуть ли ни на вес золота. Этим пользовались сельские богачи, которым принадлежали лошади и бочки и которые использовали отчаянное положение крестьян“³.

Крупнейшей статьей дохода кулаков, торговцев и ростовщиков была продажа хлеба, недостаток которого ощущался в большинстве районов Боснии и Герцеговины.

Согласно данным, собранным „Главным кооперативным союзом“ в 1914 и 1920 гг., 99, 4% крестьянам Боснии и Герцеговины, Далмации и непронизывающих районов Хорватии не хватало своего хлеба до нового урожая, и они вынуждены были брать его взаймы у кулаков и торговцев на самых кабальных условиях⁴.

Экономическое положение крестьян Боснии и Герцеговины было очень тяжелым: задавленные налогами и поборами, размер которых все увеличивался⁵, эксплуатируемые помещиками, кулаками и сельскими ростовщиками, они владели самым жалким существованием. Постоянное недоедание и нужда порождали всевозможные болезни, против которых не велось никакой борьбы. На всю Боснию и Герцеговину насчитывалось в 1918—1923 гг. не больше двух-трех десятков врачей, проживавших исключительно в Сараеве и других крупных центрах. По данным медицинских комиссий, до 40—50% призывников Герцеговины признавались негодными к несению военной службы вследствие заболевания туберкулезом⁶.

80,55% боснийского и герцеговинского населения было неграмотным. В сельских районах этот процент был значительно выше⁷.

Большинство крестьян проживало в плохих, сырых и темных домах, вместе со скотом. В хороших каменных домах жили только помещики и кулаки.

Вот как описывает жилищные условия крестьян Бичанич, объездивший почти все боснийские деревни и собравший большой докумен-

¹ Bericht über die Verwaltung von Bosnien und der Herzegowina, Wien, S. 5423.

² Н. А. Крюков. Сельское хозяйство в славянских странах. Славянские земли, т. 1, Пгр. 1914, стр. 71.

³ Bičanič. Указ. соч., стр. 14—16.

⁴ Najnižnije narodne potrebe. Anketa „Gospodarske sloge“, Zagreb, 1940, s. 8—31.

⁵ В 1919 г. боснийский крестьянин платил в 1,5 раза больше прямых налогов, чем в 1914 г., а в 1920—1921 гг. — в 6,5 раза больше, чем в 1914 г.

Особенно велики были косвенные налоги, сильно возросшие после создания Сербо-хорватско-словенского государства (Department of Overseas Trade „Report the Economic and Industrial Conditions in the Serb — Croat — Slovene Kingdom“, London, 1922, p. 13).

⁶ Bičanič. Указ. соч., стр. 91.

⁷ „Selo i seljaštvo“, Sarajevo, 1937, № 160.

тальный материал: „Обычное жилье многих боснийских крестьян — помещение, в котором находятся люди и скот. Вместо печи — открытая жаровня, огонь в которой разводится прямо на каменном полу, а дым выходит в отверстие, проделанное в крыше. В других домах, более благоустроенных, скот содержится в отдельных помещениях, и люди живут в особой комнате. Но и здесь все крайне примитивно и бедно: низкий, грубо сколоченный стол, пара треног вместо табуреток, сундук; на стенах — полки, уставленные немудрящей глиняной посудой; в углу, чаще всего — прямо на полу, иногда — на деревянном топчане — солома для спанья, и все... Лишь у богатых мусульман дома состоят из нескольких комнат, а вокруг дома находятся хозяйственные постройки“¹.

Аграрный вопрос в Боснии и Герцеговине теснейшим образом переплетался с вопросом национальным и осложнялся религиозными отношениями. Помещики в Боснии и Герцеговине были преимущественно мусульмане — аги и беги (91,15% всех помещиков)², а зависимые крестьяне — кметы и беглучары — православные (71,4%) и католики (24,3%)³.

Австро-Венгерская империя поддерживала мусульманских помещиков, видя в них свою опору в Боснии и Герцеговине. Ту же политику, как мы увидим ниже, проводила и сербская буржуазия, опиравшаяся на феодалов и использовавшая национальную борьбу и религиозную рознь для порабощения населения Боснии и Герцеговины.

б) Колонат Далмации, Хорватского Приморья, Истрии и других районов Королевства СХС

Другой формой аграрных отношений в Сербо-хорвато-словенском государстве является колонат, сохранившийся в районах югославского побережья Адриатического моря — в Далмации, Хорватском Приморье, Истрии, Корутше и Горице. Ход исторического процесса и в особенности развитие капитализма в XVIII—XX вв., несомненно, наложили свой отпечаток на колонатские отношения в Королевстве СХС. Появилась капиталистическая аренда и субаренда. Усилился товарно-денежный обмен. Капитализм разрушил семейную общину-задругу и привел к разложению крестьянства как сословия. Резко возросла пролетаризация беднейшего крестьянства и усилилась экономическая мощь сельской буржуазии. В ряде приморских районов земледелие начинает приобретать все более торговый характер. Развивается ремесло. Все большую роль начинает играть рынок.

Но капиталистическое развитие в этих районах встречало могучее препятствие в виде колоната, который, несмотря ни на что, продолжал существовать и представлял собой одну из самых устаревших форм феодального способа производства.

Буржуазные исследователи не в состоянии дать объяснение такой устойчивости остатков феодализма в Далмации и в других районах

¹ Vićanić. Указ. соч., стр. 91.

² Помещикам и кулакам в Боснии и Герцеговине принадлежало в 1918 г. 41,1% земли, государству — 43,7% и кметам — только 15,1% (Справочник „Аграрный вопрос и крестьянское движение“, М., 1932, стр. 87).

³ Korah. *hija je zemlja u Jugoslavije?*, Beograd, 1920, p. 14.

Королевства СХС. Некоторые из них эти причины видят в особенностях географических и природных условий страны: гористой поверхностью, отделяющей эти районы от остальной территории страны и, таким образом, как бы изолирующей их от внешнего мира, в большом количестве островов, жизнь на которых протекала в значительной мере обособленно, в различии почвы, позволяющем в одних местах разводить виноградники, которые требуют долголетнего ухода и, следовательно, долголетней аренды, в других — зерновые, на производство которых затрачивается не больше одного года (краткосрочные арендные отношения) и т. д.

Вот, например, как „объясняет“ один из крупных буржуазных исследователей Хрибар, причины изменения колонатских отношений: „Перемена колонатских отношений, — говорит он, — зависит от изменения возделываемых на земле культур. Болезнь зерновых заставила население перейти от посевов ржи к возделыванию виноградников. Поэтому изменились и отношения: земля стала сдаваться в аренду на 20—30 лет“¹.

Географические условия, конечно, играли известную роль в консервации старых аграрных отношений, но не они являлись основным и определяющим фактором. Основным было другое — слабое и позднее развитие капитализма в этих районах и зависимое, подчиненное положение Далмации от Турции и Австро-Венгрии.

В XIX—XX вв. происходило развитие капитализма во всех южно-славянских землях. Происходило оно и в Далмации, но значительно медленнее, чем в других районах страны. Здесь почти не строилось промышленных предприятий и железных дорог², слабо был развит финансовый капитал. Значительно медленнее, чем в Хорватии и Словении, проникал здесь капитализм и в сельское хозяйство.

Далмация, Приморье, Истрия, Горица, Коружка — зависимые земли. На протяжении всей своей истории они находились под господством то венецианцев, то турок, то австрийцев. Чужеземный гнет, накладывая свою печать на аграрные отношения, тормозил развитие новых капиталистических производительных сил. Помещичья Австро-Венгрия поддерживала феодалов против крестьян. В течение столетий здесь сохранялись феодальные аграрные порядки.

Правда, в 1806—1807 гг. во главе созданной Иллирии, образованной в результате поражения крепостнической Австрии в войне с Наполеоном, были изданы два указа, в известной мере ограничивающие феодальные отношения³.

Однако Венский конгресс 1815 г., вернув Далмацию Австрии, санкционировал и полное восстановление в ней феодальных отношений⁴.

¹ Hribar. Kolonat ili težaština, Zagreb, 1923, p. 9.

² В 1926 г. в Далмации насчитывали всего 269 предприятий, из которых только одно может быть названо промышленным в собственном смысле этого слова, а все остальные представляли собой скорее мастерские кустарно-ремесленного типа с числом рабочих, не превышающим в среднем 10—15 человек. (Статистический сборник „Наша дрвња привреда и национални приход“, Б—д, 1929, стр. 369—370).

³ Указы от 4 апреля 1806 г. и 15 мая 1809 г. Последний указ ограничивал свободное распоряжение землей, вводил передачу земли по наследству, отменял фидеикомиссы и т. д.

⁴ В 1816 г. прекратил свое существование далматинский статут, основанный на венецианской кодификации аграрных отношений — на так называемом „Законе Гримани“ 1456 г. Вместо него был введен общеавстрийский гражданский кодекс, § 16,

7 сентября 1848 г. в Австро-Венгрии был издан аграрный закон, отменяющий барщину и наиболее унизительные личные повинности крестьян, но этот закон не был распространен на колонатские отношения.

Ничего не дала обещанная далматинским крестьянам аграрная реформа 1878 г. (отмена дубровачской кметчины). Вместо ликвидации колоната закон 1878 г. фактически утверждал крепостничество. Дубровачская кметчина, согласно закону, признавалась „отношением общественно правового характера“, а колонат на всей остальной территории Далмации — отношением „частноправового характера“. Снова (§ 1103 общевстрийского гражданского кодекса) подтверждалась необходимость заключения между колоном и землевладельцем двусторонних договоров, представлявших собой типичные крепостнические акты¹.

Таким образом, ко времени образования Сербо-хорвато-словенского государства в Далмации, Хорватском Приморье и Истрии продолжали существовать колонатские отношения. Около половины всех крестьян были колонами, т. е. находились в феодальной зависимости².

1146 и 1122 которого узаконивали феодальные отношения. Так, например, в § 1146 говорилось: „Колонатские отношения являются делом частных соглашений, договоренности“. § 1103 гласил: „Арендатор расплачивается за арендуемый участок земли частью собранного с этой земли урожая“ („Архив за правне и друштвене науке“, кн. V (XXII), ч. II, свеска 1—6, стр. 300).

¹ Вот, например, несколько таких договоров, составленных еще в XIX в., но не потерявших свою силу и в рассматриваемый нами период.

По договору, заключенному в 1828 г. одним из собственников земли из Сплита и колоном Юрьевичем Ранчевичем, последний был обязан:

- 1) своим трудом или своими собственными средствами обработать землю, находящуюся под лесом (расчистка, порубка, корчевание и пр.) и в течение 7 лет засадить ее виноградной лозой (разведение всякой другой культуры запрещалось);
- 2) удобрить землю на собственные средства;
- 3) огородить участок стеной на собственные средства;
- 4) собрать урожай, отдав $\frac{1}{3}$ его часть собственнику земли, которую доставить ему на дом (за 4 км); урожай может быть собран только с разрешения собственника земли, в то время как последний имеет право убирать свою часть без разрешения колона;

5) ежегодно, до конца ноября, уплачивать собственнику подать. Кроме того, в договоре имелись еще другие пункты, в которых колоны запрещалось дарить, закладывать и продавать полученный им участок, а землевладельцу разрешалось сгонять колона в любое время с участка земли, если колон „не выполнит своих обязательств“, если „по вине колона“ погибнет виноградная лоза и т. д.

В другом договоре, заключенном между колоном Горовичем Петром и крупными землевладельцами братьями Уевич из Кривого Дола близ Имотской (Средняя Далмация), колон получал участок земли в пользование сроком на 13 лет, должен был ежегодно выплачивать своим хозяевам половину урожая, дарить пасхальный и рождественский подарки (1 свиной окорок в 10 кг весом, 10 штук домашней птицы, 10 яиц и т. д.).

Аналогичные договоры заключались и другими колонами. Все они представляют собой документы, убедительно свидетельствующие о наличии в Далмации сильнейших остатков феодализма. („Архив за правне и друштвене науке“, кн. V, (XXII), ч. II, свеска 1—6, стр. 300—302).

² По данным, приведенным Декарричем („Die Agrarfrage Dalmatiens“, Split, 1928, S. 48), в Далмации в 1909 г. всего было 111 тыс. крестьянских хозяйств, из которых 55 тыс. находилось в колонатской зависимости. По данным другого исследователя аграрных отношений, Матля („Die Agrarreform in Jugoslawien“, Berlin, 1927), число колонов в 1910 г. в приморских районах Далмации составляло 60% всего крестьянского населения, а во внутренних районах — 6—9%. Аналогичные данные приводятся и в экономическом журнале „Statistische Monatschrift“, Wien, 1908, S. 24—25. С 1910—1911 гг. это соотношение почти не изменилось.

Буржуазные исследователи (Матль, Франже, Декарнич, Шуллерн и др.) делят Далмацию на четыре части по характеру колонатских отношений: 1) приморские города, 2) внутренние районы (Hinterland), 3) острова и 4) южную Далмацию [бывшая республика Рагуза (Дубровник) и Бока Которская].

Однако такое деление является искусственным и неверным. Буржуазные исследователи устанавливают четыре резких грани, которых на самом деле нет: между колонатскими отношениями различных районов больше общего, чем отличного. С другой стороны, неверно было бы исчерпать все многообразие форм только 4 видами колонатских отношений; их значительно больше.

Остановимся подробнее на всех этих формах.

1. Дубровническая кметчина и половничество. Этот вид крестьянской зависимости существует в общинах: Дубровник, Шипак, Затон, Цавтат, Лопуд, Риека, Стон, Млет, Слано, Оребич, Кука, Янина и Трпани¹.

Землевладелец дает здесь кмету не только участок земли, но и дом с хозяйственными постройками, за что получает до половины собранного урожая, различные подати и так называемые „личные услуги“.

2. „Столна-кметчина“ (постоянная кметчина). При постоянной кметчине крестьянин не получает жилого помещения от землевладельца, а должен его построить сам на помещичьей земле.

Кметчина называется постоянной, так как установленные по традиции отношения не меняются из поколения в поколение. При постоянной кметчине имеют место два вида аренды — краткосрочная при возделывании зерновых (1 год и больше) и аренда на 30—50 лет (для возделывания виноградников). Однако даже в случае краткосрочной аренды, как правило, договор возобновляется с прежним держателем земли. Обычная плата — $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ урожая с виноградников и $\frac{1}{2}$ урожая с зерновых. „Столна-кметчина“ распространена на острове Раб.

„На острове Раб, — описывает Шуллерн, — сохранилась еще средневековая традиция подношения помещику подарков в праздники. Так, на рождество колон обязан подарить землевладельцу вязанку дров и $\frac{1}{4}$ имеющихся у него свиней и кур. Взамен этого колон получает от своего господина $\frac{1}{4}$ часть зарезанного ягненка, 1 литр вина, кусок белого хлеба“ (так называемая „рогаца“ — пресная лепешка из белой муки). Такой же „справедливый“ обмен подарками происходит и на пасху.

3. „Главное кметство“ („Kmetije poglavito“) в Равных Котарах. Между землевладельцем и колоном заключался договор, согласно которому колон за полученные им от землевладельца дом и хозяйские постройки отдавал помещику не только часть урожая, но и весь приплод скота.

4. „Госпошчина“ (Gospoština) или „Неподвижная кметчина“. На многих островах Адриатического моря сохранился особый вид колонатских отношений, так называемая „госпошчина“, представ-

¹ Hribar. Указ. соч., стр. 15—16.

² Этот вид колоната исследован довольно подробно Шуллерном, проведенным на острове Раб несколько лет. (Dr. Schullern. Das Kolonat in Görz und Gradischka, in Istrien, in Dalmatien und in Tirol, Wien, 1908, S. 18).

являвшая собой одну из самых тяжелых форм колоната. При „госпошчине“, помимо уплаты части урожая, крестьянин-кмет обязан был нести барщину на поле помещика, размер которой устанавливался произвольно землевладельцем. Кмет являлся „неподвижным“, т. е. он не имел права уйти от своего хозяина. „Неподвижная кметчина“ — наиболее яркий пример крепостнических отношений, сохранившихся в XX в.¹.

Помимо островов, „госпошчина“ была распространена в общинах: Биоград, Сали, Божава, Иж, Велики, Силба, Преко, Нин, Новиград, Бенковац, Тлесно, Муч и Земуник².

5. Наследственное закупничество, или „вечное ливельство“ („Viečiti liveli“). Этот вид колоната встречался в одном из наиболее развитых в капиталистическом отношении приморских районов Далмации — на островах Пашман и Вргорац, а также в Загорской окраине (близ торгового центра и порта Сплит).

При наследственном закупничестве колон, вместо уплаты натурой, независимо от количества собранного им урожая и от того, обработал ли он землю или нет, должен был отдать своему хозяину определенную сумму денег, размер которой устанавливался договором³.

Владелец земли совершенно не вмешивался в дела „вечного ливеля“, который мог разводить любую культуру⁴, заниматься предпринимательством и пр. Колон-ливель являлся „вечным“, „наследственным закупом“. Из поколения в поколение он обрабатывал переданный ему в пользование участок земли, уплачивал за него землевладельцу определенную сумму денег (в более ранние времена ливель расплачивался натурой).

6. Наряду с „вечными ливелями“ в Далмации имелись и так называемые „обыкновенные ливели“, проживавшие в общинах Имотки, Синь, Муч, Дрниш, Книн, Кнетанье, Скрадин, Бенковац, Смильчич, Земуник, Нин, Новиград, Обровац и Вргорац⁵ и мало чем отличавшиеся от остальных колонов. Землевладелец передавал „обыкновенному ливелю“ в пользование не только пахотную землю, но и луга, получая $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ урожая зерновых и сено. Ливель, в отличие от прочих колонов, мог разводить любую культуру на участке, мог этот участок даже продать на время другому колону (своеобразная субаренда), мог его подарить. Но при любых условиях он должен был отдавать землевладельцу установленное договором количество зерна из расчета: за каждые 852 кв. метра земли — 40 виричаков пшеницы (1 виричак равен 20 литрам зерна). Под „ливели“ отдавались преимущественно земли „мертвой руки“⁶.

7. Особой формой колоната являлся так называемый копренский колонат. В районе Копра (по имени которого и названа эта форма колоната), расположенном близ крупного торгового порта Триеста, колон, помимо всех рассмотренных уже нами обязанностей по отношению к землевладельцу, должен был еще заниматься продажей

¹ Колонат был отменен (формально) только в 1931 г.

² Hriбар. Там же.

³ Dekariš. Die Agrarfrage Dalmatiens, Split. 1928, S. 66.

⁴ Hriбар. Указ. соч., стр. 17—18.

⁵ „Народна Енциклопедија СХС“, т. II, стр. 346.

⁶ Земли „мертвой руки“ — церковные и монастырские земли.

сельскохозяйственных продуктов в Триесте. Землевладелец разрешал колону работать на стороне и даже давал ему лошадь и телегу. Колон же отдавал владельцу половину вырученных им денег¹.

8. Вблизи другого торгового центра — Сплита — наблюдались случаи с субаренды (так называемая „podterastina“), при которой землевладелец отдавал участок земли в пользование не колону, а городскому жителю из расчета $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{6}$ урожая. Последний, в свою очередь, заключал договор с крестьянами-колонами на более кабальных условиях — уже из расчета $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{4}$ урожая. Положение субарендатора было особенно тяжелым. Он не имел никаких прав, и договоры с ним даже не фиксировались ни в одной кадастровой книге, что лишало субарендатора всяких формальных возможностей обжаловать произвольные действия арендатора² (фактически этого не могли сделать и те колоны, отношения которых были зафиксированы в кадастровых книгах, так как суд состоял исключительно из землевладельцев; у них же хранились и кадастровые книги).

Различные формы колоната имелись и в других местах — в Тригорском Загорье, где колон, получая землю в аренду на 1 год, должен был удобрить ее на 4 года вперед, а в том случае, если это церковная земля, — отдать церкви до $\frac{8}{10}$ собранного урожая³. В долине реки Неретвы колон вынужден был работать по осушению болот и расчистке лесов и отдавать за пользование этой землей $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ собранного урожая, а через 32 года заключать договор на еще более кабальных условиях или лишаться возможности кормиться с той земли, на которую было затрачено столько сил и труда. В Задарском округе сохранилось средневековое право „первой воды“⁴, обязывающее крестьянина давать землевладельцу „первую“, т. е. лучшую, часть урожая; эти формы колоната сохранились также и в общинах Биоград, Сукошана, Шибеник, Бенковац, Земуник и других.

Несмотря на специфику отдельных районов, общим для всех этих различных видов колоната является одно — крайне тяжелое, бесправное и беспросветное положение крестьянина-колона, беспощадно эксплуатируемого землевладельцем-помещиком.

Если колон производил зерновые культуры, то он, как правило, должен был отдать лучшую половину урожая землевладельцу. Производство же зерновых в условиях Далмации, Приморья, Истрии и Корушки было очень трудоемким и для колона совершенно невыгодным делом (каменистые, неплодородные почвы, жаркий, засушливый климат, примитивные орудия и т. д.). Даже если бы колон мог употребить для личного пользования весь собранный им урожай, он и тогда не смог бы прокормить себя и свою семью — такими плохими были в этих районах урожаи⁵. Отдавая же половину землевладельцу, колон оказывался обеспеченным всего на каких-нибудь 1—2 месяца.

¹ Schullern. Указ. соч., стр. 12.

² L. Radić. Prvi koraci agrarnoj reformi, 6. г., стр. 26.

³ Dekariš. Указ. соч., стр. 67.

⁴ Право „Prvo voda“ или „prvenaša“ („первой воды“) — это видоизмененное средневековое право феодала на воду, которая представляла в районе г. Задар большую ценность. (См. Pappafava. O kmetstvu s osobitom obsirom na području bivše Dubrovačke republike, Zagreb, 1886, s. 351).

⁵ По данным Министерства земледелия и вод, крестьянин Далмации, Боснии и Герцеговины и горной части Хорватии (так называемых пассивных районов) собирал

Не лучшим было и положение колона, работавшего на возделывании виноградников и других долголетних культур (маслин, цитрусов и т. д.). Долголетние культуры приносили доход только в последние годы, а первые годы были сплошь дефицитными для колона, причем последующий доход никак не покрывал дефицита первых лет¹.

Естественно поэтому, что колон не был заинтересован во вложении дополнительных средств и в интенсификации хозяйства. В случае покупки земли колон должен был платить за нее сполна, т. е. в том числе и за свои капиталовложения. Не был заинтересован в дополнительных капиталовложениях в хозяйство и землевладелец, который стремился лишь к увеличению доходов за счет усиления эксплуатации колонов, обрабатывавших мелкие и мельчайшие участки — парцеллы.

Неизбежным следствием колоната была крайняя парцелляция землепользования и чересполосность, что лишало крестьян возможности применять сельскохозяйственные машины. По данным австрийской статистики, количество земельных участков в Далмации достигало 3367774². 61,5% этих участков не превышал 2 га, 37% — 1 га³.

В Далмации, Хорватском Приморье, Истрии были нередки случаи, когда один и тот же участок сдавался сразу нескольким колонам: земля — одному, виноградная лоза — другому, маслины — третьему⁴.

в среднем 213 кг в год, а крестьянин Воеводины — 1217 кг или на 1 тонну больше (Газета „Zivat sela“, 1934 г. Цитировано по книге: Vićanić. Kako živi narod, ст. 31).

¹ По данным „Комитета по ликвидации колонатских отношений путем выкупа“ (добровольная организация прогрессивной далматинской интеллигенции), в первые 4 года колон тратил 481 крону на возделывание виноградников на площади в 1 га, а имел приход только 264 кроны, т. е. дефицит был равен 217 кронам. Из 264 крон прихода колон должен был отдать 1/3 часть (88 крон) землевладельцу, что увеличивало дефицит до 307 крон. (Hribar. Указ. соч., стр. 24—25.)

² Д-р Форшер („Statistički Monatschrift“, Wien, 1908, S. 24—34) приводит несколько другие данные, которые, однако, также свидетельствуют об очень сильной парцелляции в Далмации.

³ Земельные отношения в Далмации в 1902 г.:

Размер хозяйства га	Число хозяйств	% к общему числу хозяйств
До 0,5	15 533	18,6
0,5—1	15 378	18,4
1—2	20 411	24,5
2—5	21 564	25,9
5—10	7 243	8,7
10—20	2 243	2,7
20—50	762	1,0
50—100	147	0,1
Свыше 100	154	0,1

Всего 83 455 100

(„Народная Энциклопедија СХС“, т. I, стр. 7).

⁴ Hribar. Указ. соч., стр. 17.

Характеризуя мелкое землевладение, Маркс писал в „Капитале“: „Мелкая земельная собственность, по самой своей природе, исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки“¹.

Таким мелким землевладением, задерживающим развитие общественных производительных сил, и является колонат Далмации, Истрии и Хорватского Приморья.

в) Чифчийство Македонии

Третьей разновидностью крепостничества в Сербо-хорвато-словенском государстве было чифчийство, сохранившееся в Македонии² со времен турецкого ига, на столетия задержавшего общественно-экономическое развитие страны.

В 1912—1913 гг., в результате балканских войн, Македония была освобождена от турецких поработителей, но феодальные отношения не были ликвидированы³.

Чифчий⁴ — зависимый от феодала, чифлик-сахиба, крестьянин, уплачивавший турецкому помещику — аге и бегу — оброк в виде части урожая, а после присоединения Вардарской Македонии к Сербии — тому же помещику, переменившему свое подданство, или крупному сербскому землевладельцу, получившему земли турецких феодалов. Во многих районах Македонии чифчий был обязан, кроме отдачи части урожая, отбывать барщину и выполнять другие крепостнические повинности⁵.

Подобно далматинскому колонату, чифчийские отношения были наследственными, т. е. чифчий из поколения в поколение гнул свою спину на помещика. Помещику за „право пользования землей“ он

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1949, стр. 820.

² Об аграрных отношениях в Македонии почти нет данных. Полностью отсутствует государственная статистика. Нет источников на македонском языке, который был запрещен сербским правительством, рассматривавшим Македонию как свою колонию.

³ Согласно Бухарестскому договору 1913 г. и Константинопольскому договору 1914 г. феодалы сохраняли свои права. Так, § 5 Константинопольского договора гласил: „Право недвижимой собственности в уступленных областях, которым отдельные частные лица или юридические лица пользуются на основании турецких законов, принятых еще до присоединения этих областей к Сербии, должно уважаться, и никто не может быть лишен своей собственности, кроме как в общественных интересах и законным путем“. (Цитировано по Недељковичу — Историја баштинске својине у Новој Србији од краја 18 века до 1931, Б — д, 1936, стр. 296.)

Накануне мировой войны 1914—1918 гг. сербское правительство издало ряд постановлений, несколько не ограничивающих, однако, помещиков и направленных только на усиление сербского кулачества, переселившегося в Македонию. Одним из постановлений чифлик-сахиб был обязан в течение 6 дней с момента обнаружения этого постановления в том или ином районе доказать с помощью документов свое право на земельную собственность. В противном случае земля подлежала продаже. Другим постановлением запрещался переход баштинской собственности (имения) в другие руки до проведения переписи населения и т. д.

⁴ От турецкого слова „чифтчи“, что означает пространство земли, которое может обработать 1 крестьянская семья с 1 парой волов. В среднем величина этого пространства колебалась от 60 до 150 дунумов (1 дунум равен 0,1 га), в зависимости от качества земли, местонахождения участка и т. д.

⁵ См. I. Matl. Die Agrarreform in Jugoslawien, Berlin, 1927, S. 85.

платил, как правило, $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{4}$ урожая и $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{8}$ урожая уплачивал в качестве государственного налога. До уплаты долга чифчий не имел права переехать на другое место, т. е. фактически был прикреплен к помещику¹.

В Македонии имелись различные виды чифчийских отношений. Так, в Малой Преспе (Южная Македония) чифчий своим инвентарем обрабатывал участок землевладельца и после сбора урожая и уплаты налогов отдавал ему $\frac{1}{2}$ часть, сам из собственного материала строил дом и хозяйственные постройки².

В Костурском районе (Южная Македония), где ощущалась большая нужда в рабочей силе, для чифчия были более выгодные условия: землевладелец строил для него дом, давал на первый год семена и получал „только“ $\frac{1}{3}$ урожая. Однако в соседнем, Першинском, районе владелец снова брал до половины урожая и заставлял самого чифчия возводить дом и постройки. То же самое было в Мегленской долине, Монопиште, Гулишане и Островском районе³.

По Северной Македонии имеются данные только по Тиквешу и Райаху. Чифчий здесь имел свой скот и свой инвентарь и сам строил себе жилище, уплачивая хозяину $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ урожая. В скотоводческих районах чифчий отдавал часть скота⁴.

В Прешевской области имели место как отработки (барщина), так и оброк (половничество, третья и т. д.). В некоторых местах землевладельцы давали семена и строили дома, в других — нет. Имелся ряд сел, в которых существовала годовая аренда („кесим“)⁵.

В районе Зета и Лешского Поля чифчий платил $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{4}$ урожая зерновых, $\frac{1}{2}$ собранного сена, фруктов и овощей и расплачивался натурой за пользование рабочим скотом (60—90 кг кукурузы за 1 вола). Землевладелец мог в любое время согнать чифчия с земли.

Разновидностью чифчийства являются так называемые „чесимджийские“ или „кесимджийские“ отношения.

При договоре „под ћесим“ или „кесим“ крестьянин за пользование помещицей землей уплачивал ему не часть урожая, а определенное, заранее установленное количество зерна и других сельскохозяйственных продуктов, независимо от урожая. Уплата зерна производилась македонской мерой, так наз. „отсеком“ или „под ћесим“ (отсюда и название: „чесимджийские отношения“).

Вместо зерна могла быть установлена денежная плата — „под паре“ (турецкая монета или сербский сантим), „под кирију“ (деньги за наем), „под иџару“ и т. д.⁶.

Развитие капитализма в Македонии приводило к расширению товарно-денежных отношений, к разложению чифлика, замене чифчиев наемными сельскохозяйственными рабочими, батраками, закупками и т. д.

Македонский закуп, так же как закуп Боснии и Герцеговины и Далмации, работал у помещика на краткосрочных договорных началах

¹ Hollmann. Agrarverfassung und Landwirtschaft Jugoslawiens, Berlin, 1931, S. 52.

² Недељковић. Указ. соч., стр. 245—260.

³ Там же.

⁴ „Српски етнографски сборник“, књ. 29, стр. 161—164.

⁵ Недељковић. Указ. соч., стр. 267—268.

⁶ Комадинић. Аграрно-правни односи у Нове Србије, Б — д, 1914, стр. 92.

(чаще всего сельскохозяйственный сезон) и получал в пользование участков земли, с которого в любой момент мог быть согнан в случае невыполнения им условий договора (§ 56 „Гражданского законника“)¹. Закуп же не имел права расторгнуть договор (устный или письменный) и закладывал свое имущество в качестве гарантии выполнения взятых на себя обязательств².

Закупничество больше всего было распространено в районах, расположенных вблизи крупных городов и торговых центров, а также в долинах рек, обладающих плодородной почвой.

В ряде районов Македонии помещики прибегали к найму сельскохозяйственных рабочих и сдаче земли в аренду. Эти наемные сельскохозяйственные рабочие и крестьяне-батраки назывались по-разному в разных районах. В одних местах они назывались „аргаты“, в других — „айлукжии“, в третьих — „момаки“, „измечжары“, „наполичары“ и т. д.³.

На поденную работу шли македонские, албанские, сербские и турецкие разорившиеся крестьяне, работая на земле помещика поденно за деньги или продукты („аргаты“). Иногда аргаты жили целой семьей в предоставленном им бегом помещении. Плата за труд аргата была различной. Так, в Вучитринском срезе поденщик-мужчина получал за пахоту 2 динара, за косьбу хлебов — 3—4 динара, женщина — 0,5—0,6 динара. В Тетовском же округе, где аргатами были, главным образом, албанцы, плата была еще более низкой и не превышала в среднем 10 грошей⁴.

Измечжары (измеџари) это — сельскохозяйственные рабочие, постоянно проживающие с своей семьей на чифлуке близ имения бега и выполняющие всякую работу — как на помещичьем поле, так и в его имении. (Мужчина по преимуществу работал на поле, женщина — в имении.) За свою работу измечжары получали зерном или деньгами⁵.

Испольщики, наоборот, работали на определенных условиях, исполу, получая, однако, фактически гораздо меньше, чем половину урожая — 44%, а чаще всего — 34%⁶.

Аренда всего больше была распространена на монастырских землях. От закупничества она отличалась более продолжительным сроком аренды участка земли. Крестьяне, арендующие землю, должны были давать монастырю определенную часть урожая по всем сельскохозяйственным культурам и, кроме того, выполнять ряд обязанностей (производство текущего ремонта, охрана монастыря, участие в строительных работах и т. д.).

¹ Душан Алимпии. Полициски речник, Б — д, 1925, кн. 2, стр. 76—86.

² Там же.

³ Все эти слова турецкого, сербского и болгарского происхождения.

⁴ Комадинић. Указ. соч., стр. 92.

⁵ В Кумановском районе, например, измечжар получал 500—1500 грошей айлука (айлук — месячная плата) в месяц; в Скопленском — 500 ока (1 ока — 3,078 русск. фунта) зерна, 12 ока соли, 12 ока гороху и т. д.; в Битольском районе — 20 ока зерна, 20 ока соли и 45 грошей; в Вучитринском районе — 50 динаров в год. В Вучитринском районе измечжар проживал без семьи и наблюдал, главным образом, за скотом. Комадинић. Указ. соч., стр. 93.

⁶ Комадинић. Там же.

Значительная часть крестьян была свободна¹ и имела собственные участки. Подавляющее большинство свободных крестьян проживало в горных районах или районах с неплодородной почвой и занималось скотоводством². Эти „свободные“ крестьяне были повсеместно закабалены кулаками и скупщиками. В Македонии было очень распространено так называемое зеленичарство — продажа или залог посевов на корню или продуктов животноводства.

Ростовщики скупали у крестьян-скотоводов по самым дешевым ценам шерсть, молоко и т. д. и затем перерабатывали молоко в сыр, изготовляли из шерсти ткани и пр. и продавали в тридорога. Нередко „договоры“ заключались вперед на лето или зиму. Наблюдались случаи, когда попавшие в долговую кабалу к ростовщику крестьяне вынуждены были даже прикупать молочные продукты для собственного потребления.

Наконец, в Македонии было немало крестьян, работавших на табачных плантациях, принадлежавших государственной табачной монополии. Положение этих крестьян было тоже очень тяжелым, а эксплуатация со стороны Сербской государственной табачной монополии не менее жестокой, чем эксплуатация „собственных“ помещиков и кулаков.

После присоединения Вардарской Македонии к Сербии и в особенности после создания Королевства СХС в Македонию и Коссовую Метохию нахлынуло сербское кулачество, переселившееся в эти богатые края в поисках легкой наживы. Сербские кулаки сгоняли македонских крестьян с земли, кабелили и эксплуатировали трудящееся сельское население. Сербское правительство проводило в Македонии великодержавную колониальную политику, в ответ на которую усилилась национально-освободительная борьба македонского народа.

Борьба македонских крестьян за землю и освобождение от крепостнической эксплуатации сочеталась с борьбой против жестокого национального гнета Сербии.

Македония представляла собой один из очагов революционного движения на Балканах.

¹ Чифчийские села и села, крестьяне которых имели свою собственную землю (по данным 1911 г. по трем вилайетам):

Вилайет	Количество сел	В том числе		
		чифчийских	смешанных	со своей землей
Скоплевский	591	150	173	258
Битоляский	581	85	153	343
Солунский (Джевджелия, Тиквеш, Струмица)	666	307	40	319
В с е г о	1838	552	356	920

Българско културно дело в Македония в цифрах. Българска збирка, кн. V, 1911. (Цитировано по Комадинићу, указ. соч., стр. 60).

² Комадинић. Указ. соч., стр. 72.

10 Ученые записки. т. IV

г) Аграрные отношения в Словении и Воеводине

Не менее остро стоял аграрный вопрос и в передовых в общественно-экономическом отношении областях страны — Хорватии, Словении, Воеводине и Сербии, где, несмотря на формальную отмену феодальных отношений, сохранились весьма значительные их остатки и где противоречия между элементами феодализма и капиталистическим развитием ощущались еще очень сильно.

Формально с крепостничеством в северных районах Сербо-хорватословенского государства было покончено еще в первой половине XIX в.: в Сербии — в ходе освобождения страны от турецкого ига, в южно-славянских областях, входивших в состав бывшей Австро-Венгерской империи, — во время революции 1848 г.

Но ни освобождение от турецкого феодализма в Сербии, ни отмена ряда феодальных повинностей — барщины, церковной десятины и др. — в Хорватии, Словении и Воеводине не привели к разрешению аграрного вопроса, к наделению крестьян землей. В Сербии на место турецких феодалов пришли сельская буржуазия и ростовщики, захватившие земли бежавших турецких аггов и бегов, а также разорившихся сербских крестьян.

В Хорватии, Словении и Воеводине революцией 1848 г. не были подорваны устои феодализма: помещичья земля осталась у помещиков, крестьяне же земли так и не получили.

После поражения революции 1848 г. австрийским помещичьим государством был проведен ряд мероприятий, фактически сводивших на нет вынужденные уступки, которые были сделаны правительством во время развертывания революционного движения.

Прежде всего был введен крестьянский выкуп за уничтожение феодальных повинностей¹. Кроме того, крестьянство лишилось даже и тех незначительных льгот, которые оно получало раньше в связи со стихийными бедствиями и несчастными случаями².

В 1853 г. был издан закон о так называемой комасации (*Arrondierungsgesetz*), дополненный новеллами 1856 и 1857 гг. Согласно этому закону, помещики под предлогом округления (комасации) своих имений сгоняли крестьян-арендаторов с обработанных и возделанных ими участков земли и присоединяли эти участки к своему имению³.

После 1857 г. крестьяне потеряли право выпаса скота на господской земле, поскольку им была отдана (на целую деревню) часть земли под лесом⁴.

В 1902 г. для Хорватии и Словении, а в 1908 г. для Воеводины был вторично издан грабительский „закон о комасации“, в результате которого снова была согнана с занимаемой ими земли значитель-

¹ Крестьянский выкуп производился из расчета 5% годовых и был рассчитан на 20 лет. Однако он затянулся до 1895 г. (Schiff, *Österreichsagrarpolitik seit der Grundentlassung*. Tübingen, 1898, S. 15)

² Schiff. Указ. соч., стр. 15.

³ Березин. Хорватия, Славония и Далмация. Славянские земли, т. 1, СПб., 1879 г., стр. 123—124.

⁴ Л. Ивановић. Аграрна политика, Б — д, 1930, стр. 257.

ная часть крестьян¹. В итоге в руках помещиков, большая часть которых была немецкого, австрийского или венгерского происхождения, были сосредоточены лучшие земли, леса и воды Словении, Хорватии и Воеводины.

Так, в Словении 332 крупным помещикам принадлежало 242 287 га, или 17% пахотной земли и 23% лесных площадей².

В Воеводине³ земельные магнаты, составляющие 0,5% населения, владели более 40% всей земельной площади, в то время как основная масса крестьян — 55,4% населения — имела только 6,1% земли⁴.

В Хорватии помещикам (0,26% населения) принадлежало около 30% всей сельскохозяйственной земельной площади⁵.

Крупнейшим феодалом была католическая церковь. Римско-католическая церковь имела богатые земельные владения в Хорватии, Славонии, Словении, Воеводине и Междумурье; греческо-ортодоксальная — в Воеводине, Словении, отчасти Сирмии; православная — в Сербии и Сирмии⁶. Одному только загребскому архиепископству принадлежало около 20 тыс. к. ю. (кадастровых ютаров) земли (1 ютар — 0,57 га) и лучших лесов. Католические монастыри Широки Бриег, св. Марии, св. Стефана и др. кабели сотни и тысячи крестьян⁷.

Всего в Хорватии и Словении насчитывалось 20 католических епископств и архиепископств, 629 монастырей и около 2000 церковных приходов. Церковь сосредоточивала в своих руках свыше 100 тыс. ютаров земли.

В Словении церковной курии принадлежало 14 662 га лесов и 22 338 га пашни и лугов⁸.

В Воеводине сербскому патриаршеству принадлежало 11 301 к. ю. земли, Калочскому епископству — 13 000 к. ю., монастырю Ковиль — 1918 к. ю.

Как видно из приведенных данных, светское и духовное землевладение было очень сильным в Хорватии, Словении и Воеводине. Оно представляло собой, наряду с крупной буржуазией, главную опору реакции в стране, задерживая дальнейшее развитие капитализма, которое достигло к изучаемому периоду уже значительных размеров⁹.

¹ I. Ćajković. Основа закона о комасации земљишта у Краљевини СХС, стр. 17.

² Nedelkovitch. La reforme agraire en Jugoslavie, Paris, 1924; J. Lonarčić. Misli o agrarnoj reformi, Ljubljana, 1921.

³ Общая поверхность Воеводины — 1 970 200 га. Она же является в основном и сельскохозяйственной площадью. Занимая 1/12 часть Королевства СХС, Воеводина дает 1/3 часть всей сельскохозяйственной продукции.

⁴ Статистический справочник „Аграрный вопрос и крестьянское движение“, М., 1932, стр. 87.

⁵ Статистический ежегодник по мировому сельскому хозяйству. М., 1928, V, стр. 36.

⁶ Eugen Dembitz. Agrarpolitische Massnahmen und Versuche der jugoslawischen Regierung, Novi Sad, 1933.

⁷ Все эти монастыри, Загребское и Люблянское архиепископства во время народно-освободительной войны югославского народа против немецко-фашистских захватчиков активно сотрудничали с оккупантами и усташскими бандами. Ныне церковники поддерживают кровавый фашистский режим клики Тито.

⁸ „Политика“, 22 февраля 1920 г.

⁹ Автор не имеет возможности в данной работе подробно осветить вопрос о развитии капитализма. Этот вопрос является предметом специального исследования.

Период конца XIX в. — первой четверти XX в. в корне изменил облик деревни. Развитие капиталистических отношений привело к разложению сельской общины и задруги (семейной общины)¹. С 1889 по 1902 г. из сельских общин в Хорватии выделилась 24 151 крестьянская семья, а с 1902 по 1915 г. — 112 062 крестьянские семьи².

В Сербии до 80-х годов XIX в. в сельских общинах было объединено большинство крестьян. Но уже в 1905 г. в них состояла только половина деревенского населения (59%, или 207 932 хозяйства из общего числа 352 748 крестьянских хозяйств)³.

В Воеводине и Словении в рассматриваемый период сельская община фактически перестала уже существовать. К 1919 г. закончился, в основном, процесс разложения общин в Хорватии и Сербии.

Но распадение общин в результате развития товарно-денежных отношений и возникновения имущественного неравенства было лишь началом более глубокого процесса — разложения крестьянства и отделения земли, как условия производства, от землевладения и землевладельца, процесса „...распадения мелких землевладельцев на сельскохозяйственных предпринимателей и рабочих“⁴.

Особенно далеко этот процесс зашел в наиболее развитых в капиталистическом отношении областях Королевства СХС — Словении и Воеводине.

По данным переписи 1902 г. сельское население Словении дифференцировалось следующим образом (табл. 3)⁵:

Таблица 3

Группы хозяйств (наделы в га)	Число хозяйств	% хозяйств
До 0,5	9 361	12,5
0,5—1	6 307	8,4
1—2	8 166	10,8
2—5	14 688	19,4
5—10	14 921	19,8
10—20	14 590	19,3
20—50	6 409	8,5
50—100	728	0,9
Свыше 100	332	0,4
Всего	75 477	100

¹ Задруга — „велика куча“, в которой живут „складники“, или „неразделенные братья“, большая семья. Больше всего в начале XX в. задруга сохранилась в Боснии и Герцеговине, Черногории и отчасти — в Сербии.

² Iv si č. Temelji seljačkoga zakonika, Zagreb, 1933, p. 20.

³ Там же, стр. 22.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 48.

⁵ „Народна Енциклопедија СХС“, т. I, стр. 7.

Табл. 3 показывает, что более половины крестьянских хозяйств — 51,1% — были бедняцкими, что на каждое малоземельное хозяйство приходилось в среднем не свыше 2,5 га земли и что почти вся сельскохозяйственная площадь принадлежала кулачеству и помещикам.

В Словении быстро шла пауперизация крестьянства. Об этом свидетельствуют следующие статистические данные: в 1890 г. в области было 500 380 крестьян, а в 1910 г. — только 61 394¹. Обедневшее крестьянство, вынужденное за долги продавать свою землю, переходило в ряды рабочего класса, численный состав которого за эти годы значительно увеличился.

„...Факт растущего бегства не только сельских рабочих, но и крестьян из деревень в города, — говорит В. И. Ленин, — наглядно свидетельствует о росте пролетаризации. Но бегству крестьянина в город неизбежно предшествует его разорение“².

В Словении за 24 года — с 1868 г. по 1892 г. — были проданы за долги дома и имущество 10 190 крестьянских семей (из общего числа 105 000 крестьянских хозяйств). Тем самым „по миру“ была пущена каждая десятая крестьянская семья.

Обнищание крестьянства зашло так далеко, что нередко разорялись целые села, все беднейшее население которых, попав в долговую кабалу к кулаку или ростовщику, отдавало в „заклад“ свою землю, дом и, покинув насиженные места, уходило в город или эмигрировало за границу³.

Так, в деревне Звель (Западная Словения), согласно сообщению немецкого журнала „Grenzland“, ежегодно из каждой сотни словенских крестьянских семей 20—30 семей вынуждены были отпускать своих сыновей и дочерей на заработки за границу. „Некоторые хижины переселившихся жителей, — пишет журнал, — стоят совершенно пустые, многие сданы «во временное» пользование“⁴.

Тот же процесс классовой дифференциации деревни и пролетаризации трудящегося крестьянства происходил и в Воеводине — стране резких социальных контрастов, где на одном полюсе сосредоточились огромные земельные фонды в руках помещиков и кулачества, а на другом — шла сильная пролетаризация беднейшего и среднего крестьянства. В Воеводине количество безземельных и малоземельных крестьян

¹ „Sodobnost“, Ljubljana, № 7—8, 1940, стр. 315.

² В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 171.

³ С 1908 по 1913 г. в другие страны выехало:

Годы	Хорватия и Словения	Сербия и Черногория	Босния и Герцеговина	Всего
1908	20 472	2730	3745	26 955
1910	39 462	2269	4911	46 742
1911	20 385	1638	4577	26 600
1913	42 499	1363	3420	48 382

(А. Косијер. Босна и Херцеговина, Б — д, 1926, стр. 283).

⁴ Журнал „Grenzland“, II, 1938. Цитировано по Косијеру, указ. соч., стр. 32.

уже в 1910 г. составляло 93,7⁰/₀ всего сельского населения. В том числе вовсе без земли было 38,3⁰/₀ крестьян¹.

Особенно много в Воеводине было постоянных сельскохозяйственных рабочих, работающих на помещика и кулака за мизерную плату². Количество сельскохозяйственных рабочих в Воеводине быстро росло и превысило к 1918 г. 180 тыс. человек.

Еще больше было сезонников. Они прибывали в Воеводину на сельскохозяйственные работы со всех концов страны. Это были так называемые „печалбары“, по нужде („по печали“) оставлявшие свои голодные места и за десятки и сотни километров пешком пробиравшиеся в житницу королевства СХС—Воеводину, где за нищенскую плату, а чаще всего просто за кусок хлеба и „из милости“ продавали свою рабочую силу кулакам и помещикам.

„В печалбу, — писал орган социалистической партии Сербии журнал „Борба“ от 1 декабря 1914 г., — шли взрослые, шли дети 12—13 лет и даже старики 50—60-летнего возраста. Случаи, когда родители вместо того, чтобы посылать своих детей в школу, берут их с собой в далекий путь, становятся все более частым явлением. Нередко можно видеть, как на базарной площади в городах Заечар, Княжевац и др. скапливается до 200—300 печалбаров, целыми днями простаивающих с мотыгами в руках в ожидании спроса на труд“³.

„Картина найма, — продолжает журнал, — вызывает чувство отвращения — так напоминает она покупку негров-рабов на невольничьих рынках. Богатый землевладелец, или его уполномоченный, спекулируя на голоде пришедших издалека крестьян, нанимает их буквально за гроши“⁴.

В Воеводине в страдную пору скапливалось значительное количество крестьян-сезонников и сельскохозяйственных рабочих. Наличие дешевых рабочих рук позволяло сельской буржуазии не прибегать к интенсификации хозяйства и дополнительным капиталовложениям. Сельское хозяйство, несмотря на капиталистическое развитие Воеводины, велось „по старинке“, экстенсивным, отсталым способом⁵. Сельская буржуазия шла не по линии улучшения своего хозяйства, а по

¹ Дифференциация сельского населения в Воеводине (1900 г.)

Группа хозяйств (наделы в га)	% к общему числу хозяйств	% занимаемой площади
До 2,87	57,5	6,1
От 2,87 до 28,7	45,5	42,2
„ 28,7 „ 57,5	1,5	9,9
Свыше 57,5	0,5	41,8

(Статистич. справочник „Аграрный вопрос и крестьянское движение“, М., 1932, стр. 87).

² В Воеводине сельскохозяйственный рабочий и крестьянин-отходник получали в среднем от 10 до 15 динаров в день без еды. Стоимость же жизни (кров, пища) составляла в среднем 9—14 динаров в день, т. е. крестьянин работал, таким образом, за 1 динар в сутки („Годишњак министарства социјалне политике, 1918—1921“, Б—д, 1923).

³ Журнал „Борба“, Полумесечни спис социјалне демократије, от 1 децембра 1914 г.

⁴ Там же.

⁵ Об экстенсивности сельского хозяйства в Воеводине говорят следующие данные: 1 трактор в Воеводине приходился на 330 га. На 600 тыс. га сельскохозяй-

линии усиления эксплуатации наемных сельскохозяйственных рабочих, батраков и печалбаров, экономическое положение которых становилось все более и более тяжелым. В Воеводине поэтому борьба трудящегося крестьянства против кулачества была острее, чем в других районах страны. Эта борьба носила более сознательный классовый характер. Однако буржуазии, как мы увидим дальше, все же удалось в значительной мере отвлечь крестьянство от классовой борьбы на путь националистической розни по отношению к переселенцам, прибывшим в Воеводину из различных национальных районов Королевства СХС. Для раздувания националистической розни буржуазия использовала и многочисленные кулацкие партии, организованные в Воеводине в 1918—1923 гг.¹

д) Аграрные отношения в Сербии

Сербия — страна мелкого землевладения. Крупных имений в ней почти нет. По данным государственной статистики, в 1897 г. на всю Сербию насчитывалось только 8 имений, превышающих 200 га (0,001% всех хозяйств), и 817 владений, превышающих 50 га (0,23%)². Остальные земельные владения были значительно меньших размеров, причем, в основном, это были земельные владения до 5 га (54,7% всех хозяйств)³.

Мелкокрестьянский характер земельных отношений⁴ в Сербии станет еще более наглядным, если выделить из 160 375 земельных владений, не превышающих 5 га, крестьянские хозяйства до 2 га. Таких хозяйств было в 1897 г. 61 733, или 21,1%⁵. Кроме того, в Сербии насчитывалось

отдельной площади в 1931—1932 гг. приходилось лишь 30 741 современное сельскохозяйственное орудие. Сев на 25% площади производился вручную. (Св. Марков и П. Проблемы поощривреды и радника у Војеводини, Нови Сад, 1939.)

¹ Этот вопрос будет освещен в статье о крестьянском движении в СХЗ в „Ученых записках Института славяноведения“, т. V.

² По данным государственной статистики за 1897 г., сербская деревня выглядела следующим образом:

Величина хозяйств, га	Число хозяйств	% хозяйств
До 1	25 643	9,1
1—2	35 090	12,0
2—5	98 642	33,6
5—20	121 604	41,4
20—50	10 617	3,6
50—100	742	0,2
100—200	75	0,03
Больше 200	8	0,001
Всего	294 421	100

Statistique du Royaume de Serbie, XVI, p. 6—7. Recensement de la terre cultivée dans le Royaume de Serbie, 1897. (Ministere du commerce, de l'agriculture et de l'industrie, Section de statistique Beograd, 1900).

³ Там же.

⁴ Общая земельная площадь Сербии — 2 348 500 га. Она разбивается в среднем на 3 802 900 парцелл. В среднем парцелла равна 32 арам (Dr. Bilimović. Jugoslavien, Breslau, 1927, S. 129).

⁵ Statistique du Royaume de Serbie, Beograd, 1900, XVI, p. 6—7.

около 15 тыс. хозяйств, которые вовсе не имели земли и обладали лишь крохотными приусадебными участками. Наконец, 10 тыс. крестьян не имели и этого и являлись сельскохозяйственными рабочими¹.

Процесс обезземеливания крестьянства в Сербии шел очень быстро. В 1900 г. в стране насчитывалось уже 35 тыс. безземельных крестьянских хозяйств, или 11% сельского населения, а через 5 лет — в 1905 г. — 65 252, т. е. вдвое больше, чем в 1900 г.².

Пролетаризация крестьянства была следствием общего разорения беднейшей части деревни, которое приняло в конце XIX в. — начале XX в. катастрофические размеры. „Задолженность нашего крестьянина так велика, — заявил в своем выступлении в Народной Скупшине еще в 1873 г. депутат от Вальевского района, — что деревне грозит полное разорение. . . В Ясеничском срезе, например, должником является все крестьянское население. Целые села находятся в руках 2—3 ростовщиков-богатеев. . .“³.

В силу мелкокрестьянского характера земледелия, крайней парцелляции наделов и общей отсталости страны в Сербии особенно сильно развился ростовщический капитал, который В. И. Ленин называет „низшим“ и „худшим“.

„Немногочисленные зажиточные крестьяне, — говорит В. И. Ленин, — находясь среди массы «маломощных» крестьян, ведущих полуголодное существование на их ничтожных наделах, неизбежно превращаются в эксплуататоров худшего вида, закабаляющих бедноту раздачей денег в долг, зимней наемкой и пр. и пр. Устарелые учреждения, задерживая рост капитализма и в земледелии, и в промышленности, суживают тем самым спрос на рабочую силу, нисколько не гарантируя в то же время крестьян от самой беззащитной и безграничной эксплуатации и даже от голодной смерти“⁴.

Сельские ростовщики брали огромные проценты, доходившие нередко до 250—300. В случае неуплаты в срок дело передавалось в суд, который выносил решение о продаже крестьянского имущества с молотка. Правительственные чиновники были заодно с ростовщиками. Они оценивали крестьянское имущество в 5—10 раз дешевле, чем оно стоило на самом деле, покупая его при распродаже и обогащаясь, таким образом, за счет крестьян⁵.

В 1891 г. в Сербии за долги было произведено 4 828 распродаж крестьянского имущества, в 1893 г. — уже 6 051 (на общую сумму в 613 356 динаров), а в 1900 г. — 14 581 (на общую сумму в 1 903 040 динаров)⁶.

Чаще всего за долги в Сербии продавалась земля. Об этом свидетельствуют следующие данные за 1892—1895 гг. (табл. 4).

¹ Hollmann. Agrarverfassung und Landwirtschaft Jugoslawiens, Berlin, 1931, S. 29.

² „Экономист“, № 3, 1927.

³ „Скупштински протоколи“ за 1873, стр. 591—593. Цитировано по Недельковичу, указ. соч., стр. 22.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 54.

⁵ См. Евреинов. Статистические очерки Сербского королевства, СПб., 1903, стр. 52.

⁶ Там же.

Т а б л и ц а 4

Проданы за долги	Количество распродаж (домов, участков земель и т. д.)	%
Дома	935	2,78
Пахотная земля и огороды	23 709	70,47
Луга и пастбища	4 677	13,9
Виноградники	1 583	4,3
Другие виды недвижимого имущества	2 742	16,5

70,47% всего продаваемого за долги имущества беднейшего крестьянина составляла земля, которая переходила, таким образом, в руки кулака или сельского ростовщика¹.

Кулачеству Сербии, составлявшему лишь 0,8% сельского населения, принадлежали основные земельные фонды, рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь².

Согласно анкетным данным, собранным накануне первой мировой войны „Главным кооперативным союзом Сербии“, современные сельскохозяйственные машины — сеялки, молотилки, жатки, триеры и т. д. — имелись только у кулаков, железные плуги, бороны и другой сельскохозяйственный инвентарь из железа — у середняков, деревянные и простейшие орудия (мотыги и т. д.) — у бедноты. Но у бедноты часто не имелось и этого. Так, по тем же анкетным данным, 30% крестьян вообще не имели живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря и около 28% крестьян были вынуждены прибегать к займу скота и сельскохозяйственного инвентаря у кулаков³.

Все эти данные наглядно свидетельствуют о далеко зашедшем процессе пауперизации сербской деревни и о классовой ее поляризации. Ввиду относительно слабого промышленного развития Сербии обезземеленная крестьянская масса не могла найти сбыта своей рабочей силы в городах и на промышленных предприятиях и оставалась в деревнях, пополняя собой резервную армию сельскохозяйственных рабочих и батраков, беспощадно эксплуатировавшихся кулачеством. Все это не могло не обострять классовых противоречий в сербской деревне.

е) Аграрные отношения в Хорватии

Еще более остро стоял аграрный вопрос в Хорватии, которая являлась одним из основных очагов национально-освободительного и крестьянско-демократического движения в южнославянских землях Австро-Венгерской империи, а после создания Сербо-хорвато-словенского государства — в Королевстве СХС.

По характеру аграрных отношений Хорватию можно разделить на 3 части. Западная часть Хорватии — Приморье — выходит к Адриатическому морю. Здесь почти нет крупных помещичьих латифундий,

¹ Петровић. Окућје или заштита земљорадничког минимума, Б—д, 1930, стр. 112.

² Statistique du Royaume de Serbie, Beograd, 1900, p. 6—7.

³ „Zadružni Glasnik“, № 7—12, 1921, стр. 268—274. — Данные о сельскохозяйственном инвентаре в Сербии за более ранний период приводит Евреинов в своей работе „Статистические очерки Сербского королевства“, СПб., 1903, стр. 42.

господствующей формой является колонат, о котором уже говорилось выше.

В другой части Хорватии — Среме, Междумурье и Славонии, — наоборот, господствующей формой является крупное помещичье землевладение. После освобождения от турок земли этой части Хорватии, так же как и на остальной хорватской территории, были захвачены венгерскими и австрийскими графами и баронами, создавшими в стране огромные латифундии.

Третья часть Хорватии отличается от первых двух. Это — бывшая „Граница“, или „Крайна“¹. Она образовалась еще в 1630 г. и была создана австрийским правительством для борьбы против турецкого проникновения в Австрию. В 1699 г. по Карловацкому миру и в 1739 г. по Белградскому миру к Крайне были присоединены новые районы, отобранные у турок, и заселены свободными поселенцами-воинами, которые за право наследственного пользования государственной землей должны были нести „налог крови“, т. е. поставлять солдат в австрийскую армию.

Изучая аграрные отношения в Австрии, Маркс и Энгельс по поводу Крайны (Границы) писали:

„Пограничные войска организованы по совершенно иному принципу. Это — потомки южно-славянских (кroatских или сербских), валашских и отчасти немецких поселенцев, которые в порядке военной аренды получали от короны земли и в прежнее время должны были защищать границу, от Далмации до Трансильвании, от турецких вторжений. Служба эта теперь свелась к простой формальности, но австрийское правительство не пожелало отказаться от такого мощного резервуара солдатских масс... На длинной полосе земли, которую они занимают, каждый коронный арендатор (т. е. почти каждый житель) обязан в возрасте от 20 до 50 лет вступать в войска в случае призыва“².

В 1878 г. Граница была ликвидирована, и земля, обрабатываемая крестьянами-поселенцами, перешла в их собственность, а леса, луга и выгоны — в собственность общин. Все земли, принадлежавшие турецкому двору и находившиеся близ Границы, были разделены на 2 части: государственную и общинную землю (539 349 к. ю., из которых пахотной земли было только 4700 к. ю.). Всего было создано 10 общинных земель (имуществ)³.

Эти общины (задруги) сохранились в районе бывшей Границы дольше, чем в других местах Хорватии. Однако и здесь они под влиянием проникновения капитализма в сельское хозяйство быстро разложились⁴.

Развитие капиталистических отношений привело к сильному расстройству хорватского крестьянства.

Об этом говорит табл. 5, составленная на основании данных австрийской государственной статистики за 1895 г.⁵

¹ Не смешивать со Словенией, которая в составе Австро-Венгрии также называлась Крайной. Хорватская Крайна находится на границе с Боснией. Часть Крайны входит в Боснию (северо-западный угол Боснии). Крайна, или Граница называется еще в литературе „Турецкой Хорватией“.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 631.

³ „Чија је земља у Југославије?“, Загреб, 1920, стр. 25—26.

⁴ С 1889 по 1902 гг. из задруги в Хорватии выделилась 24 151 крестьянская семья. — Ivšič. Temelji seljačkoga zakonika, Zagreb, 1933, pp. 20—22.

⁵ Ivšič. Les problèmes agraires en Yougoslavie, Paris, 1926, p. 113, а также „Статистический ежегодник по мировому сельскому хозяйству“, М., 1928, V, стр. 36.

Таблица 5

Размер земельного владения в га	Число хозяйств	%	Площадь в га	%
До 0,6	53 186	13,24	24 374	0,51
0,6—2,9	126 289	30,99	370 630	7,95
2,9—5,8	110 999	27,25	804 805	17,26
5,8—11,5	81 557	20,05	1 128 312	34,20
11,5—29	30 603	7,52	859 288	18,43
29 —58	2 830	0,69	184 602	3,96
58 —115	500	0,12	73 733	1,58
115 —288	263	0,06	84 554	1,82
288 —575	117	0,03	85 157	1,83
Свыше 575	209	0,05	1 047 540	22,46
Итого	406 553	100	4 662 995	100

Анализ этой таблицы показывает, во-первых, что уже в конце XIX в. хорватская деревня резко раскололась на две части: на массу безземельных и малоземельных крестьян, составлявших подавляющее большинство сельского населения — 71,5⁰/₁₀₀, но владевших только 25,7⁰/₁₀₀ пахотной земли, и немногочисленную прослойку кулачества (8,21⁰/₁₀₀ сельскохозяйственного населения), которому принадлежали лучшие обрабатываемые земли (22,39⁰/₁₀₀ пахотной земли), сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот.

Во-вторых, эти данные свидетельствуют о наличии в Хорватии сильных элементов феодализма. Крупнейшими помещиками были прежде всего немцы, венгры и австрийцы. Так, 209 немецких и венгерских графов и баронов владели 1 047 540 га земли, в то время как 180 105 беднейших хорватских крестьян — всего только 395 004 га. Другими словами, каждый крупный немецкий и венгерский помещик имел в Хорватии в среднем больше 5000 га земли, а 1 хорватский крестьянин — меньше 2 га¹. Немецкие и венгерские помещики были владельцами самых крупных латифундий, конных заводов, животноводческих ферм, лесных заповедников, прудов, озер и т. д. Барону Карлу Ауэрсбергу, например, принадлежало 39 502 га пахотной земли и лесов, графу Норману — 29 159 га, князю Виндишгрецу — 19 410 га, графу Пейачевичу — 24 560 га и т. д. и т. п.² Князь Шаумбург-Липпе являлся владельцем крупнейшего в Европе конного завода по разведению ганноверских лошадей в Браньевиче. В г. Рума находился другой большой конный завод, принадлежавший графу Петеру Пейачевичу, в Северной Хорватии — конные заводы барона Оттенфелса, графа Янковича и др.³ Князю Шаумбург-Липпе принадлежало также огромное овцеводческое хозяйство, а брату графа Петера Пейачевича Теодору Пейачевичу — самые большие в Сербо-хорвато-словенском государстве пруды. Князь

¹ „Статистический ежегодник по мировому сельск. хозяйству“, М., 1928, V, стр. 36.

² „Чија је земља у Југославије?“, стр. 28, а также Шефиров. Наше село, стр. 76.

³ Крюков. Славянские страны, Пгр., 1914, т. I, стр. 43.

фон Турн-Таксис был владельцем колоссальных лесных массивов, превышавших 70 000 к. ю. площади¹.

В общей сложности иностранцам, составлявшим 0,8% населения Хорватии, принадлежало 54,26% всех крупных земельных владений².

Аграрный вопрос в Хорватии был теснейшим образом связан с национальным вопросом. Борьба хорватского крестьянина за землю являлась одновременно и борьбой против немецких, австрийских и венгерских помещиков и буржуазно-помещичьей Австро-Венгерской империи, охранявшей этих помещиков и угнетавшей хорватский народ. В этой борьбе против крепостничества участвовало все хорватское крестьянство как целое.

„Против крепостничества, — писал В. И. Ленин в «Аграрной программе русской социал-демократии», — против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться классом...“³.

Национально-освободительная борьба хорватского народа не прекратилась и после создания Сербо-хорвато-словенского государства, в котором господствующая сербская буржуазия стала проводить ту же политику национального порабощения и угнетения народов королевства СХС, опираясь при проведении этой политики на реакционные силы внутри национальных районов и прежде всего на помещиков, собственность которых фактически оставалась нетронутой.

В силу этого, как и в предыдущие годы, в национально-освободительном движении против сербской тирании продолжало участвовать хорватское крестьянство, придававшее национальному движению массовый, всенародный характер.

В антисербском направлении крестьянского движения была заинтересована и хорватская буржуазия; стремившаяся отвлечь беднейшее крестьянство от его классовой борьбы на путь борьбы национальной, старающаяся „... углубить и раздуть национальную борьбу, продолжить и обострить национальное движение“⁴.

Политика националистических репрессий, учит товарищ Сталин, опасна для революционного дела пролетариата, так как „она отвлекает внимание широких слоёв от вопросов социальных, вопросов классовой борьбы — в сторону вопросов национальных, вопросов, «общих» для пролетариата и буржуазии“⁵.

Это отвлечение пролетарских слоёв крестьянства от классовой борьбы было еще более необходимым для хорватской сельской буржуазии, так как в Хорватии в 1918—1923 гг. было налицо резкое обострение классовых противоречий.

Уже приведенная выше таблица о классовой дифференциации хорватского крестьянства (см. стр. 155) показывает, насколько далеко зашел процесс расслоения в деревне в конце XIX в. К этой таблице следует добавить данные о том, что в 1895 г., согласно статистике, в Хорватии насчитывалось 20 077 крестьянских хозяйств или около 100 тыс. крестьян, не имевших своей собственной земли и вынужденных батрачить у

¹ Крюков. Славянские страны, Пгр., 1914, т. I, стр. 179—189.

² „Meja“, 31 марта 1924, стр. 6.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 97.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 311.

⁵ Там же, стр. 309.

кулаков¹. В 1910 г. число безземельных крестьян в Хорватии достигло 118 999 человек².

Крестьянство хорватской деревни вынуждено было прибегать к аренде земли.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что главным арендатором (в отношении количества аренд) был мелкий и средний крестьянин, которому нехватало своей земли и который был вынужден арендовать на кабальных условиях небольшие земельные участки у крупных землевладельцев. Об этом красноречиво говорят данные за тот же 1895 г. о размере арендуемых участков, приведенные в том же статистическом сборнике. Согласно этим данным к аренде помещичьей земли прибегали 3543 бедняцкие крестьянские семьи, имеющие в среднем менее 0,6 га собственной земли, причем средств у этих 3543 крестьянских хозяйств хватало только на аренду в общей сложности лишь 854 га³, т. е. одна крестьянская семья в лучшем случае имела возможность арендовать крохотный участок в 0,24 га.

Но и эта аренда была доступна далеко не каждому. Арендная плата была, как правило, очень высока. К тому же в конце XIX в. — начале XX в. почти повседневной практикой стали взятки за аренду участка земли. Был установлен даже определенный средний размер взятки: 10—15 дней бесплатной работы на поле хозяина или эквивалентная стоимость этой работы в виде „подарка“: определенного количества крупного и мелкого рогатого скота, кур, свиней и т. д.⁴.

Не имея возможности не только купить, но даже и арендовать землю, разоряющийся крестьянин-бедняк шел в кабалу к кулаку, эксплуатировавшему его самым жестоким образом. Положение сельскохозяйственного рабочего и крестьянина-батрака было очень тяжелым. Так, в одной из областей Хорватии — Хорватском Загорье в 1918—1923 гг. сельскохозяйственный рабочий работал только за одно питание [средний дневной заработок поденщиков и сельскохозяйственных рабочих составлял 3 динара и был ниже средней дневной стоимости жизни (5—6 динаров)]. При расчете зерном хозяин платил сельскохозяйственному рабочему, как правило, кукурузой, а не пшеницей, производя, однако, подсчет по пшенице, которая стоила в 1,5 раза дороже, чем кукуруза⁵.

За покос лугов платилась обычно $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{7}$ скошенного сена, за работу по вспашке или уборке поля — часть урожая, которая не только не

¹ „Статистический ежегодник по мировому сельскому хозяйству“, М., 1928, V, стр. 36.

² В 1910 г. в Хорватии насчитывалось 118 999 безземельных крестьян, в том числе:

Безземельные крестьяне	Мужчины	Женщины	Всего
Сельскохозяйственные рабочие	29 986	22 482	52 468
Батраки	37 272	6 948	44 220
Наемные рабочие без особого обеспечения	14 650	7 661	22 311
Всего	81 908	37 091	118 999

³ „Чија је земља у Југославије?“, стр. 25. В то же время 303 кулацких хозяйства, владеющие площадью от 11,5 до 58 га, арендовали 7028 га, или, в среднем, по 23,5 га на одно хозяйство.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 14.

могла прокормить крестьянина, но, наоборот, заставляла его влезать в новые и новые долги¹.

Тяжелое экономическое положение хорватского беднейшего крестьянства еще более ухудшилось в годы мировой войны 1914—1918 гг., когда от военных действий сильно пострадало значительное количество деревень Хорватии, и после войны, когда кулачество, используя экономический кризис и разруху, развернуло спекуляцию хлебом и другими предметами первой необходимости, недостаток которых сильно ощущался рабочим классом и трудящимся крестьянством.

* * *

Обзор аграрных отношений в различных районах Сербо-хорватословенского государства показывает, что во всех этих районах были сильны остатки феодализма, что всюду самым острым вопросом, затрагивающим интересы подавляющей части населения страны — крестьянства, — был вопрос о земле, о ликвидации помещичьей собственности.

Процесс пролетаризации крестьянства, явившийся следствием страшного разорения деревни в Сербо-хорватословенском государстве, зашел очень далеко. Количество безземельных, безлошадных (без рабочего скота) и бездомных крестьянских семей во всей стране в целом достигало в рассматриваемый период почти 800 000 (783 768), или 4 млн. человек (каждая семья в среднем состоит из 5 человек)². Если же к этому числу прибавить 500 000 сельскохозяйственных рабочих³, то количественно сельский пролетариат вырастет до 4,5 млн. человек, что составляет 35% населения страны, или около 40% сельского населения.

Трудящееся крестьянство Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Воеводины, Македонии и других районов Королевства СХС боролось за землю. Эта борьба развернулась с особой силой в 1918 г. под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России.

2. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ 1918 г. В АВСТРО-ВЕНГРИИ И СЕРБИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция в России, приведшая в революционное движение народы мира, послужила могучим толчком для революционного подъема в Сербии и южнославянских областях бывшей Австро-Венгерской империи — в Хорватии, Далмации, Боснии и Герцеговине, Словении, Воеводине.

„Октябрьская революция, — писал 19 ноября 1918 г. товарищ И. В. Сталин, — является первой в мире революцией, которая послужила для рабочих и солдат Запада живым спасительным примером и толкнула их на путь действительного освобождения от гнета войны и империализма. Восстание рабочих и солдат в Австро-Венгрии и Германии, образование Советов рабочих и солдатских депутатов, революционная борьба неполноправных народов Австро-Венгрии против национального гнета, — достаточно красноречиво говорят об этом“⁴.

¹ „Чија је земља у Југославије“, стр. 25.

² „Економист“, № 3, 1927.

³ Там же.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 164.

В январе 1918 г. в Австро-Венгрии была объявлена всеобщая политическая стачка. Рабочий класс Вены, Загреба, Марибора, Праги, Будапешта — всех крупных промышленных центров страны вышел на улицу и потребовал окончания кровопролитной войны, заключения мира на условиях, предложенных Советским правительством, отмены военного режима на заводах и немедленного прекращения интервенции против Советской России. В стачке участвовало больше 500 тыс. рабочих. В ходе забастовки возникли Советы.

„В Хорватии, Словении и Сербии, — писала об этих днях газета „Правда“, — образовались Советы солдат и рабочих, которые развивают энергичную деятельность. Усиливаются восстания в армии. Непрерывно происходят манифестации в пользу всеобщего мира“¹. Советы рабочих депутатов были созданы в Загребе, Мариборе, Любляне, военно-революционные комитеты — в Которе, Риеке, Шибенике, Сплите. Советы солдатских депутатов — во многих военных частях. Создание революционных, подлинно демократических органов власти имело огромное значение и свидетельствовало о колоссальном влиянии Великой Октябрьской социалистической революции в России, где Советы взяли всю власть в свои руки.

Революционное движение в армии принимало все более широкий характер. Одетые в солдатские шинели хорватские, словенские и боснийские крестьяне отказывались проливать свою кровь за немецких и австрийских помещиков и капиталистов. Большевистские революционные лозунги овладевали солдатскими массами. Уставшие от четырехлетней империалистической бойни солдаты требовали немедленного прекращения кровавой войны и возвращения на родину.

„Более чем четырехлетняя изнурительнейшая и реакционная война, — писал В. И. Ленин, — сделала свое дело. В Европе чувствуется дыхание нарастающей пролетарской революции — и в Австрии, и в Италии, и в Германии, и во Франции, даже в Англии...“².

По всем фронтам шло бегство солдат. Дезертирство из армии приняло катастрофические размеры. В одной только Хорватии за дезертирство военными судами было возбуждено в этот период около 100 тыс. дел³.

Дезертировавшие из армии солдаты присоединялись к ушедшим в горы партизанам, число которых было настолько велико, что в горах и лесах Герцеговины, Боснии, Словении и в особенности Хорватии и Славонии действовали целые партизанские армии, против которых были бессильны бороться даже регулярные австрийские и немецкие части.⁴ Партизанские отряды были вооружены не только ружьями и пулеметами, но нередко и отбитыми у австрийцев пушками.

Крестьянство оказывало партизанским отрядам активную помощь, снабжая их продовольствием, одеждой, фуражом для скота и т. д. В свою очередь партизаны помогали крестьянам осуществлять захват и раздел помещичьих земель. Так, в сентябре 1918 г. в ряде примор-

¹ „Правда“, 5 февраля 1918 г.

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 85.

³ O. Frangeš. Die sozialökonomische Struktur der jugoslawischen Landwirtschaft. Bern, 1937, S. 161.

⁴ К концу 1918 г. численность партизанских отрядов, по некоторым данным, превысила 50 тыс. человек (O. Frangeš. Указ. соч., стр. 161; H. Wendel, Der Kampf der Südslawen um Freiheit und Einheit, Frankfurt am Main, 1925, S. 742).

ских хорватских деревень крестьяне прогнали помещиков и разделили между собой принадлежавшую им землю¹.

В Хорватии и Славонии партизаны действовали вблизи линий железных дорог и других коммуникаций, нападали на воинские эшелоны, разоружали австрийских солдат. Значительные отряды партизан боролись с регулярными австрийскими частями в районах Карлштадта, Сисака, островов Петрова Гора, в Сирмии (Фрушка Гора), к северу от реки Глина, в лесах между Глиной и Коштайницею².

Лоскутная Австро-Венгерская империя распалась³. В Польше, Чехии, Словакии, южно-славянских районах — всюду росло и ширилось движение за национальную независимость.

Американские, английские и французские империалисты оказывали яростное сопротивление национально-освободительному движению народов Австро-Венгрии, стремились сохранить империю Габсбургов в качестве силы, которая могла бы противостоять социалистическому Советскому государству.

Выработанная Вильсоном программа („14 пунктов“) была направлена на подавление народных масс Австро-Венгрии, борющихся за национальную свободу и независимость. Вместо создания национально-независимых государств Вильсон пытался навязать народам Австро-Венгрии „национальную автономию“ в рамках той же Австро-Венгерской империи (пункт 10).

Однако надежды главарей реакционного лагеря на сохранение империи Габсбургов не оправдались: в конце 1918 г. в стране развернулось мощное революционное движение, приведшее к взрыву реакционной империи.

В сентябре—октябре 1918 г. в Австрии, Хорватии, Словении, Сербии поднялась новая волна рабочих стачек и демонстраций. Повсеместно вспыхивали восстания в армии и флоте⁴.

В начале октября 1918 г. на итальянском фронте восстали 42-я хорватская дивизия и 17-й штурмовой батальон 23-го полка ландвера, состоявшие из венгерских сербов.

23 октября 1918 г. началось восстание расквартированного в городе Фиуме (Риека) 79-го хорватского полка и рабочих порта. В Риеке был создан военно-революционный комитет, который взял власть в свои руки. На следующий день восстали портовые рабочие и матросы в военной гавани Пола. Все корабли перешли на сторону восставших и заявили о своем отказе служить Австро-Венгерской империи.

¹ „Известия“, 5 октября 1918 г.

² „Правда“, 2 ноября 1918 г.

³ Развал империи ускорился военными поражениями, которые испытывала Австро-Венгрия на всех фронтах. Предпринятое в июле 1918 г. наступление австрийских войск на итальянском фронте показало, что габсбургская монархия доживает последние дни. Плохо подготовленное наступление позорно провалилось. Оно стоило Австро-Венгрии 150 тыс. убитых, искалеченных и попавших в плен солдат. 14 сентября 1918 г. союзниками был прорван болгарский фронт и над Австро-Венгрией нависла непосредственная опасность вторжения антантовских войск с юго-востока. В октябре 1918 г. началось генеральное наступление итальянских войск между Брентой и Пиавой, которому растерявшееся австрийское командование не смогло оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Итальянские войска почти совершенно беспрепятственно захватили большое количество пленных и вступили на австрийскую территорию.

⁴ Все события прослежены по советской прессе за 1918—1919 гг., а также по сербским, хорватским и болгарским газетам за те же годы.

26 октября восстали хорватские полки: 2-й пехотный, 4-й горнострелковый и 122-й пехотный, 83-я хорватская ландвер-бригада и 26-й хорватский полк ландвера. Революционные войска двинулись на Загреб и 28—29 октября взяли его, изгнав из хорватской столицы австрийские войска¹.

Одновременно восстали рабочие, докеры и железнодорожники г. Триеста. В городе разгорелись бои, во время которых погиб от предательской пули итальянских националистов вождь словенских железнодорожников Верховец².

30 октября 1918 г. Хорватия, Словения, Босния и другие южнославянские земли, входившие в состав Австро-Венгрии, заявили о своем отделении от габсбургской империи, а Словенский народный совет приступил к разоружению австрийских войск, которые фактически были изолированы от Австрии восставшими словенскими частями и партизанскими отрядами, захватившими все важнейшие коммуникации и установившими контроль над всеми средствами связи.

31 октября 1918 г. было поднято восстание в далматинской военной гавани Шибеник³. Восстанием руководил военно-революционный комитет, установивший тесную связь с партизанскими отрядами и с военно-революционными комитетами Бока Котарского (Далмация). Были созданы центры по руководству восстанием на кораблях „Шварценберг“, „Аврора“, „Король Карл VI“, „Вулкан“, эсминце „Фюрстенберг“, на батарее, радиостанции, в городе.

В руки восставших моряков и рабочих перешла военная гавань, корабли и весь прилежащий к городу район. Восставшие заняли железную дорогу Книн-Приедор и послали отряд революционных моряков на помощь рабочим, поднявшим восстание в городе Дрвар (Северная Босния).

2 ноября 1918 г. восстали моряки в Ткалчевиче и других портах⁴. В конце октября—начале ноября 1918 г. австрийское правительство фактически потеряло всякую власть в южнославянских провинциях Австро-Венгерской империи. В стране начиналась революция.

В. И. Ленин в октябре 1918 г. говорил:

„Вы знаете, что вспыхнула революция в Болгарии. Болгарские солдаты стали создавать Советы. Теперь приходят известия, что и в Сербии образуются также Советы“⁵.

3. СОЗДАНИЕ СЕРБО-ХОРВАТО-СЛОВЕНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Подъем революционного движения напугал буржуазию Хорватии, Словении и других южнославянских районов Австро-Венгрии. Перед лицом революционного кризиса буржуазия поспешила с созданием местных органов власти, которые должны были заменить австро-венгерский управленческий аппарат и помешать возникновению Советов.

В июле 1918 г. в Сплите (Далмация) была основана так называемая „Национальная организация сербов, хорватов и словенцев Дал-

¹ Herman Wandel. Указ. соч., стр. 742—743.

² „Правда“, 5 ноября 1918 г.

³ Revolucionarni Pokret jugoslovenskih mornara u Sloveniji, god 1917—1918, Split, 1919, p. 20—28.

⁴ Там же.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 95.

11 Ученые записки. т. IV

мации¹, состоявшая исключительно из представителей буржуазных партий¹. В августе 1918 г. в Любляне (Словения) словенской буржуазией был создан „Национальный совет Словении и Истрии“, руководящую роль в котором играла католическая партия крупной словенской буржуазии. Вскоре такие же местные органы были основаны в Нови-Саде (Воеводина), Цетинье (Черногория), Сараеве (Босния) и Загребе (Хорватия).

5—6 октября 1918 г. в Загребе в качестве временной центральной власти для всех южнославянских областей, входивших в состав Австро-Венгрии, было создано Народное вече, из 28 членов которого 20 были депутатами старого Хорватского собора, созданного еще во времена Австро-Венгерской империи, в 1913 г., а остальные 8 являлись видными руководящими деятелями реакционных буржуазных партий — католической („народной“) партии Словении, хорватской радикальной партии, хорватской партии права и других партий².

19 октября 1918 г. была принята декларация Народного веча и утвержден состав Исполнительного комитета.

Председателем Народного веча был избран прожженный политический интриган, лидер словенских клерикалов, католический священник Коршоец³; заместителем председателя — ярый реакционер, будущий министр внутренних дел, жестоко расправлявшийся в 1919 г. с революционным движением, Светозар Прибичевич.

Прямую поддержку буржуазии при создании этого реакционного органа оказали социал-предатели, до конца изменившие марксизму и выказавшиеся за монархию.

Социал-демократические партии сыграли самую предательскую роль в рабочем движении в южнославянских областях Австро-Венгрии и в Королевстве СХС; они препятствовали возникновению Советов, а когда Советы были все же созданы, — захватили их, разлагая изнутри. Так случилось, например, с Советом рабочих депутатов города Загреба, который был создан в октябре 1918 г. рабочими, но был захвачен социал-демократами и превращен в послушное орудие буржуазии. То же произошло в Осиеке (Хорватия), Сплите (Далмация) и в Любляне (Словения). Рабочий класс в то время не имел еще коммунистической партии, которая могла бы разоблачить предательскую деятельность социал-демократии.

Правые социалисты выступали с поддержкой реакционного загребского Народного веча и согласились принять участие в контрреволюционном правительстве.

В октябре 1918 г. состоялась конференция социалистических партий Хорватии и Словении. Правым социалистам удалось протащить оппортунистическую резолюцию, в которой задача совершения пролетарской революции откладывалась на неопределенное время, хотя в стране и происходил мощный революционный подъем.

¹ Народна Енциклопедија Србска, Хрватска, Словеначка, Б—д, 1923, т. II.

² „Политика“, 4 декабря 1924 г.

³ Антон Коршоец — председатель буржуазно-помещичьей католической партии Словении, агент Ватикана, махровый реакционер и ловкий политический интриган, к помощи которого буржуазия прибегала всякий раз, когда в стране развертывалось революционное движение и нужно было проводить реальную политику под прикрытием демагогических обещаний.

Так, не без активной помощи социал-демократов было создано буржуазно-помещичье Народное вече, первым мероприятием которого были введение военно-полицейского режима и приглашение иностранных войск для расправы с революционным движением.

В конце октября 1918 г. Народное вече обратилось к Антанте и Сербии с просьбой о присылке в Хорватию союзных войск, находившихся в то время на Балканах.

Союзное командование с готовностью откликнулось на призыв хорватской буржуазии: в это время оно разрабатывало планы военной интервенции в южнославянские области, и ему нужен был лишь предлог¹.

Разоблачая реакционную роль империализма США и Антанты, В. И. Ленин в речи на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов говорил:

„Это значит, что англо-американские войска призываются играть роль душителей и палачей всемирной революции“².

В Далмацию, Хорватию, Приморье были посланы войска империалистических государств, которые приняли самое активное участие в борьбе против партизан и подавлении рабочего и крестьянского революционного движения.

Войска Франше д'Эспере вместе с сербскими войсками и жандармерией устроили кровавую резню в Черногории и Хорватии. В ноябре была полностью оккупирована вся Черногория³.

5 ноября 1918 г. антантовские войска вступили в Белград, что позволило сербской военщине направить свои силы против хорватского народа. Двумя днями раньше, 3 ноября 1918 г., американские и итальянские военные корабли вошли в далматинские порты Адриатического моря и начали оккупацию Далмации и Истрии, в первую очередь, тех районов, где сильнее всего развернулось революционное движение⁴.

Американские и итальянские интервенты чувствовали себя в Далмации и Хорватском Приморье как в завоеванной стране⁵. Они запрещали употребление словенского и хорватского языка в качестве официального языка, изгоняли из учреждений и школ прогрессивных деятелей⁶, бесчинствовали и мародерствовали в городах и селах, отбирая у населения продовольствие и имущество⁷.

Произвол и жестокости антантовских оккупантов вызывали справедливое возмущение населения. Рабочие и крестьяне Хорватии, Далмации, Македонии, Черногории, Словении — всех районов, куда вторгались „союзные“ войска, встречали эти войска, как своих самых ненавистных врагов и оказывали их разбойничьему хозяйничанью самое решительное сопротивление.

¹ См. „Papers“. Relating to the Foreign Relations of the United States 1919, The Paris peace conference, vol. II, Wash., 1942, p. 297—298.

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 140.

³ Le rôle de la France dans l'annexion forcée du Monténègre (документы), Rome, 1921, p. 20.

⁴ Ferdo Šišić. Dokumenti o postanku Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca, Beograd, 1920.

⁵ Подробнее об американско-итальянской оккупации см. „Известия АН СССР“, Серия истории и философии, т. VII, № 4, 1950.

⁶ „Papers“, Vol. II, p. 324.

⁷ См. там же.

Страшась развития революционных событий и стремясь создать на Балканах военно-полицейское государство, полностью зависимое от американского и антантовского империализма и используемое последним как плацдарм против Республики Советов, империалисты США, Франции и Англии приняли решение о присоединении всех южнославянских земель бывшей Австро-Венгерской империи вокруг монархической Сербии, в которой безраздельно хозяйничал иностранный капитал, проникший в страну еще в конце XIX — начале XX в., и которая имела сильную армию для подавления революционного движения.

В конце ноября 1918 г., в связи с развитием революционных событий, хорватская и словенская национальная буржуазия полностью капитулировала перед сербской монархией и сняла выставлявшиеся ранее лозунги национальной независимости.

24 ноября 1918 г. загребское Народное вече известило Белград о своем решении просить сербского короля взять под свое „высокое покровительство“ хорватский и словенский народы.

1 декабря 1918 г. делегация Народного вече вручила верноподданнический адрес королю, а 4 декабря была обнародована королевская декларация, в которой ни слова не говорилось о национальной автономии, конституционных свободах, самоуправлении.

Вскоре было сформировано правительство — первое правительство Сербо-хорвато-словенского государства.

Премьер-министром этого правительства был назначен Стоян Протиц, один из лидеров сербской радикальной партии, ярый реакционер и националист, заместителем премьера — агент Ватикана Корошец, министром внутренних дел — палач югославского народа Светозар Прибичевич¹, министром иностранных дел — английский агент Анте Трумбич².

В контрреволюционное правительство, которое приступило к введению режима террора и репрессий, вошли и правые социалисты — Корач, Букшег и Кристан.

Так произошло „объединение“ всех южнославянских областей в одно многонациональное государство, в которое вошли: сербы — 4 704 876 человек, или 39% от общего числа населения, хорваты — 2 889 102 человека (23,9%), словенцы — 1 023 588 человек (8,5%), черногорцы и другие славяне — 198 857 человек (1,6%), мусульмане-боснийцы — 759 656 человек (6,3%), немцы — 630 000 (5,3%), венгры (3,3%), албанцы (4%), евреи, турки, болгары и т. д. Общее число населения —

¹ Светозар Прибичевич — один из самых махровых реакционеров и сербских националистов, ревностный поборник монархии Карагеоргиевичей и ярый противник национальной независимости угнетенных народов. С 7 декабря 1918 г. по 19 февраля 1920 г. — министр внутренних дел. В 1920, 1921, 1922 и 1924 гг. — министр просвещения.

В 1919 г. Прибичевич стал создавать фашистские организации — так называемую „Народну Обрану“, „Адриатическую Стражу“ (Jadranska Straža) и „Ориуну“ — молодежную фашистскую организацию. Согласно данным Государственного департамента США, С. Прибичевич через своего брата, полковника сербской армии, был тесно связан с империалистическими кругами Америки („Papers“, Vol. II, p. 287—289).

² Сведения о том, что Анте Трумбич был английским агентом, сообщаются в телеграмме посла США во Франции Шарпа государственному секретарю Лансингу. Эти сведения Шарп узнал от видного сербского политического деятеля, будущего премьер-министра Королевства СХС М. Весничя (см. „Papers“, Vol. II, p. 301—302).

12055715 человек¹. Но это не было объединение равноправных народов. Уже само название „Королевство сербов, хорватов и словенцев“ свидетельствовало о том, что македонцы, черногорцы и боснийцы не считаются равноправными народами. Не было равенства и между хорватами, сербами и словенцами. Господствующей нацией стали сербы. Словенцы и хорваты были поставлены в подчиненное положение и наряду с другими народами подвергались национальному угнетению.

Марксизм-ленинизм учит, что многонациональное государство в условиях капитализма строится на принципах неравноправия наций, что буржуазия господствующей нации в этом государстве не может существовать без порабощения и угнетения национальных меньшинств.

Это марксистское определение целиком относится и к вновь созданному многонациональному Сербо-хорвато-словенскому государству, где буржуазия Сербии обогащалась за счет ограбления трудящихся национальных районов.

Империалистическая война, писал товарищ Сталин в тезисах к X съезду РКП(б) „Об очередных задачах партии в национальном вопросе“, привела „... к образованию новых буржуазных национальных государств (Польша, Чехословакия, Югославия, Финляндия, Грузия, Армения и др.). Но образование новых самостоятельных национальных государств не установило и не могло установить мирного сожительства национальностей, не устранило и не могло устранить ни национального неравенства, ни национального гнёта, ибо новые национальные государства, покоящиеся на частной собственности и классовом неравенстве, не могут существовать:

а) без угнетения своих национальных меньшинств (... Югославия, угнетающая хорватов, босняков и т. д.);
б) без расширения своей территории за счёт соседей, что вызывает конфликты и войны (... Югославия против Болгарии...)“².

Беликодержавная политика сербской буржуазии сказывалась во всем: в гонении на национальную культуру, в террористическом режиме по отношению к неполноправным национальностям, в экономическом угнетении этих национальностей.

„Угнетённые национальности, — писал товарищ Сталин в статье „Октябрьская революция и вопрос о средних слоях“, — угнетаются обычно не только как крестьянство и городской трудовой люд, но и как национальности, т. е. как трудящиеся определённой национальности, языка, культуры, быта, нравов, обычаев“³.

Угнетённые национальности в Сербо-хорвато-словенском государстве были лишены всякой национальной самостоятельности. У них было отнято даже то небольшое, что они имели раньше. В 1918 г. был ликвидирован хорватский Собор, издавна существовавший в Хорватии. Были распущены все провинциальные парламенты — Народная Скупщина в Черногории, Народный Собор в Боснии, Земальский Совет в Словении. Албанцам, венграм и македонцам запрещалось употребление родного языка на судебных заседаниях, в школах, в печати. Преследо-

¹ Statistički Godišnjak, Beograd, 1936.

² И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 17—18.

³ Там же, стр. 345.

вались национальная литература, искусство, национальная культура. Жесточайшим образом подавлялось все передовое и прогрессивное.

Ответом на сербскую великодержавную политику и усиление реакционного курса буржуазно-помещичьего правительства были обострение национально-освободительной борьбы угнетенных наций, новый подъем революционного движения рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Сразу после обнародования королевской декларации, которая свидетельствовала об отказе правительства от предоставления народу политических свобод, а национальностям — национальной независимости и в которой ничего не говорилось об удовлетворении крестьянских требований — по всей стране прокатилась новая волна революционных выступлений¹.

Первыми выступили рабочие и солдаты хорватской столицы. Восстание началось 5 декабря 1918 г., т. е. на следующий день после получения в Загребе текста декларации сербского короля.

Не успело правительство подавить восстание в Хорватии, как вспыхнуло мощное вооруженное восстание в Черногории², охватившее половину территории страны. Восстание было жестоко подавлено сербскими войсками. Но не надолго. Уже в начале 1919 г. поднялось новое восстание черногорского народа³, которое, по сути дела, не прекращалось в течение ряда лет. В нем приняло участие и племя пиперов, живущее в неприступных скалах близ Подгорицы. Восстали также белопавловское, кучское и другие племена. Восстанием руководил легендарный герой черногорского народа коммунист Савва Распович, погибший в боях с сербскими войсками в 1921 г.

В январе — феврале 1919 г. усиливается революционное движение крестьянства, на которое произвело огромное революционизирующее влияние разрешение аграрного вопроса в Советской России. В Королевство СХС вернулись из Советской России десятки тысяч пленных солдат, которые своими собственными глазами видели, как были претворены в жизнь в социалистическом государстве многовековые чаяния крестьянства. Осуществленный в Республике Советов лозунг: „Земля — крестьянам!“ превратился в лозунг крестьянского движения и в Сербохорватословенском государстве.

Захват помещичьих имений и раздел земли между крестьянами становились все более массовым явлением. Крестьянские отряды, вооруженные топорами и обрезами, нападали на помещичьи имения, в которых, по настоятельной просьбе помещиков, были расквартированы воинские части.

„Некоторые помещичьи имения, — вспоминает очевидец, — были превращены в крепости, совсем как в средние века... Такими были, например, имения бывшего хорватского бана барона Пауля Рауха и усадьба графа Пеячевича, что, однако, не спасло их хозяев: второе имение было совсем сожжено, а в первом уничтожен целый ряд построек, захвачена и разделена земля“⁴.

¹ См. сборник документов: Јеленић, Нова Србија и Југославија. Историја националног ослобођења и уједињења срба, хрвата и словенаца (1788—1921).

² „Правда“, 17 јануара 1919 г.

³ „Правда“, 3 септембра 1919 г. и 8 октобра 1919 г.

⁴ Decariš. Die Agrarfrage Dalmatiens, Split, 1929, S., 38—39; Zdenko Bruck. Die Agrarreform des Königreiches der SHS, Bern, 1927.

Нередко вместе с крестьянами в захвате помещичьих имений участвовали и партизанские отряды, боровшиеся ранее против немецких и австрийских войск. „Партизанская армия, — писала с тревогой 15 января 1919 г. английская „Daily News“, — вооруженная и многочисленная, тотчас же после переворота начала производить нападения на крупные поместья в Хорватии и Славонии“¹.

„Каждый день, — писал правый социал-демократ Витомир Корач, — министерство получало все новые и новые известия о крестьянских волнениях — в Загорье, Среме (Хорватия. — Ю. П.), Воеводине, Славонии, Боснии и Герцеговине. Ежедневно мы узнавали о поджогах помещичьих усадеб и перестрелках... Положение становилось очень острым. Или ждать кровавой расправы, или действовать немедленно — так стоял передо мной вопрос“².

И этот прожженный демагог-социалист, лидер правых, стяжавший себе печальную славу раскольника и изменника рабочего движения, выехал в феврале 1919 г. в восставший район Срема, чтобы на месте предотвратить раздел крестьянами помещичьей земли³.

Правые социалисты сыграли предательскую роль по отношению к крестьянскому движению. Буржуазное правительство Стояна Протича отдало портфель министра аграрной реформы правому социалисту Витомиру Корачу.

Сменивший Протича „демократ“ Люба Давидович назначил Корача министром социальной политики, а других правых социалистов — Кристана и Букшега — министрами лесов и руд и народного снабжения. Таким образом, социалистам были отданы именно те министерства, которые должны были, по замыслам буржуазии, своей демагогической политикой отвлекать рабочих и крестьян от революционной борьбы.

В то же время министерство внутренних дел было передано в „надежные руки“ ярого реакционера Прибичевича.

Чтобы приостановить дальнейшее развитие аграрной революции и предотвратить раздел крестьянами помещичьей земли, правительство поспешило заявить о проведении в стране земельной реформы и приступило к рассмотрению аграрных проектов.

4. БУРЖУАЗНО-ПОМЕЩИЧЬЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА 1919 г.

а) Аграрные проекты

Многочисленные аграрные проекты, разрабатывавшиеся различными партиями и общественными деятелями⁴, можно подразделить на три основные группы: 1) аграрные проекты либеральной буржуазии;

¹ „Daily News“, 15 января 1919 г.

² V. Korac. Povijest Radničkog Pokreta u Hrvatskoj i Slavoniji, Zagreb, 1929, p. 265.

³ Там же.

⁴ В Королевстве СХС было около 30 политических партий, каждая из которых имела свою аграрную программу и свои аграрные проекты. Большинство этих проектов было разработано в 1920 г. и последующие годы.

Коммунистическая партия в феврале 1919 г. не имела еще своей аграрной программы. В начале 1919 г. происходило только оформление коммунистической партии; аграрная программа ее была принята на II съезде, в апреле 1920 г.

2) аграрные проекты помещичьих кругов; 3) аграрные проекты крестьянских партий.

Авторами проектов первой группы были, главным образом, представители либеральной буржуазии и обуржуазившихся помещиков Воеводины, Словении и Хорватии, т. е. наиболее развитых в капиталистическом отношении районов Королевства СХС. Буржуазия этих районов была заинтересована в увеличении притока дешевой рабочей силы, в ограничении церковного и крупнопоместного землевладения, в устранении препятствий для дальнейшего развития капитализма в сельском хозяйстве.

Все это нашло отражение в аграрных проектах. Так, например, в аграрном проекте представителя воеводинской крупной буржуазии Лалашевича¹, одобренном исполнительным комитетом радикальной партии Воеводины, предусматривались экспроприация крупных церковных и помещичьих латифундий и создание вместо них капиталистических сельскохозяйственных имений, представляющих собой одновременно промышленные предприятия по переработке продукции сельского хозяйства (сахарные заводы, элеваторы, мельницы, крахмало-паточные, пивоваренные заводы и т. д.).

В другом проекте представителя воеводинской буржуазии М. Якшича выдвигалось предложение создать особый земельный фонд, из которого можно было бы наделять небольшими участками земли сельскохозяйственных рабочих и крестьян-поденщиков, нанимающихся на работу к помещикам и кулакам. Смысл аграрного проекта Якшича понятен: привязывая к земле сельскохозяйственных рабочих и переселенцев путем передачи им в собственность крохотных участков, которые делали их лишь номинальными собственниками земли, сельская буржуазия и помещики этим обеспечивали себе дешевую рабочую силу.

Проект главного инспектора Министерства земледелия Зоричича предлагал выработать ряд мероприятий, способствующих развитию капитализма в сельском хозяйстве. К числу таких мероприятий Зоричич относил развитие кооперации, усиление кредитования сельской буржуазии, снятие ограничений на свободный вывоз зерна за границу и т. д. Проект предлагал также экспроприировать часть монастырских и церковных земель.

Того же самого требовала и передовица органа партии сербских радикалов — газеты „Знамя“ в номере от 16 февраля 1919 г.²

Были также выдвинуты аграрные проекты и другими буржуазными партиями. Однако все они не шли дальше требований частичного отчуждения помещичьих земельных владений при условии выплаты помещикам полной компенсации.

Аграрные проекты либеральной буржуазии были направлены не на отмену помещичьей собственности на землю и помещичьих привилегий, а на ограничение этой собственности и этих привилегий.

На аграрные проекты либеральной буржуазии королевства СХС вполне можно распространить характеристику, которую дал В. И. Ленин аграрным проектам русских либералов в статье „Кадеты и аграрный вопрос“. В. И. Ленин писал: „Либерал представляет не массу населе-

¹ „Политика“, 30 марта 1919 г.

² „Zastava“, 16 февраля 1919 г.

ния, а меньшинство его, именно: крупную и среднюю либеральную буржуазию. Либерал боится движения масс и последовательной демократии *более*, чем реакции. Либерал не только не добивается полного уничтожения всех средневековых привилегий, а прямо *защищает* некоторые и весьма существенные привилегии...“¹.

Либерально-монархическая буржуазия, указывал В. И. Ленин, „...хочет не *уничтожения* привилегий средневековья, а *раздела* их между помещиками и буржуазией“².

Ко второй группе аграрных проектов относились проекты помещичьих кругов. Под давлением развертывающегося революционного движения трудящегося крестьянства помещики были вынуждены пойти на некоторые уступки.

„Такт и понимание господ помещиков, — отмечает В. И. Ленин, — состоит в том, что когда в область аграрных отношений начали вмешиваться активно и определенно сами крестьяне, тогда помещики заговорили о необходимости вмешательства государственного“³.

Под этим вмешательством государства помещики понимали прежде всего подавление при помощи силы „земельных беспорядков“, введение твердого военно-полицейского режима. Что касается уступок, то помещики соглашались только на одно — на продажу части земельной собственности по полной ее стоимости. Все помещичьи аграрные проекты были направлены на установление возможно более высокого земельного максимума и возможно большего размера компенсации за отчуждаемую у них землю. Таким был переданный в Народную Скупшину проект крупных воеводинских помещиков Станковича и д-ра Гргина⁴. Такими были проекты лидеров буржуазно-помещичьей „народной“ (католической) партии Словении Блашко Райича и представителей партий мусульманских помещиков — партии „джемийет“ (проект Капетеновича) и партии Мехмеда Спахо. Такими же были и все остальные аграрные проекты помещичьих кругов⁵.

К третьей группе аграрных проектов относились проекты крестьянских партий.

Общим для аграрных программ всех крестьянских партий являлось требование раздела помещичьей земли между крестьянами. Это требование подрывало экономические основы феодализма, наносило удар помещичьему землевладению. Однако оно не затрагивало основ буржуазного общества и способствовало укреплению экономического положения зажиточной верхушки крестьянства — кулачества.

Движение крестьянства, — отмечает В. И. Ленин в статье „Крестьянская или «трудовая» группа и РСДРП“, — „...это борьба не пролетарская, а борьба мелких хозяев; это борьба не против основ капитализма, а за очищение их от всех остатков крепостничества. Крестьянские массы увлечены своей великой борьбой: им неизбежно кажется,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 255.

² Там же, стр. 258.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 288.

⁴ „Политика“, 8 февраля 1919 г.

⁵ Противники аграрной реформы обратились к Народной Скупшине со специальным манифестом, в котором требовали прекращения обсуждения вопроса о реформе. Манифест был составлен группой реакционных профессоров Загребского университета и содержал в себе „доказательства“ якобы нерентабельности раздела крупных имений („Аграрна реформа у Хрватској, Словениј и Војеводини“. Загреб, 1920).

что взять всю землю — значит решить аграрный вопрос. Они мечтают об уравнительном распределении земли, о передаче ее всем трудящимся, забывая о власти капитала, о силе денег, о товарном хозяйстве, которое при самом «справедливом» разделении неизбежно вновь создаст неравенство и эксплуатацию¹.

Наиболее характерной в этом отношении аграрной программой является программа Хорватской крестьянской партии (ХКП). В ней выдвигается требование о конфискации помещичьей земли и уравнительном распределении земельных участков между крестьянами.

§ 7 программы Хорватской крестьянской партии гласит: „Наше требование — отмена государственной, церковной и помещичьей собственности на землю (на леса, пашни и луга) и полное признание и законодательное утверждение крестьянского права на всю землю так, чтобы каждая крестьянская семья могла при государственной помощи иметь столько земли, сколько сможет сама обработать“².

В программе ничего не говорилось ни о конфискации помещичьей земли без всякого выкупа, ни о средствах достижения поставленных партией целей.

Еще более общими, неконкретными и компромиссными были аграрные программы остальных крестьянских партий — „Сербского союза сельских хозяев“, „Крестьянского объединения Далмации“, „Союза крестьян Боснии“ и др.

К аграрным программам крестьянских партий тесно примыкал аграрный проект „Главного кооперативного союза“³ Королевства СХС. В основе этого проекта лежало требование частичной экспроприации крупной земельной собственности и передачи ее государству для последующего уравнительного распределения. Центральным пунктом проекта был пункт об обеспечении свободы экономического развития, свободы торговли и предпринимательства (§ 2). Остальные пункты лишь конкретизировали эти программные положения сельской буржуазии.

В Народную Скупщину был представлен еще ряд проектов проведения аграрной реформы, но почти все они были оставлены правительством без внимания.

В основу правительственного проекта аграрной реформы были положены предложения партий крупной сербской буржуазии. Учтены были также все требования помещичьих кругов. Однако буржуазно-помещичье существо законопроекта было скрыто за широкообещательными демагогическими обещаниями, на которые не скупилось правительство.

25 февраля 1919 г. законопроект был принят, и правительство обнародовало так называемые „Предварительные распоряжения“, согласно которым декларировалась отмена остатков крепостничества — колоната и кметских отношений и заявлялось о подготовке к изданию специального аграрного закона, на „справедливой основе“, разрешающего земельный вопрос. Через 3 дня — 28 февраля 1919 г. был подписан манифест принца-регента Александра, содержащий обещания и призывающий крестьян к спокойствию.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 379.

² Орган Хорватской крестьянской партии — газета „Sloboden Dom“, 1920, № 29.

³ „Zadružni Glasnik“, № 4—6, 1921, стр. 129—143.

„Крестьян-кметов, — говорилось в манифесте, — я призываю поверить моему королевскому слову и *мирно ждать*, что в нашем государстве будет законным путем передана земля“¹.

Что же представляла собой закон об аграрной реформе? Какие задачи преследовало правительство при ее проведении? Как были выполнены эти задачи?

б) Закон об аграрной реформе 25 февраля 1919 г.

Приступая к проведению аграрной реформы, сербская буржуазия исходила из ряда задач и прежде всего из задачи отвлечения крестьянства от революционной борьбы, раскола возникающего в процессе этой борьбы единого фронта рабочих и крестьян. Буржуазия шла на аграрную реформу, чтобы приостановить начинающуюся аграрную революцию.

Один из центральных пунктов принятого 25 февраля 1919 г. закона об аграрной реформе — § 23 — гласил: „Всякий, кто после опубликования настоящего закона самовольно захватит землю, или произведет самовольный раздел, или ограбит чужое имение, — будет преследоваться по суду и лишится всех преимуществ, гарантированных настоящим законом“².

Вторая задача буржуазной аграрной реформы состояла в устранении наиболее устаревших форм феодальных отношений, препятствующих развитию капитализма.

Сербская буржуазия, в-третьих, стремилась использовать аграрную реформу и, в частности, колонизационно-переселенческие мероприятия для насильственной сербизации национальных районов, насаждения в них сербского кулачества.

Наконец, различные буржуазные партии хотели нажить себе на реформе определенный политический капитал и завоевать популярность среди крестьянства, что особенно наглядно проявилось во время избирательных кампаний, в начале которых буржуазия выставляла аграрную реформу в качестве одного из лозунгов, а после выборов полностью забывала обо всех своих обещаниях.

Закон об аграрной реформе или так называемые „Предварительные распоряжения“³ был опубликован накануне парламентских выборов⁴ и был выдержан в декларативно-демагогическом духе. Так, в нем провозглашалась отмена кметчины в Боснии и Герцеговине, чифчийских отношений в Македонии и колоната в Далмации, говорилось об отчуждении и разделе помещичьих имений, заявлялось о пересмотре крестьянских сервитутов. Однако это были только декларативные заявления буржуазно-помещичьего правительства. На самом деле закон об аграрной реформе (§ 1—8) предусматривал сохранение так называемых „временно обязанных отношений“, при которых зависимые

¹ De metrovič. Agrarna reforma, Zagreb, 1920. Сборник „Аграрни закони“, Београд, 1924 г. (курсив мой. — Ю. П.); Jvsič, Dokumenti o postanku i rasvitku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca, Zagreb, 1920, p. 299—300.

² Сборник законов „Agrarna reforma“, Zagreb, 1920, ч. 1.

³ Полный текст закона см. в сборнике „Agrarna reforma“, Zagreb, 1920.

⁴ Выборы в Народную Скупшину состоялись 16 марта 1919 г., т. е. через 3 недели после принятия закона об аграрной реформе.

крестьяне попрежнему должны были выполнять те же самые повинности, что и раньше¹; кроме того, по этому закону крестьянин за свое освобождение должен был уплатить помещику большой выкуп.

„Выкуп, — писал В. И. Ленин в книге „Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.“, — есть дань, возлагаемая на общественное развитие, дань владельцам крепостнических латифундий. Выкуп есть бюрократически, полицейски обеспеченная реализация крепостнических приемов эксплуатации в виде буржуазного «всеобщего эквивалента»².

Помещики получали большую компенсацию за отчужденную у них землю. Так, аги и беги Боснии и Герцеговины получили 255 млн. динаров за кметскую и 200 млн. динаров за беглукскую землю. Помещикам Далмации было выплачено около 400 млн. динаров, феодалам Хорватии, Словении и Воеводины — 1800 млн. динаров.

Выкупиться из кметской и колонатской зависимости, могли только состоятельные крестьяне. При помощи выкупа буржуазное правительство стремилось укрепить свою социальную опору в деревне — кулачество.

„... Выкуп земли, — писал В. И. Ленин в статье „Вопрос о земле и борьба за свободу“, — сводится к тому, чтобы усилить богатых крестьян за счет бедных, чтобы разъединить крестьянство, чтобы ослабить этим разъединением крестьянства его борьбу за полную свободу и за всю землю. Выкуп сводится к тому, что более состоятельные крестьяне *переманиваются* от дела свободы на сторону *старой власти*. . . Состоятельный крестьянин, выкупающий свою землю, станет маленьким помещиком, и переход его на сторону старой, помещичье-чиновничьей, власти будет особенно легок и прочен“³.

Таким образом, закон об аграрной реформе не уничтожил крепостничества в Сербо-хорвато-словенском государстве. В стране еще продолжали существовать остатки феодализма.

§ 9—16 закона об аграрной реформе говорили об экспроприации и разделе помещичьих имений. Но и эти параграфы закона были сплошной фикцией.

В самом деле, экспроприации (т. е. безвозмездному отчуждению) подлежали очень немногие поместья — только те, которые были собственностью дома Габсбургов, Гогенцоллернов или болгарского царя. После экспроприации многие из этих поместий переходили не в земельный фонд Министерства аграрной реформы для раздела земли между крестьянами, а передавались „в ведение двора“, т. е. всего лишь меняли одного коронованного владельца на другого. Карагеоргиевичи в отличие от Габсбургов и Гогенцоллернов не записывали эту землю на себя, а прибегали к маскировке при помощи создания так называемых государственных имений, управляющими которых назначались приближенные сербского короля.

¹ Сначала по закону от 10 мая 1919 г. срок этих „временно обязанных“ отношений был установлен в 1 год; потом, в 1920 г., когда произошел некоторый спад крестьянского движения, — в 4 года, а с 1924 г., после поражения революционного движения, были отменены всякие сроки и отношения должны были сохраняться до тех пор, пока зависимый крестьянин полностью не выплатит помещику выкупа.

² В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 220.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 402—403.

Экспроприации также подлежали: а) фидеикомиссы, б) так называемые „пустующие имения“ и в) поместья, размер земельной площади которых превышал установленный законом максимум.

Но и это ничего не давало крестьянам, так как фидеикомиссов и „пустующих имений“ было очень немного, а земельный максимум был настолько велик, что помещичья земля оставалась фактически нетронутой. В Далмации и Герцеговине земельный максимум был равен 50 га обрабатываемой или 100 га общей площади, в Словении (соответственно) — 75 — 200 га, в Хорватии — 150 — 400 га, Славонии — 200 — 450 га, а в Воеводине — 300 — 500 га¹.

Однако даже этот очень высокий максимум мог быть значительно увеличен. Особым постановлением Министерства аграрной реформы помещику разрешалось оставлять так называемый сверхмаксимум. В постановлении так прямо и говорилось: „В целях создания образцовых молочных, зерновых, животноводческих и прочих хозяйств — крупный землевладелец имеет право на дополнительную земельную площадь, даже если она и превышает установленный законом максимум“².

§ 17—18 „Предварительных распоряжений“ касались вопроса о лесных площадях³. Все экспроприруемые лесные угодья (а экспроприации подлежали только лесные массивы, принадлежавшие дому Габсбургов) переходили в собственность государства, т. е. сербской короны и сербской буржуазии. Крестьяне не получали ничего. Им предоставлялось только право приобретать лесные участки у государства за особую плату.

§ 19 закона говорил о пересмотре крестьянских сервитутов на лес и пастбища „в случае явного ущемления прав крестьян и наличия жалоб со стороны последних“⁴. Согласно этому параграфу крестьянам предоставлялось право выпаса в помещичьих лесах скота, сбора дров и заготовки (за плату) строительного материала. Однако этот пункт не выполнялся даже и в такой урезанной форме. Леса остались за прежними владельцами, которые не разрешали крестьянам пользоваться ими. Так, князь фон Турн-Таксис, владея более чем 35 тыс. га лесов, запрещал крестьянам собирать хворост, а за порубку леса или заготовку строительных материалов слуги князя подвергали крестьян жестоким избиениям⁵.

Остальные пункты „Предварительных распоряжений“ (кроме § 23) были посвящены вопросам создания органов по проведению аграрной реформы — от министерства до аграрных комиссий. Вопрос об органах по проведению аграрной реформы является чрезвычайно важным, так как он в значительной мере определяет самое существо этой реформы.

В. И. Ленин в статье „Кадеты и аграрный вопрос“ писал по поводу создания органов земельной реформы в России: „Все, детально разобранные, чиновничьи выглаженные параграфы кадетских земельных проектов — пустая канцелярщина. Серьезный вопрос один: кто будет определять,

¹ Сборник „Наше село“, Б-д, 1936, стр. 543.

² „Agrarni Zbornik“, Zagreb, 1923, стр. 221.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Журнал „Meja“, Ljubljana, 1924, 31 марта, стр. 6.

Лишь после восстания крестьян в 1920 г. вопрос о лесах Турн-Таксиса был поставлен в Народной Скупшине, вынесшей решение об отчуждении только 7 тыс. га из 35 тыс. га, которыми владел князь („Meja“, Ljubljana, 1924, 31 марта, стр. 7).

какие земли и на каких условиях подлежат отчуждению? Самый идеальный законопроект, обходящий этот вопрос, есть одно шарлатанство, не более"¹.

Что же представляли собой органы по проведению аграрной реформы в королевстве СХС? На местах — в деревнях, волостях, уездах и округах — были созданы аграрные комитеты. Формально это были выборные организации, в которые, как гласила инструкция об аграрных комитетах, „мог быть избран всякий гражданин, записанный в данную категорию избирателей и занимающийся сельским хозяйством“².

Однако по существу аграрные комитеты являлись не представителями крестьянских масс, а органами помещиков и сельской буржуазии, что достигалось прежде всего введением особой нормы представительства.

Избиратели аграрных комитетов делились на следующие 5 категорий: а) безземельные крестьяне, б) малоземельные, в) крестьяне-середняки, г) зажиточные крестьяне, д) крупные землевладельцы-помещики, „обрабатывающие землю только при помощи наемной силы“.

Первые три категории избирателей, т. е. подавляющее большинство сельского населения (больше 90%) посылали в уездные и окружные аграрные комитеты вдвое меньшее количество представителей, чем последние две категории избирателей³.

В уездные и окружные аграрные комитеты входил также ряд членов, не избранных населением: полицейский чиновник, председатель окружного (уездного) управления, представитель окружных органов власти (председатель окружного аграрного комитета), несколько правительственных референтов и др., что обеспечивало полный контроль со стороны буржуазно-помещичьего правительства над деятельностью уездного и окружного комитетов. Кроме того, в округах был создан специальный контролирующий орган — институт правительственных комиссаров („agrarni rovegenici“), которые были наделены самыми широкими полномочиями и имели на местах целый аппарат аграрных агентов⁴.

Аграрные комиссары не ограничивались одним только контролем деятельностью местных аграрных комитетов. По сути дела, они являлись основными исполнительными органами, так как только

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 259.

² Инструкция об учреждении органов по проведению аграрной реформы. Сборник „Agrarna reforma“, Zagreb, 1923, т. I, стр. 226—227.

³ Избирательные курии на выборах аграрных комитетов:

Категория избирателей	Количество представителей комитеты		
	сельские	уездные	окружные
Безземельные, малоземельные крестьяне и крестьяне-середняки	3	2	4
Кулаки	2 } 3	1 } 4	2 } 7
Помещики	1 }	3 }	5 }

(Demetrović. Agrarna reforma, Zagreb, 1920, стр. 18)

Эта таблица показывает, что три первые категории избирателей посылали одинаковое с сельской буржуазией количество представителей только в сельские комитеты, которые ведали всего лишь составлением списков и учетом земель и решения которых подлежали последующему утверждению уездных и окружных комитетов.

⁴ Деметровић. Аграрна реформа, Б—д, 1923, стр. 18.

с их санкции и при их участии могли быть произведены отчуждение и раздел помещичьей земли. Аграрные комиссары имели право отменить любое решение аграрных комитетов, могли увеличить размер оставляемого помещикам земельного максимума в целях создания „образцового“ хозяйства и т. д.

Аграрными комиссарами были правительственные чиновники, бывшие офицеры и жандармы — агенты помещиков и буржуазии. Произвол, чинимый этими комиссарами, взяточничество и коррупция всего государственного аппарата были настолько велики, что это признавали даже сами государственные чиновники.

Вот, например, что писал уполномоченный Министерства аграрной реформы Хрибар после того, как ему пришлось познакомиться с „деятельностью“ аграрных комиссаров: „Кто взял бы на себя труд исследовать случаи грабежа и противозаконных действий различных государственных комиссаров, тот... обнаружил бы одну из самых грязных и подозрительных сторон нашего разъеденного коррупцией административного аппарата и нашей общественной жизни“¹.

Еще в большей мере то же самое наблюдалось и в Министерстве аграрной реформы, представлявшем собой большой и сложный бюрократический аппарат, на содержание которого тратились огромные государственные средства². Так, с 1919 по 1925 гг. из 100 млн. динаров, отпущенных на проведение аграрной реформы, 60 млн. динаров пошло на содержание аппарата министерства и только 40 — на нужды реформы³.

В. И. Ленин в статье „Вопрос о земле и Думе“ писал:

„Если наделять землей будут опять чиновники, если всякими «мировыми посредниками» окажутся снова либеральные помещики, если «скромные размеры» выкупа определит старая самодержавная власть, тогда вместо пользы для крестьян получится опять объегоривание крестьян...“⁴

В 1919 г. для обмана крестьян буржуазией был подобран набивший себе на этом деле руку правый социалист Витомир Корач, которому было поручено проведение аграрной реформы. Министром же земледелия и вод был назначен лидер кулацко-помещичьей мусульманской партии в Боснии и Герцеговине Сефкия Глубич, а несколько позднее⁵ — лидер кулацкой словенской крестьянской партии Пучели.

¹ Hriбар. Agrarna reforma, Zagreb, 1924, p. 185.

² Министерство аграрной реформы делилось на 3 части: а) Отделение общих дел, б) Отделение земельных фондов и в) Отделение по делам колонизации, и насчитывало большое количество различных секций, нередко дублирующих работу друг друга.

Кроме Министерства аграрной реформы, теми же вопросами занимались Министерство земледелия и вод и Министерство лесов и руд, имеющие такие же огромные бюрократические штаты, содержание которых обходилось государству, т. е. налогоплательщикам, очень дорого.

Наконец, существовало еще 4 областных Аграрных дирекции — в Загребе (Хорватия), Любляне (Словения), Нови Саде (Воеводина) и Сараеве (Босния и Герцеговина) и 3 Главных аграрных комиссариата: в Сплите (Далмация), Цетинье (Черногория) и Скопле (Македония), насчитывающих большой штат чиновников.

³ Славко Шећеров. Проблеми аграрној реформи. Б—д, 1925, стр. 14. В 1919 и 1920 гг. на содержание Министерства аграрной реформы было отпущено по 24 605845 динаров ежегодно („Политика“, 23 марта 1926 г.).

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 382—383.

⁵ В 1921 г.

* * *

После издания „Предварительных распоряжений“ правительство приняло ряд аграрных законов и постановлений, направленных на усиление кулачества за счет ущемления прав крестьянской бедноты. Так, 21 июля 1919 г. Министерство аграрной реформы, идя навстречу требованиям зажиточных крестьян и в то же время соблюдая интересы помещиков, приняло постановление, согласно которому помещикам разрешалось продавать излишки земли крестьянам „по сходной цене“. Это постановление полностью игнорировало „Предварительные распоряжения“, по которым участки земли, превышающие максимум, подлежали отчуждению, а не продаже. Правда, в новом постановлении имелась оговорка о том, что такая продажа земельных участков должна „регулироваться государственными органами“, которые должны быть „поставлены в известность“, и что землевладелец обязан „доказать хозяйственную необходимость“ продажи, но все это не меняло положения по существу, ибо помещику было более, чем не трудно привести все предлагаемые постановлением министерства доказательства¹. Это постановление было проведено правительством также в интересах усиливающегося кулачества, так как только оно имело возможность купить необходимый участок земли за наличные деньги.

Тогда же, 21 июля 1919 г., было издано другое распоряжение Министерства аграрной реформы, устанавливающее новый земельный максимум, еще более высокий, чем было предусмотрено раньше. Вскоре Министерство аграрной реформы сделало еще один шаг в сторону пересмотра „Предварительных распоряжений“: им была выработана специальная инструкция, предоставляющая владельцам „образцового имения“ право не только лично не управлять этим имением, но и сдавать половину земли в аренду².

Сдача земли в аренду была выгодна и помещику, и буржуазии. Буржуазия была заинтересована в возможности аренды у помещиков участков леса для развития лесных промыслов, земли — для разведения технических культур, площадей, богатых полезными ископаемыми, — для строительства промышленных предприятий.

С другой стороны, в аренде был заинтересован и помещик, получающий значительные суммы денег за арендуемую у него землю: в среднем годовая арендная плата для пахотной земли была выше чистого кадастрового дохода с данного участка в 8 раз, а для лугов и пастбищ — в 10 раз. Три четверти арендной платы шли в пользу землевладельца и только одна четверть — в „фонд аграрной реформы“³. Аренда земли помогла обуржуазившимся помещикам и буржуазии приспособить землепользование к рынку, способствовала проникновению капитализма в сельское хозяйство⁴.

¹ См. J. Matl. Указ. соч., стр. 42—43.

² Постановление от 4 сентября 1920 г. Это постановление было дополнением постановления от 10 апреля 1919 г. о временной аренде земли сроком на 1 год. Арендатор должен был выплатить сумму, в 5 раз превышающую кадастровый доход с данного участка земли.

³ Деметров и Л. Аграрная реформа, Б-д, 1920, стр. 6—8.

⁴ Сильнее всего арендные отношения были развиты в тех районах, которые находились вблизи крупных промышленных и торговых центров, водных путей и железных дорог.

„Аренда земли, — отмечает В. И. Ленин, — даже удобнее для чистого капитализма, для самого полного, свободного, «идеального» приспособления к рынку, чем собственность на землю. Почему? Потому, что частная собственность на землю *затрудняет* ее переход из рук в руки, *тормозит* приспособление землепользования к условиям рынка, *закрепляет* землю в руках данной семьи или лица и его наследников, хотя бы то были плохие хозяева. Аренда — более гибкая форма, при которой приспособление землепользования к рынку происходит всего проще, всего легче, всего быстрее“¹.

в) Кооперативное законодательство и создание капиталистической кооперации в 1919 г.

Другой гибкой формой приспособления землепользования к рынку и укрепления экономического положения сельской буржуазии являлась кооперация. В условиях капитализма развитие различных форм кооперации — кредитной, скупочно-сбытовой, потребительской и т. д. — служит средством эксплуатации широких народных масс и обогащения буржуазии².

Кооперативы в капиталистическом обществе выполняют вместе с тем и политический заказ буржуазии — отвлекают народные массы от политической борьбы, порождают у трудящихся мелкоторгашеские тенденции и цеховую замкнутость, сеют в массах иллюзию возможности избавления от нужды и коренного улучшения жизни мирным, нереволуционным путем.

„Все собственники, вся буржуазия, — писал в своей знаменитой брошюре „К деревенской бедноте“ В. И. Ленин, — старается привлечь среднего крестьянина на свою сторону тем, что обещает ему всякие меры для улучшения хозяйства (дешевые плуги, сельские банки, введение посева трав, дешевую продажу скота и удобрений и тому подобное), а также тем, что делает крестьянина участником всяких сельскохозяйственных союзов (коопераций...) ... Таким путем буржуазия старается отвлечь от союза с рабочими среднего и даже мелкого крестьянина, даже полупролетария, старается побудить их стоять за богатых, за буржуазию, в ее борьбе с рабочими, с пролетариатом“³.

Кооперация Сербо-хорвато-словенского государства служила средством раскола союза рабочего класса и крестьянства, отвлечения трудящихся от революционной борьбы. Сербской, словенской и хорватской буржуазии в значительной мере удалось использовать это средство, — удалось потому, что классовое самосознание пролетариата не достигло должного уровня развития, что рабочий класс королевства СХС не

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 128.

² Тем же целям развития и насаждения кулачества служит и кооперация в современном полицейско-фашистском Югославском государстве, где предательская клика Тито превратила кооперативы в средство для обогащения сельской буржуазии за счет беспощадной эксплуатации бедняков и середняков. Создаваемые в Югославии производственные кооперативы являются особой формой развития капитализма в югославской деревне.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 353.

не имел своей политической партии, что руководство кооперацией находилось безраздельно в руках буржуазных партий¹.

Кооперативное движение в Сербо-хорвато-словенском государстве в изучаемый период наглядно подтверждает ленинское положение о буржуазном характере кооперации при капитализме².

„... Кооперативы, — говорит В. И. Ленин, — будучи чисто коммерческими учреждениями и в силу давления условий конкуренции, имеют тенденцию вырождаться в буржуазные акционерные общества“³.

Если первые кооперативы, возникшие в Словении еще в середине XIX в. („Обртно друштво“, „Мариборское объединение кустарей“ и пр.), представляли собой преимущественно временные объединения кустарей или ремесленников по производству тех или других видов кустарной продукции и первоначальной целью создания этих товариществ была борьба с конкуренцией австрийской и немецкой буржуазии⁴, то уже ко времени создания Сербо-хорвато-словенского государства все кооперативы приняли чисто коммерческую, торгашеско-предпринимательскую окраску и превратились в „буржуазные акционерные общества“⁵, в которых буржуазия, допуская к участию в кооперативе массы пайщиков, эксплуатировала эту массу и обогащалась за ее счет⁶.

Как же достигалось такое положение, что от кооперации выигрывали богатые ее члены, а беднота только служила средством наживы буржуазии?

Это достигалось прежде всего тем, что распределение дохода производилось не по количеству числа членов кооператива а по количеству внесенных паев⁷. Устав кооперации разрешал вносить неограниченное число паев, размер которых был очень велик.

¹ В Словении кооперация находилась под сильным влиянием буржуазно-помещичьей католической партии Корошеца, в Хорватии — кулачества из Хорватской крестьянской партии Степана Радича, в Воеводине — буржуазных немецких, венгерских и сербских партий.

² История кооперативного движения в Королевстве СХС является предметом специального исследования и не может быть изучена в данной работе.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 239.

⁴ См. М. Аврамовић. Тридесет година задружнога рада, Б-д, 1924.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 239.

⁶ В качестве примера чисто коммерческой деятельности кооперации можно привести деятельность Смедеровского виноградарского кооператива и Качуличского товарищества по купле и продаже фруктов. Первый кооператив, охватив своим членством всех окрестных крестьян, скупал у них по баснословно низким ценам виноград из расчета 23 динара за 100 кг, изготовлял вино и продавал его втридорога в Белграде и других городах, получая ежегодно более 300 тыс. динаров прибыли, которая шла в руки владельцев винных подвалов и других крупных пайщиков кооператива.

Товарищество по продаже и покупке фруктов в Качуличе (Сербия) захватило в свои руки ряд сел, где имелись сливовые сады. Крестьянам отпускались вперед кредиты, привозились саженцы слив и пр., а потом у них за бесценок (30 динаров за 100 кг) скупались сливы, которые шли для приготовления консервов и пр., потом продавались не только в Сербии, но и за границей вдвое и втрое дороже. Товарищество имело подсобные предприятия и маленькие заводики.

(См. „Архив за правне и друштвене науке“, 1910, т. 1. М. Аврамовић. Тридесет година задружнога рада, стр. 127—128; Д-р И. Стојановић. Прва шливарска задруга у Србији, Б-д, 1922, стр. 14.)

⁷ То же самое имеет место и в титовской лжекооперации в современной Югославии, где кулак использует кооперацию для эксплуатации трудящегося крестьянства. Внося в кооператив пай в виде участка земли, кулак в Югославии получает доходы в зависимости от величины пая. Устав кооперации предоставляет право взноса нескольких паев и никак не ограничивает размер нетрудовых доходов.

В Топличском округе, например, при приеме в кооператив мукомолов брался вступительный пай в размере 1000 динаров¹. В кооперативах по купле-продаже не ограничивался размер пая вообще. Согласно инструкции о кооперации² устанавливался только минимум, меньше которого не разрешалось вносить паевые взносы (100 динаров). Сверх же этой суммы можно было делать любые взносы, соответственно которым и производилось распределение дохода³.

В земледельческих кооперативах Македонии при вступлении в кооператив взимались 100 динаров плюс определенная сумма с каждых 5 га. Постановление оговаривало также право самого кооператива назначать еще специальный „годовой взнос“⁴.

Сельская буржуазия обеспечивала себе большинство в правлении кооперации. Это достигалось путем применения в кооперации недемократического принципа при выборах членов правления, при котором член кооператива, имеющий большее количество паевых взносов, имел соответственно и большее количество голосов.

„Правила кооперации, — говорилось в § 33 устава „Главного кооперативного союза“, — в известных случаях разрешают иметь члену кооператива больше, чем 1 голос. Однако все же количество голосов, которым может располагать одно лицо, не должно превышать пяти“⁵.

Понятно, конечно, что эти „известные случаи“ повторялись более, чем часто, что обеспечивало сельской буржуазии верховенство в кооперативах.

Но этого мало. Буржуазия провела в кооперативный устав еще один пункт, предусматривающий обязательное утверждение избранного правления вышестоящими кооперативными органами, которые посылали к тому же на места своих контролеров⁶.

Устав кооперации обеспечивал кулачеству и торговцам возможность не трудиться, а только получать. Личное участие в трудовой деятельности кооператива являлось необязательным. Вместо этого можно было внести определенную сумму, т. е. „откупиться“⁷. Нередким явлением был поэтому тот факт, что богатые предприниматели, проживая где-нибудь в Белграде, были в то же самое время крупными пайщиками нескольких прибыльно функционирующих кооперативов, находящихся в сотнях километров от Белграда⁸.

Хозяйничающая в кооперативах сельская буржуазия была заинтересована в широком привлечении массы мелких вкладов.

При распределении доходов получается, что бедный крестьянин, который действительно трудится в кооперативе, зарабатывает лишь гроши, а кулак, который может даже лично и не участвовать в работе, захватывает львиную долю всех доходов.

¹ „Zadružni Glasnik“, № 4—5, 1921, стр. 175.

² Инструкция от 5 декабря 1920 г.

³ „Zadružni Glasnik“, № 2—3, 1921, стр. 40.

⁴ Постановление о заселении Македонии от 24 сентября 1920 г.

⁵ „Zadružni Glasnik“ № 2—3, 1921, стр. 40.

⁶ Значительно дальше буржуазных правителей Королевства СХС пошли титовские фашисты. В современной Югославии на все руководящие посты в кооперации назначены янычары Ранковича. Все прогрессивные деятели кооперативного движения брошены в тюрьмы и полицейские застенки. Кооперация, которая превратилась в кулацкую организацию, поставлена под полный контроль фашистско-полицейского государства.

⁷ „Zadružni Glasnik“, № 4—5, 1921 г., стр. 176.

⁸ Там же.

„Не раздробление крупного капитала означает обилие этих мелких вкладчиков, — говорит В. И. Ленин, — а усиление могущества крупного капитала, получающего в свое распоряжение даже мельчайшие крохи «народных» сбережений. Не более самостоятельным хозяином становится мелкий вкладчик от участия в крупном предприятии, а более зависимым лицом от крупного хозяина“¹.

Сельская буржуазия была заинтересована в широком привлечении в кооперацию кулачества. В резолюции „Конференции сельскохозяйственных организаций Баната“ (кулацкая организация сербов в Воеводине) говорилось: „Конференция требует от правительства принятия законов о сельскохозяйственной кооперации, обязывающих каждого крестьянина вступить в кооператив и внести вступительный взнос в размере 25 динаров с 1 га в фонд „развития сельского хозяйства““².

Наряду с организацией широких кооперативных союзов, насчитывающих сотни и тысячи членов, в Сербо-хорвато-словенском государстве имело место и создание большого количества малочисленных кооперативов, объединяющих мелкие группы торговцев-предпринимателей.

„... Крупные хозяева, — говорит В. И. Ленин, — имеют больше возможности устраивать товарищества и больше пользуются этой возможностью“³.

Они пользовались, в частности, § 89 кооперативного устава, разрешающего создавать кооперативы с небольшим числом членов (до 10 человек). Такие товарищества представляли собой, как правило, объединения крупных дельцов и денежных воротил, ограждавших себя высокими вступительными взносами и широко использовавших для своего обогащения государственную покровительственную кооперативную политику (дешевые кредиты, уменьшенные налоговые и таможенные сборы и т. д.)⁴. В 1922 г. кооперацией в Сербо-хорвато-словенском государстве было охвачено более 800 тыс. человек, но только 17% этого количества получили скот, сельскохозяйственный инвентарь и кредиты. Остальная часть так и осталась ни с чем⁵. В 1922 г. государство кредитовало кооперативам 6 млн. динаров, удержав эту сумму с налогоплательщиков⁶.

Организация буржуазных кооперативов приобрела в Сербо-хорвато-словенском государстве широкий размах. В 1919 г. в стране насчитывалось около 600 кооперативов, охватывающих более 600 тыс. членов⁷. Большинство из этих кооперативов были кредитными и скупочно-сбытовыми.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 78.

² Миров. сельск. хозяйство и крестьянск. движение (МСХКД), Бюллетень Международн. аграрного инст. (МАИ), № 7—8, М., 1930, стр. 21 (курсив мой. — Ю. П.). — К такому же поголовному охвату кулацкой кооперацией стремится и титовская фашистская банда, которая проводит принудительное объединение крестьян в кулацкие кооперативы, прибегая при создании этих лжекооперативов к помощи полиции кровавого палача югославского народа Ранковича.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 105.

⁴ В титовской Югославии создано большое количество кооперативов, состоящих исключительно из кулаков. Так, вблизи Осиека (Хорватия) кулаки, которые до земельной „реформы“ 1945 г. имели по 180 га земли, организовали производственный „кооператив“ из 30 кулацких хозяйств. („Правда“, 15 августа 1950 г.).

⁵ „Землјорадничка Задруга“, № 5, 1924.

⁶ Zadrुžni Glasnik, № 9, 1922, стр. 219.

⁷ Там же, № 2—3, 1921, стр. 66. — В 1922 г. в Сербо-хорвато-словенском государстве было 6197 кооперативов с 800 тыс. членов.

В национальных районах кулацкие кооперативы использовались сербской буржуазией для насильственной сербизации под видом проведения переселенческих мероприятий.

г) Переселенческие мероприятия 1919 г.

В 1919 г., наряду с законом об аграрной реформе, был принят также „Закон о колонизации“, который предусматривал осуществление целого ряда мероприятий по заселению окраин Сербо-хорвато-словенского государства и переселению в эти области из Сербии и других внутренних районов страны части сельского населения.

Сербская буржуазия, проводя переселенческую политику и прикрываясь демагогическими фразами об „общегосударственном“ и „общенародном“ значении политики колонизации национальных окраин, преследовала на самом деле только свои корыстные, узко классовые цели.

Проводя насильственную колонизацию национальных окраин,¹ господствующая сербская буржуазия преследовала следующие задачи: во-первых, она стремилась с помощью переселенческой политики создать в этих окраинах опору для своего господства; во-вторых, опираясь на эту политику, сербская буржуазия хотела создать армию сельскохозяйственных рабочих для сербских кулаков в Воеводине.

Наконец, при помощи переселенческих мероприятий сербское правительство надеялось несколько разрядить напряженную обстановку в деревне и отвлечь крестьян от революционной борьбы.

Объектом колонизации были, в основном, две области — Македония с Коссовой Метохией и Воеводина. Переселенческая политика по отношению к каждой из этих областей была различной.

В Воеводину, где проживало сербское население и где сербские кулаки были крупными земельными владельцами, направлялась, главным образом, переселенческая беднота из Боснии и Герцеговины, Хорватии и Славонии, пополнявшая собой недостающие помещикам и кулакам дешевые рабочие руки. Переселяя в Воеводину разорившихся крестьян из внутренних районов, буржуазно-помещичье правительство старалось избавиться вместе с тем от самых „неблагонадежных“ элементов внутри страны. Именно поэтому среди переселенцев было немало бывших солдат, вернувшихся из армии и русского плена и принесших с собой революционные традиции. Правительство спешило побыстрее рассредоточить бывших военнопленных и солдат по различным районам страны. (Однако оно не учло при этом последствий своей политики: бывшие военнопленные и солдаты развернули в местах нового поселения революционную деятельность.)

При проведении переселения в Македонию и Коссовую Метохию правительство исходило прежде всего из задачи насильственной сербизации этого богатого района и создания в нем опорных пунктов для борьбы против непокорного македонского и албанского населения.

Сербским кулакам-переселенцам предоставлялись большие льготы. Переселенцы имели право на бесплатный провоз к месту поселения имущества, скота и инвентаря, право пастбы скота на общественных

¹ Для проведения колонизации были созданы специальные органы: от центрального — „Консультативного комитета по колонизации“ при Министерстве аграрной реформы — до местных, срезских комиссий. В состав этих органов в качестве главных их членов вводились представители полиции и Министерства внутренних дел.

(т. е. крестьянских) выпасах и лугах, а также право заготовки строительных материалов в общинных и государственных лесах. В течение 3 лет со дня поселения колонист полностью освобождался от уплаты налогов¹.

Зажиточный крестьянин, имеющий свой инвентарь и рабочий скот, имел право на дополнительный участок земли до 3 га (§ 5 закона)². Кроме того, разрешалось создавать так называемые „образцовые переселенческие хозяйства“, размер которых мог быть доведен до 50 га³.

Сербское кулачество получало кредиты. Инструкция о переселении специально оговаривала выдачу государственных кредитов только имущим крестьянам.

„Государственную помощь, — говорилось в инструкции, — следует оказывать только тем переселенцам, которые своим имущественным состоянием могут гарантировать, что полученные ими деньги будут употреблены в дело“⁴.

Руководствуясь этой инструкцией, аграрный банк в Скопле (Македония) выдал в 1919 г. все 75 млн. динаров кредитов одним только кулацким хозяйствам (6250 хозяйств), каждое из которых получило в среднем по 12 тыс. динаров⁵.

В ином положении была переселенческая беднота. Без средств, без имущества, без сельскохозяйственных орудий и скота, лишенные даже минимальной государственной помощи, бедняки-переселенцы сразу после поселения на новом месте попадали в кабалу к кулаку и помещику, продавали землю, которую они не могли обработать, и превращались в сельскохозяйственных рабочих, наемников-батраков.

Вот как описывает положение бедняков-переселенцев сербская газета „Политика“: „Жилища переселившейся из Герцеговины в Македонию бедноты темные, мрачные, сырые. Они ничем не лучше, чем стойла для скота. Крестьяне спят преимущественно на земле, нередко живут вместе со скотом, плохо одеваются, плохо едят... Значительная часть переселенцев не выдерживает такой жизни и возвращается назад. Оставшиеся же на месте попадают в экономическую зависимость от ростовщиков и кулаков“⁶.

Обнищанию переселенческой бедноты способствовало само аграрное законодательство. Закон об аграрной реформе предусматривал лишение переселенцев участка земли в случае, если он в течение полугодя со дня поселения не обработает свою землю или не построит дома в течение 3 лет⁷. Колонист становился собственником земли лишь через 10 лет после своего поселения на новом месте.

Чтобы обеспечить кулачеству приобретение земли у разорившегося бедного крестьянина-переселенца, закон предоставлял сельской буржуазии возможность широкой аренды и „временной“ покупки земельных участков у несостоятельных крестьян (§ 24)⁸.

Таково было существо законов об аграрной реформе, кооперации и колонизации, принятых Народной Скупщиной Сербо-хорвато-словен-

¹ „Збирка закона“. Б-д. 1924, стр. 142—144, § 19, 20.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Dembitz. Agrarpolitische Massnahmen und Versuche der jugoslawischen Regierung, Novi Sad, 1933, S. 55.

⁶ „Политика“, 3 августа 1927 г.

⁷ „Збирка закона“, Б-д, 1924, § 20—25.

⁸ Там же

ского государства. Анализ этих законов и постановлений показывает, что, проводя эти мероприятия, буржуазно-помещичье правительство преследовало две основные цели: отвлечь крестьянство от революционного движения путем демагогических обещаний и создать условия для роста и усиления сельской буржуазии.

И та, и другая задачи были выполнены: буржуазии удалось временно отвлечь крестьянство от революционной борьбы. Весной и летом 1919 г., когда в стране, под влиянием венгерской социалистической революции, снова развернулась революционная борьба рабочего класса и налицо была революционная ситуация, крестьянство не оказало пролетариату решительной поддержки, оставило его в одиночестве, что способствовало поражению революционного движения.

Удалось буржуазии осуществить и вторую задачу: аграрное, кооперативное и переселенческое законодательство способствовало росту кулачества. Что касается трудового крестьянства, то оно от аграрной реформы ничего не выиграло.

д) Итоги аграрной реформы 1919 г.

Закон об аграрной реформе от 25 февраля 1919 г., принятый под давлением революционного движения трудящегося крестьянства, содержал немало широкообещательных обещаний. Однако все эти обещания оказались невыполненными.

Не выполнено было обещание об отмене колоната, чифчийства и кметчины: первый просуществовал до 1930—1931 гг., чифчийство — до 1934 г., а кметчина, хотя и была формально отменена, фактически так и осталась неликвидированной.

Не выполнено было обещание о разделе между крестьянами отчужденной помещичьей земли: вместо 2134000 га, как это предусматривалось законом, у помещиков было отчуждено только 510 тыс. га пахотной и 57 тыс. га несельскохозяйственной площади.

Не выполнены были и другие обещания. Аграрная реформа не закончилась в предусмотренный срок (1—2 года), а растянулась на 12—15 лет, причем каждый год принимались все новые и новые законы, ограничивающие даже такой куцый и половинчатый закон, как „Предварительные распоряжения“ от 25 февраля 1919 г.

Почти вся разделенная на основании закона земля попала в руки кулачества. Об этом свидетельствуют следующие данные (табл. 6)¹.

Т а б л и ц а 6

Кто получил землю	Полученная площадь, га	В среднем на 1 хозяйство, га
18 658 сербских солдат и офицеров	156 715	8,8
6 725 сербских кулаков-переселенцев	42 094	6,3
182 098 малоземельных и безземельных крестьян	356 883	1,9
Всего	555 692	—

¹ Справочник Международного аграрного института (МАИ), М., 1932, стр. 91.

Приведенные данные показывают, что в результате реформы сербские солдаты и офицеры, переселившиеся в Македонию и Воеводину, получили почти в 7 раз больше земли, чем местные безземельные и малоземельные крестьяне, а кулаки-переселенцы — в 6 раз больше местных крестьян.

Данные говорят также о незначительных масштабах реформы, в итоге которой было разделено всего только 555 692 га, причем из этого количества лучшие пахотные земли (224 192 га) попали в руки сербского офицера и кулачества.

Наконец, эти данные говорят о том, что безземельное и малоземельное крестьянство снова было жестоко обмануто: из более, чем 11 млн. сельских жителей¹ Сербско-хорватословенского государства, получили землю только 182 098 крестьян², большая часть которых была сербской национальности. Крестьяне же угнетенных наций — албанцы, македонцы, венгры, хорваты, словенцы и т. д. — были обойдены при распределении земли.

Сербская буржуазия, проводя аграрную реформу, пошла на сделку с буржуазией и помещиками национальных районов, в результате чего в этих районах была разделена лишь незначительная часть помещичьей земли. Так, согласно официальным данным, в Словении было распределено только 3,5% помещичьих земель, в Хорватии и Славонии — 7,5%, в Воеводине — 16,0%³. При этом почти все отчужденные у помещиков земли принадлежали тем помещикам немецкой, австрийской или венгерской национальности, которые были объявлены врагами Королевства СХС за сотрудничество с австро-венгерскими войсками во время войны 1914—1918 гг. Земля остальных помещиков не была тронута.

Экспроприация земельных владений бежавших из Королевства СХС немецких, венгерских и австрийских помещиков производилась в интересах сербского кулачества. Вместо того, чтобы разделить экспроприированные помещичьи земли между беднейшим крестьянством, правительство превратило большинство из этих земель в так называемые государственные имения, которые сдавались мелкими участками в аренду кулаку. Так было сделано во всех имениях Габсбургов, в имении Топаловича (20 тыс. кадастровых ютаров), в Белье (9 тыс. кадастровых ютаров), в Сисаке, Баранье и других местах⁴.

Проведение аграрной реформы больно ударило по значительной части сельскохозяйственных рабочих, оставшихся после передачи крупных имений в аренду кулакам без работы. От реформы пострадало свыше 150 тыс. сельскохозяйственных рабочих Воеводины⁵.

В Македонии крестьяне не только ничего не получили от реформы 1919 г., но были вынуждены отдать часть своих общинных земель сербским кулакам-переселенцам.

¹ Согласно переписи 1921 г. в Королевстве СХС проживало свыше 12 млн. человек, из них в деревне — более 11 млн.

² Справочник МАИ, там же.

³ Superficies productives et le rendement des plantes cultivées, 1937; Dembitz. Agrarpolitische Massnahmen und Versuche der jugoslawischen Regierung, Novi Sad, 1933, S. 49.

⁴ „Meja“, 31 марта 1924.

⁵ „Летопис матице Српске“, XII, 1924.

В результате реформы выиграло сербское кулачество. Значительно обогатились также и сербская жандармерия, чиновничество, государственная бюрократия.

В государственном аппарате царило взяточничество, коррупция. Это вынуждена признать даже сама сербская буржуазия. Продажность и взяточничество чиновников Министерства аграрной реформы дошли до того, что министерство было вынуждено заняться специальным расследованием, которое выявило чудовищную картину прямого сговора и сделок чиновников министерства с помещиками¹.

Неоднократно вопрос о злоупотреблениях служебным положением чиновников Министерства аграрной реформы обсуждался в Народной Скупшине, где оппозиция делала интерпелляцию, чтобы дискредитировать правительство и сыграть на голосах. При этом вскрывались часто скандальные истории, характерные для прогнившего буржуазно-помещичьего государственного аппарата.

Так, на одном из заседаний Народной Скупщины была выявлена темная афера с продажей имения графа Чеконича, в котором проживало свыше 20 тыс. крестьян. Это имение вместе с крестьянами было продано за 100 тыс. фунтов стерлингов одной английской акционерной компании. Выяснилось, что нити аферы ведут к министру права Л. Марковичу и лидеру сербских радикалов Николе Пашичу².

На другом заседании была раскрыта скандальная история с продажей имения графа Карачьони³, на третьем — с разделом земель в Боснии и Герцеговине, когда отчужденные помещичьи земли были записаны на имя мертвых душ⁴.

Публиковавшиеся в сербских газетах отчеты о дебатах в Народной Скупшине, вопреки желанию буржуазии, обличали своекорыстную беспринципную политику буржуазных правителей из радикальной и „демократической“ партий.

Давая характеристику лидерам „демократической“ партии, пережившим со скамей оппозиции в правительственные кресла, и оценивая проводимую ими аграрную политику, орган компартии Королевства СХС газета „Новый свет“ писала в статье „Новая власть — старые люди“: „Демократы, которые лишь кокетничали с аграрной реформой, ныне из-за любви к власти капитулировали перед агами, бегами, графами и баронами точно так же, как и радикалы, клерикалы и другие буржуазные партии. Демократы сейчас уже говорят о выплате хака за весь 1918 г. и налогов за 1919 г. Вот в чем заключается вся „демократия“ аграрной реформы, о которой демократы столько трубили. Но маска упала и демократы предстали во всем своем гнусном обличье. Трудящиеся крестьяне, те, кто еще верил в обещания демократов, ясно увидят сегодня, что все эти обещания были только ложью и обманом“⁵.

¹ „Политика“, 6 декабря 1919 г.

² „Политика“, 6 декабря 1923 г.

³ Там же.

⁴ „Политика“, 23 февраля 1924 г., 14 августа 1924 г., 20—21 сентября 1924 г.

⁵ „Novi Svijet“ № 15, 19 августа 1920 г.

* * *

Ложью и обманом оказались и все последующие постановления об „аграрной реформе“ в Югославии.

19 сентября 1930 г. был принят закон об отмене колонатских отношений в Далмации¹. Этот закон был выгоден лишь крупным землевладельцам и кулакам. Трудящийся же крестьянин только проигрывал в результате его принятия, так как закон 19 сентября 1930 г. предусматривал выплату выкупа за ту землю, которой крестьяне фактически уже владели в течение 12 лет (в 1918 г. крестьяне явочным порядком захватили обрабатываемую ими землю).

Согласно закону собственники земли должны были получить всю задолженность крестьян за последние 10 лет, уплачиваемую пополам колоном и государством, т. е. тем же колоном и другими налогоплательщиками. Выкупная цена колебалась от 10 тыс. до 30 тыс. динаров с 1 га. Общая сумма выкупа составляла около 40 млн. динаров и выплачивалась государством немедленно путем выпуска государственных облигаций, дающих 1% годовых со сроком погашения в течение 30 лет. Собственники земли, таким образом, получали большую денежную помощь, а крестьяне становились должниками помещичье-буржуазного государства, которое через посредство судебного, военного и полицейского аппарата имело большие возможности заставить крестьян платить, чем отдельные помещики. Крестьянин платил дважды: как налогоплательщик (размер налогов в 1930—1931 гг. резко возрос) и как должник государства за землю. Закон имел весьма ограниченное значение, так как его действие распространялось только на 25 тыс. крестьянских хозяйств, занимавших лишь 60—66 тыс. га земли.

К тому же в законе имелись две существенные оговорки, сводящие его фактически на нет. Во-первых, закон не распространялся на собственников земли итальянской национальности, которых было немало в Далмации и в поместьях которых и после издания закона продолжали сохраняться колонатские отношения. Во-вторых, собственники земли, расположенной вблизи торговых центров и курортных мест, получили право отнять половину участка, находящегося в пользовании колона, без какого-либо вознаграждения. Демоagogическими были и два закона о так называемой ликвидации аграрной реформы 1919 г. — закон от 19 июля и от 5 декабря 1931 г. Эти законы закрепили право помещика на сверхминимум и повышали максимум до 869 кадастровых йохов (йох—0,57 га) в Воеводине, Македонии и Сербии и до 695 кадастровых йохов в Хорватии и Боснии.

Законы 1930—1931 гг. не только не ликвидировали такие виды крепостнических отношений, как закупничество, напoличарство и т. д., но, наоборот, являлись шагом назад по сравнению с законом об аграрной реформе 1919 г., так как предусматривали более высокий выкуп и вовсе лишали крестьян всяких государственных кредитов.

То же самое можно сказать и по поводу закона 1931 г. о монастырских крестьянах, согласно которому арендаторы монастырской и церковной земли не получали ее в собственность, а сохраняли „право“ лишь на временное пользование ею на „договорных“, т. е. на

¹ МСХКД, Информационный бюллетень, М., 1931, № 1, стр. 12.

кабальных началах. За аренду монастырской земли крестьянин попрежнему должен был платить от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{2}$ урожая в пользу монастыря.

Наконец, в 1933—1935 гг. были изданы законы о ликвидации чифчийства в Македонии. Но и эти законы не разрешали аграрного вопроса по существу, не ликвидировали остатков крепостничества, феодализма, не наделяли крестьян землей. Так же, как и все предыдущие многочисленные законы и постановления, они были направлены на защиту крупной земельной собственности, на укрепление и усиление кулачества.

Еще более решительно политика усиления кулачества проводится нынешними фашистскими правителями Югославии — шпионско-реставраторской кликой Тито, обманным путем захватившей в стране власть и установившей в Югославии полицейский государственный режим фашистского типа. В Югославии ликвидированы все завоевания народа, добытые им в результате освобождения страны от гитлеровских оккупантов Советской Армией. Изменническая клика Тито—Ранковича отдала страну на разграбление иностранного капитала, превратив Югославию в колонию американо-английского империализма. Прямой переход клики Тито в лагерь империалистов, контрреволюционный характер установленной ею власти привели к коренным изменениям в экономическом строе Югославии — к реставрации в стране капитализма¹.

Политика титовских правителей в деревне носит кулацко-капиталистический характер. Проведенная в 1946—1947 гг. аграрная „реформа“ не только не разрешила аграрного вопроса, как того требовали народные массы, но привела к усилению кулачества, к дальнейшему закабалению трудящегося крестьянства.

По официальным, сильно завышенным данным, безземельным и малоземельным крестьянам было предоставлено по реформе всего лишь 413 052 га, т. е. 5,5% пахотной земли. По закону помещики сами определяли, какая земля должна быть у них „отобрана“, и поэтому то небольшое количество земли, которое получала сельская беднота, представляло собой в большинстве случаев болота и пески².

Однако клика Тито мешала даже и эта ограниченная аграрная реформа. Белградские правители предприняли все для ее быстрой ликвидации. Был издан ряд законов и указов, урезающих аграрную реформу 1946—1947 гг. и способствующих быстрому обогащению кулачества за счет дальнейшего обнищания трудящегося крестьянства. В 1948 г. югославским фашистским парламентом — так называемой народной скупщиной — был принят грабительский закон о наследии, предусматривающий введение огромных налогов с крестьянского населения, для оплаты которых крестьяне вынуждены уступать часть своих наследственных участков кулакам. Только за 1 год после издания закона в одной лишь Сербии 20 тыс. бедняков и середняков вынуждены были продать свои земельные участки кулакам³.

Ликвидировано существовавшее ранее постановление об освобождении от налогов беднейших крестьян. Сейчас беднейшие крестьяне обязаны платить налоги независимо от того, имеют они доходы или нет. При этом распределение налогов производится так, что беднота

¹ „Правда“, 15 августа 1950 г.

² „За прочный мир, за народную демократию!“, 10 января 1951 г.

³ „Правда“. 15 августа 1950 г.

платит одинаковый по размерам налог с кулаком, хотя имущественное их положение разделяется очень резко¹.

В 1950 г. титовское правительство издало указ об обязательных поставках беднейшими крестьянами — владельцами участков до 2 га — продуктов фашистскому государству. Сбор этих поставок в Югославии проходит в обстановке жестокого террора. С осени 1950 г. в деревнях введено настоящее осадное положение: молотить хлеб разрешается только в присутствии специальных правительственных уполномоченных и полиции, которые сейчас же отбирают зерно для государства. В результате таких бандитских действий в Хорватии и других районах Югославии, по признанию фашистской газеты „Весник“, крестьянам в 1950 г. было оставлено всего по 63 кг зерна на человека в год — норма, недостаточная для поддержания полуголодного существования даже в течение немногих месяцев².

Серьезным источником обогащения кулака и эксплуатации крестьянской бедноты является так называемая система „связанных цен“, при которой кулак имеет широкие возможности приобретать дефицитные промышленные товары и заниматься спекуляцией на черном рынке.

В Югославии отменена государственная монополия внешней торговли и капиталистическим элементам предоставлено право вести торговлю с иностранными фирмами и организациями. В 1950—1951 г. в стране создано свыше 100 экспортно-импортных фирм и 9 экспортных торговых агентств³.

Внутренний рынок Югославии всецело захвачен торговцами и кулаками, в деревне процветают ростовщичество и кабальная аренда. Одной из форм капиталистической эксплуатации трудящегося крестьянства является фашистская лжекооперация, широко поддерживаемая титовскими правителями.

В 1951 г. клика Тито ликвидировала машинно-тракторные станции и передала средства производства кулакам и кулацким лжекооперативам⁴. В югославской деревне идет быстрый процесс разорения и обезземеливания бедняков и части середняков, растет и укрепляется кулачество. Даже титовская печать признает, что ежегодно 10% бедняцких и середняцких хозяйств теряют землю⁵.

Политика неограниченной эксплуатации и угнетения крестьянских масс, разнузданный разгул титовских палачей вызывают растущее возмущение трудящегося крестьянства, порождают сопротивление, ширящееся по всей стране и принимающее самые разнообразные формы — от организованного саботажа посевной и уборочной кампаний, невыхода на принудительные работы⁶ и срыва кабальных хлебозаготовок до вооруженных восстаний⁷.

¹ „За прочный мир, за народную демократию!“, 19 января 1951 г.

² Там же, 10 января 1951 г.

³ Там же, 6 июля 1951 г.

⁴ Там же.

⁵ Подробнее об этом см. „За прочный мир, за народную демократию!“ от 6 июля 1951 г.

⁶ К середине 1951 г. из 650 тыс. крестьян, мобилизованных на различные принудительные работы, сбежало 400 тыс. („За прочный мир, за народную демократию!“ 6 июля 1951 г.).

⁷ См. „Правда“, 15 августа 1950 г.

Говоря о росте всенародного движения против титовского фашизма в Югославии, передовая статья газеты „За прочный мир, за народную демократию!“, указывает: „В глубоком подполье формируются и растут революционные силы народов Югославии, воссоздается подлинно Коммунистическая партия Югославии... Героическая борьба народов Югославии, неразрывно связана с общей борьбой народов за мир, опирается на солидарность и моральную поддержку трудящихся всех стран, на помощь коммунистических и рабочих партий, рассматривающих борьбу против клики Тито как свой интернациональный долг. Югославские народы, борющиеся против титовских прислужников поджигателей войны, за независимость и свободу своей родины, за демократию и мир, добьются победы своего великого правого дела“¹.

¹ „За прочный мир, за народную демократию!“, 6 июля 1951 г.

В. Д. Королюк

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И ПОДГОТОВКА СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ¹

1. ВОПРОС О ПРОДОЛЖЕНИИ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ И СВИДАНИЕ В РАВЕ РУССКОЙ

Разгром экспедиции Конти и укрепление с русской помощью саксонского курфюрста Августа II на польском престоле знаменовали собой серьезные изменения во внутреннем и международном положении Речи Посполитой. На польском престоле оказался человек, обладавший собственным наследственным владением — Саксонским курфюршеством, где он правил в качестве абсолютного монарха. Личная уния, установившаяся между двумя государствами, с первого взгляда должна была как будто укрепить внешние позиции и военные силы шляхетской республики. С помощью саксонской армии можно было бы предпринять более энергичное наступление на турок, тем более, что главной внешне-политической задачей, стоявшей тогда перед Речью Посполитой, была борьба за возвращение Каменца и Подолии. Возвращения их требовали прежде всего экономические интересы господствующего сословия — магнатства и шляхты.

Но польские политические планы не ограничивались этим. В задачи польских правящих кругов входило присоединение к Речи Посполитой дунайских княжеств — Молдавии и Валахии², чего добивался в своё время Ян Собеский.

Нужно сказать, что между этими агрессивными настроениями влиятельной части польского шляхетского общества и собственными военными планами новоизбранного короля существовал определенный параллелизм. Восточные замыслы Августа II, относящиеся к 1698 г., принадлежат к одному из наиболее изученных моментов в литературе вопроса. В планы Августа II входило не только укрепление его династии в Молдавии и Валахии, но и полный разгром европейского могущества турок в результате победоносного движения войск „Священной лиги“, возглавляемых Августом II, на Константинополь³.

¹ Предлагаемая статья является частью исследования, начало которого опубликовано в III томе Ученых записок Института славяноведения под названием „Избрание Августа II на польский престол и русская дипломатия“. Дальнейшие разделы исследования публикуются в последующих томах Ученых записок.

² ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 3, л. 153.

³ K o p o r c z y ŋ s k i. Polska a Turcja, Warszawa, 1936, s. 28.

Возможно, что стремление Августа II к энергичному возобновлению Восточной войны связывалось в его планах с достижением *absolutum dominium* в самой Речи Посполитой¹. Тот факт, что Август II являлся абсолютным монархом в Саксонии, разумеется, толкал его к тому, чтобы искать средств для укрепления своей королевской власти и в Речи Посполитой.

В нашу задачу входит выяснить, в силу каких причин параллельные стремления короля и Речи Посполитой к захвату дунайских княжеств не только не дали никаких результатов, но и не повели к практическим совместным действиям с их стороны. Прежде, чем ответить на этот вопрос, нам придется продолжить изучение той внутренней политической борьбы между различными польскими и литовскими магнатско-шляхетскими группировками, которая ознаменовала собой весь долгий период бескоролья и которая с неменьшим ожесточением продолжалась после утверждения на польском престоле Августа II.

Необходимо прежде всего указать на те изменения во внутреннем положении Речи Посполитой, которые наступили в результате укрепления на польском престоле Августа II. С его победой в политическую жизнь Речи Посполитой входил новый и чрезвычайно энергичный участник, располагавший к тому же довольно серьезными материальными ресурсами. В его руках была первоклассная саксонская армия, часть которой была введена на польскую территорию и готовилась принять участие в Турецкой войне.

Обладание Саксонией обеспечивало Августу большую, чем пользовались его предшественники, свободу действий во внешней политике. Но известная независимость Августа II от Речи Посполитой и присутствие саксонских войск на ее территории вызвали серьезные подозрения в рядах господствующего класса, польского магнатства и шляхты, одинаково ревниво следивших за сохранением своей „золотой вольности“.

Год избирательной борьбы и французской военной интервенции оставил после себя тяжелое наследство — вопрос о все еще сохраняющей свое значение французской партии и литовский вопрос.

Растерянность, наступившая во французском лагере вслед за бегством Конти, вызвала колебания не только Салегги, но и примаса, до сих пор бывшего одним из наиболее последовательных противников Августа и упорных сторонников французской ориентации. Соглашение с ним отчасти задерживалось финансовыми обстоятельствами. Предвыборная борьба обошлась примасу очень дорого. Вознаграждение этих убытков выставлялось теперь им в качестве неперемennого условия при попытках примирения со стороны короля². Дальнейшие намерения оппозиции вызвали подозрения Августа. Никаких гарантий в отношении искренности ее попыток договориться с королем или хотя бы уверенности в том, что победа Августа будет истолкована ею в смысле необходимости решительного отказа от всех прежних интриг, — не было.

Существовало подозрение, что намечающийся примирительный курс оппозиции является только маневром, рассчитанным на усыпление

¹ С. Томашивський. Угорщина і Польща. Наук. зап. Т-ва им. Шевченка, 1908, кн. 4, стр. 39.

² ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 6, л. 291.

бдительности противника. Любопытно при этом отметить, что именно так расценивал сложившуюся в Речи Посполитой ситуацию гетман Мазепа, обычно довольно хорошо осведомленный в польских делах¹.

Но если так обстояли дела с оппозицией в Литве и Короне, то, с другой стороны, пристальное внимание короля должны были привлечь и замыслы его бывших союзников в великом княжестве Литовском. Литовская шляхта, составив в конце 1697 г. заговор с целью уничтожения преобладающего влияния на дела великого княжества дома Сапег, готовилась теперь открыто поднять восстание против них и немедленно приступить к захвату их поместий. Начало нового года принесло с собой известие о съезде литовской шляхты в Ошмянах, где решено было поддержать Августа силой оружия². Дело клонилось к организации шляхетской конфедерации в защиту короля против Сапег и контистов. В перспективе рисовались контуры ожесточенной гражданской войны в Речи Посполитой, поскольку восстание, разразившееся в Литве, естественно, трудно было ограничить рамками великого княжества. В самом деле, вооруженное выступление шляхты, возглавляемой Григорием Огинским, против Сапег уже в силу тех тесных связей, которые существовали между литовскими магнатами и оппозицией примаса в Короне, с одной стороны, — и связей, которые существовали между Сапегами и сторонниками короля (укажем здесь хотя бы на Ст. Яблоновского, великого гетмана коронного, бывшего родственником Сапег), с другой, — не могло ограничиться Литвой и должно было рано или поздно отозваться в Короне.

Довольно подробную картину о происходящем в Речи Посполитой русское правительство могло составить себе на основании тех донесений, которые направлял ему русский посланник в Варшаве. От внимания его не ускользали и те перемены, которые наступили теперь в польской политике Августа II. К сообщениям его о литовских делах нам и предстоит сейчас обратиться. Послы с упомянутого выше Ошмянского съезда литовской шляхты предъявили королю целую программу, исполнение которой было связано для него с большим риском. Уже 15 (25) января 1698 г. Никитин сообщал „великому посольству“: „Из Жмуди и из Ошмяны от войска и кола генералного послы доносили королевскому величеству, что удержать поровнение права литовского с корунным до горла хотят, толко б его королевское величество имел их во обороне своей. И жаловались на гетмана литовского, что на сеймиках мутил. Однако ж де они полки и хоронгвы ево, гетманские, розграмили и до послушания к его королевскому величеству привели“³.

Так начиналась гражданская война, которой стремился избежать сейчас Август II, готовившийся к энергичному наступлению на турок. Но, помимо желания сохранить „коэквазию“ (уравнение) литовских и коронных прав, литовцы настаивали на том, „чтоб быть сейму валному на конях“, „сенатором упорным против права Речи Посполитой назначивши отнятие чести и добр их на Речь Посполитую“⁴. Литовские

¹ ЦГАДА. Дела малороссийские, 1698 г., № 7, л. 6.

² ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 4, л. 58.

³ Там же, № 3, л. 19.

⁴ Там же.

депутаты требовали, чтобы Сапеги были преданы сеймовому суду, а впредь до его решения отставлены от командования литовским войском¹.

Конечно, конфликт между литовской шляхтой и контистами не был новым, только что всплывшим противоречием. Новым был тот факт, что в изменившихся после победы Августа II условиях, обе антагонистические группировки нуждались в королевской помощи и искали ее. Обстоятельство это, в конечном итоге, должно было укрепить польские позиции Августа Саксонского. Кроме того, все более очевидным становилось, что и оппозиция вынуждена будет порвать со своей старой политической линией и искать путей соглашения с королем. Об этом свидетельствовали факты перехода на королевскую сторону значительной части видных участников оппозиции².

Такая расстановка сил в Речи Посполитой открывала перед Августом два возможных пути. Один путь предполагал соглашение с оппозицией, сотрудничество со своими вчерашними противниками, чтобы, опираясь на них, окончательно укрепить свое положение в Речи Посполитой, добиться признания ими совершившегося против их воли избрания, жертвуя при этом интересами своих прежних союзников. Другой путь явился бы логическим продолжением прежнего политического курса на союз с литовским шляхетским движением и был бы попыткой вызвать и использовать в своих интересах массовое восстание шляхты против магнатов, попыткой опереться на обостряющийся антагонизм между двумя фракциями правящего сословия. Какой же путь в конечном итоге избрал новый польский король и какова, хотя бы предположительная, мотивировка этого выбора?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо разобраться в тех конкретных усилиях, которые предпринял Август вслед за объявлением литовцами их политической программы. Королевский ответ далеко не соответствовал настроениям литовских послов. В нем содержалось требование, адресованное Огинскому, „чтобы он те хоронгви отдал под управление гетманское (т. е. Сапегам. — В. К.), а сам ехал х королевскому величеству“³. Созванная королем сенатская рада назначила не конный, а обычный сейм на апрель 1698 г.

Литовская шляхта была крайне раздражена действиями Августа II⁴. Королевские представления и в дальнейшем не оказали никакого влияния на литовцев. Огинский и его друзья продолжали нападать на людей гетмана Сапеги, грабить их маетности и угрожать самому Августу II. Единственно, чего удалось добиться на первых порах, было примирение между Сапегами и Слушкой, одним из вождей литовского шляхетского движения⁵. На него тогда и была возложена посредническая миссия на Литве⁶.

¹ ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 3, л. 19; № 4, лл. 110—112.

² 8 (18) января 1698 г. Никитин сообщал, что „сенатори немного не все припустили к его королевскому величеству, толко еще кардинал, да воеводы белской, киевской и некоторые воеводства, а имянно, равское, ленчицкое, стоят при своем намерении“. — ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 3, л. 16.

³ Там же, л. 24.

⁴ Там же, 1697 г., № 12, л. 56.

⁵ Там же, 1698 г., № 3, л. 23.

⁶ Об этом сообщал и Никитин „А в Литву послал (король — В. К.) уговаривать Огинского каштеляна виленского Слушку да генерала великопольского для того, что универсалов его, королевских, он не слушает, маетности Сапегины не только что грабит в разоряет, но и огнем падит без остатку и бунтует велми, войско литовское мало не все к себе обратило“. — ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 4, лл. 98—99.

Одновременно началось сближение короля с его бывшими противниками — контристами. Состоялось примирение с Сапегами, наметилось соглашение с примасом. Самым удобным путем для этого оказалось согласие короля возместить денежные убытки корыстного кардинала¹. Нужно отметить, правда, что в тот момент примирение не было все же достигнуто и лишь впоследствии обе стороны, король и примас, сумели договориться на базе приемлемого для обеих сторон компромисса². Для нас, однако, важен наметившийся уже поворот королевской политики в сторону соглашения с контристами в ущерб интересам ее бывших литовских союзников. Это вовсе не означало, что король вполне переходил на сторону своих бывших противников. Когда „Сапега просил, чтоб поволено ему было те хоронги, которые при Огинском — сносить — в том отказано“ было³. Очевидно, полный разгром литовского движения тоже не входил в расчеты Августа II.

Итак, не политика полного соглашения с оппозицией и не политика поддержки литовского движения, а политика лавирования и посредничества между ними — вот что было характерной чертой польской политики Августа II. Такая тактика позволила королю сохранять в своих руках литовский козырь и с его помощью оказывать постоянное давление на своих противников в Короне.

Характеризуя внутривнутриполитическую линию Августа II, следует иметь в виду, что незамедлительного соглашения с оппозицией требовали его внешнеполитические планы. Только после примирения с оппозицией можно было рассчитывать на возможность использовать военные силы Речи Посполитой в целях успешного продолжения Турецкой войны. Турецкими планами короля следует, повидимому, объяснять направленность внутренней политики короля.

Успешная Турецкая война представлялась королю простым и удобным способом для усиления своей власти и укрепления своих польских позиций.

Несмотря на политику лавирования, польские позиции Августа II и в это время (накануне созываемого весной сейма) все еще не были достаточно прочными и, очевидно, внушали ему довольно серьезные опасения. Никакой твердой уверенности в исходе сеймовых совещаний не было. Именно поэтому, несмотря на отказ Августа от прямой русской военной помощи на территории Речи Посполитой, он все же не решался дать свое согласие на полный роспуск корпуса Ромодановского. События 1697 г. показали ему роль и значение русского военно-дипломатического нажима. В своей польской политике он и теперь продолжал рассчитывать прежде всего на русскую помощь и сочувствие. Не случайно как раз в конце марта 1698 г. Никитин сообщил в Посольский приказ о том, что „королевское величество просит ево, боярина (Ромодановского. — В. К.), чтоб он с войски великого государя при литовских границах в тех местех, где ныне

¹ О согласии этом был осведомлен Никитин, сообщавший 15 (25) января 1698 г., что „уж хочет королевское величество ему (примасу. — В. К.) убытки его все награждать“. — ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 3, л. 19; Дела польские, 1697 г., № 12, л. 55.

² ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 3, л. 23; Дела польские, 1697 г., № 12, л. 55.

³ Там же, 1698 г., № 4, л. 208.

обретаетца, побыл до сейму. О том де и к великому государю его королевское величество писал с прошением и о том я к нему, боярину, писал¹.

Существовали, повидимому, кое-какие расчеты и на австрийскую помощь, тем более, что после утверждения Августа на польском престоле Австрия торопилась наладить дружественные отношения с саксонским курфюрстом. Во всяком случае именно такой вывод напрашивается после изучения содержания переписки Никитина с Посольским приказом². Вскоре, правда, события сами собой ликвидировали появившуюся угрозу. В апреле 1698 г. литовские послы сорвали созданный ординарный сейм.

Угроза королевским позициям появилась с неожиданной стороны. В тонкую игру с оппозицией, которую затеял король, начали вмешиваться его бывшие сторонники в Короне, проявляя недовольство его абсолютистскими замашками и пробуя противопоставить ему кандидатуру королевича Якуба, отпавшую в ходе избирательной борьбы. Особенно большую энергию развила королева-мать Мария-Казимира, прикидывавшаяся другом Августа, в действительности же за его спиной поведшая интригу и против него и против Конти³. Вместе с тем серьезной угрозой королевским позициям явилось и раздражение коронной шляхты, недовольной концентрацией саксонских войск на польской территории⁴.

Наконец, отрицательное впечатление на шляхетские слои, ревниво оберегавшие свои права и вольности, должно было произвести самовластное поведение Августа Саксонского, стремящегося подчеркнуть значение своего королевского сана. Все это осложняло и запутывало дело соглашения короля с оппозицией примаса. Особенно важно отметить раскол, происшедший как раз в это время, в течение первых месяцев 1698 г., среди бывших сторонников Августа II. И те, „которые и сперва стали при нем и обрали ево (Августа. — В. К.), — отмечают московский посланник, — и в тех нет постоянства ему лицом“. Наоборот, „тужат, что опустили бывшей дом королевской, и укрепляют рокошан, чтоб не спешили сгожатца. И многие воеводства начинают менятьца для того, что шляхте приступ к его королевскому величеству несвободной, не по их обычаю, и о чем бьют челом — удовольства нет“⁵.

Подобную же перемену в настроении бывших приверженцев короля отмечал и австрийский представитель⁶.

¹ ЦГАДА. Дела польские, 1698 г. № 4, л. 187; Дела польские, 1697 г., № 12, л. 57.

² 6 (16) февраля 1698 г. он доносил, например, в Москву: „А по тайным ведомостям — что наряд пушечной привезен в Краков для того, ежели згоды не будет и сейм разорветца, и королевское величество хочет из Варшавы уступит паки в Краков и там сесть с своими людьми и приведечи еще войска своего, также и от цесаря взять в помощь, послать наступательною войною на тех, которые ему противны“. — ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 4, л. 101.

³ ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 4, л. 101.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 100.

⁶ Сошлемся на его наблюдения в передаче Никитина: „А цесарской облегат сказывал посланнику, что всем сенатором он (Август. — В. К.) не люб, потому что своенравен и ведет себя высоко, не по здешнему обычаю. И чают от него с цесарским величеством и с великим государем любви доброй, а над собою унятия воли и тягости, и хотя, чтоб ис Полаши уступил добровольно, а обрать бы которог

Такая позиция части бывших сторонников саксонского курфюрста должна была повести и повела к оттяжке соглашения с бывшей про-французской оппозицией, потребовавшей теперь вывода саксонских войск из Речи Посполитой¹. Между тем, соглашение это было теперь необходимо Августу II, учитывавшему нарастающее напряжение в Короне. Правда, в руках его был сильный козырь против происков его польских противников — литовское движение, усиливавшееся с каждым днем и приведшее к тому, что один из ведущих участников французского лагеря — Сапега был вынужден сам искать покровительства короля². Литовское движение Августу II выгодно было использовать в качестве средства политического нажима, чтобы принудить контистов покончить с их игрой в оппозицию к королю.

Правда, вскоре соглашение между королем и рокошанами было достигнуто, но оно не внушало доверия. Августу пришлось пойти на довольно значительные уступки и обещать сохранение всех старых прав и обычаев; особенно это касалось раздачи сенаторских мест. Войска, которые он предполагал двинуть под Каменец против турок, должны были содержаться на его счет и не обременять шляхетских маестностей. Король обещал покровительствовать католической церкви и исправить *раста сопвента* на созываемом в ближайшее время примирительном сейме³.

Большую роль в деле ликвидации рокоша сыграло влиятельное посредничество римского престола. Августу и на этот раз удалось использовать свой католический козырь, намекая папской дипломатии на возможность присоединения к Риму его наследственных владений в империи⁴.

Дело не ограничилось, однако, только соглашением с оппозицией. В дальнейшем (летом 1698 г.) Август пытается нащупать почву для более тесного сотрудничества со своими бывшими противниками. Несмотря на вражду с ними, несмотря на серьезные подозрения относительно их замыслов, король пробует опереться на них, приближает их к себе⁵. Это сближение с оппозицией тесно переплеталось также с теми тайными переговорами, которые затеял король как раз в этот период с Версалем.

В целом же, характеризуя положение в стране, в течение большей части 1698 г., приходится констатировать, что положение Августа оказалось не настолько прочным, как это можно было предположить в первый момент после разгрома французской экспедиции. Неполное примирение с примасом и контистами балансировалось наметившимся расколом среди его бывших сторонников в Короне. Но особенно неудачно складывались дела в великом княжестве. На Огинского не производили впечатления ни универсалы короля, ни посредническая миссия великопольского генерала⁶.

королевича из менших, а Деконтей де совершенно не будет, потому что де король французской уже не хочет на то подыматца, видит, что непостоянно здесь". — ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 3, л. 40.

¹ ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 4, л. 102.

² Никитин в апреле 1698 г. замечает в связи с этим: „Уж теперво Сапеги ходят за королевским величеством“. — ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 3, л. 60.

³ ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 4, лл. 296—297, 305.

⁴ Там же, лл. 294—297; Дела польские, 1698 г., № 3, лл. 39, 108.

⁵ ЦГАДА. Дела польские, 1697 г., № 12, л. 59; Дела польские, 1698 г., № 3, л. 108.

⁶ ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 3, л. 40.

Летом разгорелся новый конфликт между Огинским и Сапегами в связи с избранием Огинского жмудским старостой, против чего ожесточенно протестовали литовские магнаты¹. В ответ на протесты Сапег „июня в 26 день те послы (от жмудского староства. — В. К.) сказали королевскому величеству, ежели его королевское величество аудиенции дать им не укажет и элекции их на то староство не подтвердит, то они станут себе искать иной протекции“. К этому было прибавлено ими, что „лучше им быть под самодержавным монархом, нежели под ним (гетманом Сапегой. — В. К.), панком, своим братом“². Таким образом, на протяжении 1697—1698 гг. литовцы второй раз прибегли к угрозе разрыва польско-литовской унии. В свое время, в 1697 г., она оказала сильное воздействие на умы польских избирателей в пользу кандидатуры Августа II. Не решаясь окончательно оттолкнуть от себя Огинского, король вынужден был теперь обещать ему подтвердить его новое избрание³. Уступка короля не привела, однако, к прекращению междоусобной борьбы в великом княжестве Литовском. Король вынужден был продолжать свое посредничество. В июле переговоры были возобновлены, и Сапегам пришлось пойти на дальнейшие уступки литовской шляхте и официально признать „коэквадию“ (уравнение) польских и литовских прав⁴. 16 (26) июля 1698 г. произошло формальное примирение⁵.

После этого Август II мог надеяться, что теперь наступит момент энергичного польско-саксонского участия в войне, чего он прежде всего и добивался. Однако и июльское примирение оказалось очень непрочным: интересы обеих литовских группировок слишком резко расходились между собой. До самого конца 1698 г. Августу все время приходилось считаться с возможностью вспышки борьбы в Литве с новой силой⁶, что могло не только окончательно затруднить его переориентацию на бывших приверженцев Конти, но и сорвать все планы Турецкой войны.

Планы Августа II относительно Турецкой войны встретили сопротивление в Короне как со стороны его сторонников, так и со стороны противников. Наиболее проникательные представители польского магнатства прекрасно понимали, какими последствиями грозит им военный успех короля. О планах его относительно укрепления королевской власти ходили по стране довольно определенные слухи. Очевидно, именно поэтому такой предусмотрительный и искусный политик, как престарелый Ст. Яблоновский, великий коронный гетман, прилагал все усилия к тому, чтобы не допустить личного участия Августа II в задуманном им походе под Каменец. Слишком большой успех короля не входил в расчеты гетмана⁷. Правда, поход не принес королю

¹ ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 3, л. 142.

² Там же.

³ Там же, л. 143.

⁴ Там же, № 5, лл. 68—69, 79.

⁵ Нужно сказать, что усилия короля добиться успокоения Литвы вызвали сочувствие московского резидента, высоко оценившего шаги, предпринятые королем в этом направлении. „Мир литовской, — сообщает он в связи с литовской „згодой“, — милостию божию счастливо окончен трудами королевского величества, когда всех премудро успокоил роздачею честей и порожжих мест сенаторских и урядничьих обоей стороны, и тем всех удовольствовать изволил“. — Там же, лл. 75, 111.

⁶ Там же, № 3, л. 165.

⁷ Там же, № 4, л. 336.

ожидаемых лавров. Саксонские войска подошли к крепости слишком поздно. Осада ее, как это оказалось впоследствии, была плохо подготовлена. К тому же начались недоразумения между саксонскими и польскими отрядами. Однако маневр Яблоновского от этого нисколько не теряет своей значимости. Характерно, что шаг этот предпринимал тот самый человек, который еще недавно приложил свою сильную руку к делу утверждения на польском престоле саксонского курфюрста. Опасения Яблоновского разделяла, повидимому, известная часть бывших контистов, с которыми так упорно пытался теперь сблизиться Август. Появились даже довольно определенные слухи об их сношениях с Крымом, целью которых было сорвать королевские замыслы¹.

Изучение внутривосточного положения Речи Посполитой показывает, что одним из важных моментов в политической жизни страны оставалась ожесточенная борьба между литовским шляхетским движением и партией бывших сторонников Конти. Однако после вступления на польский престол Августа II в составе политических группировок, существовавших в Короне, наступили серьезные изменения. Довольно значительная часть бывших сторонников курфюрста покинула теперь его знамя и присоединилась к его прежним противникам. Вместе с тем значительно упала популярность королевского имени в широких слоях коронной шляхты. Зато другая часть контистов во главе с Сапегами избрала путь на сближение с королем, побуждаемая к тому событиями в Литве и отчасти, может быть, начавшимися тогда же тайными франко-саксонскими переговорами.

В целом положение короля было довольно непрочным. Поэтому он избрал тактику лавирования между борющимися в стране политическими группировками. Целью короля было добиться участия Речи Посполитой в задуманном им энергичном продолжении Турецкой войны. Но не прекращающаяся борьба между различными политическими группировками в стране, конфликт, обнаружившийся между королем и его прежними сторонниками по вопросу о походе на Каменец, — ограничивали внешнеполитические планы короля. Отсутствие прочной внутренней опоры заставляло его держаться традиционной политики борьбы с турецкой угрозой. Только в рамках этой борьбы он мог строить свои планы усиления королевской власти. Произвести резкий переворот в польской внешней политике (хотя бы и соответствующий государственным интересам страны), он не мог, не чувствуя за собой достаточно прочного тыла. Именно в таких сложных условиях, летом 1698 г., состоялось свидание Августа II с его могущественным союзником молодым царем Петром I.

* * *

Переходя к изложению событий внешней политики первого года правления Августа II, необходимо с самого начала указать на ту неразрывную связь, которая существовала между ними и внутренней политикой Августа II в Речи Посполитой. В связи с неспособностью к самостоятельной внешней политике, которую обнаружила Речь Посполитая, единственным активным участником „Священной лиги“ с польской сто-

¹ ЦГАДА Дела крымские, 1698 г., № 2, лл. 141—142.

роны мог быть только сам польский король, бывший одновременно и саксонским курфюрстом. Именно поэтому в дальнейшем при изложении событий внешней политики Речи Посполитой первой половины 1698 г. нам больше всего придется говорить о саксонской политике Августа II.

В этот момент Август II ориентировался во внешней политике главным образом на Россию. Только в расчете на союз с ней планировались все ближайшие военные и дипломатические действия Августа. В союзе с Россией Август II надеялся довести Турецкую войну до успешного конца, вернуть Речи Посполитой Каменец-Подольский и создать себе из Дунайских княжеств наследственное владение, которое могло бы обеспечить за его династией польскую корону¹. Продолжение Турецкой войны имело для Августа II то преимущество, что оно совпадало с интересами некоторых слоев польского шляхетского общества, мечтавших о присоединении Дунайских княжеств к территории Речи Посполитой. Последнее облегчало Августу II задачу концентрации на территории Речи Посполитой все новых и новых контингентов саксонских войск². В свою очередь эта концентрация должна была обеспечить ему более твердые позиции по отношению к враждебным политическим группировкам.

Нужно подчеркнуть, что с самого начала на пути турецких замыслов Августа II оказались непреодолимые внешние препятствия. Дело было не только в том, что польско-саксонские притязания на Молдавию и Валахию не находили никакой поддержки среди населения княжеств и их правителей, и не в том, что просьбы молдавского и валашского господарей о переходе в российское подданство были благосклонно приняты в Москве³. Основная опасность восточным планам Августа II шла с запада. Несмотря на заключение Рисвикского мира, отношения морских держав и Империи, с одной стороны, и Франции, — с другой, оставались попрежнему напряженными. Основное европейское противоречие не было разрешено. Вскоре выросла и новая опасность войны. Ожидавшаяся смерть испанского короля Карла II, лишенного

¹ Koporczyński. Polska a Szwecja, Warszawa, 1924, s. 33.

² Томашівський. Угорщина і Польща, Наук. зап. Т-ва им. Шевченка, 1908, кн. 4, стр. 39.

³ Опасаясь угрозы польского завоевания, господа спешили заручиться московской помощью и начинали переговоры с московскими властями о переходе в русское подданство. Вот что, например, сообщал Мазепа о своих переговорах с гондом „волоского владетеля“ Савой Константиновым: „Сказывает то, что владетель волоской по примеру владетеля мулянского желает быть со всем народом волоской земли под обороною его царского пресветлого величества, наипаче, слыша, что все российские его царского пресветлого величества силы имеют приходить наступательною войною на Буджак. Того ради просит он, владетель, того, чтоб от наступления полского и от тяжкого их ига защищены и соблюдены были, сказывая, что уж и так от полской области имеют несносное отягчение, понеже не точию люди тяжким игом по местам, полскою властью обладаемым, суть отягчены, но и церкви божии во унию римского костела обращены“. (ЦГАДА. Дела крымские, 1698 г., № 2, лл. 63—64). Это же подтвердил и посланник из „Мулян“. (Там же, лл. 67—68). В Москве просьбы эти были приняты довольно благосклонно. Мазепе было поручено через гондов довести до сведения „волоского“ господаря, что „его доношение и подданственное объявление приемлет он, великий государь, милостиво и впредь бы он, господарь, с своими советники и со всем народом молдовахийского своего владения на его государскую милость был надежен. А то желание их, при помощи божия, у него, великого государя, в забвении не будет“. (Там же, л. 70).

наследников, должна была необычайно остро поставить вопрос об испанской короне. Бурбоны уже протягивали к ней свои цепкие пальцы, готовясь при первом удобном случае водвориться в Мадриде и окончательно упрочить свое политическое превосходство на континенте. Но именно это обстоятельство заставляло их противников принимать самые энергичные меры к тому, чтобы воспрепятствовать осуществлению французских замыслов. Этой задаче было подчинено направление политического курса морских держав, бывших теперь главными соперниками Франции. Продолжение Турецкой войны, отвлекавшей на восток основные силы империи, не совпадало с их политическими интересами. Отсюда — идея английского посредничества между Портой и „Священной лигой“, приведшая, в конце концов, к Карловицкому мирному конгрессу. При таких условиях нет ничего удивительного в том, что петровские проекты превращения „Священной лиги“ в общеевропейский союз против турок не встретили никакого сочувствия ни в Лондоне, ни в Гааге. От морских держав исходила не только мирная инициатива на Востоке, ими же был предпринят в этом направлении и соответствующий дипломатический нажим на Вену¹. В связи с этим в апреле—мае 1698 г. стали просачиваться все более определенные известия, исходившие от различных официальных лиц, относительно мирных настроений Вены и английского посредничества при Порте². Никитину, русскому посланнику в Варшаве, было известно об этом непосредственно из уст австрийского посланника³.

Но, отмечая дипломатические усилия морских держав, стремящихся к прекращению Турецкой войны, нельзя не учитывать другой стороны событий. Дело в том, что Рисвикский мир, предоставляя Австрии необходимую передышку на западе, принуждал самих турок искать мирного разрешения затянувшегося конфликта и соглашаться на те мирные переговоры со „Священной лигой“, от которых они так долго отказывались⁴. Вместе с тем известную роль должны были сыграть и внутренние неурядицы, потрясавшие Османскую империю⁵. Противником примирения выступала Франция, поведшая интригу при султанском дворе⁶. Интрига, впрочем, не имела никакого серьезного успеха.

Идя на мир с Портой, австрийская дипломатия стремилась сохранить внешне дружественные отношения с Россией, делая вид, что заботится о русских государственных интересах. Позиция Вены, разумеется, ни в каком случае не могла отвечать видам русского правительства. Не отвечала она и видам Августа II.

Повидимому, в связи с этим стоит обострение австро-саксонских отношений. Дело в том, что Австрия была противницей саксонских

¹ Согласно сведениям Никитина, предложение о мире было сделано венскому кабинету почти в ультимативной форме, поскольку в зависимости от его согласия на мир ставилась судьба союзного договора Австрии с морскими державами. — ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 5, л. 228.

² М. Богословский. Петр I, Огиз, Соцэкгиз, 1941, т. II, стр. 412.

³ ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 3, лл. 60—61.

⁴ М. Богословский. Указ. соч., Огиз, Госполитиздат, 1946, т. III, стр. 340; ЦГАДА, Дела польские, 1698 г. № 2, л. 16.

⁵ ЦГАДА, Дела польские, 1698 г., № 5, л. 152.

⁶ М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 359; ЦГАДА. Дела австрийские, 1698 г., № 66, л. 14.

планов в отношении дунайских княжеств¹. О взаимной враждебности австрийского и саксонского дворов можно судить хотя бы по самому факту интриги, затеянной венскими дипломатами с целью лишить Августа II русской поддержки. Австрийские дипломаты старались убедить русское правительство в том, что польский король разделяет агрессивные замыслы части польского шляхетского общества против России.

Во время разговора Никитина с австрийским посланником в Варшаве в связи с пересылкой императорской грамоты в Москву, происходившего 22 апреля (2 мая), последний, прекрасно понимая, что слова его быстро дойдут до царя, обрушился с гневными упреками по адресу короля, обвиняя его в неверности и враждебности по отношению к обоим союзникам, особенно русскому. „Их королевскому величеству в Польшу, — заявил он, — прислана такая ж грамота. Толко де королевское величество и сенат не склоняютца к тому общему миру. А знатно де, хочетца им одним помиритца. А совершенно де у поляков то намерено, чтоб, помирясь с татары, Киев и Смоленск доставать. И неведомо для чего и королевское величество при том же ставитца“².

Факты, однако, не подтверждали слов австрийского дипломата. Даже учитывая второй план саксонской политики, попытки Августа нащупать соглашение с Версалем, трудно предполагать в этих словах австрийского посланника что-либо большее, чем стремление сорвать замышляемые польским королем совместно с Россией военные действия против Турции. В самом деле, Август не мог не видеть, что вражда к России поставила бы его в положение полной изоляции в Центральной и Восточной Европе. Наконец, русская помощь представлялась ему необходимой даже в самой Речи Посполитой.

Достаточно красноречивым свидетельством прорусской ориентации Августа II в этот период могут служить переговоры его посланника в Голландии Христофора Бозе с „великим посольством“. Предупреждая венские сообщения о мирных предложениях Порты, Август поспешил первым довести их до сведения русской дипломатии. Уже 8 (18) мая 1698 г. состоялась конференция „великих послов“ с Христофором Бозе, объявившим о намерении австрийцев помириться с турками. Попутно посланник не преминул упомянуть и о том, что роль посредника взяла на себя Англия и что в турецких условиях мира Россия совершенно не фигурирует³. Бозе, конечно, прекрасно понимал, что союзный договор сам по себе не остановит Империю, что к миру ее принуждает испанский вопрос и что как только турки согласятся на приемлемые для нее условия, сепаратное соглашение между нею и Портой станет фактом. Разумеется, всеми этими соображениями он поделился с русской стороной⁴. В предложениях саксонского посланника была предусмотрена возможность совместного с Россией продолжения Восточной

¹ Koperczyński. Polska a Turcja, Warszawa, 1936, s. 27. Отметим кстати, что и австрийские притязания на княжества не находили благоприятного отклика среди правящих кругов Молдавии и Валахии. Перспектива присоединения к Австрии в их глазах не была, повидимому, лучше перспективы перехода в польское подданство. Об этом см.: ЦГАДА. Дела молдавские, 1698 г., № 7, лл. 16—23.

² ЦГАДА. Дела польские 1698 г. № 3, л. 61. — Дешча была отправлена Никитиным 23 апреля и принята 12 мая „великими послами“.

³ ЦГАДА. Дела польские, 1688 г., № 2, л. 16.

⁴ Там же, л. 17.

войны в том случае, если империя изберет путь сепаратного соглашения с турками. „И посол о том... говорил: указал де его королевское величество еще царскому величеству предложить, естли, от чего боже сохрани, цесар римской, паче чаяния, особливой мир с турки учинит, не возможно ль царскому величеству купно с королевским величеством полским ту войну войски своими одними продолжать“¹.

Осторожные русские дипломаты предпочитали, однако, не связывать себе заранее руки таким соглашением с Саксонией. Им казалось более благоразумным самим попытаться выяснить дело на месте, в Вене. Принося благодарность за сообщение важных известий и подчеркивая, что они получены прежде всего от саксонского курфюрста, в то время как остальные союзники хранили молчание², русские дипломаты поспешили выдвинуть свой собственный план дальнейших действий. Он заключался в следующем: „великие послы“ отправятся в Вену и попытаются уговорить ее отказаться от мира с Турцией, чтобы довести войну до победного конца. Для этого им необходима будет в Вене помощь саксонского представителя, которого должен направить туда Август³. Во всяком случае, говорили Христофору Бозе русские дипломаты, Августу нечего беспокоиться, он не будет оставлен в одиночестве. „Великие послы“ обещали подробно информировать его о ходе своих переговоров с австрийцами и на обратном пути в Россию встретиться с ним в Польше, чтобы принять окончательное решение⁴.

В дальнейшем русско-саксонские переговоры были продолжены в Вене, куда прибыло посольство Петра I и куда Август прислал своего доверенного — Карловича. Здесь сразу стало очевидным, что удержать империю от мира с Турцией не удастся. Несмотря на многочисленные представления русской дипломатии, в русском активе оставались только одни обещания о том, что на мирном конгрессе требования русского правительства не будут забыты⁵. В ходе переговоров Россия соглашалась ограничить свои претензии к туркам, но она добивалась уступки крепости Керчи, которая была ей необходима для выхода в Черное море⁶.

Оживленные толки и большие ожидания вызывал в венских придворных кругах проявленный русским царем интерес к католическому культу⁷. Разумеется, с его стороны это было всего лишь удачной уловкой, рассчитанной на широкий политический резонанс⁸.

Нельзя не упомянуть также и еще об одном чрезвычайно интересном факте. Мы имеем в виду секретные переговоры Петра с тай-

¹ ЦГАДА. Дела польские, 1688 г., № 2, л. 17.

² „Великий государь, его царское величество, — отвечали „великие послы“ Бозе, — его королевскому величеству благодарствуют на показанную братскую любовь, что изволил ево о сем уведомить прежде всех иных соединенных, от которых по счисло о том никакой ведомости не имел“ (там же, л. 16).

³ Там же, л. 17.

⁴ Там же; М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 414—427. — Свидание монархов, о котором идет речь здесь, планировалось еще раньше.

⁵ С. М. Соловьев. История России с древних времен, кн. 3, изд. „Обществ. польза“, столб. 1177.

⁶ P. Pierling. La Russie et Saint-Siège, P., 1907, t. IV, p. 141; М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 311.

⁷ A. Theiner. Monuments historiques relatifs aux régnes d'Alexis Michaelewicz, Teodor III et Pierre le Grand czars de Russie, Rome, 1859, pp. 373—374.

⁸ М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 524—525.

ным французским агентом, о подробностях которых нам пока ничего не известно. Впоследствии, после возвращения Возницына с Карловицкого конгресса в Вену, французская дипломатия сделала попытку продолжить эти переговоры. На этот раз речь шла о проекте путешествия Петра в Париж. Самым важным было то обстоятельство, что инициатива при этом исходила от Франции¹. Возможно, что заинтересованность версальского кабинета в русских делах была связана с тем франко-саксонским сближением, которое наметилось как раз в это время. Таков внешний фон переговоров Петра с Карловичем.

Целью приезда Карловича в Вену было установление единой линии поведения с московскими дипломатами на случай мирных переговоров с турками. Об этом он прямо заявил на конференции, состоявшейся между ним и „великими послами“². Этим, однако, далеко не исчерпывалось все содержание привезенных им с собою королевских предложений. Август, повидимому, все еще надеялся на осуществление своих турецких планов, и прекращение военных действий в середине начатых им обширных военных приготовлений казалось ему невыполнимым. Поэтому в задачи Карловича входило также добиться согласия русских на то, „чтоб де к тому приводить, чтоб той комиссии (мирному конгрессу. — В. К.) быть при полской границе, а там всяко его королевское величество то дело будет и мешать и до миру не допускать или лучшего удовольствия искать“³. И в этом случае рассчитывали, повидимому, прежде всего на срыв мирных переговоров и пытались заранее заручиться русским союзом в целях продолжения и успешного завершения Турецкой войны. Об этом свидетельствует следующее заявление саксонского представителя: „А королевское величество надежен на его царское величество, и хотяб все оставили, то он при его царском величестве будет стоять и благополучного миру с турки искать“⁴.

Предложения саксонского агента не нашли достаточно благоприятного отклика у русских дипломатов, очевидно, твердо решивших испробовать мирные переговоры. Это не значило, конечно, что Россия была намерена отказаться от саксонской поддержки на мирном конгрессе. Наоборот, установление единой линии поведения на нем именно России казалось необходимым. Поэтому в ответе Карловичу, молчаливо отвергая предложенные им проекты, русские дипломаты подчеркивали, что царь „в мирном деле прикажет поступать как себе, так и его королевскому величеству“ и „согласно все дела проводить желает“⁵.

Но для этого необходима была присылка в Вену доверенного лица от Августа в качестве представителя Речи Посполитой. В конечном итоге русские дипломаты соглашались даже на немедленное прибытие в качестве доверенного лица второстепенного агента с тем, чтобы потом было отправлено официальное посольство во главе с какой-нибудь знатной персоной. Во всяком случае „ему (Карловичу. — В. К.) говорено, чтоб от короля был верный ево, с кем бы мочно то дело делать“⁶.

¹ М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 444—445.

² ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 8, л. 6.

³ Там же, л. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 7.

⁶ Там же, л. 8.

Русский план тоже не вызывал у саксонского дипломата каких-либо признаков энтузиазма: „И присланный говорил, что де его королевскому величеству одва того учинить мочно, потому что поляки — ненадежны“¹. Очевидно, отправление кого-нибудь из саксонцев считалось невозможным.

Судя по более поздней переписке Возницына с Москвой, русско-саксонские переговоры во время пребывания Петра в Вене не привели ни к каким решительным результатам. Главный для русских вопрос — вопрос о посылке в Вену Августом доверенного агента не был, по видимому, окончательно решен². Объяснение этому факту следует, очевидно, искать отчасти и в той разнице, которая существовала во взглядах русских и саксонских политиков на перспективы дальнейшего продолжения Турецкой войны.

Итак, и во время переговоров в Голландии, и во время венских совещаний с Карловичем позиция Августа определялась прежде всего твердым намерением попытаться, опираясь на русскую помощь, продолжить Турецкую войну вопреки Империи и добиться успешного ее завершения. Мирное соглашение с турками представлялось крайним и наименее желательным исходом. Однако ни в первый, ни во второй раз планы Августа не нашли поддержки со стороны осторожной русской дипломатии. Перспективы совместной русско-саксонской военной акции, вопреки ясно выраженным намерениям Австрии и морских держав, не представлялись, очевидно, русскому правительству достаточно заманчивыми. В этом состояло выяснившееся тогда коренное расхождение между политическим курсом Москвы и Дрездена. Наряду с этим, правда, было другое чрезвычайно серьезное обстоятельство, которое сближало между собою Петра и Августа: как тот, так и другой рассчитывали прежде всего на взаимную помощь. Но не только для того, чтобы подчеркнуть этот факт, относительно Петра, отмеченный уже М. М. Богословским³, необходим этот подробный разбор русско-саксонских переговоров в Голландии и Австрии. Дело в том, что с венскими совещаниями Петра с Карловичем в литературе вопроса связывается идея позднее осуществленного Северного союза против шведов. Именно на такой точке зрения стоит М. М. Богословский в своем исследовании, посвященном Петру I в период его первого путешествия за границу. По его мнению, как раз на этот последний период пребывания Петра за границей падает оформление петровских планов создания антишведской коалиции для возвращения

¹ Любопытна сама по себе та мотивировка, с помощью которой Карлович оправдывал свое возражение. Она довольно правильно отражает непрочность королевских позиций в Речи Посполитой. Саксонская дипломатия сильно опасалась также австрийских интриг в Польше. „И просит он, — говорил Карлович великим послам, — чтоб и об нем никто не ведал, а естли де сведают, то де возмутят половиною Польшею, и так де цесарской посол всех наговаривает, чтоб король в войну не ходил“. — ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 8, л. 8—9.

² 27 сентября (7 октября) 1698 г. Возницын писал царю: „В писме твоем, государеве, написано, что пошлет король польский для турского дела на комиссию из своих немцов, и чтоб с ним, кто то мне писмо отдаст, согласие иметь. И я согласие по твоему государеву указу рад, смотря по ево поступкам. Только, как я вижу, всяко себе всякими способы радение творит. И то твое, государеве, писмо отдал мне не немец — поляк, а немцов с ним ни одного человека нет и потому я разумею, что тот посол польской бошки от Речи Посполитой, нежели от короля“. ЦГАДА. Дела австрийские, 1698 г., № 66, лл. 82—83.

³ М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 484.

своей стране исконных русских земель в Прибалтике¹. При этом полагая, что план Северной войны возник в голове Петра в момент венских совещаний с Карловичем и был также предложен ему саксонской стороной², М. М. Богословский решает вопрос таким образом, что подлинным инициатором Северного союза оказывается Август.

Однако против такого решения вопроса свидетельствует прежде всего то обстоятельство, что основное направление саксонской политики было самым тесным образом связано с планами продолжения Турецкой войны. В тех сложных условиях, в которых находился саксонский курфюрст в Речи Посполитой, появление у него планов резкого поворота внешней политики на север, как это предполагает М. М. Богословский, было совершенно исключено. Последнее подтверждают и обстоятельства свидания в Раве. Только в рамках традиционной внешней политики можно было сочетать необходимую для Августа войну с внешним хотя бы участием в ней шляхетской Речи Посполитой. Вместе с тем заключение М. М. Богословского не может быть подтверждено и тем, что документально известно нам относительно содержания переговоров Карловича с „великим посольством“, и тем, что известно нам о целях его поездки в Вену. Вот что сообщает Никитин относительно их в своей депеше от 16 (26) июня 1698 г.: „И вчерашнего числа послал королевское величество в Вену генерала Карланса к вам, государям, отговаривать, чтоб миру с ним, турком, хотя цесарское величество конечно хочет, не чинить“³.

Все это, вместе взятое, может быть использовано только для доказательства того, что в этот последний период пребывания Петра за границей Август не был и не мог быть инициатором Северной войны. Наконец, осторожная тактика царя по отношению к Австрии и недавно заключенное им с Бранденбургом устное соглашение против Швеции, проявившей такое непонятное безразличие к польским делам в момент выборов, которое, в конце концов, должно было навести русскую дипломатию на серьезные размышления относительно причин проявленной шведами нерешительности, — все это подсказывает, что инициаторам антишведского союза на севере Европы, поднимающим вопрос о возвращении России выхода к морю, мог явиться только Петр, внутренние и международные позиции которого были в этот момент, при всех условиях, несравненно более прочными, чем позиции Августа. Некоторые данные свидетельствуют также в пользу того предположения, что мысль о возвращении России выхода к морю в качестве одной из ближайших задач русской внешней политики была сформулирована Петром значительно раньше его переговоров с Карловичем и до того, как выяснилась полная невозможность удержать Австрию в составе антитурецкой коалиции. Не исключено, что переговоры по этому поводу велись Петром еще во время его пребывания в Англии в 1698 г., причем имелось в виду урегулирование спора со Швецией при посредничестве английского короля⁴. Наконец, в нашем

¹ М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 565.

² Там же.

³ ЦГАДА. Дела польские, 1698 г. № 3, л. 133.

⁴ Во всяком случае, об этой попытке Петра мирно урегулировать балтийский вопрос совершенно определенно говорит Гюйсен, поступивший на русскую службу в 1702 г. и оставивший после себя лишь частично уцелевшую „Histoire de la Grande Russie“, хранящуюся ныне в архиве Академии Наук СССР. Вот что говорится в ней

распоряжении есть и прямые свидетельства о петрозской инициативе, но они относятся к более позднему периоду времени и связаны с вопросом о свидании в Раве.

* * *

Турецкие планы Августа II представляли собой только одну линию саксонской внешней политики. Существовала и другая тенденция во внешнеполитической ориентации саксонского курфюрста. Здесь имеются в виду секретные франко-саксонские переговоры 1698 г., возобновленные после неудачи 1697 г. На этот раз Людовик XIV ничего против них не имел. Непосредственной причиной, приведшей к этим сношениям, явилось охлаждение, наступившее в австро-саксонских отношениях. Разлад между Веной и Дрезденом открывал перед Версалем перспективу направить саксонскую политику в выгодное для себя русло¹.

Интриги, затеянные австрийской дипломатией, преследовавшие цель подорвать положение короля в Речи Посполитой, посеять раздор между ним и Петром, не могли, конечно, способствовать ни новому сближению Августа с Империей, ни прекращению начатых им переговоров с Версалем. Отправление же специального саксонского посланника Густава Йордана в Париж вызвало сильное волнение среди правящих кругов Вены и у ее агентов в Речи Посполитой², а также возбудило подозрения в Москве³. Кроме того, русское правительство отнюдь не одобряло планов Августа II завладеть Валахией и Молдавией. Во всяком случае, уже в конце лета русскому посланнику в Варшаве было предписано подробно исследовать этот вопрос и представить сведения относительно того — „с мулянскойю и с волоскою землями, как он, король, поступить хочет“⁴.

Но не подозрения Посольского приказа, а политика венского правительства стояла на пути Августа в восточном вопросе⁵. Такое положение дел должно было определить антиавстрийский характер намечавшегося сближения между Францией и Саксонией.

Повидимому, между внешнеполитической ориентацией короля на Францию и его внутренним курсом на соглашение с бывшими сторонниками Конти существовала какая-то связь. Дело в том, что часть бывших контистов настойчиво предлагала ему теперь свои услуги для усиления

по поводу последней [18 (28) апреля 1698 г.] беседы царя с английским королем: „Король подарил ему яхту (фрегат), угоряя его снова, что он был бы в восторге, если бы мог удовлетворить его претензии к Швеции, предоставив ему порт на Балтийском море“. Приведенный отрывок свидетельствует также о том, что переговоры в Англии не дали никаких положительных для России результатов. (Цит. по статье: А. И. Андреев. Петр I в Англии в 1698 г. „Петр Великий“, сб. статей под ред. А. И. Андреева, т. I, М.—Л., 1947, стр. 68, прим. 3).

¹ С. Гомашівський. Указ. соч., Наук. зап. Т-ва им. Шевченка, 1908, кн. 5, стр. 44.

² ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 3, лл. 108—209

³ Там же, № 4, л. 312.

⁴ Там же, № 5, л. 116.

⁵ О позиции Вены в этом вопросе сообщал несколько позднее, 4 (14) сентября 1698 г., русский уполномоченный на мирном конгрессе Пр. Возницын. Вот его собственная формулировка: „Немцы на польского короля сердитуют, понеже он, оставя Каменец, мыслит заезжать волоскую землю, которую они заподлинно называют своею“. — ЦГАДА. Дела австрийские, 1698, № 66, л. 66.

королевской власти. Русские и австрийские представители в Польше прямо указывали в своих донесениях, что переориентация короля на сторонников Конти вызвана подготовкой им абсолютистского переворота. Вот что говорилось в депеше Никитина: „По тайным ведомостям, и как цесарской облегат сказывал посланнику, что королевское величество лутче ныне любит сенаторей тех, которые были з Деконтиеву сторону приступили к нему, нежели которые сперва ево обрали, для того, что де деконтисты на злость цесарскому величеству и царскому величеству советуют ему тайно, что чрез французского может он учинитца в Полше ровным цесарскому величеству и великому государю самодержцем. И по тому их совету послал ко французскому королю посланника своего с коплементом“¹.

Но следует ли верить каждому слову этого в высшей степени любопытного документа, тем более, что в некоторой своей части он составлен на основании показаний австрийского дипломата, заинтересованного в том, чтобы вызвать подозрения у русского правительства относительно замыслов польского короля? Выше мы уже видели, как тот же самый человек пытался посеять раздор между Россией и Августом II, обвиняя последнего перед Никитиным в коварных замыслах овладения Смоленском и Киевом. Теперь он стремился внушить русской дипломатии, что абсолютистские замыслы короля преследуют враждебные России цели, направлены против ее государственных интересов. Но именно в этом пункте мы имеем больше всего оснований сомневаться в искренности его слов. Конечно, возможно, что, идя на примирение с Августом, часть бывших контистов ставила себе целью повернуть саксонскую политику против России. Подобные настроения существовали, повидимому, даже среди участников бывшей саксонской партии². Трудно, однако, предполагать, чтобы сам Август II разделял подобные настроения. Идя на сближение с Францией и готовя абсолютистский переворот в Речи Посполитой при условии явной враждебности со стороны Империи, он не мог не стремиться к укреплению русско-саксонских отношений.

* * *

Весть о восстании стрельцов прервала дальнейшее путешествие „великого посольства“. Петр спешил в Россию. На его пути лежала Речь Посполитая. Тут пришли успокоительные известия: стрелецкий бунт подавлен. Царь мог теперь не торопиться с возвращением в Москву и закончить неотложные дипломатические дела. 3 (13) августа 1698 г. в Раве Русской произошла первая встреча русского царя Петра I с польским королем Августом II. За официальными переговорами о Турецкой войне шли секретные конференции, которым суждено было определить начало Великой Северной войны³. В Раве никто не заметил этих тайных совещаний, никто не понимал, что речь идет о решительном повороте во внешней политике Августа II⁴.

Инициатором Северного союза выступал Петр. Августу, который испытывал в этот момент серьезные затруднения в своих отношениях,

¹ ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 3, лл. 108—109.

² K o p o r c z y Ń s k i, Polska a Turcja, s. 28.

³ М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 563.

⁴ Pamiętnik J. St. Jabłonowskiego, Lwów, 1862, s. 55, 58—59.

с Речью Посполитой, принадлежала второстепенная роль. Что дело обстояло именно так, в этом убеждают нас и документы, освещающие свидание в Раве, хотя они и относятся к несколько более позднему времени. Мы имеем в виду мемориал Карловича, представленный им в 1699 г. в Посольский приказ, и „Журнал Петра Великого“. Оба они чрезвычайно важны, так как подчеркивают руководящую роль Петра в этот переломный момент в русской и саксонской внешней политике и указывают на те реальные политические мотивы, которыми руководствовался царь, выдвигая план Северной войны. Во всяком случае, тот факт, что уже тогда царь определенно думал о возвращении государству его старых владений в Прибалтике, об укреплении русских позиций на морском побережье¹, — сам по себе представляется достаточно знаменательным.

Изложенному выше не противоречат и показания Паткуля, содержащиеся в одном из мемориалов, поданных им Августу и предшествующих русско-саксонскому союзу 1699 г. Паткуль предлагает в нем саксонской дипломатии приложить все усилия к тому, чтобы в ходе переговоров с Россией инициатором Северного союза представить не Августа, а Россию и Данию². Хронологически, правда, мемориал Паткуля предшествует мемориалу Карловича. Возможно даже, что последний в значительной степени был составлен под влиянием советов Паткуля. Но из этого совсем не следует, что содержащаяся в нем ссылка на русскую инициативу является искажением истины. Это тем более важно подчеркнуть, что и сам Паткуль в представленном им мемориале исходил из факта стремления Петра к возобновлению борьбы со Швецией из-за Прибалтики³. Иными словами, в 1699 г. только вспомнили обстоятельства равской встречи, чтобы использовать их в интересах саксонской дипломатии.

Но в нашем распоряжении есть еще один документ, свидетельствующий в пользу петровской инициативы и никогда раньше не привлекавшийся в литературе для разрешения этого спорного вопроса. Это — сохранившийся в „Делах польских“ черновой проект русско-саксонского договора 1699 г. В преамбуле его прямо говорилось, что „понеже его царское величество при персональном разговоре с его королевским величеством полским объявил, коим образом он желает те земли паки к себе возвратить, которые корона швейцарская при начале сего столетняго времени, при случае тогда на Москве учинившегося внутреннего несогласия, из под царской области и повелительства отвлекла и после того времени чрез вредительные договоры за собою содержать трудилась, и к тому намерению его царское величество королевского величества полского союзу и вспоможение желал. И то ради его королевское величество, ради подвижности и истинныя брацкия и соседственныя приязни к его царскому величеству, с того времени не оставил, как в своем государстве, так и при всех иных дворех в Европе, свои советы и домогателство тако утверждати, дабы ему в состоянии придти его царскому величеству явственной опыт своей

¹ Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, СПб., 1858, т. III, стр. 186—187. — Текст мемориала опубликован им в „Приложениях“; см. также: Дела польские, 1699 г., № 16, лл. 38—39. Журнал или поденная записка государя императора Петра Великого, ч. 1, СПб., 1770, стр. 2.

² Н. Устрялов. Указ. соч., т. III, стр. 307.

³ Там же, стр. 305.

брацкой верности ради и всеми силами к тому привести, дабы его царское величество к вышепомянному намерению достигнуть мог. И понеже по тому его королевское величество ныне к такому вспоможению совсем изготавился, так что ничего вяще, кроме учреждения сообязательства с его царским величеством, к тому не требуется¹.

Что касается официального белого текста договора, то нужно сказать, что в нем место это подвергалось довольно сильному сокращению. Здесь говорится только: „Понеже мы при самом персональном разговоре с наяснейшим и великоможнейшим Августом Вторым, Божию Милостию королем Польским, намеряли имети войну обще против короны свейской за многие их неправды, обеим государствам нашим учиненныя, и того ради, постановя и договора от общаго совету, той назначенной войне силою и действием сих последующих статей при помощи Божией быти соизволяем“. Однако часть высказанных в черновом тексте преамбулы положений сохранилась во второй статье самого договора. „И потому, — говорилось в ней, — обещает его королевское величество по истинному слову и своему высокому королевскому обещанию со своей страны, как он по се время чинил, тако и впредь со всею силою и прилежанием того смотрети, дабы нам, великому государю, нашему царскому величеству, к счастливому исполнению нашего намерения против свейн достигнуть и твердое основание на Балтийском море, как и высокославные наши предки с начала сего столетяго времени в порядочном безпрекословном владении и совершенном обладательстве имели, паки одержати возможно было“². Таким образом, и черновой, и официальный текст подтверждают наше положение о петровской инициативе.

* * *

Союз с Россией против Швеции и резкий поворот всей польско-саксонской политики в сторону Ливонии при наличии сильной внутренней оппозиции королю в Речи Посполитой, при наличии антирусских настроений у известной части шляхетского общества, все еще мечтавшей о возвращении Украины³, были связаны с большим риском. Поэтому Август не решился принять на себя какие-либо формальные обязательства по отношению к Петру. Петр, очевидно, сам прекрасно понимал это и не стал настаивать⁴.

Но и в настоящее время Август еще продолжал, повидимому, придерживаться своего прежнего плана действий и попытался склонить царя к совместному русско-саксонскому выступлению против Турции. Подобная попытка имела место в Раве во время встречи Петра с королевским духовником о. Вотой. Последний, подталкиваемый, очевидно, Августом, в беседе с царем пытался еще раз поднять вопрос о продолжении Турецкой войны соединенными русско-саксонскими силами. Но мнение царя было окончательным⁵. Саксонские попытки совлечь Россию с избранного ею курса на возобновление борьбы за Прибалтику потерпели окончательную неудачу.

¹ ЦГАДА. Дела польские, 1699 г., № 19, л. 1.

² Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I, СПб. 1887, стр. 304—305

³ Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. III, СПб., 1858, стр. 185.

⁴ Там же, стр. 186.

⁵ Копорczyński. Polska a Turcja, s. 31.

Но ограничивалось ли этим все содержание тайных бесед, происходивших во время свидания в Раве между обоими монархами? Не были ли выдвинуты какие-либо предложения со стороны Августа в качестве условий принятия им русской политической программы. К сожалению, именно эта сторона свидания в Раве менее всего отражена в наших источниках. Некоторые намеки можно извлечь только из сообщений современного польского мемуариста Яна Ст. Яблоновского, сына великого гетмана коронного, бывшего свидетелем описываемой нами встречи. Один характерный эпизод во всяком случае приподнимает перед нашими глазами завесу, скрывающую смысл происходивших в тот момент переговоров. Только как невольный отзвук их можно было бы расценивать слова Августа II, сказанные им однажды Петру в присутствии собравшихся поляков. Август делился с ним опасениями за свою судьбу в Речи Посполитой и просил царской помощи на случай угрозы его жизни. Петр, однако, очень удачно вышел из создавшегося неловкого положения, вежливо отстранив королевскую просьбу, сказав при этом, что польская история еще не знала случая посягательства на жизнь короля¹.

Сцена эта может послужить основанием для предположения, что тайные переговоры между Петром и Августом не ограничивались только обсуждением планов Северной войны. Собеседники, естественно, должны были подробно обсудить и создавшееся к тому времени положение дел в Речи Посполитой, поскольку, по свидетельству „Журнала Петра Великого“, именно этим положением мотивировала свой отказ от немедленной переориентации на север саксонская сторона. В свою очередь обсуждение это неизбежно должно было поднять вопрос о королевских планах относительно Речи Посполитой, об усилиях Августа сломить сопротивление враждебных ему политических группировок и об его стремлении к усилению своей королевской власти. Кроме того, предложение Петра, клонящееся к привлечению Августа к борьбе со Швецией, должно было окончательно обнадежить Августа и толкнуть его на попытку заручиться русской поддержкой, если не в плане проведения абсолютистского переворота, то, во всяком случае, в плане содействия ему в борьбе с оппозицией. К тому же в 1698 г. только русская помощь могла иметь в глазах короля вполне реальную значимость: Империя была враждебной, Франция находилась слишком далеко. Таковы те соображения, на основании которых можно с большой долей вероятности утверждать, что при Равской встрече были подняты и обсуждены основные вопросы польской политики Августа II и что вмешательство России во внутренние дела Речи Посполитой было выставлено саксонской стороной в качестве основного условия ее участия в борьбе со шведами.

Однако это условие было совершенно неприемлемым. При полной враждебности королевским планам всего польско-литовского господствующего класса, при неизбежном сопротивлении им соседей Речи Посполитой, во всяком случае, Австрии и Швеции, имея за спиной только что подавленный стрелецкий бунт и не решенный еще турецкий вопрос, браться за такое предприятие означало бы только идти на авантюру, чуждую самой природе и духу русской дипломатии. Естественным

¹ Pamiętnik Jabłonowskiego, s. 38–39.

следствием такого положения вещей должен был явиться отказ Петра поддержать честолюбивые замыслы своего саксонского союзника.

Тем не менее свидание в Раве не прошло даром ни для одного из партнеров. Для Августа стало ясным, что Россия твердо поворачивает на север и там будет искать удовлетворения своих интересов, добываясь необходимого ей выхода к морю. Это означало, что надеяться на сотрудничество с Россией в плане продолжения Турецкой войны нет никаких оснований, что союз с ней возможен только на севере. Наконец, было достигнуто все же, по видимому, соглашение о единой линии поведения в ходе предстоящих мирных переговоров с турками. Август во всяком случае обещал послать на конгресс одного из своих надежных дипломатов с тем, чтобы он поддерживал там усилия П. Возницына и согласовывал с ним предпринимаемые им самим шаги. Однако даже это решение, судя по дошедшему до нас письму Возницына, не было до конца выполнено Августом. Русскому уполномоченному приходилось не столько сотрудничать с прибывшим на конгресс делегатом Речи Посполитой, сколько бороться и спорить с ним.

В момент пребывания в Речи Посполитой подобно тому, как и в Австрии, Петр I, заинтересованный в расположении польского шляхетского общества, продолжал свою тактику заигрывания с могущественной католической иерархией, располагавшей здесь огромным влиянием и непререкаемым авторитетом. Не менее заинтересованной стороной был и Август, искавший католической поддержки и стремившийся использовать и укрепить свой союз с Римом. Этим объясняется тот факт, что, несмотря на свое полное равнодушие к вопросам религии, в Раве он счел нужным выступать в защиту католичества¹. Но особенно большое впечатление произвели беседы царя с духовником Августа II о. Вотой, мечтавшим довести до конца воссоединение церквей². Это был тот самый Вотта, которого в связи с путешествием боярина Шереметева на запад и „великим посольством“ в Риме предполагали назначить апостольским посланником в Москву³. Теперь Петр разговаривал с ним по видимости совершенно откровенно, проявляя почтительность и уважение к католическому культу и чуть ли не упоминая даже о возможности унии. А на блестящем банкете в Замостье русский царь дал, правда, только устное, согласие, которого долго добивался Рим, на пропуск через свои владения католических миссионеров на восток, исключая французских⁴. В конечном счете со стороны Петра это было только продолжение той тонкой игры, которую он начал в Вене и которая была рассчитана на нейтрализацию влиятельного католического духовенства.

В Россию Петра сопровождал генерал Карлович, посланный туда Августом в качестве его личного представителя⁵. Таковы основные итоги свидания Петра и Августа.

¹ Pierling. Указ. соч., стр. 144.

² Шмурло. Сборник документов, относящихся к царствованию Петра Великого, т. I, Юрьев, 1903, стр. 137—138.

³ Pierling. Указ. соч., стр. 128.

⁴ См. об этом: A. Theiner. Указ. соч., стр. 379—383; Pierling. Указ. соч., стр. 138—146; A. Deruga. Piotr Wielki a unia i unia kościelna, 1700—1711, Wilno, 1936, s. 71—72, а также дела польские, 1698 г., № 5, лл. 165—166.

⁵ Именно так смотрел на него и Петр I. См.: М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 19.

2. ПОДГОТОВКА СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Если Август II решил использовать войну для укрепления своей власти в Речи Посполитой, то она являлась также и законным предлогом для пребывания на польской территории саксонской армии. В 1698 г. для войны представилась новая возможность. Пользуясь внутренним ослаблением Речи Посполитой, курфюрст бранденбургский неожиданно оккупировал город Эльбинг под предлогом неуплаты ему старых долгов¹. Современники, особенно оппозиционно настроенные к новому королю, склонны были видеть в этом акте саксонскую интригу и предполагали, что оккупация произошла с тайного согласия Августа II².

Как бы то ни было, но бранденбургская акция вызвала настолько серьезную реакцию в Речи Посполитой (о чем свидетельствуют депеши русского посланника в Варшаве за 1698—1699 гг.), что угроза войны стала совершенно реальной. Оценивая создавшееся положение, нельзя не учитывать того, что оккупация Эльбинга наносила Речи Посполитой серьезный финансовый ущерб³. Собравшаяся в ноябре 1698 г. сенатская рада приняла ряд решений, направленных против Бранденбурга и клонившихся к войне с ним⁴. В Речи Посполитой подозревали возможность сговора между Бранденбургом и Швецией, опасались французской интриги и сношений Сапег с бранденбургским курфюрстом⁵. Догадки путались с фактами, создавая дополнительное напряжение. Ожидание враждебного выступления со стороны Швеции⁶ заставило сенатскую раду принять решение о посылке туда посольства с требованием не оказывать помощи Берлину⁷. Кроме того, понадобилось провести ряд внутренних мероприятий и прежде всего добиться хотя бы временного примирения между шляхтой и Сапегами в Литве с тем, чтобы двинуть к прусским границам литовскую армию. Миссию эту взял на себя Август II.

Польский король отбыл в великое княжество 8 (18) ноября. Целью поездки, по словам Никитина, было возобновление посредничества, „чтоб успокоивши тое домовую войну, обратить литовское войско и половину послать своего немецкого отыскивать Венбленг. И сам (король. — В. К.) из Брестя хотел итить в Прусы, а по воеводствам и по поветам по всем разосланы универсалы в запас, чтобы готовы были посолитым рушением, ежели курфюрстр силен будет“⁸. И на этот раз дело примирения оказалось нелегким, и переговоры по этому поводу затянулись на довольно продолжительный срок, главным образом, из-за сопротивления Огинского⁹. Все же к началу 1699 г. удалось добиться его согласия помириться с Сапегами¹⁰. Разумеется, и теперь

¹ ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 5, л. 256.

² Pamiętnik Jabłonowskiego..., s. 44.

³ Об этом говорил на сейме 1699 г. один из выступавших на нем ораторов, указывавший, что Эльбинг вместе с Гданьском и Торунью „большие подати в казну Речи Посполитой дают, нежели королевские и духовные вотчины“. — ЦГАДА. Дела польские, 1699 г., № 26, л. 217.

⁴ ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 5, л. 305—308; № 3, л. 165.

⁵ Там же, л. 165.

⁶ Там же, л. 162.

⁷ Там же, № 5, л. 311.

⁸ Там же, лл. 327—328.

⁹ ЦГАДА. Дела польские, 1699 г., № 2, л. 2.

¹⁰ Там же, л. 107; Дела польские, 1698 г., № 3, л. 177.

вмешательство короля далеко еще не означало полного перехода его на сторону могущественной литовской фамилии. Для успеха его политики достаточно было довести дело до временного и непрочного соглашения. Очевидно, в связи с продолжением этой хорошо уже усвоенной саксонской дипломатией тактики стоит появление известий о тайных сношениях Августа с Огинским в конце 1698 г., в момент начала его нового посредничества¹.

Даже поездка короля в Литву не обошлась без того, чтобы не вызвать подозрений относительно искренности его замыслов². Как бы то ни было, соглашение было сейчас Августу II крайне необходимо, так как открывало возможность использовать против пруссаков армию великого княжества.

Начало 1699 г. ознаменовалось новым резким обострением положения в связи с концентрацией весной этого года на границах польско-литовских и бранденбургских вооруженных сил³. Август мог воспользоваться бурной реакцией шляхетского общества и его воинственными антипрускими настроениями, направленными против действий бранденбургского курфюрста, чтобы, объявив ему войну, провести ее во имя государственных интересов Речи Посполитой⁴. Возникла возможность воскресить забытые проекты Собеского и образовать из Восточной Пруссии наследственное владение для саксонской династии в целях сохранения за ней польского трона. К сожалению, существо королевских планов, именно в момент эльбингского инцидента, пока еще мало изучено. О них нам скорее приходится догадываться, исходя из плана, предложенного Августом II Речи Посполитой в августе 1699 г. и содержавшего в себе те условия, на которых он соглашался взять на себя урегулирование конфликта. Об этом плане нам придется говорить несколько ниже. Здесь же важно отметить, что перспективы войны с Бранденбургом на некоторое время овладели воображением польского короля и толкнули его на ряд военных мероприятий. Часть из них уже была охарактеризована выше. Наряду с ними предпринимались и дипломатические шаги, ставившие своей целью обеспечить нейтралитет в эльбингском конфликте наиболее заинтересованных в этом вопросе европейских держав. Проектировалось отправление воеводы иновроцлавского с посольством в Данию, Голландию и Швецию с жалобой на действия Бранденбурга⁵.

Не исключено, что подозрения относительно шведских намерений в случае войны толкнули саксонскую политику на путь провокаций и предательства интересов своего русского союзника. Стремясь привлечь внимание Швеции, вспомнили петровские планы Северной войны, изложенные царем в Раве Русской, и предали их огласке. Именно таково, возможно, происхождение распространившихся вдруг в Речи Посполитой известий о русских приготовлениях к войне со Швецией

¹ В последних числах ноября Никитину стало известно, что Сапега „перенял листы королевские к Огинскому с факциями против их, Сапегов“. — ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 5, л. 343.

² „А некоторые люди говорят, — пишет Никитин, — что не для згоды в Литву пошел (Август. — В. К.), чтоб еще пуще тот огонь распалить, понеже переняты некие ево, королевские, воинские инструменты, посланные были к Огинскому“. — Там же, л. 328.

³ ЦГАДА. Дела польские, 1699 г., № 26, л. 20.

⁴ Ko p o r c z y Ń s k i. Polska a Szwecja, s. 32.

⁵ ЦГАДА. Дела польские, 1699 г., № 2, л. 3.

и даже о начале русско-шведского конфликта. Самое любопытное, что одновременно с этим в январе 1699 г. слухи эти появились и в венских курантах, которые утверждали, что Петр замышляет захватить прибалтийские порты, в том числе и Нарву¹. Саксонская дипломатия прибегла даже к официальному запросу относительно русских намерений. С запросом этим обратился к Никитину не кто иной, как один из руководителей саксонской политики Бейхлинг, человек, неприязненно относившийся к России. Он действовал от имени польского короля².

В Москве прекрасно понимали несвоевременность появления подобных слухов, поэтому в ответной грамоте посланнику русское правительство поручило ему категорически опровергнуть их³.

Военная лихорадка на бранденбургской границе оказалась, однако, очень непродолжительной. Уже летом мирное настроение начало все более и более преобладать в саксонской политике. Да и Бранденбург понемногу отходил от занятой им сначала непримиримой позиции, склоняясь к компромиссному решению вопроса об Эльбинге⁴. Поворот этот самым неразрывным образом связан с международным положением, сложившимся в Европе. Выяснилось, что Август в случае войны с Бранденбургом не получит никакой помощи от европейских держав и что в Европе никто не сочувствует перспективе перерастания конфликта из-за оккупации Эльбинга в серьезную вооруженную борьбу. С планом посредничества выступила Австрия, о чем стало известно Никитину⁵. Из его депеши мы узнаем также и о предполагающемся посредничестве Голландских Штатов⁶. Но если Августу самым выгодным представлялось предложенное ему посредничество со стороны Франции⁷, то решающее слово все же должно было принадлежать России. Особенно много значил ее голос в такой момент, когда саксонская политика, разойдясь с австрийской, фактически находилась в состоянии полной внешней изоляции.

Что касается России, то ее позиция определялась выдвинутой Петром концепцией Северной войны, которой коренным образом противоречили всякие попытки превратить эльбингский конфликт в серьезную вооруженную схватку. Поэтому именно на описываемый период времени (конец 1698 г. — начало 1699 г.) падает наибольшая активность русской дипломатии, стремившейся обеспечить себя союзниками на случай войны с Швецией. Секретные переговоры в этом направлении

¹ М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 449.

² „Говорил мне, холопу твоему, — сообщает Никитин 11 (21) января 1699 г., — именем королевского величества консилиар его, Беклин: дошла де его королевскому величеству ведомость такая, что изволили Вы, великий государь, свейскому королю объявить войну, а за что де — неведомо. А хочет его королевское величество ведасть от меня, холопа твоего, для того, ежели де будет посол свейской, ведаея между вашим царским величеством и королевским величеством брацкую дружбу и любовь совершенную, о чем о том его королевскому величеству доносить, чтоб его королевское величество мог ему на то пристойно ответ учинить. И я, холоп твой, сказал ему, Беклину, что о том ни о чем не ведал“. „А слух — прибавлено далее в донесении, — государь, есть здесь такой подлинно“. — ЦГАДА. Дела польские, 1699 г., № 2, л. 83.

³ Там же, л. 84.

⁴ Там же, № 26, л. 73.

⁵ Там же, л. 68.

⁶ Там же, л. 15.

⁷ С. Томаши́вський. Указ. соч., Наук. зап. Т-ва им. Шевченка, 1908, кн. 5, стр. 43—44.

велись с датским посланником П. Гейсом¹ и с саксонским — генералом Карловичем².

При таких условиях России гораздо более выгодным представлялось добиться примирения между враждующими сторонами, чтобы впоследствии совместно повести энергичное наступление против шведов. Благодаря этому прусская просьба о посредничестве (в январе 1699 г.) нашла такой живой отклик у русских дипломатов, тем более, что с прусской стороны последовало обещание освободить Эльбинг, как только Речь Посполитая погасит свою задолженность³.

Вскоре русское правительство, исходя из просьбы Пруссии о посредничестве, предписало своему посланнику в Речи Посполитой Никитину сделать соответствующие мирные представления Августу Саксонскому⁴. Вместе с тем о предпринятых Россией шагах было немедленно сообщено прусскому посланнику⁵. Внимание, которым он был окружен во время своего пребывания в столице⁶, свидетельствовало, несомненно, о глубокой заинтересованности Петра в исходе эльбингского инцидента⁷.

Русское вмешательство быстро разрядило атмосферу и окончательно ликвидировало угрозу войны.

Четкая антивоенная позиция, занятая Россией в эльбингском споре, не могла быть приятной ни Августу II, ни польско-литовским феодалам. Да они и не скрывали своего раздражения. Саксонская дипломатия не только задерживала ответ на представление посланника, но и потребовала от него предъявления официальной грамоты московского правительства. Затем посыпались гневные упреки на голову самого Никитина. При переговорах с ним Россию обвинили в том, что она оказывает помощь не своему союзнику, а Бранденбургу⁸. Зато спасена была судьба Северного союза. Август должен был отказаться от планов выступления против Бранденбурга.

Но, оставляя в покое бранденбургского курфюрста, он в последний раз попытался использовать оккупацию Эльбинга для укрепления своих польских позиций и для усиления своей королевской власти. Речь идет об упомянутом выше плане короля, который он предложил Речи Посполитой. План этот, повидимому, сохранил некоторые черты более раннего и более обширного плана, задуманного королем в связи

¹ М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 221—223.

² „Письма и бумаги...“, т. I, стр. 275; см. также: М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 233.

³ ЦГАДА. Дела польские, 1699 г., № 2, лл. 188—189.

⁴ „И мы, великий государь, по тому курфюрста бранденбургского прошению указали королевскому величеству полскому, — говорилось в ней, — о том объявить, чтоб он, король, для брацкой с нами, великим государем, с нашим царским величеством, дружбы и любви в том деле о городе Эльбинге учинил с ним, курфюрстом, пристойное примирение и согласие, не вводя за то никакой противности“. — ЦГАДА. Дела польские, 1699 г., № 2, л. 83.

⁵ ЦГАДА. Дела прусские, 1698 г., № 2, л. 83.

⁶ М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 206.

⁷ Доказательством тому могут служить его пометки на черновике ответной грамоты к фон-Принцену. В одной из них указывалось: „Прибавить: будет его царское величество по особенной любви и союзу с курфюрстскою пресветлостью всякими мерами войну и ссору с Речью Посполитою Полскою по возможности своей прединать, и до того не допускать, и курфюрсту в том деле всякое вспоможение чинить“. — ЦГАДА. Дела прусские, 1698 г., № 4, лл. 152—171. (Цит. по М. Богословскому, Указ. соч., т. III, стр. 210).

⁸ ЦГАДА. Дела польские, 1699 г., № 26, л. 34.

с намечающимся столкновением из-за Эльбинга. Он заключался в том, что за уплату требуемых Бранденбургом 400 тыс. ефимков из королевских средств Речь Посполитая разрешила бы Августу II оккупировать войсками Эльбинг и еще несколько прусских городов. Войска короля должны были занимать их до тех пор, пока Речь Посполитая не окажется в состоянии выплатить занятые у короля деньги. Предложенный сенатской раде проект этот, естественно, потерпел полную неудачу¹. Польское магнатство прекрасно понимало, что, овладев прусскими городами и используя финансовую слабость Речи Посполитой, король мог прочно привязать ее к своей колеснице, получить бы полное право располагать на ее территории свои войска и мог бы, в конце концов, опираясь на них, выступить против феодальной аристократии во имя укрепления своей королевской власти.

* * *

Итак, в результате русского дипломатического вмешательства, конфликт из-за Эльбинга был ликвидирован, дело антишведского союза оказалось еще более упроченным. Это не значило, что у Августа не оставалось иного выхода, как сблизиться с Россией.

Мы имеем в виду оживленные тайные сношения с Францией, которые вел в течение всего этого времени польский король. Договариваясь с ним, Версаль предполагал организовать саксонскую диверсию в тыл Австрии на случай войны с нею. Но такая перспектива мало улыбалась Августу². Что же, в конце концов, предопределило успех союзных переговоров с Россией и отказ Августа от весьма заманчивых предложений Версаля? Решающим обстоятельством оказался вопрос о союзниках. Борьба с могущественными Габсбургами, располагавшими в Речи Посполитой громадными связями, при отсутствии прочного тыла и сильных союзников, способных оказать немедленную помощь, должна была казаться бессмыслицей. Именно поэтому Август II вынужден был остановиться на проекте союза против шведов, год тому назад выдвинутом Петром I, чтобы за счет раздела Шведской империи осуществить исполнение собственных честолюбивых планов. Здесь во всяком случае можно было рассчитывать на союз с Россией и Данией, на помощь Бранденбурга, одного из наиболее коварных и жестоких врагов Швеции.

В этой связи необходимо остановиться, хотя бы в нескольких словах, на так называемом плане Паткуля, с именем которого связана предистория оформившегося в конце 1699 г. русско-саксонского союза. Но прежде всего — несколько слов о Рейнгольде Паткуле, одном из вождей лифляндского движения, родившемся в шведской тюрьме и начавшем свою политическую карьеру непримиримым противником

¹ Об этом сообщал в Москву в августе 1699 г. Никитин: „А при отъезде своем оттуда (с сенатской рады. — В. К.) говорил (король. — В. К.) паки сенатором о Эльбингу, — читаем мы в его депеше, — потому что некоторые было ево обнадежили, чтоб подписались, что ему у курфистра ево выкупить и осадить своими людьми и держать за собою, покаместо Речь Посполитая те денги ему заплатит. Также 6 и другие поморские места: Полонгу, Пуцк, Малборк осадить своими людьми. И кардинал и гетманы все в том попрежнему отказали, и король сказал, что им в своих руках того Эльбинга никаким иным способом не видеть. И разъехались мало не ссорою“. — ЦГАДА. Дела польские, 1699 г., № 52, л. 195.

² С. Тома шів сь к и й. Указ. соч., Наук. зап. Т-ва им. Шевченка, 1908, кн. 5, стр. 44.

шведского абсолютизма. Борьба с редукцией коронных имений, упорно проводившейся правительством Карла XI в Прибалтике, выдвинула Паткуля в качестве руководителя дворянской оппозиции в Ливонии. Вынужденный бежать из Ливонии, Паткуль и за границей продолжал борьбу против шведского абсолютизма. Современный мемуарист указывает, что первоначально Паткуль искал поддержки своим широким антишведским проектам в Берлине и что только после отказа осторожных Гогенцоллернов, предпочитавших выждать время, он обратился, и не без ведома берлинского кабинета, в Варшаву¹. В нашем распоряжении нет пока никаких данных ни для того, чтобы подтвердить, ни для того, чтобы опровергнуть это любопытное указание. Подчеркнем только, что само по себе оно несколько не противоречит ни курсу прусской политики, ни той роли, которую сыграл Бранденбург в начальный период Северной войны.

Но, появившись при польском дворе в качестве пламенного защитника интересов прибалтийско-немецкого рыцарства и врага шведского абсолютизма, Паткуль недолго удержался на этих позициях. То немногое, что нам известно о его деятельности на саксонской, а потом на русской службе, особенно, выдвинутые им на грани 1703—1704 гг. планы раздела Лифляндии между Петром и Августом, позволяют констатировать постепенный отход его от своих первоначальных позиций и последующее превращение его в типичного авантюриста начала XVIII в., странствующего дипломата-наемника.

В своих двух мемориалах, представленных королю в самый разгар конфликта с Бранденбургом (конец 1698 г. — начало 1699 г.)², Паткуль намечал в качестве основных союзников Августа для борьбы со шведами Россию и Данию. С последней, правда, был уже подписан союзный договор, но он не был направлен прямо против Швеции³. Что касается Бранденбурга, то Паткуль не слишком полагался на его помощь. Однако саксонская дипломатия должна была, по его мнению, обеспечить себе его нейтралитет ценою хотя бы признания за курфюрстом королевского титула⁴.

Главная роль отводилась Петру. Паткуль считал, что в крайнем случае можно было только вдвоем с ним вести Северную войну⁵. Но для этого необходимо было помочь России развязать себе руки на востоке, с Турцией. В этих целях предполагалось использовать влияние о. Ваты при папском дворе с тем, чтобы через Рим оказать давление на Империю и принудить ее предпринять энергичные шаги в пользу России в Константинополе. Царь в качестве вознаграждения за помощь Рим⁶ должен был предоставить католическим миссионерам свободный проезд через свои владения на восток⁶.

План Паткуля заранее предопределял и раздел шведских владений в Прибалтике между будущими победителями. На долю России должны были достаться только Ингрия и Карелия, вся остальная Прибалтика с Нарвой должна была отойти к Августу⁷. Правда, формально

¹ Pamiętnik Jabłonowskiego, s. 52—53.

² Мемориалы эти напечатаны Н. Устряловым. Указ. соч., т. III.

³ Там же, стр. 307. (Ср. Carlsön. Geschichte Schwedens, Gotha, 1887, B. VI, S. 61).

⁴ Там же, стр. 310.

⁵ Там же, стр. 311.

⁶ Там же, стр. 311—312.

⁷ Там же, стр. 313.

при объявлении войны Лифляндия и Эстляндия должны были сыграть роль приманки для вовлечения в войну Речи Посполитой, участие которой считалось совершенно необходимым¹.

Однако в секретном соглашении Августа — Паткуля предусматривалось, что прибалтийские области Швеции составят наследственное владение саксонского дома. Обладание ими, по мысли Паткуля, должно было открыть Августу II путь к достижению абсолютной королевской власти в Речи Посполитой². Наконец, гарантией успеха войны должно было явиться параллельное вооруженное выступление ливонского дворянства. В этих целях был организован заговор, душой которого был Паткуль.

В мемориалах Паткуля были предусмотрены и необходимые внутренние мероприятия, целью которых было привлечение к войне Речи Посполитой. Предлагалось подкупить нескольких сенаторов и примака, чтобы добиться от них согласия на объявление войны Швеции. Вместе с тем Паткуль предлагал воспользоваться смутами в Литве для того, чтобы сконцентрировать там саксонскую армию³. Последней предстояло начать вторжение на шведскую территорию.

Неудача с Эльбингом, расчеты на военную и особенно финансовую слабость Швеции⁴, сведения о полной неспособости молодого Карла XII к государственной деятельности, сообщенные Августу Паткулем⁵, — все это создавало благоприятные условия для принятия королем его плана. Вслед за этим в Москву для заключения союзного трактата с Россией было направлено посольство генерала Карловича. В его задачи входило побудить Петра к скорейшему вооруженному выступлению против шведов, которое намечалось на конец 1699 г. Нужно сказать, что именно в этом вопросе саксонская дипломатия не сумела добиться никакого успеха. Петр и Головин решительно возражали против вступления в войну до подписания мира с Портой. Перспектива войны на два фронта была с самого начала отвергнута ими. В переговорах принимал участие и датский посланник П. Гейнс⁶.

11 (21) ноября 1699 г. секретные русско-саксонские переговоры закончились подписанием в селе Преображенском союзного договора. Пребывание саксонских дипломатов (в посольстве участвовал и Р. Паткуль) в Москве по времени совпало с пребыванием там официального шведского посольства, прибывшего для подтверждения мирных договоров с Россией. Несмотря на все неудобства параллельных переговоров, тайна замышляемой против Швеции русско-саксонско-датской военной акции была полностью сохранена. До самого последнего момента шведы ничего не подозревали о готовившейся против них войне. Правда, военные приготовления Августа не были для них секретом, но их относили на счет планов монархического переворота в Речи Посполитой⁷.

¹ Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 316.

² Там же, стр. 322, 325.

³ Там же, стр. 320.

⁴ Nisbet Bain. Charles XII and the collapse of the Swedish Empire, New York — London, 1895, p. 59.

⁵ Saint Quen. Rys zycia St. Leszczyńskiego, Warszawa, 1828, s. 7.

⁶ М. Богословский. Петр I, т. IV, стр. 108, 119, 120, 155, 159. Здесь же см. подробности о внешней стороне переговоров.

⁷ Konopczyński. Polska a Szwecja, s. 29.

Еще до осенних русско-саксонских переговоров, летом 1699 г., состоялось русско-датское военное соглашение¹, направленное против шведского владычества на Балтике, хотя формально Швеция и не была упомянута в нем. Внешне договор этот, подписанный 24 августа (3 сентября), представлял собой оборонительный и наступательный союз, не направленный против какой-либо державы специально. Однако обе стороны заранее предполагали участие в нем польского короля Августа II (§ 8)².

Поскольку турецкий вопрос и переговоры с турками все еще связывали действия русских, постольку договор с Данией должен был вступить в силу только после того, как Россия окончательно развяжет себе руки с Портою. Эта оговорка была зафиксирована во второй тайной статье трактата³. После заключения договора с Августом II была создана прочная база для оформления Северного союза и для немедленного выступления Саксонии и Дании против Швеции.

В русско-саксонском союзном трактате от 11(21) ноября 1699 г. Швеция была названа враждебной стороной⁴. В преамбуле к договору содержалась ссылка на Равское свидание Петра и Августа, приведшее к соглашению против шведов⁵. В параграфе втором указывались подлинные русские военные цели: стремление добиться выхода к Балтийскому морю⁶.

Саксония должна была выступить немедленно (§ 2), причем с русской стороны было обещано предоставить ей в наем некоторое количество русских войск, но так, чтобы это не было известно шведам (§ 4). Что касается России, то задержка ее выступления предполагалась с самого начала. Россия обязывалась выступить против шведов лишь после окончательного урегулирования своих отношений с турками. Русские дипломаты обещали поторопиться с этим, „хотя б в тех местах нашему царскому величеству то и с убытком учинить“, и послать соответствующую инструкцию русскому представителю в Константинополе⁷. Заранее были распределены и театры военных операций. Россия должна была сконцентрировать свои действия на Ижоре и в Карелии⁸.

План этот, повидимому, был принят не без известного сопротивления со стороны русских дипломатов, предпочитавших двинуть русскую армию под Нарву⁹. Очевидно, вопрос о том, под чьей властью окажется Нарва после поражения шведов, тоже принадлежал к числу

¹ Переговоры о заключении русско-датского союза против Швеции начались еще в 1697 г. по инициативе Дании. В июле 1697 г. датский посланник П. Гейс прибыл в этих целях в Москву. Фактически же переговоры начались только после возвращения „великого посольства“, причем царь вел их лично. С самого начала переговоров Петр поставил вопрос о желательности включения в союз Августа II. Главной причиной затяжки секретных русско-датских переговоров было стремление Петра дожидаться результатов Карловицкого конгресса. — М. Богословский, Указ. соч., т. IV, стр. 19—42.

² „Письма и бумаги...“, т. I, стр. 295—302.

³ Там же, стр. 302.

⁴ Там же, стр. 304—310.

⁵ Там же, стр. 304—305.

⁶ Там же, стр. 305.

⁷ Там же, стр. 306—307.

⁸ „Особливо свое действо воинское в провинциях Ижерской и Корельской всюю силою весть“. — Там же.

⁹ Н. Устрялов. Указ. соч., т. IV, ч. 1, стр. 5, 106.

тех вопросов, по которым существовали разногласия между русской и саксонской сторонами. В конечном итоге саксонской дипломатии удалось добиться согласия царя на переход этого важного порта в руки Августа II.

К числу спорных вопросов следует отнести и вопрос о привлечении к войне Речи Посполитой. Однако возможность вступления ее в войну, так же как и присоединение Бранденбурга к союзу, была все же предусмотрена договором (§ 6, 8). Помимо того, Август брал на себя обязательство защищать русские интересы за границей (§ 7), а Петр, учитывая возможность срыва константинопольских переговоров (и, следовательно, отказа России от вступления в войну), обещал свое посредничество между Саксонией и Швецией на случай желания саксонской стороны прекратить конфликт (§ 13).

Речь Посполитая не была участником составившейся таким образом коалиции. Договор, подписанный в селе Преображенском, обязывал только Россию и Саксонию. Петр и в этот период продолжал возлагать свои надежды на Августа, предпочитая не связываться со шляхетской Республикой¹.

Более поздняя дипломатическая переписка между боярином Головиным и Григорием Долгоруким показывает, что во время совещаний в селе Преображенском были обсуждены положение дел в Речи Посполитой и основные черты польской политики Августа II, причем Россия взяла на себя обязательство оказать королю содействие в усилении королевской власти в стране. В подтверждение этого можно сослаться на следующее характерное замечание Головина в его письме к князю Григорию Долгорукому от 10(21) июля 1701 г. В нем говорилось: „А что говорил милости твоей королевское величество, будто ему сенатори многие полские предлагают, чтоб начать войну на нас, и в том будет и вся Речь Посполитая вспомогать, и о том известно ему самому, что великий государь сию с шведом войну начал для его королевского прошения и пользы, чтоб ему быть безопасно от своих, а не для своего какого прибытку. Також и, какое сильное споможение чинил в наставление ево королевства, возможно ему все сие знать самому“².

Как следует из текста трактата, статья о привлечении к войне Речи Посполитой была внесена в договор по инициативе Августа II. Да это и вполне естественно, поскольку он в данном случае был наиболее заинтересованной стороной. Россия приняла его предложение, повидимому, без всякого энтузиазма, скорее даже с известными подозрениями, о чем свидетельствует сам текст статьи (§ 8)³.

Итак, договор был подписан. Антишведский союз окончательно оформился.

¹ М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 484.

² ШГАДА. Письма разных лиц на русском яз., 1701, № 1, л. 52. — Разумеется, рассуждения Головина в инструкции русскому посланнику о бескорыстном участии России в войне не должны никого смущать. Инструкция ставила своей целью сформулировать содержание официального представления русского посланника королю.

³ „Также хочет его королевское величество доброе упование, которое он к тому имеет, что и речь посполитая Польская к сему делу купно вспомогати будет, с высочайшим попечением соблюдать, и обещает чрез сие, по своему королевскому слову, все тако учредить, что мы, великий государь, наше царское величество, в надежности нашей истинной пользы при том дикиим образом не будем опасения имети, яко же он о всем нашему царскому величеству правдивую ведомость подавати хочет“. („Письма и бумаги . . .“, т. I, стр. 308.)

* * *

Текст русско-саксонского союза 1699 г. показывает, какую значительную роль играл турецкий вопрос во внешней политике России. Положение, сложившееся к концу этого года в отношениях между Россией и Портой, было результатом тех мирных переговоров, которые происходили на Карловицком конгрессе между русской и турецкой делегациями и которые были осложнены политикой русских союзников — Австрии, Венеции, Речи Посполитой. Деятельность русского представителя на конгрессе Пр. Возницына затрудняло также отсутствие подробных инструкций. Полученные им указания были слишком общими и связывали руки своей категоричностью. Повидимому, еще до отъезда из Вены Петр приказывал Возницыну твердо держаться принципа „*uti possidetis*“ и ничего не уступать из новых завоеваний России¹. Возможность маневрирования была предоставлена только в одном пункте: в вопросе о Керчи, уступки которой добивался Петр во время своего пребывания в Вене². Судя по позиции, занятой на конгрессе Возницыным³, требование это не было непременно условием, и от него можно было отказаться ценой согласия турок на уступку Азова⁴.

Только во время заседания конгресса русскому делегату была доставлена письменная инструкция. Петр соглашался, в случае полной невозможности договориться с турками, ограничиться подписанием временного перемирия⁵. Это был весь инструктивный материал, которым располагал русский дипломат. Позиции Возницына были серьезно ослаблены тем обстоятельством, что ни накануне, ни в ходе мирных переговоров с турками не удалось договориться и осуществить единую линию поведения участников „Священной лиги“ по отношению к Порте. Его попытки договориться об этом с австрийцами еще в Вене наткнулись на упорное нежелание их связывать себе руки какими бы то ни было соглашениями накануне мирного конгресса. Позиция австрийцев сводилась к тому, чтобы в переговорах с турками каждый из участников лиги сам своими силами добивался поставленных перед собой целей⁶. Единственным человеком, который искал во время пребывания Возницына в Вене соглашения с ним, был временный уполномоченный Речи Посполитой — Гомолинский⁷.

Несмотря на то, что соглашение с австрийцами казалось Возницыну гораздо более выгодным, чем соглашение с агентом Речи Посполитой⁸, находившимся в Вене в полном пренебрежении у австрийских властей⁹, русский представитель пообещал все же не оставлять его¹⁰. Очевидно,

¹ М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 401.

² Там же, стр. 311.

³ Там же, стр. 405.

⁴ Там же, стр. 399.

⁵ Там же, стр. 401.

⁶ Там же, стр. 349.

⁷ 30 июля (9 августа) 1698 г. в беседе с Возницыным польский „облегат“ „говорил, жалуясь на цесарцов, что взяв их (поляков. — В. К.) в союз, хотят оставить неудовольствованных и просил именем королевского величества и Речи Посполитой, чтоб их в том деле не оставить и против цесарцов и венецов стоять за одно“.

(ЦГАДА. Дела австрийские, 1698 г., № 66, л. 4).

⁸ М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 351—353.

⁹ Там же, стр. 351.

¹⁰ ЦГАДА. Дела австрийские, 1698 г., № 66, л. 4.

перспектива установления единой польско-русской линии поведения на конгрессе представлялась довольно реальной, хотя и существовала вероятность, что Речь Посполитая откажется от мирного договора с Портой. Поэтому, не прекращая попыток сблизиться с венскими дипломатами, кстати не без ущерба для дела ксендза Гомолинского¹, Возницын после конференции с ним запросил новых инструкций на случай его отказа подписать мирный договор².

Такая позиция Речи Посполитой объяснялась тем, что принцип „*uti possidetis*“, принятый в основу переговоров, ни в коей мере не мог удовлетворить ее, поскольку Каменец и Подолия все еще находились в турецких руках. При таком положении дел, если учесть еще недовольство предварительными условиями мира русской стороны, перспектива конгресса представлялась в очень мрачных тонах³. Вскоре Гомолинский попытался еще раз опереться на русскую помощь, указывая в разговоре с Возницыным на истинную причину своего недовольства австрийской дипломатией. Ибо „чего от турков желали, а именно, Каменца возвращения, — говорил он, — того ныне с турецкой стороны не видят“⁴. На этой почве возможно было, конечно, соглашение с ним и выработка единой линии поведения, клонящейся к срыву мирных переговоров. Два обстоятельства затрудняли, однако, это соглашение. Во-первых, отсутствие инструкций от русского правительства, во-вторых, сознание, что позиция Речи Посполитой изменится коренным образом, как только ей будет обещано возвращение Подолии и Каменца.

Последнее было обусловлено рядом причин. Прежде всего польский король, не найдя поддержки у Петра, отказывался от мысли о немедленном продолжении Турецкой войны. Он не чувствовал теперь особой заинтересованности в судьбе мирных переговоров. Кроме того, мирные настроения преобладали и в самой Речи Посполитой. В связи с этим со стороны Августа II не было приложено никаких серьезных усилий, чтобы выполнить соглашение в Раве Русской и отправить на конгресс доверенное лицо из числа саксонских дипломатов. В новых условиях Август II не желал подвергать свое положение в Речи Посполитой какому бы то ни было риску. Делегатом на конгресс был назначен познанский воевода Малаховский (ксендз Гомолинский был только временным агентом). В инструкции новому уполномоченному поручалось, правда, сотрудничать с Возницыным и добиваться присоединения к Речи Посполитой Молдавии и Валахии. Последнее было, однако, максимумом польских запросов⁵, с которым мог выступить и действительно пробовал выступить польский делегат⁶. Минимум запросов

¹ М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 351—353.

² ЦГАДА. Дела австрийские, 1698 г. № 66, л. 4. „Естли, государь, — спрашивал он в своей депеше, — поляки крепко станут стоять и не похотят по нынешнему положению основание мира, како владеете, принять и учнут мне говорить или крепца вновь, чтоб по прежнему союзу и без царцов един другога не отступать, то что делать“.

³ В связи с этим 6 (16) августа 1698 г. Возницын сообщал в Москву; „Турской, государь, мир становидца не без трудности, потому что поляки, яко неудовольствованные, конечно не хотят, а наша сторона потому ж не велми склонна“. — Там же, л. 14.

⁴ Там же, лл. 17, 18.

⁵ K o n o p e c z y ŋ s k i. Polska a Turcja, s. 32—33.

⁶ M. K o g a l n i c e a n u. Fragments tirés des Chroniques Moldaves et Valaques pour service à l'histoire de Pierre le Grand, Charles XII, Stanislas Leszczyński, Demetre Cantimir et Constantin Brancovan, Jassi, 1845, I, p. 12.

сводился к требованию уступки Черновиц, Хотина, Сучавы и Сороки¹. Вместе с тем Малаховский должен был стремиться к сохранению „Священной лиги“ и настаивать на предоставлении Дунайским княжествам права избирать себе в господари польских королей: любопытное свидетельство, что и в этот промежуток времени Август II не вполне отказался еще от своих восточных планов². Но наряду с этой основной инструкцией Малаховскому была вручена и другая дополнительная инструкция, согласно которой он мог ограничиться требованием возвращения к границам, существовавшим до войны с Портой³. Эти последние условия были вполне приемлемы для австрийского партнера. Несмотря на то, что последний поход польской армии под Каменец окончился неудачей, австрийские дипломаты, в конце концов, все же обещали не оставить представителя Речи Посполитой на конгрессе в одиночестве и добиться возвращения ей Каменца и Подолии⁴. Становилось очевидным, что ни Речь Посполитая, ни Август не будут больше настаивать на присоединении Молдавии и Валахии — до сих пор главного камня преткновения в их отношениях с Веней⁵.

Как только австрийской дипломатии удалось достичь компромисса с Речью Посполитой, положение Возницына стало еще более затруднительным, о чем он поставил в известность свое правительство депешей от 27 VIII (7/IX) 1698 г.⁶ Вена предпочла взять на себя обязательство поддержать польские, а не русские интересы, потому что притязания Речи Посполитой, в их конечном виде, было гораздо легче согласовать с интересами Порты. Соглашаясь на уступку Подолии и Каменца, турки фактически лишь возвращали захваченные ранее у Речи Посполитой области. В результате Россия оказалась перед перспективой полной политической изоляции на конгрессе.

Понимая, что рассчитывать не на кого, Возницын попытался после приезда на место переговоров вступить в сепаратные сношения с турками и предложил им следующий план действий: Порта заключает перемирие с Россией с тем, чтобы, воспользовавшись им, направить все свои силы против остальных союзников и добиться решительного успеха. Русский делегат не исключал возможности помощи ей со стороны русского правительства. Вместе с тем он постарался открыть туркам глаза и на подлинные причины миролюбивого настроения их прежнего главного противника: Австрия идет на мир, сообщал он туркам, только потому, что ожидает войны за испанское наследство, для которой ей необходимо развязать себе руки на востоке⁷. Однако аргументы Возницына не возымели должного действия на умы турецких представителей. Не удалась и последовавшая за тем попытка добиться сепаратного перемирия с Портой, несмотря на то, что Возницын убеждал ее, что в таком случае ей легче будет принудить к уступкам

¹ Копорczyński. Указ. соч., стр. 32—33.

² Там же, стр. 32—33.

³ Там же, стр. 35.

⁴ ЦГАДА. Дела польские, 1698 г., № 5, лл. 131, 141, 183.

⁵ ЦГАДА. Дела австрийские, 1698 г., № 66, л. 66.

⁶ „Другое, государь, разумел я из них (поляков. — В. К.), — говорилось в ней, — что они если им Каменец уступлен будет, благодарно к миру приступят, в чем: они от цесаря обнадежены, будто салтан турецкой то им уступить хочет“. — Там же, л. 83.

⁷ М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 385—386.

трех других участников „Священной лиги“¹. Именно этот последний аргумент русского дипломата оказывался наиболее слабым. Дело в том, что усилия турецкой дипломатии сводились к тому, чтобы, добившись соглашения со своим главным и наиболее опасным врагом — Австрией, принудить остальных союзников пойти на более или менее существенные уступки². Этим объясняется в конечном итоге неудача русско-турецких сепаратных переговоров.

В дальнейшем, когда дело дошло до официальных переговоров с турецкими представителями, главным камнем преткновения оказался вопрос об укрепленных городках в нижнем течении Днепра, поскольку требование об уступке Керчи было очень скоро снято московским уполномоченным взамен за отказ турок от требования возвратить Азов³. Так как Возницыну до самого конца не удалось убедить турок уступить России эти опорные пункты против Крыма, единственным выходом оставалось заключить временное перемирие с Портой. Возницын действовал согласно последним полученным им инструкциям из Москвы. О мире предстояло договориться впоследствии⁴. Русско-турецкие переговоры на конгрессе закончились так потому, что январская (1699 г.) инструкция Петра Возницыну, развязывавшая ему руки в вопросе о днепровских городках, пришла после того, как конгресс закончил свою работу. Дополнительные уступки России не смогли, таким образом, повлиять на ход переговоров⁵.

В условиях, в которых оказался русский представитель, оставленный всеми своими союзниками и столкнувшийся с враждебной по существу позицией англо-голландских посредников, заключение временного перемирия с турками было все же значительным успехом русской политики.

В ходе работы конгресса Возницын пробовал добиться установления единой линии поведения союзников по отношению к туркам, настаивал на том, чтобы все они, отказавшись от заключения мира, подписали лишь временное перемирие⁶. Но австрийские дипломаты не имели никакого желания жертвовать своими выгодами во имя интересов русского союзника.

Польскому посланнику Малаховскому довольно просто удалось договориться с турецкой дипломатией, согласившейся уступить Каменец и Подолию и отменить позорную дань Крыму. Зато Порты удерживала за собой польскую артиллерию, захваченную ею во время войны. Окончательное разрешение этого вопроса откладывалось до переговоров со специальным посольством Речи Посполитой, которое должно было прибыть в Порту для подтверждения заключенного мира⁷. На этих условиях дело закончилось подписанием „вечного мира“, что должно было еще более ослабить русские позиции на конгрессе.

Однако Малаховский счел нужным предупредить через одного из членов своей свиты Возницына о предстоящем подписании мира с турками. Русский уполномоченный выразил резкий протест по поводу

¹ М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 387.

² Там же, стр. 388.

³ Там же, стр. 399, 401.

⁴ Там же, стр. 411—412.

⁵ Там же, стр. 434.

⁶ Там же, стр. 418.

Там же, стр. 411.

таких действий своих союзников. В посланной в Москву депеше 25 ноября (5 декабря) 1698 г. он сообщал: „Я ему (посланцу Малаховского. — В. К.) на то отвечал, чтоб господин посол их того договору без моего согласия не подписывал. А естли подпишет, то и я, како ни есть, с турки учиню мир, и тогда бы вместо миру не прилучилось им какого инаго отягчения, понеже, что я не с прибылью его царскому величеству учиню, и то учинитца от них и причтено то будет с стороны его царского величества за несодержание мира и союза“¹. Не ограничившись угрозами и продолжая требовать отказа от сепаратного соглашения с Портой, Возницын предложил Малаховскому встать на путь соглашения с ним. Общим странам, по его мнению, следовало сообща договориться с турками только относительно условий временного перемирия, оставляя заключение постоянного мира на будущее².

Аргументы Возницына, однако, не возымели никакого действия. Ответ, полученный Возницыным на свои представления, окончательно лишил его всякой надежды на возможность соглашения с Малаховским. „Он (Малаховский. — В. К.) паки отписал мне, — доносит Возницын в Москву, — что за тот совет мне благоугодной благоприятствует, обаче различно настоящее отечества его состояние, которое не краткого примирения, но мира желает“³.

Так Россия оказалась единственной державой, которой приходилось ограничиться подписанием временного двухгодичного перемирия. Все остальные ее партнеры по „Священной лиге“ вышли из войны и развязали себе руки.

Таков был результат Карловицкого конгресса. В то время, как турецкий вопрос крепко связывал русскую инициативу, руки Августа II были совершенно развязаны, по крайней мере, во внешней политике. Это создало те благоприятные внешние обстоятельства, благодаря которым Август мог вступить в Северную войну, заслонив собой на некоторое время в глазах посторонних наблюдателей могучую фигуру Петра, первым заговорившего с ним об этом гигантском предприятии.

* * *

Но были и некоторые внутренние обстоятельства, благоприятствовавшие осуществлению королевских планов. Август II, используя выступления литовской шляхты, постоянно играл на противоречиях польско-литовских политических группировок, и этим ему удавалось сдерживать своеволие магнатских фамилий в Короне, оказывать необходимое давление на оппозицию.

Когда перед королем встала во всем объеме проблема подготовки Северной войны, литовский вопрос снова должен был сыграть и действительно сыграл чрезвычайно важную роль. Дело в том, что для нанесения шведам решительного удара, для достижения необходимого первоначального успеха в войне, необходима была предварительная концентрация на шведских границах крупного контингента саксонских войск, который можно было бы в любую минуту бросить в Лифляндию, под Ригу, где назревал враждебный шведам рыцарский заговор. Между тем как раз вопрос о пребывании саксонских войск на территории

¹ ЦГАДА. Дела австрийские, 1698 г. № 65, л. 167.

² Там же, л. 169.

³ Там же.

Речи Посполитой стоял в это время наиболее остро. Примирительный сейм, созванный в середине 1699 г. в целях ликвидации остатков примасовской оппозиции, усилившейся в результате роста недовольства политикой короля его бывших приверженцев, категорически потребовал вывода саксонских войск с польской территории. Это означало, что король должен остаться безоружным перед лицом могущественных магнатов и вечно колеблющейся шляхты.

Необходимо было срочно изыскать удобный предлог для того, чтобы разместить саксонские отряды на северных границах Речи Посполитой. Разумеется, ссылаться при этом на турецкую опасность, как и на постепенно затухающее дело об Эльбинге, не приходилось. К тому же у Августа не было абсолютно никакой возможности оказать прямое давление на сейм. Правда, он пытался принять некоторые меры для его устрашения. Началась концентрация саксонских войск у Варшавы и Кракова¹, а саксонская дипломатия еще в апреле 1699 г., задолго до сейма, постаралась возродить перед глазами его депутатов угрозу русского вмешательства в польские дела на случай разногласий между королем и сеймом. 22 апреля (2/V) 1699 г., отправляя в Москву очередную депешу, Никитин сообщал: „Спрашивал я, холоп твой, генерала Карловича, что по приезде его в Варшаву слух почал быть, что он сказывает, что вашего, великого государя, войска несколько десять тысяч во всяком воинском приуготовлении стоит на литовской границе, понеже по тем ведомостям поляки сомневаются, досаждают и зело злобятца. И Карлович мне, холопу твоему, сказал, что он ту поголоску ныне пустил для поляков по указу королевскому нарочно на страх, чтоб не было у них, поляков, против его королевского величества связков и на сейме противности“².

Но, спекулируя на русской угрозе, можно было разве лишь ослабить воинственный пыл оппозиции. Для окончательного решения вопроса о пребывании саксонских войск в стране в благоприятном для короля смысле необходимо было согласие Речи Посполитой; при невозможности же добиться согласия оставался один выход — разделить ее и опереться на сочувствие одной из партий. Имея в виду, что такое разделение само собой произошло уже на Литве, естественно было использовать его теперь в своих интересах. Для этого даже не было необходимости принимать какие бы то ни было специальные меры, чтобы раздуть существующие там противоречия.

Дело в том, что события в Литве крайне обострились. Григорий Огинский, взбунтовав против Сапег часть литовского войска, начал открытую войну против литовского гетмана. Его поддержал витебский каштелян Коцел, созвавший шляхту на посполитое рушение. На его стороне оказалась и могущественная магнатская фамилия князей Вишневецких³. Помощь короля была необходима литовцам. Только при его поддержке могли они рассчитывать на полный разгром Сапег. Поэтому, когда накануне примирительного сейма Корона требовала вывода саксонцев, литовская шляхта не только соглашалась на оставление их в пределах Речи Посполитой, но даже настаивала на этом⁴. Такая пози-

¹ ЦГАДА. Дела польские, 1699 г., № 26, л. 73; там же, лл. 50—53.

² ЦГАДА. Дела польские, 1699 г., № 26, л. 10.

³ Narbutt. Dzieje wewnętrzne narodu litewskiego za czasów Jana Sobieskiego i Augusta II, Wilna, 1843, t. II, s. 7.

⁴ Там же, стр. 65.

ция литовцев позволила Августу сохранить свои отряды в Литве и даже стянуть туда новые силы¹, прибывшие для пополнения той саксонской армии, которой предстояло в ближайшем будущем обрушиться на шведов. Но, достигнув этого, саксонская дипломатия не забыла и о той основной цели, которая была поставлена перед нею мемориалом Паткуля. Предпринимался ряд мер к тому, чтобы вовлечь в войну с Швецией и Речь Посполитую. Участие ее было необходимо особенно потому, что оно в значительной степени могло упростить задачу борьбы с различными оппозиционными течениями в стране. Вместе с тем король получил бы формальное основание содержать на ее территории свои собственные военные силы. Помимо того, можно было бы воспользоваться для борьбы со шведами силами коронной и литовской армий и, наконец, в крайнем случае, если шведский поход окончится неудачей, опереться на посполитое рушение (ополчение) польско-литовской шляхты. В целях привлечения к борьбе Речи Посполитой война была начата под лозунгом выполнения условий „*pacis conventa*“, которые обязывали короля заботиться о возвращении Республике всех ее прежних владений. Ссылаясь на них и обещая присоединить к Речи Посполитой Лифляндию и Эстляндию, король надеялся придать своему предприятию патриотический характер, возбудить сочувствие к нему польской и литовской шляхты.

Август предпринял и другие меры к тому, чтобы обеспечить участие в войне Речи Посполитой. Он прежде всего решил заручиться поддержкой сената, предварительно подкупив его верхушку. Так, 100 тыс. рейхсталеров перекечвало из королевской казны в карманы примаса Радзеевского².

События в Литве были использованы в качестве дополнительного средства давления на примаса и на Сапег, в числе родственников которых был и великий гетман коронный Яблоновский. Король, только что воспользовавшийся услугами Огинского для концентрации своих войск на шведской границе, предлагает теперь Сапегам свое посредничество, которое они вынуждены были окупить ценой своего согласия на шведскую войну. На майской сессии (1700 г.) сенатской рады примас и Сапег высказались в пользу объявления войны шведам³. Короля поддержал в этот момент и могущественный дом Любомирских⁴, а великий литовский гетман Сапега, надеясь на помощь короля в Литве, предпринял даже вербовку войск для отправления их на лифляндский театр военных действий⁵.

Разумеется, это очередное предательство королем своих литовских союзников не могло не вызвать в их среде серьезного озлобления⁶. Но не это беспокоило Августа. Сохранив вначале с их помощью свои войска на территории Речи Посполитой, он пытался теперь, опираясь на их противников, добиться вовлечения в войну всей Речи Посполитой. До сих пор это ему не удавалось. Особенно болезненным для короля был отказ великого коронного гетмана отдать в его распоряжение

¹ Narbutt. Указ. соч., стр. 67.

² Н. Устрялов. Указ. соч., т. III, стр. 326.

³ Koperczyński. Polska a Szwecja, s. 38.

⁴ E. Otwinowski. Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II od roku 1696—1728, Kraków, 1849, s. 18.

⁵ Narbutt. Указ. соч., стр. 71.

⁶ Там же, стр. 73.

коронную армию. Яблоновский отказался сделать это без соответствующего решения сейма¹. Вербовка в литовскую армию, предпринятая Сапегой, могла лишь в очень небольшой степени вознаградить Августу неудачу с Яблоновским. Все же король смог создать на время благоприятную внутреннюю обстановку для развязывания войны против шведов.

Но Августу II так и не удалось заручиться согласием на войну Речи Посполитой. Достаточно мощные и влиятельные силы (прежде всего — гетман Яблоновский), сопротивлялись вовлечению страны в войну. Преодолеть их сопротивление оказалось пока невозможным. Такое положение дел очень легко могло повести к возобновлению политической оппозиции, к созданию сильной магнатско-шляхетской группировки, во власти которой будет сорвать все королевские расчеты. Поэтому необходимо кратко остановиться на деятельности тех магнатских кругов, которые с самого начала войны открыто выступили против участия Речи Посполитой в Северной войне.

* * *

Примирительный сейм 1699 г., наряду с требованием вывода с территории Речи Посполитой саксонских войск, резко поставил вопрос о существовании в ее пределах на Правобережной Украине особых казачьих формирований, сыгравших в период Турецкой войны серьезную военную роль, особенно в деле отражения татарских набегов. Теперь, после мира с Портой, в услугах казаков больше не нуждались. Сейм принял решение уничтожить эти автономные формирования, постепенно колонизовавшие Правобережную Украину². Особенно значительной была колонизационная деятельность полковника Семена Палея, поддерживавшего тесные связи с другими казачьими полковниками на Правобережье — Абазиным, Самусем, Искрой³. Присутствие казаков на Правобережной Украине было опасно для польской шляхты, с которой у Палея происходили частые вооруженные столкновения. Одно из наиболее значительных столкновений произошло в 1687 г.⁴ Крепостное крестьянство видело в отрядах Палея естественных классовых союзников. Казаки были слишком опасным социальным элементом для польской шляхты, которая не могла примириться с их пребыванием в Речи Посполитой. С. Палею постоянно приходилось изворачиваться. В 80-х годах, открыто выступая против соседней шляхты, он сумел вместе с тем поддерживать хорошие отношения с магнатами — Любомирскими, Сапегами, Фр. Замойским, избегал затрагивать их интересы⁵. В условиях невозможности перехода в русское подданство (против этого возражало русское правительство, не желавшее рисковать „вечным миром“) ему оставалось только одно — лавировать между различными политическими группировками в стране и строить свои расчеты на использовании их взаимных противоречий. Самое

¹ Narbutt. Указ. соч., стр. 71.

² Волк-Карачевский. Борьба Польши с казачеством во второй половине XVII в. и начале XVIII в., Киев, 1899, стр. 313—314.

³ В. А. Дядиченко. З історії боротьби правобережного козацтва проти шляхетської Польщі (1690—1699), Наук. зап. И-та історії і арх. Укр., кн. 2, стр. 170.

⁴ Волк-Карачевский. Указ. соч., стр. 292.

⁵ Там же, стр. 269—270.

крайнее, на что были согласны в Москве, и то в случае прямого нападения поляков на Фастовщину, было разрешение Палею переселиться с частью его казаков на Левобережье. Между тем в 1690, 1691, 1692 и 1693 гг. столкновения казаков с польскими коронными войсками продолжались. Поляки угрожали изгнать Палея из Фастова. Вслед за его разгромом должно было последовать, повидимому, возобновление русско-польской борьбы за Украину¹. В 1690 г. об этом доносил русский резидент в Варшаве Волков².

Победа Августа II сама по себе могла бы несколько облегчить положение казацкого полковника, во всяком случае, избавить его от необходимости маневрировать между ним и его польскими противниками, если бы не последовавшее вскоре прекращение Турецкой войны.

В связи с требованием сейма распустить казацкие отряды, Палей вновь начал искать русской помощи, вступил в переписку с Мазепой, запрашивая у него новых инструкций и советов³. Почти одновременно с письмом к Мазепе он обращается с письменной просьбой к киевскому воеводе Хованскому. Положение Палея было, очевидно, настолько серьезным, что он готов был согласиться на те условия перехода в русское подданство, которые ему предлагало неоднократно русское правительство и от которых он прежде решительно отказывался⁴.

В результате намечившегося в конце 1699 г. столкновения между Палеем и поляками завязалась оживленная переписка между Москвой и гетманом Мазепой. В ответ на его требования прислать новые инструкции, которыми он мог бы руководствоваться в изменившихся условиях, русское правительство предписывало ему строго придерживаться направленных ему прежде указаний, применяясь к новым обстоятельствам⁵. Другими словами, речь шла о том, чтобы действия малороссийского гетмана не повели к нарушению условий „вечного мира“⁶, за исполнением которых внимательно следили в Москве в 1699—1700 гг.

¹ В. А. Дядиченко. Указ. соч., стр. 167—171.

² Там же, стр. 168.

³ ЦГАДА. Дела малороссийские, 1699 г., № 23, л. 1.

⁴ „А в листе ево (Палея. — В. К.) написано, — сообщал в Москву Хованский, — чтоб ты, великий государь, пожаловал, велел ево принять под свою, великого государя, высодержавную руку в Киев или где ты, великий государь, ему быть с казаками укажешь“. Письмо Палея было помечено 18 (28) октября 1699 г. — Там же, л. 25.

⁵ ЦГАДА. Дела малороссийские, 1699 г., № 23, л. 19.

⁶ ЦГАДА. Дела малороссийские, 1699 г., № 4, лл. 19—20; Дела польские, 1700 г., № 14, лл. 1—2. — Русское правительство выражало свои опасения по поводу польских попыток возобновить заселение полосы земель по Днепру, оставленной пустынной по условиям „вечного мира“. Русские обвинения были направлены, главным образом, по адресу великого коронного гетмана Яблоновского. Его колонизационные мероприятия на Правобережье расценивались русскими дипломатами как нарушение условий договора 1686 г. Однако в ответ на представление Судейкина, сменившего Никитина на посту русского посланника в Варшаве, по этому вопросу польские сенаторы возражали, указывая на то, что действия Яблоновского не могут рассматриваться, как нарушение „вечного мира“ (ЦГАДА. Дела малороссийские, 1699 г., № 4, л. 19). Помимо того, поляки поднимали вопрос о пересмотре этого пункта договора 1686 г., поскольку, как указывали сенаторы, „в пактах де положено об них, чтоб быть им пустым, только до Речи Посполитой, покамест об них постоянной договор и постановление не учинитца“. Сенаторы считали, что именно теперь пришло время окончательно договориться о судьбе пустынного пояса земель. Наконец, с польской стороны в переговорах с Судейкиным было выдвинуто и контр-обвинение против России, которую тоже упрекали в нарушении этого пункта „вечного мира“. — ЦГАДА. Дела малороссийские, 1699, № 4, лл. 19—20.

Мазепа ограничился частичным перемещением войск на польской границе, которое могло все же поддержать дух в лагере Палея. Перемещение это не преследовало цели оказания помощи казацкому полковнику, насколько мы можем судить об этом на основании письма Мазепы к Петру от 27 октября (6 ноября) 1699 г.¹

Все же настроение в лагере Палея несколько поднялось. „А за прислание компании на сию сторону Днепра zelo велможности вашей благодарствую“, — писал он Мазепе 1 (11) декабря 1699 г.²

Впрочем, и в 1699 г. конфликт между Палеем и Речью Посполитой не привел ни к каким серьезным последствиям. До вооруженного столкновения не дошло. Дело ограничилось временным компромиссом между враждующими сторонами. Палею было разрешено остаться со своим полком до весны 1700 г. Уступчивость поляков была обусловлена не только временем года, неблагоприятным для открытия военных действий, но и неподготовленностью к ним коронной армии³. Несмотря на то, что Яблоновский открыто заявлял о своем несогласии с достигнутым компромиссом, однако и с его стороны последовали тайные уверения в том, что поляки не тронут Палея и что ему можно остаться с полком на прежнем месте⁴.

Было ясно, что поляки не намерены долго сохранять условия достигнутого компромисса и что в самое ближайшее время с их стороны последует нарушение его, как это и случилось на самом деле, судя по декабрьским (1699 г.) письмам Палея к Мазепе⁵.

Действительно, с весны следующего, 1700 г. начались новые военные приготовления Яблоновского против казаков, концентрация польских войск у Днепра, вслед за чем со стороны Палея последовала просьба о русской помощи⁶. Наиболее острой фазы конфликт между поляками и казацким полковником достиг летом 1700 г., когда, узнав о намерении коронных гетманов ударить на Фастов, Палей думал даже об уходе из пределов Речи Посполитой и просил Мазепу ука-

¹ „Доношу вам, великому государю, вашему пресветлому величеству, — говорилось в нем, — что по несколько кратном прошении Палея посылаю ротмистра моего с компаниею в нескольких стах человек конных в Белгородку, которая от Киева с полскою державою граничит, а от Хвастова в четырех милях есть, приказав им накрепко, чтоб во всем, там стоя, смирение хранили и никакой до военных промыслов соседственной стороне не давали причины, но своих прилежно берегли рубежей“. — ЦГАДА. Дела малороссийские, 1699 г., № 25, л. 4.

² ЦГАДА. Дела малороссийские, 1699 г., № 34, л. 6.

³ О компромиссе этом стало известно Мазепе по письму от Палея [содержание его излагается в письме Мазепы от 13 (23) декабря 1699 г.], в котором тот сообщал, „что учинил постановление с поляками такое, чтоб ему, Палею, там, в Хвастове, до весны прожити безопасно и чтоб войски полские на сю сторону Тетеровы, где товариство его, Палеево, зимовое становище имеет, не приходили и оного товариства отсюда не сгоняли, как так и стало“. — Там же, л. 2.

⁴ Об этом мы узнаем из письма Мазепы от 13 (23) декабря 1699 г., где говорилось: „А хотя гетман корунный в листе своем предлагает, что не может то так быть, понеже король полской и Речь Посполитая ему, Семену Палею, приказали войска распустити и самому ис Хвастова выступити, однако, отпуская Палеева посланца, словесно обнадживал, чтоб он, Палей, ис Хвастова не ходил и товариства своего не распускал“. Там же

⁵ Там же, л. 6.

⁶ На этот раз Мазепа прямо указывал на то, что вмешательство в польские дела представляется рискованным. „Кажетца мне, — писал он 30 марта (10 апреля) 1700 г. Головину, — по нынешним вестям, из Царяграда пришедшим, в задор с поляками вступати неприлично“. — ЦГАДА. Дела малороссийские, 1700 г., № 6, л. 13.

звать ему место для поселения на русской Украине¹. Однако вскоре отъезд гетманов в Польшу, куда их призывали другие неотложные дела, изменил настроение Палея, решившего не покидать своего лагеря и оказать в нем сопротивление надвигающимся отрядам коронного войска. В связи с этим он снова просил Мазепу оказать ему немедленную помощь².

Но и летом 1700 г. на Правобережной Украине не произошло вооруженного столкновения между коронными войсками и казаками. Северная война принимала такой оборот, что параллельная борьба на востоке с таким серьезным и многочисленным противником, как украинское казачество, не могла входить в планы польского магнатства. Это создавало для Палея благоприятные условия передышки, давало ему возможность укрепиться и пополнить свои отряды новыми силами.

Попытки Августа нанять на свою службу казаков Палея были безрезультатными, так как казацкий полковник не мог предоставить в распоряжение Августа людей, стоя перед перспективой вооруженной борьбы с коронным гетманом. Только при условии предоставления ему необходимых гарантий со стороны короля (что не было во власти последнего), Палей соглашался оказать Августу существенную вооруженную поддержку и даже самому прибыть на его службу. В конечном итоге он вынужден был ограничиться посылкой на помощь королю лишь небольшого отряда конницы³.

Эти же обстоятельства затрудили и наем палеевых казаков на русскую службу. Вербовка их была предпринята в целях передачи их в распоряжение польского короля под видом наемников, поскольку только таким образом можно было оказать в этот момент эффективную военную помощь своему союзнику. Переговоры с Палеем по этому поводу велись через Мазепу⁴.

Однако не только эта, фактически враждебная Августу II сторона деятельности великого коронного гетмана, побудила нас так подробно остановиться на украинском инциденте 1699—1700 гг., но и та провокационная позиция, которую занял в 1699 г. Яблоновский по отношению к Палею, тайно подстрекая его не выполнять сеймового постановления.

Возникает вопрос: не имела ли подготовка войны с Палеем в расчетах великого коронного гетмана какого-то иного, неизвестного нам второго плана, который смог бы разъяснить нам окончательно весь смысл затеянной им украинской авантюры. Некоторое основание для постановки такого вопроса и даже в известной степени ответ на него дает следующее показание польского историка, современника Августа II, Анонима — Отвиновского, довольно хорошо осведомленного о настроениях, господствовавших среди различных политических групп

¹ ЦГАДА. Дела малороссийские, 1700 г., № 5, лл. 211—212.

² Там же, лл. 213—217.

³ ЦГАДА. Дела польские, 1700 г., № 15, лл. 1—3.

⁴ 3 (14) июля 1700 г. Мазепа сообщал в Москву, что согласно указу „к Палею того же часу послал тайно посланца своего, чтоб войско свое купно с моим совокупил и прямо б вместе туды шли, куда военный случай позовет“. Далее он изложил причины колебаний Палея. „Опасается он, Палей, — указывал Мазепа, — измены на себя полской, чтоб за отдалением от себя своего войска в лифлянскую дорогу поляки чего, вблизи около его стоящие, над ним не учинили, над безлюдным. Обещал того ради я ему, еслиб было какое полское на него наступление, тайным способом помощь ему из киевского полка несколькими сты людей учинить“. — ЦГАДА. Дела малороссийские, 1700 г., № 6, л. 56.

в стране. Разбирая обстоятельства конфликта с Палеем и ссылаясь на ходившие в стране слухи, он объясняет украинскую авантюру Яблоновского таким образом: война с Палеем должна была в конечном итоге перерасти в новое русско-польское столкновение. Расчет ставился при этом на то, что русское правительство не удержится от оказания помощи Палею. В свою очередь вмешательство России должно было привести ее к столкновению с коронными войсками. Таким образом, фактически война возобновилась бы и опасный союз короля с Петром был бы окончательно похоронен¹. В том, что дело было так, нас убеждает и следующее общее соображение: „вечный мир“ 1686 г. довольно существенно задел материальные интересы части польского магнатства и шляхты, лишившихся своих украинских владений. Отсюда — не прекращающиеся реваншистские интриги этой небольшой, но могущественной группы польского шляхетского общества. В свое время настроение ее разделял даже сам король Ян III, скрепивший своей подписью договор 1686 г. В новых условиях, когда Турецкая война была окончена и вопрос о турецко-татарской опасности отодвигался на задний план, следовало ожидать не только возрождения, но и значительного усиления этих враждебных России реваншистских настроений. Поход на Палея мог представляться очень удобным предложением, с помощью которого эта магнатская группировка, к которой, несомненно, принадлежал и сам Яблоновский, лично заинтересованный в украинских делах, могла рассчитывать втянуть Речь Посполитую в новую борьбу с Россией за потерянные в середине XVII в. украинские области.

Уже в 1699 г., обращаясь за русской помощью, Палей неоднократно предупреждал Мазепу о подготовке Яблоновским войны против России и Украины², связывая ее с попытками последнего добиться заключения польско-крымского союза³. Сведения Палея находят подтверждение и в сообщениях Мазепы, которому о подготовке польско-татарского союза против Москвы доносил киевский наказной полковник Борчук в своем письме от 23 октября (2 ноября) 1699 г.⁴ В следующем году известия эти неожиданно получили новое полуофициальное подтверждение. Под Ригой летом 1700 г. при встрече с палеевыми посланцами иновроцлавский воевода Халецкий откровенно заявлял им о том, что после падения Риги поляки ударят на Фастов и Киев с тем, чтобы возвратить последний Речи Посполитой.

Разумеется, заявление это не могло остаться и не оставалось тайной для русского посланника, встретившегося с казаками Палея⁵. Тревожные сведения поступали в Москву от киевского воеводы Хованского⁶ и от Мазепы, сообщавшего 15 (26) марта 1700 г. со слов своего гонца в Крым о тайных сношениях крымцев с поляками и о прибытии туда польского посла⁷. Из беседы гетманского человека с перекопским каймаканом следовало, что целью этих тайных сношений было установ-

¹ E. O t w i n o w s k i. Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II od roku 1696—1728, Kraków, 1849, s. 16.

² ЦГАДА. Дела малороссийские, 1699 г., № 23, лл. 10—11. — См. его письмо 12 (22) октября 1699 г.

³ ЦГАДА. Дела малороссийские, 1699 г., № 25, л. 8. — См. его письмо от 16 октября 1699 г.

⁴ Там же, лл. 10—12.

⁵ ЦГАДА. Дела польские, 1700 г., № 5, л. 322—326.

⁶ Письма разных лиц на русск. яз., 1700, № 5, л. 19.

⁷ ЦГАДА. Дела малороссийские, 1700 г., № 5, л. 59.

ление союзных отношений между Речью Посполитой и Крымом, направленных против России. „Каймакан перекопской сказывал ему, — сообщал на опросе гетманский гонец, — тайно на особливом месте и говорил: скажи де господину гетману своему, что мы желаем себе давно того, чтоб он с нами в добром братстве жил, ибо он, гетман ваш, увидит в то время, какие силы будут бусурманские, а как де еще поляки будут с ними, как обещаются, и сами нас на то призывают“¹.

В приведенной выдержке нас интересует факт наличия тайных антирусских переговоров, ведшихся между поляками и Крымом, и, что особенно важно, польская инициатива в них. Что касается связей Мазепы с реваншистски настроенными группировками польской шляхты и магнатства и Крымом, связей, носящих враждебный России характер, то и в этом отношении корни их уходят далеко вглубь от того момента, когда было принято окончательное решение об измене Петру, и предшествуют разбираемому нами периоду времени².

И на этот раз осторожный Мазепа поспешил сам уведомить московское правительство о сделанных ему из Крыма предложениях и, таким образом, заранее снять с себя всякие подозрения.

К сожалению, нам пока еще ничего не известно относительно связей Мазепы в этот период (1700 г.) с реваншистски настроенными польскими кругами; неизвестно, делались ли и с их стороны какие-либо, параллельные крымским, попытки использовать в интересах борьбы с Россией измену украинского гетмана. В данный момент нас интересуют письма Мазепы, в которых содержатся новые данные о широкой польской интриге в Крыму, ставящей своей целью организацию совместного польско-татарского выступления против России. В особой цидулке, приложенной к его письму от 7 (18) апреля 1700 г., адресованному Головину, Мазепа отмечает тот факт, что сношения с Крымом поддерживаются целой группой польских магнатов. „Особливо частые посылки, — сообщает он, — бывают к хану крымскому и Нурадину салтану от Синявского, Любомирского и Потоцкого, стражника коронного, обеща им свое приятие“³. Все перечисленные здесь лица — собственники обширных имений на Украине.

Если прибавить к изложенному польские пересылки с Запорожьем⁴ и известные уже в литературе факты попытки сорвать русско-турецкие мирные переговоры, которые предпринял польский посол Рафал Лещинский⁵, родственник великого коронного гетмана, прибывший в Константинополь для урегулирования некоторых спорных вопросов, не решенных на Карловицком конгрессе, — то общая картина враждебных России замыслов определенной части польского магнатства станет еще более полной и яркой. Р. Лещинский и его друзья не ограничились тем, что попытались восстановить против Москвы Порту. Они стремились еще подтолкнуть на такое же враждебное России

¹ ЦГАДА. Дела малороссийские, 1700 г., № 5, л. 60.

² Н. Устрялов. Указ. соч., т. II, стр. 196—199, 200—203, 369, 478, 480. Сборник „Полтавська битва“ (1709—1939), Киев, 1940, стр. 25.

³ ЦГАДА. Дела малороссийские, 1700 г., № 6, л. 24.

⁴ Там же, л. 78.

⁵ Об этих интригах Р. Лещинского стало известно и русскому посольству Е. Украинцева в Константинополе (М. Богословский. Петр I, т. V, Огиз, Госполитиздат, 1948, стр. 249—250).

дипломатическое выступление в Стамбуле шведское правительство. Правда, этого им достигнуть не удалось¹.

В интриге Р. Лещинского принимали участие примас и близкие ему круги, уже тогда проектировавшие детронизацию Августа II и вторичное избрание Конти². Пункт, обязывавший посла занять враждебную России позицию в Порте, оказался даже включенным в состав полученной Лещинским инструкции, основной целью посольства которого в Стамбул, по мысли короля, было добиться присоединения Буковины и возвращения коронной артиллерии. Сделано это было самовольно примасом с ведома канцлера К. Тарлы и шведского посланника в Варшаве. Впоследствии, узнав о содержании инструкции, Август II попытался отклонить от этой затеи уже выехавшего в Турцию Р. Лещинского, но встретил с его стороны решительный отказ подчиниться³. Нужно сказать, что, несмотря на известное сочувствие Крыма к планам возобновления русско-турецкого конфликта⁴, Лещинскому так и не удалось предотвратить заключение русско-турецкого мира, как не удалось выполнить остальных пунктов своей инструкции.

Относительно этой двойной игры польской дипломатии в Стамбуле в Москве тоже имели довольно подробные сведения. Получены они были от Мазепы, сообщившего их на основании допроса грека Степана Максимова, только что прибывшего в это время из Константинополя. По его словам, „у салтана при договорех с московским послом хочет полской посол помешку чинить, чтоб турков с Москвою к миру не допустить“⁵. Из других показаний его можно уловить и основной мотив, руководивший деятельностью польского дипломата. Смысл их, как кажется, не может вызвать никаких сомнений. Во всяком случае очень важно, что „в народех, у знатных греков, которые бывають у пашей, он (Максимов.—В. К.) слышал, когда де прошлого лета полской посланник отъезжал ис Царьгорода в Полшу, и при отъезде своем говорил везирию, чтоб московского посла, которой к ним будет в Царьгород, не дождався их полского посла, не отпускали, потому что есть де им, поляком, с тем московским послом при салтане немалое дело о Украине. И хотят де поляки, чтоб салтан тое Украину уступил им, чтоб им тое Украину от Москвы отлучить и к себе присвоить“⁶.

Сообщения Максимова ценны прежде всего тем, что показывают тот значительный размах, которого достигла к тому времени руководимая великим коронным гетманом и примасом антирусская интрига в Речи Посполитой. Из точного смысла слов Максимова следует, что первые попытки натравить Порту на русских делались еще до упомянутого посольства Лещинского, во время предшествовавшей ему поездки Ржевуского, отправленного в Порту вскоре после Карловицкого конгресса с ратификацией подписанного на нем польско-турецкого „вечного мира“.

Для нас важно отметить, что, судя по словам Максимова, в Константинополе было хорошо известно о польских расчетах на турецкую

¹ Копорczyński. Polska a Szwecja, s. 29.

² Копорczyński. Polska a Turcja, s. 51.

³ Там же, стр. 49—50.

⁴ Там же, стр. 51.

⁵ ЦГАДА. Дела малороссийские, 1700 г., № 5, л. 114.

⁶ Там же; см. письмо Мазепы от 16 (27) мая 1700 г.

помощь и о польских замыслах на Украину. Последнее находит себе полное подтверждение и в других наших источниках. Мазепа, например, тоже считал, что за планами военного подавления Палея кроются какие-то более обширные замыслы развязывания вооруженного конфликта на Украине с Россией. „А рассуждаю я, — писал он 20 (31) августа 1700 г. Головину, — если поляки на Семена Палея то свое наступательство исполнят и войну зачнут в таких близких от богохранимые великого государя нашего державы, особно града Киева, то каким им есть способом, если не явно, то тайно, и сюда, на сю сторону, вредительную похотят вкинути искру“¹.

В Москве тоже довольно серьезно смотрели на разыгрывающиеся на правой стороне Днепра события и в преследовании Палея усматривали несомненную опасность для русских государственных интересов. Очевидно, в связи с этим Мазепе была дана инструкция, предусматривавшая оказание Палею тайной помощи². 29 августа 1700 г. Головин отправил Мазепе дополнительную инструкцию, посвящая ее отчасти и делу Палея, с весьма характерным указанием: „И о помочи его, мнится мне, естли ему есть подлинная опасность, советую и помочи, како возможно, как о том всемилостивейший государь говорити милости твоей изволил, изволь учинити. И сие все те плуты делают ради помешания королевской войны, государя своего“³.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что накануне и в самом начале Северной войны значительная и политически очень влиятельная группа польских магнатов, возглавляемая великим коронным гетманом Яблоновским, выдвинула и попыталась осуществить план военного союза между Речью Посполитой и Крымом, главной целью которого было возобновление борьбы за Левобережную Украину. Инцидент с Палеем был только орудием в руках этой политической группировки, с помощью которого она рассчитывала вовлечь шляхетскую Республику в новую войну на востоке. Кроме того, помимо очевидной враждебности к России, этот план носил явные черты враждебности к северным замыслам Августа II и шел вразрез с ними, срывая участие в Северной войне Речи Посполитой. В случае удачи авантюры с Палеем и возобновления старого соперничества с Москвой Август II оказался бы на поводу у этой активной и реваншистски настроенной магнатской группы, потеряв могущественную поддержку своего русского союзника, столь необходимую ему для проведения своей собственной польской политики.

Затея Яблоновского и примаса полностью провалилась. Причиной тому, с одной стороны, — отказ Крыма принять немедленное участие в захватнических замыслах Яблоновского⁴, с другой, — неожиданный оборот Северной войны, исключивший какую бы то ни было возможность быстрой развязки войны на востоке. Зато авантюра эта показала другую чрезвычайно важную сторону дела, вскрыла полную непрочность тыла Августа II и непреодолимые противоречия, которые существовали между ливонскими замыслами короля и восточными проектами одной из ведущих политических группировок в стране, державшей к тому же

¹ ЦГАДА. Дела малороссийские, 1700 г., № 6, л. 82.

² Там же.

³ Письма разных лиц на русск. яз., 1700 г., № 1, л. 26.

⁴ ЦГАДА. Дела малороссийские, 1700 г., № 6, л. 57.

в своих руках коронное войско. Но даже и те, которые вынуждены были на первых порах поддержать Августа II в его предприятии, даже примас, согласившийся на войну под влиянием подкупа и событий в Литве, были, в сущности, противниками короля. Двуличная тактика примаса теперь уже достаточно известна. Аноним — Отвиновский сообщает даже, что примас постарался поставить шведов заранее в известность о северных замыслах польского короля¹. Таково было то, по сути дела, крайне неблагоприятное для Августа положение дел в Речи Посполитой в подготовительный и начальный период Северной войны, которое должно было наложить свой отпечаток на всю остальную его военную и дипломатическую деятельность и которое предопределило конечную неудачу саксонского предприятия.

¹ Dzieje Polski, s. 19.

Академик В. И. Пичета

ФЕОДАЛЬНОЕ ПОМЕСТЬЕ В XV—XVI вв. В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемая ниже рукопись академика В. И. Пичета является частью задуманной им большой монографии „Феодальное поместье в XV—XVI вв. в великом княжестве Литовском“, над которой он работал в 1947 г., в последние месяцы своей жизни. Нам уже приходилось говорить о том, что исследование о белорусско-литовском поместье должно было явиться обобщающим трудом, подводящим итоги многолетним изысканиям покойного в области истории развития феодального землевладения и положения крестьянства в великом княжестве Литовском в XV—XVI вв.¹ Работа эта вместе с тем должна была явиться продолжением монументальной монографии академика В. И. Пичета об аграрной реформе Сигизмунда-Августа, показав землеустроительную политику великокняжеского скарба в действии, вскрыв, как итоги этой политики отразились на положении белорусско-литовского крестьянства, какую роль сыграли они в развитии феодальных отношений в великом княжестве.

К сожалению, академику В. И. Пичета не удалось, хотя бы в основных чертах, осуществить задуманное исследование. В бумагах его сохранились всего четыре небольших параграфа, которые и публикуются в настоящем томе „Ученых записок Института славяноведения“. Это все, что успел сделать В. И. Пичета по данному вопросу.

Первый из публикуемых параграфов посвящен краткому обзору литературы о великом княжестве Литовском XV—XVI вв.; во втором и третьем автор исследует вопросы бенефициального и заставного землевладения; последняя часть рукописи представляет собой небольшой отрывок (начало) из параграфа о землеустроительной политике великокняжеского правительства во второй половине XVI в.

На основании разобранных до сих пор бумаг покойного очень трудно судить о предполагаемом составе и конструкции работы в целом.

¹ Ученые записки Института славяноведения, т. I, 1949, стр. 31.

В нашем распоряжении имеются только черновые наброски плана исследования. Все же мы считаем необходимым привести их здесь, полагая, что они могут оказаться полезными читателю публикуемой рукописи при его самостоятельных исследованиях в области истории феодальных отношений в великом княжестве Литовском. Вот один из сохранившихся черновых набросков плана работы: „1. Введение. 2. Экономическое развитие. 3. Феодальное землевладение. 4. Распределение феодального землевладения. 5. Формирование класса феодалов и феодальный иммунитет. Гражданская дееспособность. Земское право. 6. Феодальное поместье и его организация. 7. Рыночные связи феодального поместья. 8. Рабочая сила. Виды феодальной ренты. 9. Землепользование и государственные повинности. 10. Правовое положение сельского населения. Оформление крепостной зависимости. Сельская община. 11. Иски о свободе. 12. На путях к феодально-крепостническому хозяйству. 13. Политическое значение крупных землевладельцев. Их роль в управлении государством. 14. Противоречия внутри класса феодалов. Отражение их в Литовском статуте“.

Возможно, что этот черновой набросок является планом только части всей задуманной автором работы¹.

Большая научная ценность публикуемой рукописи определяется не только обширным фактическим материалом, над собиранием которого В. И. Пичета трудился в течение многих лет, но и целым рядом весьма важных конкретных наблюдений автора. Настоящая работа, непосредственно примыкающая к ряду изданных уже больших исследований В. И. Пичета по истории Белоруссии и Литвы, позволяет уточнить взгляды покойного исследователя, бывшего крупнейшим советским специалистом по истории Литвы и Белоруссии, на некоторые важнейшие вопросы литовской и белорусской истории XV—XVI вв. В этой связи особое значение имеет трактовка в предлагаемом исследовании проблемы внутреннего рынка как основного фактора, определившего рост шляхетских и магнатских фольварков в XV—XVI вв. в великом княжестве Литовском. Важно отметить, что к аналогичным выводам

¹ Для сравнения приводим еще два черновых наброска плана работы, сохранившихся в рукописях В. И. Пичета:

„1. Феодальный класс и его состав. 2. Феодальный иммунитет. 3. Правовое положение феодальной знати. 4. Феодальное землевладение: государственное и частновладельческое. Районы крупного землевладения. Рост земельной собственности: землевладение родовое, пожалованное, купля. Мобилизация земельной собственности. Виды условного землевладения. 5. Феодальный иммунитет и феодальные повинности. 6. Правовое положение класса феодалов. 7. Феодальное поместье и его состав. 8. Рабочая сила и повинности. 9. Юридическое положение сельского населения. 10. Иски о свободе. 11. Господарское поместье. Сельская община. 12. Феодальное поместье и рынок. 13. Город и поместье.“

„1. Историография (введение). 2. Феодализм. 3. Источники. 4. Развитие феодальных отношений. 5. Формирование класса феодалов. 6. Феодальный иммунитет и правовое положение класса феодалов. 7. Феодальное землевладение. 8. Распределение феодального землевладения. 9. Крупные вотчины и их рост. 10. Сельское хозяйство. Внутренний и внешний рынок. 11. Рабочая сила и феодальные ренты. 12. Землевладение крестьян и феодальные ренты. Ремесло. 13. Правовое положение крестьян. Сельская община. Иски о свободе. 14. Земельное право. 15. На путях к феодально-крепостническому хозяйству. 16. Политическое значение крупных землевладельцев и их роль в управлении государством. Господарская Рада и сейм. Противоречия внутри класса феодалов. Судебные привилегии крупных землевладельцев“.

в конечном итоге академик В. И. Пичета пришел и на опыте изучения развития феодальных отношений в Польше¹.

Публикуемая рукопись не была приготовлена к печати автором, хотя он и считал возможным опубликование отдельных параграфов из нее в виде самостоятельных статей². Подготовители ограничились литературной редакцией рукописи, устраняя некоторые повторения или явно неудачные выражения мысли. Подготовка рукописи к печати была осуществлена В. Д. Королюком и А. П. Пичета.

В. Королюк

ВВЕДЕНИЕ

В изучении истории великого княжества Литовского начало 90-х годов прошлого столетия, несомненно, является переломным периодом. Новое направление в изучении истории великого княжества Литовского было связано с опубликованием М. К. Любавским в 1893 г. ценной монографии: „Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута“³.

В то время, как польская историография в лице К. Шайнохи, К. Стадницкого и других исследователей сосредоточила свое внимание на изучении, главным образом, проблемы польско-литовских уний XIV—XVI вв., М. К. Любавский обратился к изучению внутреннего положения великого княжества Литовского как отдельного, независимого от Польши и самостоятельно развивающегося государства.

Такая постановка вопроса была совершенно правильной, поскольку уния Литвы с Польшей, связывавшая в XIV—XV вв. оба государства, существовала более номинально, чем реально, а великое княжество Литовское внутренне развивалось самостоятельно, как политически независимое государство. Значение монографии М. К. Любавского состояло в том, что им был использован впервые богатейший материал Литовской метрики, архив великого княжества Литовского.

Содержание труда М. К. Любавского отнюдь не определяется его заглавием. Оно значительно шире. Изучая организацию и деятельность органов центральной власти во главе с великим князем, а также провинциальной администрации, М. К. Любавский на огромном конкретном материале характеризует социально-экономическое развитие великого княжества Литовского или, согласно его несколько искусственной терминологии „Литовско-Русского государства“.

Буржуазный позитивист, М. К. Любавский основывает свои наблюдения на большом фактическом материале, им впервые извлеченном из архива. Это, разумеется, одна из положительных сторон его исследования. Вместе с тем, однако, исследование М. К. Любавского перегружено фактическим материалом и лишено обобщающих выводов, хотя по отдельным главам он и подводит итоги изученному им фактическому материалу, стремясь вскрыть особенности описываемого

¹ „Вопросы истории“, № 8, 1947, стр. 141.

² „Ученые записки Института славяноведения“, т. I, 1949, стр. 31.

³ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута, М., 1893.

явления. Труд М. К. Любавского, несмотря на свою значительную давность, до сих пор сохраняет научную ценность благодаря огромному фактическому материалу, им приведенному и остающемуся до сих пор в своей большей части неизданным.

В 1900 г. М. К. Любавский опубликовал новую монографию¹, в которой изучено формирование и развитие литовско-русского сейма до Люблинской унии включительно. И это исследование его основано на новом материале Литовской метрики. М. К. Любавский исследует здесь генезис и развитие литовско-русского сейма на общем фоне социально-политического развития великого княжества Литовского, касаясь при этом вопросов литовско-польских отношений, формирования господарской Рады и ее политического значения, а также проблемы оформления шляхетского сословия. М. К. Любавский показывает, как постепенно расширялась компетенция сейма великого княжества Литовского.

В своем втором исследовании М. К. Любавский говорит уже о наличии феодальных отношений в великом княжестве Литовском, аналогичных феодальным отношениям в Западной Европе. Однако он понимает под феодализмом при этом не систему производственных отношений, а форму организации власти и управления, и остается, таким образом, на позициях историко-юридической школы.

В исследованиях М. К. Любавского было поставлено много вопросов первостепенной важности, которые, естественно, не могли быть им всесторонне изучены. Выдвинутая им тематика подлежала дальнейшему исследованию.

При изучении истории литовско-польской унии М. К. Любавский, анализируя юридическое содержание унитарных актов, основывается не только на точном толковании их текста, но и внимательно изучает реальное развитие польско-литовских отношений. Он показывает, что реальная уния 1385 г. в действительности никогда не была осуществлена, так как встретила сильное сопротивление со стороны феодальной знати великого княжества Литовского, и что в период династических уний Польши с Литвой, заключаемых по инициативе Польши, великое княжество Литовское сохраняло свою внутреннюю самостоятельность и проводило свою внешнюю политику, добавим, — классовую в своей основе. Касаясь вопроса о Люблинской унии 1569 г., М. К. Любавский отрицает ее реальный характер. По его мнению, уния 1569 г. была не реальной, а лишь парламентарной унией, при которой сохранялась внутренняя автономия великого княжества Литовского. Великое княжество сохранило в 1569 г. отдельную администрацию, суд и судебную организацию, свое право, финансы, войско и монету. М. К. Любавский интересуется, однако, всеми поставленными вопросами, главным образом, с юридической точки зрения. Впрочем, он отмечает уже и классовую сущность великого княжества Литовского и наличие борьбы в рядах феодального класса между магнатской прослойкой, с одной стороны, и шляхетской, — с другой.

Таким образом, М. К. Любавский в своих двух больших монографиях исследовал как организацию центрального и провинциального управления великого княжества Литовского, так и его социальную

¹ Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства, М., 1900.

структуру. М. К. Любавский справедливо полагает, что исследуемые им социально-политические институты — результат внутреннего развития великого княжества Литовского и что их развитие не находилось под каким-либо влиянием соседней с ним Польши.

В обеих монографиях М. К. Любавского много внимания уделено формам феодального землевладения и вопросу о сборе прямого налога — серебщины, который после общеземского привилея 2 мая 1447 г. из ежегодного ординарного налога превратился в налог чрезвычайный. Много фактического материала было собрано в них о финансовых средствах великого княжества Литовского.

К исследованиям М. К. Любавского тесно примыкает работа М. В. Довнар-Запольского „Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах“¹, в основе которой также лежит богатейший материал Литовской метрики. М. В. Довнар-Запольский специально исследовал вопрос о состоянии великокняжеского скарба. Ценность монографии М. В. Довнар-Запольского заключается в том, что в ней было уделено много внимания социально-экономическому положению великого княжества Литовского, поскольку автор считал это необходимым для изучения государственного хозяйства великого княжества и бюджета. Весьма серьезным недостатком исследования М. В. Довнар-Запольского является то, что он не замечает глубоких социальных сдвигов, происходивших в рамках великого княжества Литовского от Ягайлы до Люблинской унии. Как и М. К. Любавский, М. В. Довнар-Запольский рассматривает великое княжество Литовское как самостоятельную государственную организацию.

В 1904 г. появилась монография Н. А. Максимейко „Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г.“², в которой автор много места уделил критике взглядов М. К. Любавского на развитие литовско-русского сейма. Оба автора стоят на совершенно противоположных позициях. М. К. Любавский исследует развитие литовско-русского сейма на фоне внутреннего и внешнего положения великого княжества Литовского, тогда как Н. А. Максимейко полагает, что сеймы возникли в XV в., главным образом, под непосредственным влиянием напряженного внешнего положения великого княжества. Конечно, исследование Н. А. Максимейко было шагом назад.

Труд Н. А. Максимейко, естественно, вызвал в свою очередь ряд критических замечаний со стороны М. К. Любавского. Так появилась новая работа М. К. Любавского по истории литовско-русского сейма, которая дала ему возможность показать правильность своих исследовательских приемов при изучении генезиса развития литовско-русского сейма³.

В „Литовско-русском сейме“ М. К. Любавский уделил известное внимание раде великого княжества Литовского, поскольку необходимость изучения ее генезиса, состава и компетенции обуславливались ходом исследования истории литовско-русского сейма, который на

¹ М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах, Киев, 1901 („Киевские университетские записки“, 1901).

² Н. А. Максимейко. „Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г.“, Харьков, 1902.

³ Новые труды по истории Литовско-русского сейма, Журн. Мин. нар. просв., № 3 и 4, 1903.

известном этапе был лишь сеймом панов-рады с участием приглашенных князей и панов, не бывших членами великокняжеской рады.

И. А. Малиновский посвятил специальное двухтомное исследование раде великого княжества Литовского¹, также основанное на архиве Литовской метрики.

Таким образом, благодаря трудам М. К. Любавского, Н. А. Максимейко, И. А. Малиновского были изучены организация и деятельность органов власти центрального и провинциального управления в великом княжестве Литовском, а М. В. Довнар-Запольский в своей монографии показал, какими источниками доходов располагал великокняжеский скарб, без чего характеристика деятельности органов центрального управления была бы далеко не полной.

Так был исследован один круг вопросов, связанный с внутренней организацией великого княжества Литовского.

Уже в своей первой монографии М. К. Любавский уделил известное место изучению положения сельского населения в господарских имениях, находившихся под управлением великокняжеской администрации. Ему удалось показать, какие были разряды сельского населения и каковы были формы феодальной ренты. Одновременно он коснулся и вопросов организации сельской общины, главным образом, в восточных областях великого княжества. Наблюдения М. К. Любавского над разрядами сельского населения и изучение форм феодальной ренты, конечно, были далеко не исчерпывающими. Вопросы эти нуждались в самостоятельном дополнительном исследовании, тем более, что М. К. Любавский довел свою работу только до издания первого Литовского статута 1529 г.

Так возникла проблема изучения положения сельского населения в великом княжестве Литовском.

Следует отметить, что русские дореволюционные историки уделили ей много внимания, в особенности Ф. И. Леонтович, неутомимый и плодovitый исследователь, труды которого всегда были основаны на большом фактическом материале — из архива Литовской метрики и многочисленных печатных изданий. Правда, Ф. И. Леонтович в своих трудах изучает вопрос с историко-юридической точки зрения. Его интересуют категории сельского населения, а не история крестьянства, как основного производителя материальных благ. Однако собранный им огромный фактический материал представляет собой известную ценность. Поэтому труды Ф. И. Леонтовича должны быть в центре внимания каждого, кто изучает историю крестьянства в великом княжестве Литовском².

История литовского крестьянства привлекла также внимание М. В. Довнар-Запольского, опубликовавшего в 1897 г. небольшое исследование „Сельская община“³, которое впоследствии им было

¹ И. А. Малиновский. Рада великого княжества Литовского в связи с Боярскою думою древней России, ч. I, Томск, 1904, ч. II, Томск, 1912.

² Ф. И. Леонтович. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве, Журн. Мин. нар. проsv., № 2, 3, 4, 7, 10, 12, 1896; № 4, 5, 1897; его же Сельские промышленники в Литовско-Русском государстве, Варшавские университетские известия, кн. IV, V, VII, 1897; Сельские ремесленники в Литовско-Русском государстве. Варшавские университетские известия, кн. II, III, 1898.

³ М. В. Довнар-Запольский. Сельская община, Журн. Мин. нар. проsv., 1897.

пересмотрено и значительно дополнено и позднее вошло как отдельная глава в его монографию „Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в.“¹ Автор касается в своей работе „волочной померы“ в великом княжестве Литовском во второй половине XVI в. Вопрос о „волочной мере“ был частично затронут М. В. Довнар-Запольским и в его большой монографии „Государственное хозяйство“, поскольку в связи с „померой“ должны были измениться поступления в государственный скарб с государственных дворов и волостей. Однако труды М. В. Довнар-Запольского не разрешали полностью поставленного вопроса, тем более, что в них не был использован архивный материал, который позволил бы восстановить ход „аграрной реформы“ и показать отношение к ней различных классовых прослоек, поскольку землеустроительная политика Сигизмунда-Августа задевала их интересы. К тому же исследования М. В. Довнар-Запольского в значительной степени носят описательный характер. Ряд вопросов, вытекающих из изучения существа „волочной меры“, был им оставлен без внимания. Между тем аграрные мероприятия Сигизмунда-Августа имели огромное значение для социально-экономического развития великого княжества Литовского, поскольку они разрушали сельскую общину и укрепляли феодально-крепостническую систему в организации помещичьего хозяйства. Эти проблемы явились предметом специального изучения в труде В. И. Пичета „Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве“². В других своих работах В. И. Пичета стремился показать „аграрную реформу“ Сигизмунда-Августа в действии, изучая организацию дворового хозяйства, а также состав и положение сельского населения после „аграрной реформы“, точнее, „землеустроительной политики“ Сигизмунда-Августа³. В основу этих работ были положены изданные „Писцовые книги“, составленные государскими ревизорами при переустройстве хозяйства великокняжеских дворов.

Изучение землеустроительной политики Сигизмунда-Августа ставит перед исследователями вопрос о том, что же собой представляло феодальное поместье в великом княжестве Литовском в период, предшествовавший аграрной реформе. Частично эта проблема была затронута В. Ф. Владимирским-Будановым в его работе „Поместья в Литовско-Русском государстве“⁴ и в названных выше исследованиях В. И. Пичета, а также в монографии последнего „История сельского хозяйства в Белоруссии“⁵; однако как самостоятельная научная проблема она до сих пор не была разработана. При этом объек-

¹ М. В. Довнар-Запольский. *Очерки по организации западно-русского крестьянства XVI в.*, Киев, 1905.

² В. И. Пичета. *Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве*, т. I—II, М., 1918.

³ Состав населения в государственных дворах и волостях западной части Белоруссии в пореформенную эпоху, *Труды Бел. гос. университета*, № 4—5, 1923; Состав населения в государственных дворах Белоруссии в пореформенную эпоху, *Праця Бел. дзярж. у-ту*, № 6—7, 1925; *Гаспадарскія (велькакняскія) двары у заходніх волосьцях Беларусі пасля рэформы Жыгімонта-Аўгуста*, *Гістарычна-археалагічны зборнік* № 1, Менск, 1927, и др.

⁴ В. Ф. Владимирский-Буданов. *Поместья в Литовско-Русском государстве*, *Чтения в Историческом обществе Нестора летописца*, кн. III.

⁵ В. И. Пичета. *История сельского хозяйства в Белоруссии*, т. I (до конца XVI в.), Минск, 1927.

том изучения были великокняжеские дворы, поскольку они, хотя и недостаточно полно, но все же представлены в инвентарях. Развитие феодального поместья в XV—XVI вв. объяснялось, главным образом, в связи с ростом емкости внешнего рынка, что в методологическом отношении было явно ошибочным, поскольку не был учитываем внутренний рынок. Между тем, в XV в. и в первой половине XVI в. города великого княжества Литовского находятся в стадии экономического подъема и являются хорошим рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов и сельскохозяйственного сырья. Намечающаяся тенденция к замене ренты продуктами ренты денежной тоже предполагает наличие внутреннего рынка, потребляющего сельскохозяйственную продукцию. Непосредственный производитель, обязанный выплачивать земельному собственнику денежную ренту, должен был реализовать на внутреннем рынке некоторое количество своей сельскохозяйственной продукции, так как в противном случае денежная рента землевладельцу не была бы выплачена. Это пренебрежение внутренним рынком препятствовало правильному пониманию развития феодального поместья и организации в нем рабочей силы.

В период феодальной раздробленности в великом княжестве Литовском, естественно, не мог образоваться „вселитовский рынок“, формирование которого можно относить ко второй половине XVI в. Наличие местных рынков определяло развитие и организацию феодального поместья. В период феодальной раздробленности экономическое развитие великого княжества Литовского было неодинаковым в отдельных частях его территории. Западная его часть была более развитой по сравнению с восточной, и это необходимо учитывать при изучении феодального поместья и его организации. Только в первой четверти XVII в. начинается перестройка феодального поместья в восточных областях великого княжества в сторону сближения его организации с феодальным поместьем западных областей. Таким образом, все состояние историографии вопроса указывает на необходимость отдельного изучения организации феодального поместья, в период, предшествующий реорганизации феодального поместья как великим князем, так и крупными землевладельцами во второй половине XVI в. Только изучение организации феодального поместья до половины XVI в. позволит глубже понять сущность землеустроительной политики второй половине XVI в., в ходе которой в великом княжестве Литовском юридически оформились феодально-крепостнические отношения сначала в западной, а затем, с конца XVI в. и начала XVII в., в восточной его части.

Развитием феодального поместья, ростом его торговых связей с внутренним и внешним рынком объясняется экономическое и политическое усиление крупноземельной прослойки класса феодалов, державшей в своих руках все нити управления великим княжеством Литовским. Поэтому абстрактное изучение организации феодального поместья в отрыве от общего экономического и социально-политического развития великого княжества Литовского было бы методологически ошибочным.

С изучением вопроса о социально-экономической организации феодального поместья тесно связана другая проблема, которая до сих пор, как специальная проблема, была вне поля зрения исследователей, а именно — проблема феодальной общественно-экономической

формации в великом княжестве Литовском, без изучения которой проблема феодалного поместья не может получить всестороннего освещения.

УСЛОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Развитие феодалного условного землевладения как в великом княжестве Литовском, так и в других странах Восточной и Западной Европы было связано с общим состоянием народного хозяйства, с общим развитием производительных сил.

Несмотря на некоторые успехи в развитии как внутренней, так и внешней торговли, феодалное хозяйство сохраняло свой натуральный характер. Известным показателем натурального уклада хозяйственной жизни великого княжества Литовского был сбор податей натурой. В то же время введение денежного налога — „серебщины“ — показывало, что в общей структуре хозяйства уже происходили существенные изменения. Начинаясь процесс разложения натурального хозяйства и внедрения в него товарно-денежных отношений. Денежные ресурсы великого князя и крупных феодалов значительно увеличивались. Основной ценностью являлась земля. Эксплуатация земли давала продукт, который мог быть реализован на рынке.

Великий князь был юридическим собственником огромной земельной территории, эксплуатация которой составляла основной доход великокняжеской казны. Доходы с земельных владений великого князя могли быть использованы как в его собственных интересах, так и для нужд великого княжества. При господстве натурального хозяйства великий князь мог вознаграждать своих должностных лиц только землей. Необходимость внешней обороны великого княжества выдвигала перед князем проблему обеспечения государства необходимой военной службой. Согласно общему феодалному праву каждый землевладелец должен был отправлять военную службу со своего земельного участка. Он должен был выходить на войну лично с известным количеством слуг пропорционально количеству земли, находившейся в его пользовании. Поэтому и великий князь и крупные землевладельцы были заинтересованы в том, чтобы иметь достаточное количество вооруженных „служилых людей“.

Как великий князь, так и крупные землевладельцы великого княжества не были заинтересованы в том, чтобы передавать свою землю на вотчинном, аллодиальном праве. Они стремились к тому, чтобы сохранить за собой право собственности на землю. Раздача земли в условное владение вполне соответствовала их интересам.

Служилое землевладение — очень древнего происхождения. Без служилых людей великий князь не мог обойтись в борьбе против Ордена. Без служилых людей не мог обойтись великий князь в войнах с Русью и татарами. Чем сложнее становилась внешнеполитическая обстановка, тем требовалось большее количество вооруженных людей. Раздавая земли под условием несения военной службы, великий князь создавал огромную прослойку мелких и средних держателей земли, являвшихся его непосредственными вассалами. В свою очередь крупные землевладельцы были окружены такими же вассалами, во главе которых они выходили на войну.

Первые сведения о раздаче земли под условием службы в собственнo Литве относятся ко времени Миндовга. В 1254 г. великий

князь Миндовг пожаловал епископу Христиану Сассионы, Бетиголы и Луков. Получив в личное владение названные земли, епископ Христиан был обязан нести с них военную службу¹. Систематическая раздача земель под условием несения службы началась со времени Витовта, когда внешнее положение великого княжества стало особенно острым. Вслед за Витовтом также поступали Свидригайло и Сигизмунд Кейстутович². Начиная со времени Казимира Ягеллончика, эти земельные раздачи становятся массовым явлением. Систематически и непрерывно великий князь жаловал земли в вотчину и во временное владение.

Условное землевладение — это временное владение. Держатель получает в свое пользование участок земли на определенный срок.

Объектом пожалования было недвижимое имущество — земли, как населенные, так и ненаселенные, что было уже отмечено М. Ф. Владимирским-Будановым и другими исследователями³. В поместья жаловалось недвижимое имущество под разными наименованиями, а именно: земля⁴, сад⁵, служба⁶, село⁷, селище⁸, слобода⁹, монастырь¹⁰. Жаловались также сенокосы, пашни, волости¹¹, угодья, рыбные ловли¹², бобровые выгоны¹³, бортные земли¹⁴, леса¹⁵, церкви¹⁶ и даже дома в городах¹⁷.

Земельные пожалования великого князя обычно были следствием обращения самого просителя. В отдельных случаях его просьба поддерживалась разными панями или господарским наместником. Земли под условием службы обычно жаловались от имени великого князя как представителя верховной власти в великом княжестве. Однако господарская рада принимала самое деятельное участие в управлении и распоряжении государственными имениями, поскольку привилей Сигизмунда I; выданный в 1506 г., юридически ограничивал власть великого князя, требуя, чтобы последний принимал решения по вопросам внутренней и внешней политики только по совету и с согласия панов-рады.

На местах, в волостях, раздавались земли наместниками и старостами, действовавшими в качестве великокняжеских чиновников. Впро-

¹ М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах, Киев, 1901, стр. 329.

² Там же, стр. 591; Документы Московского архива Министерства юстиции, М., 1897, стр. 535.

³ М. Ф. Владимирский-Буданов. Очерки по истории литовско-русского права, т. I, Киев, 1889, стр. 5; М. В. Довнар-Запольский. Указ. соч., стр. 592.

⁴ Русск истор. библ., т. XXVII, стр. 5, 17, 18 и сл.

⁵ Там же, стр. 5; Ф. И. Леонтович. Акты Литовской метрики, № 130, 152, 312.

⁶ Ф. И. Леонтович. Акты..., № 52, 116, 131, 133.

⁷ Там же, № 32, 37, 42.

⁸ Там же, № 16, 21, 43, 44, 54.

⁹ Там же, № 207.

¹⁰ Там же, № 501.

¹¹ Там же, № 128, 382, 24 и 25.

¹² Там же, № 501.

¹³ Там же, № 152, 299.

¹⁴ Там же, № 299.

¹⁵ Там же, № 309.

¹⁶ Там же, № 19.

¹⁷ И. А. Малиновский. Рада великого княжества Литовского, ч. II, Томск, 1912, стр. 164—170.

чем земельные раздачи только в том случае приобретали юридическую силу, если они были подтверждены великокняжеской властью. Чтобы получить великокняжеское подтверждение, лица, получившие от господарских чиновников земли, сообщали об этом великому князю¹. Конечно, господарские наместники могли раздавать земли только во временное владение. Однако бывали случаи, когда земля, отданная наместником во временное владение, подтверждалась великим князем „на вечность“².

Вероятно, наместники-державцы злоупотребляли своим правом раздачи земли и наносили этим ущерб интересам великого князя. Только этим можно объяснить требование устава 1529 г., данного державцам Виленского и Троцкого поветов, чтобы „державцы наши... не смели земель пустовских давати, яко в воеводствах, так и в староствах, так теж и во всех дворах наших, до наше воли господарской“. Если же кто-либо держит такие земли „за таковою даниною от панов“, то по распоряжению господаря „у таковых тыи земли“ отбирались и присоединялись к господарскому двору³. Это распоряжение великого князя логически вытекало из устава 1514 г., выданного для господарских дворов Виленского и Троцкого поветов, и проникнуто стремлением увеличить доходность великокняжеского двора-поместья⁴.

Раздача земель во временное владение происходила в разных юридических формах. Весьма распространенной формой условного владения была раздача земель „на хлебокормление“. Под такой формой условного владения разумелась раздача сел, дворов и других доходных статей во временное пользование без обозначения срока пользования. По справедливому наблюдению М. К. Любавского раздача господарем земель „на поживенье“ или „хлебокормление“ обычно вызывалась неприятельским нашествием, когда землевладелец временно лишался своей земли⁵. Об этом говорят документы. Великий князь, жалуя земли „на поживенье“ или „хлебокормление“, обычно в своем листе (грамоте) на право пользования землей добавлял: „до тых часов, пока отчизну его однимем от неприятеля нашего великого князя Московского“; „до тых часов, пока отчизну очистим“, „пока, даст бог, тот его замок... з рук неприятельских вземши и ему отдадим“, „до очищения его имений“, „до очищения отчизны“. Имения „на хлебокормление“ обычно жаловались самим великим князем после соответствующего челобитья⁶. Впрочем было бы ошибкой считать, что раздача земель „на хлебокормление“ вызывалась только неприятельскими военными действиями и необходимою поддержать беженцев. Этой юридической формулой великий князь пользовался и тогда, когда лицо, получившее землю „на хлебокормление“, находилось на территории, на которой не происходило никаких военных действий⁷. Обычно „на хлебокормление“ господарем жаловались населенные земли „с челядью

¹ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление в Литовско-Русском государстве ко времени издания первого Литовского статута, М., 1893, стр. 601 и сл.; Ф. И. Леонтович. Акты..., № 112, 116, 118, 126 и др.

² М. К. Любавский. Указ. соч., стр. 601.

³ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. II, стр. 198.

⁴ М. К. Любавский. Указ. соч., приложение № 23.

⁵ Там же, стр. 392. Ф. И. Леонтович. Акты..., № 249, 738 и др.

⁶ М. К. Любавский. Указ. соч., стр. 593—595.

⁷ Там же, стр. 594.

и з животиною и з людьми“¹. Разумеется, получивший землю во временное владение располагал правом эксплуатации того населения, которое было связано с пожалованной землей.

Если земли „на хлебокормление“ раздавались в силу внешних обстоятельств, то, разумеется, в случае возвращения держателя земельного пожалования „на хлебокормление“, на прежнее место жительства — в свою вотчину пожалованная земля отбиралась великим князем². Земли, пожалованные „на хлебокормление“, могли остаться в руках держателя в вечном потомственном владении на правах „отчины“, если на это была воля господаря³.

Обычно пожалованные „на хлебокормление“ земли были бессрочными, поскольку срок владения ими определялся ходом военных действий. Однако рядом с такими держаниями были и держания на определенный срок. Так, боярин Андрушко Павлович получил от великого князя Александра двор Красное вместе с людьми на три года⁴.

Наиболее обычной формой условного владения была раздача земли „до воли“, „до полной воли“, „до воли господарской“, „до своей воли“, „до воли и ласки господарской“, „до нашой воли и до лепшого доведования“, „до нашего осмотра“⁵. С юридической точки зрения раздача земель „до воли“ означала, что срок прекращения владения землей и возвращения ее обратно в господарский земельный фонд зависел только от усмотрения самого господаря. На таких условиях раздавали земли все великие князья литовские: Казимир, Александр и Сигизмунд. Раздача земель „до воли“ была наиболее распространенным типом условного владения. Условное владение „до воли“ не могло быть краткосрочным, поскольку великий князь был заинтересован в том, чтобы держатель нес с него военную службу. Можно предполагать, что „воля“ господаря наступала тогда, когда держатель по тем или иным причинам не нес военной службы. Когда в документах встречаются случаи отобрания „отчины“ у землевладельцев, если они не несут военной службы⁶, то мы вправе допустить, что великий князь так поступал с держателями земли „до воли“, поскольку только военная служба, связанная с землей, давала юридическое основание владеть землей на условном праве.

Условное владение землей „до воли“ отнюдь не обеспечивало интересов держателя и его семьи. Вероятно, эта неустойчивость условного землевладения „до воли“ вызывала беспокойство и недовольство со стороны значительной прослойки феодального класса. Возможно, что именно это недовольство побудило великого князя Александра в выданном им классу феодалов привилее специально оговорить то обстоятельство, что все владения „до воли“ (*ad arbitrium et voluntatem suam*) остаются в руках их прежних держателей — опять-таки на условиях „до воли“⁷.

¹ М. К. Любавский. Указ. соч., стр. 593.

² Там же, стр. 594.

³ Там же, стр. 595.

⁴ Ф. И. Леонтович. Акты..., № 625.

⁵ Там же; Русск. истор. библ., т. XVII, стр. 6—9; М. К. Любавский, Указ. соч., стр. 552; Ф. И. Леонтович. Акты..., № 75, 86, 124.

⁶ М. К. Любавский. Указ. соч., стр. 558.

⁷ М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно, М., 1916, стр. 31.

Каждый держатель был обязан отправлять военную службу за счет тех доходов, которые он получал от эксплуатации своего имения. При полной неопределенности сроков владения держатели земли не были заинтересованы ни в улучшении своего хозяйства, ни в заботливом отношении к его производительным ресурсам. В силу этого владельцы земли „до воли“ могли только „опустошать“ и разорять свои имения и сидевшее в них крестьянское население. Держатели условного земельного владения хлопотали перед великим князем о передаче земли во владение их детям или родственникам, и великий князь вынужден был идти им навстречу. Это было своеобразной формой передачи земли по наследству, хотя великий князь при передаче земли оговаривал, что она жалуется „не на вечность“¹.

Объективные экономические условия, а также стремление землевладельцев удержать землю в своих руках создали новый вид условного землевладения, так называемого „доживотного“, пожизненного землевладения. Этот вид условного землевладения более отвечал интересам землевладельцев, чем держание земли „до воли“.

Новая форма условного землевладения начинает получать распространение с конца XV в. По крайней мере, первые пожалования землей „до живота“ относятся к 1494 г.² При Сигизмунде она стала распространенной формой условного владения³. Но и эта форма условного землевладения не вполне отвечала интересам феодалов.

Их интересы были бы удовлетворены в значительно большей мере в том случае, если бы земельное пожалование, продолжая оставаться условным, было бы в то же время наследственным, хотя бы и без права распоряжаться им.

Великому князю приходилось считаться с этими интересами своих вассалов и идти навстречу их требованиям, жалуя земли на более продолжительных и прочных началах. В связи с этим отдельные лица получали землю в условное владение с правом передачи земли „по его животе“ его сыну, если таковой будет⁴.

Такая форма условного землевладения была известна под именем пожалования земли „до двух животов“. Владение такой господарской „даниной“ прекращалось со смертью сына. В дальнейшем великий князь Литовский будет раздавать земли и до трех „животов“, т. е. до смерти внука держателя земли.

Таким образом, создавался порядок передачи земли по наследству по мужской линии, но без права передачи. Такого рода форма владения землей стала называться владением на ленном праве и получила широкое распространение между первым и вторым статутами⁵.

Выше отмечалось уже, что держатель такого условного владения не располагал правом распоряжаться им, но во всяком случае он мог быть уверен в том, что его земли не будут отобраны по прихоти господаря и что его капитал, вложенный в землю, не пропадет даром.

Независимо от того, какова была форма условного землевладения,

¹ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление в Литовско-Русском государстве ко времени издания первого Литовского статута, М., 1893, стр. 553.

² Ф. И. Леонтович. Акты..., № 187.

³ М. К. Любавский. Областное деление..., стр. 591—592.

⁴ Ф. И. Леонтович. Акты..., № 468.

⁵ М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство..., стр. 594.

держатели земли не могли удовлетвориться ею. Естественно, что они стремились превратить условное землевладение в „вечность“, стать „отчинниками“, приобрести право распоряжения землею согласно нормам феодального права.

Чтобы условное пожалование стало „вечностью“, необходим был соответствующий „лист“ великого князя, который предоставил бы владельцу право собственности на землю. Обычная выдача великим князем листа „на вечность“ была результатом обращения держателя условного владения к великому князю как к лицу, которому принадлежит право распоряжения государственной землей.

Таким образом все виды условного землевладения „на пожалование“, „на хлебокормление“, „до воли и ласки“, „до живота“ могли стать „вечным владением“.

Изменение юридической формы землевладения обычно мотивировалось проявлением „ласки господарской“ ввиду заслуг просителя как перед самим великим князем, так и перед государством. Помимо заслуг, в господарском жалованном листе иногда упоминалось и о поддержке ходатайства просителя какими-либо влиятельными лицами. Наши документы пестрят жалованными листами господаря на вечное владение землей.

Обыкновенно такой господарский лист разъяснял, как надо понимать „вечность“. Держатель „вечистой власности“ получал право свободного распоряжения своей землей, разумеется, с соблюдением существующих феодальных правовых норм. Он мог ее „продати, меняти... и ку лепшему обернути“. Господарский лист „на вечность“ предоставлял право „вечно и нерушно“ владеть землей самим держателям, „их женам, и их детям, и напотом будущим их счадком со всим потому, как и отец их держал“¹.

Если отдельные держатели условного земельного владения сами, без господарской „ласки“, считали свое земельное держание „отчиной“, то, как только подобный факт становился известным великому князю, такое земельное владение, юридически не оформленное в вотчину, отбиралось обычно господарем.

Великий князь Александр в своем привилее, выданном шляхте при вступлении на престол, давал торжественное обещание сохранить на вечные времена все те „данины“, которые раздавал кому-либо его родитель, если только они были утверждены великокняжеским листом². Это значило, что великий князь брал на себя обязательство охранять права держателей земли только в том случае, если землевладельцы располагали официальными документами. Всякое владение землей, не основанное на официальном документе, объявлялось незаконным держанием. Из этого общего положения вытекало право великого князя на конфискацию земли у лиц, не имевших документов, обосновывающих их права владения.

При проверке прав на землю могли лишиться земли и те земельные держатели, которые считали свои земли „отчинами“. В этом случае землевладелец, земельные права которого были нарушены, должен был обращаться в верховный суд великого князя. Если предъявленный иск о земле был достаточно документально обоснован, то отобранная

¹ М. К. Любавский. Областное деление... , стр. 595.

² М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства, стр. 311.

у владельца земля возвращалась ему обратно. Держатель же земли получал от великого князя „судовный лист“, восстанавливавший его право владеть землей на правах „отчины“.

Изложенная выше эволюция условного землевладения свидетельствовала об отмирании этого земельного института, как устаревшей формы земельного держания, поскольку она не отвечала интересам самого держателя земельного владения — феодала.

ЗАСТАВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Под заставным землевладением („застава“), весьма распространенным в конце второй половины XV и начале XVI вв., следует понимать передачу недвижимого имущества в руки арендатора в виде обеспечения полученной собственником земли денежной ссуды. „Заставы“ имений были договорным частноправовым актом, который сохранял за землевладельцем право собственности на землю. Поэтому владелец, отдавший имение в „заставу“, продолжал нести с заставного имения основную феодальную повинность — военную службу, если в его владении оставалась земля, которая могла обеспечить отправление военной службы. Держатель заставы получал право эксплуатации имения, собирая доходы с него в виде процентов за выданную ссуду. Срок заставы обычно прекращался с момента выкупа заставного имения. Появление нового вида феодального землевладения было связано с теми изменениями, которые происходили в экономической жизни великого княжества Литовского.

Втягивание феодального поместья в рыночные отношения содействовало накоплению денежных средств в руках крупных землевладельцев и богатой городской прослойки.

Накоплению капиталов в руках землевладельческой знати в известной мере способствовал и феодальный иммунитет, согласно которому землевладельцы были освобождены от уплаты в господарский скарб постоянного денежного налога, известного под именем „серебщины“, и от всех натуральных повинностей, за исключением повинностей, связанных с обороной страны. Все эти иммунитетные права были закреплены в общешляхетском привилее от 2 мая 1447 г. Благодаря привилею серебщина из регулярного налога превратилась в экстренный налог, устанавливаемый сеймом, главными участниками которого были пань-рада и приглашенные специально королевскими листами князья и пань.

В условиях господства натурального хозяйства увеличение дохода с накопленных денежных средств было возможно только при посредстве ростовщических еделок — выдачи денег в кредит, разумеется, под известной гарантией. Такой гарантией могло быть земельное владение. Широкое развитие денежного кредита и сосредоточение в руках магнатов значительного по размерам заставного землевладения увеличивали экономическое и политическое значение магнатства. Усиление экономических и политических позиций магнатства в XV в. и начале XVI в. привело к установлению в княжестве его диктатуры.

Правом отдачи земель в заставу располагали как юридические, так и физические лица, если последние пользовались гражданской правоспособностью и дееспособностью. Основанием права заставы была непосредственная принадлежность земли на правах собственности

лицу, отдавшему землю в заставу. Великий князь и земельные собственники широко воспользовались заставным правом для получения необходимых денежных средств. Отдача господарского имения в заставу сопровождалась выдачей из великокняжеской канцелярии „листа“, который давал юридическое право кредитору вступать во временное владение заставным имуществом. Заставный „лист“, прежде всего, подробно перечислял то недвижимое имущество, которое передается в заставу, условия заставы и срок ее.

Господарские дворы и волости отдавались в заставу со всем тем населением, которое жило в них, и со всеми теми доходами, которые великий князь имел возможность получать с имения до отдачи его в заставу.

Держатель заставы не только получал право эксплуатации заставного имения, к нему же переходила и вотчинная юрисдикция. Исключения не составляли и господарские бояре, непосредственно по земле зависевшие от великого князя.

С отдачей господарского двора или волости в заставу прекращалась судебная деятельность местных органов власти — воеводы. Последний терял право въезда в волость для сбора налогов; запрещался въезд и его служебным людям.

Таким образом, держатель заставного имения располагал полным финансовым и судебным иммунитетом. В его распоряжение поступали: а) доходы от эксплуатации имения, б) „поплатки“ населения под разными наименованиями, которые раньше население волости или двора выплачивало великому князю, в) судебные пошлины. Впрочем в отдельных случаях держатель заставы был обязан поставлять великому князю известное количество бочек жита, овса и возов сена. Помимо выполнения этого обязательства, держатель заставы должен был „поднимать“ великого князя „стациями“, т. е. давать подводы „подлуг давного звычаю“. Если великий князь, отдавая дворы и волости в заставу, получал денежную компенсацию в виде заставной денежной суммы, то для воеводской власти, его должностных лиц, заставка имения была убыточной, поскольку она лишалась известной части податей, собираемых с населения судебных пошлин и штрафов, а воеводские должностные лица — возможности при собирании налогов и выполнении своих обязанностей грабить население. При возвращении заставы великому князю держатель должен был вернуть господское имение в том виде, в каком оно было отдано в заставу. С этой целью переписывались дворовый скот и оставшаяся в господарском дворе сельскохозяйственная продукция.

Раздача господарских дворов в заставу приняла массовый характер при Сигизмунде I, в правление которого, по мнению Л. Коланковского, положение господарского скарба было особенно напряженным. Отдача дворов, городов и волостей приходится, главным образом, на 1516—1529 гг. Затруднительное финансовое положение Литовского князя было связано с напряженным внешнеполитическим положением великого княжества, которое требовало от господарского скарба значительных денежных средств. Между тем великокняжеская казна была пуста. Нормальным законодательным путем нельзя было получить нужные для войны денежные средства, ибо привилей 2 мая 1447 г. освободил всех землевладельцев от уплаты „серебщины“, которая теперь из регулярного налога превращалась в чрезвычайный, устанавливаемый самими землевладельцами на сейме. Участниками последнего

были паны-рада, князья и паны, не состоявшие в составе господарской рады. Обычно такие крупные землевладельцы приглашались на сейм именными господарскими листами. Право занимать должности по центральному и провинциальному управлению, а также право принимать участие в господарской раде, было привилегией панов-католиков. Православные магнаты, как общее правило, не допускались в раду. Впрочем были случаи, когда в господарской раде заседали крупные православные землевладельцы, такие, как князь К. Острожский. Это, однако, было исключением, а не общим правилом. Поэтому, когда собирались сеймы для решения разных вопросов, в частности, о назначении сбора „серебщины“, то, естественно, было необходимым присутствие наиболее видных землевладельцев обоих вероисповеданий, не состоявших членами господарской рады.

Господарская рада не была щедрой. Магнаты предпочитали держать великого князя в полной финансовой зависимости от себя. Поскольку доходы от господарских волостей не могли покрыть всех текущих расходов, великий князь вынужден был обратиться к частному кредиту и стать на путь заставы своих дворов и волостей.

Систематическая раздача великим князем дворов и волостей была внешним признаком полного банкротства финансов великого княжества. Подобное состояние великокняжеского скарба было результатом узкоклассовой политики магнатов. Беря в заставу великокняжеские дворы и волости, крупные землевладельцы — кредиторы получали возможность еще более усилить свою экономическую мощь, свое политическое значение.

Великий князь, широко пользуясь правом заставы, приобретал необходимые денежные средства, таким образом, только путем отказа от всех доходов, поступающих в его пользу с заложенных дворов и волостей. В свою очередь раздача дворов и волостей в заставу еще более ухудшала положение господарского скарба, так как его постоянные доходы значительно сократились. Положение великокняжеского скарба становилось тем более затруднительным, что великий князь не располагал средствами для выкупа заставленных имений. Поэтому ему приходилось искать каких-то новых путей, чтобы освободиться от лежавших на дворах и волостях долгах.

В связи с систематической массовой раздачей дворов и волостей в заставу в великокняжеской канцелярии был выработан даже особый формуляр заставной сделки. Сначала господарский заставный лист определяет объект заставы, денежную сумму, поступающую в казну великого князя от держания заставного двора и волости; затем идет перечень тех разрядов волостного населения, которое вместе с доходами, поступавшими в великокняжеский скарб, уступалось кредитору; далее указывается прекращение права воеводской администрации собирать доходы с великокняжеских дворов и имений и въезжать в волость. В заставном листе отмечаются и обязательства держателя заставного имения в отношении великого князя, если держатель заставы был связан ими. Формуляр заставного листа оканчивается определением срока заставы и указывает на последствия для великокняжеского скарба в том случае, если заставное имение окажется своевременно не выкупленным.

Нам неизвестна общая сумма поступлений в великокняжеский скарб с дворов и волостей. Поэтому не представляется возможным выяснить,

насколько заставная сумма соответствовала доходности двора и волости и насколько убыточной была для великокняжеского скарба отдача в заставу дворов и волостей, особенно если они отдавались в заставу на весьма продолжительный срок.

Дворы, замки с волостями могли отдаваться в заставу пожизненно — „до живота“¹. Пожизненная заставка была наиболее выгодной для держателя господарского имения, так как длительная эксплуатация великокняжеского недвижимого имущества позволяла кредитору значительно увеличить свои материальные средства за счет феодальных рент, поступающих с населения держателю заставного имения.

Менее выгодной была заставка, срок которой был неопределенным — впрямь до выкупа заставы великим князем. Впрочем, при плачевном состоянии господарского скарба держатели заставы могли быть уверенными в том, что великий князь не скоро окажется в состоянии выкупить заставное имущество.

Если заставка была дана, например, „до живота“ и если великий князь не выплачивал наследникам держателя заставы заставной суммы, то последние продолжали держать в заставе имущество до тех пор, пока великий князь ее не выплатит. Так, в 1516 г., отдавая в заставу пану Богушу Богативиновичу „двор Довкги з местом и со всеми нашими людьми довкговскими“ в пожизненное владение, великий князь предусматривал, что если он умрет, не вернув заставной суммы, то „жена и дети мают тот двор держати дотоле, пока тож тыи пенязи мы им заплатим, а не отдавши тех пенязей не маем в них того двора нашего в руках внимати“². Конечно, в тех случаях, когда заставка была бессрочной, после смерти держателя заставы во владение ею вступали его наследники: жена и дети получали право держать тот двор, пока господарь не уплатит сполна всех „пенязей“³. Таким образом, великий князь обеспечивал интересы наследников, гарантируя им владение заставой до тех пор, пока не будет выплачена вся заставная денежная сумма.

Великий князь, отдавая в заставу дворы и волости, иногда возлагал на держателя заставного имения обязанность выполнения ряда натуральных повинностей. Так, Богуш Богативинович и двор Довкги были обязаны „в поставный год“ поставлять великому князю 60 бочек жита, 60 бочек овса и 60 возов сена. В пользу великого князя поступала также „мезлева сполна — яловицы и вепры и иныи речи подлуг давного обычая“. Кроме того, великий князь обязывал пана Богуша „поднимати стацьями подле давности и подводы под нас з места и з волости давати по давному“⁴.

То же обязательство возложил великий князь и на пана Юрия Немирича при отдаче в заставу двора Довкги в 1518 г. Конечно, доходные статьи, поступающие в господарский скарб, были различными, в зависимости от обычая. Так, пан Миколай, старостич Жмудский, ежегодно должен был отдавать великому князю „по сту бочек жита и по сту бочек овса, а спижу великоденную и колядную — яловици и

¹ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута, М., 1893, приложение № 25.

² Там же, приложение № 25, стр. 27, 28, 29.

³ Там же, приложение № 26.

⁴ Там же, приложение № 25.

бораны и иншие речи... по давному". В обязанности пана старосты входило „поднимать стацьями“ великого князя и „подводы под нас з места к волости давати подлуг давного обычая“¹.

Пан Якуб Кунцевич, который получил в заставу дворы Лепунь и Волькиники, должен содержать в случае приезда великого князя: „до тех дворов наших, тогда мает он нас стацьями поднимати и мезлевою, бо есмо тую мезлеву дали ку его рукам для того, коли мешкаем в тех дворех наших для ловов, абы он нас тою мезлевою поднимал“².

Отдавая пану Богушу в заставу Каменец и Каменецкую пушу со „всякими платы и доходы, которые перед тым на нас на господаря и врадников наших Каменецких хожиwali“, великий князь оставлял для себя: „корчомный пенязи, а две доли дани медовые, а бобровые гоны вси“. Кроме того, пан Богуш должен был пушу Каменецкую „заведати и сторожу добрую мети, абы зверу нашому шкоды не было“. Пан Богуш не имел права „в той пуше“ ловить зверя, за исключением тех мест, „где первыи наместники Каменецкие приловливали, и то кром зубров“³. Пан Юрий Миколаевич, староста Городенский, взявший в заставу дворы Озера и Кринки, был обязан в случае приезда господаря „с тех дворов наших стацьею и подводами поднимать потому, как и перед тым бывало“⁴.

Обязанность „поднимать стацьею“ и „давать подводы“ была общей для всех держателей господарских дворов в заставе повинностью. Отдавая свои дворы в заставу, великий князь до выплаты держателю заставной суммы обязывался не отбирать у него двора. Равным образом это обязательство распространялось и на жен и детей заставного имения, если последнее было дано „до живота“, а после смерти держателя великий князь был не в состоянии выплатить заставную сумму. Впрочем в отдельных случаях и великий князь нарушал свое обязательство, но тогда держатель заставы вознаграждался заставой другого двора.

В 1516 г. великий князь заставил двор Довкги пану Богушу за 600 коп грошей. Затем ввиду военного времени великий князь получил от него добавочно 400 коп грошей. Но, получив от пана Богуша 1000 коп грошей, великий князь Довкги вернул обратно в скарб, а пану Богушу в виде гарантии за предоставленную им сумму в 1000 коп грошей отдал в заставу „двор Каменец“⁵.

Такой обмен дворов отнюдь не был нарушением великокняжеской гарантии и был вызван увеличением денежного кредита, предоставленного господарю. Конечно, двор Довкги был немедленно заставлен. Только новый держатель выдал великому князю 700 коп грошей с сохранением всех тех условий, при которых его держал пан Богуш.

Первые значительные заставы великокняжеских дворов, мест и волостей относятся к 1516 г. Вслед за тем началась массовая раздача их в заставу, необходимость которой великий князь мотивировал тяжелым положением государства вследствие войны с Москвой. Документы Литовской метрики заполнены этими раздачами. Огромный

¹ М. К. Любавский. „Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства...“, приложение № 26.

² Там же, приложение № 27.

³ Там же, приложение № 28.

⁴ Там же, приложение № 29.

⁵ Там же, приложение № 28.

земельный фонд на правах заставы переходил, таким образом, в руки феодальной знати. В 1519 г. великий князь заставил Могилев за 3000 коп грошей. Тогда же был отдан в заставу пану Станиславу Остику двор Мереч за 1000 коп грошей „з местом и з волостью“.

Пан Грицко Исаевич Громыка взял в заставу за 600 коп грошей землю Свислочь; староста Городенский, пан Юрий Николаевич Радзивилл оказался держателем дворов Городенского повета — Озер и Кринок за 1000 коп грошей, „со всеми платами и доходами“, приходившимися на господаря. Воевода Новгородский пан Ян Заберезинский взял в заставу за 900 коп грошей двор Марково. Пан Юрий Иванович Ильичин взял в заставу Берестье за 500 коп грошей. Воеводе Троцкому пану Григорию Остику был отдан в заставу двор Дорсунишки. Выкупив замок Свислочь у прежнего держателя, великий князь немедленно за 1000 коп грошей заставил его пану Войтеху Юрьевичу Носиковскому. Пану Якубу Кунцевичу был заставлен двор Василишки за 1000 коп грошей. Пан Юрий Немирич взял в заставу волость Любошане за 500 коп грошей. Впоследствии условия заставы были изменены. Юрий Немирич получил право „выбирать“ пенязи только в течение трех лет, а затем эта волость отдавалась ему в „доживотное держание“. Юрий Николаевич Радзивилл взял в заставу двор Мереч, уже находившийся в заставе, поскольку он увеличил заставную сумму. Староста Городенский взял в заставу еще несколько дворов Городенского старосте ввиду прихода татар „з немалыми людьми“. Двор Скидель с дворцом Жорославским „со всеми людьми“ был отдан в заставу за 1980 коп грошей. Ввиду крайней нужды в деньгах великий князь заставил Городенскому старосте за 2800 коп грошей Городно. Заняв дополнительно еще 2000 и 3000 коп грошей, великий князь отдал в заставу Городно „со всеми дворами и местами, и людьми, ку замку прислухаючими и з ловы звериными, олениными, и лоси, и сернами“. Тогда же были отданы в заставу замок Кричев, дворы Канев и Дубичи, Бирштаны, Каменец, Жолудок, Мозырь с волостью, перезаставлен Кричев и др.¹

Приведенными данными о заставе господарских дворов мест и волостей, конечно, не исчерпываются полностью сделанные тогда заставы. Они лишь свидетельствуют о широком использовании великим князем заставного права, чтобы посредством его той или другой ценой получить необходимые для государства денежные средства.

Широко используя заставное право, великий князь в отдельных случаях предполагал обеспечить кредитора не заставой замков, дворов, волостей и мест, а отдачей их со всеми или частью доходов с них на известное количество лет „на выборание суммы пенязей“. По истечении договоренного срока господарские имения отдавались великим князем „в держанье до живота“.

В 1520 г. князь Василий Иванович Солеморецкий получил от великого князя Сигизмунда замок Могилев с волостью на три года со всеми доходами. По истечении трех лет замок отдавался ему в доживотное держание. В течение трех лет князь Солеморецкий мог использовать все доходные статьи замка Могилева для возвращения денежной суммы, отданной в долг великому князю. Когда же он стал „держав-

¹ Литовская метрика, кн. X; В. И. Пичета. Аграрная реформа... т. I, стр. 36—38.

цем“, то в его пользу поступали определенные доходы, „а дани и доходы все за нас были потому, как и перед тем бывало“¹.

В 1520 г. великий князь разрешил пану Яну Яновичу Заберезинскому выплатить наследникам пана Станислава Григоровича Остика 1000 коп грошей за двор Мереч, находившийся у последнего в заставе за сумму в 1000 коп грошей. Пан Заберезинский в течение четырех лет мог „выбирать пенязи из доходов того двора“², после чего двор Мереч отдавался ему в держание до живота.

Эта форма заставы была тем выгоднее для великого князя, что, лишаясь на несколько лет всяких доходов, он затем вновь возвращал себе право собирать их „по старине“. Видимо, этот вид „заставы“ отвечал и интересам феодалов, так как раздача земель и дворов „в держание“ получила значительное распространение.

Благодаря раздаче господарских дворов, мест и волостей в заставу великий князь мог пополнить свой скарб известным количеством денег. Однако вместе с тем господарский скарб превращался в неоплатного должника богатых магнатских фамилий, в руках которых сосредоточилось большое количество господарских имений. Финансовое положение великого княжества еще более ухудшилось от того, что литовско-украинско-белорусские магнаты крайне небрежно относились к выполнению лежавших на них государственных повинностей, а великий князь был бессилен что-либо предпринять для того, чтобы принудить феодальную аристократию аккуратно выполнять свои обязанности по отношению к государству.

В официальном документе, разосланном в 1522 г. по дворам Виленского повета в связи с приготовлениями к войне с Москвой, Сигизмунд I констатировал, что „подданные наши многие оплошества и небалость великую ку обороне земской мають“³.

На сейме 1522 г. тяжелое положение господарского скарба было предметом обсуждения. Наиболее крупные кредиторы великого князя вернули ему заставленные дворы, замки и волости. Кажется, что такие „жертвы“ были компенсированы тем, что те же дворы оставались у них в „доживотном владении“.

На таких условиях были отданы, например, пану Юрию Ивановичу Ильичичу староства Берестейское и Лидское, находившиеся у него в заставе⁴. Нет оснований отрицать, что другие правительственные кредиторы были вознаграждены подобным же образом.

ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XVI в. И ПРОВЕРКА ПРАВ НА ЗЕМЛЮ

Великий князь Литовский юридически считался собственником всех земель, не находившихся в частном владении. В его непосредственном владении был огромный земельный фонд, эксплуатация которого давала

¹ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута, М., 1893, стр. 697—698.

² Там же, стр. 698.

³ Н. А. Максимейко. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии, прилож., стр. 65—66.

⁴ В. И. Пичета. Указ. соч., стр. 86.

великому князю основные средства, которые шли как на покрытие общегосударственных расходов, так и для удовлетворения потребностей великокняжеского двора. Этот земельный фонд постепенно уменьшался. Великий князь вынужден был „жаловать“ земли представителям феодального класса либо на правах „вечного владения“, либо в качестве условного пожалования.

Уменьшение великокняжеского земельного фонда происходило быстрым темпом в западной части великого княжества, в районе больших городов и оживленных торговых, особенно водных путей, в то время как в восточной части великого княжества, в белорусских, придвинских и приднепровских областях государь продолжал оставаться собственником обширных земель, находившихся во владении сельских или волостных общин или представлявших собой большие лесные пространства. Право владения землей основывалось на „господарском листе“, документе, вышедшем из канцелярии великого князя. Если кто-либо владел землей „без призвонения господарского“, то такой самовольный захват земли давал основание государю отнять у владельца незаконно захваченную им землю¹.

Равным образом возвращались в господарский земельный фонд всякого рода выморочные имущества, называвшиеся „пустой“ землей, „пустовщинами“, „спадками“². В господарский земельный фонд возвращались выморочные земли земельных держателей — шляхты, мещан, бояр³. В пользу великого князя поступали также крупные княжеские имения, оставшиеся без наследников. Так, в непосредственное владение великого князя перешли Пинск, Кобрин, Городец, Туров⁴.

В областном привилее, выданном Киевской земле, это обычное право получило следующую формулировку: „А детей не будет, ино (имение) ближнему, а будет пустой человек, ни детей, ни племени: ино нас (господаря) то имень“⁵. Впрочем в областных привилеях, выданных Витебской и Полоцкой землям, выморочные имущества, так называемые „беззадщина и отумерщина“ поступают не в распоряжение великого князя, а в земельный фонд всей земли⁶.

На великого князя отходили и городские выморочные имущества даже в городах с магдебургским правом⁷.

Разумеется, произвести учет всех „спадковых“ имений не представляется возможным. Не все „спадки“ на великого князя нашли отражение в источниках. Во всяком случае приток „спадковых“ имений как крупных, так и мелких, был постоянным, что давало возможность великому князю использовать земельный фонд для раздачи служилым элементам под условием службы.

Кроме того, в распоряжение великого князя поступали земли, конфискованные за разные преступления. Так, некто Ходко Островский был лишен земли за то, что отрубил епископу руку⁸. У Романа Ходо-

¹ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Литовского статута, М., 1893, стр. 305.

² Там же, стр. 393.

³ Ф. И. Леонтович. Акты..., № 16, 43—44, 56.

⁴ М. К. Любавский. Указ. соч., стр. 305.

⁵ Акты, относящиеся к Западной России, т. II, стр. 34.

⁶ М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно, приложения, стр. 358—369.

⁷ Ф. И. Леонтович. Акты..., № 557.

⁸ Русск. истор. библ., т. XXVII, стр. 108.

ровича была отнята его часть земли за то, что он забил до смерти своего брата¹. Уличение держателя земельного владения в „татьбе“ тоже влекло за собой конфискацию имущества вора². М. В. Владимирский-Буданов видит в этом праве конфискации земель за воровство отражение „потока и разграбления“, действовавшего в эпоху „Русской Правды“. С этим мнением авторитетного историка права великого княжества Литовского следует согласиться³.

С конца XV в. начинается конфискация земель за государственную измену. Под понятием „государственная измена“ в конце XV в. и начале XVI в. в великом княжестве Литовском понимали самовольный отъезд в чужую землю. Например, когда князь Иван Васильевич Белевский убежал со своими детьми в Москву, которые, впрочем, по дороге были задержаны, то имущество беглеца было конфисковано великим князем⁴. Равным образом, когда землянин Берестейского повета Дремлин убежал „до коруны Польской и оттоль злодейским обычаем заездки чинил в землю нашу“, то имение государственного изменника подверглось конфискации⁵. Случаи ухода в Москву в начале XVI в. стали довольно распространенным явлением, и поэтому конфискации в известной степени увеличивали великокняжеский земельный фонд. При великом князе Казимире, когда еще юридически не оформилось феодальное право на землю, бывали случаи конфискации земли без всякой вины со стороны держателя; в таком случае, однако, пострадавшее лицо получало земли в другом месте. Все эти земли, поступившие в земельный великокняжеский фонд, обычно недолго оставались во владении великого князя. Они раздавались во владение под условием службы или как награда за верность. Так, конфискованные земли князя Ивана Белевского были переданы его брату „за его верную службу“⁶.

Все находившиеся во владении великого князя земли составляли личную собственность господаря. Деление земель на дворовые земли великого князя и государственные земли в прямом смысле слова не было еще произведено. Это разделение произошло не раньше конца XVI в.

Нам кажется, что попытка М. В. Довнар-Запольского доказать, что деление государственных земель на две части — на земли, находящиеся в личном пользовании великого князя, и на земли, находящиеся в общем государственном владении, существовало в конце XV в., не может быть признана удовлетворительной. М. В. Довнар-Запольский находит возможным считать, что уже в привилее 1492 г. имеется разграничение земель на две группы. По мнению исследователя, восточные области составляли общегосударственный земельный фонд, а западные области, в которых были расположены господарские дворы, составляли личный фонд великого князя⁷.

¹ Ф. И. Леонтович. Акты..., № 639.

² Русск. истор. библ., т. XXVII, стр. 35.

³ М. Ф. Владимирский-Буданов. Очерки литовско-русского права, вып. 1, Киев, 1889, стр. 32.

⁴ Ф. И. Леонтович. Акты..., № 269.

⁵ Там же, № 550.

⁶ Там же № 260.

⁷ М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах, т. I, стр. 146—147.

С мнением М. В. Довнар-Запольского никак нельзя согласиться, так как привилей 1492 г. не дает никаких оснований для подобного категорического вывода. Правда, в центре внимания великого князя были, главным образом, западные дворы. Восточные области пока мало привлекали к себе его внимание, что объясняется характером экономического развития великого княжества. Западные области, в отличие от восточных, уже были вовлечены в сферу товарных отношений как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Поэтому великому князю не нужно было пока устраивать в восточных областях фольварки. Наконец, и в волоочной уставе 1557 г. нельзя уловить никакой разницы между западными дворами и восточными волостями. Великий князь был одинаково заинтересован в увеличении их доходности. В первой четверти XVI в. объектом хозяйственной политики великого князя были, в основном, западные дворы, но и в восточных областях хозяйственные отношения отнюдь не находились в застойном состоянии. Уже с конца XV в. можно отметить наступление господарских державцев на общину в целях увеличения доходности великокняжеского скарба. Поэтому следует признать неприемлемым выводы М. В. Довнар-Запольского, будто в конце XV в. и начале XVI в. уже состоялось отделение дворовых земель великого князя от общегосударственных. Великокняжеский земельный фонд постепенно уменьшался. Это уменьшение относится по преимуществу к западным районам великого княжества Литовского, где в конце XV в. и начале XVI в. можно отметить интенсивный рост сельского хозяйства.

Здесь все землевладельцы были заинтересованы в расширении площади своих земельных владений, что могло быть достигнуто либо самовольным захватом соседних частновладельческих земель, как средних, так и мелких, либо захватом великокняжеских земель, либо, например, „жалованием“ земли в отчину. Поэтому нет ничего удивительного в том, что крупные, средние и мелкие землевладельцы забрасывали великого князя просьбами о пожаловании земель в вотчину, а великий князь, разумеется, должен был считаться с просьбами феодальной знати и удовлетворять челобития, тем более, что он находился в финансовой зависимости от крупных землевладельцев, в руках которых были сосредоточены значительные денежные средства.

Земельные магнаты становились кредиторами великого князя, который вынужден был отдавать им господарские дворы в „заставу“. Согласно заставному праву держатель заставы получал право эксплуатации до тех пор, пока заставодатель не выплачивал ему заставной суммы.

Великокняжеский скарб с конца XV в. испытывал хронический денежный кризис в связи с напряженным внешним положением великого княжества Литовского. Заставы имений обычно были бессрочными и пожизненными. В первой половине XVI в. большое количество господарских дворов было отдано в „заставу“¹.

Наряду с заставами, великий князь отдавал земли и дворы со всеми или частью доходов с них на известное число лет „на выбиране суммы пенязей“. Так, в 1520 г. великий князь Сигизмунд отдал князю

¹ В. И. Пичета. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии (до конца XVI в.), Минск, 1927, стр. 82—85.

Соломерецкому замок Могилев с волостью на три года со всеми доходами, за исключением медовой дани¹.

Иногда великий князь разрешал какому-нибудь пану выкупать двор, отданный в заставу третьему лицу, с правом его эксплуатации — „выбирания пенязей“. В 1522 г. Сигизмунд разрешил пану Григорию Григорьевичу Остиковичу выкупить двор Бирштаны у князя Матвея Микитинича, а затем впредь „до выбирания сумы своею держати, вытручаючи по сту коп на рок“². Таким образом, двор Бирштаны фактически был отдан в аренду за 100 коп грошей. При отдаче в заставу земель, а также дворов „на выбирание пенязей“ в пользу держателя двора поступали не только непосредственные доходы на господаря, но и доходы других должностных лиц, если только последние поступали раньше в их пользу со двора. Положение господарского скарба становилось катастрофическим. Господарские дворы в большей своей части находились в заставном владении у крупных землевладельцев. Великому князю угрожала опасность остаться без имений, волостей и денег. Финансовое положение великокняжеского скарба было настолько напряженным, что на сейме 1522 г., происходившем в Гродно, оно явилось предметом специального обсуждения, в результате которого наиболее крупные кредиторы князя, такие, как пан воевода Виленский, пан Немира Грималич, пан Андрей Довойнович и другие „спустили“ „пенязи“, отказались от выданных господарю денежных сумм и вернули ему обратно заставные земли, дворы и волости: Утень, Мозырь, Дорсунишки, Мельник, Ейнышки, Вилькомир, Меречь, Пуня, Жижморы, Лида, Белица, Оникшты, Превалки, Овстрыня, Крево, Любошано, Могилев, Крычев, Пеняне, Ушполь³. Впрочем этот отказ кредиторов не был только эффектной жертвой со стороны богатых панов. В действительности эти жертвы были компенсированы тем, что заставные земли, дворы и волости, оставались у них в „доживотном владении“ на правах староств и державств. Эта финансовая сделка великого князя с феодалами вознаграждала полностью его кредиторов, поскольку, став пожизненными владельцами государственных земель, дворов и замков, они теперь были уверены в том, что смогут спокойно держать в своих руках великокняжеские земли до конца своей жизни.

С пожалованием земель на „вечность“, в „личную власность“, „в отчину“ великий князь литовский лишался значительной части своего земельного фонда. С передачей земли в условное владение на правах „поместья“ — выслуги, западноевропейского бенефиция, великий князь уступал своим васалам значительную часть государственного земельного фонда, сохраняя, однако, над ним свой суверенитет.

Развитие условного феодального землевладения было вызвано внешнеполитическим положением великого княжества Литовского, необходимостью иметь в достаточном количестве военные силы для обороны границ государства. Все держатели земель на условном (бенефициальном) феодальном праве были обязаны нести военную службу.

¹ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства..., стр. 697—698.

² Там же, стр. 699.

³ Н. А. Максимейко. Сеймы Литовско-Русского государства, прилож., стр. 65—68.

Формы служилого феодального землевладения можно разделить на две категории. К первой категории принадлежали такие владения, которые передавались в руки держателя без права распоряжения жалованной землей. Самый срок такого держания был обычно неопределенным и окончание его зависело от тех условий, на основании которых жалуются земля. Ко второй категории относятся те владения, которыми держатель распоряжается на правах наследственных. Эти держания могли подвергаться различным распоряжениям со стороны держателя земельного владения, хотя это право распоряжения носило не безусловный, а относительный характер¹.

¹ М. В. Довнар-Запольский. Указ. соч., стр. 592.

Л. В. Разумовская

ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН В ФЕОДАЛЬНОЙ ПОЛЬШЕ

(первая половина XIV в.)

1

Первая половина XIV в.— период активного вовлечения Польши в торговые связи средневекового мира, роста торговых городов, укрепления местных рынков, период проникновения денежных отношений в польскую деревню в связи с широким распространением так называемого немецкого права.

Период феодальной раздробленности подготовил экономическое развитие Польши первой половины XIV в. К этому времени экономически и политически окреп класс крупных духовных и светских землевладельцев. Экономически окрепли и рыцари (*milites*). Владея землей сначала под условием отправления военной службы, рыцари сумели закрепить за собой эти земли в наследственное владение. Крупные землевладельцы стремятся использовать свое возросшее политическое значение для укрепления своих классовых позиций. Польская церковь, будучи крупнейшим землевладельцем, стремится стать независимой от государства и закрепить за собой ту часть феодальной ренты, которая поступала в пользу князя. Князья, считаясь с политическим влиянием церкви, вынуждены пойти навстречу ее интересам и предоставлением „иммунитетов“ удовлетворять ее требования. Иммунитетные грамоты получают монастыри, епископства, капитулы. Р. Гродецкий находит возможным отнести начало финансового иммунитета, предоставляемого монастырям, к первой половине XII в., даже к началу XI в.¹ Ю. Матушевский, автор специальной монографии об экономическом иммунитете церкви, относит выдачу монастырям первых иммунитетных грамот ко второй половине XII в.² Вслед за духовными учреждениями стали добиваться иммунитетных грамот и светские землевладельцы. Эти иммунитетные грамоты начинают появляться в XIII в. „с различным содержанием, то с большими, то с меньшими правами в их пользу“³. Церковный экономический иммунитет также был не одинаков по своему

¹ R. Grodecki. Początki immunitetu w Polsce, Lwów, 1930, стр. 52—54.

² J. Matuszewski. Immunitet ekonomiczny w dobrach kościoła w Polsce do roku 1381, Poznań, 1936, стр. 4.

³ С. Кутшеба. Очерк истории общественно-государственного строя Польши, СПб., 1907, стр. 25.

содержанию. Более влиятельные церковные учреждения получали большие экономические привилегии.

Существенные изменения происходят в экономическом положении и в правовом состоянии класса непосредственных производителей. С развитием феодального землевладения значительно поредели ряды „дедичей“ (свободных крестьян), сидящих на собственной земле. Исчезает рабство, так как рабы посажены на землю в феодальных поместьях. В связи с этим постепенно исчезает разница между свободными и несвободными. Справедливо отмечает Ст. Кутшеба, что уже в XII в. термин „свободный“ (*liber*) начинает обозначать „людей лично свободных, но обрабатывающих не свою, а чужую землю“¹. По существу, все крестьяне становятся „прикрепленными к земле“ (*glebae adscripti, homines adscripti, adscriptii*). Это влекло за собой усиление феодальной зависимости сельского населения. Предоставление иммунитетов крупным землевладельцам еще более ухудшало положение крестьян. Крестьяне, сидевшие в обложенных иммунитетом духовных и светских землевладениях, попадают с этих пор в безраздельную зависимость от землевладельца, феодальная эксплуатация усиливается.

Рост городов, укрепление местного рынка, усиление товарно-денежных отношений, — все это создает предпосылки для изменения условий в феодальной деревне. С XIII в. в Польше получает широкое распространение „немецкое право“. Заинтересованные в повышении доходности своих землевладений, духовные, а затем и светские землевладельцы путем колонизации до тех пор не освоенных, покрытых лесом площадей, входивших в состав их владений, стремились увеличить количество крестьянских хозяйств и на этих новых местах. Для повышения производительности крестьянского труда они начали переводить своих крестьян на „немецкое право“, в основу которого положено действительно немецкое право, практиковавшееся в землевладениях давно уже осевших на территории Польши немецких монастырей, пользовавшихся трудом немецких крестьян-колонистов. К труду немецких же колонистов пытаются на первых порах прибегнуть и князья, и крупные церковные и светские землевладельцы. Однако эти попытки не имеют значительного успеха, немцы-крестьяне появляются только в ближайших к Германии районах Польши. В основном, колонизация до сих пор не освоенных земель идет за счет польских крестьян, уходивших от феодального гнета своих землевладельцев на новые земли. Так, в течение XIII в. рядом с деревнями на старом „польском праве“ появляются деревни на новом праве, „немецком“. Крестьяне-переселенцы пользуются личной свободой, получают землю в наследственное пользование, основным видом феодальной ренты для них является чинш (оброк). Деревни на немецком праве получают известное самоуправление.

II

Вопрос о повинностях польских крестьян в период средневековья не раз привлекал к себе внимание исследователей. Однако первая половина XIV в. сравнительно мало исследовалась. Польская буржуазно-шляхетская историография уделила много внимания изучению повин-

¹ Ст. Кутшеба. Очерк истории общественно-государственного строя Польши, СПб., 1907, стр. 25.

ностей крестьян в период XI—XIII вв. и сравнительно мало — изучению феодальных повинностей в позднейшее время.

Вопросу о повинностях крестьян в средневековой Польше много места отведено в известной монографии Смольки „Mieszko Stary a jego wiek“ (1881). Почти целиком посвящена ему работа Пекосинского „Ludność wieśniacza w Polsce w dobie piastowskiej“ (1896). Если оба эти труда исследуют, в основном, повинности крестьян, сидевших на так называемом польском праве, то работа К. Качмарчика „Ciężary ludności wiejskiej-miejskiej na prawie niemieckiem w Polsce XIII—XIV ww.“ (1911) посвящена исключительно повинностям крестьян на так называемом немецком праве. В ряду этих специальных работ стоит и монография Ю. Видаевича „Powołowe-poradnie. Danina ludności wiejskiej w dobie piastowskiej“ (1913). Автор ее, исследуя только один указанный в заглавии вид повинностей, попутно касается и других.

Все перечисленные работы базируются на изучении громадного количества источников. Но большинство из них рассматривает повинности крестьян в эпоху средних веков вообще. Представляя собой общие обзоры, очень полные, исчерпывающие, эти работы сливают воедино отдельные этапы, распространяют частные явления одного этапа на эпоху всего средневековья в целом. На основе этих статей нет никакой возможности наметить историю развития форм феодальной эксплуатации крестьян, эволюцию форм докапиталистической (феодальной) ренты.

Проблема повинностей польских крестьян интересовала и новейших польских историков. Так, Т. Тыц изучал польскую сельскую колонизацию на немецком праве в Великой Польше за время с 1200 по 1333 г.¹ Вопросу о значении немецкого права в средних веках в Польше посвятил ряд своих исследований К. Тыменецкий. Оба указанных автора касались только повинностей крестьян на немецком праве. Сообщив ряд ценных данных, Тыц и Тыменецкий, однако, не ставили перед собой вопроса об изучении повинностей крестьян вообще как на польском, так и немецком праве. Это исследование имеет цель охарактеризовать феодальные повинности.

В польской деревне первой половины XIV в. происходили весьма существенные изменения. Одна часть польского крестьянства продолжала еще оставаться на польском праве, другая переводилась с польского права на так называемое немецкое. Феодальное поместье все больше втягивалось в рыночные отношения. Землевладелец был заинтересован в поднятии производительности и доходности своего хозяйства. В этих условиях значительно увеличился внеэкономический нажим землевладельцев на непосредственных производителей.

Сам непосредственный производитель, вынужденный выплачивать частично феодальную ренту в денежном выражении, должен был связываться с рынком. Одновременно, с известным ростом фольварочной запашки, крестьянин должен был часть своего труда отдавать землевладельцу, в связи с чем увеличивается отработочная рента. Происшедшие изменения в феодальной эксплуатации крестьян не позволяют переносить на первую половину XIV в. те формы эксплуатации, которые были характерны для времени XII—XIII вв.

¹ Т. Тыц. Początki kolonizacji wiejskiej na prawie niemieckiem w Wielkopolsce, Poznań, 1924.

III

К XIV в. значительно вырос и усилил свои позиции класс крупных феодалов-землевладельцев. Земельные пожалования, щедро раздававшиеся князьями, начиная с XII в., имели своим результатом сосредоточение громадных владений в руках светских лиц и особенно церкви. Увеличение церковных владений шло за счет не только княжеских пожалований и пожалований со стороны светских владельцев, но также и за счет покупки земель у последних.

Данные источников показывают, что к началу XIV в. и в первой половине его по Великопольше насчитывается двадцать крупных монастырских землевладений и пять епископских кафедр, по Малопольше — двенадцать монастырских землевладений и две епископские кафедры. Если исходить из количества выданных духовным землевладельцам привилеев, сопровождавших земельные пожалования, то крупнейшими собственниками в Великопольше надо считать монастыри Лендский, Любинский, Парадж, Бышевский и, наконец, Познанское епископство; в Малопольше — Краковскую кафедру, монастыри Завихост, Андреевский, Сулеевский, Тынецкий. Трудно говорить о размерах владений, сосредоточившихся в руках духовных землевладельцев. Однако известно, что в начале XIV в. (1314 г.) владения Гнезненского архиепископства составляли два города и 259 деревень¹. Эти данные позволяют нам также судить о размерах владений других духовных феодалов.

Что касается крупного светского землевладения, то в источниках этого периода оно представлено слабо. Но и те данные, которые имеются в нашем распоряжении, позволяют говорить о его значительном росте. Так, если за весь XII в. мы имеем для Великопольши двадцать один привилей на пожалования светским лицам, для Малопольши — девять, то за одну только половину XIV в. количество это по Великопольше составляет восемнадцать и по Малопольше — двенадцать.

Духовные и светские феодалы продолжают добиваться у князей разрешения на применение в своих владениях так называемого немецкого права, предоставлявшего значительные льготы поселенцам и потому служившего могучим средством для привлечения их на новые места. Такое разрешение большинством монастырей получило уже в XIII в. Получают его и светские землевладельцы. За первую половину XIV в. по Великопольше насчитывалось пятнадцать привилеев на локацию на немецком праве, а по Малопольше — девять. На основе этих разрешений как светские, так и духовные феодалы заключают локационные договоры, обеспечивая этим заселение и освоение своих владений, а следовательно, увеличение своих доходов.

Источники не дают сведений ни о размерах индивидуальных крестьянских хозяйств, ни о размерах деревень, оставшихся на польском праве. Зато нетрудно составить представление о размерах деревень и хозяйств, возникавших в результате колонизации осваиваемых территорий. Лица, бравшие на себя обязательство по заселению и культивированию земельного участка, должны были хоть приблизительно знать его

¹ S. Inglot. *Historja społeczna i gospodareza średniowiecza*, Lwów, 1938, s. 287.

площадь. Поэтому размеры территории, отдаваемой под локацию, указываются в локационных договорах. Единицей измерения при этом служит лан. Под локацию одной деревни в Великопольше дается 14 ланов (ВП, 844)¹, 21 лан (ВП, 392), редко 60 (КДП, I, 113). Территории, предназначенные для локации деревни в Малопольше, — больше. Мы встречаем здесь и 17 ланов (СП, II, 194), и 20 (ККК, 123), и 24 (МП, II, 210), и 30 (КДП, III, 72), и 50 (МП, II, 158), и 60 (МП, II, 211), и даже 100 (МП, II, 192, 203)².

Характерным для Великопольши является так называемый малый лан, фламандский. В Малопольше преобладает лан большой, франконский или лесной. Если учесть, что большой лан составляет приблизительно 43,5 морга (морг \approx 0,5 га), а малый — 30 моргов, легко представить возможные размеры земель феодальной деревни — в среднем от 300 до 1000 га. Указанные выше цифры едва ли соответствовали действительным размерам земель феодальных деревень. Очевидно, это только проектируемые землевладельцем размеры полезной площади, которую он рассчитывал получить в результате освоения земельных участков, покрытых лесами, кустарниками, болотами и т. д.

Не вся запроектированная площадь предназначалась непосредственно под крестьянские хозяйства. Известная часть ее отходила в наследственное владение „солтыса“, которым в дальнейшем становилось лицо, бравшее на себя обязательства по локации данной территории. Количество ланов, закрепляющихся за солтысом, как правило, отмечается в локационном договоре. Иногда оговаривается и дальнейшее распределение территории. Это условие последовательно выполняется по Малопольше, реже — по Великопольше. Так, в Великопольше из хозяйства в 14 ланов отходит солтысу 2 лана, а 12 намечаются под „чиншевые“, т. е. крестьянские хозяйства (ВП, 844), из хозяйства в 21 лан — солтысу 4 (ВП, 392), из 60 лан — 1 отводится под церковь, 1 — под пастбище (КДП, I, 113). В Малопольше при хозяйстве в 50 ланов 1 лан отводится под церковь, 2 — светский феодал оставляет в свою пользу (МП, II, 158); из 60 ланов 3 даются солтысу, 1 — под церковь, 1 — под пастбище (МП, II, 211); наконец, 100 ланов распределяются так: 6 — солтысу, 2 — под церковь, 2 — под пастбище (МП, II, 203). Подобное распределение дает возможность составить представление о размерах собственно деревни, комплекс индивидуальных крестьянских хозяйств. Очевидно, это нечто среднее между 12—20 ланами в Великопольше и 30—40 в Малопольше.

Указания на размеры индивидуального крестьянского хозяйства встречаются чрезвычайно редко. В одном локационном привилее, исходящем от Краковской кафедры, говорится: „любой кмет или селянин, имея один лан...“ (ККК, 144). С другой стороны, находим подобное предостережение в великопольском привилее: „Ни один селянин или житель не должен получить более 2 ланов“ (КДП, II, 256). Очевидно, надел крестьянина составлял от 1 до 2 ланов, т. е. от 30

¹ См. список сокращений в конце статьи.

² В источниках встречаем указания и на меньшую, чем лан, единицу измерения земли, а именно *juger* (КДП, II, 171, ВП, 935 и др.). В одном мазовецком документе удалось найти определение его: *decem jugera que morgi dicuntur vulgariter* (десять югеров, что в народном языке называются моргами). („*Kodeks dyplomatyczny księstwa Mazowieckiego*“, 58, 1325 г.). Отсюда — югер равняется моргу. Встречается морг и под собственным названием (КДП, II, 278).

до 60 моргов (15—30 га) при малых ланах, от 43 до 86 моргов (22—43 га) при больших.

Как выше сказано, источники не дают никаких указаний на размеры деревень и отдельных крестьянских хозяйств на польском праве. Надо думать, что размеры этих индивидуальных крестьянских хозяйств не особенно отличались от размеров хозяйств на немецком праве. Единицей измерения служил здесь „пруг“. Различались плуги — большой, равнявшийся 90 моргам, и малый (иначе „радло“), составлявший третью или четвертую часть большого, т. е. 22,5—30 моргов¹. Очевидно, для крестьянского хозяйства характерен был последний, совпадающий приблизительно с ланом. Но сколько таких малых плугов — один или два — приходилось на отдельное крестьянское хозяйство, сказать трудно.

Локационные привилегии этого времени дают еще одно важное указание. Часто феодал, отдавая под локацию определенную территорию, оставляет за собой известное количество ланов. Например, некий Витус отводит солтысу 2 лана, 12 — под крестьянские хозяйства, а „то будет сверх четырнадцати ланов, это оставляет для себя“ (ВП, 844). Иногда указывается твердое количество ланов. Так, познанский епископ оставляет за собой 4 лана (ВП, 935), столько же — другой духовный собственник (ВП, 1194). Такое же количество ланов берет в свою пользу светский землевладелец в Малопольше (МП, II, 158). Нет сомнения, что мы имеем здесь дело с фольварочным хозяйством. „... После уничтожения невольничества и прикрепления невольников к земле, фольварочное хозяйство снова ожило, когда стало возможно обрабатывать барскую землю трудом крестьян: немецкая колонизация открыла двери для нового развития фольварочного хозяйства через систематический труд на барском поле“².

Данные, обнаруживаемые в документах XIV в., в сопоставлении с XIII в. свидетельствуют о том, что в результате значительного роста крупной земельной собственности, а также в связи с щедрой раздачей земель князьями, почти исчезает категория свободных мелких землевладельцев-крестьян, существовавшая еще в XIII в. Путем внеэкономического и экономического принуждения свободные попадают в зависимость от крупных собственников-феодалов. Все крестьяне, сидящие на польском праве, образуют единую сплошную массу лично зависимого и прикрепленного к земле населения. Категория свободных мелких землевладельцев-крестьян почти исчезает. Видимо, представители этой категории еще сохранились в княжеских землях.

Рядом с этой зависимой массой живет обширная категория лично свободных крестьян, создавшаяся и продолжающая создаваться в результате широко развившейся колонизации на немецком праве. Кто они, эти крестьяне-колонисты? В локационных договорах первой половины XIV в. совершенно не встречается указаний на национальность колонистов. Тыменецкий утверждает, что это свидетельствует о том, что „немецкое право, дававшееся вначале немцам колонистам, затем дается почти в исключительном порядке местному польскому населению“³. Воз-

¹ F. Bujak. Studja nad osadnictwem Małopolski (Rozprawy Akad. Um. Wyd. hist.-filoz., t. 47, 1905), S. 377, 380; J. Rutkowski. Zarys gospodarczych dziejów Polski w czasach przedrozbiorowych, Poznań, 1923, s. 42.

² Wł. Grabski. Historia wsi w Polsce, Warszawa, 1929, s. 114.

³ K. Tymienicki. Wolność kmiecia na Masowszu w XV wieku, Poznań, 1921, s. 3.

можно, что косвенным подтверждением этого является известная 69 статья Вислицкого статута, устанавливающая условия, допускающие уход крестьянина от своего пана. „Так как из-за ухода крестьян, — говорится в этой статье, — имения господ часто пустеют без всякой законной причины к тому, нашим баронам угодно было решительно противодействовать этой опасности“. Куда же крестьяне уходили? Крестьянин вынужден был бежать от хищнической эксплуатации своего феодала туда, где он получал личную свободу и кусок земли в наследственное пользование, т. е. в те деревни, которые основывались на немецком праве. Очевидно, бегство крестьян от произвола своих владельцев приняло массовый характер, если на защиту интересов класса феодалов-собственников было призвано и законодательство. Некоторые из крестьян были даже непрочь поселиться в княжеских землях, где феодальный гнет носил менее выраженный характер. Но все же подавляющая часть крестьянства, задавленного огромным количеством феодальных повинностей и налогов, бежала на новые места, основанные на немецком праве.

Итак, Польше первой половины XIV в. известны три категории непосредственных производителей. Первая категория — это зависимые крестьяне, населяющие на польском праве княжеские земли, лично свободные и платящие подати и повинности в пользу князя, — категория, путем экономического закабаления и внеэкономического принуждения превращающаяся в категорию зависимых. Ко второй категории относятся крестьяне на польском праве, в землях феодалов. Они были прикреплены к земле и несли огромные повинности в пользу феодала. Третью группу составляли крестьяне на немецком праве, которая оформилась в результате колонизации осваиваемых территорий. Эта категория крестьян продолжала расти, надо полагать, исключительно за счет первых двух и лично была свободна, а повинности ее строго оговорены в локационных контрактах.

Все указанные категории крестьян несли различные повинности в пользу феодала. Можно установить два типа повинностей: один существовал в землях, оставшихся на польском праве, княжеских или частновладельческих, другой имел место во владениях, пользующихся немецким правом.

IV

О феодальных повинностях первого типа, лежавших на крестьянах, населявших княжеские и частновладельческие земли, мы узнаем из иммунитетных дипломов, выдававшихся князем при пожаловании земель духовным и светским феодалам. Либертационная (освободительная) часть этих документов обычно начиналась так: „Освобождаем жителей указанных владений от всех уплат, служб, тягостей и сборов, следуемых нашей власти, каким бы именем они ни назывались“ (КДП, II, 198). Или: „Изымаем жителей указанного владения навечно от всех княжеских прав (т. е. от обязанностей княжеского права), служб, уплат, повинностей любых, каким бы именем ни назывались“ (КДП, II, 225). После этой общей формулы следует перечисление повинностей, составляющих сумму княжеских прав, от которых князь отказывается. Повинности, хотя в измененной форме, разумеется, остаются. Меняется только владелец. Имеются прямые указания на передачу князем своих

прав частному землевладельцу. Так, князь, освобождая жителей жалучных рыцарю владений от всех взносов и повинностей, какие ему полагались, жалует ему эти владения „со всеми правами, свободами, взносами... какие мы (князь.—Л. Р.) в этом владении имели“ (КДП, II, 201). Или постановляет: „Во всем праве и во всех означенных взносах и службах (крестьяне.—Л. Р.) всегда обязаны господам и их власти подчинены“ (МП, 104). По существу, феодальные повинности крестьян, живших на княжеских землях и на землях частновладельческих, одни и те же и разница между ними лишь в том, что одни идут в пользу князя, а другие — в пользу феодала или феодала и князя, если князь отказывается не от всех своих прав. Поэтому можно рассматривать повинности и тех и других крестьян вместе, оговаривая в каждом отдельном случае существующие в них различия.

Доминирующей формой феодальной ренты в этот период была натуральная рента.

Основным видом натуральной земельной ренты было порадальное (paradlne), что соответствует русскому „посошное“. В основе этого термина, как видим, лежит „радло“ — сельскохозяйственное орудие и одновременно определенный участок земли, что позволяет видеть в порадальном форму натуральной земельной ренты, как результат перерождения древней дани, которой облагалось население.

Рядом с этим термином встречается термин поволовое (powołowe). Если в основе порадального лежит радло, участок земли, то в основе поволового лежит вол, упряжка волов, при помощи которой может быть обработан участок земли. Поволовое имеет в некоторых документах латинское соответствие — взнос с вола (МП, II, 1228). В одном документе князь, освобождая от взноса, говорит: „Пусть не платят от волов“ (КДП, III, 23, 1244 г.). Такое содержание термина указывает на его более древнее, по сравнению с порадальным, происхождение. Очевидно, этот термин ведет свое начало от тех времен, когда о величине земельного участка судили по количеству упряжек рабочего скота, нужных для его обработки.

В документах первой половины XIV в. нередко встречаем оба термина рядом (КДП, I, 102, 104; II, 185; ВП, 1050; ККК, 114), или только порадальное (ВП, 919, 984, 1043; Тын. 46), или только поволовое (КДП, I, 107; ВП, 1042; МП, II, 168, 171; КДП, III, 82; ККК, 140). Безусловно, оба эти термина, один — непосредственно, другой — косвенно, означают один побор, в основе которого одна и та же единица обложения — определенный участок земли, пашня. На это указывает тот факт, что при пожаловании земель, сопровождающемся освобождением населения от поборов княжеского права, князь зачастую не освобождает от порадального — поволового, или, освобождая от него особо это подчеркивает. Многие иммунитетные грамоты пропускают порадальное — поволовое при перечислении поборов, от которых освобождается население. Так, Владислав Локоток, освобождая владения Мартина Домаславича от всякого побора, перечисляет основные повинности, но не упоминает ни о порадальном, ни о поволовом (ВП, 1069). То же в XIII в. Болеслав, князь краковский и сандомирский, подтверждая обмен деревнями между комесами Николаем и Беноном, освобождает деревню последнего от ряда поборов, но порадального — поволового в список не включает (МП, II, 80). Подобное явление находим и в других документах (МП, II, 92, 1276 г.; ВП, 360, 1255 г.,

485, 1279 г., 545, 1284 г. и др.). Конечно, можно не придавать особого значения этому пропуску. Формулировка иммунитетной части документов далеко не является совершенной. Иногда она дает подробный список всех поборов и повинностей в пользу князя, иногда указываются два-три, а все остальные скрываются под общей стандартной формулой, начинающей иммунитетную часть документа: „Освобождаем от всех поборов и уплат, и от всех повинностей, каким бы именем они ни назывались“ (МП, II, 56, 1262 г.; в этом же духе — МП, II, 60, 1262 г., 80, 1270 г.). Часты случаи употребления такой же формулы в конце: после того, как все повинности подробно перечислены (обычно после списка поборов), идет: „И от других всех тягостей, какими бы именами они ни назывались“ (КДП, I, 102, 1307 г.; II, 185, 1304 г.) или „от всех повинностей, каким бы именем ни назывались“ (КДП, I, 104, 1311 г.).

Таких примеров много в XIII в., и это дает право относиться с доверием к основной части иммунитетного документа. Поэтому можно предположить, что если порадальное или поволовое не отмечено в списке охваченных иммунитетом поборов, то в данном случае князь оставляет за собой право на сбор этого вида ренты, как весьма существенного источника своих доходов. На это имеются и прямые указания в документах. Иногда князь дает только временное освобождение от порадального. В 1262 г. Болеслав великопольский выдает привилей Требницкому монастырю, предоставляющий населению монастырских земель право освобождения от уплаты порадального взноса в течение 10 лет (ВП, 400). Пшемислав II в 1289 г. освобождает владения Лендского монастыря „от всех уплат польских, и особенно от порадального на 20 лет“ (ВП, 636). Очевидно, подразумевается, что по прошествии указанного срока право на сбор порадального возвращается обратно к князю. Последний документ интересен еще тем, что в нем порадальное особенно выделяется. Это указывает на особую важность этого побора. То же самое подчеркивается в привилее Пшемислава II от 1292 г. на имя монастыря Тремешно. Князь, подтверждая права, данные монастырю его отцом, в порядке личной своей милости освобождает монастырь навечно „от уплаты сбора, который называется порадальным“ (ВП, 687).

О том, что поволовой сбор был важной и существенной статьёй княжеского дохода, говорит следующее. Лешко Черный в 1286 г., подтверждая привилей, выданные Тынецкому монастырю его предшественниками, отказывается от поволового в знак своей особой милости (Тын., 27). Владислав Локоток, подтверждая в 1324 г. привилей, выданный его прадедом Мешко Лендскому монастырю, освобождает крестьян новопожалованных восьми деревень от всяких поборов и „в знак особой милости от сбора, называемого поволовое“ (КДП, I, 107).

Все приведенные выше факты говорят о том, что термины „порадальное“ и „поволовое“, употребляющиеся в документах каждый в отдельности или оба вместе, служат для обозначения одной и той же формы натуральной земельной ренты.

Как было сказано, в документах первой половины XIV в. мы не находим прямых указаний на передачу порадального или поволового сбора в пользу феодала-землевладельца при предоставлении иммунитетов. Князь, давая иммунитет, не всегда включал в него порадальное

или освобождал от взноса этой ренты на определенный период. Документы XIII в. знают случаи передачи князем права на сбор порадльного налога в пользу частного землевладельца. В привилее Лешка Черного Тынецкому монастырю от 1286 г. читаем: „Какое бы поволовое или какой бы сбор ни был наложен нами на землю, означенный аббат будет получать его сам в своих деревнях“ (Тын, 27). Великопольский князь Болеслав, жалую в 1260 г. некоему комесу Николаю деревню Высокая, предоставляет в пользу его и его наследников все повинности и поборы, до сих пор постулавшие князю (ВП, 384). В ряде других поборов указано и порадльное. Видаевич приводит привилей Казимира Великого Могильненскому монастырю от 1363 г., в котором Казимир, между прочим, уступает монастырю право на „наш сбор порадльное... со всех жителей (крестьян. — Л. Р.) деревень“¹. Наличие факта передачи порадльного в пользу феодала-землевладельца в XIII в. и в конце XIV в. позволяет считать его возможным и в первой половине XIV в.

Первое хронологическое указание на содержание порадльного Видаевич видит в указанном выше привилее Казимира Великого. Предоставляя монастырю право на сбор порадльного, Казимир уточняет содержание последнего: „Наш побор порадльное как зерновое, так и денежное“ (ВП, 1493). Отсюда Видаевич делает вывод, что „около середины XIV века этот налог выплачивался в двух статьях — деньгами и зерном“². Очевидно, этот вывод можно распространить и на всю первую половину века. Возможно, что зерно составляло предмет порадльного в землях, сохранявших польское право. В каких размерах оно вносилось, в каких сортах — неизвестно. Порадльное, как денежная рента, очевидно, выплачивалось поселениями с немецким правом.

Следующим видом натуральной ренты являлось подворовое (*podworowe*). Самое название уже показывает, что единицей обложения при взимании этого побора был отдельный крестьянский двор, что резко отличает этот вид ренты от порадльного. Подворовое существовало, безусловно, для крестьян княжеских земель, что видно из иммунитетных документов, но, очевидно, сохранилось и в частновладельческих землях. На последнее указывает приводившийся выше привилей князя Болеслава, передававший все поборы в пользу светского землевладельца, в том числе и подворовое (ВП, 284, 1260 г.).

Предметом этого вида натуральной ренты служил домашний скот — коровы, вола, бараны, кабаны.

Иммунитетные грамоты зачастую приводят рядом с названиями поборов названия отдельных домашних животных. Это явление реже наблюдается в XIII в., в изучаемый же нами период нет ни одного привилея, который не перечислял бы названий животных. „Освобождаем крестьян от всех взносов и налогов, от порадльного и нареза, и вола, и коровы“ (ВП, 919). „Освобождаем... от всяких уплат польских... именно от нареза, от повоза, от стражи, от ополья, от вола, от коровы, от свиньи, от подворового“ (ВП, 1069). „Освобождаем крестьян... от стана, от коровы, от свиньи, от овцы“ (МП, 141).

Возможно, эти отдельные названия животных нельзя рассматри-

¹ J. Widajewicz. Powołowe — poradlnie. Danina ludności wiejskiej w dobie piastowskiej, Lwów, 1913, s. 116.

² Там же.

вать как самостоятельные поборы. Вернее, это — предметы поборов. Такое положение выдвигает Видаевич¹. Изучая стиль либертационных освободительных частей привилеев, он приходит к выводу, что существует два типа их: более древний, когда перечисляются только общие названия поборов, и новый, когда общие названия расшифровываются и рядом с терминами, означающими побор, даются также названия предметов, в каких побор вносится, причем последние даже совсем вытесняют общие термины, как это имеет место в XIV в. Употребление вассала, *vos* и пр., при терминах „нарез“ и „подворовое“ или без них, служит Видаевичу лишним доказательством того, что предметом этого побора был домашний скот. Это правильно, но Видаевич неправ, когда считает, что домашний скот был предметом только этого вида натуральной ренты. Крестьянский скот отчуждался в пользу князя еще в двух формах натуральной ренты — в поборах, носивших название ополье (*opole*) и стан (*stan*).

Ополье встречается в документах всего семь раз. Как само название показывает, этот вид натуральной ренты ведет свое начало от ополья, некогда соседской общины, потом единицы административно-территориального деления, распадающегося в XIII в. в результате раздачи земель по пожалованиям. Очевидно, в первой половине XIV в. этот побор сохраняется как пережиток и собирается не с каждого двора, как нарез, а с целой деревни. Содержание ополья вскрывает один из документов XIII в. В привилее Пшемислава II Лендскому монастырю в числе других поборов, от которых освобождается население, князь приводит: „от ополья“², именно от коровы, от вола (ВП, 673). В документах первой половины XIV в. о содержании ополья нигде не упоминается. Надо думать, что предмет его и в этот период оставался тот же, на что косвенно указывают встречаемые рядом с опольем названия отдельных животных.

Другая форма натуральной ренты, „стан“, является результатом перерождения былой натуральной повинности. Эта повинность состояла в том, что во время ежегодных объездов князем страны для выполнения высшего суда деревня, где князь останавливался (отсюда „стан“), обязана была обеспечить содержание князю и всем его сопровождавшим. Князь ездил с большой свитой, служащими, придворными, которых обслуживала многочисленная прислуга. Поэтому можно себе представить, как разорялись крестьянские хозяйства от подобных наездов двора. Даже если князь только при исключительных обстоятельствах останавливался в одном месте два раза в году, то каждый такой приезд серьезно отражался на крестьянском хозяйстве.

Очень рано эта повинность превращается в натуральную ренту. Пекосинский приводит ряд примеров из привилеев от начала XIII в., показывающих, что под именем стана взимается определенное количество меда (например, 60 горшков), иногда к меду добавляется некоторое количество сена (3 горшка меда и 50 малых возов сена) и т. д. Но и в XIII в. мы уже имеем указание на то, что домашний скот выступает как предмет побора. Так, Болеслав Стыдливый, освобождая крестьян деревень Андреевского монастыря (Малопольша) от стана, разъясняет попутно, в чем это заключается: освобождаем „от

¹ Там же.

² Термин *vicinia* — латинское соответствие польскому *opole*.

стана, пусть не уплачивают нам коров и овец, которые обычно с означенных деревень собирались для нашего стола“ (МП, II, 43, 1256 г.).

Первая половина XIV в. знает стан в виде натуральной ренты с тем же содержанием. Владислав Локоток, освобождая одну из деревень Андреевского монастыря от стана, выражал это следующим образом: „Освобождаем на вечные времена от (взноса. — *Л. Р.*) вола и всего вместе, что ежегодно нам и нашим служащим обязаны были давать под именем стана“ (МП, II, 187, 1331 г.). Этот документ раскрывает полностью содержание стана на данном этапе: это не повинность, а ежегодный побор домашним скотом.

Когда, в какие сроки вносились нарез-подворовое и ополье — неизвестно.

Таким образом, домашний скот — коровы, голы, овцы, свиньи — собирались у крестьян в пользу князя под именем трех различных видов натуральной ренты: нареза-подворового, ополья и стана. Разница между ними заключалась, очевидно, в способе собирания. Каждый крестьянский двор обязан был поставлять князю домашний скот, каждый же двор должен был участвовать в течение какого-то срока в поставке опольного животного и, наконец, каждый двор отдавал часть скота в порядке былой повинности, сопровождавшей приезды князя, теперь превратившейся в ежегодный побор, вероятно, не зависевший от того, приезжал или не приезжал князь. Если нарез-подворовое взимался и крупным, и мелким скотом, то предметом ополья и стана служил, главным образом, крупный рогатый скот.

Несомненно, что при пожаловании князем земель феодалам с освобождением от поборов в пользу князя указанный выше нарез-подворовое сохранялся, переходя в пользу землевладельца. За это говорит самое содержание и назначение нареза. Прямое указание на факт передачи этого побора землевладельцу имеем в приведенном выше привилее, выданном Болеславом комесу Николаю. В этом привилее перечисляются поборы, которые ему передаются, в том числе и подворовое. Что касается ополья, то, учитывая то обстоятельство, что оно явилось уже пережитком, трудно предположить возможность его существования в частновладельческих землях. Относительно стана документы никаких указаний не дают.

В малопольских памятниках встречаем еще один вид натуральной ренты под термином сеп (*sep*) — от слова „ссыпать“. Уже самое название показывает, что этот побор вносился, очевидно, зерном.

Кроме указанных видов натуральной ренты, крестьяне княжеских земель обязаны были нести еще некоторые отработочные повинности. Их можно разбить на две категории. Одни были связаны с перевозкой грузов местного значения, другие — с обороной страны.

Громадные пространства неосвоенных земель, покрытые непроходимым лесом, и глубокие реки представляли большие трудности для передвижения. Надо было хорошо знать места и обеспечить весь путь транспортом и охраной. При объездах князем страны все эти обязанности ложились на крестьянское население окрестных деревень. Так создались тяжелые повинности: провод (*przewod*), повоз (*powoz*) и подвода (*podwoda*).

Провод и повоз упоминаются в документах всегда вместе (КДП, II, 185, 1304 г.; I, 102, 1307 г. и др.). Таким образом, под проводом

следует понимать только обязанность доставки проводника и охраны. Иначе к чему было бы употреблять их рядом.

В одном из привилеев, а именно в привилее Владислава Локотка, данном Краковской кафедре в 1306 г., термин „провод“ уточняется: здесь он именуется *prewod militale*. Под *prewod militale* надо понимать провод, связанный с передвижением войск во время похода, военный провод. Жалуя свои земли феодалам, князь освобождает крестьян от повоза и провода, требовавшихся для обеспечения передвижения его особы, его сановников, его вещей и снабжения для его стола, но сохраняет за крестьянами обязанность вести провод, если двигаются войска. Проводу военному противопоставляется *prewod rusticanus*, т. е. мирный.

Указанные отработочные повинности в пользу князя имели место и в частновладельческих землях. Факт существования *prewod militale* вытекает непосредственно из показаний источников. Повоз и провод обычного типа могли служить и частному владельцу, характер их менялся — суживался, ограничивался пределами только данных владений¹.

Вторая категория отработочных повинностей, лежавших на крестьянах княжеских земель, заключалась в том, что они должны были давать охрану для гродов, так называемая стража (*stróža*). Наши документы не дают никаких сведений, в каком виде эта повинность сохранилась до XIV в.

Следующей повинностью этого типа было участие в строительстве и перестройке гродов. Эта повинность лежала только на крестьянах княжеских земель. Частновладельческие же крестьяне, судя по документам XIII в., освобождались от этой повинности за исключением строительства и перестройки главных гродов. Так, привилей Болеслава Стыдливого оставляет за крестьянами Станенцкого монастыря обязанность участвовать в работах в Кракове, „для исправления которого или для перестройки итти будут обязаны“ (КДП, III, 43). Эта же повинность остается на крестьянах другого монастыря (КДП, III, 31). В документах XIV в. имеется одно беглое замечание об освобождении крестьян деревень Краковской кафедры от постройки гродов, укреплений (ККК, 114, 1306 г.). Можно думать, что обязанности частновладельческих крестьян XIII в. в отношении этой повинности сохранились и в начале XIV в.

Наконец, последнее — это военная служба. Никаких указаний на участие в несении ее в период первой половины XIV в. в документах, касающихся крестьян, живших на польском праве, не имеется. Наоборот, почти все локационные привилеи включают в качестве непрямого условия участие в военном походе (*expeditio*). Это обстоятельство заставляет полагать, что и частновладельческие крестьяне, сидевшие на польском праве, в какой-то степени участвовали в походе. Существование этой повинности для крестьян княжеских земель не подлежит сомнению.

В частновладельческих поселениях на польском праве рядом с натуральной рентой существовала еще и рента отработочная (барщина).

¹ На крестьянах лежала еще одна натуральная повинность, вернее, — ряд повинностей, связанных с княжеской охотой. Трудно себе представить, чтобы эти широко практиковавшиеся повинности исчезли совершенно в XIV в. Но, поскольку имеющиеся в распоряжении источники не упоминают об этих повинностях, можно на них не останавливаться.

Искать упоминаний о ней в иммунитетных привилегиях не приходится, поскольку они оговаривают только освобождение от повинностей в пользу князя. Наличие ее для поселений на немецком праве документируется локационными договорами, определяющими повинности в пользу частного владельца.

Надо думать, что над крестьянами, сидевшими на польском праве, тяготел еще один побор — десятина, вносившаяся в пользу церкви. Однако указаний на это в документах нет. О существовании десятины можно судить по локационным договорам. Последние всегда определяют точно форму и размеры этого побора. В договоре Иоанна Грота, епископа краковского, с неким Бартко читаем: немецкие поселенцы „обязываются платить сноповую десятину в полях по обычаю страны“ (ККК, 179). Отсюда можно сделать вывод, что во владениях, оставшихся на польском праве — независимо от того, принадлежали они князю или частному землевладельцу, — десятина была известна в форме сноповой, т. е. в виде десятой части всего урожая в снопах.

V

Источником для выяснения повинностей крестьян, сидевших на землях феодалов, пользовавшихся немецким правом, служат локационные договоры-контракты, заключавшиеся между землевладельцем и лицом, бравшим на себя обязательство по заселению данной земли и в дальнейшем остававшимся представителем феодала (солтысом). Если основным видом источников для XIII в. являются княжеские привилегии, разрешавшие колонизацию пожалованных земель на немецком праве, то, как мы уже выше отметили, первая половина XIV в. характеризуется сильным увеличением количества локационных договоров. В локационных договорах записываются размеры территории, отдаваемой под локацию, права солтыса и обязанности засельщиков на основе немецкого права.

Существенной частью этих договоров является определение так называемого периода свободы (*libertas*), в течение которого колонист-крестьянин свободен от всех обязанностей по отношению к государству и землевладельцу. Причина временного освобождения крестьян-колонистов от феодальных повинностей иногда отмечена в договорах: „Чтобы указанный лес возможно лучше мог быть выкорчеван“ (МП, I, 155, 1318 г.); „чтобы указанные деревни могли быть удобнее и легче заселены“ (МП, II, 205, 1336 г.). Это временное освобождение давалось не только при освоении новой территории, но и при переводе уже освоенных старых земель с польского на немецкое право, разрешение на который получали отдельные землевладельцы с начала XIV в.

Сроки освобождения крестьян от повинностей в локационных контрактах устанавливались самые разнообразные: большие, если речь идет о локации неосвоенной территории, требующей многих лет упорного труда для превращения дремучих лесов и густых кустарниковых зарослей в пригодную почву, и меньшие — при переводе уже обрабатываемых земель с польского на немецкое право. Преобладающим сроком в первом случае являются 20 лет.

Иногда в одном и том же договоре, а следовательно, и в одном и том же селении, существовали две „свободы“ разного размера.

Такое различие объясняется качеством обрабатываемой земли. Так, дается 18 лет свободы для выкорчевывания участка, покрытого лесом, и 12 лет для выкорчевывания земли, покрытой кустарником (ККК, 123; МП, II, 211).

При переводе владений феодала с польского на немецкое право локационный договор учитывал старых поселенцев, сидящих на освоенных землях, и новых, заселяющих новые места в этих же владениях. Устанавливаемые в этом случае сроки отвечают срокам, отмеченным выше: 6 лет для заселенных уже земель и 17— для незаселенных (ККК, 183), 12— для старых и возделанных полей, 20— для невозделанных (МП, II, 205).

Однако не всегда в период свободы крестьяне освобождались решительно от всех обязанностей. Сплошь и рядом локационные договоры, касающиеся земель, переводимых с польского на немецкое право, определяют общий для засельщиков период свободы от всех поборов и повинностей, указывают в его пределах период, в течение которого засельщики уже возделанных участков должны платить десятину в пользу церкви.

Если при рассмотрении формы феодальной ренты крестьян, сидевших на польском праве, можно было выделить в качестве доминирующей натуральную ренту, то установить доминирующую форму для крестьян, живших на основании немецкого права, — трудно. Основным, что отличало поселения на немецком праве от поселений права польского, было наличие в них денежной ренты. Но сказать о ней, что она преобладает, — никак нельзя. Рядом существует, в теснейшем соединении с денежной, рента натуральная. И, наконец, в поселениях немецкого права имеется и отработочная рента (барщина).

Основными обязанностями крестьянина на немецком праве были оброк (чинш) в пользу землевладельца-феодала и десятина в пользу церкви. Определив количество лет свободы, локационный договор устанавливает формы и размеры этих главнейших повинностей крестьянина. Иногда каждая из них совершенно отчетливо описана, подробно отмечено, в чем состоит чинш, в чем десятина: после окончания срока свободы, крестьяне обязываются выплачивать „сноповую десятину от любого зерна в полях и фертон богемских грошей под именем чинша“ (ККК, 179). Чаще встречаем определение размеров обоих взносов, без разграничения того, что относится к десятине, что к чиншу, например: обязаны вносить „в качестве чинша и десятины малдрат¹ троякого зерна, а именно четыре (меры. — Л. Р.) пшеницы, четыре ржи и четыре овса, и фертон ходовых денег“ (ВП, 935). Единицей обложения при установлении каждой из этих повинностей служит лан (mansus). И чинш, и десятину крестьяне платят „от любого, от каждого лана“.

Чинш, как выражение денежной ренты, встречается почти исключительно в Малопольше. Преобладающий размер чинша — один фертон, т. е. 12 грошей (МП, II, 159, 172, 189, 196, 198; ККК, 179, 183; КДП, II, 256; ВП, 950, 1255). Это самый маленький размер, очевидно, нормальный для денежной ренты. На втором месте стоит размер 8 скотов (шкойцев), т. е. 16 грошей (МП, II, 150, 176, 203; Тын., 64; ККК, 182; КДП, I, 113; II, 271). Реже встречается 9 скотов (шкойцев),

¹ Малдрат — немецкая мера, равнялась 12 мерам зерна.

т. е. 18 грошей (МП, II, 177, 211; Тын., 54); 10 скотов, т. е. 20 грошей (МП, II, 197); 0,5 марки, т. е. 48 грошей (ВП, 913).

Наоборот, для Великопольши характерна форма чинша, как натуральной ренты, натурального оброка. Об этом имеются два указания. В одном из договоров читаем: „Все крестьяне вносят чинш троякого хлеба, именно 2 меры пшеницы, 6 ржи и 4 овса, а в качестве десятины фертон денег“ (ВП, 848). В другом привилее: „Выплачивают чинш 2 меры пшеницы, 4 ржи, 6 овса, в качестве же десятины фертон“ (ВП, 934). Основываясь на этих показаниях для Великопольши и учитывая преобладание денежного чинша в Малопольше, легко расшифровать неясные формулировки чинша и десятины, о которых было сказано выше. Чинш выплачивается зерном, десятина равняется фертону.

Исходя из всего этого, можно сделать вывод: на данном этапе чинш единого характера не имеет: с одной стороны, он является в форме денежной ренты — в Малопольше, где больше развита колонизация на немецком праве, с другой, — в Великопольше чинш выступает еще как натуральная рента.

Натуральный чинш вносился в определенном количестве зерна троякого сорта — пшеницы, ржи и овса — по 4 меры каждого, что в сумме составляло 12 мер или малдрат. Это была основная форма. Допускались варианты: по 6 мер каждого зерна двойного сорта или те же три сорта, но в других количествах: 3 — пшеницы, 5 — ржи, 4 — овса.

Поскольку десятина так тесно сочетается с чиншем, необходимо на ней остановиться особо. Десятина в этот период имеет три формы — денежную, сноповую и зерновую (малдратовую). Из них одинаково представлены первые две, зерновая же встречается всего в пяти случаях. Сноповая десятина собиралась в поле во время жатвы (КДН, II, 223), пока не увезен хлеб, и составляла десятую часть всего урожая в снопах. Зерновая, или малдратовая, десятина ничем не отличалась от натуральной формы чинша, состояла из такого же количества зерна тройного или двойного сорта, в тех же пропорциях. Один раз встречаем ее в Малопольше (ККК, 180), большей частью в Великопольше (КДП, II, 271; ВП, 950, 1094). Наконец, денежная форма десятины известна в двух размерах. Преобладающим является 1 фертон (МП, II, 155, 171, 175, 194, 196, 203; ВП, 848, 913, 929, 934). Встречаем 6 скотов (шкойцев), т. е. 12 грошей (КДП, I, 113; МП, II, 197, 198, 211), 4 скота, т. е. 8 грошей (ВП, 950). Таким образом, в отношении десятины мы можем прийти к выводу, что и этот побор имел две формы: денежную и натуральную, из которых первая, как и денежная форма чинша, преобладает в Малопольше, а вторая в виде сноповой и очень редко зерновой — в Великопольше.

Крестьянин обязан был вносить чинш и десятину (всех видов, кроме сноповой) в один срок, обычно предусматриваемый локационными договорами, — в день святого Мартина, когда заканчивались все полевые работы.

Одним из видов смешанной — натуральной и денежной — ренты явились так называемые приношения (honores). Они состояли в том, что крестьянин по истечении периода „свободы“ обязан был к большим праздникам, т. е. 2—3 раза в год, доставлять своему феодалу известное оговоренное в локационном контракте количество птицы,

мелкого домашнего скота, наконец, продуктов своего сельского хозяйства. Правда, это количество не всегда указывается; некоторые договоры в этой части ограничиваются общими фразами. Так, в одном локационном документе, исходящем от светского феодала, читаем: „Постановляем, чтобы крестьяне обязывались трижды ежегодно делать нам приношения, согласно своей возможности, как того требует право Нового Торга“ (МП, 158). Или в другом: должны давать приношения, как другие немецкие деревни, т. е. деревни на немецком праве. В других случаях точно определяется, сколько и что полагается доставлять. С каждого лана на рождество по одной курице, на пасху — по 12 овец и на очищение — по 2 сыра (МП, II, 198). В то же время обнаруживается тенденция к замене продуктов и птицы деньгами, т. е. к замене натуральной ренты денежной. Так, в одном из договоров указывается: „Дают нам к рождеству свинью или уплачивают восемь скотов (шкойцев), на пасху окорок или фертон“ (ВП, 1124). В другом: „Дают приношения на рождество и пасху согласно обычаю по одному грошу с каждого лана“ (Тын., 64). Для XIII в. удалось обнаружить только один документ, упоминающий о honores. Некий Богумил, заключая договор на локацию своих владений, требует, „чтобы все крестьяне доставляли бы ему с каждого лана по 20 овец, а в рождество — двух кур“ (ВП, 506), т. е. мы имеем здесь дело с чистой формой натуральной ренты. Один пример не может служить основанием для заключения, что в XIII в. honores — только натуральная рента. Но наличие только одного упоминания о honores в большом количестве договоров указывает на зачаточное состояние этого „добровольного“ (судя по термину honores) приношения, на деле принудительного побора в XIII в.

В XIII в. honores выражаются в сборе продуктов сельского хозяйства, мелких животных и домашней птицы. Сохраняя характер натуральной ренты, это приношение получает большое распространение в XIV в., причем развитие товарно-денежных отношений способствует частичной замене натуральных взносов взносами денежными. Но, очевидно, в виде денежной ренты honores не были выгодны феодалу. Во второй половине XIV в. феодал не удовлетворяется уже тем, что крестьянин несет ему яйца, сыр, кур и овец; он требует приношений от всей деревни в целом в виде коровы, кабана и т. д. В общем, как видим, honores соответствуют нарезу-подворовое и ополью — видам натуральной ренты на польском праве.

Поселения на немецком праве знают и натуральную повинность в пользу феодала. Это так называемое obiedne (prandium) — обязанность содержать феодала и его свиту во время их приездов на великие или генеральные суды в деревню. Такие суды происходили обычно три раза в году. Поэтому три раза в год крестьяне обязываются принимать землевладельца или его представителя, причем два приема лежат на самих крестьянах, на всей деревне в целом, а один — на солтысе. Это условие вступало в силу, как и чинш и honores, после окончания периода „свободы“. Известно, что еще в XIII в. крестьяне были обязаны принимать феодала во время генеральных судов (ВП, 419, 448, 690; КДП, 50). Именно в этот период у феодалов появляется тенденция к замене натуральной повинности денежным взносом, что также стоит в связи с ростом товарно-денежных отношений в стране. Так, в одном из локационных договоров читаем: „Все крестьяне

будут обязаны от двух генеральных судов ежегодно давать нам с каждого суда по 4 скота“ (ВП, 506). В другом случае устанавливается плата по одному фертону (ВП, 690). Гораздо шире эта замена денежным взносом проводится в XIV в. Преобладает оплата в 1 фертон с приема: „Желаем, чтобы солтыс и крестьяне ежегодно принимали нас к завтраку во время трех судов... или вместо каждого завтрака вносили нам по 1 фертону“ (МП, II, 198). Такие же условия изложены в других локационных договорах (МП, II, 175, 177, 184; ВП, 1104; КДП, I, 113).

Совершенно очевидно, что *obiedne* (*prandium*) соответствует известной в поселениях на польском праве обязанности давать стан феодалу во время его приездов на суд в деревню. Стан на польском праве являлся натуральной рентой, вносившейся от всей деревни. *Prandia* — натуральная повинность, перерождающаяся в постоянную денежную ренту, вносившуюся, повидимому, независимо от того, бывал ли действительно феодал на судах или не бывал.

Другим видом отработочной повинности, которую крестьяне, сидевшие на немецком праве, несли в пользу князя, была военная служба. Жалуя земли своим феодалам, отказываясь в пользу последних от права на все поборы, князь не освобождал крестьян из пользующихся иммунитетом владений от военной службы. Также не мог он освободить и крестьян, сидевших на немецком праве, от этой важной государственной повинности. В обоих случаях крестьяне обязаны были нести эту повинность только тогда, когда стране угрожала непосредственная военная опасность, когда речь шла о внутренней обороне страны. Эта повинность выражалась в доставлении порожних возов для княжеского войска с определенным количеством лошадей, большей частью — одного воза с 2 лошадьми, что мы видим и в XIII в. (ВП, 419, 667, 690, 699), и в изучаемую эпоху (ВП 913, 1124; КДП, III, 72). Но встречается и другой тип военной повинности. „Желаем, чтобы солтыс с крестьянами означенной деревни обязаны были доставить нам для общих походов воз, содержащий 6 мерпросеянной муки, 200 яиц, 20 сыров, четверть пива и окорок“ (МП, 158). Имеется тенденция и эту повинность перевести на деньги. Правда, удалось зарегистрировать только один случай, но он показателен: „Ввиду похода каждый из крестьян обязан предоставлять нам ежегодно по 2 скота грошей от каждого лана“ (МП, 211). Этот пример говорит о том, что и эту обязанность крестьян на немецком праве феодал стремился превратить не только в денежную повинность, а что существеннее, — в постоянный ежегодный, систематический налог.

Следует отметить еще одну отработочную повинность, которую несли крестьяне в пользу феодала. В одном из локационных договоров находим: „Добавляем, кроме того, что когда нам случится войти в эту деревню, то эти крестьяне везут собственными перевозочными средствами наши припасы к соседней нашей деревне“ (КДП, II, 271). То же находим в XIII в.: если нам придется войти в эту деревню, „колонны должны будут везти нас до ближайшей деревни“. Отсюда следует, что крестьяне, сидевшие на немецком праве, подобно крестьянам польского права, обязаны были в некоторых местах согласно договору нести обязанность по перевозу феодала и его вещей, т. е. и в поселениях немецкого права практикуется известный нам по польскому праву повоз-провод.

Наконец, сверх указанных натурально-денежных рент и натуральных или натурально-денежных повинностей поселения на немецком праве знают третью форму докапиталистической (феодальной) ренты — ренту отработочную. Как мы показали выше, феодал, отдавая под локацию неосвоенные участки своих владений, зачастую оставляет за собой 2—4 лана для своего личного хозяйства. Это и есть фольварк в зачаточном состоянии, получивший средства к существованию благодаря создавшейся возможности использования дарового труда крестьян. Фольварк — редкое явление, поэтому мы редко находим в локационных договорах упоминание о барщине. Но факт, что она существует, не подлежит сомнению. Отметим, что XIII в. ее почти не знает. На протяжении всего века удалось найти только один договор, говорящий о барщине. Некий Богумил, отдавая на локацию свою деревню, ставит условия, что „все колоны будут 3 дня в году пахать, а четвертый день косить траву“ (ВП, 506).

В XIV в. барщина уже гораздо более распространена, о чем говорят неоднократные упоминания о ней в локационных договорах. Барщина выражается или в определенном количестве дней, которые должен крестьянин отработать на фольварочном хозяйстве феодала, или в определенном количестве земли, которую он должен обработать.

Размеры барщины были не велики. Между тем, очевидно, она была очень тяжела для крестьян. На это указывает одна маленькая деталь. В последнем из приведенных локационных договоров говорится: крестьяне должны это делать, „не предъявляя никаких возражений“, в другом (ККК, 173) — „без возражения“. Следовательно, возражения бывали.

Очень редко встречаем подробное описание обязанностей крестьянина на барщине: „крестьяне [должны] для нас морги пахать, боронить, косить, жать, как под озимое, так и под яровое“ (МП, II, 172).

Источники свидетельствуют о существовании еще одного побора, при этом натурального, вносившегося крестьянами, сидевшими на немецком праве, в пользу церкви. Это так называемый *annona missalis*. О содержании этой повинности совершенно отчетливо говорит нам один из документов: „Приказываем также, чтобы солтыс и крестьяне деревни в порядке *annoparum missalium* ежегодно в праздник очищения (т. е. сретения. — Л. Р.) вносили полмеры ржи и полмеры овса настоятелю церкви, в которой слушают богослужение и получают церковные таинства“ (КДП, II, 272). Отсюда следует, что этот побор вносился систематически, ежегодно в пользу приходской церкви. Единицей обложения при этом служил лан: „Давать ежегодно приходской церкви с каждого лана“ (ККК, 179).

Анализ документов позволяет установить два типа феодальных хозяйств, характерных для польской деревни первой половины XIV в.: феодальное хозяйство на польском праве и феодальное хозяйство, организованное на основе права немецкого. Соответственно этому существуют два типа феодальных повинностей крестьян, а именно: повинности крестьян, сидящих на польском праве и на немецком. Доминирующей формой докапиталистической (феодальной) земельной ренты в первом типе является рента натуральная. Она вносилась в виде порадального — поволового, нареза, подворового и стана. Все эти три разновидности натуральной ренты были известны в княжеских владениях. Помимо ренты, крестьяне несли еще повинности, к которым

принадлежали повоз, провод, охрана городов, участие в строительстве городов и военная служба. Сверх всего перечисленного, крестьяне уплачивали десятину в пользу церкви. Иммуниетные грамоты формально освобождали крестьянское население пожалованных земель от всего комплекса поборов и повинностей княжеского права, но фактически все виды феодальных повинностей сохранялись, менялся только их хозяин, или, вернее, число хозяев увеличивалось. До сих пор крестьянин знал князя и церковь. Сейчас он попадал в феодальную зависимость от землевладельца, отдавал ему свой прибавочный труд в виде натуральной земельной ренты и, несомненно, также ренты отработочной, платил десятину церкви и, кроме того, нес повинности в пользу князя по проводу войск во время походов и др. К тому же князь сохранял за собой право по какому-нибудь важному поводу наложить экстренный побор на страну, к выплате которого привлекалось и крестьянское население охваченных иммунитетом владений.

Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, как отмечал К. Маркс, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это в свою очередь зависило от числа крестьян, которые вели самостоятельное хозяйство". К XII в. феодалы успели сосредоточить в своих руках огромные земельные участки, остававшиеся наполовину мертвым капиталом, поскольку в состав земель входили незаселенные места, леса, болота и горы. Для крупных феодалов основная задача в данный момент заключалась в том, чтобы как можно быстрее освоить эти земли, превратить их в пашни, извлечь из них всевозможные выгоды. Добившись от князя разрешений на применение немецкого права, они, пользуясь им как приманкой, привлекают поселенцев к освоению своих обширных, остававшихся до сих пор в значительной степени неиспользованными, владений.

Колонизация, которую в начале XIII в. можно было называть немецкой, потому что основным элементом ее были колонисты-немцы, в XIV в. производится, очевидно, исключительно за счет польского элемента, уходящего на новые места от эксплуатации частных землевладельцев. Немецкое право освобождало поселенцев часто на очень длительный период от несения всяких повинностей и поборов. Немецкое право обеспечивало личную свободу поселенцу. Период „свободы“, правда, был полон каторжной работы по выкорчевыванию лесов и кустарников, по превращению непригодной для пашни земли в пригодную, но в результате крестьянин получал до двух ланов земли в наследственное владение.

Обязанности крестьянина в отношении феодала-землевладельца точно определялись в локационном контракте. Обычно принято считать характерным для хозяйства на немецком праве перевод натуральных форм ренты в форму денежную. На данном этапе — в первой половине XIV в. — этот взгляд не оправдывается полностью. Чистой денежной ренты не существует. Наряду с денежным оброком большое применение имеет оброк натуральный, *hopoges* и *grandia* зачастую выплачиваются натурой. Правда, удалось установить, что оброк в натуральной форме преобладал в Великопольше, а в денежной форме — в Мало-польше. Но в целом для Польши этого периода характерна переходная от натуральной к денежной форма докапиталистической земельной ренты, сосуществование двух видов ренты. Если сопоставить повинности крестьян на польском праве с повинностями их на немецком

праве, то мы вынуждены будем признать, что немецкое право, облегчавшее при введении его в XIII в. положение крестьянина, сейчас, в первую половину XIV в., заметно начинает усложняться. Вместо натуральной ренты крестьянин на немецком праве платит в строго установленных размерах натуральный или денежный оброк — чинш. Но при этом он не застрахован от того, что князь может наложить на страну экстренный побор (порадльное), и он обязан будет в этом поборе участвовать. В определенные сроки он приносит феодалу honores, содержание которых мало чем отличается от нареза-подворового. Во время приездов феодала он обязан со всей деревней участвовать в организации двух в году приемов-обедов или завтраков (prandia). Поселенец на немецком праве, как и крестьянин на польском, вносит десятину, которая так же, как и чинш, известна и в форме натуральной, и в форме денежной. Как мы убедились выше, можно говорить и о существовании повинности „провод“ в пользу феодала. Наконец, поселенец на немецком праве обязан на совершенно тех же началах, что и крестьянин в землях, обложенных иммунитетом, нести военную службу.

Таким образом, поборы и повинности поселянина на немецком праве почти полностью соответствуют известным поборам и повинностям на праве польском и отличаются от них только своим содержанием: „польские“ вносятся только натурой, а „немецкие“ — натурой и деньгами. Наконец, в феодальные повинности поселенца на немецком праве, как, повидимому, и в повинности крестьянина, сидящего на польском праве, входит третья форма ренты — рента отработочная (барщина).

Учитывая все изложенное, мы вынуждены будем признать, что на данном этапе так называемое немецкое право, давая крестьянину личную свободу и наследственное владение землей, почти не улучшало его положения: феодальные повинности оставались теми же, меняя только свою натуральную форму на денежно-натуральную и превращаясь из неопределенных и произвольных в точно установленные договором. Немецкое право не освобождало крестьянина и от несения барщины, а это грозило ему в дальнейшем потерей личной свободы и закрепощением.

Экономическое возрождение Польши отнюдь не было следствием немецкой колонизации. Польша экономически возрождалась благодаря хозяйственной деятельности самого польского крестьянства. Землевладельцы учитывали новую экономическую обстановку в Польше и использовали ее для увеличения феодальной ренты и изменения ее формы.

Список сокращений, принятых в тексте

- ВП — Codex diplomaticus Majoris Poloniae, t. I—IV. Poznań, 1877—1881.
 КДП — Codex diplomaticus Poloniae, t. I—III. Warszawa, 1847—1853.
 ККК — Kodeks dyplomatyczny Katedry krakowskiej, cz. I, wyd. Fr. Piekosiński. Kraków, 1874.
 МП — Kodeks dyplomatyczny Małopolski, wyd. Fr. Piekosiński. Kraków, 1876.
 Тыш. — Codex diplomaticus monasterii Tynecensis, wyd. W. Kętrzyński i St. Smolka. Lwów, 1875.

При цитировании источников сохранена орфография издания.

Ю. В. Бромлей

ЭВОЛЮЦИЯ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ В ХОРВАТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV И XVI ВЕКОВ

(Опыт исследования хорватских урбариев)

Форма присвоения феодалом-землевладельцем прибавочного продукта непосредственного производителя является важнейшим показателем специфики производственных отношений на том или ином этапе развития феодального общества. „Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие“¹. Отсюда понятно, какое значение для характеристики экономического строя феодального общества имеет анализ крестьянских повинностей, являющихся обычно основным ингредиентом докапиталистической земельной ренты.

В предлагаемой статье делается попытка исследовать повинности хорватских крестьян с тем, чтобы выявить эволюцию форм феодальной эксплуатации в Хорватии за период со второй половины XV в. по конец XVI в. Такое рассмотрение крестьянских повинностей позволит ответить на вопрос: имела ли место в Хорватии та перестройка сельского хозяйства, которая проходила в конце XV в. и в первые три четверти XVI в. в европейских странах к востоку от Эльбы?

Для решения поставленной задачи нами были использованы описи повинностей хорватских крестьян — урбарии второй половины XV и XVI вв. Эти урбарии были опубликованы более 50 лет назад в V томе „Monumenta historico-juridica Slav. meridion.“². В этом томе помещено четыре таких урбария, причем до сих пор они не были предметом специального изучения³.

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1949, стр. 804.

² „Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium“, vol. V, Zagreb, 1894.

³ Содержание опубликованных в этом же томе урбариев XVII в. довольно подробно изложено в книге А. М. Лукьяненко „Политическая и литературная деятельность братьев Зринских и Франца Франкопана“, Киев, 1911.

Вторая половина XV в. представлена в данной публикации урбарием князя Гргура Благайского от 1453 г. и Модрушским урбарием 1486 г. Первый из них „писан в Брубни“¹, расположенной в континентальной Хорватии, второй следует отнести к ее приморской части.

Наиболее подробный перечень повинностей кметов (так называют наши источники крестьян) дает Модрушский урбарий. Здесь приводится поименное перечисление кметов 23 сел с указанием размеров их наделов и повинностей. Поэтому с анализа Модрушского урбария, несколько нарушая хронологическую последовательность, мы и начнем изучать соотношение различных форм докапиталистической земельной ренты в Хорватии второй половины XV в. Подобное изучение является необходимым предварительным условием определения дальнейшей эволюции феодальной ренты.

Самая простая форма феодальной ренты, отработочная рента, в Модрушском урбарии упоминается дважды: в описях сел Заборско и Новац². Двенадцать кметов села Заборско согласно описи обязаны „od Jurjeve do Miholje vsake nedilji dva dni težati“, т. е. нести барщину, а три кмета села Новац — „pojti s dvima volma ovsa sijati“³.

Где отбывают барщину заборские и новацкие кметы, — прямых указаний в урбарии нет. Однако в этой связи обращает на себя внимание тот факт, что Модрушский урбарий часть земель, в отличие от кметских наделов, называет *dvor*. В описи села Заборско указывается „*gospodski* (княжеский) *dvor*“, а описи села Новац предшествует упоминание такого княжеского „двора“. Учитывая, что термином „двор“ в хорватских источниках подчас обозначается барская запашка⁴, мы можем предполагать, что именно на этих „дворах“ и отбывали барщину живущие по соседству заборские и новацкие кметы.

Кроме княжеских дворов в Заборском и близ Новац в урбарии указываются еще три княжеских двора и четыре двора других модрушских феодалов, повидимому, вассалов князя. Естественно возникает вопрос, не представляют ли и эти семь дворов собственную запашку землевладельцев. Чтобы убедиться, соответствует ли это предположение модрушской действительности конца XV в., рассмотрим для примера показания урбария о княжеском дворе в селе Бужи и дворе модрушского землевладельца Ивана Клиничича.

Как следует из описи, Иван Клиничич имеет под свой двор земли „*dni* 64... , а на тоj *zemlji* su tri *podvorca*“, а двор князя в Бужах — „*zemlji* *dni* 110; на том *sta* *podvorca* *dva*“⁵.

Приведенные показания описи требуют некоторых пояснений. Слово *dni* в хорватских источниках обозначает единицу измерения земли. Из сопоставления двух вариантов Дубовацкого урбария (1578 и 1581 гг.), из которых первый написан по-хорватски, второй — латынью, следует, что хорватскому слову *dni* соответствует латинское *jugerum*⁶ (в дальнейшем вместо *dni* — югер.) Термин „подворац“

¹ „Monumenta...“, т. V, стр. 19.

² Имеются в виду только барщинные работы на господской запашке.

³ „Monumenta...“, т. V, стр. 29, 57.

⁴ Так, в Дубовацком урбарии (конец XVI в.) земли, урожай с которых непосредственно получает кн. А. Тадилович, именуются „*dwor* *u* *zemlji*“. — („Monumenta...“, т. V, стр. 115).

⁵ „Monumenta...“, т. V, стр. 52.

⁶ Там же, стр. 109, 121.

расшифровывается издателем урбариев Р. Лопашичем, как дворовый¹. Принимая такое толкование термина „подворац“, не трудно сделать вывод, что в рассматриваемых двух примерах мы имеем дело с посаженными на землю дворовыми-холопами.

Совершенно аналогичным образом отличаются от княжеских дворов в Заборском и близ Новац и остальные пять дворов модрушских землевладельцев: здесь тоже названы подворцы, т. е. бывшие дворовые².

В том, что мы действительно имеем дело с ведущими свое хозяйство бывшими дворовыми, нас окончательно убеждает замечание составителя урбария о княжеском дворе в Витуни. Оказывается, что два подворца, сидящие на этой земле, обязаны князю „доходком“ в 2 дуката (злата), т. е. денежной рентой. Одним словом подворцы, посаженные на землю дворов, по своему экономическому положению ничем принципиально не отличаются от кметов³: они наделены землей, самостоятельно ведут на ней хозяйство, обязаны рентой феодалу-землевладельцу. Показательно, что и сам источник подчас отождествляет подворцев с кметами („kmeti ali podvorci“)⁴.

Из сказанного можно сделать вывод, что интересующие нас семь дворов модрушских землевладельцев не были их собственной запашкой и, следовательно, из девяти дворов модрушских феодалов в 1486 г. только два княжеских представляли барскую запашку [судя же по размерам этих дворов (20 и 100 югеров⁵) величина княжеской запашки незначительна]. Легко догадаться, что деление земли на дворы и кметские наделы обусловлено тем, что в недалеком прошлом дело обстояло иначе: на землях всех дворов модрушские землевладельцы вели собственное хозяйство. Это еще раз можно подтвердить показаниями урбария.

Как уже говорилось, в описи села Витуни указан княжеский двор, на землю которого посажено два подворца. Далее читаем, что кмет этого села Груич „служил раньше два раза в неделю, а сейчас служит пятью либрами“⁶. Если сопоставить эти два показания описи села Витуни, то становится совершенно ясно, что Груич прежде отбывал барщину на княжеском дворе в Витуни, а теперь, после того, как на эту землю посажен подворец, барщина кмета Груича заменена денежной рентой. Иначе говоря, в Витуне в свое время велась собственная княжеская запашка, ликвидированная сравнительно недавно — на глазах у одного поколения.

Итак, на протяжении второй половины XV в. модрушские землевладельцы постепенно сводят на нет собственную запашку.

Проверив и дополнив таким образом данные урбария о барщинных работах кметов на господской запашке, мы, очевидно, вправе заключить, что в конце XV в. отработочная рента не могла быть основной формой присвоения модрушскими землевладельцами прибавоч-

¹ „Monumenta...“, т. V, стр. 36, прим. 1. — Косвенным подтверждением мнения Р. Лопашича может служить тот факт, что в Модрушском урбарии подворцы, в отличие от кметов, не имеют имени.

² На каждом из дворов сидело 2—3 подворца.

³ О хозяйственном положении кметов см.: Б. Д. Греков. Винодол, стр. 45.

⁴ „Monumenta...“, т. V, стр. 57.

⁵ Величина кметского надела по Модрушскому урбарии колеблется от 4 до 60 югеров.

⁶ „Monumenta...“, т. V, стр. 29—30.

ного продукта непосредственных производителей — кметов. Стало быть, решение вопроса о преобладающей форме ренты нужно искать в показаниях урбария о натуральных и денежных повинностях кметов.

Как правило натуральные платежи модрушских кметов сочетаются с денежными. Количество кметов, обязанных только рентой продуктами, незначительно (всего 15). Денежную ренту выплачивает подавляющее большинство модрушских кметов. Так, в описи села (деревни) Ясеница против имени девятнадцати из двадцати семи кметов указан размер их денежного чинша; в описи села Заврх из тридцати кметов двадцать семь — чиншевики, а в селах Луковдол, Суглице, Голиврх, Пищатки, Грабарк и Машник все кметы без исключения выплачивают денежную ренту¹.

К сожалению, не удастся точно установить, все ли модрушские кметы, обязанные денежной рентой, одновременно вносят натуральную ренту. Дело в том, что натуральные повинности кметов обычно фиксируются в конце описи каждого населенного пункта, однако в описях одиннадцати сел (из двадцати трех) такая концовка отсутствует. Поэтому трудно решить, то ли все кметы этих одиннадцати сел были действительно освобождены от ренты продуктами, то ли по небрежности составителей урбария просто опущены заключительные части описи, определяющие натуральные повинности кметов. О небрежности составителей урбария при указании этого рода повинностей свидетельствует тот факт, что в описи трех сел указаны натуральные повинности кметов других сел. Так, например, в описи села Плисково говорится о повинностях кметов Ясеницы, а в описи села Лисач — о повинностях плашских кметов². Однако совершенно понятно, что, исходя только из „небрежности“ составителей урбария, мы не можем утверждать, что рента всех модрушских кметов в какой-то своей части состояла из натуральных платежей. Таким образом, нам остается попытаться решить вопрос о соотношении натуральной и денежной ренты на основании материалов урбария о тех двенадцати селах, в описи которых имеются совершенно определенные показания по интересующему нас предмету.

Натуральные платежи кметов в описях этих сел носят название *tri časti* и состоят из всякого рода приношений землевладельцу к трем праздникам в году. В описи села Пищатки дается следующий перечень приношений: к пасхе всем селом — одну овцу, а каждый кмет — шесть яиц; к Михайлову дню от кмета — по каплуну (*kapuna*) и по два печеных хлеба; к рождеству — окорок (*zarebernik*) и два хлеба³.

Примерно так же определяются *tri časti* в описях остальных сел. Для наших целей особенно интересны два замечания, которые делаются по поводу *časti* в описях сел Луковдол и Голиврх. Согласно описи села Луковдол допускается замена *časti* к рождеству тремя сольдинами⁴. При определении *časti* голиврхских кметов говорится „*ki nima zarebernika, to (дает. — Ю. Б.) kapuna*“⁵. Следовательно, и *čast* к Михайлову дню мы можем приравнять к трем сольдинам.

¹ „Monumenta...“ т. V, стр. 30—32, 34—38, 69—81.

² Там же, стр. 33, 39.

³ Там же, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 73.

⁵ Там же, стр. 78.

Думаю, что едва ли мы ошибемся, если уже на этом основании, оставляя неподсчитанными приношения к пасхе, сделаем вывод о том, что для модрушских землевладельцев к концу XV в. денежные платежи были более существенным источником доходов, нежели натуральные (минимальный размер денежных повинностей кмета по урбарю — 27 сольдинов). В пользу этого вывода как будто говорит и сам состав натуральных платежей. Яйца, печеные хлебы, окороки и каплуны могли лишь удовлетворить потребительские нужды землевладельца. Значение денежной ренты для модрушских землевладельцев можно также усмотреть в той внимательности, с которой составители урбария фиксируют денежный чинш кметов. Против имени каждого кмета-чиншевика, как уже говорилось, указывается размер его денежного платежа.

При первом же знакомстве с Модрушским урбарием бросается в глаза большое разнообразие размеров денежных повинностей — от 27 сольдинов до 3 золотых (300 сольдинов). Таким образом, максимальная величина денежного чинша в 11 раз превосходит минимум 27 сольдинов.

Данных урбария далеко не достаточно, чтобы разобраться во всех причинах, обусловивших те или иные размеры денежной ренты. И это вполне естественно. Ведь, как правило, рента проделала большой путь превращений, прежде чем ее зафиксировали составители урбария.

Если попытаться сопоставить размеры денежной ренты кмета с величиной его надела, то лишь в немногих случаях удастся установить прямую зависимость между этими величинами. Так, например, в селе Плисково всем кметским наделам в 8 югеров соответствует денежный оброк в один злат; наделам в 16 югеров — в 2 злата, а наделу в 20 югеров — $2\frac{1}{2}$ злата¹. Иначе говоря, размер денежных платежей возрастает пропорционально с увеличением надела. В описи села Заврх указано 10 кметов с наделом по 10 югеров и денежным чиншем по 11 либр, надел же одиннадцатого кмета равен 5 югерам, а чинш — 5 либрам 10 сольдинам, т. е. как величина его чинша, так и надела является результатом деления 10 югеров и 11 либр на две равные части. Однако значительно чаще между величиной денежной ренты и надела никакого соответствия нет. Например, по описи села Ясеницы денежные платежи двух кметов, владеющих равными участками земли (по 12 югеров), в одном случае определяются в один злат, в другом — в 2 злата. В селе Заврх кмет, имеющий надел в 8 югеров, выплачивает такой же чинш (один злат), как и кметы, наделы которых измеряются в 16, 19 и 23 югера.

Таким образом, мы видим, что количество земли далеко не всегда оказывало определяющее влияние на размер денежной ренты. Возможно, что объяснение этому несоответствию между денежной рентой и величиной надела следует искать в различном происхождении и правовом положении отдельных категорий кметов (к сожалению, у нас нет никаких данных, чтобы судить о правовом выражении этого различия)². Повидимому, в некоторых случаях на величину ренты известное влияние оказывало качество земли. Земли, мало пригодные для

¹ „Monumenta...“, т. V, стр. 29.

² В этой связи можно лишь напомнить, что размер денежного чинша посаженных на землю подворцев (2 дуката-злата) приближается к максимальной величине денежной ренты (3 злата); см. стр. 346.

обработки, неоднократно отмечаются в урбарии. Так, в описи села Плаши по поводу земли Франко Зебича сказано: „a te zemlje je vesi del zle“¹ (т. е. большая часть земли непригодна).

Говоря о денежной ренте, необходимо обратить внимание на многочисленные случаи изменения ее величины. Указания об установлении новых размеров денежных повинностей разбросаны по всему урбарии. При этом, как правило, величина денежных платежей понижается: два злата заменяются одним, один — половиной злата и т. д. Чем же объясняется это довольно необычное для феодального общества явление?

Ответ на этот вопрос следует искать не в особой гуманности модрушских землевладельцев, как это пытаются делать Р. Лопашич², а в особенностях хозяйственных условий того времени. Прежде всего необходимо иметь в виду массовое разорение кметов вследствие опустошительных турецких набегов³. Яркая картина турецкого вторжения в окрестности Модруша дается в хорватской грамоте 1493 г., которая сообщает, что „паде под Модруш турци и пожигаше огнем, престарих же избивюще оружием юноти, диви и вдови, даже и квекающие чеда; и скрбь великъ, ъкаже нест била от вримене Татаров и Готовъ и Ателиъ нечистивих“⁴.

На год, которым датирован Модрушский урбарий (1486 г.), приходится один из таких турецких набегов на Модруш⁵, явившийся, повидимому, причиной составления урбария. В самом урбарии последствия турецких опустошений нашли свое выражение в многочисленных указаниях о пустующих кметских землях. Например, в селе Машник из 21 жителя осталось только 4, в селе Пищатки заброшено 65% кметских наделов и т. п.

Естественно, что в условиях общей хозяйственной разорухи прежние денежные повинности для многих кметов, которым удалось сохранить свое хозяйство, оказались непомерно тяжелыми и ставили их хозяйство под угрозу разорения.

Очевидно, боясь потерять оставшиеся рабочие руки, модрушские землевладельцы вынуждены были пойти на понижение денежной ренты. Судя же по той тщательности, с которой составители урбария указывают прежние размеры денежных повинностей, модрушские землевладельцы, вероятно, были склонны рассматривать это понижение, как временную меру.

Установив количественное преобладание денежных платежей над натуральными у кметов-чиншевиков, надлежит рассмотреть платежи и повинности тех модрушских кметов, которые не несли денежного оброка, иначе мы рискуем получить превратное представление о хозяйстве модрушских землевладельцев.

Несмотря на то, что „освобожденных“ от денежной ренты кметов сравнительно немного, повинности их чрезвычайно разнообразны. И чтобы легче разобратся в этих повинностях, разделим их условно

¹ „Monumenta...“, т. V, стр. 46.

² Там же, стр. 26.

³ Первое вторжение турок в Хорватию отмечено 1476 годом; в 1474 г. турецкие отряды, ворвавшись на территорию Хорватии и Словении, уже дошли до Люблян (G. Nowak. Prošlost Dalmacie, стр. 187).

⁴ „Monumenta...“, т. VI, стр. 377.

⁵ Там же, стр. 26.

на натуральные повинности и натуральные платежи¹. К натуральным повинностям прежде всего следует отнести подводную повинность или, говоря словами урбария, службу *rovozom*. Только повозом служат шесть кметов села Гоймери.

Далее четыре кмета различных сел служат *gradu*, что, как полагает Р. Лопашич, означает „службу при княжеском дворе“². В одном случае служба *gradu* расшифровывается в урбарии как служба *prī svigericah*, т. е. лошадях. Интересно, что все кметы, обязанные службой *gradu*, были еще недавно чиншевиками („*služi prvo zlata 2, a sada služi u gradu*“). На первый взгляд может показаться, что замена денежного чинша работой при господских службах противоречит приведенным выше данным о сокращении числа дворовых за счет наделения подворцев землей. Однако это далеко не так. Перед нами два различных выражения в конечном счете одного и того же явления — роста товаро-денежных отношений. Наделение в XV в. землей подворцев в Хорватии, как и холопов на Руси, объясняется тем, что к этому времени для заинтересованных в денежной ренте феодалов холоп теряет свою ценность, становится „тягостной обузой, от которой хозяева стараются освободиться“³. Замена же чинша службой „граду“ могла быть вызвана в условиях роста товаро-денежных отношений как естественным увеличением господских служб, но не запашки, так и необходимостью для феодалов компенсировать рабочие руки подворцев, наделенных землей.

Наконец, в число натуральных повинностей, повидимому, следует отнести и службу *ptičariju* (2 кмета), которую Р. Лопашич истолковывает, как ловлю птиц⁴.

Кметов, обязанных лишь натуральными платежами, в урбарии насчитывается 15, причем, как правило, основной составной частью их ренты являются ремесленные изделия. Известно, что „... в ренту продуктами могут входить в большей или меньшей мере промышленные продукты...“⁵.

Только у четырех модрушских кметов повинности всецело состоят из продуктов земледелия (пшеница, просо, овес). Пять кметов выплачивают оброк в изделиях из дерева (*drivodelju*), три — делают луки и самострелы для княжеского войска (*deli luke i samo strile*), два — изготавливают бочки (*služi bačvariju*), а об одном просто сказано, что он служит изделиями (*služi izdelami*).

Подводя итог названным разновидностям натуральных повинностей и платежей и принимая во внимание, что многие, если не все, кметы-чиншевики часть ренты вносили продуктами (*časti*), мы вряд ли сделаем ошибку, если отметим, что, несмотря на большую заинтересованность модрушских землевладельцев в денежной ренте, их хозяйство все же в значительной мере сохраняло свой натуральный облик.

Чтобы закончить характеристику форм эксплуатации модрушскими феодалами зависимого сельского населения, остается рассмотреть две специфические повинности кметов — „службу конем“ (*služi konem*) и

¹ Кроме барщины или натуральных платежей — основных повинностей этих кметов, — часть из них, а может быть, и все были обязаны уплатой *časti*.

² „*Monumenta...*“, т. V, стр. 39, прим. 2.

³ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, М.—Л., 1946, стр. 571.

⁴ „*Monumenta...*“, т. V, стр. 32, прим. 2.

⁵ К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1949, стр. 808.

„четвертину“ (četvertinu). Службой конем по урбарии обязаны тридцать кметов; девять из них служат князю, четыре — другим модрушским феодалам. Повинность эта, как считает комментатор урбария Р. Лопашич, „заключается в службе в княжеском войске“¹. К сожалению, Р. Лопашич здесь, как и обычно в своих комментариях, не указывает, что позволило ему именно так истолковать службу конем. И так как данных, позволяющих расшифровать службу конем в урбарии нет, то нам остается лишь заметить, что наши сведения о собственной запашке модрушских землевладельцев позволяют утверждать, что „служба конем“ не тождественна барщине в прямом смысле этого слова.

Что касается четвертины, то Модрушский урбарий, указывая на 25 кметов, обязанных этой повинностью, опять-таки не раскрывает ее содержания. Поэтому нам вновь прежде всего приходится сослаться на Р. Лопашича, который определяет четвертину как уплату $\frac{1}{4}$ доли урожая². Подтверждение тому, что четвертина — действительно издольщина, мы находим в других источниках этого времени. Так, в грамоте 1521 г. викария монастыря св. Спаса под Модрушем говорится: „Да плача од нье (земли) чагоди на ней природы всако чврто“³.

Указания на издольщину часто встречается и в Далматинских статутах, где эта форма присвоения феодалом прибавочного продукта непосредственного производителя носит название *teraticum* или *agratium*⁴.

В имеющихся в нашем распоряжении отрывках Новиградского статута 1551 г.⁵ *teraticum* определяется как $\frac{1}{4}$ пшеницы (*ein Viertel Weizen*)⁶. В других далматинских статутах XV в. (Брацы, Шибеника и Лесины) *teraticum* измеряется как в четверть, так и в треть и в половину урожая⁷.

Знает издольщину и Полицкий статут, но показания его единственной статьи, которая как будто прямо указывает на уплату доли урожая, очень трудны для понимания. Здесь имеется ввиду статья 47, датированная 1476 г. В ней говорится: „... Да ка е годирь земла у застави, да се има ода сваке давати доходакь господару, кию ђе заложю, да по ови путь, како да се има одговарити половицом очести, од оне прави на ку е правь: а то се разуми, да ка е земла на по, да се има од не давати чврто; а ка е на третье, да се има од не давати шесто, а ка е на чврто, да се од не дае осмо...“ и т. д.

Терминология, употребляемая в статье, требует некоторых пояснений: „застава“, как следует из статей 9 и 44 Статута, означает „заклад“

¹ „Monumenta“, т. V, стр. 31, прим. 1.

² Там же, стр. 38, прим. 1.

³ J. Kukuljevič. Acta Croatia, Zagreb, 1863, гр. № 206.

⁴ А. Рейц. „Политическое устройство и права прибрежных островов и городов Далмации в средние века“, Сб. исторических и статист. сведений о России, изд. Д. М. Валуева, 1845, т. I, ч. II, стр. 100.

⁵ Новиградский статут назван по имени одного из далматинских городов — Нови Града (не следует смешивать со столицей Винодола — Новиградом, к которому относится Новиградский урбарий 1609 г.). Подлинник Новиградского статута утерян, сохранились лишь отрывки его итальянского варианта. Этот вариант и его перевод на нем. яз. опубликованы в „Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und der Herzegowina“, Bd. XI, Wien, 1910.

⁶ „Wissenschaftliche Mitteilungen...“, Bd. XI, S. 303.

⁷ См. А. Рейц. Указ. соч., стр. 100.

(земли); „очестье“, по В. Ягичу, — платежи (*primitiae*)¹. Слова „од оне прави“ Т. Матич комментирует так: «Еще сегодня в окрестностях Сплета говорят: „Na koju prav radiš“ в смысле „какую часть урожая ты должен отдать владельцу обрабатываемого тобой участка“»².

Таким образом, основная часть статьи 47 по-русски будет звучать так: «... Если заложена какая угодно земля, то собственнику, который эту землю заложил, следует давать „доходак“ и притом так, чтобы он получил половину тех платежей, на которые имел (до заклада земли) право». Это не перевод, а лишь общий смысл статьи, охраняющей право земледельца, заложившего землю на „доходак“.

Если нами правильно уловлен основной смысл статьи, то, стало быть, заключительная часть ее сопоставляет „доходак“ владельца, заложившего землю, с теми платежами, которые он получал до заклада земли. Иначе говоря, величина платежа-„очестья“ (до заклада) могла быть в $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ долю урожая и т. д.

Косвенно свидетельствует о такого рода платежах и статья 103 Полицкого статута. Она устанавливает, что «если тот, кто имеет виноградник на чужой земле, владельцу которой он должен „доходак“ давать, пошел бы тайно собирать виноград, не сообщив „господару од земле“, то „господар“ может за это отобрать как урожай („литину“), так и виноградник». Требование того, чтобы сбор винограда производился не втайне от владельца, заставляет думать, что „доходак“ и в этом случае измерялся в доли урожая.

Запрещение кмету-колону, выплачивающему *teraticum*, убирать урожай без предупреждения землевладельца, имеется и в Новиградском статуте³.

Если, таким образом, мы можем полагать, что уже в XV в. издольщина, как форма эксплуатации землевладельцами непосредственных производителей, была широко распространена в приморской части Хорватии и Далмации⁴, то об условиях, породивших издольщину, и о положении кметов-издольщиков, к сожалению, так мало данных, что ничего определенного сказать нельзя.

Возможно, что издольщина в Хорватии, как и половничество на Руси, „продукт пауперизации и обезземеления крестьянства“⁵. Не исключено, что издольщина была и следствием пауперизации городского населения. В этой связи невольно напрашивается сравнение с Северной Италией конца XV в. После того, как революция мирового рынка уничтожила торговое преобладание Северной Италии, „рабочие массами вытеснялись из городов в деревню и там положили начало неслыханному расцвету мелкой земледельческой культуры...“⁶.

О том, что на издольщину обычно шли люди обедневшие, свидетельствует Новиградский статут, согласно которому кмет-колон, вносящий землевладельцу *teraticum*, получает от него 32 *gognala* пахотной земли и может просить от господина помощи во время ее обработки⁷. На такое же происхождение издольщиков как будто указывает и гра-

¹ „Monumenta...“, vol. IV, Zagreb, 1890, стр. 238.

² T. Matić. Statut der Poljica, „Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und der Herzegowina, Bd. XII, Wien, 1912, S. 351.

³ „Wissenschaftliche Mitteilungen...“, Bd. XI, S. 302.

⁴ Издольщина сохранилась здесь вплоть до XX в.

⁵ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 685.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 784, прим. 189.

⁷ См. „Wissenschaftliche Mitteilungen...“, Bd. XI, S. 303.

мота 1521 г., когда говорит, что Павлу Гржищу и Мавру Заричичу „дасмо (монастырь св. Спаса под Модрушем) землю с тем патом (условием), да у донасаде до три лита, и да плача от ние чагоде природе всако четверто“¹.

Других сведений, которые могли бы дополнить показания Модрушского урбария о „четвертине“, у нас не имеется. Исчерпав тем самым и весь материал, характеризующий формы феодальной ренты в приморской Хорватии во второй половине XV в., перейдем к рассмотрению повинностей кметов в ее континентальной части.

Здесь основным нашим источником будет урбарий князя Гргура Благайского. Этот урбарий датирован 1453 г. и писан в Брубни, расположенной в континентальной Хорватии между реками Уной и Глиной. Повинности кметов определяются в урбарии в форме постановления и соизмеряются с „полным“ наделом кмета („пуно село“). От такого „пуна села“ прежде всего кметы „да имаю давати... миру содини“. „Мира содини“, т. е. сольдина² — единственная³ денежная повинность кметов кн. Благайского, но, к сожалению, установить величину этого платежа мы не можем.

Что касается натуральных платежей, то им посвящается большая часть урбария. Суммируя платежи этого рода, мы получаем, что от „пуна села“ кмет выплачивает в год: три „мирника“ зерна (1 — пшеницы, 2 — овса), 13 куриц, 6 сыров, 53 яйца, 3 „мери“ соли, одну либрицу перца („папра“) (кроме того, от всех кметов вместе — либрица воска). Кмет, имеющий виноградник, который давал 25 „видар вина, дужин видро давати (князю. — Ю. Б.) од него вина“, а кмет „ки би имил свине, тр би их било десетеро... трое их господину гре“⁴.

И, наконец, в урбарии мы находим два указания на натуральные повинности кметов: во-первых, они должны „по два тежака слати к господскому мештру (двору), када е покривание али диланѣ хиж (домов)“; во-вторых, княжескую „синокосу длжни покосити и справити и сено привести“⁵.

Сопоставляя эти повинности с тем, что нам известно о повинностях кметов по модрушскому урбарии, не трудно заметить, что натуральные платежи благайских кметов более многочисленны, чем *tri časti* Модрушского урбария, и превосходят их своим размером. Если модрушский кмет дает землевладельцу два каплуна, то благайский — 13 куриц; если первый — 6 яиц, то второй — 53 и т. д. Следовательно, здесь соотношение между натуральными и денежными платежами кметов несколько иное, чем в Модруше. Иначе говоря, натуральные платежи преобладают над денежными.

Объединяет же повинности благайских и модрушских кметов сравнительно небольшой удельный вес барщин, позволяющий говорить если не об отсутствии, то во всяком случае о незначительности собственной запашки как модрушских землевладельцев, так и князя Гргура Благайского в Брубне. Подтверждение тому, что примерно аналогичным образом обстояло дело в конце XV в. и у землевладельцев в окрестностях

¹ J. Kukuljevič. Acta Croatia, Zagreb, 1863, гр. № 206.

² „Monumenta“... , т. V, стр. 18, прим. 1.

³ Слово „либрида“, употребляемое в урбарии, несомненно, означает меру веса — „либрица воска“ (см. „Monumenta“... , т. V, стр. 18, прим. 5).

⁴ „Monumenta“... , т. V, стр. 18, 19.

⁵ Там же, стр. 19.

Загребя, мы находим в кратко изложенных Р. Лопашичем повинностя-кметов по урбариям г. Раковца и г. Калиновца от 1495 г. Как подчеркивает Р. Лопашич, в этих урбариях не указывается ни „*kakova tlaku*“ (барщин); повинности же кметов состоят в том, что от каждого „*selište od 12 jutara oranisa*“, выплачивается в год 200 динаров (около 16 сольдинов), кварта пшеницы и *tri časti* в курицах, окороках, сыре, яйцах и печеных хлебах¹. По соотношению денежных и натуральных платежей этот краткий перечень повинностей, повидимому, имеет больше общего с повинностями благайских, нежели модрушских кметов.

Таким образом, во второй половине XV в. основными формами феодальной эксплуатации хорватскими землевладельцами зависимых кметов-крестьян были денежная и натуральная ренты, причем соотношение этих двух форм ренты в приморской и континентальной частях Хорватии различно: в первой количественно преобладает денежная, во второй — натуральная.

Собственно барская запашка во второй половине XV в. как в приморской, так и в континентальной частях Хорватии, если и ведется, то в очень небольших масштабах. Соответственно незначительны размеры отработочной ренты (уборка сена, подводная повинность и т. п.). Судя по Модрушскому урбарии, на вторую половину XV в. приходится сокращение собственной запашки хорватскими землевладельцами.

В приморской части Хорватии и Далмации уже во второй половине XV в. широко распространена издольщина.

* * *

Переходя к характеристике основных форм феодальной эксплуатации в XVI в., необходимо, к сожалению, констатировать, что для первых трех десятилетий этого столетия мы не располагаем необходимыми источниками. Лишь на 40-е годы приходится один из опубликованных Р. Лопашичем урбариев. Это Грижанский урбарий 1544 г., состоящий из двух частей. В первой части, которая фактически и является урбарием, князь Степан Франкопан подтверждает „законы старе“, главным образом, платежи и повинности „пулка Гришки“ (жителей — Грижан), во второй — помещена жалоба грижанского „пулка“ на насилия, которые учинял им княжеский наместник Иван Гусич. Жалоба, очевидно, и явилась причиной составления самого урбария.

Грижаны — один из тех девяти городов Винодола, которые названы еще в Винодольском законе 1288 г.² и, стало быть, „пулк Гришки“, о котором идет речь в урбарии, городское население. Отсюда совершенно понятно, что рассчитывать на прямые ответы Грижанского урбария по интересующим нас вопросам не приходится. Однако поскольку владельцем города Грижан является все тот же феодал-земледелец, поскольку в урбарии говорится о людях тяглых, обязанных нести повинности и платить оброк, постольку в нем мы, очевидно, сможем найти косвенные показания, характеризующие формы феодальной эксплуатации в приморской Хорватии середины XVI в. О возможности таких показаний как будто говорит и тот факт, что тяглое население Грижан обозначено в урбарии хорошо известным нам термином „кмет“. Собственно кметам, точнее их платежам и повинностям, и посвящен ур-

¹ „Monumenta...“, т. V, стр. 168.

² См. Б. Д. Греков. Винодол, стр. 5.

барий. О существовании других жителей Грижан приходится только догадываться. Так, основные обитатели „каштела“ (крепости), который противопоставляется всему „граду“, конечно, не кметы. Что кметы вообще не живут в „каштеле“, — как будто намекает их жалоба, где говорится, что княжеский наместник Гусич „приморивал [их] дати страшца у каштел, кога нисмо дужни“¹. В самом „граде“ — посаде урбарий различает кметские „кући“ — дома и „цриквени кући“, освобожденные от обложений.

О хозяйственном положении грижанских кметов мы можем судить только по повинностям. Приведем наиболее показательные из них — денежные и натуральные. „Нај прво“, — говорится в урбарии, — все грижанские кметы вместе „дужни господину доходака пинез либр пет сто“, затем каждый „од живине мале од 15 едну . . . од велике живине кравје, ча нетежи, од сваке главе гре солдина 5, . . . од вина гре потоки² 15, . . . ошће гре господину старић пшенице . . .“³.

Таким образом, грижанские кметы имеют скот („живине велике и дробне“), виноградник, от которого платят господину „потоку“, и, наконец, указание на оброк пшеницей заставляет предположить, что часть из них, если не все, обрабатывают землю под хлеб. Одним словом, они занимаются сельским хозяйством. И все же, платежи грижанских кметов, повидимому, отражают только одну сторону их хозяйственной деятельности. Если даже среди модрушских кметов-селян мы встречали ремесленников: древоделов, бондарей и т. п., — то едва ли можно допустить, что таковых не было среди кметов — жителей города. Но поскольку урбарий ничего не говорит о промыслах грижанских кметов, приходится ограничиться одними догадками. Единственно, на что мы можем указать в этой связи, — это на явную заинтересованность кметов в беспошлинной торговле, о чем свидетельствуют их жалобы „господе“ [князю] на то, что им „учини се велика кривица од фратров [монахов] на Цриквенице⁴ за трг, ки е них, да почеше взимати трговину [торговую пошлину]“⁵.

Говоря об экономическом положении грижанских кметов, необходимо подчеркнуть, что денежные и натуральные платежи, по которым мы судили об их хозяйстве, не единственная форма эксплуатации кметов — жителей города феодалом-землевладельцем. Кроме оброка, в самом урбарии и особенно в жалобе указаны довольно многочисленные повинности грижанских кметов. Они должны были согласно урбарии: обрабатывать („дати коп и мотику“) виноградник около „града“, высталять „на вратах града“ днем 2 „страшца“, а ночью — 4; когда князь строит „град“, каждый кмет — по возу сена; известковой печи (япненици) господской „чинити, ча е к ној триби“⁶. В жалобе кметы сообщают князю, что Иван Гусич принуждал их возделывать виноградник „при мору“, который они „нисмо [не были] дужни“, заставлял возить лес для „каштела“, делать доски, чинить дорогу возле горы, доставлять соль в Дубовац и т. д. Жалоба заканчивается угрозой кметов „раззашло се од служби“⁷.

¹ „Monumenta . . .“, т. V, стр. 88.

² „Потока“ — плата с виноградника. См. „Monumenta . . .“, т. V, стр. 86, прим. 4.

³ „Monumenta“, т. V, стр. 85 — 87.

⁴ Цриквеница — город в Винодоле.

⁵ „Monumenta . . .“, т. V, стр. 89.

⁶ Там же, стр. 87 — 88.

⁷ Там же, стр. 88 — 89.

Сопоставляя жалобу с платежами и повинностями кметов по урбарю, не трудно заметить, что усиление эксплуатации феодалом непосредственных производителей идет за счет новых натуральных повинностей. При этом для нас особенно важно введение Гусичем барщины на винограднике близ моря, так как оно позволяет судить об отношении феодала-землевладельца к собственной „запашке“. Трудно сказать, чем обусловлена эта новая барщина грижанских кметов, то ли просто желанием феодала улучшить обработку виноградника, то ли тем, что виноградник близ моря недавно посажен. Но, так или иначе, налицо повышенный интерес феодала-землевладельца к собственной „запашке“. О таком изменении отношения винодельского феодала-землевладельца к собственной „запашке“ нас окончательно убеждают две грамоты князя Степана Франкопана от 1568 и 1569 гг. В первой из них, относящейся к винодельскому городу Тржат, устанавливается, что в течение четырех лет тржатские кметы должны два дня в неделю отбывать барщину на княжеском винограднике¹. Во второй — идет речь об уже известных нам грижанских кметах. В ней князь Степан Франкопан, снижая платежи грижанских кметов от мелкого скота², вводит как бы в порядке „компенсации“ новую барщину. Причем особенно интересно то обстоятельство, что последняя раскрывается в грамоте как обязанность каждого из грижанских кметов посылать одного работника в княжеский виноградник „при мору“³. Иными словами, через 25 лет после жалобы грижанских кметов, князь Степан Франкопан узаконил насилия Ивана Гусича.

Вместе с тем тот факт, что для введения новой барщины князь идет на понижение других повинностей, еще раз свидетельствует о его заинтересованности в рабочей силе. Эта острая потребность феодала-землевладельца в рабочей силе нашла свое выражение в грамоте 1569 г. и в обещании князя давать кметам, работающим на винограднике „при мору“, угощение — „спижу, како се пристои“. Судя по урбарю 1544 гг., „спижа“ — угощение кметов при обработке виноградника — состояла в том, что на „прву коп, гре [им] од господина пшенице стари⁴ едан и спуд⁵ вина и едан брав; на другу коп гре пшенице старий⁶ едан, спуд вина; дужни смо посли Јагатога⁶ копати за плаћу, али в доходак господски“⁷. Если первая часть приведенной цитаты не требует особых пояснений, так как угощение землевладельцем крестьян, отбывающих барщину, — явление, известное всем странам, то вторая, — где говорится про „плаћу“ и „доходок“, нуждается в некоторых комментариях. „Копати в доходак господски“, по видимому, означает отбывать барщину в счет других платежей. Так объясняет это выражение и Р. Лопашич⁸. Что касается слов „копати за плаћу“, то они, как будто, сами говорят за себя. Однако говорить о найме в капиталистическом значении этого понятия здесь не приходится. „Громадную важность, — как указывает В. И. Ленин, установ-

¹ „Monumenta...“, т. V, стр. 151.

² Грижанским кметам, согласно грамоте 1569 г., разрешалось платить от 20 „дробне живине едну“, а не от 15 одну, как было определено в Грижанском урбарии. — Там же, стр. 90.

³ Там же, стр. 90.

⁴ „Стари“ — мера сыпучих тел.

⁵ „Спуд“ — мера жидкости.

⁶ Св. Агам — 3 февраля.

⁷ „Monumenta...“, т. V, стр. 87—88.

⁸ Там же, стр. 87, прим. 2.

ливая различие между вольной и «полусвободной» работой, — имеет также то обстоятельство, что последний вид работ всегда предполагает личную зависимость нанимающегося от нанимателя, предполагает всегда большее или меньшее сохранение «внеэкономического принуждения»¹. В сохранении внеэкономического принуждения кметов при работе „за плаћу“ легко убедиться, если обратить внимание на то, что в урбарии об этой работе говорится не как о вольном найме кметов, а как об их обязанности: „дужни [должны] послѣ Јагатога копати за плаћу“.

Об устойчивости и вместе с тем распространенности в приморской Хорватии этой разновидности „найма“, заключенной в феодальную оболочку, свидетельствует Новиградский урбарий 1610 г. Хотя этот урбарий несколько выходит за хронологические рамки настоящей работы, все-таки поскольку Новиград, как и Грижаны расположен в Винодоле, поскольку в Новиградском урбарии речь идет также о кметах — жителях города, видимо, заглянуть в этот урбарий будет небесполезно. К тому же, определяя барщину кметов на господской „пашне“, Новиградский урбарий устанавливает для некоторых из них размер „оплаты“, т. е. дает как раз тот материал, которого мы не находим в Грижанском урбарии. Дополняя новыми показаниями сведения о „найме“ Грижанского урбария, приведем также данные и о тех барщинах новиградских кметов, которые не подлежали „оплате“. Это позволит нам одновременно получить более полное представление о состоянии барской запашки в начале XVII в. О барщинах новиградских кметов в урбарии 1610 г. сказано следующее: кметы обязаны „од старине“² возделывать господский виноградник, который зовется „Рупа“, за что господин „милостиви“ установил по своей „добре воле“ давать каждому работнику по одному хлебу. Также кметы должны, когда им прикажут, обрабатывать остальные господские виноградники. При этом каждому работнику, который окапывает, подрезает или полет, следует „плата“ в 10 сольдинов. Также те кметы, которые имеют волов, должны, когда им прикажут, пахать господскую землю, причем каждому работнику — „плата“ в 14 сольдинов; если женщина полет или жнет, то 6 сольдинов; кто молотит „житак“, тому 10 сольдинов³.

Из приведенных показаний Новиградского урбария выясняется, что только виноградник „Рупа“ новиградскими кметами обрабатывается без „платы“, за одно угощение по доброй воле землевладельца. Такое положение вещей урбарий объясняет тем, что кметы должны это делать „од старине“, т. е. отбывают барщину на винограднике „Рупа“ издавна. Следовательно, „оплата“ барщинных работ на остальных виноградниках — явление новое, обусловленное тем, что кметы стали отбывать здесь барщину позднее, чем на винограднике „Рупа“, т. е. виноградники, за работу на которых кметы получают „плату“, видимо, сравнительно недавно заведены князем. Не так давно, если судить по „оплате“, новиградские кметы стали работать на княжеских землях, возделанных под хлеб. Последнее как будто подтверждается и Грижанским урбарием, в котором отсутствуют повинности, связанные с обработкой господской земли под хлеб.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 169.

² Новиградский урбарий написан латиницей, передаем кириллицей.

³ „Monumenta...“, т. V, стр. 141.

Одним словом, в конце XVI и начале XVII в. в приморской Хорватии продолжается расширение барской запашки, причем проблема рабочих рук, как и в середине XVI в., решается феодалом-землевладельцем путем принуждения кметов — жителей города (должны, когда им прикажут) работать за определенное денежное вознаграждение.

После всего сказанного об особенностях феодальной эксплуатации кметов — жителей городов приморской Хорватии, естественно возникает вопрос о причинах, заставлявших феодала-землевладельца решать в столь специфической форме проблему рабочей силы.

Так как прямых ответов на поставленный вопрос в наших источниках мы не находим, то позволим себе высказать по этому поводу несколько соображений.

Говоря о привлечении землевладельцем рабочих рук кметов-горожан, прежде всего необходимо учитывать, что в XVI в. и в начале XVII в. приморская Хорватия и Винодол, в частности, подвергались неоднократным опустошительным набегам неприятеля. Так, по имеющимся у нас отрывочным сведениям столица Винодола — Новиград был три раза за этот период разорен и сожжен неприятелем (в 1527 г. — турецкими, а в 1598 и 1615 гг. — венецианскими отрядами)¹.

О постоянной военной тревоге, в которой пребывает население винодольских городов, свидетельствует и сам Грижанский урбарий. Определяя обязанности стража „на вратях града“, урбарий указывает, что он должен оповещать ближайшие города (Брибир и Дривеник) „за турка“, т. е. о появлении турецких отрядов.

Если военные набеги неприятеля представляли столь серьезную опасность для горожан, то не трудно себе представить, сколь губительны они были для кметов-селян. Достаточно для этого вспомнить почти опустевшие села, заброшенные кметские наделы, на которые мы уже наталкивались в Модрушском урбарии. Отсюда вполне понятно, почему феодал-земледелец считал более целесообразным разрешать проблему рабочей силы за счет кметов, живущих в городе.

Тот же факт, что феодал решает эту проблему в специфической форме, нам думается, обусловлен как его стремлением обеспечить при помощи новых барщин увеличившуюся запашку постоянными рабочими руками, так и сопротивлением кметов — жителей города усилению эксплуатации. При этом именно сопротивление кметов, которое мы имели уже возможность наблюдать в жалобе грижанских кметов, и явилось определяющим условием возникновения „оплаты“ феодалом-землевладельцем вновь введенных барщин.

Подводя здесь итог анализу Грижанского урбария и дополнительных к нему материалов, необходимо еще раз напомнить, что хотя мы имели дело и с феодальными отношениями, но в городском проявлении. Поэтому весьма возможно, что такое явление, как „оплата“ барщины, имело место только в городах приморской части Хорватии. Но все же мы вправе сделать следующие немаловажные для наших целей выводы: в середине XVI в. в приморской Хорватии повышается заинтересованность феодалов-землевладельцев в доходности своего хозяйства, площадь барской запашки

¹ „Monumenta...“, т. V, стр. 130.

расширяется, увеличиваются барщины кметов; рост барской запашки прослеживается и на рубеже XVI—XVII вв.

* * *

Установив, что в приморской Хорватии XVI в. изменения в формах феодальной эксплуатации стоят в связи с расширением площади барской запашки, перейдем к определению того, какое место в этот период занимает барская запашка в доходах феодалов континентальной Хорватии, точнее говоря, — каково здесь соотношение различных форм феодальной ренты. Единственным источником, на основании которого нам представляется возможным ответить на этот вопрос, являются два варианта (1579 и 1581 гг.) Дубовацкогo урбария. Они составлены по случаю продажи Иваном Зринским города Дубоваца с округой эрцгерцогу Карлу Габсбургскому, заложившему здесь крепость Карловац¹. По своему содержанию оба варианта урбария почти идентичны: основное различие их, как уже говорилось, заключается в том, что первый написан латиницей на старохорватском языке², второй — на латинском.

Четкое разграничение кметов-селян (*coloni*) и горожан-„пургарей“ (*purgari*), которое в противоположность Грижанскому проводится в Дубовацком урбарии, позволяет установить формы эксплуатации дубовацкими землевладельцами как городского, так и сельского населения. Начнем с горожан-пургарей. В 1579 г. в верхнем (*gornju*) и нижнем (*dolnu*) Дубовце их насчитывалось пятьдесят семь. Это в большинстве своем ремесленники: урбарий, указывая профессию некоторых из пургарей, называет среди них кузнецов (*kovači*), гончаров (*lončari*), портных (*krojači*) и сапожников (*šoštari*)³. В то же время социальное положение всех дубовацких пургарей характеризуется тем, что они феодально-зависимые люди, обязанные рентой в пользу князя.

Платежи и повинности каждого пургаря, определяемые в урбарии с дыма (*dума*), были следующие:

а) Денежные платежи: к Юрьеву и Михайлову дню по 16 крон, к масленице — 3 кроны. Итого: 35 крон (46 $\frac{2}{3}$ динара)⁴.

б) Натуральные платежи: 1) так называемые *časti*, состоят из одного каплуна (или окорока), двух печеных хлебов стоимостью в 2 беча, одного хлеба в 1 крону и 12 яиц⁵. Поскольку в урбарии устанавливается выкуп за каплуна размером в 5 динар⁶, а цена яиц определяется „ро 3 za jedan bech“⁷, то *časti* пургарей можно приравнять к 7 динарам; 2) пургари, имеющие виноградник, „платят каждое десятое ведро вина“⁸. К сожалению, в урбарии не указано, кто из пургарей имеет виноградник и каков доход князя от десятого ведра вина.

¹ „Monumenta“, т. V, стр. 95.

² Латиница урбария 1579 г. имеет своеобразную орфографию.

³ „Monumenta...“, т. V, стр. 100—101.

⁴ Соотношение между денежными единицами, по данным урбария, следующее: флорин содержит 100 динаров, 3 кроны = 4 динарам, 1 динар = 4 бечам.

⁵ „Monumenta“, т. V, стр. 101.

⁶ „A kady ny kapwna ny lopathyze nima dwsan ye platiti za chazth po dn.“ („Monumenta“, т. V, стр. 106).

⁷ „Monumenta“, т. V, стр. 112.

⁸ Там же, стр. 101.

в) Натуральные повинности дубовацких горожан заключались в том, что, во-первых, они должны были „когда потребуется, помогать град делать и укреплять“, во-вторых, 4 дня в году отбывать барщину (*dwsnj tlakom*), т. е. один день сеять пшеницу, другой — овес, третий — просо, четвертый — сено убирать¹.

Таким образом, мы видим, что удельный вес барщинных работ в повинностях пургарей сравнительно невелик. Первое место, повидимому, принадлежит денежным платежам, которые в 6 раз превышают *časti* пургарей. От всех 57 пургарей, по подсчетам урбария, князь получает *rupezny dohodak* в 20 флоринов 60 динаров.

Что касается платежей и особенно повинностей кметов-селян, то они играют значительно большую роль в доходах дубовацких землевладельцев. Для примера приведем показания урбария о кметах племенитого человека (*kněza*) Андрея Тадиловича². Это некрупный землевладелец: он имеет 100 югеров пахотной земли и три виноградника (количество земли, занятой под виноградниками, в урбарии не указано). Кметов у А. Тадиловича — 19. Из них у девяти надел определяется в $\frac{1}{2}$ *sela*, у десяти — как *szelo selo*³. С „целого села“ и ведется в урбарии расчет платежей и повинностей кметов.

Денежная рента каждого кмета А. Тадиловича „*od wsakogo szeloga sela*“ равняется 1 флорину 8 динарам и, следовательно, более, чем в 2 раза, превосходит размер денежного платежа пургаря. Всего А. Тадилович получает денежного оброка на сумму в 16 флоринов 40 динаров.

В натуральный оброк кметов, как и пургарей, входит *čast*, которая также состоит из 12 яиц, трех печеных хлебов и каплуна. Но так как стоимость каждого из трех печеных хлебов определяется в 3 кроны⁴, то соответственно меняется и денежное выражение *časti*: оно равно 10 динарам, т. е. в $2\frac{1}{2}$ раза больше *časti* пургарей. (Кроме того, как и пургари, кметы, имеющие виноградники, должны отдавать каждое десятое ведро вина.)

Особенно резко отличаются повинности кметов размерами отработочной ренты: от полного надела ежедневно отбывает барщину один кмет („*Dwsny zw od wzakoga szeloga zela wsaki dan tlachnyka jednoga*“), от половины надела — через день⁵.

Чтобы выразить отработочную ренту в форме, позволяющей хотя бы приблизительно установить ее соотношение с денежной и натуральной рентой кметов, рассмотрим доходы А. Тадиловича от собственной запашки и виноградников. Эти доходы в зерне и вине указаны вслед за перечислением повинностей кметов, причем единицей измерения зерна служит *quarta*, вина — *subulum*. Учитывая ту оценку сельскохозяйственных продуктов, которая приводится в урбарии⁶, мы можем представить доходы А. Тадиловича за год от собственного хозяйства („*pryhodysche, cha je more na dwornyh zemlyh prytesati i od winogradow*“)⁷ следующим образом:

¹ „Monumenta...“, т. V, стр. 101.

² См. „Monumenta...“, т. V, стр. 114.

³ По латинскому варианту урбария величина *szela sela* (*sessio*) равна 8 югерам.

⁴ „Monumenta...“, т. V, стр. 115.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 112.

⁷ Там же, стр. 115.

Пшеница	200	кварт по 140 динаров за кварту — 280 флоринов
Пшеница „primka“	15	” ” 1 флорину ” — 15 ”
Ячмень	60	” ” 1 ” ” — 60 ”
Овес	200	” ” 50 ” ” — 100 ”
Просо	250	” ” 1 ” ” — 250 ”
Erswlye	35	” ” 1 ” ” — 35 ”
Zyrka	100	” ” 33 динара ” — 33 ”
Наудуне	25	” ” (?) ” (?)
Вино	20	кубулум по 1,5 флорина за кубулум — 30 ”

Итого . . . 863 флорина

Таким образом, валовой доход А. Тадиловича от собственной „запашки“ (включая и виноградники), более, чем в 50 раз превышает его доходы от денежных платежей кметов (863 флорина 16 флоринов 74 динара). Из произведенных подсчетов также выясняется, что основную массу валового дохода А. Тадилович получает от урожая зерновых культур.

Конечно, все эти подсчеты очень приблизительны (не исключено, как завышение цен сельскохозяйственных продуктов, так и данных об урожае), но, так или иначе, цифра в 863 флорина убедительно свидетельствует о той значительной доли, которую играет отработочная рента в рентных доходах А. Тадиловича.

А. Тадилович не представляет исключения среди дубовацких землевладельцев: барщины, как и денежные и натуральные платежи всех дубовацких кметов по урбарии совершенно тождественны повинностям и платежам кметов А. Тадиловича.

Не изменилась величина отработочной ренты и в 1581 г.: в латинском варианте Дубовацкого урбария сказано, что кметы (coloni) от „одного полного надела обязаны отбывать барщину ежедневно, а от половины надела — три дня в неделю“¹.

Подтверждением доминирующей роли отработочной ренты могут служить и доходы князя Ивана Зринского². Валовой доход от княжеской запашки, выраженный в урбарии в деньгах, равняется 2200 флоринов. Денежный доход князя составляют: торговые пошлины (55 флоринов), денежные платежи пургарей (26 флоринов 66 динаров) и денежные платежи кметов (23 флорина 10 динаров)³, всего — 114 флоринов 70 динаров (по урбарии — 110 флоринов 11 динаров). Таким образом, валовой доход от княжеской запашки почти в 20 раз больше денежных доходов князя. Сравнивая же только денежные платежи пургарей и кметов с валовым доходом от княжеской запашки, получаем соотношение 1:44, т. е. примерно то же самое, что мы имели при аналогичном сопоставлении составных частей доходов А. Тадиловича (1:50).

Итак, основную массу доходов дубовацкие землевладельцы получают от собственного хозяйства, что, в свою очередь, предполагает их заинтересованность в расширении собственной запашки. Однако этому предположению на первый взгляд противоречит тот факт, что в Дубовацком урбарии мы находим значительное количество пустующих

¹ Singula integra sessione laboribus quotidianis obligantur. A media vero sessione in singula septimana laboribus trium dierum obligantur („Monumenta . . .“, т. V, стр. 121).

² Кроме И. Зринского и А. Тадиловича урбарий называет еще четырех землевладельцев, но их доходы от запашки не указаны.

³ „Monumenta . . .“. т. V, стр. 111—112 (всего у князя 31 кмет).

земель. Так, например, у А. Тадиловича из 31^{1/2} кметского „села“ пустуют 16. Всего же в Дубовацком урбарии 1579 г. насчитывается 31^{1/2} заброшенных кметских надела. Если считать каждый полный надел кмета в 8 югеров, как это делает латинский вариант урбария¹, то окажется, что вся действующая барская запашка дубовацких землевладельцев равна пустующим землям.

О причинах, заставивших кметов бросать свои наделы, легко догадаться: во-первых, — это непосильные повинности (не исключено, что пустующие наделы — свидетельство жестокой расправы феодалов с участниками крестьянского восстания 1573 г.), во-вторых, — опустошительные турецкие набеги (в XVI в. турецкие отряды трижды осаждали Дубовац, последний раз — за год до составления урбария)².

Труднее учесть все факторы, которые мешали дубовацким землевладельцам превратить пустующие кметские наделы в собственную запашку. Возможно известную роль играли традиции, крестьянская община и т. д. Совершенно ясно лишь то, что основным препятствием к расширению барской запашки являлось отсутствие необходимых для этого рабочих рук.

Как показывает сопоставление двух вариантов Дубовацкого урбария, проблема рабочей силы дубовацкими землевладельцами решается, главным образом, за счет привлечения кметов-крестьян на пустующие земли. Так, по урбариию 1570 г. в княжеских владениях „па Газу“ насчитывалось 24 кмета и 4 заброшенных полных надела, а в 1581 г. на этих же землях мы находим 28 кметов³.

Имеющиеся в нашем распоряжении дополнительные материалы позволяют несколько подробнее раскрыть скупые показания Дубовацкого урбария о решении хорватскими феодалами в XVI в. проблемы рабочей силы.

Прежде всего здесь, очевидно, будет небезинтересно познакомиться с показаниями наших источников о праве „выхода“ кметов в XVI в. Таких источников у нас, к сожалению, только два: Полицкий статут и декрет короля Фердинанда от 1538 г.

В Полицком статуте выходу кметов посвящена статья 89-а, которая, вероятно, относится к концу XVI в., так как следует непосредственно за постановлением, датированным 1576 г. (статья 88). В ней предусматривается, чтобы кмет, задумавший уходить от господина, „затворив в своем дворе и доме все имущество, которое [он] имеет: скот или другое движимое имущество, или, если бы имел наследственное имущество („бащина“)⁴, которое получил, находясь в зависимости от господина („ку би под ним стекао“), позвал своего господина и так ему сказал: господин, все это божье и твое, можешь что либо оставить себе, можешь и не оставить. После этого [господин] может взять все [имущество], или какую-либо часть; если же он оставит его [за кметом], то уже не может отобрать“⁵.

Итак, полицкие кметы во второй половине XVI в. пользовались правом выхода, причем землевладельцу предоставлялась возможность

¹ „Monumenta...“, т. V, стр. 120.

² См. „Monumenta...“, т. V, стр. 96.

³ Там же, стр. 106, 120—121.

⁴ „Бащина“, по Ягичу, — *hereditas patrimonium* („Monumenta...“, т. IV, стр. 228).

⁵ Перевод смысловой.

оказывать экономическое давление на заявившего об уходе кмета — лишить его по своему усмотрению или всего, или части имущества.

Несколько в ином аспекте интересующий нас вопрос освещается в декрете Фердинанда от 1538 г. В этом декрете, озаглавленном „Constitutiones nobilium regni Sclavoniae“, ст. 22, определяющая „Modus accipiendi licentiam colono“, гласит: „Если кто-либо захочет чужого колона приобрести [в свое владение], [он] обращается к господину того колона или к его официалу или управляющему и после того как судья знатных (Nobilium) получит terragio в четыре динара, он [судья] вызывает колона и предоставляет ему свободу перехода“¹.

Здесь, как мы видим, речь идет не о выходе кметов-колонов, а о „вывозе“ их землевладельцами. Декрет этот относится только к Славонии. Но если сопоставить его со статьей 89-а Полицкого статута, то, пожалуй, можно заключить, что в середине XVI в. на территории „Regnum Croatia, Sclavonia et Dalmatia“ кметы в какой-то мере еще пользовались правом перехода от одного землевладельца к другому.

Одним из способов привлечения хорватскими землевладельцами рабочих рук было предоставление кметам льготных лет. Об этом мы узнаем из грамоты князя Ердеди от 1590 г., в которой говорится: „... Мы [князь] поселили кметов на наших землях в Лестаковце и дали им свободу на шесть лет“².

По прошествии льготных лет грамота устанавливает для кметов еженедельную двухдневную барщину³. Иными словами, грамота 1590 г. еще раз свидетельствует о том, что основная цель поселения кметов — обеспечение барской запашки рабочей силой.

Способы решения хорватскими феодалами-землевладельцами проблемы рабочих рук характеризует также другая грамота князя Ердеди (1595 г.). В ней сообщается о трех кметах, которые пришли на зов князя с территории, занятой турками, и обещали ему целое село (деревню) населить („vas Lekenik naseliti“)⁴.

В этой связи необходимо упомянуть и о декрете короля Рудольфа от 1595 г. Статья 26 этого декрета давала право возвращения в Хорватию („in Patriam“) кметам-колонам, бежавшим в Австрию от турецкой опасности⁵. Несомненно, возвращение кметов отвечало интересам хорватских феодалов, нуждавшихся в рабочей силе.

Наконец, следует отметить, что в наших источниках имеются показания о применении хорватскими землевладельцами в своем хозяйстве „наемного труда“. Косвенный намек на это делает Грижанский урбарий, упоминая людей „ки стое на најам в кућах“⁶; но особенно интересны в этом отношении данные Полицкого статута о „наѡамниках“. Им в статуте посвящена статья 93. Кроме того,

¹ „Si quis colonum alterius ad bona sua traducere voluerit; accedat Dominum illius coloni, vel officialem, aut villicum ejus: Et Judex Nobilium, depositis prius pro terragio denarius quator, repetat colonum et licentiam obeundi illi recipiat“, (J. Kukuljević. Jura Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, pars III, стр. 26).

² „... my nazelyzmo kmethy na naszemlw w Lyesthakowcze y dazmo ym zlobode sest godysch“ („Monumenta...“, т. V, стр. 385).

³ „A ono sezt godysch izminuse, bwde ym thlaka y pryhodak owakow: wsaky theden od chyela zela dawaly bwdw dwa delawcza“. („Monumenta...“, т. V, стр. 385).

⁴ „Monumenta...“, т. V, стр. 387.

⁵ J. Kukuljević. Acta Croatia, стр. 45.

⁶ „Monumenta...“, т. V, стр. 87.

в статье 78с¹ говорится о человеке, находящемся в „наиму“. Она предписывает повесить вора („меусобца“), а имущество его конфисковать, и в заключение добавляет: „Ако ли е кметић... покрео свога господара, дужань е и главом и благом; ки ли би крео господара, у кога би стао у найму, дужань дупло“. Не совсем понятно, что означает „дупло“ (вдвое) наймита по сравнению с наказанием кмета, который платится головой и имуществом. Однако для нас уже существенно то, что статья 78с отличает наймита от кмета.

Статья 93 (193—194)², озаглавленная „Законь од наѣмников“, в первой своей части (статья 193) вспоминает старый закон, из которого мы узнаем, что „наѣмник“ заключал с хозяином договор на определенный срок (обычно на год), по истечении которого оплачивалась его работа. Если же „наѣмник“, не отработав срока, без всякого уважительного повода уходил от господина, то старый закон разрешал ему „неплатити ништарь“. В то же время и хозяин нес материальный ущерб: в случае досрочного расторжения договора с наймитом он при этом должен „платити за пунь наѣм“.

Во второй части статьи 93 (194) говорится, что „теперь Полица установила закон милостивый: если бы „наѣмник“ оставался у хозяина некоторое время, не учинив никакого зла или ущерба, он может просить у хозяина часть „найма“ соответственно со временем, проработанным на хозяина“.

Следовательно, положение полицкого наймита эволюционировало в сторону превращения его в свободного рабочего. Однако естественно возникает вопрос, чем объясняется сей „милостивый“ по отношению к наймитам закон. Как мы могли убедиться, составители статута неуклонно защищают интересы господствующих классов Полицы. Ответ на него отчасти дает следующее указание статьи 93: „Если бы хозяину захотелось рассчитать („рачунь“) наемника, он волен заплатить ему за проработанное время и отпустить его“.

Заинтересованность хозяина в досрочном расторжении договора с наймитом выясняется из заключительной части статьи 93. Оказывается, дело в том, что „зимой с харчем („хран“) труднее, чем летом, а лето для работы важнее чем зима“. Отсюда же следует, что труд наймита применялся, главным образом, в земледелии. Вместе с тем, говоря о наймитах, необходимо помнить, что наемный труд — основа новой общественно-экономической формации. В эпоху феодализма, как указывает Ф. Энгельс, „... наемный труд существовал лишь в виде исключения...“³. Несомненно, исключением было и применение труда „наѣмников“ хорватскими феодалами-землевладельцами: мы видели, что проблема рабочей силы решается ими прежде всего за счет барщинного труда зависимых кметов.

Заканчивая на этом раздел, мы можем сделать следующие выводы:

1. В конце XVI в. господствующей формой эксплуатации хорватскими землевладельцами непосредственных производителей — кметов была отработочная рента.

2. В связи с повышением интереса хорватских феодалов к собственной запашке перед ними в конце XVI в. остро встала проблема

¹ „Monumenta...“, т. IV, стр. 86.

² Там же, стр. 96—97.

³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 255.

рабочей силы, осложнявшаяся бегством населения от турецкой опасности.

3. Эта проблема разрешалась хорватскими феодалами за счет „вывоза“ кметов, приглашения их с территории, занятой турками, и, возможно, возвращения кметов, бежавших от турецкой опасности в Австрию. „Наемный труд“, если и использовался хорватскими феодалами, то в очень ограниченных размерах.

В заключение остается суммировать основные наблюдения над хорватскими урбариями с тем, чтобы представить общий ход эволюции докапиталистической земельной ренты в Хорватии второй половины XV и XVI вв.

Во второй половине XV в. присвоение хорватскими феодалами прибавочного труда непосредственных производителей осуществлялось преимущественно в форме денежной и натуральной ренты. Кроме того, в приморской Хорватии и особенно в Далмации одной из распространенных форм феодальной эксплуатации была издольщина. Соотношение денежной и натуральной ренты в приморской и континентальной частях Хорватии различно: в первой количественно преобладает денежная, во второй — натуральная. Удельный вес отработочной ренты невелик, что соответствует небольшим масштабам собственной запашки хорватских землевладельцев. При этом, судя по Модрушскому урбарии, во вторую половину XV в. барская запашка сокращается, отработочная рента заменяется денежной.

К сожалению, отсутствие данных не позволяет проследить эволюцию феодальной ренты в начале XVI в. Но уже для 40-х годов этого столетия удается констатировать повышение заинтересованности хорватских феодалов к собственной запашке и увеличение барщины кметов („Грижанский урбарий“ 1544 г.). О дальнейшем росте отработочной ренты убедительно свидетельствуют грамоты 1568 и 1569 гг., устанавливающие новые барщины для тржатских и грижанских кметов. В последней четверти XVI в. барская запашка, обрабатываемая зависимыми кметами, доставляет хорватским землевладельцам подавляющую часть доходов. Господствующей формой феодальной эксплуатации в это время является отработочная рента: барщины кметов, имеющих „полный“ надел (около 2 га), достигают 6 дней в неделю. Денежным и натуральным платежам принадлежит второстепенная роль, хотя их номинальная величина остается неизменной.

Введение новых повинностей не могло не вызвать сопротивления кметов-крестьян. Частный случай такого отпора усилению нажима со стороны феодалов-землевладельцев мы видели в жалобе грижанских кметов, угрожавших разбежаться. Особенно яркое выражение это сопротивление нашло в крестьянском восстании 1573 г. в Славонии. Начавшись во владениях кн. Тахи (Сусеград), восстание, во главе которого стоял „крестьянский король“ Матиа Губец, быстро распространилась на соседние территории, но было жестоко подавлено феодалами с помощью пограничных войск (погибло более 6 тыс. восставших).

Хотя изучение восстания 1573 г. не входило в задачу данной статьи (оно заслуживает того, чтобы быть предметом специального исследования), однако не лишним будет подчеркнуть, что характер эволюции феодальной ренты в XVI в. совершенно определенно указывает, где следует искать первопричины этого восстания. Его

возникновение стоит в прямой связи с общим ухудшением положения кметов-крестьян, обусловленным переходом хорватских землевладельцев в XVI в. от оброчной формы эксплуатации к отработочной.

В целом же эволюция феодальной ренты позволяет утверждать, что в XVI в. Хорватия переживала те же перемены в организации феодального хозяйства, что и все европейские страны, лежащие к востоку от Эльбы. Как в России, Польше, Литве, Ливонии, Восточной Германии, Австрии и Венгрии¹, так и в Хорватии XVI в. землевладельцы для повышения доходности своего хозяйства расширяют собственную запашку, усиливают нажим на крестьян, увеличивая барщинные работы.

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 501.

Н. И. Кравцов

ПОЭЗИЯ ДОБРИ ЧИНТУЛОВА

Добри Чинтулов, творчество которого падает главным образом на 50-е годы XIX в., одним из первых среди поэтов Болгарии стал защищать необходимость вооруженной национально-освободительной борьбы болгарского народа против турецкого гнета.

Его поэтическое наследство очень невелико. Он писал мало, а кроме того, некоторые из его произведений утрачены. Всего известно десять его стихотворений. Чинтулову приписывается немало других стихотворений, однако обоснования их принадлежности ему мало убедительны¹.

Стихи и песни Добри Чинтулова сыграли значительную роль в пробуждении национального самосознания болгарского народа, в развитии революционной болгарской поэзии 50—70-х годов XIX в. Это объясняется прежде всего тем, что песенное творчество Д. Чинтулова, касаясь рабского положения Болгарии под турецким владычеством, не могло не найти широкого отклика у народа, изнывавшего под турецким игом и жаждавшего слова, которое бы указало путь освобождения.

Поэзия Добри Чинтулова имеет свои социально-политические и исторические корни. Она в своих основах связана с положением болгарского народа в середине XIX в.

Чинтулов родился в 1822 г. в городе Сливене. Его поэтическая деятельность начинается в 1849 г., когда он написал и опубликовал свои первые стихи.

40—50-е годы в истории Болгарии — период значительного экономического, политического и культурного подъема. В это время в стране, находившейся под ненавистным турецким гнетом, заметно расширяется товарное хозяйство, растет внутренний рынок, развиваются ремесла, устанавливается экономическая связь между отдельными районами.

Гнет турецких феодалов в середине века приобретает исключительную силу и принимает жестокие формы, что еще более способствует подъему национального самосознания болгарского народа: турки стремились путем жестокого национального угнетения удержать

¹ В. Пундев. Добри Чинтулов (1822—1922). Изд. на Българската Академия на Науките, „Българска библиотека“, бр. 17, София, 1922.

в повиновении болгарский народ, но достигли совершенно противоположного результата.

Молодая, развивающаяся болгарская буржуазия встала во главе национально-освободительного движения в стране. Широкие слои крестьянских масс включились в это движение, которое проявлялось вначале в форме хайдучества (партизанской борьбы), а затем перерасло в ряд значительных крестьянских восстаний в различных областях Болгарии (1846, 1851, 1875, 1876 гг.).

Общий подъем национально-освободительной борьбы болгарского народа в 40-е и особенно 50-е годы XIX в. является основной причиной культурного подъема: начинают открываться школы, издаваться учебные книги, зарождается периодическая печать (журнал Фотинова „Любословие“, 1842 г., и газета Богорова „Болгарский орел“, 1846 г.), появляются первые поэты и писатели. Правда, эта деятельность проходит во многом за пределами Болгарии. В середине 40-х годов выступают поэты-просветители Найден Геров и Петко Славейков. К числу этих первых поэтов принадлежит и Добри Чинтулов (1822—1886). Они кладут начало болгарской поэзии и, будучи талантливыми представителями болгарского народа, выражают его национально-освободительные стремления.

Добри Чинтулов был близок к болгарским просветителям 40—50-х годов. Он выступил почти одновременно с Найденем Геровым и Захарием Княжески (1844—1874). Получив образование в России, он активно включился в просветительную работу; с 1850 по 1857 г. он учительствовал в Сливене, с 1857 по 1861 г. — в Ямболе, затем снова в Сливене. Д. Чинтулов боролся за культурные права болгар, был надзирателем городских училищ в Сливене, много внимания и сил отдал организации библиотечного и театрального дела в Болгарии. В 1870—1871 гг. он был представителем в Народном собрании в Константинополе (Царьграде), где болгары вели борьбу за самостоятельность своей церкви. Затем до 1875 г. вновь руководил делом просвещения в своем родном городе Сливене. Вскоре он должен был прекратить свою просветительскую деятельность в связи с тяжелой болезнью, которая оторвала его от любимого дела. Чинтулов умер 27 марта 1886 г. в Сливене.

В первых своих стихотворениях Чинтулов призывает передовую болгарскую интеллигенцию отдать все силы делу просвещения народа. В этом отношении показательным его стихотворение „Изпроводяк на едного българина из Одеса“ („Проводы одного болгарина из Одессы“, 1849), где поэт напоминает своему другу, уезжающему на родину,

... че общите ни братя
Във мрак живеят и мъгли

... что общие нам братья
Живут во мраке, в темноте,

и высказывает надежду, что

И в тях да светне просвещение
И мрака тъмен да развей

И в них заблещет просвещение
И развеет темноту мрака.

Поэты Найден Геров и Петко Славейков, а затем прозаики и драматурги Васил Друмев и Илия Блысков были типичными просветителями. Выступая против турецкого гнета, они ограничивались борьбой за национально-культурное самоопределение, церковную самостоя-

тельность и развитие образования болгарского народа в рамках Турецкой империи. Основным средством они считали просвещение и отвергали идею вооруженной революционной борьбы.

Добри Чинтулов пошел дальше их. Правда, он был близок к ним, вел просветительную деятельность, но не принял участия в 60—70-е годы в национально-освободительной борьбе болгарского народа, не присоединился открыто к вооруженному восстанию народных масс 1876 г., руководимому выдающимися революционерами-демократами. Но, тем не менее, он в своей поэзии 50-х годов уже не был просветителем, а пошел значительно дальше.

В творчестве Чинтулова отразилось изменение идейных позиций поэта: в первых его стихах конца 40-х годов он еще является просветителем, но в стихах 50-х годов с большой силой звучит идея вооруженной борьбы народа. Это отличает его творчество от поэтов-просветителей. В середине 50-х годов, когда им была написана основная часть его стихотворений, Чинтулов считал единственно надежным средством улучшения положения болгарского народа, освобождения его от рабства и тиранства турецких феодалов — общую вооруженную борьбу.

До 1850 г. им написаны стихотворения „Стара майка се прощава със синат си“ (Старая мать прощается со своим сыном), „Изпроводяк на едного българина из Одеса“ (Проводы одного болгарина из Одессы), „Възпоменание“ (Воспоминание), „Стани, стани, юнак балкански“ (Вставай, вставай, герой балканский). Ко времени 1854—1857 гг. относятся: „Къде си, вярна любов народна?“ (Где ты, верная любовь к народу?), „Български юнаци“ (Болгарские герои), „Вятър ечи, Балкан стене“ (Ветер воеет, Балкан стонет), „Българю, мила майко“ (Болгария, милая мать). Последнее стихотворение известно в сомнительной его редакции, — очевидно, в переработке.

Идея национально-освободительной борьбы, зревшая в народных массах Болгарии в 50-е годы XIX в., полностью овладела поэтом и стала основной идеей его произведений.

В стихотворении „Къде си, вярна любов народна?“ Чинтулов, обращаясь к народу, стремится вызвать в нем подъем патриотических чувств, хочет, чтобы тлеющая искра „разгорелась в пламя“. Он подымает народ на борьбу прямым призывом к оружию:

Голямо, мало, ставай,
Оръжие запасвай

Велик и малък, поднимайся,
Оръжие готовь.

Поэт зовет победить или всем погибнуть. Он верит, что скоро начнется вооруженная борьба. В стихотворении „Вятър ечи, Балкан стене“¹ Чинтулов рисует фигуру всадника-трубача, который возглашает о начале борьбы и обращается к болгарам с призывом: „Все к оружию!“.

Основная идея поэзии Чинтулова выражается в создании образа настоящего борца за народ, „бунтовника“; он является тем героем, в котором поэт выражает свой строй мыслей, свои идеалы, стремления, заветные желания. Этот герой в боевой готовности, он понимает, что настало время битвы за свободу народа, зовет к этой священной

¹ Эта песня Чинтулова в песенниках печаталась под названием „Габровское восстание 1862 года“, но по свидетельству его друзей она написана в 1856—1857 гг.

битве, что и делает его в значительной степени борцом-революционером:

Дойде време, ставайте,
От сън се пробуждайте,
Доста рабство и тиранство,
Всички на оръжие!

Пришло время, поднимайтесь,
От сна просыпайтесь,
Довольно рабства и тиранства,
Все к оружию!

О какой же форме борьбы говорит Чинтулов?

Из его стихов ясно, что во многих случаях речь идет у него о той форме борьбы против турецкого угнетения, которая была известна тогда под именем хайдучества. Хайдуки — партизаны, уходившие в леса и горы и оттуда совершавшие набеги на турецкие отряды и гарнизоны, убивавшие турецких чиновников и сборщиков податей, — сыграли видную роль в национально-освободительном движении; они вели борьбу и с чорбаджиями — болгароми-богачами, которые были пособниками турок в угнетении и ограблении народных масс.

Чинтулов, призывая к борьбе, нередко представляет ее себе в форме хайдучества:

Сбирай се децата
В гъстите гори
(„Български юнаци“).

Собирай детей
В густые леса

О молодых патриотах он говорит:

Да тръгнат по гората
(„Къде си, вярна...“).

Пусть уходят в леса

Наконец, он прямо заявляет:

Ний с хайдушки славни чети
Ще отидем във Балкан
(„Българио, мила майко!“).

Мы с хайдуцкими славными
дружинами
Уйдем в горы

Но Добри Чинтулов говорит не о старом хайдучестве, которое действовало небольшими, не связанными одна с другой четами (дружинами), а об объединении дружин хайдуков в единое мощное движение.

Георгия Раковского (1818—1867) справедливо называют одним из руководителей болгарского национально-освободительного движения, который первым понял, что борьба против турок не даст победы, если будет носить разрозненные формы, будет борьбой отдельных небольших отрядов хайдуков или просто отдельных мстителей. Великой заслугой Раковского было то, что он прямо и настойчиво звал к объединению сил борцов и много сделал для этого.

Но сознание необходимости объединения было и у Чинтулова:

Докога, братя, ще страдайте?
Защо да се не съберем?
(„Стани, стани...“).

Доколе, братя, будете стра-
дать?
Почему мы не объединимся?

Его песни были агитацией в пользу общего вооруженного восстания:

Да викнем всицца с глас голям	Крикнем все полным голосом
По всичкия Коджа-Балкан:	По всему Коджа-Балкану:
Голямо, мало, ставай,	Велик и малый, поднимайся,
Оръжие запасвай!	Оружие готовь!
(„Къде си, вярна...“).	

Таким образом, Чинтулов уже не ограничивается обычными формами хайдутской борьбы: его цель общенародное вооруженное восстание: „Всички на оръжие!“

Старое хайдучество ограничивалось борьбой с отдельными представителями турецких властей, мстью угнетателям народа — туркам и их пособникам — чорбаджиям, убийством их. Георгий Раковский поставил перед хайдучеством высокую политическую цель — общенародное освобождение¹. О задаче общенародного освобождения говорит и Чинтулов в своих стихах: он призывает бороться за свободу родины. Поэт верит, что болгарский народ станет свободным („Стани, стани...“) и зовет к решительной, самоотверженной борьбе за свободу:

Да си пролеем вси кръвта,	Прольем свою мы кровь,
Да си добнем волността	Добьемся мы свободы.
(„Къде си, вярна...“).	

Поэзия Чинтулова поэтому приобретает революционный оттенок, он призывает народ восстать против своих поработителей с оружием в руках и завоевать себе свободу; он говорит о невозможности для народа более выносить его рабское положение:

Докога, братя, ще страдате?
(„Стани, стани...“).

Доста рабство и тиранство!
(„Къде си, вярна...“).

О революционном характере и остроте стихов Чинтулова свидетельствует и то, что лишь отдельные из них, и притом ранние, были напечатаны, наиболее же смелые не увидели печати. Стихи Чинтулова ходили в списках, тайно читались и распространялись, но были широко известны и пользовались особой популярностью у молодежи, которая заучивала их наизусть. Его песни стали распеваться в народе; имя автора забылось, но боевые песни жили и звали к борьбе и подвигу во имя народа. Ненапечатанные стихи Чинтулова частью сообщены другом поэта, знавшим его в г. Сливене в 1854—1857 гг., — Чакировым (Грековым), частью обнаружены в более поздних песенниках. К. Жинзифов в статье „Болгарская литература“ (в книге Н. В. Гербеля „Поэзия славян“, СПб., 1871, стр. 299) писал о Чинтулове, что его „прекрасные песни... ходят в Болгарии по рукам и во множестве списков“. Песни Чинтулова печатались в сборниках „Нова училищна песнопойка“ (изд. Т. К. Сукнарова, Пловдив, 1886), „Народна песно-

¹ Н. С. Державин. История Болгарии, т. IV, стр. 117.

пойка“ (изд. Г. П. Василева, Търново, 1888), „Ученическата песнопойка“ (Разград, 1890), „Песнопойка“ (Разград, 1891), „Нова народна песнопойка“ (Пловдив, 1893).

Как уже было сказано выше, основная идея поэзии Добри Чинтулова — идея национально-освободительной борьбы болгарского народа за свою независимость против турецких угнетателей. Чинтулов в понимании этой борьбы не смог подняться на ту ступень, на какую поднялся Раковский. Раковскому была свойственна идея социальной борьбы. Он выступал как представитель народных низов и вел борьбу не только с турками-угнетателями, но и с болгарскими чорбаджиями. В 1864 г. Раковский говорил: „Когда мы говорим народ, мы понимаем в данном случае всех добрых болгар, за исключением чорбаджиев“. Он видел, что чорбаджии — эксплуататоры народа.

Поэзия Чинтулова не содержит в себе античорбаджийских выступлений: тема социальной борьбы чужда ей. В этом он стоял значительно ниже Раковского. Он представлял себе нацию как единое целое. Его поэзия, выросшая на почве начального развития национально-освободительной борьбы, говорит о едином народе — нации: „общите ни братя“, „мили братя“, „зове свойте братя“; национальное угнетение закрыло от Чинтулова социальное угнетение. Но в идее национально-освободительной борьбы проявлялась народность его поэзии: идея такой борьбы — народная идея, чорбаджии не выступали против турецкого владычества.

Сила патриотических чувств, выраженных в стихах Чинтулова, велика. Основой его поэзии был искренний патриотизм. Именно любовь к родине для него является той силой, которая может двинуть болгар на революционную борьбу против турецких ассимиляторов. Для Д. Чинтулова любовь к родине была движущей силой его собственного творчества:

Къде си, вярна любов народна?

Где ты, верная любовь к народу?

Къде блестиш ти, искра любов-родна?

Где блестишь ты, искра, рождающая любовь?

и далее:

Пламни, пламни ти в нас,
любов гореща!

Вспыхни, вспыхни ты в нас,
горячая любовь!

Противо турци да стоим на-
среща!

Чтоб мы могли восстать про-
тив турок!

Уже в одном из первых своих стихотворений „Изпроводяк на одного българина из Одеса“ поэт напоминает своему другу, уезжающему на родину, о долге перед народом, страдающим под чужеземным гнетом:

Но там във бащини обята,
Кога те радост огради,
Смисли, че общите ни братя
Във мрак живеят и мъгли
И чакат те със нетърпение
Небесний свет да ги огрей.

Но там в отцовских объятиях,
Когда тебя охватит радость,
Вспомни, что общие нам братья
Живут во мраке и в темноте
И ждут с нетерпением,
Что их озарит небесный свет.

В обращениях к своим соотечественникам поэт призывает их не бояться никаких жертв для освобождения родины: его патриотизм имеет революционный, активный характер и в этом отличается от патриотизма просветителей.

Поэзия Чинтулова — патриотическая поэзия. Одна из основных ее тем — любовь к народу. Поэт, несколько лет проживший вдали от родины, с особой силой ощущал тоску по ней и изливал это чувство в стихах. Прощаясь с другом, возвращающимся в Болгарию, он радуется, что тот увидит родных людей, родные горы:

Фърчи, фърчи, о друже,	Лети, лети, о друг, с ра-
с радост,	достью,
Фърчи към родните страни;	Лети к родной стороне;
Развесели ти твоята младост	Развесели свою ты молодость
Под милите нам планини.	Близ милых наших гор.

Поэт любит родную природу, она волнует его своей красотой:

Ил' не знаеш колко сладко	Иль не знаешь ты сколь сладко
Ти ще ни развесели?	Можеш нас развеселить?
(„Българю, мила майко!“).	

Родная природа радует и успокаивает его, вливает в него силы и бодрость:

Небесна радост там живее	Там живет небесная радость
Покрай студената вода;	Близ студеной воды;
Там вятърът, кога повее,	Там ветер, когда повеет,
В сърце разлива веселба	Разливает в сердце веселье.
(„Изпроводак...“);	

Навред там тихий вятър вее,	Там всюду тихий ветер веет,
Реката Янтра там шуми,	И Янтра там река шумит,
И славейчето сладко пее	Соловушка сладко поет
И пътниците весели	И путников веселит
(„Възпоменание“).	

В родной природе поэт видит вдохновительницу и защитницу борцов за свободу — она их прячет в своих лесах и горах. Наконец, она символизирует их борьбу. Когда народ поднимается против врагов, оживает Балкан:

Вятър ечи, Балкан стене	Ветер воет, Балкан стонет
-------------------------	---------------------------

Поэт на фоне мятежной природы рисует образ борца за народную свободу.

Патриотическое воодушевление поэта, сила его любви к родине придают его стихам глубоко эмоциональный характер, страстную лирическую взволнованность. В этом отношении его поэзия может быть названа революционно-романтической.

Поэзия Чинтулова — бодрая, сильная, светлая. Но душа поэта всегда омрачалась при мысли о рабстве, тяготевшем над болгарским народом; с большой горечью он писал:

Мен само не развеселява
Тази природна веселба...
(„Възпоменание“).

Но только меня не веселит
Это природное веселье...

Чинтулов был первым болгарским поэтом, который открыто заговорил о рабском положении родного народа:

. . . сълзи кървави пролива
Във рабство милый наш народ.
(„Стани, стани...“, 1849 г.).

. . . слезы кровавые льет
В рабстве наш милый народ.

О болгарском народе он говорит:

В тежки мъки тегли, стене,
Черней отхвърлено навън.
(„Патриот“).

В тяжких муках тужити стонет,
Пропадает отброшенный вон.

Эти картины тяжелого положения родного поэту народа также служат одной из основ эмоционально-лирической взволнованности его стихов. Видя страдания народа, он восклицает:

Кой може ме да утеша?
(„Възпоменание“).

Но кто меня утешить может?

Все поэтическое творчество Д. Чинтулова тесно связано с мыслями и чаяниями болгарского народа, борющегося за свое национальное и социальное освобождение. Поэт рисует свой народ как „балканского героя“, как „балканского льва“, спящего глубоким сном:

Българио, мила майко,
Ще ли още ти да спиш?
(„Българио...“).

Болгария, милая мать,
Будешь ли ты еще спать?

И он зовет свой народ пробудиться:

О, лъв! събуди се
От дълбокий сън
(„Български юнаци“);

О, лев! пробудись
От глубокого сна

Стани, стани, юнак балкански,
От сън дълбок се събуди,
(„Стани, стани...“);

Вставай, вставай, герой балканский,
От сна глубокого проснись,

Дойде време, ставайте,
От сън се пробуждайте
(„Къде си, вярна...“).

Пришло время, вставайте,
От сна пробудитесь

Он призывает к борьбе против турок-поработителей: „Противотурци да стоим насреца!“ („Къде си, вярна...“). Турки для него „...нашите тираны“; он ненавидит врагов своего народа и требует решительной, беспощадной борьбы с ними; обращаясь к соотечественникам, он говорит:

Тъпчете турски племена,
Пълните с техните тела
Пространните равнини,
Дълбоките долини!
(Къде си, вярна...“).

Бейте турецкие племена,
Наполяйте их телами
Широкие равнины,
Глубокие долины!

Он хочет, чтобы болгарский народ поднялся всей силой:

Мръсени турци да страшат

Пусть страшатся, ненавистные
турки

(„Българю, мила майко!“)

И поэт верит в победу родного народа:

Нека пращат други сили
свойте войски във Балкан,
Те ще паднат тамо лесно
от българский ятаган.
(Там же).

Пусть посылают чуждые силы
свои войска на Балканы,
Они хорошо там полягут
от болгарского кинжала.

Чтобы поднять народ на борьбу, Чинтулов стремится пробудить в нем чувство национальной гордости, национального достоинства и самосознания:

Който носи мъжко сърце
И българско име
Да припаше тънка сабя,
Знаме да развие
(„Вятър ечи, Балкан стене“).

Кто имеет сердце мужа,
Кто по имени болгарин,
Опояшется пусть тонкой саблей,
Развивает знамя

Борьба за освобождение родной страны была для Чинтулова делом чести и славы родины:

Да си развием знамената,
Да светне нашата земя,
Да си прославим имената,
Да гинат турски племена!

Разовьем свои знамена,
Пусть свет осветит нашу землю,
Пусть прославятся наши имена,
Пусть погибнут турецкие пле-
мена!

(„Стани, стани...“).

Он советует брать пример с других народов:

Я вижте, братя, погледнете,
На чуждите нам племена.
От тях добър пример вземете
Как си прославят имена!
(Там же)

Вот смотрите, братья, погля-
дите,
На чуждые нам племена!
С них добрый вы пример
берите,
Как славятся их имена!

Поэт называет освободительную борьбу своего народа борьбой за его славу. Он хочет, чтобы имя болгар стало широко известно за пределами родины:

Сидно провикни се
От Балкана във
(„Български юваци“).

Сильно прогреми ты
За Балканами

Чтобы пробудить у болгар чувство национального достоинства, вдохнуть в них веру в счастливое будущее, поэт напоминает о славном прошлом родной страны. В стихотворении „Воспоминание“ он рисует картины этого величественного прошлого; в мечтах он видит пышную древнюю столицу Болгарии Тырново, князя Асеня, основателя Второго болгарского царства, восставшего против византийского владычества и завоевавшего для Болгарии самостоятельность, видит его „верные дружины“, говорит об их славе и о том, как

От тука български юнаци	Отсюда болгарские герои
Далеко тичали на смърт,	Далеко уходили на смерть,
Високо вдвигали байраци,	Высоко поднимали знамена,
Враги кога им се явят!	Когда являлись их враги!
(„Възпоменание“).	

Он призывает болгар также с оружием встречать врагов и побеждать их:

Да бъдем пак, каквито бяхме	Чтоб стали мы, какими были
(„Стани, стани...“).	

В песнях Чинтулова отразились не только личные чувства и идеалы поэта, но чувства и идеалы народных масс Болгарии, подымавшихся на борьбу против своих поработителей. Социально-политические корни его поэзии прежде всего следует искать в том росте народного движения, которое было характерно для Болгарии 50-х годов XIX в.; нарастание народного протеста он и выразил в своих произведениях, особенно в стихотворении „Вятър ечи, Балкан стене“. Песни Чинтулова — отзвук того героического времени, события которого затем привели к апрельскому восстанию 1876 г.

Поэт жил чувствами и идеалами народа. Это органическое его единство с народом было одной из тех основ, на которых выросло поэтическое творчество Чинтулова. Поэт обращался к народу, говорил с ним в своих стихах, мыслил и страдал вместе с ним, и вместе с ним жаждал свободы. Сын бедного ремесленника, он хорошо знал жизнь народа и его идеалы. Он был очевидцем многих турецких насилий, свидетелем жестоких сборов дани в болгарских городах и селах.

В 50-е годы XIX в. в Болгарии выступает группа поэтов, народных по духу своего творчества, — Найден Геров, Райко Жинзифов, Константин Миладинов, Петко Славейков. К этой группе принадлежит и Добри Чинтулов. Но он выше этих поэтов именно тем, что прямо выступал с идеей вооруженной национально-освободительной борьбы, и в этом народность его поэзии глубже народности творчества названных поэтов.

Знание народной жизни дало возможность Чинтулову создать песни, которые стали широко известны в народе, потому что они выражали его сокровенные мечты. Вместе с тем знание жизни народных масс, непосредственное ощущение их заветных мечтаний, сознание народных сил, начинавших прорываться наружу, наконец, страстное желание свободы и счастья своему народу рождали у Чинтулова твердую веру в победу, в торжество справедливости. Поэт вдохновлялся надеждой, что будущее будет счастливым и прекрасным. Именно поэтому его стихи имели огромное идейное значение в период подне-

вольного положения народа, вселяли в сердца людей бодрость и стойкость, звали к борьбе.

Исключительно важным обстоятельством, оказавшим громадное воздействие на формирование национально-освободительных идей Чинтулова, были его связи с Россией и русской культурой.

Впервые с русскими он познакомился в 1829 г., когда армия Дибича, которую сливенцы встречали как спасителей, проходила через родной город поэта. В том же году почти половина болгарского населения Сливена выселилась в Россию. Эти переселенцы вернулись на родину в 1838 г. От них Чинтулов узнал о России и русской жизни. Рассказы о России, русском народе произвели на будущего поэта большое впечатление. В этом году он впервые начал думать о поездке в Россию. Надеясь пробраться в Россию, он ушел из Сливена, долго бедствовал, живя в Тырнове и Бухаресте. Здесь, в Бухаресте, Д. Чинтулов познакомился с Захарием Княжески, который сообщил ему, что русское правительство дает стипендии для болгар, поступающих в русские учебные заведения. В 1839 г. Чинтулов вместе с Захарием Княжески и Найденом Геровым приехал в Одессу. Они смогли предпринять эту поездку на средства известного болгарского общественного деятеля Василия Априлова. Во время пребывания в Одессе Чинтулову большую материальную помощь оказала болгарская одесская колония.

Чинтулов сразу же был определен учиться в уездное училище, а по его окончании — в духовную семинарию. Русскую стипендию он получил в 1841 г.

В Одессе он пробыл до 1850 г. В это время там жило немало видных болгарских деятелей, с которыми у Чинтулова установились тесные связи. Он старательно усваивал русскую культуру, с увлечением читал произведения русских поэтов, особенно Пушкина и Лермонтова. Наконец, тут же, в Одессе он начал писать стихи и создал первые свои патриотические произведения, которые появились в 1849 г. в константинопольской газете „Царьградский вестник“ (№ 59, 6 августа). В Одессе им была написана известная его песня „Стани, стани, юнак балкански“. Среди одесских болгар он завоевал себе признание как поэт¹.

Несомненно, что Чинтулов и его друзья выросли под благотворным влиянием русской прогрессивной мысли и литературы; они учились у нее глубокой содержательности, идейности, национальной самобытности, патриотизму. Даже вполне возможно, что та реформа болгарского стихосложения, для которой много сделал Чинтулов, употребляя силлабо-тонический стих, совершена болгарскими поэтами не без воздействия русской поэзии². Под влиянием русской поэзии в это время пишут стихотворения Иван Богоев (Богоров), Найден Геров, Елена Мутева, Никола Касапски и др.³

Чинтулов, по словам Пенчо Славейкова, указал молодым болгарским поэтам, что учиться надо у русских поэтов⁴.

¹ „Сборник за народни умотворения“, 1909, кн. XXV, стр. 20.

² Косвенным подтверждением этого может служить то, что силлабо-тонические стихи начинают писать в Болгарии Найден Геров и Добри Чинтулов, учившиеся в России и начавшие в России свое творчество.

³ И. Д. Шишманов. Студии из областта на българското възраждане, „Сборник БАН“, 1916, т. VI, кн. 4.

⁴ „Мисъл“, 1906, кн. II, стр. 71.

То, что на поэзию Д. Чинтулова оказала огромное влияние русская прогрессивная мысль, подтверждается всеми исследователями, изучавшими его творчество¹.

Жизнь в России в течение десяти лет дала ему не только знакомство с русской культурой. В поэзии Чинтулова ясно видна та надежда, какую возлагал болгарский народ на помощь великого русского народа. Не будучи сам в состоянии бороться против Оттоманской империи, болгарский народ, готовясь к решительной борьбе, верил, что

... откъм север храбри руси	... с севера храбрые русские
Тоз час ще да се появят	Тотчас появятся
(„Стани, стани...“).	

Крымская война 1853—1856 гг., несмотря на то, что Россия тогда не помогла болгарам, вселила еще большие надежды в души угнетенных турками болгар и во многом способствовала новому подъему национально-освободительной борьбы в Болгарии. Свои лучшие патриотические песни Чинтулов создал как раз в годы этой войны. Его поэзия явилась выражением патриотического воодушевления этих лет.

Чинтулов — первый певец общей вооруженной национально-освободительной борьбы болгарского народа. Его считают родоначальником болгарской революционной поэзии. Его стихи и до сих пор не утратили своей свежести, непосредственности и силы эмоционального воздействия.

Художественная сторона стихов Чинтулова соответствует их жизненному и идейному содержанию. Эмоционально-напряженная, построенная на интонациях призыва, обращения, восклицания, она отвечает по своему характеру основной идее его поэзии — призыву к борьбе. Вместе с тем она очень проста и доходчива. Ей широко свойственны песенные формы. По своему строю она близка к народным песням. Болгарская поэзия середины XIX в. была тесно связана с народным поэтическим творчеством. Поэзия Чинтулова точно так же формировалась под влиянием народной поэзии, причем последняя воздействовала на нее и в идейном, и в художественном смысле: народно-поэтические элементы способствовали усилению яркости ее национальной формы и национального духа.

Национальное своеобразие поэзии Чинтулова проявляется и в ее жизненном содержании, и в ее образной и стилистической форме. Ее образность, несомненно, связана с образностью народных хайдутских песен, которые говорят о народных защитниках, о народных мстителях и их борьбе против турок. Выше мы уже отмечали, что в песнях Чинтулова действуют хайдуки, хайдутские дружины, говорится о лесе и горах, скрывающих в себе хайдуков. В стихотворении „Стара майка се прощава със синат си“ нарисован образ любящей матери-болгарки, провожающей сына на чужбину, очень напоминающий образ матери народных песен. Поэт с большой нежностью, задушевностью и трогательностью передает чувства матери: смутное предчувствие говорит ей, что она больше не увидит сына. Но она находит в себе

¹ См.: И. Д. Шишманов. Наченки от руско влияние в българската литература („Български преглед“, 1899, кн. IX—X, стр. 151—161), высказывания Пенчо Славейкова, В. Пундева, С. Русакиева и др.

силы отпустить его ради счастья родного народа, она лишь просит его скорее вернуться, чтобы утешить ее и еще раз увидеть ее:

Прощавай, синко, много здраве,	Прощай, сынок, и будь здоров,
Едничка рожба на светът;	Одно дитя мое на свете;
Така съдбата нам направи,	Судила так уж нам судьба,
Син с майка да се разделят.	Сын с матерью чтоб разлучились.

В системе художественных средств поэзии Чинтулова есть и аллегорически-символические образы, но все они представляют собою не отвлеченные аллегории общего значения, а связаны с национальной болгарской символикой. Таков у него образ балканского льва. Лев — символ независимости Болгарии; он изображался на знаменах хайдуков. Добри Чинтулов в стихотворении „Стани, стани, юнак балкански“ призывает балканского льва повести болгар против турок. В своих стихотворениях поэт нередко говорит о борьбе между порабожденным болгарским народом и его поработителями-турками, как о борьбе балканского льва и мусульманского полумесяца:

Да стане лъвът наш балкански,	Пусть встанет наш балканский лев,
От него вятър да повей,	Пусть ветер от него повеет,
Та полумесец отомански	Пусть полумесец оттоманский
Под тъмен облак затъмней.	Под темной тучей потемнеет.

(„Стани, стани...“).

Подобное же символическое значение приобретает у него и образ Балкана. Коджа-Балкана в стихотворениях „Къде си, вярна любов народна?“, „Български юнаци“, „Българю, мила майко!“ и особенно в стихотворении „Вятър ечи, Балкан стене“.

Такого же характера и образ знамени (знаме, байрак), который, кстати сказать, является постоянным в хайдутских песнях и входит потом в стихи болгарских поэтов. Хайдутская дружина всегда имела знамя и знаменосца. В стихах Чинтулова очень часто встречается образ знамени:

Вдигайте байраци	Поднимайте знамена,
Да се освободим	Чтоб освободиться
(„Български юнаци“);	
Знаме да развие	Чтоб развил он знамя
(„Вятър ечи...“);	
Да си развием знаметата	Чтоб свои развить знамена
(„Стани, стани...“);	
Байраци *български навред да	Болгарские знамена двинем мы
дигнем	вперед
(„Къде си, вярна...“).	

Наконец, Чинтулов часто употребляет образ огня, пламени, как символа воодушевления и горячей любви к родине:

Силен им в сърцата	Сильный им в сердцах
Огън разпали.	Ты зажги огонь.
(„Български юнаци“);	
Я силен пламък ти пламини,	Пусть сильный пламень запалает,
Та буен огън разпали	Огонь пусть бурный разожжет
На младите в сърцата	В сердцах у молодых.
(„Къде си, вярна...“).	

Языку стихотворений и песен Чинтулова свойственна народная разговорная и народно-поэтическая фразеология и стилистика. В систему его стилистических средств входят народного типа обращения: синко, рожбо мила, едничка рожбо, мила майко; тавтологии: пламък ти пламни, гърмел да гърми, светне просвещение, мрака тъмен; повторения: стани, стани; фърчи, фърчи; пламни, пламни; постоянные песенные эпитеты: стара майка, тънка сабя (тонкая сабля), път дълъг, синьо-ясното небе, сълзи кървави (красные слезы), тъмен облак (темное облако), дълбокий сон, гъстите гори (густые леса), студената вода, вярна любов, славни чети, вярната дружина, тихий вятър, зелената трева, сини канари (синие скалы), родна страна, тежки мъки, ясно небо, храбри руси; народные фразеологические выражения: така съдбата нам направи (так судьба нам судьба), това ли чаках аз от тебе (этого ли ждала я от тебя), горко плаче, родното му племе, светът еднакъв не стой.

Его фразеология подчас носит явно романтический оттенок и близка фразеологии первых стихов Найдена Герова и П. Р. Славейкова: раненото сърце, очите се издигна, на нежна майка поглед мил, нощна тишина, пълната луна, славейчето сладко пее, прадедните времена, праведния грях, сърдечно влечение, прекрасен майски ден, буен огън, милите нам планини, небесна радост, високо той ръце простира, буря страшна, страшен гърмел, душа нещастна. Его поэтический синтаксис характеризуется риторическими восклицаниями, вопросами и обращениями, резко усиливающими эмоциональную сторону речи.

Стихотворения Чинтулова написаны на новоболгарском языке, и это является одним из значительных их достоинств, в то время как язык Георгия Раковского тяжел и сложен, характеризуется книжными оборотами и старославянизмами. У Чинтулова простой, чистый, правильный по своим грамматическим формам язык. Чинтулов в своем словаре и формах опирается не на тот или иной диалект болгарского языка, а идет в русле формировавшегося общелитературного языка.

Стихи Чинтулова поражают своей языковой свежестью. Хотя со времени их написания прошло уже сто лет, их словарь и синтаксис — живые и простые. Его стихи резко отличаются от стихов многих его современников, которым были свойственны тяжелый синтаксис, искусственные, неуклюжие обороты, условная фразеология.

Несомненно, что популярность стихов Чинтулова обусловлена одновременно и особенностями их содержания и особенностями их формы. Одной из важных заслуг Чинтулова служит употребление силлабо-тонического стиха, в чем он продолжил дело, начатое Найденом Геровым в 1845 г. Его стихи достаточно правильны, ударения обычно стоят на определенных местах. В этой реформе стихосложения, возможно, проявилось влияние русской поэзии, с которой знакомился Чинтулов, живя в Одессе. Все стихи Чинтулова — силлабо-тонические, они более стройны и ритмически упорядочены, чем те стихи, какие писались до него. „Добри Чинтулов... — писал П. Славейков, — первый дает пример правильной болгарской стихотворной речи“¹. Чинтулов обычно пользуется ямбом (и в этом сказывается русская тради-

¹ „Мисъл“, 1906, кн. 11, стр. 76.

ция) и, в исключительных случаях, хореем. Ямб создает более естественные интонации стиха, — это одинаково и по отношению к русской поэзии, и по отношению к болгарской поэзии. Даже в таком моменте проявляется жизненная простота стихов и языка Чинтулова.

Правда, у Чинтулова нет теоретических высказываний о строе болгарского стиха, нет обоснований силлабо-тонической системы стихосложения, но практически он своими стихами утверждает эту систему. Эта система так же хорошо подходит к болгарскому стиху, как и к русскому, основой чего служит отсутствие постоянного места ударения в слове в болгарском и русском языках и проявление этой системы в народном творчестве. Она, придавая стиху большую ритмическую упорядоченность и стройность, большее благозвучие, имела некоторое значение для популярности стихов Чинтулова: его стихи, написанные по этой системе, отличались большими эстетическими достоинствами по сравнению со стихами предшествующих ему поэтов.

Поэзия Добри Чинтулова реалистична по своим темам, она говорит о больших жизненных вопросах, отвечает жизненным стремлениям болгарского народа. Однако она недостаточно реалистична в своей изобразительной стороне: в ней слабо конкретно-историческое изображение жизни народа, хотя, в основном, она это положение определяет, и слабо образно-картинное выражение ее идейного содержания.

Добри Чинтулов — один из первых болгарских поэтов. Именно то, что ему пришлось начинать болгарскую национально-патриотическую поэзию, определило многие слабые стороны его творчества: тем, кто шел за ним, было легче. Тем не менее Чинтулов — подлинный поэт: об этом говорят и жизненные темы его стихов, и страстный лирический их тон. Песни Чинтулова глубоко эмоциональны, несмотря на то, что поэт еще не располагает богатством выразительных средств. Теплота, задушевность, искренность чувств налицо не только тогда, когда автор говорит от своего имени и когда слышна его взволнованная, вдохновенная речь, но и тогда, когда он заставляет говорить своих героев. Таково обращение матери к сыну в стихотворении „Стара майка се прощава със синат си“.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что художественным методом Чинтулова был революционный романтизм, во всяком случае в своих зачаточных формах. Это можно утверждать на основе того, что этот метод, во-первых, в 50-е годы вообще начинал входить в литературу, но наиболее ясно проявился у Чинтулова; во-вторых, поэзия Чинтулова характеризуется темой национально-освободительной борьбы, трактуемой в форме революционной, вооруженной борьбы, героическими мотивами и образами, воспеванием свободы, пафосом и страстностью, яркой национальной формой, соответствующей идейному содержанию его стихов, и романтической образностью, связанной с народно-поэтической символикой и стилистикой. Новое общественное содержание его творчества воплощено и в новой форме. У Чинтулова мы находим единство метода и стиля, единство содержания и формы. Основой революционного романтизма поэзии Чинтулова были ее революционный дух и идея вооруженной борьбы народа.

Великий болгарский писатель Иван Вазов в романе „Под игом“ рассказывает о том, как широко распевались и с каким воодушевлением

воспринимались песни Чинтулова революционно-настроенной молодежью в 70-е годы: «... раздалась на сцене революционная песня:

„Пламни, пламни ти в нас, любов гореща,
Противо турци да стоим насреща!“»

Показательно то, что революционер-демократ Любен Каравелов к своему рассказу „Бедное семейство“ взял эпиграф из стихотворения Чинтулова „Где ты, верная любовь к народу?“, а к рассказу „Неда“ — из стихотворения „Вставай, вставай, герой балканский“¹.

Революционный демократизм развился в 60-е годы, и Чинтулов не был и не мог быть революционером-демократом в 50-е годы. Он не выступал глашатаем социальной борьбы против чорбаджийства, а революционный демократизм и отличается определенной программой социально-политической борьбы, выразившей стремления народных низов; идея национальной вооруженной борьбы у революционеров-демократов тесно соединялась с идеей социальной борьбы.

Но Чинтулов в 50-е годы был революционным поэтом.

Правда, в некоторых статьях о Чинтулове критики ссылаются на то, что между Чинтуловым-поэтом и Чинтуловым-гражданином было якобы большое расстояние². Указывают на то, что в жизни Чинтулов был мирным просветителем и даже сжигал свои боевые песни, боясь преследований со стороны турок, что он распространял свои стихи в рукописях между знакомыми лицами и не признавался, что он их автор.

Однако это не может принизить роли его творчества, прежде всего потому, что точно не известно, при каких обстоятельствах и в каких целях Чинтулов сжигал свои стихи. То, что известно по этому поводу, очевидно, оправдывает действия поэта, — а именно: в Сливене Чинтулов был знаком с попом Станчо, открытым грекоманом, поэт одолжил ему 5 тыс. грошей, жадный поп, не желая возвращать долга, стал шантажировать поэта, открыто заявил Чинтулову, что „выдаст его“, заявит, что поэт якобы находится в тайных связях с Россией и что он будто бы русский шпион; Чинтулов, опасаясь клеветы этого грязного вымогателя, сжег в 1857 г. свои песни о восстании и некоторые другие рукописи; в то же время, желая себя обезопасить, он собирался уехать из Болгарии или принять русское подданство; об этом свидетельствует его переписка с друзьями³. Кроме того, этот факт не может иметь значения и потому еще, что поэт принимал настоячивые меры для того, чтобы добиться популярности своих песен: он не только распространял их в списках, но и, будучи музыкантом-скрипачом, ко многим своим песням написал музыку в народном духе, благодаря которой они действительно стали широко известными и распевались буквально всеми. Стало быть, самое главное состоит в том,

¹ См. „Страницы из книги страданий болгарского племени“, М., 1868, стр. 181 и 206.

² В. Пундев. Добри Чинтулов (1822—1922), изд. на Бъл. Акад. на Науките, „Българска библиотека“, бр. 17, 1922; В. Пенев. История на новата българската литература, т. IV, ч. 1, 1936.

³ См. „Няколко думи за живота на Добри Чинтулов, за литературата му и учителска дейност“ за подписью „Един от учениците му“, „Янтра“, 1886, год I, бр. 13—14 от 8/VIII и „Утро“, 1892, год I, бр. 11 и 12.

что его песни, пользуясь большой популярностью, имели объективно и большое идейно-воспитательное влияние: их идеи и чувства находили отклик в народных массах.

Было бы грубой ошибкой ставить Чинтулова в один ряд с такими поэтами-просветителями, как Н. Геров и П. Р. Славейков. Добри Чинтулов — первый болгарский поэт, у которого начинают звучать революционные мотивы. Однако он не революционер-демократ, его революционность буржуазная, у него нет понимания социального строя болгарского общества 50-х годов и нет борьбы против чорбаджийства, но его основная тема поэзии — вооруженная национально-освободительная борьба — есть шаг от просветительства к революционному демократизму. Такому поэту-просветителю, как Петко Славейков, свойственны социально-обличительные мотивы и известное понимание противоречий между трудовыми массами народа и чорбаджийством, но ему в то же время чужды идеи вооруженной борьбы. Идеи борьбы в поэзии Чинтулова имели объективно-революционный смысл: такого рода борьба коренным образом решала вопрос о национальном освобождении народа и, будучи борьбой против турецкого владычества, в известной мере подрывала чорбаджийство, сросшееся с турецкими властями, опиравшееся на них и способствовавшее им в угнетении народных масс Болгарии.

Чинтулов предугадал, что вооруженная борьба народа и помощь великого русского народа будут той силой, которая освободит Болгарию от пятивекового турецкого гнета. Он дожил до освобождения Болгарии русскими войсками. Поэт был глубоко взволнован. От имени жителей города Сливена он произнес приветственную речь при встрече русских.

Понять сущность и смысл поэзии Чинтулова можно, только учитывая конкретно-историческую обстановку, сложившуюся в Болгарии в 50-х годах. Поэт выступил со своими стихотворениями в то время, когда в Болгарии еще отсутствовало широкое национально-освободительное движение, так как не было необходимых условий для его развития. Но передовая часть болгарской интеллигенции, выражавшая народные стремления, стояла на пути к революционному выступлению, который вел ее к революционному демократизму. Недаром и от поэзии Чинтулова традиция революционной темы идет к Ботеву, хотя позиции Ботева иные, нежели позиции Чинтулова.

Чинтулов был выразителем идей связанной с широкими народными слоями передовой для 50-х годов XIX в. болгарской интеллигенции, ее отношения к рабскому положению народа и вопросу освобождения родной страны от иноземного владычества. В этом и состоит объективно историческое значение его поэзии. Характер национально-освободительной борьбы и поэтической культуры Болгарии 50-х годов определил национально-патриотическое содержание его творчества и национальную его форму.

Поэзия Чинтулова народна в своей сущности: она затрагивает самый важный для болгарского народа в то время вопрос о судьбе родины, выражает заветное желание об освобождении от турецкого владычества; поэт видит верный путь национально-освободительной борьбы — путь общего вооруженного восстания. Во всем этом его идеи — идеи основной массы болгарского народа, они противоположны идеологии чорбаджийства, не только не выступавшего против турецкого

гнета, но даже сотрудничавшего с поработителями родины. О народности его поэзии свидетельствуют и глубокий и искренний ее патриотизм и национальная, простая, доходчивая форма его стихов, а более всего — убежденная вера поэта в силы родного народа, в его способность вести освободительную борьбу за родину и победить в этой борьбе.

Добри Чинтулову были свойственны внутренние противоречия. Но нам кажется, что их неверно освещает В. Пундев, когда говорит, что Чинтулов — „первая жертва душевной борьбы между бунтом и постепенством, между влечением к героическому подвигу и мучительным сомнением в ценности подвига“¹. Ошибки Пундева состоят в том, что он, во-первых, не понимает общественно-исторических причин противоречий Чинтулова и считает их только личной драмой поэта, а во-вторых, в том, что не видит перехода Чинтулова от просветительства к революционности и затем снова возвращения к просветительству.

Нельзя не видеть развития, движения вперед Чинтулова как поэта в 50-е годы. Первые его стихи, написанные в Одессе, в значительной мере отличаются от его стихов, написанных в Сливене, стихов, воспевающих вооруженную национально-освободительную борьбу народа.

Одесса была важным центром болгарской культурно-просветительной деятельности. Здесь жили старые болгарские эмигранты В. Априлов, Н. Палаузов, Н. Тошков (дом последнего посещал Чинтулов). Тут училось немало молодежи: Захари Княжески, Найден Геров, Иван Богоев (Богоров), Ботьо Петков (отец Христо Ботева). Но в их среде господствовали типичные просветительские идеи. Их идеалы ограничивались идеей пробуждения родины, развития культуры и просвещения, борьбы за самостоятельную церковь, за сохранение национального быта и языка. Здесь создавались планы открытия школ в Болгарии (Априлов, Палаузов, Тошков), тут писались и издавались учебные книги и пособия: „Български книжици“, „Денница новобългарского образования“ и „Мисли за сегашното българско учение“ Априлова, „Първичка българска граматика“ Богоева, тут культивировалась и просветительская поэзия (поэма Герова „Стоян и Рада“ и др.). Но здесь в 40-е годы не выдвигалась идея вооруженной национально-освободительной борьбы. Поэзия Чинтулова одесских лет его жизни шла, в основном, в русле просветительства.

Нельзя сказать, что среди одесских болгар не было проявления революционных и даже революционно-демократических настроений, как у Раковского. Но это было позже и, кроме того, это было у тех болгар, которые были связаны с Москвой и Петербургом, испытали на себе влияние революционеров-демократов, а не славянофилов, как Чинтулов, который не только был близок с Григоровичем, но и приходил в восторг от стихов Хомякова. Тем не менее уже в годы жизни Чинтулова в Одессе среди болгар существовали два лагеря, две группы, как они сами называли себя — старых и молодых. Старшие потеряли веру в освобождение родины и ограничивались полумерами, просветительством; младшие были более оптимистичны, более активны, настойчивы и упорны, они уже не укладывались в рамки старых просветительских идеалов. Об этом говорит митрополит Натанаил в своих воспоминаниях, об этом приводятся данные во многих материалах. К группе

¹ В. Пундев. Указ. соч., стр. 7.

молодых принадлежал и Чинтулов. Но этот процесс формирования двух течений определился только в самый последний год жизни Чинтулова в Одессе; он-то, очевидно, и вызвал стихотворение „Стани, стани, юнак балкански“, новое по своему духу.

Революционный характер поэзии Чинтулова получил свое развитие с его приездом в Сливен в 1850 г.

Город Сливен сыграл особую роль в истории национально-освободительной борьбы болгарского народа. О ней говорят К. Иречек в своей „Истории Болгарии“ (Одесса, 1878, стр. 682), С. Табаков в книге „Град Сливен“ (т. 1, стр. 479), В. Пундев в книге о Добри Чинтулове (стр. 9). Народное сопротивление турецкому владычеству никогда не затихало в Сливене и в его окрестностях. Тут то и дело вспыхивали восстания, в 1828—1829 гг. сливенцы выставили добровольческий отряд, который боролся против турок вместе с русскими войсками; уходя из города, жители сожгли почти весь город, чтобы он не доставался врагам; тут жили хайдутские, бунтовщические традиции. Из города Сливена происходили такие знаменитые хайдутские воеводы, как Индже-воевода, Панайот Хитов, Хаджи Димитр и один из вождей восстаний 70-х годов Георги Икономов.

В то время, когда Чинтулов вернулся из России, вспыхнуло восстание 1851 г. Поэтому Чинтулов не мог не наблюдать подъем национально-освободительной борьбы, не мог не слышать о деятельности знаменитых хайдутских воевод, не мог, как поэт, не откликнуться на все это стихами с призывом к восстанию, к оружию:

Война, война непримирима
За бащината ни любима,
Война противу лютий враг...

Война, война непримирима
За отечество наше любимое,
Война против ненавистного
врага...

Поэтому-то в сливенский период своей поэтической деятельности, к тому же совпавший с Крымской войной, родившей у поэта большие надежды, Чинтулов делает шаг вперед в своем творчестве, а Крымская война вызвала и общий подъем национально-освободительного движения в Болгарии, который и обусловил рост Чинтулова как поэта, решительный его переход от просветительства к революционности.

Но чем же объяснить то, что на этом и прекратилась не только революционная поэзия Чинтулова, но и почти прекратилось его творчество вообще?

После 1854—1857 гг. Чинтулов почти не писал стихов. То же, что им написано (стихотворение „Двама приятели“, „Ти, вечно пътнице“ — приветствие митрополиту Серафиму), — очень далеко по духу от его стихов середины 50-х годов.

Возвращение Чинтулова к просветительским позициям, очевидно, объясняется следующими обстоятельствами:

1. В своих идейных позициях Чинтулов не поднялся до подлинной революционности, у него сказывалась его ранняя связь с просветительством.

2. В формировании мировоззрения Чинтулова не играло роли влияние русских революционеров-демократов, он был ближе к русскому славянофильству, тогда как мировоззрение болгарских революционеров-демократов складывалось под воздействием Чернышевского.

3. Как менее последовательный в своих убеждениях, Чинтулов поддался, с одной стороны, разочарованию, вызванному тем, что Крымская война не привела к освобождению Болгарии, а с другой, — запугиванию его грекофилами и чорбаджиями.

4. Он, по сути дела, никогда не был прямо связан с хайдутским и крестьянским движением, а скорее выражал стремления торгово-ремесленной буржуазии Болгарии; крестьянское движение в стране росло и росло и высшего подъема достигло в 70-е годы (на этой почве и формировалась революционная демократия), Чинтулов в этот момент обнаружил колебания и нерешительность, остался только наблюдателем событий этого времени, ибо он никогда не выступал прямо и открыто против чорбаджийства; организационный центр борьбы в это время был перенесен за границу, в Румынию, и Чинтулов оказался совершенно оторванным от борьбы народа, он не смог выполнить своей собственной программы:

Ний с хайдушки славни чети

Мы с хайдутскими славными
дружинами

Ще отидем във Балкан

Уйдем в горы.

Шаг за шагом он отходил от больших проблем национально-освободительной борьбы, сузил свой горизонт, отдался просветительной, педагогической деятельности. Нестойкость революционных мотивов его поэзии подтверждает буржуазную их природу.

Но его стихи и песни середины 50-х годов сыграли большую идейно-воспитательную роль: Чинтулов был первым поэтом, выразившим идею вооруженной национально-освободительной борьбы. К этому и сводится объективное значение его творчества.

С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ БОЛГАРСКИХ ГОВОРОВ СССР

Первый исследователь болгарских говоров Украины и Молдавской ССР, академик Н. С. Державин, которому принадлежит бесспорная заслуга в деле изучения языка и быта болгарских переселенцев в России, в итоге своей работы пришел к выводу, что наши болгарские говоры не поддаются никакой классификации, которая бы исходила из чисто языковых критериев. Отвечая своему рецензенту, профессору М. Г. Долобко, Н. С. Державин писал: „Дело в том, что в распределении наших болгарских говоров в действительности нет никакой диалектологической системы: это бессистемный конгломерат отдельных разнородных диалектологических ячеек... Как описывать подобные говоры? Конечно, только в порядке их географического распространения по губерниям, по уездам, по волостям“¹.

К такому выводу Н. С. Державин мог прийти только потому, что он не имел возможности обследовать все говоры, ограничившись обстоятельным описанием языка лишь отдельных сел.

Совершенно к другому выводу пришли мы в результате изучения всех 104 болгарских говоров Украины и Молдавской ССР и сохранившихся архивных материалов по болгарской колонизации. Выяснилось, что наши болгарские говоры далеко не „бессистемный конгломерат“. Они принадлежат к определенным диалектным типам, каждый из которых связан с определенным периодом истории болгарского переселения в Россию.*

В данной статье мы излагаем результаты наших наблюдений в этом направлении.

* * *

На территории Советского Союза имеются следующие группы болгарских говоров.

1. Чушмелийская группа. Говоры этой группы принадлежат к шуменскому диалекту. Наиболее ярким представителем ее

¹ „Ответ моему рецензенту“, „Изв. Отд. русск. яз. и словесн.“ (ИОРЯС), XXIII, 2, 1921, стр. 68.

является говор чушмелийцев, жителей большого бессарабского села Криничное (б. Чешма-Варуита). Он в свое время был подробно описан академиком Н. С. Державиным¹. На чушмелийском говоре в прошлом говорили болгары села Бабели. Все болгарское население этого села в 1861 г. ушло в село Кирички (б. Фынтына-Дзинилор), откуда затем вместе с частью местных жителей переселилось в Приазовье (б. Таврическая губерния). Потомки баблинцев в настоящее время живут в селе Палаузовке Осипенковского района Запорожской области УССР, сохраняя, в основном, свой старый чушмелийский говор. К чушмелийской группе относятся говоры болгар, живущих в селах Долинское (б. Анадол) и Червоноармейское (б. Кубей).

Наиболее устойчивым говором этой группы является говор села Криничное, который был нами исследован не только в данном селе. Часть жителей села в 1861 г. ушла в Приазовье. Потомки их живут ныне в селе Богдановке Приазовского района Запорожской области УССР. И здесь чушмелийцы хорошо сохранили свой старый говор. Небольшая часть переселенцев осела в соседнем селе Степановке, где, однако, господствующее положение занимает болгарский говор. Чушмелийский говор здесь сохранился плохо. Современный баблинский говор в ряде случаев представляет следы влияния сливенского диалекта, на котором в Палаузовке говорят так называемые кукери (переселенцы из села Кирички). Хорошо сохранился старый говор в Червоноармейском (Кубей), представляющий, однако, некоторые черты сливенского диалекта. На этом диалекте говорят гагаузы, живущие здесь. В Долинском болгарский язык в настоящее время исчезает, так как почти все местные болгары своим родным языком считают молдавский.

Отдельные семьи шуменцев по разным причинам селились в других селах. Это не прошло бесследно. Так, в селах Нагорное (б. Карагач), Кирички встречаются отдельные особенности шуменского диалекта.

Занимаясь изучением быта и языка жителей Чешмы-Варуиты в 1910 г., академик Н. С. Державин обратил внимание на их исключительную архаичность и изолированность. „В 16 верстах по направлению к юго-западу от г. Болграда расположено здесь болгарское село Чешма-Варуита или Чушмелий. Это село дало мне наиболее полный этнографический материал, настолько полный, что в других селах той же Бессарабской губернии я находил только осколки того быта, какой мною был записан в этом именно селе. Причины такой этнографической устойчивости для данного случая я склонен видеть исключительно в языке. Чушмелийский говор, шуменский по своему происхождению, настолько резко отличается своими фонетическими, морфологическими и лексическими особенностями от всех окрестных болгарских говоров, что чушмелийцы у своих соседей постоянно служат мишенью насмешек“². Наблюдения Державина подтверждаются и нашими наблюдениями 1948 г. Однако объяснение этой архаичности представляется нам совершенно не убедительным. Прежде всего ошибочно утверждение, что чушмелийский говор представлен только в селе Чешма-Варуита. Как мы

¹ Н. С. Державин. Болгарские колонии в России, II, Пгр., 1915, стр. 3—30; тексты стр. 3—17.

² Н. С. Державин. Болгарские колонии в России, I, стр. 49.

видели выше, на нем говорят и в других бессарабских селах, например, в Кубее. Однако никакой особой архаичности в быту кубейцев нет. Консервативность быта чувшмелийцев объясняется экономическими причинами.

Все говоры чувшмелийской группы относятся к *о*-диалекту. Членная форма *о* (*у*) является устойчивой морфологической чертой этих говоров. Лишь в кубейском и баблинском говорах под влиянием сливенского диалекта находим некоторые отступления. Так, в кубейском в безударной позиции употребляется иногда членная форма *а* (*кѡн'а*, *кѣра*). Еще сильнее это влияние обнаруживается в языке баблинцев, где определенные слова всегда будут иметь членную форму *-ѣ* (*а*). Жители сел Чешмы-Варуиты и Богдановки последовательно во всех случаях представляют в своем языке членную форму *о* (*у*). Членная форма *о* в именах прилагательных во всех говорах без исключения выдерживается последовательно.

Данные наших говоров в этом отношении имеют большую ценность для изучения истории шуменского диалекта. Они свидетельствуют, что в начале XIX в. эта черта являлась характерным признаком этого диалекта. Подтверждается это и наблюдениями Милетича конца XIX в. Значительные изменения в употреблении членных форм произошли в XX в. Болгарский диалектолог Г. Попиванов, изучавший шуменские говоры в 30-х годах XX в., указывает на то, что членная форма *о* уступает место форме *ѣ*. „Нужно сказать, что в наши дни в шуменском говоре, который проф. Милетич считал представителем всего *о*-диалекта, потому что в нем сохранились в самом чистом виде древние особенности последнего, членная форма *о* встречается сравнительно редко, так как наряду с ней, а может быть и чаще, встречается членная форма *ѣ* или *а*“¹. Автор объясняет этот процесс влиянием литературного языка, а также влиянием соседних говоров *ѣ*-диалекта. Нам представляется, что основной причиной исчезновения архаических черт шуменского диалекта является влияние балканских говоров. Это подтверждается многими фактами. Об этом же пишет современный диалектолог Стойко Стойков в своем литографированном курсе „Българска диалектология“ (София, 1949, стр. 49).

В свое время по поводу произношения *ѣ* в шуменском диалекте велись большие споры. Милетич указал, что классификация восточных говоров по произношению *ѣ* противоречит диалектологическим данным, так как в шуменских селах под ударением перед мягким согласным представлено открытое широкое *ä*, а не *е*². Цонев полагал, что эта особенность шуменского диалекта, наряду с целым рядом других, южного происхождения. Наблюдения Попиванова показывают, что в отношении произношения *ѣ* шуменский диалект не представляет единства. Здесь мы находим под ударением перед твердым согласным всегда *а*. Что же касается положения перед мягким согласным, то в одних селах находим *а*, в других — *ä*³.

В наших говорах чувшмелийской группы *ѣ* под ударением всегда произносится как *'а*. Это подтверждается наблюдениями Державина

¹ Г. Попиванов. Особенности на шуменския говор, „Сборник на българската академия на науките“, кн. XXXIV, София, 1940, стр. 359.

² Л. Милетич. „Das Ostbulgarische“, Wien, 1903, стр. 78.

³ Г. Попиванов. Указ. соч., стр. 338—339.

над говором Чешмы-Варуиты. Это же подтверждается нашими наблюдениями во всех селах шуменского происхождения; *ä* отмечено Державиным только в безударном положении. Нами зафиксировано *ä* под ударением в селах Чешме-Варуите, Богдановке и Кубее в слове *ръцä* (Державин для Чешмы-Варуиты фиксирует форму *ръцäт'ä*).

Существенные отклонения в произношении *е* отмечены в кубейском говоре, в котором под воздействием соседнего сливенского говора находим *нидэл'а, време, семе, напрăвети, турети*. Интересно отметить, что влияние сливенского говора сказалось здесь лишь в тех словах, которые в северо-восточных говорах не представляют чередований *а | е*. В том же кубейском говоре мы всегда обнаружим *см'ах* — *см'ашен, л'ату* — *л'атен, б'ал* — *б'али* и др. В данном случае сливенские формы *смешен, летен, бели* не вытеснили исконные формы. Аналогичное явление мы наблюдаем в селе Надеждине Приазовского района Запорожской области и в селе Шоп-Тараклия Молдавской ССР. Вообще, в тех говорах, где при столкновении северного и южного типа произношения *ѣ* побеждает северный тип, вытеснение звука *'а* идет прежде всего в тех словах, где это произношение не поддерживается аналогией.

В соответствии с характером произношения *ѣ* в чушмелийских говорах обычно будет отсутствовать чередование *а | е* после мягких согласных. Здесь мы всегда найдем *жаби, чаши, шапки*. Однако находим некоторые следы чередований: *Стојан* — *Стојене*. Всегда найдем *уфчери*. Но здесь мы имеем дело с особым случаем, так как в ед. ч. будет *уфчёр, а* не *уфчър* (ср. аналогичные явления в других говорах со словом *чеша* — *чеши*). Материал Попиванова дает основание предполагать, что непоследовательность в произношении *а* после мягких согласных характеризовала язык предков наших чушмелийцев еще в Болгарии.

Л. Милетич обратил внимание на то, что в шуменском диалекте звук *ѣ* под ударением в твердом слогe имеет особое произношение. Милетич его определяет как „starkdumpfer“. Этот звук мы наблюдали вслед за Державиным в селе Чешма-Варуита и также в селе Богдановке. В других селах чушмелийской группы мы его не слышали. В кубейском, баблинском и анадольском говорах зафиксирован обычный *ѣ*, отличный от чушмелийского. Следует, однако, отметить, что шуменский *ѣ* встречается в некоторых наших говорах, не относящихся к чушмелийской группе (например, в говорах сел Главан, Кирсово, Чийшия и Шоп-Тараклия). Державин пишет: „Эту гласную я наблюдал в нашем шуменском чушмелийском говоре в Бессарабской губернии и в его колониях: села Богдановка и Степановка в Бердянском уезде Таврической губернии“¹. Наши наблюдения в отношении села Степановки не подтверждают этого.

В говорах чушмелийской группы представлена редукция безударных гласных.

В этих говорах наблюдаются многочисленные случаи лабиализации гласного *и* после губных согласных и шипящих (*пүле, пуй, жуф, жувеет, шурок*). Безударное этимологическое *е* лабиализуется непоследовательно: *жил'азу* — *жул'азу, чиреши* — *чуреши, чил'ак* — *чул'ак* и т. п.

¹ Н. С. Державин. Болгарские колонии в России, II, стр. 385.

Исследователи шуменских говоров отмечают сохранение гласного **ы**¹. В наших говорах чушмелийской группы никаких следов старогоры **ы** нет. На месте **ы** всегда находим **и**.

Для говоров этой группы характерно произношение **ъ** перед плавным (*върх, въл'к, върба, сърце, фъртам, зърну, бързам и бърз*).

В области согласных следует отметить:

1. Произношение *върл'ам* (*хвърл'ам*), *вл'азам*, характерное, главным образом, для говоров этой группы.

2. **Ѹ** или **в** на месте **х** в конце слова и в интервокальном положении: *купиѸ, сѸѸ, глѸѸ, б'аѸа, б'аѸа*.

3. Отсутствие аффрикаты **дз**: *вързѸвам, назѸт* и т. п. В кубейском говоре аффриката **дз** проникла из соседнего сливенского диалекта.

4. Для говоров чушмелийской группы характерна мягкость конечных согласных: *кон', зет', ден', пѸт', длугар'* и др.

Из специфических особенностей ударения отметим корневое ударение в словах среднего рода — *с'ану, момче, сърце, мѸсу, д'ате* и др.

Из морфологических особенностей говора интересны следующие:

1. Слова женского рода на **а** с ударением на флексии, как правило, имеют окончание **ъ**: *удъ, байлъ, брадъ*. С этой особенностью тесно связано произношение флексии глаголов 1 л. ед. числа настоящего времени, где мы также найдем **ъ**: *перъ, предъ*. Слова женского рода на **а** после мягкого согласного под ударением представляют **и**: *земѸ*. Это явление встречается только в говорах чушмелийской группы (последовательно в говоре Чешмы-Варуиты).

При образовании мн. ч. основ. на **а** часто встречаем окончание **е** в безударном положении: *бѸце, чирѸшѸ, мѸнѸце*. Державин отмечает формы — *гхрѸн'а, зв'аѸд'а* (стр. 15). Окончание **е** находим иногда во мн. ч. слов мужского рода: *чурѸпе, прѸсте*.

Своеобразные формы встречаем в области местоимений. Общая форма от местоимения *аз* — *мѸн'а*; краткая форма винительного падежа 3-го л. ед. ч. ср. р. — *и*. Эти формы нигде, кроме говоров чушмелийской группы, не были отмечены.

В кубейском и анадольском говорах находим редкую глагольную форму *сим* (*ниѸ сим*). В Чешме-Варуите, Богдановке и Палаузовке всегда будет *ниѸ сим*.

Говоры чушмелийской группы резко отличаются от всех других болгарских говоров Советского Союза своей лексикой. Отметим наиболее характерные случаи.

СтракиѸна — в других говорах *ивѸч*. В словаре шуменского говора Попиванова отмечена *стракиѸна*. С таким же ударением слово показано у Цонева. Цонев же указывает, что это характерное шуменское слово известно также и в Родопах².

ЛѸтѸ дѸш вместо обычного *валѸ дѸш* — характерное выражение для шуменских говоров. Кроме чушмелийских говоров, оно было обнаружено нами в говоре с. Нагорное (б. Карагач) и в приазовских селах — Перво-Николаевке, Ановке и Петровке, населенных болгарями из Карагача. Карагачский говор принадлежит к другому типу говоров (чийшийскому), где данное выражение не встречается. Очевидно, оно

¹ „Das Ostbulgarische“, стр. 174—175.

² Б. Цонев. История на българский език, III, София, 1937, стр. 238.

было занесено сюда переселенцами из Анадола еще до переселения болгар в Приазовье. Профессор Цонев и это шуменское выражение сопоставляет с таким же выражением в Родопах¹.

Шуменское *длег* отмечено во всех наших чувшемелийских говорах. Это слово Цонев сопоставляет с родопским *дл'ог*. Нужно заметить, что слово *длег* мы находим в архаическом говоре села Новосельское (б. Сатуново), который является по происхождению восточнородопским. Державин отмечает наличие слова *длег* в другом восточнородопском говоре — кишлавском².

Характерными шуменскими словами в наших чувшемелийских говорах являются: *ат'ил* — одеяло, *л'ванца* — соломенная подушка, *амфорна пеш* — летняя печь, *бу'ил'ка* — вилка, *у'бил* — колодец, *надж'ак* — топор, *при'ен'* — пила, *чулб'ри* — вожжи, *ж'ерка* — мельница, *ме'уница* — кокон, *бирин'джук* — шелковая нить, *з'ел'ник* — слоеный творожный пирог, *з'оре*, *з'орна* — утро и др. Эти слова в данном значении в других говорах не встречаются.

Кроме этих слов, встречающихся у нас только в говорах чувшемелийской группы, следует указать на ряд слов, которые известны также и некоторым другим говорам. Это слова: *тал'ига* — телега, *про'зорец* — окно, *тишт'е* — шелковичный червь, *ја'года* — шелковица, *лиц'а* — щеки, *тип'ци* — медная сковорода, *граш* — загон для скота во дворе, *чикил'ек* — кукурузный стебель, *к'отел* — медное ведро, (*бл'к'ер*) и др.

Совершенно неосновательно Цонев считает, что *чузд* в шуменских говорах — южного происхождения. Эта форма характерна для всех болгарских говоров, представленных на территории Советского Союза.

Милегич указывает, что в съртских селах Шуменской области говорят *н'ш*: *ле'ка ви н'ш*. Он указывает также, что подобное произношение известно во фракийских говорах³. В шуменских говорах Советского Союза это произношение не отмечено. Всюду будет *нош*. В наших фракийских говорах *н'ш* тоже не встречается за исключением старотраянского говора. Отмечена эта форма в восточно-родопском говоре села Сатунова.

Произношение *н'ш* является характерным признаком другой большой группы северо-восточных болгарских говоров, названной нами *чийшейской*.

II. Чийшейская группа. Говоры этой группы принадлежат к одному из северо-восточных диалектов Болгарии. Точно определить территорию этого диалекта пока не представляется возможным, так как до сих пор отсутствуют какие-либо диалектологические описания областей к северо-востоку от шуменского диалекта. Наиболее ярким представителем этой группы является говор села Огородного (б. Чийшия) Нововивановского района Измаильской области УССР. К этой группе говоров относятся говоры сел: Нагорное (б. Карагач), Владичены (б. Импуцита), Каменка (б. Таш-Бунар), Бановка, Калчевка, основной говор Шоп-Тараклии, говор болгар г. Измаила. Носители чийшейских говоров были также в городе Болграде (жители туканской махалы), в с. Новосельское (б. Сатуново) и в с. Парканы. Однако в этих насе-

¹ Б. Цонев. История на български език, III, София, 1937, стр. 238.

² Н. С. Державин. Болгарские колонии в России, II, стр. 212.

³ „Das Ostbulgarische“, стр. 82.

ленных пунктах чийшийский говор подвергся сильному влиянию других говоров, так как здесь в результате взаимодействия различных диалектов образовались смешанные говоры. Может быть, в прошлом представители чийшийских говоров были и в других местах. В результате массового болгарского переселения после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. большую роль начали играть сливенские и южные говоры, полностью или частично ассимилировавшие в некоторых местах старый чийшийский говор. Отдельные особенности чийшийских говоров мы находим в селах Виноградное (б. Курчи), Жовтнево (б. Каракурт), Новый Траян, Богатое (Долукёй), Задунаевка, Вале-Перже.

Чийшийские говоры находим в ряде сел Приазовья (Преслав, Инзовка, Бановка, Мариновка, Зеленевка, Манойловка, Петровка, Перво-Николаевка и Ановка). Здесь эти говоры хорошо сохранились и занимают господствующее положение. Большую роль в этом сыграл Преслав, долгое время являвшийся культурным центром приазовских болгар. В отличие от этого в Бессарабии чийшийские говоры такой роли не играют, так как здесь доминируют сливенские, на одном из которых говорит большая часть населения г. Болграда.

Все чийшийские говоры имеют членную форму α (ъ). Этим они прежде всего и отличаются от говоров чушмелийской группы и убедительно свидетельствуют против классификации восточно-болгарских говоров по признаку членной формы.

В говорах этой группы представлен северо-восточный тип произношения \acute{e} : под ударением перед твердым согласным — 'а, перед мягким и в конце слова — е (*мл'ако — мл'ачна, л'ату — л'етен, нед'ел'а, време, направ'ети, дубр'е, дв'е*). Чередование а — е находим также на месте а и в положении после мягких согласных и шипящих (*жаба — жеби, п'јан — п'јени, шапка — шепки*).

С чушмелийскими говорами чийшийские объединяет произношение слов жен. рода на ъ и глаголов настоящего времени 1 л. ед. ч. под ударением: *удъ, главъ, предъ, перъ*.

В отдельных чийшийских говорах (Чийшия, Шоп-Тараклия) нами зафиксирован т. н. шуменский ъ.

В некоторых чийшийских говорах, как и в чушмелийских, отмечена мягкость конечных согласных (ташбунарский говор, бановский и говор Импуциты).

Однако различия между чийшийскими и чушмелийскими говорами значительно глубже, чем сходство между ними.

Кроме членной формы и произношения \acute{e} , укажем следующие:

1. Во всех чийшийских говорах находим следы среднеболгарской мены юсов в словах: *жътва, шъпа, шътам* (у чушмелийцев *шепа, шетам*).

2. Более сильная редукция безударных гласных, чем в чушмелийских говорах.

3. Большие различия наблюдаются в области консонантизма:

а) Произношение *фър'ам, фл'аза*.

б) Утрата ж в интервокальном положении или замена его ј: *снаа, дреи, баа* или *б'аја*. В конце слова ж сохраняется в глаголах и существительных; в прилагательных по говорам — непоследовательно: *б'ах, к'упих, см'ах, мух (луф), сух (суф)*.

В начале слова, в отличие от чушмелийских говоров, ж последовательно отсутствует (*убаф, бра*).

в) Последовательно употребляется аффриката *дз*.

г) В отличие от чувшмелейских говоров, представляющих ассимиляцию в группах согласных (*пáнна, глáнна*), в чийшийских говорах всегда находим *гáдна, пáдна*.

4. Из морфологических черт следует указать частицу будущего времени *жъ* в отличие от чувшмелейской *ше* и форму указательного местоимения *тоо* в противоположность чувшмелейскому *тоз*.

5. Все специфические чувшмелейские особенности в области лексики говорам чийшийской группы неизвестны. В этом отношении эти две группы говоров резко отличаются друг от друга.

Из характерных лексических особенностей чийшийской группы, неизвестных другим болгарским говорам Советского Союза, укажем следующие: *бузи* — щеки, *кълвун* — клюв, *ирмък* — ремень, *кутле* — мизинец, *күтел* — ступа, *пипон* — дыня, *тербуи* — вожжи и др.

Материал наших чувшмелейских и чийшийских говоров показывает, что болгарские мизийские говоры не представляют какого-либо устойчивого диалектного единства. Вопреки мнению Милетича шуменский диалект, один из характерных диалектов этого района, не может характеризовать всех мизийских говоров. Это необходимо подчеркнуть, так как даже в последних диалектологических работах повторяется эта ошибка Милетича. Так, характеризуя мизийские говоры, Стойко Стойков ограничивается лишь шуменским говором, указывая, однако, что „говоры северо-восточной Болгарии систематически и подробно еще не изучены, в связи с чем наше представление о них не полное. Вообще мы мало знаем говоры на север от Балканских гор и в Добрудже“¹.

Мизийские говоры испытывали и продолжают испытывать интенсивное влияние со стороны балканских говоров. Этот процесс отмечается многими современными болгарскими диалектологами. Наши чийшийские говоры резко отличаются от балканских говоров и, несомненно, характеризуют один из старых мизийских диалектов, который в самой Болгарии, может быть, не сохранился в своем старом виде.

III. Олышанская группа. Говор этой группы, смешанный по своему составу, характеризует один из северо-восточных говоров *о*-диалекта. Предки олышанских болгар переселились из села Алфатар, расположенного к югу от Силистры. Этот говор на территории Советского Союза находим в селах Олышанке, Добре, Малой Мазнице и Станковате Олышанского района Кировоградской (ныне Одесской) области УССР.

В отличие от говоров чийшийской группы олышанский говор по признаку членной формы объединяется с шуменским диалектом. Однако и олышанский говор указывает на то, что членная форма не может служить классификационным признаком, так как по всем другим важнейшим конститутивным признакам олышанские и шуменские говоры представляют существенные различия.

Из наиболее характерных фонетических черт олышанского говора укажем следующие.

Ъ под ударением здесь произносится как **ä**: *зäп, mäш, кäшта*. Это отличает олышанский говор как от чувшмелейских, так и от чийшийских говоров и свидетельствует, что на месте **ъ** говоры *о*-диалекта

¹ С. Стойков. Българска диалектология, София, 1949, стр 50.

не представляют какого-либо единства. Этот тип произношения *ѣ* отмечается Милетичем в некоторых балканских говорах (тетевенском и еркечском). Ольшанский говор имеет и другие черты, сближающие его с балканскими говорами.

Произношение *ѣ* в ольшанском говоре отличается от шумелийского, представляя северо-восточный тип чередования *а—е*. Однако в отличие от чийшейской группы, в ольшанском говоре находим *а* под ударением в конце слова (*дв'а, дубр'а*). Этот тип произношения *ѣ* характерен для южнобалканских (сливенских) говоров. В настоящее время в селе Алфатар живут сливенские переселенцы из села Михайлово (Черкешли). Указанная выше фонетическая особенность дает основание предполагать, что уже старый алфатарский говор испытал влияние сливенского диалекта.

Можно указать отдельные особенности, которые объединяют чушмелийские, чийшейские и ольшанские говоры. Их немного. Это — мягкость конечных согласных (*кон', дѣн', пат', пирон'*) и *ѣ* в окончаниях слов женского рода и глаголов 1 л. ед. ч. настоящего времени в положении под ударением (*иднѣ, вудѣ, мумѣ*). Общим с чийшейским является наличие аффрикаты *дз* и некоторые другие черты.

В лексике ольшанского говора мы находим много своеобразных черт. Ряд слов встречается только в ольшанском говоре. Некоторые широко известные слова часто в ольшанском говоре имеют особое значение. Укажем важнейшие характерные лексические особенности: *ѣлаби* — кукуруза, *кѣс* — мясо, *штѣне* — ребенок, *сѣшт* — хороший, настоящий, *рѣца* — утка, *вѣтла* — ленивый, *лѣцки* — чужой, *макѣ* — скот и др.

Материалы ольшанского, чийшейских и чушмелийских говоров Советского Союза свидетельствуют о том, что мизийские говоры Болгарии уже во второй половине XVIII в. и начале XIX в. не представляли единства: здесь были говоры *о*-диалекта и *ѣ*-диалекта. Говоры *о*-диалекта, объединенные единым признаком членной формы, часто расходились в других существенных чертах.

Классифицировать восточноболгарские говоры по признаку членной формы нельзя еще потому, что к *о*-диалекту относятся многие типично балканские говоры. Имеются такие говоры и на территории Советского Союза. Таковы говоры сел Кирсова, Задунаевки, Купорани, Бургуджи, Ново-Ивановки.

IV. На территории Советского Союза представлена большая группа говоров балканского типа, главным образом, говоры южнобалканские. Эти говоры не представляют полного единства. Однако можно указать ряд черт, которые их объединяют. Некоторые из этих черт известны и в других группах говоров (например, в чийшейской, чушмелийской и южной группах):

1. Северо-восточный тип произношения *ѣ*. Однако судьба *ѣ* под ударением в конце слова в этих говорах не одинакова.

2. Чередование *а—е* после шипящих и мягких согласных (исключение — говоры Задунаевки, Ново-Ивановки, частично Главани).

3. Сильная редукция безударных гласных.

4. Отсутствие следов среднеболгарской мены юсов в словах *жѣтва, шѣпа, шѣтам*.

5. Большинство говоров не знает лабиализации *е* в слове *жел'áзо*, некоторые из них — в слове *чел'ák*, последовательную лабиализацию находим в словах *жуф*, *жувéет*.

6. Произношение *фл'áзам*, *фърл'ам* во всех говорах за исключением говоров Бургуджи, Пандаклии и Голицы, где отмечено произношение *върл'ам*, *ул'áзам*.

Большинству говоров этой группы свойственно также произношение *фътри*. Исключения составляют, главным образом, говоры болгарской группы.

7. Произношение *йол*, *ол*. Исключение — говоры болгарской группы.

8. Наличие аффрикаты *дз*. Исключение — Твардица и некоторые смешанные говоры.

9. Сохранение *ж* в начале слова. В интервокальном положении представлено *ж* или *ј*. В некоторых говорах встречаются отклонения, главным образом, в глагольных формах (*б'áа*).

10. Ассимиляция групп согласных *дн* и *бн* (*пáнна*, *дрéмни*). Исключения, главным образом, — в говорах болгарской группы.

11. Произношение *дблак*.

12. Произношение *вълк*, встречающееся только в балканских говорах.

13. Произношение *чилá* (вм. *пчелá*).

14. Произношение *църúли* (вм. *цървúли*).

15. Произношение *мéхиц*, *нóхче* (вм. *мéсиц*, *нóшче*), известное, главным образом, в балканских говорах.

16. Произношение *дивиндисе*, широко распространенное в балканских говорах.

17. *á* в окончаниях слов женского рода и глаголах настоящего времени 1 л. ед. ч. Исключения — говоры Кирсова, Главани и некоторые смешанные говоры.

18. Указательное местоимение *тоз*. Форма *тоо* характерна лишь для говоров Главани, Ново-Ивановки и Бургуджи. Встречается также наряду с формой *тоз* в некоторых смешанных говорах.

19. Вспомогательный глагол 1 л. мн. ч. — *сни*.

20. Частица будущего времени *шь*. В некоторых говорах наряду с ней употребляется частица *жь*.

Встречающиеся по говорам отклонения от указанных форм связаны большей частью с влиянием других говоров.

Лексические особенности: *хуртúвам* — говорить (в чийшийской группе — *гал'чá*), *старнú* — щеки, *джúни* — губы, *мантава* — плащ (в некоторых говорах встречаются слова *фёрджа* и *ямурлúk*, общие с чийшийскими и чувшмелийскими), *джам* — стекло, *чúтора* — ступа и некоторые др.

Л. Милетич все балканские говоры включал в группу *ъ*-диалекта. На членную форму *ът* или *ъ* указывает и Стойко Стойков, как на общую характерную форму всех балканских говоров¹. С этим утверждением болгарских диалектологов согласиться трудно. Действительно, большинство балканских говоров характеризуется этим признаком. Однако имеются балканские говоры, в которых находим членную форму *о*. Это некоторые восточнобалканские говоры. На территории

¹ С. Стойков. Българска диалектология, стр. 52.

Советского Союза подобные говоры (балканские говоры о-диалекта) находим в селах Кирсове, Задунаевке, Ново-Ивановке, Купорани и Бургудже. Остальные наши говоры балканского типа принадлежат к ъ-диалекту.

Ни один из балканских говоров о-диалекта не описан в работе академика Н. С. Державина.

Балканские говоры о-диалекта не представляют какого-либо устойчивого единства по другим признакам.

а) Кирсовский говор имеет ряд черт, объединяющих его с шуменскими говорами: членная форма, тип произношения ъ под ударением, мягкость конечных согласных, форма аориста—*оx*, в других балканских говорах *ѣx*, некоторые лексические черты (*ямурлук*) и др.

Как и в большинстве балканских говоров Болгарии, здесь находим *е* на месте *ѣ* не только под ударением перед мягким согласным, но и в конце слова.

Произношение ъ — под ударением в словах женского рода и глаголах 1 л. ед. ч. настоящего времени.

б) Задунаевский говор от балканских говоров Советского Союза отличается следующими чертами.

При господствующем в говоре северо-восточном типе произношения *ѣ* здесь отсутствует чередование *а* — *е* после мягких согласных и шипящих, утраता *ж* в начале слова и в интервокальном положении, произношение ъ после плавного — *зрѣно* (обычно в балканских говорах находим *зѣрно*).

От кирсовского говора (также балканского с членной формой *о*) задунаевский говор отличается еще рядом черт: твердостью конечных согласных, обычным ъ под ударением, произношением *а* в словах женского рода и глагольных формах, формой аориста на *ѣx* (*рѣкѣx*, *јадѣx*), различиями в месте ударения в формах множественного числа, в произношении ряда слов (*ухѣ*, кирсовск. — *ушѣ*; *вѣче*, кирсовск. — *вѣке*; *нѣще*, кирсовск. — *нѣхче* и др.). Глубоки различия в лексике:

Задунаевка

гълчѣ — говорить
убицѣ — серги
пат — лежанка
тѣсма — ремень
ѣцуви — вожжи
аѣл — загон для скота во дворе
фитирѣя — грядка
каѣн — дыня
карпѣза — арбуз
папшѣј — кукуруза
чернѣца — шелковица
пашкѣл — кокон
кѣнче — жеребенок
сѣрмѣ — голубцы
удѣбра — творог

Кирсов

хуртѣвам
минѣши
ѣдѣр
каѣш
терѣи
укѣл
уджѣк
пѣпиш
дѣня
мамѣл
сикѣменца
пѣпка
кулѣнце
галѣшки
ишумѣк

и др.

в) Новоивановский говор, близкий к задунаевскому, в отличие от последнего претерпел большие изменения на территории Бессарабии.

Старая членная форма *о* в настоящее время сохраняется лишь в формах прилагательных. В отличие от Задунаевки менее последовательно выдерживается произношение *а* после шипящих и мягких согласных перед мягкими согласными. Не последовательно выдерживается аффриката *дз*. В говоре находим произношение *чул'ák, жул'áзу* в отличие от задунаевского *чил'ák, жил'áзу*; как и в Кирсове, сохраняется *ж* в интервокальном положении и менее последовательно в начале слова. Указательные местоимения *тоо* в отличие от кирсовского и задунаевского *тоз*. Лексика новоивановского говора очень близка лексике задунаевского говора и сильно отличается от кирсовского.

г) Особое место среди балканских говоров *о*-диалекта занимает купораньский говор, существенно отличающийся от перечисленных выше и сближающийся во многом с говорами сливенского диалекта. Село Купорань находится в непосредственном окружении сливенских сел. Однако сливенские черты этого говора мы не можем считать здесь заимствованными, так как купораньский говор является цельным, не смешанным и имеет очень мало вариантов. В купоранском говоре мы находим *а* под ударением в конце слова на месте *ё*, мягкость конечных согласных. Последовательно сохраняется аффриката *дз*; изменения в группах согласных (*пáнна, глáнна, дрéмни*); произношение *дивиндисé* и др.

Лексический состав купораньского говора очень сложный и указывает на различные связи этого говора с другими. Имеется ряд слов общих у купораньского и кирсовского говоров, которые отсутствуют в других балканских говорах *о*-диалекта. Это *кúnжел, пат, кáйш, уджák, галúшки*. Есть, однако, и такие слова, которые отсутствуют в кирсовском говоре и имеются в новоивановском или задунаевском говорах: *рáменче, глáвница* (в кирсовском говоре — *възглáвница*), *кóнче*.

Ряд слов, отсутствующих в других говорах балканского *о*-диалекта, связывают купораньский говор со сливенскими говорами: *канóфка* — ведро, *кóрен* — кукурузный стебель, *мамúл* — кукуруза, *куйру́к* — хвост.

д) Бургуджский говор очень близок к купораньскому. Он содержит, однако, меньше особенностей сливенского говора. Интересна лексика бургуджского говора, вскрывающая разнообразные связи этого говора с другими говорами. Имеется ряд слов, объединяющих бургуджский говор с купораньским и кирсовским: *пéпиш* — дыня, *карпúза* — арбуз, *ишумíк* — творог, *агъл* — загон для скота, *менгúши* — серьги.

Слова, объединяющие бургуджский и купораньский говоры в противоположность другим говорам балканского *о*-диалекта: *клáденец* — колодезь, *прéчка* — кнутовище, *кълтърмí* — вожжи, *шапрóн* — открытый сарай. Ряд слов отличает бургуджский говор от купораньского:

Бургуджа

крúтка — меховая безрукавка
бítену — лежанка
синúа — низкий обеденный стол
тъсмá — ремень
пéнджур — окно
казáн — ведро
гнездó — грядка
мамúл — кукуруза

Купорань

рáменче
пат
суфра
кáйш
джам
канóфка
уджák
папúшóј

<i>куча́н</i> — стебель кукурузы	<i>ко́рен</i>
<i>сърми́</i> — голубцы	<i>гала́шки</i>
<i>чулу́дѣц</i> — студень	<i>пѣча́</i>

Таким образом, балканские говоры 0-диалекта чрезвычайно разнообразны по своему составу и не представляют какого-то внутреннего единства.

Балканские говоры ъ-диалекта. Как нами отмечалось выше, эта группа охватывает значительную часть балканских говоров.

а) К чумленско-твардицкой группе нужно отнести говоры следующих сел: Твардица, Кирютня, Калинчак, Чумлен, Дюльмен, Ново-Покровка, Тропоклу, Гасан-Батыр, Делжилер, Кирнички и Пандаклия. Сюда же следует отнести говоры сел: Голица, Девлет-Агач, Вале-Перже, Комрат. Однако говоры этих сел испытали сильное влияние со стороны южных болгарских говоров и в настоящее время являются говорами, сильно смешанными.

Говоры чумленско-твардицкой группы являются говорами сливенского типа. Среди них выделяются рядом индивидуальных особенностей говоры сел Твардицы, Кирютни и архаический говор села Калинчака (села Ботево и Строгановка), говоры западносливенские. Современный говор Калинчака испытал сильное влияние со стороны болгарского говора.

Индивидуальные особенности твардицкой подгруппы могут совпадать во всех трех говорах или в двух из них, выделяя их среди других сливенских говоров. Это, главным образом, лексика и произношение отдельных слов: *папу́р* (в чумленских говорах *папѣшой*), *пос* (в чумленских говорах — *калпак*, иногда *шапка*), *талы́га* (в чумленских — *карыца*), *паралы́жа* (в чумленских — *суфра́*), *попиш* (в чумленских — *каун*), *фито́к* (в большинстве чумленских — *мисыр*), *цикари́ди* (в чумленских — *джумерки*), *жамурлук* (в чумленских — *мантава*, *ферджа*) и других слов. Есть особенности в произношении ряда слов: *стѣкло* (в чумленских — *цѣкло*), *лѣсно* (в чумленских — *дѣсно*), *вѣтри* (в чумленских — *фѣтри*), *фти́че* (в чумленских — *шти́че* или *сти́че*) и другие. Из морфологических особенностей укажем мн. ч. *рѣце́* (в чумленских — *рѣци*), глагол *тѣка́* (в ряде чумленских — *тѣча́*) и др.

Многими индивидуальными чертами отмечен говор Твардицы, исследованный Н. В. Котовой¹. Здесь мы найдем аористное окончание *ох*, глагольные формы *п'ам*, *л'ам*, *см'ам*, *не́мам*, *не́ма*, конечное ударение в слове *млечна́*, последовательное отсутствие аффрикаты *дж* (*жоп*, *жам*, *чорбажи́*) и др.

Говоры чумленской подгруппы, вероятно, относятся к южносливенским говорам. Эти говоры наиболее полно представляют особенности, характеризующие балканские говоры Советского Союза (см. выше).

б) К болгарской группе нужно отнести говоры Болграда, Курчи, Каракурта, Табаки, северного Кубея, северного Вайсала и современный говор Калинчака. По некоторым признакам к этой группе относится и современный говор Долукѣя. В отличие от рассмотренных нами групп, говоры болгарской группы не представляют исконого единства: оно сформировалось здесь, в Бессарабии, в связи с той ролью,

¹ «Язык села Твардицы МССР (К истории сливенского диалекта)», Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. II, 1950, стр. 291.

которую, начиная с 1823 г., играл г. Болград в экономической и культурной жизни болгарских сел. Этот тип сложился в результате взаимодействия сливенского говора Болграда и ряда местных туканских (чийшийских) говоров. В туканской махале Болграда, в селах Курчи, Каракурт и, может быть, Табаки старый чийшийский говор утратил многие свои исконные черты, и в настоящее время говоры этих сел можно отнести к балканскому типу. Некоторые черты туканских говоров были усвоены всеми говорами этой группы¹. Особое место среди балканских говоров Советского Союза занимает говор села Главан. От других говоров балканского ъ-диалекта он отличается рядом черт, сближающих его с шуменскими и южными говорами: ъ под ударением; окончание ъ в глагольных формах 1 л. ед. ч. — *перъ, предъ*; произношение глагола *бѣд'а* (1 л. ед. ч. настоящего вр.) с мягким д. Эти черты сближают главанский говор с шуменскими. При северо-восточном типе произношения *ѣ*, господствующем в говоре, в нем наблюдаются, однако, некоторые следы южного произношения (*н'ашту* и последовательное чередование *а—е* в положении после шипящих и *ј: жѣба—жѣби*, но *Стојан—Стојане, фчар—фчѣри, шѣпка—шѣпки*). В конце слова последовательно во всех случаях на месте *ѣ* находим *'а* (*дубр'а, дв'а, кулен'а*). Встречаем в говоре отдельные черты, указывающие на связь его с южным, старотраянским говором; например, произношение: *шѣпа, нѣш, мѣми*, указательное местоимение *тоо, таа* и некоторые другие черты.

V. Фракийская группа говоров. Эти говоры обнаружены на территории Советского Союза в следующих селах: Вайсал, Дяновка, Суворово, Новый Карагач, Кулевча, Кот-Китай, Селиоглу, Старый Траян, Траяны, Андровка, Еникѣй, Коларовка, Вячеславовка, Лоциновка, Радоловка, Гюневка, Бакалово, Катаржино, Терновка, Благоево, Свердлово, Кубанка. Кроме этого, переселенцы из Фракии были в селах Шоп-Тараклия, Вале-Перже, Новый Траян и Парканы. Однако здесь фракийские говоры по разным причинам полностью не удержались. Сильно изменился фракийский говор и в современном Еникѣе под воздействием северо-восточных говоров.

Фракийские говоры, так же как и балканские, не знают полного единства. Можно указать лишь некоторые черты, характерные для всех этих говоров. Наиболее яркими являются ударение в формах повелительного наклонения на начальном слоге и последовательное произношение ъ после плавного. Только во фракийских говорах мы находим формы причастий *душлѣ, билѣ*, глагольную форму *бих*, числительное *идѣн*, а также ряд лексических особенностей: *штѣрка* — дочь, *дѣдала* — шелковица, *джубрѣнки* — шкварки, *пашмѣл* — кокон шелковичного червя и некоторые другие.

Среди фракийских говоров выделяются говоры одесской группы. Сюда относятся говоры сел: Благоево, Кубанка, Свердлово, Сталино (Катаржино), Бакалово и Терновка. На одном из говоров этой группы говорили основатели села Парканы. Жители этих сел являются потомками переселенцев из адрианопольских сел Бюйюк-Буялык, Кючук-Буялык и др.

¹ Подробнее см. в статье Е. В. Чешко: Итоги второй диалектологической экспедиции в болгарские села Измаильской области УССР летом 1949 г., «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», вып. I, М., 1951.

На месте старого **е** в этих говорах находим **а** под ударением во всех позициях. Соответственно с этим **а** после шипящих и **ј** перед мягкими согласными не переходит в **е**. В Парканах юго-восточный тип произношения **ѐ** последовательно не выдерживается. Менее значительно влияние северо-восточных говоров отразилось в селе Сталино. Отличие в произношении **ѐ** находим в Терновке, где **ѐ** > **ă**.

В полном соответствии с данными восточнофракийской диалектологии в этих говорах находим членную форму мужского рода ед. числа — **о**. Последовательно она представлена в селах: Сталино, Бакалово, Кубанка, Свердлово и Терновка. В Парканах под воздействием чийшийского говора членная форма **о** заменена формой **ъ**. Форма **ъ** характеризует также благоевский говор, очень близкий к соседнему кубанскому говору. Происхождение этой формы здесь неясно.

Признаком, резко выделяющим говоры этой группы среди всех болгарских говоров Советского Союза, является форма будущего времени **ке**. Лишь в Парканах и Сталино, наряду с формой **ке**, употребляется чийшийская форма **жъ**, которая в Сталино встречается только в речи стариков.

Фракийские говоры Измаильской области характеризуются большей дифференциацией. По произношению **ѐ** здесь можно выделить говоры Суворова и Вайсала, где, как и в Терновке, всегда под ударением будет **ă**. В Кот-Китае наблюдаем чередование **а** — **ă**; в остальных бесарабских говорах на месте **е** под ударением всегда находим звук **а**. Таким образом, во всех фракийских говорах, представленных на территории Советского Союза, наблюдается юго-восточный тип произношения **ѐ**. В работе болгарского диалектолога Х. Кодова, посвященной описанию языка фракийских переселенцев на территории Болгарии, отмечается ряд говоров с северо-восточным типом **ѐ**¹. Таких говоров у нас нет.

Как и в говорах одесской группы, во фракийских говорах Измаильской области находим членную форму **о**-диалекта. В современном лоциновском говоре членная форма **о** почти вытеснена формой **ъ** под влиянием сатуновского говора. Лишь в Кот-Китае последовательно употребляется членная форма **ъ**, которая, может быть, является исконной.

Эти говоры различаются формой будущего времени. В говорах сел Суворова, Кот-Китая, Селиоглу, Еникея, Старого Траяна, Лоциновки представлена частица будущего времени **жъ**, что объединяет их с чийшийской группой. В других селах (Вайсал, Кулевча, Новый Карагач) находим форму **шъ**, характерную для балканских говоров. Форму **жъ** фракийского происхождения наблюдаем в Вале-Перже, Новом Траяне и в некоторых других смешанных говорах. Рядом черт фракийские говоры объединяются с говорами чийшийской и балканской групп.

Старотраянский говор, хорошо сохранившийся в приазовских селах Траяны и в Андровка, имеет некоторое своеобразие. В свое время в Старый Траян пришли две группы болгар, говорившие на двух различных фракийских говорах. Один говор, представленный в настоящее время в Приазовском селе Траяны, близок к другим фракийским говорам. Говор Андровки, оказавший на него сильное влияние, представляет

¹ „Тракийски сборник“, II, София, 1936.

значительное своеобразие, часто сближающее его с восточнородопским говором Сатунова. К ним относятся: последовательная иотация перед **а** в начале слова (*јас, јáгне* и *јáбълка*), произношение **ѣ** перед плавным, произношение **нѣш**, членная форма **ѣ**-диалекта, мягкость конечных согласных, ударение на первом слоге в глагольных формах 1 л. ед. числа настоящего времени (*пéра, прéда*) и в формах мн. числа (*мóми*), сохранение **х** в начале слова и интервокальном положении и некоторые другие. Кроме того, в говоре отмечаются такие интересные особенности, как произношение *страмежлѣв, стрéшина*, произношение *шóпа*, некоторые особенности балканских говоров, не встречающиеся в других фракийских (*м'áиц, нóхчи* и др.).

Фракийский говор Вале-Перже, подвергшийся сильному влиянию со стороны соседнего балканского говора, сохраняет тем не менее ряд фракийских черт, позволяющих определить его близость к старотраянскому говору. Среди них укажем: произношение *шoпa* (встречаем, кроме этих говоров, еще в Главани), *јáгне, јáбълка, стрéшинах бѣула, чур'áши, нии сми, б'áа*, частица будущего времени *жѣ*, местоимение *тоо* и др. В лексике: *кѣтел* — ступа, *вѣрбилó* — ручка ведра, *карпѣза* — арбуз, *кѣтóр* — летняя печь, *л'ѣлек* — аист и другие. Отмечено в говоре Вале-Перже слово *ѣшници* — серьги, известное только в сатуновском говоре.

VI. Восточнородопские говоры. Среди болгар, переселившихся в Россию, носителей этих говоров почти не было. С начала XIX в. эти говоры были известны в Крыму (кишлавский и старокрымский говоры). С 1830 г. восточнородопский говор села Алан-Кайрак известен в селе Сатунове. Этот говор сильно отличается от остальных говоров Советского Союза¹.

VII. Западноболгарские говоры. Их находим в селе Шоп-Тараклия (шопский говор) и в приазовском селе Терновке (видинский говор). Полностью сохраняется лишь видинский говор, шопский говор — отмечен нами лишь у отдельных стариков. Видинский и шопский говоры — единственные болгарские говоры Советского Союза, в которых последовательно на месте **е** находим гласный **е**. Соответственно отсутствует чередование **а** — **е** на месте этимологического **а** после шипящих и мягких согласных. Нет лабиализации гласных **е, и** после шипящих: *желéзо, жиф, живéат, шипáр*. Характерные особенности западноболгарского ударения: *вóда, мóре, гóдена, óко, брáда, глáва, мéсо, трéва*. Отсутствует начальное и интервокальное **х**, изменения в группах согласных: *гáдна, пáдна, дрéбни*. В обоих говорах употребляется членная форма **ѣ**, указательное местоимение *тоо*. Отмечается большая лексическая близость между шопским и видинским говорами. Ряд слов отсутствует во всех других наших болгарских говорах: *сáкам* — хочу, *кукурѣс, упéнки* — лапти, *пѣяк, пѣйка* — индюк, индюшка и др. Имеются и различия между этими двумя говорами. В видинском говоре **к'** изменяется в **т**, **г'** изменяется в **д'**: *мáйт'а, тиримáда, ди, дирáн* и др. В шопском говоре Шоп-Тараклии этого фонетического явления нет: *мáйк'а, киримáда, ги, гирáн* и др. В видинском все глаголы в 1 л. ед. числа настоящего времени имеют окончание **м**: *бѣдем* (шопск. *бѣда*), *пéжем*

¹ См. статью Е. В. Чешко, Из истории кайракийского говора, «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», вып. II, 1951.

(шопск. *пéja*). Формы 3 л. местоимения *он, она, оно* в Терновке, *тој, та, то* — в Шоп-Тараклии. Имеются различия в лексике:

Терновка	Шоп-Тараклия
<i>песни́ца</i> — кулак	<i>имру́к</i>
<i>ка́па</i> — зимняя шапка	<i>ша́пка</i>
<i>ди́ня</i> — дыня	<i>пѣпеш</i>
<i>лубѣница</i> — арбуз	<i>ди́ня</i>

и др.

Итак, на территории Советского Союза мы имеем семь различных групп болгарских говоров: чушмелийскую (шуменскую), чийшийскую, (мизийскую), ольшанскую (алфатарскую), балканскую, фракийскую, восточнородопскую и западноболгарскую. Таким образом, наиболее полно представлены говоры восточной Болгарии.

**С О О Б Щ Е Н И Я
И П У Б Л И К А Ц И И**

Адам Ветуляни и Станислав Роман

О ВРЕМЕНИ ПЕРЕВОДА ЗЕМСКИХ СТАТУТОВ КАЗИМИРА ВЕЛИКОГО И ВЛАДИСЛАВА ЯГЕЛЛО НА УКРАИНСКО-РУССКИЙ ЯЗЫК*

Б. Д. Греков в своем капитальном труде „Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века напомнил польской историко-правовой науке забытый ею польский перевод земских статутв Казимира Великого (так называемого Вислицкого статута) и Владислава Ягелло (Вартского статута) на украинско-русский язык. Вместе с тем он обратил внимание на отсутствие ясности, когда этот перевод был сделан, выдвигая как гипотезу: „Перевод сделан тогда, когда в Галицкой Руси еще были живы термины „Русской правды“, ео ipso не позднее конца XIV или начала XV вв., во всяком случае до 1435 г., когда в Галицкой Руси вводятся польские учреждения“¹.

Мы сделали попытку определить время, когда этот перевод был выполнен. Тщательное исследование показало, что оба памятника польского земельного права были переведены на украинско-русский язык одновременно. Так как Вартский статут Владислава Ягелло был издан в 1423 г., то, следовательно, единственный известный русский перевод, который напечатала Археографическая комиссия в сборнике „Акты, относящиеся к истории Западной России“², возник лишь после 1423 г.

Но если бы даже поставить под сомнение единовременность перевода обоих статутв, т. е. допустить, что перевод статутв Казимира Великого и перевод Вартского статута возникли в различных условиях и в разное время, то и тогда мы имеем доказательство того, что наш перевод статутв Казимира Великого не происходит из более ранней эпохи. Ибо переводчик сделал перевод статута Казимира Великого по редакции так называемых малопольских-великопольских дигест, стирающих особенности объединенных в них малопольских и велико-

* Перевод с польского, сделанный Н. М. Терешковичем.

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, М.—Л., 1946, стр. 320.

² Т. I, СПб. 1846, № 2, стр. 2—20 (Вислицкий статут Казимира Великого от 1347 г.), № 27, стр. 38—41 (Вартский статут Владислава Ягелло от 1423 г.). Текст перевода обоих статутв сделан со старой рукописи, сохранившейся в Великом Новгороде. См.: Александр Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея, СПб., 1842, № 430, стр. 658—661.

польских статут¹. И вот редакция эта, создавшая из двух памятников, отличных по своему происхождению, свод польского земского права, действовавшего во всей Короне, являющаяся проявлением консолидации польского государства и тенденции к унификации права, возникла лишь в третьем десятилетии XV в. Такую гипотезу выдвинул уже Р. Губе в своей статье о Вартском статуте Ягелло² и прежде всего в сохранившейся до настоящего времени свою ценность работе о законодательстве Казимира Великого³. Однако в то время, как Губе момент составления редакции дигест относит на период после издания червинского привилея 1422 г. и после съезда в Варте в 1423 г., правильнее будет допустить, что объединение первоначально самостоятельных статут⁴ малопольских и великопольских в редакции дигестов имело место в период между 1420 и 1422 гг. в связи с тенденцией унифицировать действующее в Польше земское право. В связи с этим произошла также значительная переработка двух первоначально отдельных великопольских постановлений об единой монете и едином праве в одну статью, которая при этом случае была фальсифицирована путем прибавления слов о необходимости участия можновладства при вынесении постановления о чеканке монеты. Это участие было сильно подчеркнuto в червинском привилее от 1422 г. и притом уже со ссылкой на статуты Казимира Великого.

Первоначальная великопольская редакция постановления о монете и о едином праве составляла две отдельные статьи, которые не следовали непосредственно друг за другом, и гласила следующее:

Первоначальный текст
статут⁵ Казимира Великого
по рукописи Król⁴

Ст. 142. Cum sub uno principe eadem gens diverso iure non debeat frui, ne sit tamquam monstrum diversa capita habens, expedit publice rei, ut uno et equali iudicio tam Cracovie quam Polonie (terre) iudicentur.

Ст. 145. Item ex quo unus princeps, unum ius, una (eciam) moneta in toto regno debet haberi, qui sit perpetua et bona in valore, ut per hos magis sit grata.

Текст
в редакции дигестов SV⁵

Ст. 115. Cum sub uno principe eadem gens diverso, iure frui non debeat, ne sit tamquam monstrum diversa capita habens, expedit reipublice, ut uno et equali iudicio tam Cracovienses quam Poloni et ceterae nostre terre iudicentur. Et ex quo unus princeps est omnium, una moneta in toto nostro regno haberi debet cum consilio totius nostre baronie et assensu, que debet esse perpetua et bona in valore, ut per hoc ceteris sit magis grata et accepta.

¹ См. Adam Vetulani. Studium Oswalda Balzera o przekazach małopolskich statutów Kazimierza Wielkiego. Kwartalnik Hystoryczny, том 56, Kraków, 1948, стр. 381 и сл.

² Статья под названием „Statut wartski Włodysława Jagello“ была в первый раз напечатана в 1874 г. в „Bibliotece Warszawskiej“; она была перепечатана в „Romualda Hubego Pismach poprzedzonych zarysem biograficzno-krytycznym przez Karola Dunina“, том II, Warszawa, 1905, стр. 81—88.

³ Romuald Hube. Prawo polskie w XIV wieku, Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego. Warszawa, 1881, стр. 82 и сл.

⁴ Рукопись Król. (Królewiecki) является наиболее древним текстом, заключающим в себе отдельные великопольские статуты; она составлена около 1430 г. Мы цитируем по изданию Archiwum Komisji Prawniczej Polskiej Akademii Umiejętności, т. II, Kraków, 1921, стр. 51.

⁵ Archiwum Komisji Prawniczej Polskiej Akademii Umiejętności, т. II, стр. 435. Рукопись SV (Варшавская 1) является наиболее древним сохранившимся текстом малопольско-великопольских дигестов. Происходит от 1423—1430 гг.

А вот текст основного постановления червинского привилея: „Прежде всего мы обещаем, что отныне никогда не будем чеканить и не позволим чеканить монеты, ныне находящейся в обращении в нашем королевстве, или иной заграничной, или вновь придуманной без совета и соизволения и согласия, а также специального разрешения прелатов и баронов нашего королевства, а тех, кто чеканит ее, мы накажем законными наказаниями в соответствии с их виной. А это для того, чтобы во время нашего правления были счастливо устранены убытки и невыносимая бедность наших подданных, чего повсюду много в нашем королевстве по причине такого злоупотребления. Подобно тому, как это признал за ними наш предшественник священной памяти государь Казимир, некогда польский король, и в земской книге, которую он издал некогда вместе с своими прелатами и баронами на генеральном сейме в Вислице, оставил на вечную память“¹.

Точно так же упоминание о земской книге (не о земских книгах!) Казимира Великого, как о результате его законодательной деятельности, указывает, что инициаторы этих постановлений имели в своих руках свод статуты Казимира Великого, составляющий органическое целое, приписываемый деятельности законодательного веча в Вислице и содержащий в себе постановление об участии прелатов и господ при вынесении решений о чеканке монеты. Этим условиям отвечает единственно перевод статута в редакции дигест. Подобным же образом Вартский статут, новелизирующий постановление книги законов Казимира Великого, вводит изменения как в постановлениях малопольского происхождения, так и великопольского, рассматриваемых собравшимися на съезде как единое целое². На Вартском съезде, следовательно, имели в руках перевод статуты в редакции дигестов. Редакция эта была выполнена, вероятно, после 1420 г., возможно, в 1421 г., т. е. после изданных Ягелло постановлений по вопросу об отсрочке судебных сессий (Краковский статут).

Резюмируя изложенное, мы приходим к следующему заключению: из того факта, что русский перевод включает перевод статуты Казимира Великого в редакции дигестов, а также перевод краковско-вартских статуты, очевидно, следует, что сохранный нам новгородской рукописью и напечатанный Археографической комиссией перевод мог быть выполнен, самое раннее, в 1423 г. Поскольку же наш перевод сохранился в рукописи, заключающей в себе текст Судебника Казимира Ягеллончика 1468 г., мы получаем предварительную границу ad

¹ *In primis pollicemur: quod amodo et in antea nunquam, absque consilio, suasu, et consensu, et annuentia speciali praelatorum et baronum regni nostri, monetam nunc currentem in regno nostro, vel aliam extraneam, aut de novo inventam, cudere faciemus, aut cudi permittemus, et eudentes iuxta ipsorum demerita poenis legis affligemus, ut per hoc damna et importabilis subditorum nostrorum penuria, per cuius abusum haec ubique in regno nostro abundarunt, tempore nostri regiminis feliciter auferantur. Quemadmodum divae memoriae dominus Casimirus, olim rex Poloniae, antecessor noster, hoc ipsis concesserat, et in libro terrestri, quem cum praelatis et baronibus suis quondam Visliciae in conventionem generali edidit, et pro memoria sempiterna dereliquit.* — J. V. B a n d t k i e. *Ius Polonicum, Varsaviae, 1831, s. 221 i n., § 1 i 2.*

² Вот случаи, когда краковско-вартский статут ссылается на статуты Казимира Великого (цитируем в соответствии с нумерацией текста SV): статья 1 и 2 (на статью 97), статья 4 (на статью 75), статья 7 (на статью 120), статья 18 (на статью 131), статья 25 (на статью 126), статья 26 (на статью 48). Следовательно, статьи 1, 2, 4 и 26 Вартского статута ссылаются на малопольские статуты, а статьи 7, 8 и 25 — на великопольские.

цет, простирающуюся далеко вглубь XV в., которую тем труднее установить, что о времени возникновения рукописи мы не имеем никаких сведений. Следовательно, наша рукопись (а соответственно и перевод памятников польского земского права) могла возникнуть много лет спустя после 1423 г. Таким образом, замыкается период времени выполнения перевода между 1423 г. до времени после 1468 г. Однако существуют еще некоторые моменты, которые позволяют нам сузить этот более, чем полувековой период.

Лингвистический анализ показывает, что перевод был выполнен на украинско-русский язык¹. Мы должны принять, что как копии польского земского права изготавливались в Польше для практических целей, точно так же и перевод был выполнен не как литературное начинание, но был вызван практическими соображениями. Очевидно, должна была существовать потребность в переводе. Такая потребность существовала в то время только на русских землях, принадлежащих Короне, находящихся под непосредственной властью короля (в отличие от иных русских земель, которые были в то время ленами, или от тех, которые в XV в. политически принадлежали великому княжеству Литовскому), т. е. на территории, населенной украинским народом. Эту потребность вызывали старания шляхты этих земель о предоставлении ей польского земского права, а также привилеев, которыми пользовалась польская шляхта в Короне. С большой долей вероятности можно допустить, что они встретили — прежде всего по финансовым соображениям — сопротивление со стороны Ягелло, а может быть, также и со стороны польского двора. Но процесс польской колонизации на русских землях, а также классовый эгоизм шляхты, добивающейся для себя возможности еще более выгодно эксплуатировать свои обширные земельные владения, были, вероятно, теми причинами, которые — среди других — склонили короля к даче соответствующих обещаний. Однако он не спешил с их реализацией.

Действительно, уже в брестском привилее Ягелло от 1425 г. мы находим по этому вопросу важное обещание: „Мы обещаем также, что все земли нашего Польского королевства, включая также и русскую землю — с сохранением, однако, контрибуции, к выплате которой они будут нам обязаны в течение нашей жизни, — мы в силу настоящей грамоты соединим и объединим единым правом и единым законом, обещанием для всех земель“² — но оно осталось лишь на бумаге.

К сожалению, мы не знаем точно ни этапов домогательств шляхты Галицкой Руси, ни причин задержки с реализацией королевских обещаний. Некоторый свет на этот вопрос бросает текст письма представителя русских землевладельцев, сохраненный *Liber cancelariae* Станислава Цёлка. К сожалению, это письмо, уже использованное Станиславом Кутшебой³, не датировано. Из него вытекает, что

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 252 и 320.

² *Item pollicemur, quod omnes terras nostras regni Polonie, eciam terram Russie includendo — salvis tamen contributionibus, de quibus nobis ad tempora vite nostre respondebunt — ad unum ius et unam legem, communem omnibus terris, reducemus reducimusque et donamus (так вместо: adunamus) et unimus, tenore presencium mediante. Codex epistolaris saeculi XV, tom II, wyd. A. Lewicki, Krakow, 1891 (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, tom XII), стр. 191.*

³ *Przywilej jedlneński z r. 1430 i nadanie prawa polskiego na Rusi — Księga pamiątkowa ku czci Bolesława Ulanowskiego, Kraków, 1911, стр. 285 и сл.*

шляхта русских земель выражала свое согласие Ягелло на более сильное ее обременение податями и на принятие на себя более широких военных обязанностей по сравнению со шляхтой иных земель, лишь бы только ей было предоставлено, вне зависимости от вероисповедной принадлежности, польское право и польская судебная организация: *post concessionem, donacionem et attributionem iurium, iurisdictionem et iudiciorum dictis terris prestitorum*¹. Свои брестские обязательства Ягелло повторил еще дважды, а именно в едльненском привилее 1430 г.² и краковском 1433 г.³, причем они каждый раз были отредактированы в аналогичных выражениях. Согласно утверждению Станислава Кутшебы, обещания Ягелло касались русских земель, остающихся под непосредственной властью короля, а следовательно, Львовско-Галицкой Руси, Холмской земли и Подолии⁴. За время правления Ягелло его обещания, сделанные Руси, остались без практических последствий. Только после его смерти — согласно заслуживающей доверия информации Длугоша — на основе нового, к сожалению, погибшего ныне привилея, изданного от имени Владислава Варненчика от 1434 г., шляхта русских земель получила права, которых она с нетерпением ожидала⁵.

Станислав Кутшеба в своем только что упомянутом ценном труде о едльненском привилее пришел к выводу, что распространение польского права на Русь следует понимать, как уравнивание в правах шляхты на русских землях с правами польской шляхты в отношении повинностей в пользу государства и военной службы, а также введение земских учреждений и судов по польскому образцу. На дальнейших страницах своего труда⁶ он вполне основательно расширяет понятие такого предоставления прав, указывая, что вследствие предоставления польского права Руси введено здесь польское судебное право, выдвигая, однако, на первое место реформу судебного устройства по польскому образцу. Однако в конце он с полной четкостью пишет, что вместе с устройством судов введено также польское судебное право, следовательно, польский судебный процесс, частное и уголовное право. И, далее, „право это было принято, как законное и обычное“ — под этим он, вероятно, понимал, что редепированы были как основы польского земского права, сформулированные в статутах Казимира Великого и Ягелло, так и основы польского обычного права. Знаменитый историк польского права, однако, ничего не упоминает о том, каким образом распространилось знакомство с польским земским правом на территории русских земель. Это произошло именно путем перевода статуты Казимира Великого и статуты Ягелло на язык жителей этих областей, на украинско-русский язык.

Определение того, что перевод статуты Казимира Великого и Владислава Ягелло находится в связи с введением на территории русских земель польского земского права, не предпринимает вопроса, к какому

¹ J. Caro. *Liber cancellariae Stanislai Ciolek. Ein Formelbuch der polonischen Königskanzlei aus der Zeit der husitischen Bewegung.*— „Archiv für österreichische Geschichte“, 45 Band, Wien, 1871, nr. XL, стр. 395 и сл.

² *Cod. epist. saec. XV, tom II, стр. 232.*

³ Там же, стр. 311 и сл.

⁴ Kutrzeba. *Przywilej jedlneński, стр. 282 и сл.*

⁵ Joannis Dlugossii *Historiae Polonicae libri XII, wyd. A. Przewdziecki, t. IV, Kraków, 1877, стр. 548 и сл.*

⁶ Kutrzeba. *Przywilej jedlneński, стр. 294.*

времени относится происхождение этого перевода, который стал протографом для копии, заключенной в новгородской рукописи. Он мог с одинаковым успехом возникнуть в период домогательств о предоставлении русским землевладельцам польского права (русские бояре должны были знать постановления права, обязательную силу которого они жаждали распространить на свои земли), но только непосредственно после 1423 г. (поскольку протограф нашего перевода заключал в себе краково-вартские статуты), так же как и полвека позднее, т. е. перед изготовлением новгородской рукописи, возникшей, самое раннее, после 1468 г.

Основание для сужения периода времени, в течение которого был выполнен наш перевод, дает только анализ содержания статуты Казимира Великого и Владислава Ягелло, а именно сравнение постановлений на латинском языке с их изложением на русском¹.

При изучении многочисленных интересных различий между этими текстами, основанных, между прочим, также на сознательной переделке подлинного текста отдельных постановлений, бросается в глаза, что переводчик постоянно и последовательно пропускает определение *palatinus* — воевода и *castellanus* — каштелян, а следовательно, названия должностных лиц, которые в то время в Польше были высшими земскими сановниками. Там, где эти термины появляются, переводчик последовательно заменяет их определением „староста“. Вот эти тексты:

Sier. I²:

Art. 4... Statuimus, ut si quis iudex, palatinus, castellanus aut ipsorum officiales vel maleficiorum iudex, qui oprawca dicitur, aut alius quicumque pro poenis iudicialibus per eos latis aut aliis excessibus. . .

Art. 12. Item ut palatini certo numero suorum iudicum sint contenti, statuimus, quod secundum tempora antiquiora palatinus Sandomiriensis uno et palatinus Cracoviensis uno suis iudicibus contententur: declarantes, quod pro capite quolibet castellanorum iudices, quilibet in sua

Изложено на русском языке:

Ст. 5. Приказуемы при нашей милости абы каждый судья, и староста, и воевода, буркграбя и оправьца, коли за судовыи вины...

Ст. 12. А також уставляем, штобы каждый староста был узычен своего судьи; а каждый город себе имаеть своего судью иметь, а тот имаеть у своей державе суд судить.

¹ Следует обратить внимание на то, что русский текст не является дословным переводом польских земских статуты, но лишь изложением отдельных постановлений. Существует основание допустить гипотезу, что переводчик состоял чиновником канцелярии Владислава Ягелло и с соизволения короля выполнил работу по изложению постановлений. Во время перевода он стремился уменьшить влияние можновладства на законодательство монарха, что проявляется в том, что в постановлениях, которые гласят, что они были изданы с согласия панов, упоминание об этом согласии он совершенно исключает или говорит только о совете панов.

² При сравнении русского текста с латинским мы передаем последний в тексте перевода Sier. I (Sierakowskiego I, напеч. в Archiwum Komisji Prawniczej PAU, т. IV, Kraków, 1921, стр. 1—40), который, как показало внимательное изучение, является наиболее близким тому не сохранившемуся латинскому тексту, который служил образцом для русского переводчика. Так как, однако, текст Сераковского I является неполным и едва охватывает неполные 90 статей статута Казимира Великого, поэтому в отношении последующих статей этого статута и в отношении Вартского статута мы цитируем текст другого, по порядку наиболее близкого латинского текста, заключающегося в рукописях Stron. I и D. IV (Stronczyńskiego I и Działynskich IV, напеч. в Archiwum Komisji Prawniczej PAU, т. IV, стр. 102—155 и 494—506).

castellania, iudicandi et cognoscendi habeat facultatem...

Art. 15. Castellanus Cracoviensis et Sandomiriensis in tribus locis iudicia agant. Quia plerumque habentes iurisdictionem vel casu pro libitu sue voluntatis consueverunt ad iudicandum acceptare vel eligere sibi loca quolibet indeterminanda; et ideo, ut quisque suis terminis sit contentus, statutum, quod Cracoviensis castellanus duntaxat in tribus locis, videlicet in Cracovia, in Andrzejów et in Vysslicia sua debet et tenetur iudicia pertractare; alias tanquam a non suo iudice quicquid factum fuerit vel iudicatum, nullam habeat firmitatem. Id est de castellano Sandomiriensi loca pro ipso specificentur.

Art. 22... prohibentes castellanis et quibuslibet iudicibus seu subiudicibus, quod delictis sine certo actore et causa expressa, non dent facere aliquas citationes.

Art. 55... Item dum ignoratur, quis commisit homicidii immanitatem, decernimus, quod castellania de hoc non moveat aliquam questionem, sed consanguinei et proximiores culpabilem inquirentes causam, dum poterint, exequantur iuxta iuris formam.

Равным образом, чтобы не приводить дальнейших выдержек, — в статье 98 перевода (статья 93, Stron. I) термин *castellanus* передается словом „староста“, а *iudicibus castellanorum* — словами „судьям городным“, в то время как термин *palatinus* вообще там пропущен, хотя он имеется в латинском тексте; в статье 117 русского перевода (статья 112, Stron. I) слова: „*quod in nostra presencia vel coram nostro capitaneo vel quando generales termini teneantur, palatinis vel baronibus presentibus*“ — переведены так: „Ижь пред нашею обличностию, а любо пред нашими паны, а любо перед нашим старостою“; в статье 119 (статья 114, Stron. I) *curiam castellani* переданы как „двору старостину“, ранее же в статье 65 перевода (статья 62, Sier. I), где слово *castellanium* пропущено, *ad curiam castellanie* переведено словами „до оборы городские“; в статье 121 (статья 116, Stron. I) термин *castellanus* пропущен, а выражению *iudicibus castellanorum* соответствует „о судьях о городских“; в статье 127 перевода (статья 116, Stron. I) *filia... palatini* переведено словами „дочка старостина“; в статье 136 (статья 131, Stron. I), термин *capitaneus*, равно как и *palatinus*, оба здесь упоминаемые, переведены одним и тем же словом „староста“, из чего возникает смешанность и неясность постановления в переводе. В Вартском статуте только один раз переводчик встретился с необходимостью перевода термина *palatinus*, а именно в статье 15 (статья 14, Stron. I); там идет речь о коморнике воеводы: *camerarius palatini*. И тут переводчик слово *palatinus* заменил „старостой“: „... и другие два коморники, старостин и подкоморый его...“

23 Ученые записки. т. IV

Ст. 15. Староста Краковский и староста Судомирский на трех местах имають суды судити. Старосты, а любо воеводы имають себе свою волю и ставляють себе, подлуг своее соли местца суду: про то мы уставляем, ить Краковский староста на трех местах имаеть суды судити, у Кракове, в Одрееве, у Величды; а будеть ли не досудил, тогда его суд моцы не маеть. А також о Судомирском старосте.

Ст. 22... и приказуем старостам и судьям и подсудком, абы никого не позывали без повода, а либо без вины доконаны.

Ст. 58... коли ж хто мужебойство учинил, а не ведают его: староста не имеет про то жалобы чинить, але приятели имають ся доискывать, а подлуг права с ним ся обходить, ... его знайдет.

Мы видим, таким образом, что в переводе польских земских статутов на украинско-русский язык один только раз приводится термин „воевода“ в виде, который может возбудить сомнение относительно должностного лица, скрывающегося под этим именем, а именно: в переводе статьи 4 статута Казимира Великого, где латинские слова: *statuimus ut si quis iudex, palatinus, castellanus aut ipsorum officiales vel maleficiozum iudex, qui oprawcza dicitur* — в статье 5 нашего перевода переданы следующим образом: „Приказуемы, при нашей милости, абы каждый судья, и староста, и воевода, буркграбя и оправъца“. Русский переводчик текст, с которого он делал перевод, понимал, вероятнее всего, таким образом, что поименно перечисленные 1) *palatinus-wojewoda*, 2) *castellanus*, 3) *ipsorum officiales*, 4) *maleficiozum iudex vel oprawcza* охватываются основным общим определением *iudex*; следовательно, он перечисляет отдельных должностных лиц, выполняющих судебные функции, начиная от старосты.

И вот в русском переводе уже из самой очередности места, в котором упоминается слово „воевода“ („и староста, и воевода, буркграбя и оправъца“) становится ясным, что переводчик рассматривает воеводу как должностное лицо более низкого ранга, чем староста, упоминаемый в начале списка должностных лиц, облеченных судебной властью. Следовательно, здесь нет речи о воеводе-палатине в значении терминологии польского земского права — высшего сановника государства, а о каком-то ином должностном лице, находящемся на более низкой иерархической ступени. Точно так же обстоит дело с текстом статьи 15, где второстепенный характер воеводы очевиден. Но термин „воевода“ не является чуждым правовой терминологии русских земель. В XIV и XV вв. он означал должностное лицо, выполняющее административно-судебные функции, власть которого, осуществляемая в городе, распространялась на некоторую определенную территорию, связанную с городом, с подчинением власти старосты. Кроме названия, они ничего общего не имели с воеводой польского земского права XIV—XV вв. Они существовали как исполнители княжеской власти в период политической самостоятельности русских княжеств, но с момента включения этих земель в Польшу и введения польской властью должности старост как королевских заместителей воеводы эти были подчинены последним¹. Идентичность русской и польской терминологии повлияла на то, что в латинских текстах эти галицкие воеводы выступают временами под названием *palatini*, но также под названием *castellani* или *burgravii*², вероятно, когда писарь, знакомый с польской правовой терминологией, желал документировать отличие функций тамошнего воеводы от польского воеводы-палатина. По этим причинам писарь латинского акта иногда просто употребляет термин *wojewoda*, не передавая этого названия на латинском языке.

Итак, мы устанавливаем, что переводчик статута Казимира Великого и краковско-вартских статута Владислава Ягелло постоянно и последовательно умалчивает о земских сановниках, о воеводе и каштеляне, а их судебные функции приписывает королевскому наместнику —

¹ R. H u b e, *Wyrok lwowski roku 1421* (Pisma, t. II, Warszawa, 1887, стр. 211—244); L. Ehrlich, *Starostwa w Halickim w stosunku do starostwa lwowskiego w wiekach średnich*, Lwów, 1914, стр. 15 и сл.

² K. Małeczynski, *Urzędnicy grodzcy i ziemscy lwowscy w latach 1352—1783*, Lwów, 1938, стр. 54 и 57.

старосте, каковая должность известна в дигестах только в группе постановлений великопольского происхождения и, кроме того, в Вартском статуте. Действительно, термин „староста“ употребляется в польских переводах статута Казимира Великого, но никогда вместо воеводы, а наряду с ним. В этих польских переводах внесение „старосты“ в текст постановлений является уже интерполяцией, вызванной желанием приспособить постановления статуты к правовому положению, существующему в момент выполнения переводов, т. е. в XV в.

Тем же стремлением приспособить постановления статуты к существующему в момент перевода правовому положению руководствовался также автор русского перевода. Он тоже актуализировал постановления. Он не упоминал о должности воеводы в значении польского палатина, ни о должности каштеляна, ибо эти должности в момент выполнения перевода, вероятнее всего, не существовали на той территории, для которой перевод предназначался.

Благодаря именно этому отклонению от оригинального латинского текста статуты мы имеем возможность более точно установить время, когда перевод был выполнен. Единственной территорией в польском государстве в период после издания краковско-вартских статуты, на которой не имелось должности воеводы-палатина и каштеляна, а в качестве представителя монаршей власти выступал только староста, облеченный также и судебными функциями, были русские земли Короны.

Изменения в иерархии должностей на русских землях, подчиненных непосредственно власти короля, наступают только в 1433—1434 гг.¹ в связи с предоставлением этим землям польского права. Только тогда появляются первые воеводы и первые каштеляны, которые приобретали в иерархии земских должностей такое же положение, какое воеводы и каштеляны имели на польских землях. Появление этих должностей на русских землях наступает в связи с изданием королем Владиславом Ягелло краковского привилея в 1433 г.²

Эти наблюдения имеют решающее значение для вопроса о времени возникновения перевода, средневековой копией которого мы обязаны новгородской рукописи. Если сам переводчик изменил текст постановлений Казимира Великого и краковско-вартских статуты Владислава Ягелло путем пропуска упоминаний о земских должностях воеводы-палатина и каштеляна, то сделал он это только потому, что эти должности не были известны в землях, для которых его перевод был предназначен. Так как перевод был предназначен для русских земель, неизвестный его автор мог, следовательно, сделать свой перевод только до реформы земского устройства в этих землях, а следовательно, до 1434 г. К счастью, копиристы перевода, а в особенности писарь новгородской рукописи, не сделали в нем интерполяции, не приноравливали его к изменившимся условиям второй половины XV в. (как это делали некоторые переводчики статуты на польский язык) и благодаря этому мы в состоянии установить время изготовления перевода, отнести его к промежутку между 1423 и 1434 гг., и, следовательно, ограничить это время почти одним десятилетием.

¹ K. Maleczyński. Urzędnicy, ..., стр. 9.

² St. Kutrzeba. Przywilej jedlneński, стр. 291.

Это не значит, что не мог существовать более ранний перевод одних только статуты Казимира Великого на русский язык. В особенности представляется заманчивым сделать предположение, что такой перевод мог быть выполнен в момент, когда Ягелло занял польский престол в 1386 г. Однако против выдвижения такой гипотезы говорит принятие им и утверждение в червинском привилее 1422 г. фальсифицированного польским можновладством постановления о чеканке монеты, как постановления, изданного Казимиром Великим на съезде в Вислице.

Во всяком случае мы установили, что время изготовления перевода польских земских статуты на украинско-русский язык, переданного нам в новгородской рукописи, относится к 1423—1434 гг., что находится в полном согласии с проницательной гипотезой Б. Д. Грекова, который принял 1435 г. как крайнюю дату времени происхождения указанного выше перевода¹.

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 320.

Л. С. Кишкин

К ВОПРОСУ О ЗНАКОМСТВЕ А. С. ПУШКИНА С КУЛЬТУРОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ

В конце 20-х годов XIX века Пушкин задумал написать статью, которая, судя по двум наброскам ее планов, должна была представлять историю русской словесности. В центре этих набросков стоят народные песни и „Слово о полку Игореве“. Сохранилось начало этой статьи. Оно показывает, какие благородные, патриотические цели ставил перед собой Пушкин.

„Приступая к изучению нашей словесности, — писал он, — мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением на ее старинные памятники, сравнить их с этою бездною поэм, романсов, исторических и любовных, простодушных и сатирических, коими наводнены европейские литературы средних веков. Нам приятно было бы наблюдать историю нашего народа в сих первоначальных играх разума, творческого духа, сравнить влияние завоевания скандинавов с завоеванием мавров. Мы бы увидели разницу между простодушною сатирою французских *trouvères* с лукавой насмешливостью скоморохов, между площадной шуткой, полудуховной мистерией и затеями нашей старинной комедии...

Но к сожалению старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь — и на ней возвышается единственный памятник — Песнь о полку Игореве¹.

В приведенной выдержке из статьи Пушкина содержится на первый взгляд парадоксальное утверждение, что, с одной стороны, поэзия русских скоморохов и „затей нашей комедии“ самобытны и отличаются от поэзии труверов и характера полудуховных мистерий средневековья; с другой, — отрицание этой поэзии: „Старинной словесности у нас не существует“. Однако противоречия нет: Пушкин констатирует невысокий уровень литературоведения своего времени, и только. Отрицается не существование словесности вообще, а существование дошедших до нас памятников, если не литературных, то по крайней мере записанных народных. Пушкин, несомненно, был уверен

¹ А. С. Пушкин. Собр. соч., т. 6, стр. 185.

в существовании у нас древней словесности и усиленно всюду искал следы ее: в сказках, песнях, преданиях, старинных рукописях. Он намеревался показать ее самобытность и оригинальность, чисто русскую, славянскую самостоятельность. В своих исканиях он не мог не встретиться с фактами общности культур у славянских народов, не коснуться истории этих народов, не задуматься над их судьбами.

С этой большой работой по изучению народной словесности, которому Пушкин посвятил последние годы жизни, повидимому, связан его интерес к славянам вообще, к чехам и словакам в частности. Возникновение и развитие этого интереса у Пушкина не является чем-то случайным: он исторически обусловлен. Сама жизнь — война сербов с турками, польское восстание 1831 г., деятельность чешских „будителей“ — способствовала укреплению и росту этого интереса. Пушкин одним из первых в России обратился к серьезному изучению словесности славян. Он делал это и как поэт, и как ученый. Уже одно то, что Пушкин, а не кто иной ознакомил русскую общественность с образцами народной поэзии славян, говорит о многом. Многими литературоведами недооценивалось значение песен западных славян, а между тем их роль в возбуждении интереса южных и западных славян к русской литературе, с одной стороны, и русских к поэзии славян, с другой, — огромна.

В обращении к славянской поэзии у Пушкина наблюдается широта интересов, которой не было у других писателей. „Песни западных славян“ — лишь часть из того, что написано им на славянские мотивы, но и они одни свидетельствуют о большом интересе русского поэта к инославянским народам.

Очень показательно, что Пушкин часто избирает для своего исследования и творчества темы борьбы славянских народов за общественное и национальное устройство.

Ошибочным является утверждение профессора Флоринского¹ о том, что Пушкин мало знал о славянах. То, что в цикле, озаглавленном „Песни западных славян“, собственно западной, переведенной с чешского или основанной на чешском предании является одна — „Януш королевич“, не может служить подтверждением этой мысли. В начале XIX в. все славянские народы за пределами России именовались у нас западными. Деление славян на три группы (восточную, южную и западную) установлено позже, с развитием славянской филологии.

Трудно установить, насколько Пушкин был осведомлен в области чешской и словацкой истории, словесности и географии расселения чешского и словацкого народов. Однако можно утверждать, что в этом отношении он принадлежал к числу наиболее сведущих для своего времени людей.

Знал ли Пушкин чешскую и словацкую словесность? Использовал ли свои знания в творческой практике? Следил ли за общественной жизнью чехов и словаков? Все эти вопросы необычайно важны для современного пушкиноведа-слависта. Дошедшие на этот счет до нас сведения очень скудны. Документальных материалов, подтверждающих знакомство Пушкина с историческим и культурным развитием чехов и словаков, очень мало. Тем не менее они интересны и показательны.

¹ „Памяти Пушкина“. Научно-литературный сборник имп. университета св. Владимира, Киев, 1899, стр. 290.

Пока не удалось найти прямых указаний о том, знал ли Пушкин Краледворскую рукопись, был ли знаком с „Дочерью славы“ Коллара, трудами Добровского и Палацкого, слышал ли о Челаковском, хотя имеются некоторые данные, позволяющие говорить об этом положительно, особенно о первых¹.

Доказательством знакомства с чехословацкой культурой является библиотека поэта. В перечне книг, ее составляющих², находим четыре книги, изданные в Праге:

1. „В защиту журнала католического духовенства“ Ф. Багеницкого, Прага, 1835. *Obrana časopisu pro katolicke duhovenstvo. Od Frant Bogenickeho w Praze.*

На внутренней стороне обложки очень интересная надпись чернилами: „Александр Сергеевичу Пушкину. В книжице сей много сказано о смутном и угнетенном состоянии чешского языка, что — б где — инде сказать невозможно было. Усерднейше подносит Вячеслав Ганка“.

2. „Слово о полку Игореве“. *Slovo o plku Igoreve. Slavianom latinkago pisma. Vierno v podlinnom jazycie s ruskym i nemeckym prevodom. Izdano Viačeslavom Hankoj v Praze igdiveniem izdatelevym, 1821.*

3. Чешская грамматика Ганки. *Pravopis česky od Waclawa Hanky. Čtvrte vydání. W Praze, 1835.* На внутренней стороне обложки надпись: „Александр Сергеевичу Пушкину. Прага, 21 сентября 1836 г. В знак высокопочитания. Сочинитель“.

4. Чешско-немецко-латинский словарь, Прага, 1820. (Два тома в двух экземплярах.)

Кроме того, Пушкин имел в своем распоряжении сборник словацких песен, которые записал от ходоков-словаков (олейкарей и шафраничей) и издал Срезневский³.

Не подлежит сомнению, что множество разрозненных сведений и замечаний о чехах и словаках можно обнаружить в том обилии самых разнообразных русских и иностранных книг, которыми располагал Пушкин. В этом плане библиотека поэта еще не обследовалась. Очень существенными для нас являются воспоминания одного из знакомых Пушкина А. О. Россета, записанные Бертеневым⁴: „В Петербурге был некто Крюковской, хромой, служивший по кредитной части. Он путешествовал, был у Шафарика, и привез от него какую то книгу для Пушкина, с поручением просить у него «Современника»“. Через посредство Россета Крюковской явился к Пушкину, провел у него два часа и получил в ответ, что Шафарик совестно посылать „Современник“, а если удастся издать что нибудь поважнее, тогда пошлет. Пушкин очаровал Крюковского. „Книга, привезенная Крюковским, не сохранилась. Однако можно предполагать, что это была изданная Шафариком на немецком языке в 1826 г. история славянских языков

¹ „Краледворская рукопись“ была переведена на русский язык Шияшковым в 1820 г., им же был опубликован в 1821 г. „Любушин суд“. „Дочь славы“ пользовалась большим успехом не только в Чехии, она была хорошо известна словенцам, хорватам, сербам, украинцам, русским, полякам. — „История Чехии“, Госполитиздат, 1947, стр. 125.

В Чехии поэма впервые была издана в 1824 г.

² П. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина, СПб., 1910.

³ Срезневский. Словацкие песни, Харьков, 1832. — Олейкари и шафраничи — бродячие торговцы маслами и целебными травами. Вплоть до XIX в. они со своими товарами довольно часто появлялись в южных районах России.

⁴ „Русский архив“, 2 тетрадь, 1882.

и литератур" (Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten.)

Говоря об изданиях „поважнее“, Пушкин, по всей видимости, подразумевал „Слово о полку Игореве“, над которым он усиленно работал в последние годы.

К мысли о написании истории русской словесности Пушкин вернулся в 1834 г., работа над „Словом о полку Игореве“ была шагом к выполнению замысла. Пушкин имел все существовавшие тогда переводы „Слова о полку Игореве“, но для работы он, видимо, избрал трехязычное издание Ганки. Подтверждают такое предположение вплетенные в книгу белые листы для заметок. В это время Пушкин собирает книги, помогающие с разных сторон осветить памятник. Его библиотека пополняется летописями, сборниками украинских, сербских, словацких народных песен, множеством (более 15) словарей и грамматик разных славянских языков, в том числе чешского. Из помет Жуковского на рукописном переводе „Слова“ видно, что Пушкин сопоставлял некоторые слова памятника со словами польскими и чешскими.

„Песни западных славян“ теснейшим образом примыкают к работе над „Словом“. Они, как и работа над „Словом“, подтверждают глубокий интерес Пушкина к славянам, указывают на круг его интересов.

Свидетельством о напряженной работе Пушкина над „Словом“, а следовательно, и изучением славянских языков и словесности, является письмо А. И. Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу от 13 декабря 1836 г., который запросил у него из Парижа „Слово о полку Игореве“ для французского ученого Эйхгоффа.

„Полночь. Я зашел к Пушкину справиться о «Песне о полку Игореве», коей он подготавливает критическое издание. Он посылает тебе прилагаемое у сего издание оной на древнерусском (в оригинале) латинскими буквами и переводы богемский и польский¹, а в конце написал свое мнение о сих переводах. У него случилось два экземпляра этой книжки“.

Впоследствии по изданию Эйхгоффа со „Словом о полку Игореве“ познакомился Карл Маркс².

Об отношении Пушкина к общественной жизни чешского возрождения имеются лишь косвенные свидетельства. В письме к Погодину Краевский, ставший впоследствии редактором „Отечественных записок“, писал по поводу сбора средств, необходимых для обеспечения научной работы Шафарика и Караджича: „Охотно примемся здесь собирать деньги в пользу Шафарика. Скажите хорошенько, толковее, яснее нашим боярам, кто они Шафарик и Вук, чем они занимаются, что сделали и чем нуждаются. Пришлите все это ко мне, а я через Одоевского, Пушкина, Виельгорского пушу в ход по разным углам. Авось бог поможет тронуть глыбы ледяные“.

В шуточном наброске „Воображаемый разговор с императором Александром I“ (1826 г.) Пушкин вкладывает в уста царя следующие слова: „Скажите, неужто вы все не перестаете писать на меня па-

¹ Тургенев ошибается, трехязычное издание „Слова“ Ганки, кроме русского, чешского (богемского), имело еще немецкий текст памятника. Польского текста не было.

² См. письмо Маркса к Энгельсу от 5 марта 1856 г. (Соч., т. XXII. стр. 122—123).

сквили? Это нехорошо. Вы не должны на меня жаловаться; кажется, если я вас не отличал еще, дожидаясь случая, то вам и жаловаться не на что. Признайтесь, любезнейший наш товарищ, король Галлии и император Австрийский с вами не так бы поступили! За все ваши проказы вы жили в теплом климате“.

Пушкин не пользовался первыми попавшимися сравнениями. Его упоминание об императоре австрийском также не случайно. Он, несомненно, знал об австрийском деспотизме, от которого в первую очередь страдали славянские народы. История сохранила множество фактов дискриминации и притеснения славян со стороны Австрийской монархии. Так, например, канцлер Меттерних весьма косо смотрел на деятельность „будителей“: самые безобидные национально-просветительные мероприятия чехов (драматические кружки, „чешские балы“¹) жестоко преследовались властями. В 1825 г. во время пребывания в Праге императорской фамилии были арестованы и затем отданы в солдаты 20 студентов; один из арестованных застрелился. Может быть, отзвуком этого события, получившего широкий резонанс в печати, и является упоминание об австрийском императоре.

Среди произведений Пушкина имеется несколько, связанных с народными песнями и преданиями чехов и словаков. К числу их могут быть отнесены „Яныш королевич“, „Русалка“, „Гусар“ и „Сказка о мертвой царевне и семи богатырях“. Все они датируются 1823—1833 годами.

„Яныш королевич“ — пятнадцатая песня из цикла „Песни западных славян“; она одна из общего количества (17 песен) является собственно западнославянской. Сам Пушкин писал о песне следующее: „«Песня о Яныше королевиче» в подлиннике очень длинна, и разделится на несколько частей. Я перевел первую и то не всю“. Из-за отсутствия точной даты написания „Песни о Яныше“ ученые разошлись в оценке ее источника. Анненков считает ее заимствованием из чешского народного сказания, Корш — эпической обработкой „Русалки“. Некоторые считают, что она не что иное, как оригинальное, стилизованное стихотворение типа далмацких песен Мериме. Решение этого вопроса не представляется существенным. При всех вариантах его решения с неизбежностью вытекает то, что Пушкин либо действительно взял содержание „Песни“ из чешских преданий, либо создал ее сам, пользуясь какими-то, не дошедшими до нас, материалами из чешской словесности. И это важно: как первое, так и второе в равной мере характеризует интерес Пушкина к словесности народов Чехословакии, с одной стороны, и говорит о знании ее, — с другой.

Лексика имен, прикрепление действия к реке Мораве, западночешский колорит позволяют нам говорить об этом. Имя Яныш отсутствует в лексике южных славян (см. словарь Караджича), тогда как у словаков и мораван оно есть. Јапоџ — Јап, уменьшительное Јапоџек, название местечек Јапоџовице и т. д.

Собственно чешским является имя Любуся (от Любуша). Такое изменение могло явиться результатом неправильного чтения звука „ш“, который в современной Пушкину чешской письменности обозначался „š“, а в древней (до Гуса) письменности имел графический эквивалент „ss“.

¹ Подробнее см.: История Чехии, 1947, стр. 116.

Сербское слово Елица и размер стихов заставляют думать, что скорее всего Пушкин сам написал песню и был неточен, воспользовавшись сербским размером для сказочного повествования о чешской королевне Любусе и королевиче Яныше. Однако и этот упрек Пушкину может быть несправедливым, если учесть, что эпос считавшейся в то время подлинной „Краледворской рукописи“, относимой к концу XIII—началу XIV в., „в образах и формах, языке и ритме“ был „совершенно сроден народному эпосу Болгар, Сербов, Русских...“¹. Все это не противоречит сказанному выше.

Незаконченная драма „Русалка“ и баллада „Гусар“ могут быть рассмотрены вместе. В библиотеке Пушкина, как уже было сказано, имелся сборник словацких народных песен, собранных Срезневским. Песни изданы Срезневским в русской транскрипции (словаки в то время не имели еще национальной письменности), сопровождаются примечаниями и русским прозаическим переводом. Художественные образы двух из этих песен („Долина, долина, каменистая долина“ и „У всякого гусара при поясе сабля“), как предполагает проф. Богатырев, могли быть использованы Пушкиным при работе над „Русалкой“ и „Гусаром“. Характер песен и даже некоторая художественная и текстуальная близость их пушкинским произведениям в какой-то мере оправдывают гипотезу. Предположение проф. Богатырева интересно не как генеалогическое искание, а как возможное, если с ним согласиться, свидетельство обращения Пушкина к словацкому фольклору.

Говоря о „Русалке“ в интересующем нас плане, нельзя обойти молчанием связь ее с „Песней о Яныше“. Эта связь несомненна, и характер ее любопытен. Пушкин, повидимому, написал песнь о Яныше, прервав работу над „Русалкой“, используя при этом первую сцену из нее. Позже он продолжил работу над „Русалкой“, опираясь на „Песню о Яныше“. Таким образом, „Песня о Яныше“ явилась как бы эпическим этюдом к большому драматическому полотну „Русалки“, и если „Песня“ восходит к первой сцене „Русалки“, как утверждает Корш, то развитие всего действия восходит, в свою очередь, к ней же.

Мотивом для написания сказки о „Мертвой царевне и семи богатырях“ послужило чешское предание, о чем свидетельствует близко знавший Пушкина Плетнев. В примечании к повести Е. Гребенки „Мачиха и панночка“² он пишет: „Помещаемая здесь статья напоминает читателям прелестную сказку Пушкина: О мертвой царевне. Он ее заимствовал из чешских преданий“. Других указаний об этом нет. Проф. Бонди склонен считать, что мнение Плетнева ошибочно. Но даже если это так и сказка не связана с чешским преданием, то, все равно, Плетнев подтверждает существование у Пушкина каких-то материалов по чешской словесности (о том же говорят собственные имена в „Песне о Яныше“), которыми Пушкин пользовался и которые не дошли до нас. Предположить же, что год спустя после смерти Пушкина Плетнев все перепутал и говорил о том, чего вовсе не было, — трудно.

Как видно, Пушкин не стоял в стороне от общественной и культурной жизни чехов и словаков. Более того, он пользовался чешскими

¹ А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. Обзор истории славянских литератур, СПб., 1865, стр. 256.

² „Современник“, № 4, 1838, стр. 97.

и словацкими книгами, был знаком с чешским языком, обращался в своей творческой практике к чешской и словацкой народной словесности.

Может показаться несколько странным, что старинные чешские предания и народные словацкие песни используются Пушкиным для разрешения частных художественно-творческих задач при написании глубоко русских произведений (баллад, драм и даже сказок), а между тем такая взаимосвязь закономерна. Она показывает близость и родство народных художественных образов у славян, историческую общность славянских культур.

По определению Ленина, народное творчество отражает ожидания и чаяния народа. Пушкин стал выразителем лучших народных стремлений, он постоянно обращался к народному творчеству. В основе творчества Пушкина лежит русская народная поэзия, которую он так высоко ценил и глубоко любил. Это не мешало ему стремиться узнать и открыть все лучшее, что было создано словесностью братских славянских народов. Следует подчеркнуть, что Пушкин обратился к славянской народной словесности в то время, когда взгляды многих его современников устремлялись к германской, романской и англо-саксонской культурам. Нередко их внимание при этом привлекали произведения, по существу своему далекие от народа.

Интерес великого русского поэта к чехам и словакам — один из ярких фактов большой исторической дружбы народов России и Чехословакии.

Ю. С. Маслов

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО БОЛГАРСКОЙ ГРАММАТИКЕ

Грамматика болгарского языка д-ра Любомира Андрейчина — лучшая из появившихся до сих пор в печати грамматик этого языка¹. Книга рассчитана, как сказано в предисловии к болгарскому изданию, „на учителей болгарского языка, как и на более широкие круги болгарской интеллигенции“. Она охватывает, помимо краткого введения, разделы фонетики, морфологии и синтаксиса, причем в разделе морфологии, занимающем по объему наибольшее место, не только даются необходимые сведения об образовании грамматических форм и словообразовании, но подробно излагается значение и употребление рассматриваемых форм. Именно внимание автора к смысловой стороне грамматических фактов — в сочетании с тщательным учетом языковой формы — составляет большое достоинство книги. В большей своей части даваемые в книге правила и положения опираются на примеры, собранные из болгарской классической и современной художественной литературы, начиная от Л. Каравелова, Хр. Ботева и Ив. Вазова. Для иллюстрации отдельных положений привлекаются материалы фольклора, исторической и другой научной литературы, примеры, взятые из газет, и т. п. Лишь в редких случаях правила, формулируемые Андрейчиным, основываются на искусственных примерах, специально составленных самим автором. Важной положительной чертой книги является ее четкая ориентация на современный литературный язык, четкое разграничение литературного употребления и употребления нелитературного, диалектально окрашенного. Наконец, книга содержит много новых частных наблюдений особенно в разделах, посвященных глаголу, и в этом отношении также представляет значительный шаг вперед по сравнению с другими пособиями по болгарской грамматике.

В русском переводе все болгарские примеры снабжены ударениями, сопровождаются переводами, а понимание русским читателем отдельных болгарских слов, встречающихся в тексте книги, обеспечивается с помощью приложенного к ней словаря. Краткое предисловие

¹Д-р Любомир Д. Андрейчин. Основна българска граматика, София, 1944. — Книга переведена на русский язык В. В. Бородич и выпущена Издательством иностранной литературы в 1949 г.

академика Н. С. Державина правильно отмечает некоторые достоинства и недостатки предлагаемого труда, но, наряду с этим, содержит и такие положения, с которыми нельзя согласиться. В частности, непонятно замечание о том, что Андрейчин „при рассмотрении так называемых «звуковых законов», характеристике предикативности, в классификации имен и некоторых других вопросах“ расходится с Н. Я. Марром. Во-первых, необходимо сказать, что Н. Я. Марр вообще не высказывался, а во-вторых, Андрейчин „расходится“ с Н. Я. Марром не только по этим, но и по всем вообще вопросам, затронутым в книге, и, наконец, в третьих, факт подобного „расхождения“ с Марром и его „учениками“ можно, разумеется, расценивать лишь как положительный факт.

Переходя к рассмотрению недостатков книги Андрейчина, отметим, прежде всего, что серьезные замечания вызывает раздел фонетики. Видимо из боязни затруднить изложение, автор совсем не пользуется понятиями фонемы и оттенков фонемы, не пытается подойти с фонологической точки зрения к фактам болгарского языка. На деле, однако, отсутствие фонологического подхода не облегчает, а наоборот, излишне запутывает изложение и отрицательно сказывается на трактовке ряда вопросов. Так прежде всего не получает никакого определенного решения вопрос о составе звуков болгарского языка. Из § 15, 19, 27 читатель узнает, что в болгарском языке имеется всего 28 „основных звуков“, в том числе 22 согласных (б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, дж, дз) и 6 гласных (а, е, и, о, у, ъ); в § 65 это подтверждается, но тут же говорится, что „к этим основным звукам следует прибавить 17 мягких согласных“ (т. е. бь, вь и т. д.); в таблице звуков (§ 34) ко всем указанным 45 звукам прибавляется еще звук ѱ, правда с пометкой „диал.“, а в § 16, где дается фонетическая транскрипция, вводятся обозначения еще для двух звуков ѱ̄ и ѱ̇. Можно было бы подумать, что в терминологии Андрейчина „основной звук“ равен фонеме, и что все остальное — оттенки фонем. Однако это не так. Действительно, звуки ѱ̄ (заднеязычный носовой) и ѱ̇ (заднеязычный звонкий щелевой) встречаются в болгарском языке лишь в определенных фонетических условиях как комбинаторные оттенки фонем н и х. Но зато палатализованные согласные, также не попавшие в книгу Андрейчина в число „основных звуков“, никак нельзя считать оттенками фонем: они несут смыслообразительную функцию [ср. *бал* — бал или балл и *бял* — белый; *луд* — сумасшедший и *лют* — злой; *гол* — голый; *ьол* (произн. *г'ол*) — болото, топь и т. д.] и потому, бесспорно, являются отдельными самостоятельными фонемами¹. Непонятным для читателя остается самый критерий, с помощью которого „основные звуки“ отделяются от „неосновных“. Уж не является ли таким критерием буквенное обозначение звука? Такое подозрение тем более оправдано, что местами изложение у Андрейчина явно сбивается со „звуковой“ точки зрения на „буквенную“. Ср., например, такие формулировки автора, как „практически в болгарском языке различаются мягкие гласные е, и, я, ю и твердые а, о, у, ъ“ (§ 29), „мягкость

¹ То, что палатализованные согласные не встречаются в определенных положениях (а именно на конце слова и перед другим согласным), конечно, не превращает их в оттенки фонем, так же как и звонкие согласные ни в русском, ни в болгарском языке не перестают быть фонемами от того, что они не встречаются на конце слова.

согласных в болгарском литературном языке сохранилась перед гласными я ('а или 'ъ), ю ('у), ъо ('о)' (§ 53) и т. п. Не говорю уж о противоречии этих формулировок приведенному выше положению Андрейчина о наличии в болгарском языке всего шести гласных звуков.

Отсутствие фонологического подхода отрицательно отразилось и на трактовке вопроса о редукции неударных гласных. В § 56 редукция решительно осуждается автором как явление диалектальное, хотя автор тут же признает, что встречается редукция весьма часто и „практически не может быть полностью устранена“ (кстати последние слова почему-то опущены в русском переводе). Повидимому, действительное различие между литературным и диалектальным (восточноболгарским) произношением в этом вопросе заключается лишь в степени редукции, которая в современном литературном произношении несколько слабее, чем во многих восточных говорах. Если бы Андрейчин пользовался понятиями и терминами фонологии, он, вероятно, отметил бы, что в литературном произношении в неударном слоге гласные фонемы бывают представлены своими более закрытыми оттенками — более закрытым о, более закрытым е и т. д. (точнее — разными оттенками в разных типах неударных слогов), тогда как в восточноболгарском диалектальном произношении дело доходит здесь до замены одной фонемы другой, т. е. возникают фонетические чередования фонем о (в ударном слоге) — у (в неударном слоге), соответственно е — и, а — ъ.

Ряд критических замечаний можно было бы сделать по поводу анатомофизиологической классификации, таблицы звуков и по поводу описания отдельных звуков болгарского языка. Так, например, неясно, почему отсутствует понятие аффрикаты, и целая важная группа звуков (ц, дз, ч, дж) никак не отграничивается в своей специфике.

Неясным остается далее и вопрос о характере согласного звука перед е и и. Если перед гласными заднего ряда встречаются, как мы видели, и палатализованные и непалатализованные согласные (ср. приведенные выше пары слов), то в положении перед е и и противопоставление одних другим отсутствует. Однако на вопрос о том, имеем ли мы в этом положении в литературном произношении палатализованные или соответствующие твердые, книга Андрейчина дает двойственный, противоречивый ответ. С одной стороны, говорится о смягчении перед е и и только трех заднеязычных согласных (§ 53, ср. также образец транскрипции в § 16), а с другой, — рекомендуется для литературного произношения производить смягчение всех вообще согласных, как это имеет место в восточных говорах (тот же § 53). Вероятно, при фонологическом подходе здесь следовало бы говорить о смягченных оттенках твердых согласных фонем.

Наконец, среди фонетических чередований болгарского языка, перечисляемых автором, отсутствует важное живое чередование палатализованного согласного (перед гласным) с непалатализованным на конце слова и перед согласным, например, *конят* — *кон* (в транскрипции *кѡн'ѣт* — *кон*) — лошадь; *моля* — прошу; *молба* — просьба, мольба, и т. п.

Главы морфологии и синтаксиса разработаны у Андрейчина значительно лучше, чем фонетика. Однако и в этих главах есть недостатки и спорные положения, на которых необходимо остановиться. Вводные параграфы к разделу морфологии нуждались бы в некотором расширении и теоретическом углублении. В частности, неясным остается

вопрос о разграничении понятий окончания и суффикса (ср. разноречивые указания в § 90), чрезвычайно кратки и частично неполны определения частей речи (§ 81), замечания о самостоятельных и служебных словах (§ 82); более детального рассмотрения с точки зрения теории морфологии заслуживали бы „сложные грамматические формы“, которые играют важную роль в строе болгарского языка, но о которых лишь вскользь упоминается в § 95.

В дальнейшем, при рассмотрении отдельных частей речи, не обращено должного внимания на внутренние грамматические подразделения внутри каждой части речи, т. е. на отдельные типы существительных, прилагательных, глаголов и т. п., выделяемые с точки зрения присущих им особенностей грамматического употребления. Так, внутри имен существительных автор, правда, выделяет нарицательные и собственные имена с конкретным и отвлеченным значением, одушевленные и неодушевленные (§ 97—99), но эта группировка, во-первых, далеко не полна (не выделены, например, имена единичных предметов в противоположность собирательным и названиям масс, отдельные типы отглагольных существительных — названия действия, действующего лица, результата действия и т. д.)¹; во вторых, она не сопровождается указаниями на различия в грамматических свойствах этих существительных и потому остается чисто „семантической“ группировкой (например, не указывается на невозможность образования форм множественного числа от большинства отвлеченных существительных, от собирательных и названий масс и т. п.). Что же касается деления на одушевленные и неодушевленные существительные, то автор даже прямо заявляет, что это деление будто бы „не имеет особого значения для современного языка“ (§ 99). Между тем это, конечно, не совсем так. Ведь личные существительные все же образуют некоторые флективные падежные формы вроде *Ивана, Стояна, дядя* [ср., например, в рассказе современной писательницы В. Геновской „Утро“: *няма да тревожим бай Стояна за заем* — не будем тревожить Стояна просьбой о займе (в речи крестьянки)], также *Ивану, майци* (эти последние формы встречаются, впрочем, реже). Неличные существительные не имеют подобных форм, если не считать некоторых окаменелых выражений наречного типа². Я уж не говорю здесь о важных синтаксических различиях между одним и другим типом существительных (способность выступать в качестве косвенного объекта — адресата действия, в качестве подлежащего при некоторых глаголах и т. д.).

Неудовлетворенным оставляют читателя параграфы, посвященные употреблению членных форм. Во-первых, правило употребления так называемого полного и краткого члена при существительных муж. р. (§ 162) следовало бы сформулировать менее категорично, так как в болгарском языке весьма нередки случаи нарушения этого (довольно искусственного) правила, особенно — употребление краткой формы члена в „именительном падеже“ (например, у Елина-Пелина и у многих

¹ О некоторых из этих групп говорится лишь в параграфах, посвященных словообразованию существительных.

² Это различие в склонении личных и неличных существительных доказывается и фактами диалектальной речи. Как известно, в некоторых болгарских диалектах личные существительные женского рода (основы на -а) различают именительный падеж (*жидá, систрá*) и косвенный падеж (*жидѓ, систрѓ*), тогда как неличные существительные имеют во всех случаях одно окончание -ѓ (*удѓ* — вода).

современных писателей). Самый же главный недостаток всего этого раздела заключается в том, что автор, по сути, не вскрыл закономерностей, определяющих употребление членных и нечленных форм, а дал лишь некоторое собрание замечаний о случаях отсутствия члена при нарицательных существительных и его присутствия при именах собственных¹. Неясной осталась прежде всего принципиальная смысловая грань, отделяющая определенный член от того указательного местоимения, из которого он произошел. В болгарской грамматической литературе высказывалось мнение, что болгарский член не может употребляться при существительном обобщающей функции, что он, подобно указательному местоимению, только индивидуализирует понятие, и что потому в предложениях типа „человек — разумное существо“ при существительном „человек“ член неуместен². Повидимому, в такой категорической формулировке это мнение неправильно и легко опровергается фактами (ср., например, у Вазова в рассказе „Митрофан и Дормидолски“: *Човекът е грешен*), однако какие-то ограничения в отношении „обобщающего“ употребления члена все же, повидимому, имеются (так, рядом в том же рассказе Вазова без члена *Човек сѐ греши* — человек все же ошибается). Несмотря на то, что этот вопрос был уже поднят в грамматической литературе, книга Андрейчина не пытается так или иначе ответить на него, вообще проходит мимо этого вопроса.

Следуя традиции, установившейся в болгарской грамматике, Андрейчин полностью отрицает существование неопределенного члена в болгарском языке, считая, что случаи, когда нечто подобное все же встречается, являются плодом иноземного влияния (см. примечание к § 160 болгарского издания; в русском переводе это примечание вообще опущено). Между тем этот вопрос вовсе не так ясен: употребление слов *един, една, едно* в функции неопределенного члена встречается у хороших стилистов и в бытовой речи. В классической болгарской литературе это употребление, в частности, широко представлено у такого крупнейшего писателя, как Иван Вазов. Ср., например: *един вълк никога не се решава да умре от глад пред едно стадо овци* (Под игото, III, II) — волк никогда не решится умереть с голоду, имея перед собой стадо овец; ... *той прегледа всичко с вниманието на един пруски митар* (Неотдавна) — он просмотрел все с вниманием прусского таможенного чиновника; *Един топъл и задушлив въздух... пълнеше това подземие* (Немили — недраги) — теплый и душный воздух... наполнял это подземелье. Ср. также у Елина-Пелина: *Бай Доверчинов... тръгна все така нервен и възбуден, без да ми каже едно довиждане* (Отечествен празник) — Бай Доверчинов... ушел, все такой же нервный и возбужденный, не сказав мне до свиданья. В литературе самого последнего времени, например, у Караславова: *Това ще бъде един образец ръководен център* (Проходът на младежта) — это будет образцовый руководящий центр, и т. д.

Раздел, посвященный глаголу, является в целом наиболее удачным в книге. Автор специально занимался глаголом (см. его монографию

¹ Не вхожу здесь в рассмотрение вопроса, насколько верны все частные правила, приводимые Андрейчиным в этих параграфах (§ 167—170). Отмечу лишь, что А. Теодоров-Балан в своей работе „Състояние на българската граматика“ (София, 1947) довольно едко возражал против некоторых из них.

² Ср. например, П. С. Калканджиев. Българска граматика, 2-е изд., Пловдив — София, 1938, стр. 416.

Kategorie znaczeniowe konjugacji bułgarskiej, Kraków, 1938), собрал большой материал и сделал много ценных наблюдений, касающихся значения и употребления глагольных форм.

Л. Андрейчин сделал значительный шаг вперед в трактовке категории вида (§ 217) и в определении наиболее общего значения совершенного вида как вида „синтетического“ (целостный взгляд на действие) и несовершенного вида как вида „аналитического“ (отсутствие целостности действия). В этих определениях автор сближается с такими русскими учеными, как Л. Размусен и Э. Черный (хотя они и не пользовались такой терминологией). Однако приходится сожалеть, что автор не рассматривает тех частных значений внутри совершенного и несовершенного вида, которые возникают в известных случаях употребления глагольных форм, а также вовсе не затрагивает вопроса о дефективных в отношении вида, непарных глаголах, т. е. глаголах, не имеющих лексически точных двойников противоположного вида. В болгарском языке к числу таких двойников принадлежат, например, глаголы несовершенного вида *съм, стоя*¹, *лежа, вися, седя, присъствувам, учителствувам* и т. п., некоторые глаголы совершенного вида вроде *заразотивам се* — начать расходиться. Говоря, например, о категории числа имен существительных, ни одна грамматика не может пройти мимо упоминания о существительных, непарных в отношении числа, т. е. о так называемых *singularia* и *pluralia tantum*. Почему же, говоря о виде глагола, мы очень часто поступаем иначе в отношении глаголов, непарных по виду (*perfectiva* и *imperfectiva tantum*)? Только потому, что вид традиционно считается словообразовательной, а не словоизменительной категорией? Думается, что это основание недостаточно, тем более, что как раз совершенный и несовершенный вид представляет собой в некоторых отношениях категорию не столько словообразовательную, сколько именно словоизменительную.

Неудачной представляется нам теория независимости вида от времени и времени от вида, которой придерживается автор (см. § 221, 236, 250—251, 256—257). Факты всех славянских языков, в том числе и болгарского, говорят о теснейшей связи, существующей между видом и временем, о наличии в языке своего рода „синкретических“ по своему содержанию морфологических категорий, объединяющих в одной форме видовое и временное значение. Здесь имеются в виду общеславянские аорист и имперфект, традиционно относимые к „временам“, а на деле представляющие собой именно такую сложную по своему значению видо-временную категорию. Трактую аорист и имперфект, как формы чисто временные, Андрейчин вступает в противоречие с фактами. Во-первых, несколько одностороннюю трактовку получает в книге аорист глаголов несовершенного вида (§ 250—251). Во-вторых, что касается имперфекта, то эта форма рассматривается им исключительно как „относительное время“, выражающее одновременность одного прошедшего действия другому. Вследствие этого за бортом остаются довольно многочисленные в языке случаи „абсолютного“ употребления имперфекта, его использования вне соотнесенности с каким бы то ни было

¹ Глаголы вроде *постоя, полежа* и т. п. (соответствуют русск. „постоять“, „полежать“) не составляют, как и все глаголы со значением охвата длительности“, чистых видовых пар с простыми *стоя, лежа*, поскольку приставка несколько видоизменяет здесь и лексическое значение глагола.

другим прошедшим действием. Ср. у Вазова: — *Рада! Тебе търсех, каза слепецът (Под игото, III, X)* — Рада! Я тебя искал, — сказал слепой; *Първото питане на Бойча беше: — Какво куче лаеше?* (там же, III, III) — Первый вопрос Бойча был: — Что за собака лаяла?; у Елина-Пелина: — *Днес не вървеше* — Сегодня дело не шло; ср. также известное выражение *беше и няма го* — был и нет его, т. е. исчез как не бывало. Ясно, что во всех подобных случаях нет места значению „одновременности в прошедшем“. Имперфект выступает здесь как „абсолютное“ прошедшее время, иногда — в прямом противопоставлении настоящему (*беше — няма*), выступает с отчетливым видовым оттенком, обусловленным как видом глагола, так и значением самой формы.

Положительным моментом является то, что автор ставит вопрос о модальном употреблении временных форм (например, в § 262, 269, 275, 276, 335), однако больше внимания следовало уделить модальному употреблению имперфекта и прошедшего предварительного. В § 334 говорится об употреблении этих двух времен в условных предложениях, но правило употребления формулируется односторонне, только применительно к условным предложениям, „относящимся к прошедшему“. Между тем следовало указать, что такое же употребление имперфекта широко встречается вообще, когда речь идет о нереальном условии, относящемся не только к прошедшему, но и к настоящему времени, ср. у Йовкова: *Ако можеха да говорят* — если б они (имеются в виду животные) могли говорить (не в прошлом, а вообще, в частности, и теперь и т. д.); у Кр. Григорова, в рассказе „*Сеитба*“: *Па барем да бяхме го оженили, да имаше чужди човек в къщата ни, да не можем да се погодим със снахата, иди-дойди, а то накъде сме тръгнали* — Вот разве если бы мы его поженили и был бы в доме (конечно, — сейчас, а не в прошлом) чужой человек, так что мы не могли бы поладить со снохой, ну, еще туда-сюда, а то что ж это мы затеяли! (Слова матери, возражающей против намерения отца выделить неженатого сына).

В противоположность академику Н. С. Державину (см. предисловие к книге), который считает „существенным недостатком“ грамматики Андрейчина развиваемую им теорию так называемых „пересказывательных глагольных форм“, мы полагаем, что страницы, посвященные анализу этих форм, принадлежат к числу наиболее интересных в книге. Вслед за Ю. Трифоновым (но гораздо полнее и убедительнее) Л. Андрейчин показал морфологическую самостоятельность „форм для пересказывания“, т. е. наличие в болгарском языке специальной серии форм для выражения действия, „не воспринятого лично говорящим“, действия, о котором говорящий знает лишь со слов других. При этом, как показывает собранный Андрейчиным материал, речь идет не только о сфере прошедшего времени, но и о сфере настоящего (и даже будущего). Конечно, многие вопросы, связанные с „пересказывательными формами“, нуждаются в дополнительной разработке и уточнении, в частности, и вопрос о количестве и номенклатуре времен и модальных разновидностей „пересказывательного наклонения“ (несмотря на возражения Андрейчина, считаю, что термин „наклонение“, примененный по отношению к этим формам Баланом, мог бы быть сохранен). Однако это большие и сложные вопросы, которые не могут быть подняты в рамках настоящей краткой статьи, а требуют специальной исследовательской работы.

В разделе „Синтаксис“ автор неправильно относит предложения с однородными сказуемыми в разряд сложных; среди придаточных предложений отсутствуют категории придаточных подлежащих и придаточных сказуемых. Эти особенности в построении синтаксиса типичны не только для одного Андрейчина, но они характерны для всех болгарских языковедов. Обращает на себя внимание некоторый схематизм в разграничении понятий прямого и косвенного дополнения (§ 543). Эти понятия соответственно оживляются автором с понятиями беспредложного и предложного дополнения, хотя ниже автор и признает, что косвенное дополнение может быть и беспредложным. Жаль, наконец, что такая своеобразная характерная особенность болгарского синтаксиса, как плеонастическое употребление кратких форм личного местоимения (совместно с полной формой или с существительным, обозначающим то же лицо, что и местоимение, например, *мене ми се струва* — мне кажется, *на Иван му се струва* — Ивану кажется; см. § 550) не получили более подробного и обстоятельного освещения в книге.

В заключение несколько слов о недостатках перевода. При подготовке русского издания следовало всесторонне учесть коренную демократическую реформу графики и орфографии, проведенную в Болгарии в феврале 1945 г., т. е. после выхода в свет болгарского издания книги. Изменения, внесенные реформой, требовали существенной переработки авторского текста, особенно в главе фонетики, в формулировках орфографических и орфоэпических указаний. Конечно, правила чтения, например, буквы **ѣ** или **ж** нельзя было просто вычеркнуть, так как человек, изучающий болгарский язык, должен уметь читать и книги, напечатанные по старой орфографии. Но эти правила, отражающие уже пройденный этап в развитии болгарского письма, надо было дать отдельно, может быть, даже в особом приложении, совершенно отделив их, во избежание недоразумений, от действующих ныне правил. К сожалению, подобная переработка текста не была проведена при подготовке русского издания. Переводчик ограничился тем, что привел написание примеров, данных у Андрейчина по старой орфографии, в соответствии с ныне действующими правилами и местами довольно механически подправил отдельные формулировки (например, изменил в них настоящее время на прошедшее, — вм. „ѣ произносится так-то“ — „ѣ произносилось так-то“). В результате таких механических исправлений изложение всего раздела стало нечетким, излишне затрудненным. Надо к тому же заметить, что даже чисто внешняя переделка текста произведена далеко не всюду. Так, в § 27 буква **ѣ** попадает в разряд гласных букв, хотя после реформы 1945 г. она уже нигде не применяется для обозначения гласного звука.

Недостаточный учет задач, поставленных орфографической реформой перед издателями русского перевода, проявляется и за рамками раздела о фонетике. Так, в главе, посвященной морфологии, в § 161 указывается, что член в форме **-ѣт (-а)** употребляется „для существительных, оканчивавшихся прежде на **-ѣ**“, а член в форме **-ят (-я)** — „для существительных, оканчивавшихся прежде на **-ѣ**“. Между тем русский читатель (да и болгарин после реформы 1945 г.) вовсе не обязан знать, где до реформы писался **ѣ**, а где **ѣ**. Значит, вместо этого ничего не дающего „правила“ следовало бы привести список существительных, которые присоединяют член в форме **-ят (-я)**, ибо их, за вычетом образований с суффиксами **-тел** и **-ар**, не так уж много.

В книге встречаются отдельные небрежности в переводе примеров и авторского текста, отдельные неточности, не оправданные пропуски и другие недосмотры. Например, в § 531 в болгарском тексте о соединениях вспомогательного глагола со страдательным причастием говорится, что их „нужно рассматривать как сложное сказуемое, потому что было бы преувеличением считать эти формы каким-то особым страдательным спряжением глагола“. В русском же тексте читаем: „Нужно рассматривать как сложное сказуемое, являющееся аналитической формой“. Предпринятая переделка совершенно невразумительна и прямо противоречит смыслу авторского текста. В § 261 прошедшее время глагола (*вижда ли го?* — видел ли ты его?) почему-то переведено будущим („увидишь ли его?“), что искажает смысл всего правила. В § 597 в переводе грубо извращен смысл цитаты из известного стихотворения Хр. Ботева „Хаджи Димитър“ — слова подлинника: *Балканът пее хайдушка песен* переведены так: „Балканы поют разбойничью песню“. Таким образом, народные мстители — борцы против турецкого ига (болг. *хайдутин*), превращены переводчиком в разбойников. Конечно, слова *хайдутин*, *хайдутини* могут в соответствующем контексте обозначать „разбойник“, „разбойнический“, но, разумеется, не это значение имел в виду Хр. Ботев в своей поэме. В § 533, п. 2, в болгарском тексте говорится: „в неопределенно-личных предложениях сказуемое имеет форму 2-го лица ед. ч. или 3-го лица множ. ч.“, в русском же переводе слова „или 3-го лица множ. ч.“ пропущены, хотя примеры следуют на оба случая.

Вряд ли следует признать удачным то, что в главе об интонации (§ 587—589) графическое обозначение восходящей и нисходящей интонации с помощью наклонной линейки заменено постановкой полужирной буквы, не дающей представления о движении тона. К тому же в сноске (стр. 394) говорится, что полужирная буква указывает в приводимых примерах „вершину ударения“, что окончательно сбивает читателя, так как в ряде примеров полужирной буквой выделены как раз гласные неударных слогов.

Надо сказать, что все сделанные сейчас замечания не меняют основной положительной оценки книги. Грамматика Андрейчина представляет собой ценное пособие. Она уже хорошо оправдала себя на практике преподавания болгарского языка в Московском и Ленинградском университетах и должна быть безусловно рекомендована всем славистам и вообще языковедам с широкими грамматическими интересами, ибо хорошо знакомит читателя со строем болгарского языка, очень интересного и своеобразного по своей грамматической структуре.

П. ДОМБКОВСКИЙ

18 декабря 1950 г. во Львове на 74-м году жизни скончался один из виднейших польских историков-юристов член-корреспондент Польской Академии знаний, действительный член Чехословацкой Академии Наук и искусств, член-корреспондент Болгарской Академии Наук, доктор юридических наук проф. Пшемислав Домбковский. Вся научная преподавательская деятельность П. Домбковского была неразрывно связана со Львовом, с Львовским университетом.

Профессор Домбковский родился 23 февраля 1877 г. во Львове. В 1900 г. он окончил юридический факультет Львовского университета. На студенческой скамье П. Домбковский пишет свой первый научный труд „Zemsta, okup i pokora na Rusi Halickiej u wieku XV i w pierwszej połowie wieku XVI“, опубликованный в 1897 г. в „Przeglądzie prawa i administracji“.

Годы между окончанием университета и вступлением П. Домбковского в должность ординарного профессора (1916 г.) ознаменованы выходом ряда его работ как по истории польского права, так и по истории права других стран Европы. Самой крупной работой профессора Домбковского была двухтомная монография „Prawo prywatne polskie“, изданная в 1910—1911 гг.

В 1899—1908 гг. П. Домбковский совершил ряд научных поездок для работы в польских и заграничных архивах и библиотеках. С большой теплотой описывал он в своих воспоминаниях, изданных в 1929 г., Москву, которую он посетил в 1902 г. для работы в бывшем Главном архиве Министерства Иностранных дел.

Еще будучи студентом университета и работая под руководством выдающегося историка польского права Освальда Бальцера, П. Домбковский начал свою работу во Львовском архиве актов гродских и земских. Дальнейшие двадцать лет жизни ученого (до 1916 г.) были отданы тяжелому труду в архиве. И в дальнейшем, будучи уже профессором университета, покойный сохранял всегда теснейшую связь с архивом, материалы которого легли в основу многих его исследований. В 1937 г. им были изданы две большие работы, плод многолетней кропотливой архивной работы — „Księgi sądowe lwowskie“ и „Katalog dawnych aktów sądowych polskich województwa ruskiego i bełzkiego“.

В 1910 г. П. Домбковский был приглашен во Львовский университет. С 1919 г. он занимал кафедру старого польского частного права. Наряду с большой педагогической работой покойный продолжал

вести большую научную работу в области истории польского права, а также в области социально-экономической истории западно-украинских земель XV—XVI вв. Общее число научных работ покойного приближалось к тремстам. Одновременно он являлся редактором важнейших польских повременных изданий по истории права— „Pamiętnik historyczno-prawny“ (выходил с 1925 г.) и „Przewodnik historyczno-prawny“ (с 1930 г.). Активно участвовал он и в работе Львовского научного общества, являясь одним из его руководителей и редактором издававшегося с 1921 г. органа общества „Sprawozdania towarzystwa naukowego we Lwowie“.

После воссоединения Западной Украины с Советской Украиной П. Домбковский работает в Львовском Государственном университете им. И. Франко. Нападение фашистской Германии на СССР в 1941 г. на несколько лет прервало педагогическую деятельность покойного. Только после освобождения Львова Советской Армией он смог вернуться к своей любимой преподавательской деятельности, к своим научным занятиям. Одно время профессор Домбковский был деканом юридического факультета Львовского Государственного университета им. Франко и до конца своих дней заведывал кафедрой истории государства и права. Постоянно находясь в тесном научном контакте с советскими историками и историками-юристами Москвы, Ленинграда и Киева, П. Домбковский внимательно следил за развитием советской науки, стремился активно участвовать в ее жизни. Его занимали и новые темы. В последние годы он вел работу над историей сербского феодального права и над историей государства и права народно-демократической Чехословакии.

Профессор П. Домбковский, научное мировоззрение которого формировалось на рубеже XIX и XX вв., никогда не был историком-марксистом. В своей научной методологии он оставался ученым буржуазной польской историко-юридической школы, главными представителями которой были О. Бальцер и Ст. Кутшеба. В течение всего своего ученого пути профессор Домбковский следовал за своим учителем О. Бальцером в выборе тематики, в методологии исследования. Многочисленные работы покойного сохраняют, однако, большую ценность и в наше время благодаря обширному фактическому материалу, собранному в них. Плодотворная педагогическая деятельность покойного, постоянное и активное стремление помочь молодым ученым своими обширными знаниями сохраняют в сердцах советских и польских историков и историков-юристов чувство глубокого уважения к памяти покойного.

В. Королюк
И. Миллер

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	Стр.
<i>Л. Б. Валес.</i> Болгария в период борьбы за укрепление народно-демократического строя и восстановление народного хозяйства	5
<i>И. Н. Мельникова.</i> Установление диктатуры чешской империалистической буржуазии в Закарпатской Украине в 1919—1920 гг.	84
<i>Ю. А. Писарев.</i> Положение крестьянства в Сербо-хорвато-словенском государстве в 1918—1923 гг. и аграрная реформа 1919 г.	115
<i>В. Д. Королюк.</i> Речь Посполитая и подготовка Северной войны	190
В. И. Пичета . Феодалное поместье в XV—XVI вв. в великом княжестве Литовском	237
<i>Л. В. Рауэмовская.</i> Повинности крестьян в феодальной Польше (первая половина XIV в.)	263
<i>Ю. В. Бромлей.</i> Эволюция докапиталистической земельной ренты в Хорватии второй половины XV и XVI веков (опыт исследования хорватских урбариев)	284
<i>Н. И. Кравцов.</i> Повея Добри Чинтулова	307
<i>С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко.</i> Опыт классификации болгарских говоров СССР	327 ✓

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>Адам Ветуляни и Станислав Роман.</i> О времени перевода земских статута Казимира Великого и Владислава Ягелло на украинско-русский язык	347
<i>Л. С. Кишкин.</i> К вопросу о знакомстве А. С. Пушкина с культурой и общественной жизнью чехов и словаков	357
<i>Ю. С. Маслов.</i> Критические заметки по болгарской грамматике	364 ✓
П. Домбковский	373

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *В. И. Зуев*
Технический редактор *А. А. Неврева*
Переплет художника *Б. Б. Титова*

*

РИСО АН СССР № 4768. Т-07872 Издат. № 3210
Тип. заказ № 172. Подп. к печ. 10/XI 1951 г.
Формат. бум. 70×108^{1/16} Печ. л. 32,19. Бум. листов 11,75.
Уч.-Издат. 31,75. Тираж 3000.
Цена в переплете 28 руб.

1-я типография Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9-я линия 12.

УЧЕННЫЕ
ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНО-
ВЕДЕНИЯ

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР
•
1951